

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2022

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2022

ISBN 978-985-589-025-7

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

ББК 67.0
УДК 340.1
П68

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

П68 Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] :
сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь,
учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних
дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. —
Могилев : Могилев. институт МВД, 2022. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). —
Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-025-7.

В сборник вошли научные статьи, представленные на V Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (20 мая 2022 года), организованную кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные направления развития теоретического юридического знания, проблемные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры, исторические аспекты правовой культуры белорусского общества.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Язык публикаций — русский и белорусский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Издание не требует установки на жесткий диск компьютера. При необходимости пользователи могут осуществлять с электронной книгой различные операции. Панель с доступными командами находится в нижней части экрана просмотра книги. Предусмотрен полноэкранный режим просмотра, печать страниц и возможность загрузки файла в pdf-формате непосредственно на жесткий диск. На диске расположены 2 файла издания в различных форматах — HTML и EXE.

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

Научное электронное текстовое издание

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор), заведующий кафедрой
правовых дисциплин Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника
Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Борисенко, проректор по научной работе
Могилевского института МВД, кандидат исторических наук, доцент;

А. А. Дыжова, профессор кафедры правовых
дисциплин Могилевского института МВД,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат экономических наук, доцент;

С. Н. Чайкин, преподаватель кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат исторических наук

Рецензенты:

заведующий кафедрой политологии и социологии
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова
кандидат социологических наук, доцент *С. Н. Лихачева*;

доцент кафедры гражданского права
Академии Полиции МВД Азербайджанской Республики
доктор философии по праву, доцент *Р. Ю. Мамедов*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox.

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz, Intel® Atom 1.6 GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8 или Windows 10.

Оперативная память: 512 Мб (1 GB рекомендуется для ноутбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83 GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии.

Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33 GHz, Intel Atom 1.6 GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше, openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *М. В. Жидкова*
Корректоры *Т. Ю. Лухтанова, Н. А. Родионова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 19.05.2022.
Тираж 10 экз. Объем 278 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 5.

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 340.111

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

И. Л. Вершок

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы функционального анализа в юридической доктрине. Делаются выводы об ограниченных возможностях данного метода и возможных эвристических ошибках при его применении.

Ключевые слова: функциональный анализ, функции права, функции государства.

Annotation. The problems of functional analysis in legal doctrine are considered. Conclusions are drawn about the limited possibilities of this method and possible heuristic errors in its application.

Keywords: functional analysis, functions of law, functions of the state.

В настоящее время наблюдается достаточно большой интерес к проблемам функциональной характеристики многих юридических явлений. Функциональный анализ осуществляется часто, причем его использование не зависит от уровня обобщения при проводимых исследованиях. В некоторых случаях имеет место простой функциональный анализ, в то время как ряд авторов используют структурно-функциональное его направление. В результате в юридической науке появляются концептуальные положения о функциях права, государства, а также выделяются функции юридического конфликта, правосознания, правовой культуры.

Указанный методологический подход фундирован на идеях философского позитивизма, заменившего понятие казуальности категорией «функциональная зависимость», а понятие причины — термином «совокупность условий» [1, с. 12]. Характерно, что в теоретико-правовых исследованиях функция обычно характеризуется как основное направление деятельности (или воздействия), обусловленное социальным назначением изучаемого предмета, в частности, государства или права. В иных случаях функция рассматривается как социальная роль, что можно понимать предельно широко [2, с. 24]. В таких определениях отсутствует конкретизация, в чем именно лице осуществляется

данное воздействие, деятельность или роль, например, при воспитательной или коммуникативной функции права, а также экономической или интегративной функции государства. Абстрактность такого функционального анализа делает исследование оторванным от практических реалий, что неприемлемо для любой отрасли научного знания, особенно юридической.

В некоторых случаях в правоведении функции характеризуются путем механического их перечисления, без соответствующей характеристики самой функции как основания для классификации. Это характерно, например, для функциональной характеристики правовой культуры, которая, как и правосознание, по мнению многих авторов, выполняет познавательную, регулятивную, оценочную (ценностную) функции [2, с. 24]. В результате справедливо возникает вопрос: как правосознание и правовая культура, будучи качественно различными проявлениями правовой действительности, могут выполнять абсолютно идентичные функции? Либо почему сам термин «функция» при анализе правового сознания и правовой культуры наполняется разным содержанием, что нарушает семантическое постоянство в науке? В этой связи примечательно, что И. А. Демидова, по-своему преодолевает указанную коллизию, обосновывая функциональную характеристику правовой культуры на уровне (1) общих функций, сопряженных с функциями культуры в целом, (2) специфических функций отдельных структурных элементов правовой культуры и (3) целевой функции системы правовой культуры [3, с. 181].

Если продолжать далее логику тех авторов, которые используют до сих пор функциональный анализ абстрактных категорий (государства, права и смежных философских понятий), появится возможность абсолютно все их внешние процессы проявления априори относить к функциям государства и права. Примером такого радикального функционального подхода является формулировка правотворческой функции правосознания или признания участия правосознания в формировании права [4, с. 5–8; 2, с. 26–27]. На самом деле в правотворческом процессе, как и в правообразовании, непосредственно функционируют сами субъекты, а не их правосознание. Аналогичным образом А. И. Абрамов рассматривает воспитательную функцию правосознания, но при этом признает, что такая классификация носит преимущественно интуитивный, ненаучный характер [2, с. 31]. Например, в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З (с изм. и доп. от 14 января 2022 г.), воспитание осуществляется в системе образования, и поэтому в значительную часть воспитательного процесса вовлечены субъекты образовательных отношений (особенно учреждения образования) в пределах их компетенции. Правосознание непосредственно не несет такого функционального предназначения, как воспитание.

Применение структурно-функционального анализа в доктрине права также обладает рядом изъянов. Существенным недостатком данного метода является то, что полученные на его основе выводы о структуре и функциях отдельных компонентов социально-правовой действительности невозможно подвергнуть повторной верификации в условиях, абсолютно идентичных первоначальным. Фактор, выявленный ранее в качестве причины, при повторном воспроизводстве может стать условием, воздействующим на изучаемый предмет при многих иных параметрах окружающей среды, и не обязательно снова станет причиной. Будучи механически имплементированным из естественно-научной отрасли в гуманитарную сферу, структурно-функциональный метод порождает ряд сложностей в использовании: «Функционализм на деле стремится к минимализму, стремится говорить то, что значит меньше, чем можно было бы подумать» [5, с. 49].

Попытка использовать структурно-функциональный подход к решению глобальных юридических проблем в качестве универсального связана с господствовавшим в классической науке «редукционистским мышлением», предполагающим для усовершенствования предмета исследования (не только органической, но и социальной природы) необходимость разобрать его на составные части [6, с. 16] и воздействовать на дефектную часть в целях оптимизации работы всей системы. Методологической неточностью в таких случаях является попытка огульного проведения функционального анализа, независимо от уровня исследовательского обобщения и без установки четких критериев классификации функций структуры. В результате определение структуры и функции осуществляется не для конкретных юридических феноменов, а в отношении неких абстрактных категорий, формируемых и используемых на философско-мировоззренческом уровне вне привязки к конкретным пространственно-временным параметрам. Происходит попытка решения философских проблем метавысокого уровня абстракции путем применения специальной научной методологии.

В этой связи обратим внимание на то, что в естественно-научных исследованиях, опирающихся на четкие причинно-следственные связи и неоднократно воспроизводимых опытным путем, функциональный анализ дает более объективный результат. Он направлен на решение конкретных прикладных проблем, а выявление прямой причинно-следственной связи имманентно связано с определением определенной функции. В результате полученные выводы о функциональных признаках феноменов как предмета естественно-научных отраслей науки обладают логикой и отвечают эмпирическим выводам, сформированным как на уровне индукции, так и в дедуктивных направлениях размышлений. Например, системы органов животных (пищеварительная, дыхательная,

кровеносная) объединяют в себе несколько частей организма, выполняющих схожие функции. И наоборот, отдельные части организма, выполняя определенную функцию, взаимодействуют со схожими органами, выполняющими аналогичную функцию. Данное взаимодействие обеспечивает выполнение организмом всех его жизненных функций. Следует отметить, что данный исследовательский подход стал основой для структурно-функциональной характеристики явлений, объективно существующих в природе и техногенной среде, а впоследствии был перенесен в юридические дисциплины. Однако следует иметь в виду, что структурно-функциональный анализ не эффективен в отношении абстрактных категорий, к которым, например, относятся право и государство, без соответствующего уточнения, о каких действительных государственных или правовых феноменах идет речь, каковы пространственно-временные границы их проявления.

Лишь бытие государства и права как реальных феноменов, в отличие от соответствующих категорий, сконструированных в результате построения субъективной мировоззренческой концепции, может проявляться функционально. При этом исследователям нельзя смешивать философию с научно-содержательной сферой [7, с. 120]. Соответственно, вместо абстрактного права, структурно-функциональному анализу целесообразно подвергнуть реальные правовые феномены, например, правоотношение или правовую норму, привязываемые к определенным пространственно-временным границам (правовой системе, отрасли права). В свою очередь, структурно-функциональный анализ государства актуален в отношении конкретных феноменов аппарата государства, государственного органа.

Функциональный подход присутствует и в ряде иных отраслей. В области компьютерных технологий специалисты исходят из того, что функцию, которую можно высчитать с помощью одной специфической вычислительной архитектуры <программного обеспечения>, можно также высчитать (возможно, куда менее эффективно) с помощью иной архитектуры [5, с. 50]. Имплементация данного вывода в юридическую область дает основания предположить, что реально существующая функция может быть объективно установлена только на основании изучения практики, причем с разных параметров, ракурсов и углов зрения (междисциплинарные исследования функции предмета), а также оценки ее приоритетности по сравнению с другими направлениями деятельности. Иными словами, реальность функции изучаемого феномена необходимо подвергать верификации на предмет того, насколько она является действительно функцией, связанной с сущностным его проявлением, а не простым направлением деятельности. Связь структуры со своими функциями фундаментальна, поскольку структура полностью лишиться своей родовой функции не может.

Исчезновение одной из функций привело бы к исчезновению самой структуры [8, с. 16]. На основе указанного методологического принципа становится актуальным вопрос, насколько регулятивная функция права является одинаково приоритетной как для отрасли гражданского, так и для уголовного законодательства, в то время как в общей теории права общепризнано, что за регулятивной функцией права закреплён огульный и универсальный приоритет перед охранительной.

С применением принципов функционального подхода в области компьютерных технологий возникает вопрос, насколько однородна во всех отраслях интегративная функция, в настоящее время признаваемая для права в качестве важнейшей или основной. Полагаем, что нормы конституционного права связаны с ней в большей степени. В свою очередь, нормы уголовного права не могут в аналогичной мере осуществлять социальную интеграцию как минимум из-за реализации принципа индивидуализации ответственности.

Структурно-функциональный подход актуализирует ещё одну проблему, не затрагиваемую современной юридической доктриной: какова величина полезности при обмене энергией при выполнении конкретной функции, и какая доля приходится на диссипированную энергию (ту, которая утрачивается необратимо). Проблема функционального анализа влечёт за собой новый уровень правовых исследований, связанных с оценкой эффективности юридических феноменов и с выявлением, насколько функция направлена на создание и реализацию сложных стратегий за счёт объединения нескольких простых действий. При этом обратим внимание, что теория системного анализа исходит из принципа экзогенности, проявляющегося через аксиоматизацию примата внешних детерминант над внутренними показателями. В этой связи методологически правильнее не изучать эффективность права или государства в целом, а оценивать эффективность конкретной правовой нормы (действующей в настоящее время или уже отменённой), а также правового регулирования в определенной сфере.

Так, доктринальное определение в регулятивной функции права статической и динамической составляющей распространено, в то время как экономическая функция государства до сих пор изучается огульно и не подвергается детальному анализу на предмет собственных подфункций, их корреляции со сложившимся опытом и созданием стратегий. Указанный доктринальный пробел требует своего восполнения новыми разработками, но не по огульным проблемам экономической функции государства, а по вопросам границ правового вмешательства в экономические отношения и определения методов правового регулирования. Общее рассмотрение экономической функции в отношении абстрактного термина «государство» исключает познание его элементов,

отражающих реальность государства как феномена [7, с. 119], и переносит исследование в ранг мировоззренческой концепции.

Соглашаясь с наличием определенного эвристического потенциала структурно-функционального анализа прикладных юридических проблем для выявления и изучения сложившихся функциональных связей как внутри структуры изучаемого феномена, так и вне ее, отметим важность эмпирического подтверждения и верификации получаемых результатов.

-
1. Калужский М. Л. Общая теория систем. М. : Директ-Медиа, 2013. 177 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Абрамов А. И. Функции правосознания и их взаимосвязь с функциями права // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. 2006. № 5 (268). С. 23–35. [Вернуться к статье](#)
 3. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Короткова О. И. Правосознание, его правореализация и роль в правотворческом процессе // Гос. власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 5–8. [Вернуться к статье](#)
 5. Деннет Д. Сладкие грезы. Чем философия мешает науке о сознании ; пер. с англ. А. Н. Коваля ; под ред. М. О. Кедровой. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2017. 304 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Сапольски Р. Гены, наше тело, общество ; пер. А. Петровой. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 280 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Матарас В. Н. Предмет и объект в теории государства // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Эконом. и юрид. науки. 2017. № 5. С. 119–122. [Вернуться к статье](#)
 8. Крет О. В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2007. 18 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА ИНСТИТУТА
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ****А. И. Глинда**

Инспекция Министерства по налогам и сборам
Республики Беларусь по Гродненской области,
заместитель начальника юридического отдела
e-mail: slyann@mail.ru

Аннотация. Принимая во внимание особенности сферы ответственности за правонарушение и необходимость особого правового регулирования применения привычных и альтернативных способов урегулирования конфликтов в ней, в статье акцентировано внимание на определение предмета и метода института юридической ответственности с учетом современных тенденций в понимании содержания норм об ответственности и активного внедрения медиации в указанные отношения. На основе понимания предмета и метода правового регулирования рассматривается характер внутренних системных связей института юридической ответственности.

Ключевые слова: институт юридической ответственности; предмет и метод правового регулирования, медиация, внутренние системные связи

Annotation. Taking into account the specifics of the sphere of responsibility for an offense and the need for special legal regulation of the use of habitual and alternative methods of conflict resolution in it, the article focuses on the definition of the subject and method of the institution of legal responsibility, based on the current trends in understanding the entity of the norms on responsibility and the active introduction of mediation in these relations. Based on the understanding of the subject and method of legal regulation, the nature of the internal system bonds of the institute of legal responsibility is considered.

Keywords: institute of legal responsibility; subject and method of legal regulation, mediation, internal system bonds.

Наличие самостоятельных предмета и метода присуще отраслям права и редко рассматривается по отношению к правовому институту. Вместе с тем институт юридической ответственности обладает спецификой, предопределенной его межотраслевым и междисциплинарным характером, что дает основания иметь объединяющие категории в виде предмета и метода правового регулирования. Через единые предмет и метод правового регулирования обеспечивается косвенная (или опосредованная) связь внутри института юридической ответственности.

Как отмечает Н. В. Цюрина, нет четких критериев формирования институтов в системе права в теории и практике. Применительно к институту юридической ответственности на надотраслевом уровне в качестве факторов,

определяющих его существование, следует иметь в виду совокупное наличие особого предмета, метода, способа правового регулирования и специфического набора принципов [1, с. 31].

Большинство авторов сходятся во мнении, что предмет правового регулирования института юридической ответственности составляют правовые отношения, возникающие из правонарушений [1–3].

Так, Р. Л. Хачатуров пусть с некоторым акцентом на теорию позитивной ответственности указывает, что в аспекте юридической ответственности под предметом правового регулирования понимаются общественные отношения, которые под воздействием норм юридической ответственности являются социально полезными, ответственными действиями или бездействиями, а при совершении правонарушения — противоправными действиями или бездействиями [4, с. 48].

Таким образом, институт юридической ответственности, в качестве системной совокупности норм, опосредован понятием правонарушения, на котором завязаны меры профилактики, противодействия и наказания.

Также и метод правового регулирования выступает средством внутренней взаимосвязи в институте юридической ответственности. В большинстве случаев речь идет об императивном методе. Следует согласиться с мнением о том, что метод правового регулирования предопределяется содержанием предмета правового регулирования [5, с. 63]. Обеспеченность принудительной силой государства, отношения власти и подчинения характеризуют любой вид юридической ответственности и связывают все эти виды в единую систему.

В данном случае метод обусловлен самой природой феномена юридической ответственности, поскольку правоотношения в данной сфере являются вертикальными, возникающими между, с одной стороны, государством, санкционирующим соответствующую меру государственного принуждения, и, с другой — субъектами правонарушения [1, с. 31].

Метод правового принуждения — основной и по праву главный метод любого вида юридической ответственности. Данным методом обеспечена любая деликтная норма, без его участия такие нормы были бы бесполезны. Вместе с тем системная связь внутренних элементов института юридической ответственности через метод является косвенной, поскольку отражает способ реализации взысканий за правонарушения, инструмент, с помощью которого достигается наступление правоотношения ответственности в каждом конкретном случае и угроза ее применения в нормативном состоянии спокойствия. Сам по себе метод принуждения не может такое правоотношение побудить.

При этом следует обратиться к тенденции последних лет по активному внедрению в национальные правовые системы процедур альтернативного

урегулирования конфликтов в различных правовых областях. Отношения ответственности не составляют исключение.

В связи с внедрением в сферу охранительных отношений медиации в методе института юридической ответственности усиливаются диспозитивные элементы. Медиация представляет собой способ разрешения конфликта, при котором стороны преодолевают конфликт путем проведения переговоров с участием нейтрального лица — медиатора [6].

Медиация применяется во многих зарубежных государствах для разрешения уголовно-правовых конфликтов. Модели медиации в зарубежных государствах различаются в зависимости от системы национального судопроизводства, однако ее повсеместное распространение в последние десятилетия свидетельствует об эффективности ее применения. Медиация зарождалась за рубежом в качестве способа разрешения уголовно-правового конфликта на основе экспериментальных программ, однако, в последнее время высказываются предложения о необходимости институционализации и нормативном закреплении медиации в отечественном уголовном процессе [7, с. 13].

Учение о медиации как правовосстановительной процедуре появилось в странах Европы и Америки в 70–80-х гг. прошлого столетия и за это время прошло путь от теоретического осмысления и обоснования до законодательного закрепления. В настоящее время она нашла свое место в уголовном процессе стран как с романо-германской, так и с англосаксонской правовой системой [8].

Белорусское национальное законодательство, которое развивается на фоне общемировых интеграционных процессов, не может игнорировать международные достижения правового регулирования в этом направлении [9]. Вместе с тем следует с осторожностью относиться к заимствованиям иностранных правовых институтов и прежде, чем они будут имплементированы в национальную правовую систему, следует основательно проанализировать инновации на предмет соответствия тем социальным координатам, в пределах которых развивается наша правовая система [10], и очертить допустимые пределы заимствования.

Закон Республики Беларусь «О медиации» был принят в 2013 году. Однако медиация не применялась при урегулировании споров, вытекающих из административных, налоговых и иных публичных правоотношений.

Попытки введения медиации в уголовный процесс были предприняты еще в 2014 году [8]. Однако только Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 года № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в статье 30-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь закреплено право обвиняемого и потерпевшего примириться, предусмотрены условия заключения медиативного соглашения. Следует при этом

отметить, что для гражданско-правовой ответственности диспозитивный метод не нов, в рамках Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь стороны и ранее имели возможность окончить дело мировым соглашением (статья 61 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, статья 63 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь), а также привлечь медиатора (статья 39-1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, статья 40-1 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь).

С точки зрения философского учения о связях единство предмета и метода внутри института юридической ответственности образует внутренние структурные связи, которые отражают его фундаментальное, исходное единство. Внешне, на уровне законодательства связь не очевидна, поскольку каждый нормативный правовой акт об ответственности содержит указание на свои цели, задачи и принципы, каждый институт указывает на свои объекты и способы охраны. Однако единая организующая идея, общее системное начало института юридической ответственности являются связующим звеном, через которое проходят «нити» от одного вида ответственности к другому.

Таким образом, институт юридической ответственности имеет самостоятельный предмет правового регулирования, составляющий правоотношения, возникающие из правонарушений. Метод правового регулирования характеризуется преобладанием мер императивного, государственно-принудительного характера. При этом наблюдается тенденция к расширению сферы применения медиации в отношениях, связанных с правонарушением, что способствует развитию диспозитивных начал в методе правового регулирования института юридической ответственности.

-
1. Цюрина Н. В. Юридическая ответственность как институт права // Сибир. юрид. вестн. 2013. № 1(60). С. 29–34. [Вернуться к статье](#)
 2. Носков С. А. Институт юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. 164 л. [Вернуться к статье](#)
 3. Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. 196 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Хачатуров Р. Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольят. гос. у-та. Сер. Юрид. науки. 2013. № 3 (14). С. 47–49. [Вернуться к статье](#)
 5. Сильченко Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избр. тр. Минск : Право и экономика, 2020. 200 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Завадская В., Плавинская Е., Радьков К. Медиация в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://dc.by/mediaciya-v-respublike-belarus/> (дата обращения: 20.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2012. 32 с. [Вернуться к статье](#)
8. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://bypravo.ru/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Каменков В. Новеллы в законах о медиации в Республике Беларусь и их польза [Электронный ресурс]. URL: <https://ilex.by/novelly-v-zakonah-o-mediatsii-v-respublike-belarus-i-ih-polza/> (дата обращения: 20.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал рос. права. 2016. № 6 (234). С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУСОВ КАК ФАКТОР ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ****И. А. Демидова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: demidova-irina00@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ментальных оснований правовой культуры белорусского общества. Дается характеристика сущностных свойств менталитета и ментальности. Обозначаются исторически сформированные ментальные черты белорусов. Представлены характеристики менталитета современных белорусов на основе социологических исследований.

Ключевые слова: правовая культура, менталитет, ментальность, ментальный срез правовой культуры.

Annotation. The paper is devoted to the study of mental bases of legal culture in Belarusian society. The author describes the essential features of mentality and mental slice of legal culture. The historically formed mental features of the Belarusians are outlined. The characteristics of the mentality of modern Belarusians on the basis of sociological research are presented.

Keywords: legal culture, mentality, mental slice of legal culture.

Рассмотрение проблематики менталитета и ментальности как фактора правовой культуры должно объяснить особенности правовой культуры белорусского общества. В данном аспекте предполагается: 1) определение сущностных свойств менталитета и ментальности; 2) обозначение исторически сформированных ментальных черт белорусов, характеризующих особое видение мира и отношение к окружающей реальности; 3) выделение ментальных характеристик современных белорусов, обуславливающих трансформацию их мировосприятия и мироощущений. Рассмотрим обозначенные позиции более подробно.

1. *Сущностные качества менталитета и ментальности.* В качестве базового тезиса принимается положение, что ментальное измерение общественного сознания служит объяснению специфики правовой культуры общества. В данной связи требуется определить содержание понятий «менталитет», «ментальность» с целью характеристики ментального среза правовой культуры.

Общая проблематика менталитета и ментальности была обозначена в процессе дискуссий на круглом столе, организованном в 1994 году журналом «Вопросы философии», что связано с их методологическим значением. Участники дискуссии пришли к мнению, что методологически понятия ментальности

и менталитета четко не разграничены и не определены, что затрудняет их использование в научном познании [1]. Установлено, что термин «менталитет» ввел в научный оборот этнолог Л. Леви-Брюль в своей книге «Первобытный менталитет» (1921), для обозначения специфики мышления племен. Впоследствии термин используется представителями школы «Анналов» («Новой исторической науки») для выражения коллективной черты представителей этноса [2]. Таким образом, изначально термин сформировался в исторической науке. В современных исследованиях менталитет рассматривается в широком диапазоне — начиная от психологических и заканчивая экономическими и правовыми его проекциями. Как следствие менталитет становится предметом широкого научного дискурса и тяготеет к его междисциплинарному пониманию [3, с. 67]. «Исследователи склоняются к мнению, что менталитет — это глубинный, труднофиксируемый источник мышления, идеологии и веры, нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, переходящее в сферу поведенческих конструкторов» [3, с. 68]. Менталитет рассматривается как область разума и эмоций, что обусловлено единством его рационального (понимание) и психологического (чувства и ощущения) в историческом восприятии этносом пространства и времени. Считается, что понятие «менталитет» интегрирует такие свойства этноса, как «дух народа», «национальная психология», что в совокупности определяет особый национальный характер. В основе данного подхода лежит этимология термина «менталитет» (от лат. *mens* или родительский падеж *mentis* — «душа, дух», (в более узком смысле — «ум») и суффикса прилагательного 'al') — склад ума, совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности [2]. Посредством категории «национальный характер» обозначается набор качеств, характеризующих особенности народа, которые находят проявление во всех сферах общественной жизни, в поведении, в быту. Значение национального менталитета обусловлено его системообразующими свойствами в развитии и функционировании культуры.

В свою очередь, понимание ментальности базируется на признании единства системы верований, ценностей и представлений в рамках определенной эпохи или социальной группы. Представитель школы «Анналов» («Новой исторической науки») Жак Ле Гофф предложил следующее авторское определение данного термина: «<...> ментальность любого исторического индивида, сколь бы значимым он ни был, представляет собой то общее, что этот индивид разделяет с другими людьми своего времени <...> история ментальностей существует на уровне повседневного автоматизма поведения. Ее объектом является то, что ускользает от исторических индивидов, поскольку открывает безличное

содержание их мышления» [4]. Ментальность как умственный и духовный строй народа представляет собой совокупность осознанных и неосознанных психологических установок и исторически сформированных предрасположенностей личности, различных социальных групп чувствовать, мыслить, воспринимать и постигать мир, а также действовать определенным образом. Таким образом, ментальность являет собой стабильную систему представлений, которая имеет неизбежно коллективный характер, устанавливает видения и суждения социальных агентов, помимо их собственного знания об этом, что обуславливает определенный исторический тип личности. Так, можно говорить о ментальности советского человека в исторической проекции.

Отмечается, что при анализе менталитета неизбежно должны учитываться историчность и изменчивость во времени, а также присутствие в обществе различных этнических групп со специфическими референциями менталитета, которые дополняются личностными особенностями и социальными различиями групп, а также идеологической лояльностью культур [5]. Данное положение определяется ментальными факторами цивилизации, общими для ряда народов и этносов. В научных исследованиях используются структурные и содержательные характеристики менталитета. Базовым элементом менталитета определяется любой психический элемент, который относится к уровню психологии народов. Общепсихологическая структура менталитета представляется посредством обозначения когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов (как осознаваемых, так и неосознаваемых). В качестве когнитивных элементов рассматриваются: мыслительные установки, типовые схемы, определенные динамические (временные) характеристики, специфика мышления и т. д. Поведенческий компонент характеризует оригинальный стереотип поведения этноса, который в историческом времени подвижен.

При выделении типовой структуры менталитета отмечается наличие ядерной и периферической систем. Составляющими ядерной систем менталитета устанавливается национальная идентичность (этническая самоидентификация личности, осознание принадлежности к нации), а также коллективная память, которая в определенном смысле идеологизирована, т. к. «записана» в памяти народа определенным способом. Возможна содержательная характеристика менталитета как «по горизонтали», т. е. на одном уровне, с учетом этнической культуры в качестве исходного базиса национальной культуры, так и «по вертикали» в контексте различий глобального, национального и локального менталитетов.

В целом при рассмотрении особенностей национального менталитета следует опираться на выводы члена-корреспондента Российской академии наук А. В. Юревича о значении понятия «менталитет», посредством которого

фиксируются уникальные природные, географические, экономические и другие условия формирования нации, что определяет особенности национального менталитета, о наличии в структуре менталитета стабильного ядра и изменчивых компонентов, о необходимости различения базового менталитета в соответствии с особенностями формирования этноса и частных типов менталитетов исходя из специфики функционирования различных социальных групп, о развитии менталитета под влиянием новых, прежде всего социальных, факторов [5].

2. *Менталитет белорусов в исторической проекции.* Общие ментальные характеристики белорусов могут рассматриваться прежде всего на уровне базового менталитета. В качестве факторов формирования этнонационального менталитета называются природно-климатические условия формирования этноса; геополитические условия, определяющие характер взаимодействия с другими этнонациональными культурами, социокультурные условия, формирующие ценностные ориентации, нормы и стандарты поведения, которые находят отражение в привычках, обрядах, типах хозяйственной жизни; психоэнергетические особенности типичных представителей этноса; характер и способы межэтнического и межконфессионального общения [6, с. 30–31]. Малоплодородный «кормящий ландшафт» сказался на формировании такой ментальной характеристики белорусов, как трудолюбие. Природно-родовые мироощущения восточных славян определяются отсутствием противопоставления природе, родовым единством, что связано с существованием пантеона богов во главе с Родом. В свою очередь, межэтническое взаимодействие с великорусским, малороссийским (украинским), балтским и с польским этносами формирует такие черты белорусов, как толерантность (настроенность на поиск компромисса), а также миролюбие. Этнический портрет белоруса, по мнению этнографа начала XX века Ф. Кудринского, составляют такие характеристики, как сильная религиозность (с большой склонностью к обрядности), любовь к родине (патриотизм), семейственность, природное добродушие, сердечность [7]. В совокупности они определяют национальный характер белорусов.

3. *Ментальные характеристики современных белорусов.* В представлении «ментального портрета» современного белоруса возможно использование схемы доминирующих, средне выраженных и слабо присутствующих характеристик белорусов в сравнении с представителями других этносов. В обосновании белорусского социолога В. В. Кириенко доминирующими характеристиками современных белорусов выступают трудолюбие, толерантность, коллективизм и др.; средне выраженными — патриотизм, уважение традиций и др.; слабо присутствующими — законопослушание, стремление к быстрым радикальным общественным изменениям, предприимчивость, расчетливость,

соревновательность и др. [6, с. 152–153]. При этом в качестве идеальных ментальных характеристик, с точки зрения белорусских респондентов, выступают в том числе уважение традиций, следование им (выбор 92,2 %), законопослушание (90,5 %), патриотизм (87,7 %), а также коллективизм (78,1 %), духовность (77,1 %), толерантность (76,1 %) [6, с. 153–154]. Представленные данные свидетельствуют, что современные белорусы осознают необходимость поливекторного изменения ментальных характеристик, что предполагает корректировку менталитета в разных направлениях посредством формирования соответствующих рационально-деятельностных, либеральных качеств, индивидуалистических качеств, а также закрепления традиционных, коллективистских. Данное обстоятельство обуславливает потребность сохранения базовых ментальных характеристик белорусов, а также восприятия положительных ментальных характеристик представителей других этносов, в том числе в политико-правовой сфере.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие теоретические выводы, которые находят подтверждение посредством социологических опросов. Менталитет выступает как онтологическая и социокультурная предпосылка исторического развития общества, его культуры, в том числе правовой, как элемент сохранения и передачи системы социального регулирования, ментальность — как характеристика исторического типа личности. Социальная роль менталитета заключается в коллективной памяти народа, реализуется в жизнедеятельности людей, что способствует адаптации человека к меняющейся действительности. По результатам опроса Института социологии Национальной академии наук Беларуси выбор предпочтений респондентов в ответах на вопрос о том, что, по их мнению, прежде всего объединяет народ Беларуси, 80,2 % от числа опрошенных выбрали вариант «обычаи, традиции», 74,3 % — «менталитет, черты характера», 74 % — «славянские корни» [8]. Рассмотрение правовой культуры сквозь призму категорий «менталитет» и «ментальность» позволяет учитывать влияние духовных и психологических детерминант на правовое развитие общества.

1. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53. [Вернуться к статье](#)

2. Менталитет [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Менталитет> (дата обращения: 07.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Китова Д. А., Китов А. А. Экономический менталитет как проблема психологического анализа: от теоретических положений к эмпирическим исследованиям [Электронный ресурс] // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4(20).

С. 67–95. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document863.pdf> (дата обращения: 06.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Шартъе Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение ; пер. с англ. Н. Мовниной. 2004. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/intellektualnaya-istoriya-i-istoriya-mentalnostej-dvojnaya-pereoczenka.html> (дата обращения: 10.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Юревич А. В. Структурные элементы национального менталитета [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.03.2022). [Вернуться к статье](#)

6. Кириенко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы : монография. Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 319 с. [Вернуться к статье](#)

7. Кудринский Ф. Белоруссы (Общий очерк) [Электронный ресурс] // Вилен. календарь на 1905 простой год. Вильна : Русский Почин, 1904. С. 116–128. URL: http://www.russianresources.lt/archive/Vilnius/Kudrin_21.html (дата обращения: 14.12.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Щёкин Н. Нельзя потерять свой код. От чего зависит национальный характер и как он влияет на судьбу страны // На страже. 2017. 15 сент. С. 7. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО
ПРАВОСОЗНАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ*****А. М. Дроздова**

Северо-Кавказский федеральный университет,
Юридический институт (Россия),
профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека
доктор юридических наук, профессор
e-mail: temp17@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена основным проблемам, связанным с формированием национального мировоззрения и правового сознания личности в информационном обществе в интересах устойчивого развития. Отдельно затронуты вопросы взаимосвязи воспитания правосознания (включая экологическое правосознание) и правовой культуры участников правоотношений в различных сферах государственной политики. Анализу подвергается понимание юридического мировоззрения во взаимоотношении с правовой культурой в процессе развития информационного общества и информатизации образования в любом вузе России.

Ключевые слова: правосознание, национальное правосознание, мировоззрение, культурные ценности, информационные технологии, образование, юридическое образование, цифровизация сферы образования, электронное обучение, реформирование образовательной среды.

Annotation. The article is devoted to the main problems associated with the formation of the national worldview and legal consciousness of the individual in the information society in the interests of sustainable development. Separately, the issues of the relationship between the education of legal consciousness (including environmental legal consciousness) and the legal culture of participants in legal relations in various spheres of state policy are touched upon. The analysis is subjected to the understanding of the legal worldview in relation to the legal culture in the process of development of the information society and informatization of education in any university in Russia.

Keywords: legal consciousness, national legal consciousness, worldview, cultural values, information technologies, education, legal education, digitalization of education, e-learning, reforming the educational environment.

В последнее время во всех сферах жизни общества активно происходят различного рода реформы, которые не оставили без внимания и сферу образования. Быстро нашелся и идейный вдохновитель, который разработал проект новой модели российского образования, им оказался глава Сбербанка России Герман Греф, который активно курирует, контролирует и обеспечивает

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00344 А).

реализацию проекта [1], руководствуясь лозунгом о том, что вся модель образования — *от детских садов до вузов* — должна быть изменена.

Нельзя не отметить тот факт, что реформаторы как-то забыли, что образование являлось и пока еще является *сферой человеческой деятельности*, которая *формирует интеллектуальный человеческий капитал*, потенциал государства и в конечном счете его национальную безопасность, которыми не следует пренебрегать и не учитывать в своей деятельности.

Понятно, что развитое информационное общество ставит перед государствами новые задачи в плане привлечения современных инфокоммуникационных технологий, основанных на компьютерных сетях, в систему образования всех уровней. Можно из этого извлекать определенную пользу, построить вспомогательную систему образования, способную обеспечить больший доступ к образованию тех, кто был лишен этой возможности, помочь обучающимся иметь доступ посредством образовательных платформ к культурным и образовательным центрам других вузов и стран. Можно периодически встречать и общаться на платформе международной конференции, форума; межгосударственное и межвузовское сотрудничество вполне возможно и полезно.

Однако проблемы появились в скором времени, т. к. в приказном порядке всем следовало перейти «на цифру», не проводя соответствующей подготовки и, как результат, повсеместно в школьном, да и порой в вузовском образовании, преподаватели не имели должного представления о моделях информационной культуры и формировании компьютерной грамотности учащихся и студентов, не везде преподавались информационные технологии, т. е. теоретическая подготовка отсутствует и у преподавателей, и у обучающихся. Все строилось интуитивно, на домашнем разноплановом оборудовании, и отсюда недостаточное качество применения технических средств обучения. И это все на фоне того, что правовому воспитанию, правовому образованию в новых условиях развития системы образования совсем не уделили внимание, позабыв о таких феноменах, как «формирование правосознания и правовой культуры личности».

Реформаторы также не обратили внимания и на тот факт, что в силу различного рода причин не все семьи имели соответствующее оборудование, технические и материальные возможности приобретения и установки компьютеров и программного обеспечения с последующим обслуживанием всей этой техники. Более того, в силу объективных причин для некоторых семей понадобился не один комплект оборудования, а несколько. Оборудование понадобилось сразу и всем членам семьи, т. к. и дети, и родители оказались перед необходимостью дистанционной работы. Более того, в некоторых населенных пунктах вообще отсутствовал Интернет и подключиться к нему можно было, найдя

соответственно место, где таковое возможно: на трассе, в поле, на горе, в другом поселке и т. д.

Все ранее озвученные проблемы появились в системе образования и поставили достаточно сложные задачи перед всей системой образования и особенно перед преподавателями и воспитателями высшей школы в связи с реализацией механизма формирования личности и ее правосознания, которую нам следовало исследовать.

Объективно нет и не может быть единого подхода в названной сфере исследований, что указывает на необходимость комплексного подхода к исследованиям, при том что комплексный анализ не заменит применение при необходимости специального, т. е. мы обращаем внимание на необходимость сочетания требований и комплексного, и специального социально философского исследования при условии приоритета последнего. При теоретическом исследовании сущностных сторон правосознания и мировоззрения авторы использовали такие исторические подходы, как формационный метод теоретического воззрения К. Маркса и цивилизационный подход, предложенный А. Тойнби.

В процессе исследования феномена правосознания среди обучающихся юридических вузов нами применялись различные известные методы и приемы научных теоретических и практических исследований, при том что подтверждение полученным результатам можно найти в работах И. А. Ильина, который впервые рассматривает, например, правосознание как целостное, конкретное понятие, а его концепция *«здорового правосознания»* напрямую определяет прочность и жизненность государства и его культуры [2, с. 307–314]. Разрабатывая концепцию *«здорового правосознания»*, И. А. Ильин понимал, что оно в определенной степени идеально, но при этом был уверен, что жизнеспособность и устойчивость государства определяются не чем иным, как уровнем народного правосознания, поскольку согласно его выводам духовное здоровье и сила правосознания являются основой государственной организации общества и элементом национальной духовной культуры. Он был уверен в том, что если правильно сформировать у личности чувство собственного духовного, то это повлечет за собой нравственно-духовный уровень общества в целом. Спросим себя: где сформировать? И отвечаем: вначале — в семье, потом — в школе, позже — в вузе и так всю жизнь. Исследуя содержательную сторону правосознания, обращаем внимание на оценочный характер в сфере определения качества действующих юридических предписаний, соотношении их с реальными общественными отношениями, личными интересами и ценностями индивида, с мировоззрением и уровнем нравственной правовой культуры. Индивид всегда пытается определить необходимость исполнения требований той или иной

нормы относительно своим нравственным представлениям, вырабатывая для себя механизм необходимости соблюдения требований юридических норм или несоблюдения действующего закона, что превращается в мотив выбранного для себя поведения. В связи с этим у И. А. Ильина мы читаем: «Правосознание есть своего рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей; отсюда и основные аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу» [2, с. 308].

Общеизвестно, что относительно сущности и характеристики различных правовых институтов социума именно *правосознание представлено совокупностью взглядов, представлений, убеждений, ожиданий и т. д., становясь при этом основой и главным элементом общественной жизни любого государства и общества, называясь и являясь при этом одной из форм общественного сознания, на которое оказывают влияние экономические, политические, культурные, религиозные и правовые факторы, под воздействием которых оно формируется и развивается, оказывая встречное воздействие на все указанные сферы*. Тесное взаимодействие правосознания с нравственностью, культурой, искусством, философией, религией, наукой и образованием, политикой и этнокультурой объективно и актуально для проведения настоящих исследований, в чем мы убеждаемся постоянно в ходе исследований.

Ведя дискуссию о правосознании, мы обычно вспоминаем правовую культуру и рассуждаем о юридическом мировоззрении, постоянно находя между данными понятиями сходства и различия, пытаемся определиться с понятиями для того, чтобы наши исследования и дискуссии были более продуктивными.

Правовая культура как часть общественной культуры, вероятно, по объему и смыслу понятия шире, рассматривается в широком и узком смысле слова. Относительно личности правовая культура указывает на уровень развития этой личности, уровень культуры и ментальности, на уровень социализации и поведения в социуме; относительно общества правовая культура отражает не только мировоззрение, уровень правового сознания, но и уровень законности, правопорядка, юридической практики и т. д. на основе созданной и действующей системы ценностей общества на данном этапе, к которой также неоднозначно относятся различные социальные группы населения. Одних интересуют материальные ценности и он сам, другие склонны пропагандировать право, правопорядок, правосознание, законность, уровень образования и мировоззрение, гражданскую идентичность и в меньшей степени материальную составляющую. Допустим, что для создания гармонии в названной сфере нельзя забывать

про систему отношений в сфере правовой жизни страны и взаимной ответственности личности и государства.

Исследуя такие категории, как мировоззрение и общественное сознание, приходим к заключению, что на фоне правовой культуры и в ее материи можно исследовать характеристики понятий «юридическое мировоззрение» и «юридическое сознание», поскольку наиважнейшим элементом правовой культуры, без сомнения, является правосознание, поскольку без правосознания личность существовать не может, роль которого в правовой и духовной жизни каждого индивида очень высока и значима.

Обратимся к исследованиям известного русского философа И. А. Ильина и отметим, что он, исследуя правосознание, считает: «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди» [2, с. 253]. Другой вопрос: знает ли это сам человек, ценит ли он это качество, дорожит ли им, при том что правосознание — объективная форма человеческой жизни? И. А. Ильин указывает на признаки здорового нормального правосознания, которыми должен обладать человек в обществе, которые нам всем следует воспитывать в себе и в окружающих. В этой связи необходимо отметить роль семьи, школы, образования, общественных структур, чиновников и правоохранителей.

Главная, сложная и длительная работа предстоит нам по формированию правильного, здорового, национального правосознания и правовой культуры современного образованного человека с учетом его профессиональной подготовки.

Когда мы говорим о негативном воздействии информатизации на личность, мы имеем в виду не только воздействие на правосознание. В сегодняшнем информационном обществе есть масса положительного и отрицательного, и очень хотелось бы, чтобы чиновники от образования создавали механизмы снижения негативного воздействия и использования положительного. Нельзя не сказать о том, что здоровое правовое сознание в свою очередь оказывает значительное воздействие на общественную жизнь, развитие социума, помогает социализации личности, объединяет нас в группы и позволяет нам всем общаться, что консолидирует и укрепляет государства.

Уважение к закону, понимание сущности правовых юридических норм, запретов и ограничений воспитывают в личности юридические ценности, определяют поведение каждого в социуме; воспитывают отношение личности к праву вообще и к его месту в обществе. Нельзя не согласиться с тем, что «общество, государство и отдельно взятый индивид должны вести обоюдную работу над формированием позитивного и высокоуровневого правосознания как отдельно взятого человека, так и общества в целом (это необходимо не только как

самоцель и не только в целях оптимизации правовой сферы общества, но и, учитывая ракурс нашего исследования, для оптимизации взаимодействия общества и индивидов с образовательной средой)» [3, с. 19].

В образовательных технологиях необходимо учитывать скорость изменения информации (знаний). Нельзя также забывать о преподавателях: уровень квалификации, владения востребованными знаниями преподавателей должен быть высоким. Хотелось бы иметь образовательные стандарты, актуальные и научно обоснованные, умные и гибкие, чтобы они соответствовали реальным потребностям общества в квалификации и специализации выпускников лицеев, колледжей и вузов в рамках непрерывного образовательного процесса, при условии, что Интернет как один из современных недорогих коммуникационных каналов предоставляет образовательным учреждениям уникальные возможности для создания принципиально новых услуг.

1. Образование 2030: упразднение школ, учителей, учебников и оценок [Электронный ресурс] // Официальный сайт движения «Народный Собор». URL: <https://narodsobor.ru/2020/07/08/obrazovanie-2030-uprazhdenie-shkol-uchitelej-uchebnikov-i-oczenok> (дата обращения: 13.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Ильин И. А. Родина и мы : сборник / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Смоленск : Посох, 1995. 512 с. [Вернуться к статье](#)

3. Legal consciousness as a factor promoting the achievement of educational objectives and the realization of the right to education by individuals and collectives [Electronic resource] / Tereshchenko E. A. [et al.] // Revista Tempos E Espaços Em Educação. № 13(32). P. 1–21. URL: <https://doi.org/10.20952/revtee.v13i32.14690> (date of access: 13.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347

О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПОВ ЧАСТНОГО ПРАВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Е. М. Ефременко

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: alena.efremenko@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ значения принципов частного права для формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Ключевые слова: правосознание, принципы гражданского права, ценностно-правовые ориентации.

Annotation. The analysis of the principles of civil law for the formation of legal consciousness of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Keywords: sense of justice, principles of civil law, legal value orientations.

Всестороннее и целостное формирование правосознания специалистов в области правоохранительной деятельности, выявление его специфических черт невозможны без всестороннего изучения роли принципов права как основополагающих идей, которые выражают его сущность, содержание, объективные закономерности становления и развития. Можно уверенно говорить, что эффективность правового регулирования общественных отношений определяется не только так называемыми типичными правовыми нормами, устанавливающими дозволения, обязывания и запреты для его участников, но и нормами-принципами, закрепляющими фундаментальные основы, направления развития и ценностные приоритеты существующей правовой системы. Право часто сравнивают с зеркалом, в котором отражается все общество, в связи с этим ценности права имеют значение не только для него самого, но и для всех остальных социальных регуляторов (нравственных, корпоративных и других).

В контексте формирования профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел при изучении принципов права, их места и значения в правовом регулировании общественных отношений, на наш взгляд, важно учитывать следующее:

1. В последние годы вновь активизировалась полемика о соотношении права и иных социальных регуляторов, в первую очередь нравственности и религии. В ее рамках отдельные авторы отмечают негативные последствия

современного широкого признания важности принципа верховенства права. В обоснование такого подхода предлагается следующая обобщенная аргументация: принцип верховенства права ведет к обесцениванию морали, нравственности, национальных традиций, к установлению формальных отношений между субъектами. Реализация принципа верховенства права — это путь правового идеализма. В сущности, этот принцип — аналог известного изречения «*Fiat justitia et pereat mundus*» («Да свершится правосудие, и да погибнет мир» или «Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир»). Категоричность данного суждения очевидна, однако с общим посылом следует согласиться: принципы права в целом и принцип верховенства права в частности нельзя абсолютизировать в сознании его носителей, важна их корреляция с другими исторически сложившимися нормативными социальными регуляторами, при этом особо следует отметить реализацию данного подхода в Конституции Республики Беларусь.

2. Нетипичные нормы права включены в содержание многих нормативных правовых актов, в том числе и в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1]. Это позволяет говорить о том, что нормы-принципы и нормы-декларации получают все большее распространение в отечественном законодательстве. Однако необходимо отметить, что отдельные заявленные в актах законодательства Республики Беларусь принципы правового регулирования по своей сущности и содержанию таковыми не являются. Фундаментальность таких основных начал вызывает обоснованные сомнения, что, в свою очередь, нивелирует их значение в осуществлении правового регулирования и ценность в сознании субъектов права. В связи с этим требуется разграничивать принципы права, его презумпции и правовые декларации. В качестве иллюстрирующего примера необоснованного отождествления норм-принципов и норм-деклараций можно привести ст. 3 Жилищного кодекса Республики Беларусь, в которой нашли нормативное закрепление следующие принципы жилищно-правового регулирования общественных отношений: обеспечения сохранности и развития государственного и частного жилищных фондов; содействия гражданам в приобретении жилых помещений; предоставления жилых помещений государственного жилищного фонда гражданам, нуждающимся в социальной защите; неприкосновенности жилых помещений; недопустимости произвольного лишения жилых помещений; судебной защиты жилищных прав граждан и организаций [2]. Представляется оправданным к основным началам, на которых базируется жилищное право (а не только жилищное законодательство), отнести принципы неприкосновенности жилых помещений; недопустимости произвольного лишения жилых помещений; судебной защиты жилищных прав граждан и организаций. В то же время обеспечение сохранности и развития

государственного и частного жилищных фондов; содействие гражданам в приобретении жилых помещений; предоставление жилых помещений государственного жилищного фонда гражданам, нуждающимся в социальной защите, по своему содержанию являются нормами-декларациями, определяющими приоритеты государственно-правового регулирования общественных отношений.

3. Немаловажной проблемой при формировании правосознания сотрудников органов внутренних дел выступает широко обсуждаемая сегодня целесообразность и оправданность усиления публичного интереса в сфере частного права. Представляется, что возрастание вмешательства государства в сферу гражданско-правовых, хозяйственно-правовых, семейно-правовых и других отношений происходит не только посредством мер государственного принуждения, но и через нормативное закрепление отдельных принципов права. Реализация публичного интереса в частном праве имеет ряд особенностей, что обусловлено, прежде всего, его принципами. С одной стороны, такие основные начала, как равенство участников гражданских отношений, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, требуют рассматривать государство в качестве равноправного субъекта и препятствуют его властному императивному вмешательству в частноправовую сферу. Однако при этом государство сохраняет за собой как контрольно-надзорную функцию, так и возможность создания «режима наибольшего благоприятствования» для отдельных участников гражданского оборота. Можно также утверждать, что принцип верховенства права в известной степени содействует расширению возможности реализации публичного интереса в частном праве. Логика такова: государством обеспечивается постепенная целенаправленная юридизация частноправовой сферы путем высокой степени нормативной регламентации поведения его субъектов, детализации и конкретизации правовых предписаний, что в значительной степени сужает автономию и свободу участников гражданского оборота, а в дальнейшем согласно принципу верховенства права их деятельность должна соответствовать правовым предписаниям.

Совершенствование белорусского законодательства, как может показаться на первый взгляд, происходит с доминированием частноправовой сферы: принимается значительное количество новых нормативных правовых актов в области гражданского, хозяйственного, семейного права, активно вносятся изменения и дополнения в уже существующие акты законодательства. Однако представляется, что современное нормотворчество осуществляется не по логике частноправового, а по логике публично-правового мышления, «абсолютизации публичности права». Иллюстрирующим примером могут служить изменения, происходящие в сфере договорного права: возрастание нормативно

обеспеченного ограничения свободы договора и увеличивающийся массив запретов на возможность их заключения (в антикоррупционных целях, для обеспечения общественных (государственных) интересов, национальной безопасности и т. д.), не всегда оправданное увеличение массива договоров присоединения, что порождает своего рода неравенство его сторон, возрастание устанавливаемых в нормативно-императивном порядке количества существенных условий в различных видах договоров и т. п. В связи с этим закономерно возникает вопрос о допустимых пределах проникновения публично-правового регулирования в область частного права (а они действительно объективно должны быть расширены в условиях информационного общества) и их ценности для субъектов правоохранительной деятельности.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 авг. 2012 г., № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «ПРЕЗУМПЦИЯ ЗНАНИЯ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПРЕЗУМПЦИЯ ЗНАНИЯ ЗАКОНА»

Д. А. Зубрик

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы (Беларусь),
преподаватель-стажер кафедры теории и истории государства и права
e-mail: dianazubrik@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы толкования термина «презумпция знания». Подвергается анализу природа и смысл данного юридического термина и его соотношение с юридической конструкцией «презумпция знания закона».

Ключевые слова: презумпция, юридическая конструкция, знание, правосознание, правовые теории.

Annotation. The issues of interpretation of the term «presumption of knowledge» are considered. The nature and essence of this legal definition and its correlation with the legal construction «the presumption of knowledge of law» are analyzed.

Keywords: presumption, legal construction, knowledge, legal awareness, legal theories.

С точки зрения доктринального аспекта презумпция знания закона рассматривается как предположение о том, что субъект обладает правовыми знаниями, пока не доказано иное. При этом если рассматривать указанную презумпцию с точки зрения ее составляющих, то здесь имеют место два термина — «презумпция знания» и «знание закона». Следует указать, что в данной научной статье рассматривается толкование термина «презумпция знания».

Конечно же, данный термин состоит из двух слов — «презумпция» и «знание». Поэтому необходимо рассмотреть толкование терминов с различных сторон.

Первый термин — «презумпция». В своей работе М. П. Пронина определяет, что с философской точки зрения презумпция является умозаключением, которое основано на эмпирических законах. Это объясняется тем, что условием существования презумпции является именно накопление материала, полученного в результате наблюдения [1, с. 394]. Необходимо указать, что презумпция формируется через повторение конкретных ситуаций и фактов. Причем не имеет значения, носят ли факты правовой характер. По нашему мнению, с философской точки зрения презумпцию знания следует рассматривать в контексте гуманитарного знания в целом, поскольку в широком понимании презумпции знания закладывается предположение о наличии обстоятельств, принимаемых за истинные, пока не будет доказано обратное.

Следует указать, что гуманитарное знание является составляющим гуманитарной науки. Необходимо отметить, что в гуманитарных науках большая роль отводится изучению существующего мира. Так как действие презумпции направлено на взаимодействие с конкретной системой ценностей [2, с. 56], то мы можем говорить о том, что для гуманитарной науки свойственно наличие различных презумпций. Из этого можно сделать вывод, что действие презумпции знания рассматривается в контексте гуманитарной науки.

Презумпция с точки зрения права рассматривается как закрепленное в законе или вытекающее из него правило, при котором, в случае проявления конкретных фактов, можно сделать предположение о наличии или отсутствии других фактов без предоставления доказательств, то есть презумпция определяется как правовое явление. Более того, критерием к отнесению умозаключения к презумпции является необходимость признания презюмируемого факта [2, с. 72]. По нашему мнению, приведенное выше понятие достаточно широко характеризует понятие презумпции. Однако следует пояснить, что если рассматривать с правовой точки зрения презумпцию знания, то здесь регламентируется не только правило поведения, но и правовые основы государства и общества. Следует указать, что правовая система формируется в соответствии с общественным правосознанием, в основе которого заложено понимание концепции презумпции знания.

Необходимо отметить, что презумпции закладывают основополагающие начала в познании мира. Причем правовые презумпции являются условием существования права и его применения. Это объясняется тем, что вся правовая система строится на системе презумпций, существующих в правосознании общества. Соответственно, если меняются идеи в обществе, то и меняется правовая система в целом [3, с. 56].

В свою очередь, можно выделить следующие признаки правовых презумпций: 1) презумпции образуются при существовании частных случаев; 2) презумпции не требуют доказывания; 3) наличие предположения, принимаемого за истинное; 4) регулирует общественные отношения; 5) обязательное закрепление в тексте нормативного правового акта; 6) опровержимость [4, с. 41]. Необходимо отметить, что презумпция знания с точки зрения права действительно обладает указанными признаками. Однако презумпция знания юридически не закреплена в тексте нормативных правовых актов, а логически вытекает из содержания.

В своей работе А. В. Копыца определяет, что структура презумпции состоит из трех частей: 1) условия действия правила; 2) самого правила; 3) контрпрезумпции, то есть возможности опровержения. Исходя из этого, можно понять, что если у структуры убрать возможность опровержения, то сама

презумпция переходит в категорию императивных правообразующих предписаний. Таким образом, автор делает вывод о том, что любая юридическая презумпция оспорима, а неопровержимая презумпция является императивной нормой, подлежащей исполнению [4, с. 52]. Следует указать, что презумпция знания не может являться императивной нормой, поскольку невозможно однозначно утверждать, знало ли лицо о конкретных фактах или событиях.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод, что презумпции по своей правовой природе закладывают основополагающие начала для формирования общества.

Второй термин — «знание». Необходимо рассмотреть данный термин с философской и правовой точки зрения.

С философской точки зрения знание выступает в качестве познавательного процесса, через который происходит получение человеком информации об окружающем мире. Более того, само знание рассматривается в качестве информационного результата, итогом которого является создание основы поведения людей. С точки зрения права знание определяется как система политических и правовых взглядов, способствующих возникновению и развитию, способствует возникновению и развитию устойчивых представлений о законе, отражающих действительное состояние правовой науки [5, с. 35].

Следует отметить, что знание может рассматриваться в нормативно-правовом аспекте. Здесь речь идет именно о презумпции знания закона (никто не может быть освобожден от ответственности из-за незнания). Это обосновано тем, что законодатель, принимая нормативные правовые акты, закладывает, что каждый гражданин должен знать и соблюдать законы своей страны. Из этого следует, что гражданин не может ссылаться на свою правовую безграмотность, чтобы избежать наказания. Но гражданин может ссылаться на то, что он не был в полной мере ознакомлен с существующими нормами, так как не знал, что закон вступил в силу. Рассматривая данный вопрос, Н. В. Журилов и С. Г. Кондрашина определяют, что опубликование нормативного правового акта является юридическим основанием для презумпции знания закона. При этом если нормативный правовой акт не был опубликован в установленном порядке, то юридическое обоснование презумпции знания закона отпадает. Таким образом, авторы делают вывод о том, что существует прямая связь между опубликованием и презумпцией знания закона [6]. На наш взгляд, знание в нормативно-правовом аспекте напрямую связано с изучением действующего законодательства, причем речь идет именно об основных правах и обязанностях граждан. Ко всему этому, если говорить про специальный субъект права, то здесь важное место занимает знание не только основных прав и обязанностей гражданина, но и специализированных актов, затрагивающих компетенцию субъекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что презумпция знания является комплексным средством, передающим смысл правовой информации. Более того, значение презумпции знания определяется как способ получения и усвоения человеком законодательных актов, то есть познавательный процесс норм права.

-
1. Пронина М. П. Логико-философская природа презумпций в праве (в развитие преемственности научных исследований, проводимых профессором В. К. Бабаевым) // Юрид. техника. 2011. № 5. С. 391–395. [Вернуться к статье](#)
 2. Анчишина Е. А. Презумпции в современном праве: понятие и правовое значение // Вестн. Удмурт. ун-та. 2021. № 1. С. 70–80. [Вернуться к статье](#)
 3. Гусева С. В. Специфика понятия «презумпция» в гуманитарном знании и его влияние на мировоззрение и общественное сознание // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 54–59. [Вернуться к статье](#)
 4. Копыца А. В. Юридическая конструкция «знание закона» в теоретической и практической юриспруденции : дис. ... магистра юрид. наук : 030900.68. Красноярск, 2016. 84 л. [Вернуться к статье](#)
 5. Поскачина М. Н. Особенности научного знания о праве // Журнал рос. права. 2013. № 4. С. 33–42. [Вернуться к статье](#)
 6. Журилов Н. В., Кондрашина С. Г. Опубликование нормативных актов и презумпция знания законов [Электронный ресурс] // Экономика здравоохранения. 1999. № 4. URL: <https://medi.ru/info/11312/>. (дата обращения: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

МОДИФИКАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ НОРМ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ю. Г. Иванцова

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь),
доцент кафедры современных технологий образования взрослых,
кандидат юридических наук
e-mail: bonchuk_julia@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются моральные (нравственные) нормы, выступающие одним из социальных регуляторов отношений (религиозно-моральный тип) в области информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). Делается вывод о том, что под влиянием моральных (нравственных) норм развиваются общественные отношения в области ИКТ, не урегулированные нормами права, которые действуют на уровне индивидуального и общественного сознания. Приобретая формальную определенность, они могут трансформироваться в другой социальный регулятор — нормы права (правоцентристский тип).

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, мораль, нравственность, моральные нормы, социальное регулирование.

Annotation. The paper analyzes the moral (ethical) norms that are one of the social regulators of relations (religious-moral type) in the field of information and communication technologies (hereinafter referred to as ICT). It is concluded that under the influence of moral (moral) norms, social relations in the field of ICT are developing, which are not regulated by the rules of law, which operate at the level of individual and public consciousness. Acquiring formal certainty, they can be transformed into another social regulator — the rule of law (right-centrist type).

Keywords: information and communication technologies, morality, moral norms, social regulation.

XXI век связан с масштабным воздействием ИКТ на социальные, экономические, политические процессы белорусского государства. Сегодня мы говорим о динамично развивающихся цифровых инновациях, расширении интернет-пространства, росте получения и использования цифровой информации и т. п. Нам уже не кажется такой фантастической мысль К. Скиннера (2019) о том, что «Интернет будет повсеместным и станет всем управлять <...> роботы-андроиды будут оснащены суперинтеллектom и внешне походить на людей...» [1, с. 101]. Поэтому уже сейчас мы говорим об особом социальном регулировании отношений в области ИКТ. Одними из таких регуляторов выступают моральные (нравственные) нормы [2, с. 21; 3, с. 152], которые

Н. В. Сильченко относит к религиозно-моральному типу социального регулирования [4, с. 186; 5, с. 6].

В науке мораль и нравственность исследуются с различных аспектов — психологического (М. А. Георгиевская, О. А. Карабанова, и др.), философского (О. А. Радугина и др.), юридического (Г. В. Мальцев и др.) и прочих. Г. В. Мальцев утверждает, что мораль — «нормативно-регулятивная система, действие которой можно проследить на уровне общественного и индивидуального сознания (идея), практических правил для поведения (норм) и общественных отношений, в рамках которых человеческие поступки рассматриваются с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, чести, долга, достоинства, других нравственных категорий и позиций» [6, с. 5].

Зачастую в юридической литературе и в белорусском законодательстве происходит отождествление категорий «мораль» и «нравственность» [7, с. 34]. Следовательно, регулятором информационных отношений в киберпространстве должны быть не только нормы морали/нравственности которые сформировались еще до такого масштабного развития ИКТ во всех сферах жизнедеятельности общества (т. е. общепризнанные нормы морали и нравственности), но и «специальные» модифицированные морально-нравственные нормы, которые возникли под воздействием ИКТ. Например, в постановлении Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» (далее — Концепция) говорится, что «информационная политика Республики Беларусь нацеливается на продвижение таких жизненных приоритетов, как гуманизм, миролюбие, добрососедство, справедливость, взаимопомощь, крепкие семейные отношения, здоровый образ жизни, созидательный труд, принятые в белорусском обществе нормы морали и нравственности, позитивное правосознание» (п. 47 Концепции) [8]. При этом осуждается <...> неуважение национальных устоев, традиций <...> нетерпимость к дезинформации, информационным манипуляциям и иным неявным информационно-психологическим воздействиям» (п. 27 Концепции) [8]. Как видим, законодатель называет отдельные морально-нравственные нормы в информационной сфере, но не раскрывает их содержание. Можно констатировать, что не всегда участники отношений в киберпространстве на должном уровне воспринимают эти нормы и им следуют.

Наряду с этим в науке разработаны представления о таких категориях как «компьютерная этика», «информационная этика», «киберэтика», «сетевая этика» [9, с. 110–111] и т. п., где под этикой понимают науку (теорию) о нравственности (моральных нормах) [10, с. 7; 11, с. 25].

В правовых актах Республики Беларусь в области образования можно встретить такую категорию, как «сетевой этикет», то есть совокупность

моральных (нравственных) правил в сети Интернет (например, Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь к 2013/2014 учебному году от 24 июля 2013 г. № 05-34/20; Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь «Об организации в 2021/2022 учебном году образовательного процесса при изучении учебных предметов и проведении факультативных занятий при реализации образовательных программ общего среднего образования» от 18 июня 2021 г. и т. п.). Анализ данных документов показывает, что учреждения образования уделяют значительное внимание усвоению обучающимися правил сетевого этикета. Такое внимание объясняется повышенной уязвимостью, недостаточным жизненным опытом такой социальной группы.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, следует использовать понятие «информационный этикет» (как обобщающего и включающего категорию «сетевой этикет», «цифровой этикет» и т. п.) и определять его как систему правил, норм, принципов безопасного (корректного) поведения и межличностного общения в киберпространстве, выступающую одним из средств обеспечения информационной безопасности.

Обычно моральные (нравственные) нормы воздействуют на общественные отношения силой убеждений, морального долга (общественное осуждение, порицание и т. п.), т. е. отсутствуют особые механизмы их обеспечения. Они «оставляют человеку возможность выбора в действиях в отличие от разрешенного в правовом смысле <...>» [12, с. 60].

Как видим, важно, чтобы система морально-нравственных норм (которые мы условно отнесли к «информационному этикету») имела формальную определенность и обязательность для сторон. Достичь этого можно следующими способами:

1) путем их закрепления в действующем законодательстве. Сегодня в Республике Беларусь приняты правовые акты только в области профессиональной этики (медиатора, нотариуса, адвоката, оценщика, регистратора и т. п.). В то же время для участников киберпространства такие правила отсутствуют, поэтому считаем целесообразным санкционировать отдельные моральные (нравственные) нормы в форме Правил информационного этикета;

2) путем их закрепления при заключении хозяйственно-правового (гражданско-правового) договора. Например, отдельные морально-нравственные правила можно включить в договор хостинга, договор создания и использования компьютерной программы и т. п.

Таким образом, сделаем следующие выводы.

1. Под влиянием моральных (нравственных) норм развиваются общественные отношения в области ИКТ, не урегулированные нормами права,

которые действуют на уровне индивидуального и общественного сознания. При этом, приобретая формальную определенность, они могут трансформироваться в другой социальный регулятор — нормы права.

2. Считаем возможным и необходимым разработку Правил информационного этикета, которые будут содержать следующие моральные (нравственные) нормы, принципы, правила:

- цифровое уважение и равноправие участников;
- правомерное использование объектов авторского права и смежных прав в сети Интернет (например, хранение, распространение или иное использование объектов авторского права и смежных прав осуществляется только с согласия правообладателей);
- неприкосновенность личной жизни и защита персональных данных в сети Интернет;
- свобода распространения информации, кроме той, ценностное содержание которой противоречит основным постулатам морали (нравственности) и (или) распространение (предоставление) которой ограничено нормами законодательства;
- отдельные меры защиты от распространения спама и пр.

3. Информационный этикет — система правил, норм, принципов безопасного (корректного) поведения и межличностного общения в киберпространстве, выступающая одним из средств обеспечения информационной безопасности личности, общества, государства.

1. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого ; пер. с англ. О. Сивченко ; науч. ред. К. Щеглова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с. [Вернуться к статье](#)

2. Бибило В. Н. Взаимодействие социальных регуляторов общественных отношений // Теория и история права, судостроительства и уголовного процесса : сб. науч. ст. Минск : Право и экономика, 2020. 510 с. [Вернуться к статье](#)

3. Демидова И. А. Теория правового поведения // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 5 апр. 2019 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. С. 152–155. [Вернуться к статье](#)

4. Сильченко Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избр. тр. Минск : Право и экономика, 2020. 200 с. [Вернуться к статье](#)

5. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал рос. права. 2016. № 6. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

6. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Норма, 2021. 400 с. [Вернуться к статье](#)

7. Глинда А. И. Системные связи института юридической ответственности с морально-религиозными социальными регуляторами [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол. : И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. С. 34–39. [Вернуться к статье](#)

8. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Карабанова О. А., Георгиевская М. А. Представления об этических нормах Интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2019. № 4. С. 107–125. [Вернуться к статье](#)

10. Нечевин Д. К., Колодкин Л. М., Кирдяшова Е. В. Право и нравственность: научно-правовой и исторический анализ : монография ; под ред. Д. К. Нечевина. М. : Юрайт, 2019. 203 с. [Вернуться к статье](#)

11. Сулакшин С. С., Сазонова Е. С., Хвыля-Олинтер А. И. Государственная политика защиты нравственности и СМИ. Рабочая книга для законодателя. М. : Наука и политика, 2014. 360 с. [Вернуться к статье](#)

12. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. 335 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.75:342.9

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ЭЛЕМЕНТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И ПРИЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ ПОНЯТИЙ****В. С. Климченя**

Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Минске (Беларусь),
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
e-mail: vsklim@tut.by

Аннотация. В статье автор анализирует понятия «общественный порядок» и «общественная безопасность», определяет их содержательную сторону, средства регулирования, цель установления и поддержания, выявляет элементы взаимосвязи рассматриваемых понятий и признаки их различия.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность.

Annotation. In the article, the author analyzes the concepts of «public order» and «public security», determines their content, means of regulation, the purpose of establishing and maintaining, reveals the elements of the relationship of the concepts under consideration and signs of their difference.

Keywords: public order, public safety.

В юридической науке, особенно административно-правовой, изучению теоретических основ общественного порядка и общественной безопасности уделяется особое внимание, вместе с тем в настоящее время отсутствует единое мнение о сущности и содержании указанных правовых категорий и их общепринятых определений [1, с. 32–36; 2, с. 15].

Относительно содержания и взаимосвязи понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» существуют три основные концептуальные точки зрения: общественная безопасность является составной частью общественного порядка [3, с. 16]; общественная безопасность более широкое понятие, включающее общественный порядок [4, с. 8–9]; общественный порядок и общественная безопасность являются самостоятельными правовыми категориями [2, с. 23; 5, с. 31–32; 6, с. 68].

Правовая категория «общественный порядок» широко используется в законодательных и иных нормативных правовых актах Республики Беларусь. Определение понятия «общественный порядок» сформулировано только в Положении о применении систем безопасности и систем видеонаблюдения, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 (далее — Положение о применении систем безопасности) и определяется как «система общественных отношений,

закрепленная нормами права, морали и правилами общежития, определяющая права и обязанности участников этих отношений, призванная обеспечить сохранность жизни, чести, достоинства граждан, охрану их имущества, а также реализацию иных прав» [7, п. 2 гл. 1].

На основе анализа мнений ученых относительно содержания общественного порядка и определения этого понятия, закрепленного в Положении о применении систем безопасности, представляется возможным определить содержательную сторону данной правовой категории, а также средства регулирования, цель установления и поддержания.

Содержание общественного порядка включает в себя отношения, обеспечивающие состояние общественного спокойствия, согласованности и ритмичности наиболее значимых процессов и явлений жизнедеятельности людей, где каждая сторона выступает носителем взаимных прав и обязанностей участников этих отношений.

Средствами регулирования общественного порядка являются правовые и другие социальные нормы (нормы морали, правила общежития, обычаи и т. п.).

Цель установления и поддержания заключается в охране жизни, здоровья, чести, достоинства, иных прав и законных интересов граждан, государственного имущества, обеспечении общественного спокойствия и нравственности, условий для нормальной деятельности государственных и общественных организаций.

В продолжение дискуссии по данному вопросу необходимо отметить, что в современной юридической литературе имеются также иные взгляды ученых на содержание общественного порядка, в частности на средства его регулирования.

Например, А. А. Варгузова высказывает несогласие с точкой зрения, согласно которой средствами регулирования общественного порядка наряду с правовыми нормами выступают нормы морали и другие социальные нормы, отмечая, что «если социальные нормы определяют общественный порядок, значит, он устанавливается в некоторой степени спонтанно...» [5, с. 33]. Ю. Е. Аврутин при исследовании вопросов административно-правового режима обеспечения общественного порядка справедливо утверждает, что «...порядок в общественных (публичных) местах, урегулированный не юридическими нормами, а иными социальными регуляторами (например, нормами морали, этики, канонического права), не является предметом административно-правового регулирования, охраны и защиты» [1, с. 32–33].

Таким образом, *общественный порядок* может быть определен как система общественных отношений, складывающаяся в общественных местах,

урегулированная правовыми нормами в целях обеспечения общественного и личного спокойствия, нравственности, безопасности, реализации прав и свобод граждан, создания нормальных условий для деятельности государственных органов и общественных организаций, сохранности материальных и культурных ценностей.

Относительно понятия «общественная безопасность» следует обратить внимание, что в юридической литературе, как правило, выделяют различные виды безопасности, в числе которых личная, общественная и государственная, пожарная, дорожная, радиационная, экологическая и др. [8–10], при этом в качестве обобщающего понятия используется понятие «национальная безопасность» [11].

В соответствии с п. 12 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, к числу основных национальных интересов в социальной сфере отнесены обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества [12].

В п. 2 гл. 1 Положения о применении систем безопасности понятие «общественная безопасность» определяется как «урегулированная нормами права система общественных отношений, целями функционирования которой являются обеспечение личного и имущественного спокойствия, безопасности, создание условий для реализации прав граждан, обеспечения функционирования государственных органов, организаций» [7].

Анализ юридической литературы свидетельствует о наличии значительного количества дефиниций рассматриваемого понятия, в которых имеются существенные различия. Так, В. С. Комиссаров общественную безопасность рассматривает как урегулированную систему общественных отношений, обеспечивающую предотвращение отрицательных проявлений стихийных сил природы, а также негативных свойств источников повышенной опасности при неправильном их использовании и хранении, соблюдении правил противопожарной безопасности, дорожного движения, строительных работ и т. п. [10, с. 26].

Л. М. Рябцев утверждает, что «общественная безопасность — это система общественных отношений, урегулированная нормами права (правилами), целью которых является обеспечение личного и общественного спокойствия, безопасности, создания надлежащих условий для реализации прав граждан, функционирования государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений при посягательствах, исходящих от угрозы нарушений общественного порядка, правил пользования источниками повышенной опасности, функционирования объектов лицензионно-разрешительной

системы, при возникновении чрезвычайных обстоятельств социального, природного и техногенного характера» [6, с. 86].

А. М. Воронов определяет общественную безопасность как «правовое состояние защищенности личности и общества от факторов, создающих потенциальную и реальную опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства, выраженных, в частности, в общественно опасных действиях (бездействии) и охраняемых системой норм административного, информационного, уголовного, экологического и других отраслей права» [8, с. 35].

На основе изложенного представляется возможным определить *содержание* общественной безопасности, которое включает в себя отношения по обеспечению состояния личного, общественного и имущественного спокойствия, безопасности жизни и деятельности людей, что достигается путем надлежащего выполнения одной из сторон своих обязанностей по отношению к соответствующему праву другой стороны в складывающихся общественных отношениях сторон.

Средствами регулирования общественной безопасности являются правовые нормы и технико-юридические нормы (правила, инструкции, стандарты).

Цель обеспечения общественной безопасности — защита жизненно важных интересов личности, общества и государства, создание условий для реализации прав и свобод граждан, функционирования государственных органов и общественных организаций при посягательствах, исходящих от угрозы нарушений общественного порядка, правил пользования источниками повышенной опасности, возникновении чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера.

Основными объектами общественной безопасности выступают:

личность — ее права и свободы, жизненно важные интересы (безопасность их реализации способствует прогрессивному развитию личности);

общество — его социальные, духовные, материальные ценности (их сохранность является гарантией социальной и общественной стабильности);

широкий круг угроз социального, природного и техногенного характера, возникновению которых могут послужить как умышленные противоправные посягательства, так и неосторожные противоправные деяния, стихийные силы природы, источники повышенной опасности при неправильном их использовании и хранении [13, с. 32–36].

Таким образом, *общественная безопасность* может быть определена как урегулированная нормами права (правилами) система общественных отношений, направленная на защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства, создание условий для реализации прав и свобод граждан, функционирования государственных органов, предприятий, учреждений,

организаций и общественных объединений, при которой отсутствуют недопустимые угрозы, исходящие от нарушений общественного порядка, правил пользования источниками повышенной опасности, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера.

На основании проведенного анализа представляется возможным утверждать, что общественный порядок и общественная безопасность являются самостоятельными правовыми категориями, имеющими тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. При этом связующими элементами между ними выступают интересы защиты жизни, здоровья, чести, нравственности, других прав и свобод человека и гражданина, собственности физических и юридических лиц от противоправных посягательств, а также от противоправных деяний, связанных с использованием источников повышенной опасности, стихийных сил природы и др.

В свою очередь различия между этими правовыми категориями можно провести по следующим признакам:

1. *По объекту соответствующих общественных отношений.* Общественный порядок обеспечивает состояние общественного и личного спокойствия, нравственности, безопасности, реализации прав и свобод граждан, создания нормальных условий для отдыха граждан, деятельности государственных органов и общественных организаций, сохранности материальных и культурных ценностей. Общественная безопасность обеспечивает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, что способствует реализации прав и свобод граждан, нормальному функционированию государственных органов, организаций и т. п.

2. *По средствам регулирования общественных отношений.* Общественный порядок регулируется исключительно правовыми нормами (например, при проведении различных видов массовых мероприятий). В сферу общественной безопасности включают отношения, связанные с соблюдением правил оборота и использования определенных предметов и вещей, противопожарной безопасности, правил дорожного движения и т. п., которые регулируются правовыми нормами и технико-юридическими нормами.

3. *По характеру возможных угроз складывающимся общественным отношениям.* Общественный порядок может быть нарушен в результате противоправных посягательств (как правило, умышленных), затрагивающих интересы не только конкретной личности, группы людей, но и всего общества. В качестве угроз общественной безопасности в административно-правовой сфере рассматриваются чрезвычайные ситуации (происшествия) социального, природного и техногенного характера, причинами возникновения которых могут стать как умышленные противоправные посягательства, так и неосторожные

противоправные деяния, стихийные силы природы, источники повышенной опасности при нарушении порядка их использования и неправильном хранении, влекущие опасность здоровью и жизни людей, окружающей среде, нарушение условий жизнедеятельности, прав и свобод граждан, а также материальный ущерб.

Изложенный материал имеет не только теоретическое, но и практическое значение, может быть использован в правоприменительной, законотворческой и научно-исследовательской деятельности в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства.

-
1. Аврутин Ю. Е. К вопросу об административно-правовом обеспечении общественного порядка // Адм. право и процесс. 2013. № 7. С. 32–36. [Вернуться к статье](#)
 2. Усова С. Е. Типология административно-правовой организации механизма исполнительной власти в сфере охраны общественного порядка и безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Хабаровск, 2010. 171 л. [Вернуться к статье](#)
 3. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере общественного порядка : в 2 ч. М. : Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД СССР, 1981. Ч. 1 : Предмет и понятие. 111 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М. : Юрид. лит., 1964. 158 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Варгузова А. А. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2005. 172 л. [Вернуться к статье](#)
 6. Рябцев Л. М. Реализация прав человека в деятельности милиции Республики Беларусь: теоретические основы и административно-правовые проблемы ; Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 1999. 157 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Об утверждении Положения о применении систем безопасности и систем видеонаблюдения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 дек. 2012 г. № 1135. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
 8. Воронов А. М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России. М. : ВНИИ МВД России, 2004. 206 с. [Вернуться к статье](#)
 9. Кардашова И. Б. Об общественной безопасности // Адм. право и процесс. 2008. № 2. С. 27–30. [Вернуться к статье](#)
 10. Комиссаров В. С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 1997. 214 л. [Вернуться к статье](#)
 11. Мальцев В. А. Соотношение и взаимосвязь между различными видами безопасности в России: конституционной, национальной, государственной, общественной, личной, информационной // Проблемы правоведения. 2003. № 1. С. 54–61. [Вернуться к статье](#)

12. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

13. Климченя В. С. Угрозы общественному порядку и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: критерии классификации // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 2. С. 32–36. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.42

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. И. КожевниковДальневосточный юридический институт МВД России,
адъюнкт

e-mail: ikozhevnikovvvvvv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу юридических терминов, применяемых в нормах конституционного и уголовного права, регламентирующих права на свободу совести и вероисповедания. Автор изучает понятия «право», «свобода», «совесть», «верующий» и приходит к выводу, что в законодательстве Российской Федерации данные термины применяются не в соответствии с их содержанием либо неуместно. Для разрешения имеющихся недостатков предлагается внесение изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, религия, уголовное право, конституция.

Annotation. The article is devoted to the analysis of legal terms used in the norms of constitutional and criminal law that regulate the rights to freedom of conscience and religion. The author studies the concepts of «right», «freedom», «conscience», «believer» and concluded that in the legislation of the Russian Federation these terms are not used in accordance with their content, or inappropriately. To resolve the existing shortcomings, it is proposed to amend the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: freedom of conscience, freedom of religion, religion, criminal law, constitution.

Российская Федерация является светским государством, и данный факт имеет свое юридическое закрепление в главном нормативном правовом акте — Конституции Российской Федерации. При этом в Российской Федерации как в правовом государстве существует ряд гарантий, обеспечивающих свободу совести, свободу вероисповедания, а также право на исповедание как любой религии, так и никакой.

Несмотря на то, что в законодательстве Российской Федерации термины «право» и «свобода» употребляются как равнозначные, с позиции юридической техники это не совсем корректно. Право в Конституции Российской Федерации понимается как нормы и правила, регулирующие общественные отношения, то есть законодатель создает условия совершения какого-либо действия (бездействия), а также возлагает на себя обязанность по обеспечению возможности по его совершению, в то время как свобода предполагает автономию личности

при совершении какого-либо действия без регулирования, то есть государство не обязуется обеспечить, но и не препятствует в реализации.

Например, право избирать — государство обеспечивает такую возможность соответствующими институтами, предоставляет возможность голосовать маломобильным гражданам или пожилым людям из дома, онлайн, организует избирательные участки и всячески способствует реализации данного права гражданином. Гражданин может отказаться от данного права и не голосовать, но государство все равно обеспечит ему такую возможность. Напротив, свобода труда, которая позволяет гражданам свободно выбирать свой род деятельности, профессию, вид занятости, но не гарантирует его трудоустройство, то есть не берет на себя обязанность по реализации его свободы.

Если Конституция Российской Федерации разделяет свободу совести и свободу вероисповедания, при этом выделяя право на исповедание религии [1], то в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» используется формулировка «право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания» [2], а Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет ответственность в статье 148 за «нарушение права на свободу совести и вероисповедания» [3].

Предполагаем, что такое использование юридической терминологии во многом связано с толкованием слов «право» и «свобода» в русском языке, а также их закреплением в различных нормативных правовых актах, поскольку только в Конституции Российской Федерации термин «свобода» употребляется 58 раз, меняя свое смысловое наполнение.

Н. К. Краснослободцева считает, что «свобода выступает в тандеме с субъективным правом, так как дает возможность индивидам не только воспользоваться правомочиями, закрепленными в законе, но и смоделировать свой вариант поведения для удовлетворения своих интересов» [4]. Данная позиция позволяет отразить взаимосвязь терминов «свобода» и «право», а также разграничить употребление терминов в Конституции Российской Федерации.

Понятие «совесть» является более широким понятием по отношению к вероисповеданию. Однако если Конституция Российской Федерации разделяет эти два термина, то, исходя из формального толкования закона, необходимо рассматривать два разных явления. Юридическую совесть и свободу в юриспруденции исследуют, как правило, ученые-конституционалисты. К примеру, М. В. Баглай говорит о том, что «под свободой совести понимается право человека как верить в Бога <...> так и быть атеистом, т. е. не верить в Бога» [5, с. 234]. Из данной формулировки получается, что совестью способны обладать только верующие или неверующие люди, но так или иначе проявляющие свое религиозное мировоззрение по отношению

к персонифицированному Богу, то есть если религия не подразумевает существование Бога или Богов, то ее представители совести не имеют или относятся к агностикам.

Наиболее близка к отражению сущности термина «свобода совести», на наш взгляд, интерпретация З. С. Терлоева, который утверждает, что это «возможность и способность человека делать собственный выбор» [6, с. 12]. Этот выбор заключается в ряде параметров, среди которых:

- 1) исповедовать какую-либо религию;
- 2) не исповедовать никакую из существующих религий;
- 3) менять религию исходя из внутренних убеждений;
- 4) пропагандировать свое религиозное или арелигиозное мировоззрение;
- 5) иметь равные права с другими гражданами вне зависимости от принадлежности к какой-либо религии или отсутствия таковой.

Решая вопрос о уголовно-правовой охране, считаем уместным говорить именно о праве на религиозное самоопределение, исповедание конкретной религии или другие формы религиозной или арелигиозной позиции человека (атеизм, агностицизм).

Однако в статье 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, несмотря на ее название, фактически не охраняются общественные отношения, связанные со свободой совести. При анализе частей данной статьи выясняется, что защита гарантируется только верующим, а также религиозным организациям.

На наш взгляд, выделение верующих как одушевленного предмета преступления является нарушением равенства прав, поскольку, исходя из формального толкования данной нормы, лицо, не исповедующее никакой из религий, т. е. не являющееся верующим, и не имеющее религиозных чувств, не подлежит охране от публичных действий, выражающих явное неуважение к его мировоззренческой позиции, если таковое является целью субъекта преступления.

С позиции конституционного закрепления данного права удачной выглядит формулировка Конституции Республики Беларусь, которая утверждает «право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [7].

При этом Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность за нарушение прав или свобод в зависимости от отношения к религии [8], что обеспечивает синергию и согласование конституционной и уголовно-правовой нормы.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым внести изменения в часть 1 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», изложив ее в следующей редакции:

«1. Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления лица по его принадлежности к религии...».

Полагаем, что это изменение способно положительно повлиять на следственную практику расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также позволит ограничивать данный состав от смежных.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс] : Федер. закона от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Краснослободцева Н. К. Соотношение понятий «Свобода» и «Права» человека // Ленингр. юрид. журнал. 2014. № 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-svoboda-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 30.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2007. 784 с. [Вернуться к статье](#)

6. Терлоев З. С. Проблемы свободы совести в российском обществе (административно-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 190 с. [Вернуться к статье](#)

7. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 316.1

**ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО И ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО: СПРОС НА ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В VUCA-МИРЕ****Ю. Ю. Комлев**

Казанский юридический институт МВД России,
профессор кафедры философии, политологии,
социологии и психологии,
доктор социологических наук, профессор
e-mail: levkom@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки, специфика и элементы цифрового гражданства, условия развития цифрового гражданского общества. Показан спрос на формирование цифровых компетенций в VUCA-мире.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, цифровое гражданство, цифровое гражданское общество, цифровые компетенции, VUCA-мир.

Annotation. The article discusses the prerequisites, specifics and elements of digital citizenship, the conditions for the development of a digital civil society. The demand for the formation of digital competencies in the VUCA-world is shown.

Keywords: digitalization, networkization, digital citizenship, digital civil society, digital competencies, VUCA-world.

Сквозные цифровые технологии, компьютеры, смартфоны и другие «умные» девайсы радикально преобразовали образ жизни и практики людей в условиях социума эпохи постмодерна в образе VUCA-мира. VUCA-мир с его volatility (изменчивостью, отсутствием стабильности), uncertainty (неопределенностью), complexity (запутанностью, сложностью), ambiguity (неясность, неоднозначность) приводит общество к состояниям турбулентности, реконструкции, рисков и постоянно нарастающей неопределенности. Проблематика цифровой трансформации и ее последствий в социуме в последние годы все больше привлекает внимание социологов, криминологов, правоведов, экономистов, IT-специалистов.

Проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации экономики, сферы управления и услуг, образования, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, человеке, IT-технологиях. По открытым данным, самый большой объем публикаций (сумма индекса Хирши) посвящен таким темам, как новые производственные технологии, big data, нейротехнологии, искусственный интеллект. Изучение англоязычных и отечественных работ методом качественного контент-анализа, обобщение передового опыта исследований в этом междисциплинарном предметном поле показывают,

чем специфичны социально-технологические изменения в статусе и поведении людей VUCA-мира.

Общество XXI века изменили цифровизация и сетевизация, ставшие его фундаментальными измерениями [1, с. 335–346]. Цифровизацию можно определить в социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности — жизни и деятельности людей. В настоящее время цифровизацией охвачены практически все подсистемы российского социума: экономика, управление, транспортное обслуживание и логистика, образование, массмедиа, здравоохранение. По открытым данным Digital 2020, количество интернет-пользователей в мире достигло 4,54 млрд. В России зарегистрировано 118 млн интернет-пользователей (по числу посетителей Всемирной паутины Россия занимает 8 место в мире) [2]. Интернет объединяют не только миллионы своих пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы, масса «умных вещей» — Internet of Things (IoT). В соответствии с этим трендом любые цифровые медиа-платформы и девайсы работают, обмениваются данными между собой с минимальным участием человека или даже без него, развиваются технологии искусственного разума. Использование Интернета сочетается с развитием новых цифровых технологий беспроводной связи (4G, 5G-сети), отличающихся скоростью соединения абонентов и высоким качеством передачи данных. Интернет-ресурсы предоставляют все больше возможностей не только для поиска и использования информации, визуального онлайн-общения, ведения онлайн-бизнеса, онлайн-шопинга, гражданской онлайн-активности, но и онлайн-обучения, переобучения.

С 2020 года по настоящее время этот процесс ускоряется из-за пандемии коронавируса. Периодические локдауны стимулируют дальнейшую цифровизацию образовательной системы, медицины, банковского дела, транспортного обслуживания, ряда других отраслей экономики и социальной сферы. Интернет-торговля, сервисы для работы из дома получают еще большее распространение. На Восточном экономическом форуме в сентябре 2021 года эксперты определяют, что по уровню цифровизации страна занимает 27 место в мире [3].

Растет численность участников сетевого общения. В России она составляет 50 % от всего населения страны. Социальные сети определяются в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей на основе онлайн-платформ. Наибольшую популярность среди пользователей приобретают онлайн-платформы: Facebook, Youtube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Twitte, «ВКонтакте», «Одноклассники». Так, Facebook объединяет 2,5 млрд активных пользователей в месяц, Youtube — 2 млрд, WhatsApp — 1,6 млрд, «ВКонтакте» более 300 млн, «Одноклассники» — 290 млн человек.

Сети в обществе существовали, разумеется, и до эпохи цифровизации. Однако в настоящее время благодаря Интернету и онлайн-платформам число сетевых пользователей достигло такого уровня, что позволяет электронным коммуникациям охватить практически все социальные общности. В итоге сетевизация привела к образованию сетевых онлайн-сообществ.

Пользователи социальных сетей могут посредством включения или исключения из списка контактов себя или других людей автономно его определять или переопределять, устанавливать, поддерживать и развивать социальные связи и взаимодействия. Они вправе самостоятельно создавать веб-ссылки и самостоятельно выбирать и транслировать тот или иной контент. Благодаря этому в социальных сетях происходит интенсивное общение людей, живущих в разных городах и странах, объединенных в группы общими интересами, целями, планами, профессиональными и иными признаками. В социальных сетях удобно презентовать и рекламировать свои идеи, проекты, искать заинтересованную аудиторию, приумножать число сторонников или партнеров по увлечению или бизнесу. Онлайн-платформы создают уникальные условия для самореализации, самообразования, интенсивного обмена новостями, другой актуальной информацией. Таким образом, в социальных сетях происходит индивидуализация их пользователей в плане конструирования собственной автономии, самореализации, самопрезентации, самоорганизации.

Последствия цифровой сетевизации предрек М. Кастельс на исходе XX века, указав на то, что сети составят новую социальную морфологию социума. В сетевом обществе (network society) «ключевые социальные структуры и деятельность его членов будут организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [4]. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой сегодня, по оценке Карен Моссбергер «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [5].

Как известно, любой новый термин неоднозначен. Так и понятие «цифровое гражданство» имеет несколько интерпретаций и их число продолжает расти. Можно встретить трактовки в контексте доступа к социальным сетям и социальным медиа или участия в сетевом взаимодействии, а также в плане соблюдения цифровых прав и обязанностей пользователей социальных сетей и Интернета. Под цифровым гражданством нередко понимают и первый важный шаг на пути к цифровой грамотности и использованию цифровых технологий. В этом ключе интерпретация цифрового гражданства дается Е. В. Бродовской в качестве культурного феномена, отражающего социализацию новых поколений под влиянием цифровых коммуникаций [6]. Можно сказать, что *цифровое гражданство объединяет ответственных участников сетевых сообществ,*

пользователей социальных медиа и Интернета, знающих правила использования цифровых технологий и пользующихся ими без нанесения вреда или ущерба друг другу или обществу [1, с. 335–346].

Майк Риббл выделяет девять основных элементов цифрового гражданства. Они включают в себя: 1) цифровой доступ, 2) цифровую торговлю, 3) цифровую коммуникацию, 4) цифровую грамотность, 5) цифровой этикет, 6) цифровое законодательство, 7) цифровые права и обязанности, 8) цифровое здоровье и благополучие и 9) цифровую безопасность [7]. Эти элементы могут быть разделены на две группы: одна касается индивидуального использования сетевых ресурсов, вторая относится к соблюдению прав других сетевых пользователей — цифровых граждан.

1. Цифровой доступ к технологиям все еще распределяется неравномерно, в силу цифрового неравенства. В интересах укрепления и развития цифрового гражданства чрезвычайно важно чтобы цифровые технологии были доступными для всех.

2. Цифровая торговля или покупки и продажи в Интернете ныне также распространены, как и обычная торговля. При этом поведение покупателей и продавцов на цифровом рынке должно быть законным.

3. Цифровая коммуникация с развитием мобильных устройств, а также распространением 4G и 5G каналов связи осуществляется повсеместно. Отсюда вытекает необходимость в обретении и совершенствовании соответствующих коммуникативных навыков.

4. Цифровая грамотность — результат постоянного обучения, поскольку технологии не стоят на месте и на рынке цифровых услуг появляются новые устройства и сервисы, информационные ресурсы.

5. Цифровой этикет — это нормы правильного поведения в Интернете и социальных сетях. Каждый пользователь, использующий цифровые технологии, должен придерживаться общепринятого правила: «относиться к другим так, как бы он хотел, чтобы относились к нему». Уважительное отношение к другим пользователям и к себе — важнейшие принципы сетевого онлайн-общения.

6. Цифровое законодательство определяет, что считается недопустимым и уголовно наказуемым в цифровом мире. Это касается кражи личных данных, чужой интеллектуальной собственности, денег, а также различных форм мошенничества и других негативных девиаций.

7. Цифровые права и обязанности — атрибут тех людей, которые становятся участниками цифровых коммуникаций. Эта область цифрового гражданства предоставляет право на доступ в Интернет и использование онлайн-

продуктов. При этом члены онлайн-сообщества имеют право на свободу слова и общения.

8. Цифровое здоровье и благополучие предполагают, что пользователи социальных сетей и Интернета должны знать о физических и эмоциональных последствиях использования цифровых устройств. Излишние «подключения» могут иметь непредвиденные и опасные последствия: стресс, нагрузку на зрение, головные боли. Отсюда необходимость в ответственном использовании цифровых технологий.

9. Цифровая безопасность и конфиденциальность в Интернете состоят в контроле и защите личных данных пользователя с помощью надежных паролей, антивирусных программ, резервного копирования данных. Кибердевианты всегда присутствуют в онлайн-сообществе, используя для неблагоприятных целей вирусы, полиморфных червей, для того чтобы осуществить взлом, киберкражу или кибербуллинг.

Цифровой мир, в силу новых технологических форм кооперации и самоорганизации онлайн-сообществ, предоставил людям немалый объем самостоятельности и автономии не только в потребительском поведении, общении, творчестве, учебе, но и в общественно-политической активности. Многие социологи и политологи разделяют точку зрения относительно того, что цифровые технологии снижают барьеры на пути к участию в качестве гражданина в деятельности общества, его политических институтов. В частности, в таком ключе убедительно высказывался известный британский социолог Томас Хамфри Маршалл. Развитие феномена цифрового гражданства все больше затрагивает сферу взаимодействий между гражданами — сетевыми пользователями, обществом и государством. В цифровом мире интенсифицируются отношения власти и гражданского общества, часть которого постоянно обитает, «живет» в блогосфере или иных сетевых коммуникациях. В наибольшей мере этот тезис справедлив в отношении активных цифровых граждан. Они не только черпают информацию на сайтах и дискуссионных платформах, но и явно заявляют о своей гражданской позиции: собирают подписи под петициями, обращаются с заявлениями, выступают в дебатах, проводят онлайн-опросы и цифровое голосование, организуют участие во флешмобах и иных акциях. Эти факты дают основание полагать, что в VUCA-социуме благодаря цифровизации и сетевизации формируются основы *цифрового гражданского общества* как формы самореализации свободных и активных цифровых граждан. Однако к этому не все готовы.

На современном историческом этапе весьма важно для «вступления» в цифровое гражданство не только получить доступ к цифровым технологиям, но и постичь сначала азы цифровой грамотности, освоить базовые нормы циф-

ровой этики, а также цифровой безопасности. Лишь затем предстоит освоить базовые цифровые компетенции в ходе профессиональной учебы или переобучения. VUCA-мир породил не только цифровую трансформацию отраслей экономики и сфер жизнедеятельности, но и спрос на новые цифровые знания и навыки в основных областях деятельности, который будет расти и в дальнейшем. Среди них востребованы такие цифровые компетенции, как: коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде*.

Таким образом, есть все основания считать, что четвертая технологическая революция сотворила новые социально-технологические феномены — цифровое гражданство и цифровое гражданское общество, спрос на новое цифровое знание. Они отнюдь не иллюзорные, а вполне реальные онтологические факты, к осмыслению которых подошла общественная наука. Вместе с тем, цифровизация и сетевизация — неоднозначные тренды. Наряду с позитивными сдвигами они породили и порождают новые социальные проблемы. Так, цифровые социологи не первый год бьют тревогу по поводу роста «цифрового неравенства», неизбежной компрессии рынка труда в VUCA-мире. Особое место занимает изучение распространения технологий тотального цифрового социального контроля и «цифрового авторитаризма», лежащих в оправдании общественного и личного здоровья людей, а также общественной безопасности, но посягающего на приватность и конституционные права человека. Однако это уже тема другого исследования.

1. Комлев Ю. Ю. От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты : сб. ст. (по материалам всерос. науч.-практ. конф.) ; Санкт-Петербург, 26 мая 2021 года / под ред. В. В. Балахонского ; сост. А. Г. Никулин СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. 1 электрон. опт. диск. [Вернуться к статье](#)

2. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (дата обращения: 04.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

*Перечень ключевых компетенций цифровой экономики определен приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 24 января 2020 г. № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».

3. Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html> (дата обращения: 04.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. [Вернуться к статье](#)
5. Digital Citizenship The Internet, Society and Participation By Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert and Ramona S. McNeal. Cambridge, MA : MIT Press, 2008. 221 p. [Вернуться к статье](#)
6. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. Т. 27. С. 65–69. [Вернуться к статье](#)
7. Ribble M. Digital citizenship: using technology appropriately. Retrieved from digitalcitizenship.net [Electronic resource]. URL: http://www.digitalcitizenship.net/Nine_Elements.html (date of access: 04.04.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 351.858

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ**

К. Е. Кордобовская

Санкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт кафедры теории государства и права
e-mail: kordobovskay@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, касающиеся характеристики правовой культуры советского общества в 1917–1930-х годах, и факторы, определяющие ее особенности.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовая культура советского общества, правосознание, конвенциональные ценности, детерминанты формирования правовой культуры советского общества.*

***Annotation.** The article deals with the issues concerning the characteristics of the legal culture of Soviet society in the 1917–1930s, and the factors determining its features.*

***Keywords:** legal culture, legal culture of the Soviet society, legal awareness, conventional values, determinants of the formation of the legal culture of the Soviet society.*

Формирование политико-правовой системы современной России является логическим продолжением процессов, которые отчетливо прослеживаются во всей предыдущей истории, в ее социально-экономической, политической жизни, в сфере идеологии, культуры, национальной политики, в особенностях формирования менталитета и правовой культуры [1]. Правовая культура общества, особенности формирования и отличительные черты правосознания личности выступают значимыми характеристиками национальной государственно-правовой системы [2].

Становление правосознания личности происходит во взаимодействии с обществом [1, с. 327–328]. Это взаимодействие носит системный характер. Акцент на наиболее востребованные качества личности в конкретную историческую эпоху делается обществом. Если социум (как система) и правосознание (как часть этой системы) вступают в противоречия, то средством разрешения этого противоречия призвана выступать государственная политика в сфере социального взаимодействия.

Трансформации политико-правовой системы общества всегда сопровождаются изменением правосознания, стремлением пересмотреть взгляды на право, прежнее отношение к праву, отношение к прежним законам [3, с. 300; 4, с. 59]. Это находит отражение в модификации правовой ментальности в целом

и формировании блока актуализированных терминов в частности [3, с. 300–302; 5, р. XIII; 6, s. XIII–XXVII].

Правосознание — сущностная характеристика правовой культуры и фактор, определяющий мотивы правомерного поведения. Правовая культура, как подчеркивал В. С. Нерсисянц, по сути, представляет собой «культуру признания, защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей» [7, с. 374].

С учетом того, что в контексте социоаксиологического подхода к праву, право представляет собой систему конвенциональных ценностей, «сформированных в результате публичного правового дискурса, главными субъектами которого выступают классы» [8, с. 10–12], следует учитывать, что в условиях кардинальной трансформации правовой дискурс «вытесняется» классовой борьбой и формируются ценности, синтезирующие различные классовые позиции. Ряд ценностей пересматривается, одни ценности утрачивают свою актуальность, другие — трансформируются. В каждый конкретный исторический период времени конвенциональные правовые ценности, общие и для всего политически организованного общества, оформляются в иерархически выстроенную систему [8, с. 8] и выступают детерминантами формирования правосознания.

В первые годы советской власти правосознание формировалось в условиях разрушенного войнами хозяйства, нестабильной социальной и демографической ситуации, начального этапа создания системы новых государственных органов и отрицания достижений российской правовой культуры монархического периода [9, с. 302–305]. Правосознание стало заменой разрушенных систем законодательства (существовавшие в монархической России законы были лишены юридической силы), судебных органов (деятельность судов, созданных до октября 1917 г., была прекращена), правоохранительных органов (профессиональная царская полиция разогнана еще в годы Временного правительства, а милиционные отряды, охранявшие общественный порядок в первое время существования советской России, создавались на иной (не профессиональной) основе). Именно революционное правосознание выступало в это время источником права.

В условиях новой экономической политики социально-экономические детерминанты функционирования государственно-правовой системы страны были изменены. Шел процесс индустриализации страны. В конце 1920-х годов установилось нестабильное равновесие, которое не ликвидировало противостояния в отношениях между городом и селом, промышленностью и сельским хозяйством. При этом определенный отход от заявленных в октябре 1917 г. установок, оформившийся в новой экономической политике, был соотносим

с русским менталитетом, в рамках которого установленные законом правила воспринимались вариативно и носили необязательный характер.

Режим, сформировавшийся в 1920–1930-е годы, уничтожил в стране возможность возникновения оппозиции государственной власти. Характерными чертами политической системы, утвердившейся в стране в предвоенные годы, стали: централизация всех сфер общественной жизни; устранение масс от государственного управления; фиктивный характер институтов демократии; сращивание партийного и государственного аппаратов, диктат бюрократии; выход карательных органов из-под контроля общества и, как следствие, массовые репрессии; культ личности; формирование новой «социалистической» культуры, базирующейся на идеологических мифах; огромный разрыв между словом и делом; деформирование общечеловеческих правовых ценностей и укрепление нового «социалистического» правосознания, одобрявшего и крепившего тоталитаризм [1].

Особенности и формирование правовой культуры населения в 1920–1930-е годы стали предметом осмысления юристов, историков, философов. П. И. Стучка [10; 11; 12; 13], Е. Светлов [14], В. Н. Ильин [15], М. А. Рейснер [16] предпринимали попытки охарактеризовать сложившуюся в СССР правовую культуру общества. Обращая внимание на необходимость борьбы с буржуазным правосознанием в первые годы советской власти, П. И. Стучка подчеркивал, что правосознание взаимосвязано с законом, но не тождественно ему; правовые отношения тесно связаны с экономическим базисом общества [12, с. 70]. Е. Б. Пашуканис, выдвинув «меновую концепцию права», право рассматривал как пережиток прошлого, как институт, которому предопределено отмирание [17]. Восприятие такой концепции вело к правовому нигилизму, затрудняло оценку правового развития, адекватную жизненным реалиям конкретного исторического периода. Психологическая концепция правопонимания, выдвинутая П. И. Петражицким, нашла свое отражение в работах М. А. Рейснера, который отождествлял право и правосознание и подчеркивал, что именно правосознание играет решающую роль в революционной смене одного общества другим [16].

Большая работа по правовому воспитанию масс и кадров государственного аппарата, проводившаяся в 1920–1930-е годы, была результативной. Общественное сознание первых десятилетий советской власти отличалось: верностью традициям, сердечностью, открытостью. Но и в этих условиях сформировался культ личности Сталина. В массовом правовом сознании оказались переплетенными постулаты марксистской теории общественного развития и правовая неосведомленность, уверенность в построении коммунизма и скептические предубеждения. Неверие в возможности права и закона нередко достигало

такой степени, что человек отказывался от реализации и защиты своих субъективных прав и законных интересов.

Важное место в правовой культуре советского общества занимали представления о законности [18, с. 30–34; 19]. Декларируемый режим социалистической законности должен был опираться на установление верховенства закона, принципов равенства всех перед законом и справедливости, однако жизненные реалии свидетельствовали о многочисленных и повсеместных нарушениях законности: так, в 1937–1938 годах число осужденных по делам органов НКВД составляло 1 344 923 человека. Официальная статистика не могла учесть всех репрессированных в годы террора «врагов народа», при этом известно, что в 1930-е годы было раскулачено и «самораскулачено» 1,1 млн «кулацких» хозяйств (около 5 млн человек).

Таким образом, правовая культура общества в условиях становления советской власти формировалась под воздействием множества детерминант. Создавалось первое в мире Советское государство, взявшее курс на создание социалистического (и далее — коммунистического) общества; активно формировались новые представления о праве, о прошлом и перспективах государства [20]; законодательно закреплялась диктатура пролетариата, провозглашалась необходимость достижения однородности социума. При этом продолжали сохранять значение многовековые традиции управления общественной жизнью, связанные с гипертрофированной ролью государства, несформированностью гражданского общества, сложившимся «антилиберализмом» массового общественного сознания, преобладанием в нем уравнилельно-коллективистских начал. Тоталитарный режим деформировал общественную атмосферу, оказывая пагубное влияние на формирование правовой политики. В обществе преобладал исполнительный уровень социальной активности личности. Осуществлялся идеологизированный подход к основным направлениям формирования правосознания и правовой культуры. Общественно значимые цели правосознания и правовой культуры носили абстрактно-декларированный характер. Имело место систематическое вмешательство партийного государственного аппарата в сферу правосудия; содержание приговоров, особенно по политическим делам, предопределялось заранее, в нарушение всякого законодательства, что способствовало сохранению социальной напряженности, которая сопровождалась расширением сферы деятельности карательных органов. Особенности правовой культуры советского общества, сложившейся в период становления республики советского типа, обусловили специфику функционирования государственно-правовой системы на следующих этапах исторического развития СССР.

1. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. 466 с. [Вернуться к статье](#)
2. Демидова И. А. Определение правовой культуры в теории права // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД. 2017. № 2(74). С. 28–33. [Вернуться к статье](#)
3. Нижник Н. С. Вербальное отражение трансформации политико-правовой системы российского государства в эпоху социалистической революции // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Четвертой междунар. конф., Челябинск, 3–5 дек. 2009 г / отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 300–302. [Вернуться к статье](#)
4. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Парламентский дискурс на страницах региональной периодики как детерминанта формирования общественного сознания в России начала XX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2021. № 2 (90). С. 57–69. [Вернуться к статье](#)
5. Koebner R., Schmidt H. Imperialism: The Story and Significance of a Political Word: 1840–1960. Cambridge, 1964. 432 p. [Вернуться к статье](#)
6. Brunner O., Conze W., Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / (Hrsg.). Band 1: A-D. Stuttgart, 1972. 982 S. [Вернуться к статье](#)
7. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 539 с. [Вернуться к статье](#)
8. Клименко А. И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. № 1. С. 8–12. [Вернуться к статье](#)
9. Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI в. : материалы междунар. науч. конф., Витебск – Псков, 27 февр. – 3 марта 2017 г. / гл. ред. А. В. Егоров. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2017. С. 302–306. [Вернуться к статье](#)
10. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сб. ст., 1917–1930. М. : Гос. юрид. изд-во, 1931. 333 с. [Вернуться к статье](#)
11. Стучка П. И. Курс советского гражданского права ; Коммунистическая академия. Секция права и государства. 2-е изд. Т. 1 : Введение в теорию гражданского права. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 260 с. [Вернуться к статье](#)
12. Стучка П. И. Мой путь и мои ошибки // Советское государство и революция права. 1931. № 5–6 (май – июнь). С. 67–97. [Вернуться к статье](#)
13. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права; Ин-т истории партии при ЦК КП Латвии – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Рига : Латгосиздат, 1964. 748 с. [Вернуться к статье](#)
14. Светлов Е. За революционную теорию. Ленинград : Прибой, 1930. 30 с. [Вернуться к статье](#)
15. Ильин В. Н. К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский Временник : неперіод. изд. / под ред. П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого. Кн. 4. Берлин ; Париж : Евразийское книгоиздательство (Бр. Гиршбаум), 1925. С. 305–317. [Вернуться к статье](#)

16. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград ; М. : Гос. изд-во, 1925. 276 с. [Вернуться к статье](#)
17. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий) ; Социалист. акад. Секция права и государства. М. : [б. и.], 1924 (Мосполиграф 27 тип. «Красная печать»). 160 с. [Вернуться к статье](#)
18. Нижник Н. С. Законность: плюрализм подходов к рассмотрению социою-ридического феномена в современной юридической науке // Вестн. Кыргызско-Российского славян. ун-та. 2014. Т. 14. № 12. С. 30–34. [Вернуться к статье](#)
19. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник [и др.]. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2021. 328 с. [Вернуться к статье](#)
20. State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik [et al.] // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ДОГОВОР НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ:
ВОПРОСЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ****Е. Н. Кудряшова**

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации
e-mail: shved_en@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье автором отмечено важное значение договоров нормативного содержания как источников отечественного права; поставлена проблема отсутствия нормативно закрепленных, унифицированных юридико-технических правил их создания.

Ключевые слова: правотворческая техника, договор нормативного содержания, правовой договор, правила юридической техники.

Annotation. In these materials of the conference, the author noted the importance of contracts of normative content as sources of domestic law; the problem of the lack of normatively fixed, unified legal and technical rules for their creation was posed.

Keywords: law-making technique, contract of normative content, legal contract, rules of legal technique.

Высокотехнологичные инновационные преобразования, которые осуществлены сегодня в правотворчестве Республики Беларусь, порождают необходимости пересмотра существующих и разработки новых правил юридической техники. Принятый в 2018 году Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» является основополагающим нормативным правовым актом, в котором наиболее полно и последовательно отражены не только вопросы, касающиеся системы и видов нормативных правовых актов, порядка их подготовки, проведения экспертиз, принятия, опубликования, вступления в силу и т. д., но и правил подготовки таких актов — требований нормотворческой техники.

Стоит отметить, что законодателем закреплено именно понятие «нормотворческая техника», что в целом понятно и весьма оправданно, ведь введено оно в законе, определяющем систему, виды и порядок издания нормативных правовых актов (налицо связь нормотворческой техники с конечным результатом — нормативным правовым актом). Как известно, правовая система Республики Беларусь относится к континентальной (романо-германской) правовой семье, где нормативный правовой акт, принятый компетентным государственным органом в результате специальной деятельности, является одним из основных

источников права. Отсюда оправданно такое внимание законодателя к проблемам подготовки и издания этого источника права.

В то же время, по нашему мнению, юридическую технику сегодня уже не следует рассматривать настолько узко — как правила подготовки только нормативных правовых актов. Нормотворческая техника — лишь часть техники правотворческой, а правотворчество, по справедливому тезису Н. В. Сильченко, это «отдельный вид общественной деятельности, в результате которой создается самостоятельный источник права, содержащий нормы права» (перевод наш. — *Е. К.*) [1, с. 125]. А. И. Курак также считает, что правотворчество «не ограничивается только созданием правовых норм права (нормативных актов)» [2, с. 5]. В этой связи можно утверждать, что нормативное закрепление получили сегодня правила подготовки главного для Республики Беларусь, но все же одного источника права — нормативного правового акта. Однако правовые нормы содержатся не только в них. Заслуживает пристального внимания и техника подготовки иных источников права.

Наряду с нормативным правовым актом наиболее полно проявляет свои свойства в условиях постоянного развития и изменчивости общественных отношений такой источник права, как договор нормативного содержания [3, с. 18]. С переходом Республики Беларусь к рыночной экономике, роль договорных отношений резко изменилась в сторону расширения. Отсюда вытекает важность общетеоретического исследования конструкции договора нормативного содержания и его юридической техники.

Самой распространенной разновидностью договора нормативного содержания внутригосударственного характера является коллективный договор (соглашение). Значение данного источника права состоит в том, что «он представляет собой источник права, устанавливаемый не законодателем, а заинтересованными сторонами путем достижения договоренностей в решении различных профессиональных, трудовых, социальных и производственных вопросов» [4, с. 344]. Например, 19 декабря 2018 г. сопредседателями Национального совета по трудовым и социальным вопросам было подписано Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2019–2021 годы. Данное соглашение определяло согласованные позиции подписавших его сторон по основным направлениям регулирования социально-трудовых отношений в ходе проведения социально-экономической политики в 2019–2021 годах и совместные действия по его реализации [5].

Что касается юридико-технических правил создания коллективных договоров, то требования к их форме, содержанию, закреплены в Трудовом кодексе Республики Беларусь (ст. 364, 366 и др.) [6] и иных актах. Вместе с тем

22 декабря 2020 г. постановлением Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси были утверждены Методические рекомендации по вопросам коллективно-договорного регулирования, в которых содержится ряд положений о порядке подписания и регистрации коллективных договоров, а также прилагается примерная форма коллективного договора организации [7]. Безусловно, наличие данных методических рекомендаций существенно упростит работу профсоюзных комитетов организаций, их обособленных подразделений в части подготовки коллективных договоров, однако стоит отметить рекомендательный характер данного документа.

Договор нормативного содержания традиционно сохраняет мощные позиции в международном праве. Если нормативный правовой акт в правовой системе Республики Беларусь является главным источником национального права, то договор нормативного содержания — главный в подсистеме источников международно-правового характера [8]. Основные правила подготовки международных договоров закреплены в Законе Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» (ст. 4, 9, 31, 32) [9].

Разработка проектов международных договоров — сложный и наукоемкий процесс, требующий обширных знаний, в том числе и в области юридической техники. «Договорные постановления должны формулироваться таким образом, чтобы при их имплементации во внутригосударственное право не возникало никаких неясностей» [10]. В этой связи разработчики проектов международных договоров особое внимание должны уделять вопросам обеспечения соответствия их правовых предписаний нормам и актам, с которыми они будут взаимодействовать, в том числе в вопросах правильности употребления терминологии, ясности изложения и т. д.

Так, значимые результаты были достигнуты в совершенствовании юридико-технических правил подготовки соглашений, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств: решением Совета Министров иностранных дел Содружества Независимых Государств от 28 марта 2008 г. были приняты Методические рекомендации по разработке проектов международных договоров, заключаемых в рамках Содружества Независимых Государств [11]. В данных методических рекомендациях последовательно и достаточно детально изложен порядок планирования, осуществления нормотворческой инициативы, подготовки, подписания, принятия, а также изменения и дополнения правовых актов Содружества Независимых Государств; регламентируется юридическая техника, языковые и терминологические требования, применение ссылок; подробно описывается структура разрабатываемых документов. Согласимся с тезисом А. Е. Кожаква и В. Н. Вежновца: «Конечно, пока нельзя сказать,

что все вопросы, связанные с созданием единой системы нормотворческой деятельности в СНГ, нашли свое правовое регулирование, но в то же время следует отметить, что работа в этом направлении проведена значительная» [12].

В науке и практике сложились и широко используются общие требования, присущие различным видам договоров:

- 1) наличие обязательных реквизитов — наименования сторон, сроков исполнения обязательства, предмета договора и др.;
- 2) необходимость составлять договор в нескольких экземплярах в зависимости от количества сторон;
- 3) требование о подписании договора всеми уполномоченными представителями сторон и указание их полного наименования;
- 4) лаконичные, емкие формулировки, изложенные в форме пунктов, а пункты объединяются в разделы договора;
- 5) соответствие положений договора действующему законодательству.

Эти и другие требования можно считать общими правилами разработки различных видов договоров нормативного содержания — как национального уровня, так и международно-правового. Кроме этого, ряд правил создания договоров нормативного содержания совпадает с правилами подготовки нормативных правовых актов. Точное выражение содержания договоров нормативного содержания, их доходчивость и доступность, возможность наиболее рационального их использования в практической работе можно обеспечить только посредством полного и правильного использования всех средств и приемов юридической техники на основе общеобязательных правил.

Таким образом, представляют исключительную важность вопросы подготовки не только нормативных правовых актов, но и иных источников права, в том числе правовых актов, не являющихся нормативными правовыми, притом эта подготовка осуществляется не только государственными органами, но и общественными объединениями, трудовыми коллективами, народом и др. Отсюда формируется аргумент в пользу того, что для научного изучения наиболее точным термином является «правотворческая техника», а не «нормотворческая техника».

Полагаем, что с учетом значимости и важности всех источников права (не только нормативных правовых актов) необходима разработка и правовое закрепление правил создания внутригосударственных договоров нормативного содержания. Равно как и для государственных органов, осуществляющих правотворческую деятельность на международном уровне, также требуется разработка системы юридико-технических правил составления международных договоров и придания указанным правилам обязательного характера.

1. Сільчанка М. У. Праватворчасць і праватворчы працэс у сістэме паняццяў агульнай тэорыі права // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2016. № 2. С. 120–128. [Вернуться к статье](#)
2. Курак А. И. Правотворческий процесс : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Амалфея, 2018. 280 с. [Вернуться к статье](#)
3. Сильченко Н. В. Система формальных источников современного права и проблемы правового регулирования правотворческой деятельности // Журнал рос. права. 2017. № 10. С. 13–24. [Вернуться к статье](#)
4. Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014. 536 с. [Вернуться к статье](#)
5. Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2019–2021 годы [Электронный ресурс] // М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. URL: <https://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/GS-2019-2021-1.pdf> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Методические рекомендации по вопросам коллективно-договорного регулирования [Электронный ресурс] : утв. постановлением Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси, 22 дек. 2020 г., № 221 // Федерация профсоюзов Беларуси. URL: <https://fpb.1prof.by/katalog-dokumentov/> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Сильченко Н. В. Источники права : сб. науч. ст. [Электронный ресурс]. Минск : Право и экономика, 2021. 294 с. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46710772_73793160.pdf (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. О международных договорах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
10. Структура международных договоров Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Интернет-Портал СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/page/19066> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. О Методических рекомендациях по разработке проектов международных договоров, заключаемых в рамках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : решение Совета Министров иностранных дел Содружества Независимых Государств, 28 марта 2008 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
12. Кожakov А. Е., Вежновец В. Н. О правилах юридической техники, применяемых при подготовке правовых документов в рамках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/23040/1/2006_1_JILIR_kozhanov_vezhnovets_r.pdf (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.13

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

А. К. Кукеев

Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
e-mail: askar_kukeyev@mail.ru

Аннотация. В данной статье раскрывается современное понимание принципа правовой определенности как одной из важнейших составляющих верховенства права, его соотношения с другими родственными понятиями; основные требования принципа правовой определенности для нормотворческой и нормоприменительной, в частности судебной, практики.

Ключевые слова: верховенство права, принцип правовой определенности, юридическая техника, защита легитимных ожиданий, исполнение судебных решений, обеспечение единства судебной практики.

Annotation. This article reveals the modern understanding of the principle of legal certainty as one of the most important components of the rule of law, its relationship with other related concepts; the main requirements of the principle of legal certainty for rule-making and rule-applying, in particular judicial, practice.

Keywords: the rule of law, the principle of legal certainty, legal technique, protection of legitimate expectations, enforcement of court decisions, ensuring the unity of judicial practice.

Правовая определенность и ее составляющие являлись важным предметом исследований на протяжении веков. Так, Б. Леони в книге «Свобода и закон» справедливо отмечает, что правовая определенность является залогом реализации личной свободы, необходимым элементом политической и правовой системы [1, с. 113]. Корни концепции правовой определенности берут начало еще в Древней Греции и Древнем Риме, где впервые было обращено внимание на важность точности и предсказуемости закона. Однако решающий вклад в развитие теории правовой определенности как составляющей верховенства права внес А. Дайси — классик теории верховенства права (rule of law) и их последователи. Ими была развита точка зрения, что законы должны быть доступными, понятными, четкими и обращенными в будущее. В частности, А. Дайси в своем труде «Введение в учение о праве конституции» выделяет определенность и предсказуемость закона как одну из основных черт верховенства права [2, с. 10].

Среди отечественных ученых, занимавшихся вопросом правовой определенности, следует назвать прежде всего С. П. Головатого. Он отмечает, что правовая система, нормы которой являются несомненными (определенными),

позволяет человеку владеть знаниями о сфере свободы, в которой она может действовать как независимое лицо, не боясь при этом непредсказуемых, безосновательных вторжений власти. По его мнению, верховенство права как определенность означает, что все юридические нормы — от самой абстрактной до самой конкретной — должны быть интегрированы в систему [3, с. 25].

М. Баймаханов определяет содержание принципа правовой определенности как совокупность требований, вытекающих из идеи предсказуемости права. Ученый, как уже отмечалось, выделяет требования к нормам права (содержательные и процедурные) и требования к нормам применения (необходимость выполнения нормативно-правовых актов, единство практики применения нормативно-правовых актов, а также важное место занимает окончательность судебных решений), каждое из которых является важной составляющей принципа правовой определенности [4, с. 38].

Следует еще раз подчеркнуть, что в трудах, посвященных принципу правовой определенности, отсутствует единое мнение по этому понятию. Да, по мнению В. А. Крыжан, понятие «правовая определенность» можно истолковать как обязательство государственных органов обеспечить легкость выяснения сущности правовых норм, стабильность законодательства, четкость и однозначность при реализации и применении правовых норм [5, с. 82].

В. Брюгер раскрывает понятие принципа правовой определенности также через его элементы, которыми, по его мнению, является четкость определения правовых норм и подчинение праву, стабильность правовых норм, четкая институциональная ответственность органов власти [6, с. 212]. Однако такой подход, хоть в общем и правильный, однако неполный, учитывая, что к понятию правовой определенности не включается ряд элементов, связанных с предсказуемостью последствий определенного поведения индивида, законодательной политики и т. п.

Даже из приведенных позиций названных авторов следует, что понятие принципа правовой определенности раскрывается ими не путем всеобъемлющей дефиниции, а через поэлементный подход, т. е. перечисление и раскрытие определенных элементов, составляющих: предсказуемость законодательной политики, в частности изменений в законодательстве, предсказуемость для индивида правовых последствий своих действий, наличие соответствующей организации государственно-властного аппарата (в частности, законодательное ограничение дискреционных полномочий), требования ко всем ветвям власти действовать на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренным конституцией и законами и т. д. Такой подход, по нашему убеждению, вполне обоснован и единственно правильный. Однако он требует,

если и не исчерпывающего, то, по крайней мере, достаточно полного перечня элементов — составляющих принципа правовой определенности.

Рассмотрим, какие еще элементы включают в это понятие. Важным элементом принципа правовой определенности часто называют принцип окончательности решений суда — *res judicata*, который известен еще с римского права. Его значимость признавалась даже в советское время. Да, в трудах ученых этого периода понятие «стабильность правового решения», что, конечно, влияет на содержание окончательности решений суда, было удачно определено М. А. Гурвичем. По мнению ученого, стабильность правового решения обеспечивается двумя запретами, например: а) невозможностью пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу; б) невозможностью нового рассмотрения дела, способного привести к отмене или изменению ранее принятого решения [7, с. 161–162].

Действительно, слишком трудно установить меру, насколько должна быть определена норма. А. Н. Соколов считает, что законодатель должен формулировать норму настолько точно, насколько это возможно в свете нуждающейся проблемы регулирования [8, с. 168]. Да, нормы конституции могут быть более общими и менее точными, чем положения других законов. Наиболее точными должны быть положения законов, определяющих наказание и полномочия органов государственной власти, поскольку четкое определение оснований, границ и способов осуществления компетентным органом властных полномочий является одним из способов законодательного ограничения свободы усмотрения в отношениях с гражданами.

Ж.-Л. Бержель, рассматривая проблему юридических определений, отмечает, что этот вопрос является проблемой методологической альтернативы: «Или юридические определение с неоспоримым верховенством законодательной власти, что одновременно гарантирует правовую обеспеченность и неуклонность права, или же отсутствие юридических определений, но предоставление большой свободы судьям, что приводит к определенной шаткости законодательного сооружения и большой гибкости правовых норм» [9, с. 216].

Таким образом, поскольку абсолютной определенности формулировок текстов законов достичь невозможно, важная роль в понимании норм права принадлежит нормоприменительным органам, в частности судам. В процессе принятия решений суды могут слишком свободно толковать правовые нормы, что, безусловно, является отрицательным явлением. Поэтому в основе интерпретационной деятельности судьи должен быть сбалансированный подход — применение как элементов определенности, так и других принципов (как пропорциональности) и ценностей (как справедливости), направленный, прежде

всего, на защиту прав человека. А в этом, как известно, состоит фундаментальное значение верховенства права.

Анализ подходов многих ученых, изложенный выше, свидетельствуют о том, что не существует единого комплексного понимания принципа правовой определенности. Как правило, тот или иной ученый выделяет лишь некоторые важные для него мнения, аспекты (элементы) принципа правовой определенности. Это говорит, с одной стороны, об отсутствии единого унифицированного подхода к изучаемому понятию, а с другой — о его важности.

Указанные исследования как зарубежных, так и отечественных ученых показательны и значимы для комплексного понимания теоретических основ принципа правовой определенности, а также чрезвычайно важны как с точки зрения дальнейшего практического применения, так и с точки зрения гарантии защиты основных прав человека. Таким образом, можно утверждать, что принцип правовой определенности есть многоаспектное явление, состоящее из комплекса различных требований (подпринципов), совокупность которых дает полное основательное понимание изучаемого явления.

-
1. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. М. : ИРИСЭН, 2008. 308 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Dicey A. Introduction to the Study of the Law of the Constitution [Electronic resource]. URL: http://files.libertyfund.org/files/1714/0125_Bk.pdf (date of access: 11.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 3. Головатый С. П. Верховенство права: идея, доктрина, принцип : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук ; Ин-т законодательства Верхов. Рады Украины. Киев, 2008. 44 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Баймаханов М. Верховенство права как системообразующий признак понятия правового государства // Эділет : науч. труды. 2001. № 1. С. 36–46. [Вернуться к статье](#)
 5. Крыжан В. А. О содержании принципа правовой определенности // Перм. юрид. альманах. 2018. № 1. С. 81–88. [Вернуться к статье](#)
 6. Brugger W. Concretization of Law and Statutory Interpretation. European and Civil Law Forum. 1996. P. 211–212. [Вернуться к статье](#)
 7. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1976. 176 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Соколов А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград : Янтар. сказ, 2002. 456 с. [Вернуться к статье](#)
 9. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр. Г. В. Чуршукова ; под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : Nota bene, 2000. 575 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.858

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Е. С. ЛаповаСанкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт кафедры теории государства и права
e-mail: lapovaes@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, касающиеся освещения деятельности сотрудников органов внутренних дел в средствах массовой информации, взаимодействия средств массовой информации и Министерства внутренних дел по решению социально значимых вопросов на разных этапах российской истории.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовая культура общества, правовая культура сотрудников органов внутренних дел, пресс-служба Министерства внутренних дел, служба по связям с общественностью.*

***Annotation.** The article deals with issues related to the coverage of the activities of law enforcement officers in the media, the interaction of the media and the Ministry of Internal Affairs to address socially significant issues at different stages of Russian history.*

***Keywords:** legal culture, legal culture of society, legal culture of employees of internal affairs bodies, press service of the Ministry of Internal Affairs, public relations service.*

Правовая культура современного полицейского формируется под воздействием множества факторов. В числе субъектов формирования правовой культуры — средства массовой информации (далее — СМИ). Средства массовой информации, с одной стороны, удовлетворяют потребности различных социальных слоев в информации [1, с. 66], с другой — выступают каналом обратной связи, демонстрируют уровни восприятия обществом информации и формирования в социуме определенных идеологических установок [2, с. 12–13; 3, с. 28–33; 4; 5, с. 11–18].

Деятельность СМИ на протяжении всей истории российского государства связана с государственными органами в целом и их значимой частью — правоохранительными органами (прежде всего полицией Российской империи / милицией Временного правительства / советской милицией / милицией Российской Федерации / полицией Российской Федерации).

Информирование общества о деятельности стражей правопорядка приобретает системный характер после выхода в свет первого печатного органа Министерства внутренних дел Российской империи — Санкт-Петербургского

журнала (1804). Журнал содержал отчеты о деятельности Министерства внутренних дел, сведения о количестве умышленных убийств, смертей в результате несчастных случаев, самоубийств, пожаров и пр., предоставляя читателям возможность быть информированными о решении вопросов внутреннего управления государством и обеспечении органами охраны правопорядка внутренней безопасности.

Газета «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», появившаяся в 1809 г., информировала читателей о проблемах политического характера, о деятельности Министерства внутренних дел и органов полиции и играла важную роль в формировании в общественном сознании положительных образов государственной власти и российской полиции.

Число официальных печатных органов Министерства внутренних дел росло: регулярно выходили «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (1865–1871), «Правительственный вестник» (1869–1917) с приложениями, «Вестник судебной медицины и общественной гигиены» (1882–1888), «Тюремный вестник» (1893–1917), «Известия Земского отдела» (1904–1917). Официальным печатным органом Департамента полиции Министерства внутренних дел стал ежемесячный иллюстрированный журнал «Вестник полиции» (1907–1917) — открытое еженедельное иллюстрированное издание, первый журнал для полицейских, созданный для помощи полицейским и формирования в обществе положительного мнения о деятельности полицейского ведомства [6, с. 120–124; 7, с. 86–104].

Увеличение числа средств массовой информации, направлений их деятельности и понимание руководством Министерства внутренних дел значения СМИ в формировании общественного сознания обусловили образование при Главном управлении по делам печати особого Осведомительного бюро (1906), которое занималось анализом материалов, предоставляемых читателям на страницах периодических изданий. В 1915 г. Осведомительное бюро было реорганизовано в Бюро печати, деятельность которого была связана не только с анализом публикаций, но и с предоставлением периодическим изданиям информации о государственно-правовой жизни посредством выпуска специальных бюллетеней и непосредственного общения с редакторами и корреспондентами периодических изданий. Именно в это время появились пресс-конференции, игравшие важную роль в укреплении взаимодействия Министерства внутренних дел и СМИ [8, с. 17].

Как общегосударственная, так и местная ведомственная печать выполняли общую задачу распространения официальной информации среди широкого круга лиц. При этом в общегосударственных изданиях упор был сделан на доведение до сведения читателей официальных документов, а в местных

изданиях, кроме официальной информации, содержались объявления и заметки. Статьи о деятельности полиции содержали все периодические издания — органы Министерства внутренних дел Российской империи [9, с. 86–92].

В 1917 г., провозгласившем свободу слова и печати, количество печатных изданий возросло. В 1918 г. вышел в свет «Вестник НКВД», материалы которого способствовали выполнению приказа НКВД «О вежливом обращении милиции с народонаселением» (1922). НКВД вел активную работу с читателями ведомственной печати: с милиционерами по вопросам выполнения служебных обязанностей, с населением — по вопросам работы органов милиции. Циркуляр НКВД РСФСР № 347 от 4 октября 1928 г. прямо указывал на важность использования печати для привлечения граждан к деятельности по предупреждению преступлений. В 1930-х гг. появляются и издания Министерства внутренних дел регионального масштаба [10].

В годы Великой Отечественной войны большая доля деятельности СМИ была направлена на поддержание патриотических чувств, поднятие духа населения, порицание противоправных действий. Самым доступным и оперативным средством информирования граждан стало радиовещание [11, с. 117].

В послевоенный период в условиях необеспеченности органов милиции кадрами началось активное привлечение населения для охраны общественного порядка [12, с. 11–12; 13, с. 52–65]. Реализация Инструкции МВД СССР «Об организации и практическом использовании бригад содействия милиции» (1946) потребовала освещения взаимодействия милиции и институтов гражданского общества в СМИ. Многочисленные статьи об участии граждан в реализации правоохранительной функции государства размещались на страницах журнала «Советская милиция», который появился в 1955 г. В это время и периодические издания региональных органов внутренних дел на своих печатных полосах размещали материалы о смелости милиционеров при задержании преступников, ратовали за внимательное отношение милиционеров к гражданам, повествовали о лучших сотрудниках органов внутренних дел, освещали повседневную работу местной милиции, писали о борьбе с хулиганством, подчеркивая, что основой деятельности милиции является законность [14].

В середине 1950-х гг. в СССР появились новые периодические издания, радиоканалы, телепередачи, которые нашли отклик у советской общественности. Граждане оперативно реагировали на информацию, предоставляемую СМИ; установился активный диалог СМИ и граждан. Обратная связь находила выражение в сообщениях граждан о работе милиции в различных регионах страны, в выявлении гражданами недостатков в работе милиции, в выражении благодарности милиционерам за их службу. В общественном сознании формировался образ милиционера — защитника правопорядка, готового

в любую минуту оказать помощь гражданам и защитить их права и законные интересы.

В 1960-х гг. Министерство охраны общественного порядка РСФСР возложило на органы милиции обязанность постоянно снабжать СМИ материалами, отражающими результаты деятельности милиции в различных направлениях. В подготовке сообщений для средств массовой информации принимали участие и начальники территориальных подразделений органов внутренних дел, и высшее руководство правоохранительных ведомств. Активно использовалась обратная связь с населением; организовывалось обсуждение материалов СМИ рабочими, трудовые коллективы приглашали на встречи авторов материалов правоохранительной направленности и сотрудников милиции.

В 1966 г. был создан Центральный клуб Министерства охраны общественного порядка РСФСР, в числе задач которого были: укрепление контактов милиции со СМИ; широкое использование СМИ для повышения активности общества в борьбе с преступностью, пропаганды принципа неотвратимости наказания, создания неприемлемого отношения к нарушению правопорядка [10].

22 мая 1975 г. Министром внутренних дел СССР был подписан приказ № 119 «Об улучшении использования средств массовой информации в деятельности органов внутренних дел» [15, с. 1677], в соответствии с которым были разработаны рекомендации по повышению профессионализма журналистов, пишущих на правовые темы, организованы конкурсы на лучшее художественное произведение о милиции.

10 июня 1983 г. Приказом Министерства внутренних дел СССР № 0162 было создано Пресс-бюро Министерства внутренних дел СССР — первое профессиональное подразделение, обязанностями которого стали непосредственно связи с общественностью. В региональных управлениях Министерства внутренних дел начали формироваться собственные пресс-группы.

В республиканских СМИ появились специализированные рубрики: «Внимание, подросток!», «Хроника происшествий», «Следствие просит помощи», «Дорога, транспорт, человек» [16, с. 61–63]. Широкую популярность получила серия книг «Советская милиция», в которой публиковались произведения о расследовании преступлений. На радиоволнах в рубрике «Рассказы о милиции» звучали передачи, повествующие о деятельности милиции. В свет вышли радиопрограмма «У опасной черты», «Ровесники», газета «Опасный возраст», поднимавшие вопросы о правомерном поведении молодежи, взаимодействии несовершеннолетних с органами милиции; осуществлявшие информирование населения, прежде всего молодежи, о способах решения конфликтных ситуаций.

Сотрудники пресс-служб органов внутренних дел выступали в эфире, вели передачи, готовили интервью, профессиональные информационные и новостные материалы, проводили круглые столы, пресс-конференции, брифинги, организовывали работу по консультированию коллективов редакций печатных изданий. Публичное обсуждение работы милиции способствовало повышению требований к сотрудникам органов внутренних дел, формированию у стражей правопорядка ответственности за результаты служебной деятельности и стремления к эффективному выполнению поставленных перед милицией задач.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. стали переломными в жизни СССР и Министерства внутренних дел. Взаимодействие органов внутренних дел и общественности характеризовалось тем, что в Министерстве внутренних дел были созданы подразделения, непосредственно отвечающие за взаимодействие с общественностью и СМИ; Министерство внутренних дел впервые ставит перед сотрудниками новых отделов профессиональные задачи, направленные исключительно на укрепление связей с общественностью; расширен круг обязанностей сотрудников, отвечающих за связи с общественностью; активная работа с молодежью потребовала от работников по связям с общественностью педагогической подготовки и знаний по возрастной психологии; расширен круг форм и методов взаимодействия с общественностью и корреспондентами (в том числе иностранными); установлено оперативное и конструктивное взаимодействие с ними, которое определило стиль работы пресс-служб Министерства внутренних дел в дальнейшем.

7 августа 1991 г. приказом № 285 Министерства внутренних дел СССР создана Объединенная редакция Министерства внутренних дел СССР, предназначенная для подготовки и выпуска периодики, теле- и радиопередач, книжно-брошюрной продукции Министерства внутренних дел [10].

Деятельность ведомственных пресс-служб в постсоветской России основывается на положениях Закона Российской Федерации № 2124-1 от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации».

На постсоветском пространстве в отдельных государствах возникли проблемы, связанные с кризисом доверия общества правоохрнительным органам [17, с. 312–313, 315–317], решение которых стало насущной проблемой для суверенных государств [18].

Таким образом, этапы становления связей Министерства внутренних дел и общественности тесно связаны с рубежными историческими событиями, особенностями идеологии, характерной для этого времени, уровнем развития СМИ. Взаимодействие правоохрнительных органов с общественностью, позволяющее эффективно реализовывать правоохрнительную функцию государства, превратилось в важное направление работы советской милиции,

воспринятое после распада СССР и милицией / полицией Российской Федерации. Средства массовой информации до настоящего времени являются значимым субъектом формирования правовой культуры российского полицейского.

1. Красножон О. В. Профессиональное правосознание как форма общественного сознания // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. № 4(68). С. 64–68. [Вернуться к статье](#)
2. Красножон О. В. К вопросу о факторах, влияющих на формирование правосознания сотрудников полиции // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. № 3(67). С. 11–14. [Вернуться к статье](#)
3. Демидова И. А. Определение правовой культуры в теории права // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД. 2017. № 2(74). С. 28–33. [Вернуться к статье](#)
4. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. 466 с. [Вернуться к статье](#)
5. Демидова И. А. Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД. 2019. № 1. С. 11–18. [Вернуться к статье](#)
6. Красножон О. В. Журнал «Вестник полиции» в системе ведомственной печати Министерства внутренних дел Российской империи // Юрист-Правоведъ. 2015. № 4(71). С. 120–124. [Вернуться к статье](#)
7. Красножон О. В. Журнал «Вестник полиции» – детерминанта профессионального правосознания сотрудников полиции Российской империи в начале XX века // Genesis: исторические исследования. 2017. № 3. С. 86–104. [Вернуться к статье](#)
8. Гутнов Д. А. Из истории взаимодействия государства и периодической печати в России: Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской Империи // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2015. № 4. С. 16–25. [Вернуться к статье](#)
9. Токмачева А. Ю., Янченко И. Л. Ведомственная периодическая печать в системе Министерства внутренних дел Российской империи (дореформенный период XIX в.) [Электронный ресурс] // Труды Акад. управления МВД России. 2018. № 4(48). С. 86–92. [Вернуться к статье](#)
10. История УОС. Исторический формуляр УОС МВД России. Во времена советские (1917–1968) // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS? (дата обращения: 06.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Горохова А. В. Возникновение радиовещания как средства массовой информации: первые теории развития радиовещания и его влияния на общество // Культурология: журнал Ин-та научной информатизации по общественным наукам РАН. 2011. № 1(56). С. 104–122. [Вернуться к статье](#)
12. Нижник Н. С. Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 сент. 2013 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России ; под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова. Краснодар : Юг, 2013. С. 6–13. [Вернуться к статье](#)

13. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5. С. 52–66. [Вернуться к статье](#)
14. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник [и др.]. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2021. 328 с. [Вернуться к статье](#)
15. Кошкарлова Ю. А. Арт-визуальные средства в формировании благоприятного имиджа сотрудника правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию рос. полиции, Санкт-Петербург, 23–25 апр. 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2018. С. 1676–1679. [Вернуться к статье](#)
16. Иванов В. А. Взаимодействие ОВД Марийской АССР со СМИ во второй половине 1980-х годов // Вестн. Марийского гос. ун-та. 2013. № 12. С. 61–64. [Вернуться к статье](#)
17. Нижник Н. С., Абдулло А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. Душанбе, 2021. 476 с. [Вернуться к статье](#)
18. Права человека: между прошлым и будущим / под ред Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М. : Норма, 2021. 448 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.341

**ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ****Д. В. Лобач**

Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук
e-mail: dimaved85@mail.ru

Е. А. Смирнова

Дальневосточный федеральный университет (Россия),
старший преподаватель кафедры трудового и экологического права,
кандидат юридических наук
e-mail: smirnova.ea@dvfu.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен перерождения правового сознания в условиях интенсивного распространения криминальной субкультуры, связанной с поддержанием и распространением воровских идей и традиций. Отдельное внимание обращается на проблему развития воровского движения в российском обществе на современном этапе. Дается краткая характеристика основных моментов перерождения правосознания.

Ключевые слова: правовое сознание, дефект правосознания, криминальная субкультура, воровские понятия, воровской мир.

Annotation. The article examines the phenomenon of the rebirth of legal consciousness in the conditions of the intensive spread of the criminal subculture associated with the maintenance and dissemination of thieves' ideas and traditions. Special attention is drawn to the problem of the development of the thieves' movement in Russian society at the present stage. A brief description of the main points of the rebirth of legal consciousness is given.

Keywords: legal consciousness, defect of legal consciousness, criminal subculture, concepts of thieves, thief's world.

В современных условиях информационной свободы, граничащей зачастую с вербальной вседозволенностью, при слабом государственном контроле за информационным контентом и низкой эффективностью социальных институтов, осуществляющих воспитательные и пропагандистские функции, в российском обществе наблюдается перманентный духовно-культурный кризис ментальной сферы социальных отношений, который выражается в потребительском отношении, забвении исторического наследия, деградации межличностных отношений, искаженном представлении о долге и ответственности, эгоизме, стяжательстве, гедонизме и др. На фоне экономических, политических

и социально-культурных процессов, происходящих в современном российском обществе, наблюдаются негативные тенденции, связанные с распространением деструктивных идей, которые, в свою очередь, детерминируют девиантное поведение в разных формах выражения. При этом основной сферой информационно-коммуникационного взаимодействия и распространения таких идей становится сеть Интернет. Развитие информационно-коммуникационных технологий в совокупности с массовой интеграцией населения, и особенно молодежи, в процесс информационного-коммуникационного взаимодействия в интернет-пространстве повышает риски генерации и распространения деструктивных идей, что создает условия для приобщения в будущем к радикальным воззрениям и общественно опасным движениям.

Среди всего многообразия таких движений особое внимание обращает на себя недавно появившееся, но быстро развиваемое общественное движение под названием «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования — «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е. (далее — АУЕ)).

Представители этого движения выступают за распространение так называемой воровской идеи, поддержание воровского сообщества (воровской мир), а также популяризируют уголовный образ жизни и неофициальные тюремные правила поведения. Кроме того, сторонники этого движения, отказываясь от признания нормативно-правового регулирования общественных отношений, в то же время признают власть и авторитет лидеров преступной среды в лице профессиональных преступников, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Основным регулятором социальных отношений в среде профессиональных преступников являются так называемые понятия, то есть традиционные неформальные правила поведения в преступной общеуголовной среде. В регулятивном плане подобные нормы направлены на упорядочивание отношений между членами самой общеуголовной среды. В специальной литературе отмечается, что криминальная субкультура представляет собой малое сообщество, существующее параллельно с большим обществом [1, с. 16]. Другой особенностью рассматриваемого движения является материальная база (более известная как «общак»), которая формируется якобы в целях поддержания лиц, находящихся в местах лишения свободы [2, с. 25–27].

Уникальность рассматриваемого феномена заключается в том, что такое движение является проявлением тюремной субкультуры, которая начала складываться еще в Российской империи, а потом была трансформирована в период существования советского государства. Принято считать, что именно в пениitenciарной системе СССР появляются лидеры уголовной среды, более известные как «воры в законе». Данная категория профессиональных преступников

занимает высшее положение в преступной иерархии и, как следствие, — пользуются определенными привилегиями в своей среде, также выполняет строго определенные функции: трактует неформальные правила поведения в воровской среде (толкование понятий), разрешает споры между заключенными и общеуголовными преступниками, обеспечивает материальную базу воровского сообщества через сбор материальных средств (держатели общака), поддерживает и продвигает воровскую идеологию. Важно понимать, что «воры в законе» являются прежде всего лидерами общеуголовного движения (воровская среда), основная задача которых — это развитие и поддержание традиций воровской (тюремной) субкультуры в целях сплочивания лиц, ведущих преступный образ жизни и признающих такие традиции [3, с. 73–75].

В то же время движение АУЕ в определенной мере является эксцессом самого традиционного воровского движения, сложившегося именно в местах лишения свободы, так как традиции воровского мира стали проникать в открытое общество и прежде всего в молодежную среду. Безусловно, нельзя отрицать факт того, что и ранее отдельные элементы криминальной субкультуры проникали в общественное сознание (шансон в музыке, экранизация сюжетов на криминальные темы, распространение воровского арго, использование поведенческих моделей тюремной жизни), однако столь массовое распространение криминальной субкультуры в обществе и прежде всего в молодежной среде наблюдается впервые. Например, по некоторым данным в настоящее время в соцсети «ВКонтакте» зафиксировано 289 групп с признаками принадлежности к движению АУЕ, а также 552 группы, которые «стоят на грани» [4]. Это движение насчитывает до 34 тыс. активных приверженцев в 40 регионах, из них до 40 % — подростки в возрасте 13–17 лет [5]. Об опасности и масштабах этого движения свидетельствует тот факт, в 2020 г. решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. общественное движение АУЕ было признано экстремистским, а его деятельность на территории России запрещена.

С позиции теории права и юридической психологии криминальная субкультура, основанная на нормах и традициях профессиональной общеуголовной преступности (воровское движение, воровское сообщество, воровской мир), может обуславливать крайнюю форму деформации правового сознания, более известного как перерождение правосознания. Особенность этого вида деформации заключается в том, что в сознании субъекта преступной субкультуры происходит качественный отказ от признания правовых регуляторов социальных отношений и актуализация неправовых средств нормативного регулирования. Перерождение правового сознания в направлении возникновения криминального сознания связано с такими дефектами сознания, как правовая

неосведомленность, дезинформация о государственно-правовых явлениях, индивидуальный инфантилизм, правовое бескультурье, правовой негативизм и цинизм [6, с. 121]. Правовая неосведомленность выражается в отсутствии знаний как о возможностях (пределах) правового регулирования в целом, так и о самих нормативно-правовых актах. Неосведомленность о возможностях (пределах) правового регулирования может способствовать разочарованию в возможностях государства по обеспечению правового порядка и реализации принципа законности. Вместе с тем надо понимать, что сама по себе правовая неосведомленность не детерминирует криминальную субкультуру и перерождение правового сознания, хотя при прочих дефектах и условиях, безусловно, может этому способствовать. В отличие от правовой неосведомленности, исходящей от личности, дезинформация о государственно-правовых явлениях направлена на личность извне и связана со стремлением оказать корректирующее воздействие на когнитивную, эмоционально-волевою и поведенческую стороны сознания личности. По своей сущности криминальная субкультура, связанная с идеями и традициями воровского движения, является антагонистичным по отношению к государству явлением. Даже если учитывать некую трансформацию традиций воровской культуры, допускающую возможность устанавливать коррупционные связи с представителями власти и даже временное сотрудничество, само движение по-прежнему не признает государственную власть. Справедливости ради здесь следует отметить, что воровская субкультура, не признавая государственную власть, в то же время при этом не претендует на преобразование государственного устройства, захват и удержание власти. Это обстоятельство принципиально отличает воровское движение от политического насилия, включая терроризм. В свою очередь, дезинформация о государственно-правовых явлениях способствует развитию в личности правового бескультурья и отрицательному отношению к праву как регулятору общественных отношений. Отдельно следует сказать и об индивидуальном инфантилизме, под которым принято понимать особенности в развитии личности, которые характеризуются наивностью в оценке ситуации, непониманием последствий своих действий и неумением принимать взвешенные решения. Индивидуальный инфантилизм — это прежде всего психическое отставание в развитии от нормы взросления. Данному дефекту сознания присуще неадекватное восприятие ситуации, что выражается в гипертрофированном, искаженном представлении об явлении [7, с. 7]. В этом аспекте индивидуальный инфантилизм в совокупности с огромным потоком разной информации и активным коммуникативным воздействием в информационной среде в определенной мере объясняет романтизацию воровской идеи со стороны прежде всего молодежи.

В то же время необходимо понимать, что криминальная субкультура, связанная с распространением воровских идей и поддержанием преступного образа жизни, может и не приводить к перерождению правового сознания в тех случаях, когда восприятие системы ценностей и идей этой субкультуры носит стихийный, конформистский, спекулятивный и не до конца осознанный характер. В этом аспекте необходимо разграничивать стойкие, глубинные изменения, происходящие в сознании лиц, имеющих многолетний стаж отбытия наказания в местах лишения свободы и беззаветно поддерживающих идеи и традиции воровского мира, от дефектов правового сознания у лиц, которые только приобщаются к подобной субкультуре. Однако в любом случае распространение таких идей и пропаганда преступного образа жизни являются опасным трендом, демонстрирующим деградацию нравов, подмену ценностей и искажение представлений о государстве и праве.

-
1. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М. : ИНФРА-М, 2001. 418 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2019. № 13 (1). С. 21–28. [Вернуться к статье](#)
 3. Кутякин С. А., Теткин Д. В., Брюхнов А. А. Историко-криминологический анализ становления и развития сообщества «воров в законе» (XVIII – середина XX века) // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 73–78. [Вернуться к статье](#)
 4. Куликов В. Мационг Е. Пререкаемый авторитет. Уголовные «понятия» приравнены к экстремизму [Электронный ресурс] // Рос. газета. № 196(8250). URL: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html> (дата обращения: 20.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 5. Запрещенное в России движение АУЕ насчитывает до 34 тыс. приверженцев в 40 регионах [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9218777> (дата обращения: 20.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 6. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2007. 704 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Серегина А. А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2006. 25 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 3.08

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ЕДИНСТВЕ НАВЯСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ**

Л. Н. Меньялло

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат политических наук
e-mail: m.lyudmila.78@mail.ru

Д. В. Меньялло

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
начальник кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел в единстве нравственной и правовой составляющей, акцентируется внимание на факторах, оказывающих непосредственное влияние на формирование и развитие профессионально-нравственной культуры сотрудника, исследуются отдельные аспекты правовой культуры.*

***Ключевые слова:** профессиональная культура, правовая культура, нравственные ценности, требования, предъявляемые к сотруднику органов внутренних дел.*

***Annotation.** The article examines the professional culture of employees of the internal affairs bodies in the unity of the moral and legal component, focuses on the factors that have a direct impact on the formation and development of the professional and moral culture of the employee, examines certain aspects of legal culture.*

***Keywords:** professional culture, legal culture, moral values, requirements for an employee of the internal affairs bodies.*

В современных условиях развития общества и государства такие понятия, как профессиональная культура, нравственная культура, правовая культура, культура поведения, культура общения сотрудников органов внутренних дел, приобретают особое значение.

Сегодня общество предъявляет высокие требования в оценке деятельности сотрудника органов внутренних дел как представителя важнейшего государственного института, отвечающего за безопасность жизни людей. При этом

оценке поддаются все сферы деятельности полиции, качество осуществления профессиональных функций.

И здесь большую роль играет уровень профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел, подразумевающий под собой уровень знаний, навыков, умений, способностей, которые необходимы, чтобы полицейский достойно и качественно выполнял возложенные на него обязанности. Именно уровень восприятия сотрудником полиции норм профессиональной культуры правоохранительной деятельности, становится, условно объектом оценки со стороны граждан. Кроме того, достойное поведение сотрудника органов внутренних дел в различных ситуациях, выдержка, самообладание, демонстрация высокой нравственной культуры и профессионализма только способствуют формированию правомерного поведения граждан.

На формирование профессионально-нравственной культуры сотрудника органов внутренних дел большое влияние оказывают: мораль самого общества, состояние экономики страны, социальное положение, социальная среда, в которой приходится осуществлять свою профессиональную деятельность органам внутренних дел, коллектив, в котором несет службу сотрудник. Поэтому необходимо, чтобы сформированные нравственные ценности были ориентиром не только в профессиональной деятельности, но и в обычной жизни.

Нравственные ценности сотрудников органов внутренних дел во многом сформулированы в принципах деятельности полиции, содержащихся в Федеральном законе Российской Федерации «О полиции»: соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, законность, беспристрастность, открытость и публичность, общественное доверие и поддержка граждан. Кроме того, существуют декларативные принципы — гуманность, справедливость, толерантность, патриотизм.

Что касается правовой культуры сотрудника органов внутренних дел как части правовой культуры всего общества, то в ее структуре необходимо выделять:

- уровень правового мышления, правосознания, правового менталитета;
- степень эффективности правоприменительной деятельности и уровень правовой активности;
- степень законопослушности, состояния дисциплины и законности в рядах сотрудников;
- уровень нормотворческой деятельности в Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

При этом правовую культуру сотрудников органов внутренних дел можно рассматривать как некий проводник правовой политики государства, она проявляется в правотворчестве, при осуществлении профессиональных

функций, в образовательной деятельности, при осуществлении профилактических и воспитательных мероприятий.

Проведенные реформы в государственных органах предопределили и существенные изменения в организации деятельности органов внутренних дел и в подходах к выполнению служебных задач. Значительно усилена социальная направленность, вектор деятельности нацелен не только на обеспечение безопасности личности, общества и государства, но и на повышение авторитета в обществе и формирование доверия к органам внутренних дел со стороны граждан. При этом современному сотруднику органов внутренних дел необходимо работать над повышением своей правовой компетентности [1].

Уровень профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел проявляется в том числе и при коммуникации с гражданами, чему в значительной степени способствует и культура общения. Сотрудник органов внутренних дел сегодня должен обладать такими важными умениями, как:

- умение находить нужные слова и тон, в зависимости от ситуации и категории гражданина-собеседника;
- способность руководить разговором и выводить собеседника на интересующие проблемы;
- умение устанавливать контакт с различными категориями граждан;
- умение располагать к себе и слушать (слышать) людей. С пониманием относиться к возникшим жизненным трудностям граждан, чьи права были нарушены;
- умение использовать психологические приемы в общении.

В процессе реализации профессиональных функций сотрудникам органов внутренних дел приходится вступать в контакт с различными категориями граждан. «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» прямо указывает на требования, предъявляемые к сотруднику органов внутренних дел при общении с гражданами:

«– рассматривать защиту жизни, здоровья, прав, свобод, чести, личного достоинства и законных интересов граждан как высшую нравственную цель его служебной деятельности;

- учитывать национальные обычаи и традиции, религиозные чувства граждан, культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп, конфессий, способствовать согласию между ними;
- вести себя достойно и вежливо, вызывая доверие и уважение граждан к органам внутренних дел, готовность оказывать им содействие;
- воздерживаться в устной и письменной речи от оскорблений, грубости, нецензурной брани, жаргона, уголовной лексики» [2].

Подводя итог, можно констатировать, что правовые знания, обладание профессиональными навыками и умениями должны подкрепляться нравственными установками, формирующими культуру сотрудника органов внутренних дел. Оценка уровня правовой культуры отдельно взятого сотрудника и органов внутренних дел в целом осуществляется обществом непосредственно в процессе коммуникации граждан и полиции, где сотрудники имеют возможность продемонстрировать свои навыки и умения.

Исходя из нравственной сущности правоохранительной службы, профессиональных требований к сотрудникам, задач, стоящих перед ними, каждый сотрудник должен иметь прочную духовно-нравственную основу, прочные мировоззренческие ориентиры, позволяющие выполнять профессиональные обязанности, ориентируясь не только на букву закона, но и на нравственные нормы и принципы, принимая их как необходимые в его деятельности ценностные ориентиры.

1. Демидова И. А. Правовая компетентность личности в современном обществе: вопросы понимания и практика формирования // Вестн. Могилев. ин-та МВД. 2021. № 1. С. 90–95. [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел. Рос. Федерации, 26 июня 2020 г., № 460. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК
КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СИСТЕМЫ ПРАВА

К. А. Орлов

Уральский юридический институт МВД России,
начальник кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: orlov.82@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержательная характеристика критериев разграничения системы права на составные компоненты. Рассмотрены основные категории общественных отношений, которые составляют предмет правового регулирования, и нуждаются в правовом опосредовании. Дана характеристика основных методов правового регулирования, определена их роль в дифференциации отраслей права на различные виды. Рассмотрены основные тенденции сближения отраслей частного и публичного права.

Ключевые слова: система права, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, критерии дифференциации системы права.

Annotation. The article reveals the substantive characteristics of the criteria for distinguishing the system of law into its constituent components. The main categories of public relations that constitute the subject of legal regulation and need legal mediation are considered. The characteristics of the main methods of legal regulation are given, their role in the differentiation of branches of law into different types is determined. The main trends of convergence of the branches of private and public law are considered.

Keywords: legal system, subject of legal regulation, method of legal regulation, criteria of differentiation of the legal system.

В сложившейся системе российского права сформировалось достаточно большое количество отраслей права, которые связаны с регулированием общественных отношений, составляющих определенный род.

Ранее уже упоминались уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское, административное, муниципальное, авторское, экологическое, информационное и иные отрасли права.

Родственные отношения в данном контексте составляют предмет правового регулирования, который выступает основным критерием, позволяющим дифференцировать огромный массив выработанных в обществе норм права по определенным направлениям и придать им оформленный вид в рамках сформировавшейся системы законодательства. Вторым дуальным предмету критерием, который традиционно выделяется в отечественной правовой науке для дифференциации системы права на отрасли, является метод правового регулирования.

Метод правового регулирования касается особенностей воздействия на общественные отношения и позволяет делать это дифференцированно в зависимости от целей, стоящих перед законодателем.

Традиционно предмет и метод правового регулирования признаются основными критериями разграничения системы права на составные части. Но вместе с этим в отечественной юриспруденции сформировались и иные точки зрения на данный вопрос, которые дополняют и конкретизируют основания дифференциации отраслей права в системе права, а также деления права на частное и публичное.

Цели правового регулирования, принципы права, относящиеся к конкретной отрасли, понятийный (категориальный) аппарат существенно дополняют и обогащают имеющиеся данные об основаниях разграничения системы права на отрасли и иные составные части. Более подробно содержательная характеристика указанных критериев будет осуществлена в рамках последующих глав.

Не претендуя на исключительную уникальность в качестве признания предмета и метода правового регулирования в качестве основных и единственных критериев дифференциации системы права на отрасли, что подтверждается многообразием различных точек зрения на эту проблему, все же следует остаться в рамках сформировавшейся парадигмы и, раскрыв их содержательные аспекты, обосновать способность выступать средством разграничения всего массива норм права на составляющие части.

Предмет правового регулирования выступает одним из наиболее значимых элементов в механизме правового регулирования, так как позволяет разграничить существующие и формирующиеся общественные отношения по определенным группам и применить к ним определенный правовой режим для обеспечения наиболее сбалансированного достижения целей регулирования.

В современных обществах формируется колоссальное количество многообразных социальных связей, обусловленных интересом тех или иных субъектов права. Специфика этих отношений заключается в нескольких аспектах, имеющих важное правовое значение.

Во-первых, данные отношения должны находиться в сфере правового регулирования, то есть они нуждаются в определенном правовом воздействии со стороны права, поскольку иные средства регулирования (моральные нормы, религиозные нормы, корпоративные нормы, нормы-обычаи) с упорядочением данных отношений справиться не смогут, либо регулирование будет ограниченным и не сможет обеспечить безопасную реализацию интересов участников формирующихся социальных связей.

Отношения, которые обуславливают потребность в их урегулировании именно с помощью права, содержат следующие признаки: 1) в них отражаются

интересы всех членов общества не только личные, но и общественные; 2) данный интерес возникает у всех сторон, формируемых отношений, поэтому для поиска наиболее оптимального баланса в их реализации стороны готовы идти на ограничение своих интересов ради удовлетворения интересов другого; 3) участники добросовестно и ответственно осознают обязательность выполнения установленных правил поведения; 4) особенность данных правил поведения такова, что они создаются государством и им обеспечиваются, что придает авторитет и дополнительные гарантии их претворения в жизнь.

Эволюционные процессы развития общественных отношений позволяют выделить в них три основные группы, которые соответствуют указанным признакам.

Первую группу составляют отношения людей по обмену ценностями (как материальными, так и нематериальными). Риск ущемления интересов субъектов права, связанный с материальными ценностями, которые участники создавали и приумножали в течение определенного периода, остается актуальным и на современном этапе развития общества. Перспектива лишиться нажитого имущества из-за халатных или целенаправленных действий отдельных лиц волнует каждого добросовестного участника общественных отношений и обуславливает дополнительную поддержку со стороны государства.

Вторую группу образуют отношения по властному управлению обществом. Стабильное и гарантированное состояние развития общественных связей, сопряженное с достижением общего компромисса между всеми участниками, является востребованным для частных лиц, общественных объединений, а также представителей публичной власти. Данный факт обуславливает создание и применение единых и оптимальных для всех субъектов общественных отношений норм поведения, обеспеченных действенной силой государственного принуждения.

В третью группу входят отношения по обеспечению правопорядка, которые призваны обеспечить нормальное протекание процессов обмена ценностями и процессов управления в обществе. Специфика данных отношений такова, что они носят зависимый характер от вышеуказанных и возникают в случае их нарушения. Восстановление и защита, обеспечение привлечения виновных лиц к ответственности нуждаются в использовании специального арсенала правовых средств, поскольку иные регуляторы с процессами обеспечения правопорядка и безопасности справиться не способны.

Ко второму важному аспекту, который подчеркивает особую роль предмета правового регулирования выступать критерием дифференциации системы права, следует отнести его способность разграничивать формирующиеся отношения на отдельные составляющие блоки, а именно отрасли права.

Осуществляется данный процесс в целях сегментации норм права для регулирования конкретных общественных отношений, что создает удобство в поиске и использовании данных норм, придает стройность и упорядоченность всего массива правовых предписаний. Так, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации содержатся нормы права, регулирующие отношения в связи с совершением уголовно наказуемых деяний; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в свою очередь, включает нормы, которые предусматривают процедуру привлечения лиц к уголовной ответственности; в Семейном кодексе Российской Федерации размещены нормы права, посвященные отношениям в области семьи, воспитания детей, опеки, попечительства.

Метод правового регулирования выступает еще одним критерием, который позволяет дифференцировать правовые нормы по отдельным отраслям права.

Суть данного критерия заключается в том, что правовые отношения, формирующиеся в обществе, требуют различного подхода в их упорядочивании. Данный тезис обусловлен демократическими, цивилизованными тенденциями развития современных государств, отсутствием единообразия и приоритета одних интересов над другими, что наиболее явно проявляется в государствах с авторитарными и тоталитарными политическими режимами.

Юридическая практика выработала два основных метода правового регулирования общественных отношений — императивный (централизованный метод) и диспозитивный (децентрализованный метод).

Метод централизованного, императивного регулирования применяется к отношениям, участники которых обладают разным правовым статусом, они занимают неравное положение, а в отдельных случаях могут проявляться в зависимости от того субъекта, который обладает большими властными полномочиями. Данная специфика обусловлена тем, что они направлены на реализацию общезначимого, социального интереса, востребованного большинством представителей общества. Выразителем этого интереса чаще всего выступает государство, которое является ключевой организацией управления общественными процессами в социально неоднородном обществе, для чего наделяется специальными рычагами управления и обладает аппаратом принуждения. Отрасли публичного права (конституционное, административное, уголовное, уголовно-процессуальное) урегулированы данным методом.

В свою очередь метод децентрализованного, диспозитивного регулирования применяется к отношениям, участники которых обладают одинаковым правовым статусом, поскольку они занимают равное положение. Возникающие отношения между данными субъектами направлены на реализацию

исключительно их собственного интереса, поэтому их субъекты обладают достаточным уровнем свободы в выборе возможных вариантов своего поведения.

Отрасли, которые определяют лишь общую канву поведения, при этом предоставляя достаточную степень свободы их участникам, характеризуются как отрасли частного права, к ним можно отнести гражданское, наследственное, семейное, авторское, трудовое, предпринимательское право.

Теория метода правового регулирования устанавливает императивность предписаний в сфере публичности и диспозитивность по отношению к частному праву. Но вместе с этим условность этой концепции подтверждается тем, что конструкция диспозитивности, основанная на свободе субъектов права осуществлять права по своему усмотрению, в определенной мере присуща каждой отдельно взятой отрасли права. И даже, наоборот, утверждается, что при регулировании договорных отношений большая часть норм носит императивный характер.

На основе данных критериев предполагается вывод о том, что разграничение права публичного и частного возможно лишь по нескольким основаниям, так как каждое отдельное различие не позволяет провести четкую границу между отраслями.

Более того, граница между сферами частного и публичного интересов субъективна, подвижна и определяется законодателем. На современном этапе развития общественных отношений вполне очевидно, что если законодатель будет произвольно заменять частное право публичным или наоборот, то это не изменит природы входящих в эти подсистемы норм, принципов и правоотношения, зато может подорвать общественный порядок и воспрепятствовать нормальному развитию государства.

Реальность такова, что не существует в чистом виде публично-правовых и частноправовых отраслей, чтобы соотнести определенную отрасль к какой-либо правовой системе, нужно установить преобладание для публичного права — субординации субъектов, императивности норм, ориентированных на удовлетворение государственного и общественного интереса, а для частного права таких элементов, как децентрализация участников, свобода волеизъявления, диспозитивность норм, ориентированность на удовлетворение частных интересов.

Но однозначности и в этом вопросе нет, так как это связано с тем, что все нормы права являются общеобязательными. Данный признак является важнейшим в правовой норме, поскольку право в действительности регулирует общественные отношения. Следовательно, правовая норма является результатом согласования различных интересов, то есть сочетает частный и публичный интересы. Поэтому и нормы права затруднительно, да и неправильно делить

на конкретно частные или публичные. Например, установив административную ответственность за нарушение правил розничной торговли или дорожного движения, государство стремится обеспечить безопасность общественных отношений и тем самым установить, закрепить права отдельных индивидов: покупателей в магазине, пешеходов и водителей. Аналогично и в частном праве. Требования, предъявляемые к договорам о купле-продаже, об аренде, о дарении, направлены на охрану частных интересов, но соблюдение данных норм субъектами гражданского права обеспечивает в итоге упорядоченность всего гражданского оборота. Следовательно, частное право защищает и общественные интересы. Поэтому смело можно говорить о взаимодействии частного и публичного во всем правовом пространстве.

Таким образом, однозначности в разграничении понятий частного и публичного права не наблюдается. Границы между ними достаточно условны и размыты. Многочисленные попытки разграничения публичного и частного остаются нерешенным вопросом. В итоге все разграничение сводится к тому, что в той или иной системе происходит преобладание чего-либо на чем-либо. Но при этом не исключаются различия и в некоторой степени самостоятельность данных систем. Данная условность возникает из существа самой правовой системы, где публичные и частные интересы тесно связаны друг с другом, переплетаются и дополняются. Одно без другого существовать просто не может. Кроме этого, как частное, так и публичное право должны выполнять общую задачу — регулирование общественных отношений и сохранение баланса в обществе. Их взаимодействие приводит к проникновению частного в публичное и наоборот. Интеграция частного и публичного развивает отдельные отрасли права.

Системный характер связи частного и публичного права обуславливает невозможность реального совершенствования правового регулирования исключительно в рамках одного из них, без учета взаимодействия. Если нет развитого частного права, рассчитывать на эффективное развитие общества не приходится. Если нет развитого публичного права, частное право не может быть действенным. Итак, взаимодействие публичного и частного права должно основываться на внедрении частноправовых начал в публично-правовую материю, когда публичные отношения начинают все более широко регулироваться с использованием элементов частноправового метода.

УДК 340.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНИВАНИЯ КРИТЕРИАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ УРОВНЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. А. Ряснянская

Северо-Кавказский федеральный университет (Россия),
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: natalya.rgsu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения социально-правовых ценностей в воспитании национального правосознания. Определены основные задачи правового воспитания, рассмотрен инструментарий для их решения, уделено внимание основным элементам правовой культуры. Особое внимание уделено критериям и параметрам для оценки сформированности правосознания.

Ключевые слова: общество, молодежь, правовая культура, правовая система, критерии, параметры, инструментарий, компоненты правосознания.

Annotation. The article is devoted to the problem of determining socio-legal values in the education of national legal consciousness. The main tasks of legal education are defined, the tools for their solution are considered, attention is paid to the main elements of legal culture. Special attention is paid to the criteria and parameters for assessing the formation of legal consciousness.

Keywords: society, youth, legal culture, legal system, criteria, parameters, tools, components of legal awareness.

В жизни современного российского общества на правовое воспитание возложена своеобразная «миссия» по определению социально-правовых ценностей в воспитании национального правосознания, сохранению и транслированию сложившихся правовых идеалов и правового опыта.

Исходя из этого, можно определить основные задачи правового воспитания, способствующие формированию правосознания в современном российском обществе, а именно:

- повышение уровня правовой культуры путем общего повышения правовой информированности;
- социализация личности путем освоения правовых знаний;
- четкая гражданская позиция в правовых вопросах;
- умение воспринимать и транслировать полученные правовые знания в повседневной жизни.

Их решение, а также реализация в полной мере, позволят дать объективную оценку российской правовой действительности, определить дальнейшие

перспективы развития системы образования и воспитания, направление государственной политики в этой области.

Практические наработки в этой области показали, что для получения желаемых результатов необходимо проводить постоянный мониторинг уровня правосознания в обществе, чтобы своевременно выявлять степень его деформации и, соответственно, принимать решение, задействовав государственные рычаги. Как показала практика, мониторинг уровня правосознания имеет технологический характер, что позволяет использовать различные виды «оперативных действий», в зависимости от категории респондентов, условий проведения, поставленных задач [1, с. 45–58].

Немаловажное значение также будет играть анализ структурных элементов правосознания, позволяющий дать оценку социализации личности на основе действующих правовых норм, что позволит выявить уровень восприятия ценностно-нормативной системы личностью. Говоря о правосознании личности, следует иметь в виду правовые представления и юридическую информированность личности, подразумевающую готовность действовать, руководствуясь правовыми знаниями и убеждениями [2, с. 104–106].

В существующей российской правовой системе, правосознание представляет ментально-духовную сторону правотворческой и правоприменительной деятельности, где правовые отношения, правопорядок и законность регулируют поведение граждан, обеспечивая социальную стабильность путем защиты культурно-исторических и религиозных ценностей общества [3, с. 1314–1317].

С позиций структурно-функционального и системного подходов правосознание рассматривается как сложное образование, сформированное на основе общественных ценностей. Рассматривая элементы индивидуального правосознания, особое внимание необходимо уделить правовым знаниям, а также отношению к праву и правовым установкам [4, с. 241–244]. Именно эти элементы определяют правосознание в целом. Следует отметить, что в правосознании индивида присутствуют элементы нескольких видов правосознания, к примеру, научного, обыденного, конституционного, сформировавшегося под влиянием правовой психологии и идеологии. Соответственно, элементы правосознания образуют целостное единство, находятся в тесной взаимосвязи, они не могут существовать также без элементов политического, морального и других разновидностей сознания.

Главными условиями развития правосознания является совокупность явлений, от которых зависит возникновение, развитие, функционирование и существование данного феномена. Соответственно, развитие правосознания представляется закономерным процессом, получившим выражение в качественных, количественных и структурных преобразованиях.

Достаточно интересна позиция А. Р. Ратинова, рассматривающего структуру правового сознания на уровне макроанализа. Ученый выделяет сферы правосознания, которые соответствуют разным отраслям права и различным видам правовых отношений. Проведя анализ структуры правосознания в зависимости от способа отражения правовых явлений, автором выделяется социально-психологическая часть, то есть правовая психология и познавательная часть, то есть правовоззрение. В то же время под правовой культурой А. Р. Ратинов предложил понимать систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, и их отражения в сознании и поведении людей. При этом в качестве элементов правовой культуры А. Р. Ратинов предлагает выделить:

- право;
- правоотношения;
- государственные органы и организации, обеспечивающие реализацию права;
- правосознание;
- правовое поведение, т. е. систему практической деятельности людей по исполнению и применению права.

Важным этапом в формировании правосознания индивида является обучение, в ходе которого происходит:

- накопление правовых знаний;
- превращение накопленных знаний в убеждения.

Однако следует отметить, что процесс превращения знаний правовых норм в убеждения предполагает выработку стойкой привычки поступать соответственно этим знаниям, то есть привычки правомерного поведения в соответствии с законом. В процессе обучения правовая культура личности соединяет в себе правовые знания, взгляды, а также правовую активность, умения и навыки оценивать как свои, так и чужие действия с точки зрения действующих законов.

Для определения критериев сформированности правовой культуры следует учитывать следующее:

- наличие правовых ценностей (мотивов, взглядов, убеждений), которые определяют позицию личности в использовании правовых норм;
- отношение индивида к праву, законности, установленному правопорядку в обществе;
- готовность индивида следовать действующим правовым установкам.

Для оценки уровня правосознания молодого поколения используются эталоны, в качестве которых выступают образцы деятельности в соответствии с действующими правовыми нормами, а также уровень готовности к повседне-

ному применению норм права. Данные эталоны оценки невозможно использовать без таких видов критериев, как параметры, показатели, уровни и нормы.

Так, при оценке уровня сформированности правосознания молодого поколения используются следующие параметры:

- знание норм права (законов);
- правовые взгляды, убеждения;
- мотивация к изучению законодательства;
- опыт практического применения правовых норм;
- дисциплинированность;
- требовательность в выполнении правовых норм;
- правовая активность;
- исполнительность;
- правовая устойчивость;
- принципиальность;
- волевая готовность к преодолению трудностей в соблюдении правовых норм;
- опыт самосовершенствования правовой самоподготовки;
- опыт самоконтроля за соблюдением правовых норм.

Эти параметры оценки фиксируют основные элементы и компоненты правовой культуры личности. Исходя из этого, можно выделить следующие группы параметров сформированности правосознания молодого поколения:

- правовую информированность;
- правовые ценности;
- правовую активность;
- правовое творчество;
- правовой самоконтроль.

В основе показателей оценки уровня правосознания, должны быть конкретные понятия, которые помогают выявлять признаки наличия или отсутствия обобщенных качеств правовой культуры. К примеру, показателями оценки по параметру «правовое творчество» являются следующие признаки:

- умение студента критически оценивать проекты нормативных документов;
- опыт сопоставления соотношения законов и подзаконных актов, общероссийских законов с нормативными документами региона.

В то же время показателями оценки по параметру «правовые ценности» могут быть следующие:

- опровержение ошибочных мнений по вопросам права;
- опыт доказательства путей решения правовых проблем;
- умение дать оценку нарушениям норм права и т. д.

Важное место в процессе диагностики уровня правосознания личности занимают нормы оценки. В качестве источника норм оценки выступают учебные программы, федеральные государственные образовательные стандарты, квалификационные характеристики будущих специалистов и т. д.

В качестве критерия, выступающего в роли норматива, могут быть использованы формулировки целей курсов учебных дисциплин. Однако в программах цели сформулированы таким образом, что их применение в качестве критериев оценки весьма затруднительно. Так, в ряде программ по правовым дисциплинам ставятся следующие задачи:

- знать место и роль отдельных отраслей права в системе права;
- владеть научными представлениями о государственно-правовых явлениях;
- уметь проводить сравнительный анализ, логически грамотно выражать и обосновывать свою точку зрения по государственно-правовой и политической проблематике и т. д. [1, с. 45–58].

Ряд ученых предлагают рассматривать компоненты правосознания как отношение к праву. Особое внимание уделяется таким элементам правосознания, как оценочному, волевому, информационному, эмоциональному и рациональному. В связи с этим особый интерес представляет точка зрения С. Н. Левковича, согласно которой правосознание следует рассматривать как некое сложное системное образование, в состав которого входят следующие подсистемы:

- воля, определяющая внешнее выражение и сущность правового сознания, как средство реализации правовой установки;
- правовая идеология, включающая в себя философские, социально-экономические, политический и национально-религиозные элементы;
- знание (информационный элемент правосознания).

В своих работах С. Н. Левкович отмечает, что знание является фундаментом, который основывает все основы правосознания индивида. Очевидно, что знание носит «информационный» характер, в то же время некоторые исследователи категории знания правовых норм и правосознания разграничивают. Особый интерес, по мнению С. Н. Левковича, представляет такой элемент правосознания как интеллектуальное восприятие права (правовая идеология), включающее рациональные компоненты, а именно доктрины, правовые теории, представления, взгляды, а также правовое убеждение, что и является правовой идеологией.

На сегодняшний день можно выделить критериальный инструментарий, позволяющий дать оценку уровню сформированности правосознания молодежи. Данная социальная группа является достаточно мобильной, требующей

особого внимания из-за свободного доступа к достаточно объемному информационному потоку и своевременного принятия решений по итогам полученных результатов [5, с. 141–146].

Ведущая роль в получении объективных результатов будет принадлежать значениям выбранных критериев, их видам и ожидаемым результатам. В классическом варианте критерии оценивания уровня правосознания современной молодежи неразрывно связаны с правовой культурой личности. Именно она позволяет посредством правовых ценностей, выявить взгляды, внутренние убеждения личности в применении правовых норм в повседневной жизни. Немаловажное значение в этом случае имеет отношение молодого поколения к действующей правовой системе, нормам поведения в обществе [6, с. 149–196].

Как правило, объективную оценку уровню правовой культуры личности позволяет дать общепринятый «эталон правового поведения», отражающий уровень знания и умения применять на практике действующие правовые нормы. Подобные «эталоны» используют с такими видами критериев, как параметры, показатели, нормы и т. д.

-
1. Тарасова С. Ю. Ценности современного российского общества в условиях глобализации // Век глобализации. № 4(20). 2016. С. 45–58. [Вернуться к статье](#)
 2. Худойкина Т. В. Технология оценки и измерения правового сознания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 104–106. [Вернуться к статье](#)
 3. Цекатунова Л. Б. Критериально-диагностический инструментарий оценки сформированности правового сознания студентов высших учебных заведений // Фундамент. исследования. 2015. № 2-6. С. 1314–1317. [Вернуться к статье](#)
 4. Нефедов С. И., Нефедова М. С. Критерии сформированности правовой культуры студентов // Ползун. вестн. 2006. № 3. С. 241–244. [Вернуться к статье](#)
 5. Ряснянская Н. А., Верич И. Н. Современное правовое образование в контексте применения инновационных технологий в системе обучения // Сб. науч. тр. кафедры правовой культуры и защиты прав человека : сб. науч. работ преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Ставрополь: Издательско-информац. центр «Фабула», 2021. С. 141–146. [Вернуться к статье](#)
 6. Российское правосознание обучающихся в условиях внедрения инфокоммуникационных технологий : монография / А. А. Волков [и др.] ; под общ. ред. А. М. Дроздовой. М. : ИНФРА-М, 2021. Т. 1. С. 149–196. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ФОРМ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА

Н. В. Сильченко*

Белорусский государственный университет,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: silch1954@mail.ru

Аннотация. В статье определяется авторская позиция по вопросам места правового сознания в системе форм позитивного права. Дается характеристика особенностей содержания и структуры правового сознания в качестве формы права. Обозначается взаимодействие правового сознания с другими формами общественного сознания.

Ключевые слова: право, позитивное право, форма права, интегративные формы права, формализованное право, правовое сознание, фактические правовые отношения, мягкое право.

Annotation. The article defines the author's position on the place of legal consciousness in the system of forms of positive law. The characteristics of the features of the content and structure of legal consciousness as a form of law are given. The interaction of legal consciousness with other forms of public consciousness is indicated.

Keywords: law, positive law, form of law, integrative forms of law, formalized law, legal consciousness, actual legal relations, soft law.

В 50-х годах прошлого века в отечественной теории права начался переход от узкого, «нормативного», к «широкому» пониманию права, который к началу 90-х годов оформился в достаточно стройную систему научных положений, согласно которой: «Право, правовая действительность, правовая материя выступают в трех проявлениях, в трех ипостасях. Это тройственное единство различия составляют, во-первых, правосознание, идеи, представления о праве, во-вторых, правовые нормы, в-третьих, общественные отношения, порождающие правовые нормы и, в свою очередь, испытывающие воздействие этих норм» [1, с. 9]. В современных источниках встречаются разные названия и интерпретации трех ипостасей (форм) права, но оптимальными и наиболее точно отражающими суть произошедших перемен в понимании права являются следующие: формализованное право, правовое сознание и фактические правовые отношения.

* Данная статья публикуется посмертно. Автор не успел сформулировать выводы, при этом теоретические положения, изложенные в статье, будут служить ориентиром в исследованиях теоретических аспектов права.

Переход к широкому пониманию права не внес, однако, принципиальных изменений в ракурс исследования правового сознания и в настоящее время оно является реальным предметом лишь философствования [2, с. 11]. Понимание правового сознания в русле общеправовой теории невозможно без исследования данной ипостаси права во взаимосвязи с двумя другими *равновеликими* ему формами права и с другими формами общественного сознания, во взаимодействии с которыми оно наполняется конкретным содержанием, обретает четкое строение и понятные структурные и функциональные связи. Учитывая то обстоятельство, что у права выделяется широкая палитра форм, в данной статье определим место правового сознания в системе форм позитивного права, охарактеризуем особенности содержания и структуры правосознания в качестве формы права, обозначим взаимодействие с другими формами общественного сознания.

Понятие «форма права» в юридической доктрине употребляется, во-первых, для обозначения способов организации содержания права и в этом плане пересекается с понятием структуры права [3, с. 55], а во-вторых, для характеристики всего множества внешних средств выражения и закрепления права и зачастую отождествляется с понятием источников права. Различение данных аспектов в понимании формы права является основанием выделения внутренних и внешних форм права. В состав первой группы входят право частное и право публичное, право материальное и право процессуальное, право регулятивное и право охранительное и т. д. В состав второй группы включаются право устное, право писаное, право обычное, право прецедентное, право договорное и т. д. По своему объему содержание права равно форме права. Нет таких элементов содержания права, которые бы не были формированы, как не существует таких форм права, в которых бы не закреплялись и не выражались те или иные содержательные стороны права. Следовательно, под формой права можно понимать любые проявления содержания права [4, с. 21].

Первая группа форм права характеризует в основном организацию содержания права, здесь в центре внимания оказываются принципы права, нормы права, индивидуальные и иные правила поведения, их деление на определенные части и устойчивые связи между частями [5]. Вторая группа форм права характеризует главным образом внешние средства выражения и закрепления права [6]. Развитие права сопровождается изменениями в содержании старых [7] и появлением новых форм права, таких как право интеграции [8], цифровое право [9], сетевое право [10] и т. д. Развитие форм права, с одной стороны, усиливает индивидуальное правовое регулирование, а с другой стороны, ведет к преобладанию локальных систем правовой регуляции, что снижает эффективность права в рамках всего общества [11, с. 53].

Особое место в системе форм права принадлежит формализованному праву, правовому сознанию и фактическим правовым отношениям. Эти формы права интегрируют содержание права и внешние способы выражения и закрепления содержания права, и вследствие этого их можно именовать интегративными формами права. У каждой из интегративных форм права выделяется свое содержание, свои специфические внешние средства выражения и закрепления, с ними преимущественно связаны два из шести традиционных вида источников права. С фактическими правовыми отношениями — правовой обычай и правовой прецедент, с правовым сознанием — правовая доктрина и религиозные тексты, с формализованным правом — правовой акт и правовой договор. Кроме традиционных видов источников права, каждая из интегративных форм права выражается и закрепляется в системе иных, нетрадиционных и модифицированных источников права.

По каким критериям выделяются данные формы права? Таких критериев минимум два: 1) средства, с помощью которых устанавливается определенность права; 2) характер связи с государством. Фактические правовые отношения определяются посредством символов, ритуалов, обрядов и имеют самые общие связи с государством, фактическое право защищается непосредственно участниками социального общения и создаваемыми в обществе властными структурами. Правовое сознание в качестве формы права определяется с помощью эмоциональных и вербальных средств, словесных формул и имеет более четкие, по сравнению с фактическими правовыми отношениями, связи с государством. Из трех форм права самым определенным является формализованное право, поскольку письмо является главным средством его выражения и закрепления. У формализованного права складываются и самые тесные связи с государством, оно создается преимущественно государством и защищается его принудительной силой.

В каждой интегративной форме находят выражение отдельные стороны субстратной составляющей содержания права, т. е. принципов права, норм права и индивидуальных правил поведения. В формализованном праве принципы права существуют в виде исходных нормативных правовых предписаний, закрепляющих цели и задачи правового регулирования. Нормы права здесь проявляются в виде нормативных правовых предписаний, а индивидуальные правила поведения — в виде индивидуальных правовых предписаний. В фактических правовых отношениях принципы права проявляются в виде правовых аксиом, нормы права — в виде фактических правовых стандартов, а индивидуальные правила поведения — в виде индивидуальных навыков и умений правового общения. И, наконец, в правовом сознании принципы права проявляются в виде фундаментальных идей о праве, нормы права — в виде теорий,

содержащих модели поведения, а индивидуальные правила поведения — в виде правовых чувств. Лишь в своем единстве интегративные формы права обеспечивают полноту закрепления всего объема содержания права.

Исходным пунктом для дальнейших рассуждений о правовом сознании в качестве формы позитивного права может служить такое понимание правового сознания, при котором оно является не только одной из форм общественного сознания, в состав которого входят идеи, теории и чувства о существующем, желательном и действовавшем когда-то праве [12, с. 46], но и специфическим социальным регулятором, особой ипостасью (формой) [13, с. 25].

При характеристике правового сознания в качестве формы позитивного права мы исходим из того, что далеко не весь объем содержания правового сознания входит в состав позитивного права, а только те идеи, теории и чувства, во-первых, в которых отражается эквивалентная природа регулируемых правом общественных отношений, во-вторых, которые соответствуют ментальным параметрам [14, с. 112] сложившейся правовой традиции общества [15] и, в-третьих, которые нашли внешнее выражение и закрепление в формальных источниках права, коррелирующих с данной формой права. Менталитет народа, отражающий эквивалентную природу права в определенных исторических условиях, и правовые традиции образуют своеобразный социальный фильтр, посредством которого адсорбируются и включаются в действующее право определенные идеи, теории и представления, либо остаются вне позитивного права чуждые национальной правовой системе элементы содержания и формы права. Первые два критерия отнесения правосознания к форме права — основные, третий критерий — дополнительный.

Формальные источники права служат инструментом, с помощью которого данная форма позитивного права выделяется из всего объема правового сознания. Вместе с тем определенная часть правового сознания может быть и закреплена в формальных источниках права, но если она не отвечает первым двум критериям, то, соответственно, она не может быть включена в состав данной формы права. Естественно, в состав данной формы права не входят идеи, теории, чувства криминального сообщества. Таким образом, в нашем понимании вопрос о том, входит или не входит в состав правового сознания правосознание правонарушителей, решается положительно: да, входит, но не входит в состав права. Сам факт выражения и закрепления правового сознания в официальных источниках права указывает на связь данной формы права с властными структурами общества и отдаленно с государством, поскольку *официальность* формальным источникам права в конечном счете придается государством. Но точно также то, что выражается и закрепляется в формальных источниках права, как правило, находится под защитой государства.

Для обозначения той части правового сознания, которая входит в содержание позитивного права, можно использовать термин «*мягкое право*». Следует согласиться с тем, что мягкое право входит в состав родового понятия права [16], с тем, правда, уточнением, что мягкое право является не особым видом права, а одной из его интегративных форм. Термин «*мягкое право*» подчеркивает особенность связи обозначаемой им формы права с государством и указывает на специфику юридической обязательности данной формы права. Юридическая обязательность мягкого права обеспечивается прежде всего усилиями самих субъектов права, социальными и негосударственными властными структурами общества, при этом не исключается участие государства в процессах образования, реализации, систематизации и интерпретации мягкого права. В юридической науке высказано мнение о том, что понятием мягкого права охватываются принципы права [17, с. 26–27], с чем нельзя не согласиться, если речь идет о той части содержания принципов права, которая сформулирована как определенная идея и входит в состав правового сознания.

Современному праву присущи две взаимосвязанные тенденции. Одна из них связана с лавинным увеличением объема формализованного, по выражению профессора Ю. А. Тихомирова, текстового права [18, с. 13], который происходит в основном за счет технических правовых актов [19]. Другая тенденция проявляется в расширении использования мягкого права в сфере регулирования международных и внутригосударственных отношений [20, с. 12–13] и сопряжена с увеличением числа и разновидностей коррелирующих с данной формой права формальных источников права — стратегий, программ, концепций, кодексов установившейся практики и т. д. [21]. При этом возрастание технических начал в позитивном праве «уравновешивается» расширением сферы действия и значимости мягкого права. В основании создания формализованного права все чаще находятся источники мягкого права, а реализация формализованного права невозможна без научного обобщения практики реализации, разъяснения позитивного права, осуществляемого широким кругом субъектов права, в том числе государства.

В своем историческом становлении право прошло путь от фактических правовых отношений к правовому сознанию и от правового сознания к формализованному праву. На каждом последующем этапе развития предшествующие формы права подчинялись последней по времени появления форме права, изменялись, но не исчезали из арсенала способов организации содержания и внешних средств выражения и закрепления права. В системном единстве и различии фактические правовые отношения, правовое сознание и формализованное право образуют позитивное право.

Правовое сознание — вторая по времени появления форма позитивного права... Зародившееся в условиях товарного производства и соответствующих ему обмена, распределения и потребления фактические правовые отношения носили стихийный характер.

В соотношении с формализованным правом выделяется три вида правового сознания и, соответственно, мягкого права: 1) правосознание, которое предшествует формализованному праву, составляет одну из основ будущего формализованного права, и в котором содержатся модели желаемого, «идеального права»; 2) правосознание, которое формируется под воздействием формализованного права и в котором отражается содержание действующего формализованного права без каких-либо отклонений; 3) правосознание, которое меняется (деформируется) под воздействием формализованного права и служит одним из инструментов «приспособления» формализованного права к постоянно меняющейся социальной действительности и формирования практики реализации права.

Во взаимодействии с фактическими правовыми отношениями в правосознании можно выделить следующие структурные части. Во-первых, в правовом сознании отражаются и находят достаточно полное выражение правовые аксиомы, фактические правовые стандарты и «опытные» образцы правового общения, выработанные в ходе правового общения субъектов права индивидуальные навыки. Во-вторых, в правовом сознании на уровне идей, теорий и чувств формируются представления о том, каким должно быть право. Данную структурную часть правового сознания можно именовать «идеальным правом».

В системе форм позитивного права правосознание (мягкое право) выполняет правосохраниющую, правосоздающую, правореализационную и гносеологическую функции. Правосознание является хранилищем ментальных стереотипов и правовых моделей, которые выступают надежными средствами восстановления правовой системы общества в случае разрушения или деформации формализованного права и фактических правовых отношений. Вне и помимо правового сознания (мягкого права) невозможны образование и реализация права [22]. Наконец, правовое сознание (мягкое право) является средством познания права. В правосознании потребности общественного развития осознаются в категориях и понятиях прав и обязанностей, законности и правопорядка, правовых отношений, юридической ответственности и т. д., что выделяет правовое сознание из системы форм общественного сознания [23, с. 10–11]. Информация о праве, накопленная в религиозном, моральном, политическом, философском сознании, «препарируется» с помощью свойственных правовому сознанию понятий и категорий и после такой трансформации становится

составной частью правового сознания, а при соответствии трем очерченным выше критериям может входить в состав мягкого права.

Особое место в системе форм права занимают фактические правовые отношения, правовое сознание и формализованное право. Данные формы права выполняют интегративную роль, они обеспечивают системное единство внутренних и внешних форм права.

-
1. Лившиц Р. З. Современная теория права. Краткий очерк ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Н. С. Малеин. М. : Ин-т государства и права РАН, 1992. 93 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. 335 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М. : Юстицинформ, 2014. 392 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Батурина Ю. В. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Акад. управления МВД России. М., 2001. 23 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Система права: история, современность, перспективы : монография / Т. Н. Радько [и др.] ; под ред. Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2018. 256 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Луканов И. С. Проблема классификации отраслей российского права и новые отрасли современного права // IV Моисеевские чтения : докл. и материалы Общерос. (нац.) науч. конф., Москва, 15–16 апр. 2021 г. М., 2021. С. 45–50. [Вернуться к статье](#)
 7. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права ; под ред. И. Н. Сенякина. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. 472 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Капустин А. Я. Право евразийской интеграции в фокусе международного права // Государство и право. 2017. № 6. С. 79–88. [Вернуться к статье](#)
 9. Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113–123. [Вернуться к статье](#)
 10. Голоскоков Л. В. Теория сетевого права. М. : МПСУ ; Воронеж : МЛДЭК, 2012. 216 с. [Вернуться к статье](#)
 11. Малахов В. П. Общая теория права и государства. Курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и прав, 2018. 271 с. [Вернуться к статье](#)
 12. Кожевников В. В. К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры // Государство и право. 2020. № 12. С. 45–46. [Вернуться к статье](#)
 13. Самигуллин В. К. Правосознание: корень добра и справедливости : монография. 3-е изд., испр. М. : Омега-Л ; Уфа : Диалог, 2014. 176 с. [Вернуться к статье](#)
 14. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования : монография / И. А. Демидова ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев-

ский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)

15. Коваленко К. Е., Коваленко Н. Е. Кодификация национальных проектов // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.) : сб. науч. тр. ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Сер. Научная мысль. Право. М. : ИНФРА-М», 2021. С. 236–240. [Вернуться к статье](#)

16. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал рос. права. 2013. № 5. С. 37–48. [Вернуться к статье](#)

17. Скурко Е. В. Принципы права : монография. М. : Ось-89, 2008. 192 с. [Вернуться к статье](#)

18. Тихомиров Ю. А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал рос. права. 2020. № 4. С. 5–16. [Вернуться к статье](#)

19. Хотько О. А. Теоретико-методологические проблемы технического регулирования на евразийском пространстве как составляющей правового обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности // Журнал зарубеж. законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 84–99. [Вернуться к статье](#)

20. Поленина С. В. Размягчение права как основная тенденция его современного развития и обусловленные эти последствия в области прав человека // Государство и право. 2015. № 3. С. 12–16. [Вернуться к статье](#)

21. Студеникин А. Б. Понятие источника права и проблемы определения // Результаты современных научных исследований : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. ; редкол.: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск : Рузаевский печатник, 2021. С. 303–309. [Вернуться к статье](#)

22. Абрамов А. И. Функции правосознания и их роль в реализации функций права // Правоведение. 2006. № 5. С. 23–34. [Вернуться к статье](#)

23. Погребная Ю. К. Кризис современного российского правосознания : монография. М. : ИНФРА-М, 2019. 192 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

Е. И. Стабровский

Академия МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
e-mail: egor_stab@mail.ru
e-mail: viktar19sv@gmail.com

Аннотация. *Анализируются подходы к классификации правового сознания. Предлагается классификация правового сознания по критерию ценностного наполнения правосознания человека.*

Ключевые слова: *правовое сознание, личностная и нормативная правовая ценность, деаксиологизированное правосознание.*

Annotation. *Approaches to the classification of legal consciousness are analyzed. A classification of legal consciousness is proposed according to the criterion of the value content of human legal consciousness.*

Keywords: *legal consciousness, personal and normative legal value, deaxiologized legal consciousness.*

Актуальность обращения к проблеме классификации правового сознания обусловлена необходимостью развернутого представления об особенностях существования и действия правового сознания в правовой реальности. Представления о классификации правового сознания, сложившиеся еще в советской юридической науке, должны быть дополнены современными научными достижениями как в области юриспруденции, так и в области психологии сознания.

В юридической науке существуют различные подходы к классификации правового сознания. Большинство ученых сходятся во мнении, что правовое сознание следует классифицировать по количеству охватываемых субъектов. Исследователи выделяют общественное (правовое сознание всех или большинства членов общества), групповое (правовое сознание отдельных социальных групп) и индивидуальное правовое сознание (правосознание отдельного человека). Также имеет место широкое признание классификации правового сознания по глубине отражения правовых явлений: обыденное (правовое сознание человека, не имеющего специальной правовой подготовки), теоретическое (правовое сознание ученых-юристов, занимающихся научными исследованиями права), профессиональное (правовое сознание практикующих юристов — адвокатов, следователей, судей и др.). Обратимся к рассмотрению современных подходов к классификации правового сознания.

В настоящее время основания классификации правового сознания значительно расширились. Так, В. П. Малахов полагает необходимым выделять типы

правосознания и по социально-групповому признаку он предлагает следующие четыре типа правосознания: государственническое, гражданское, правосудное и криминальное [1, с. 267].

Р. С. Байниязов, исходя из концепций правопонимания, выделяет естественно-правовой и позитивистский типы правосознания [2, л. 172].

Исходя из признаков географического и геополитического детерминизма, И. Л. Вершок предложена дифференциация правосознания на локальный, местный, внутригосударственный, межгосударственный и международный уровень [3, с. 268].

О. Г. Щедрин развивает классификацию правового сознания по степени восприятия права субъектами, состоящую из естественно-правового, легистского, маргинального, преступного и анархистского правосознания [4, с. 8]. О. Г. Щедрин также предлагает деление правосознания на стадии. Покорность праву — правосознание «рождается под давлением со стороны государства». Осознание права — предполагает «разумное осознание ценности права и его необходимости». Борьба за право — осознание «необходимости активной борьбы за субъективные и объективные права» [4, с. 19].

Ю. А. Дружкина выделяет религиозное правосознание. По мнению ученого, религиозное правосознание должно быть определено как «взгляды, доктрины, чувства, настроения индивидов, социальных общностей по поводу права и законности, формирующиеся под влиянием религиозного мировоззрения и выполняющие посредством этого роль социального источника права и самостоятельного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях» [5, с. 7].

В приведенных классификациях не нашло своего отражения проявление характеристик правосознания человека, связанных с учетом его правовых ценностей. Представляется необходимым обратиться к исследованию данного направления и предложить классификацию правового сознания, учитывающую проявление личностных характеристик человека в правовой реальности.

Современные достижения в области юриспруденции и психологии сознания позволяют по-новому взглянуть на правовое сознание личности и его структуру. В этой связи правовое сознание личности понимается как система находящихся в координационной связи психических, когнитивных (интеллектуальных, знаниевых) и ценностных компонентов сознания, направленных на отражение правовой реальности и определяющих правовое поведение человека. В свою очередь структура правового сознания личности представлена в виде трех уровней, находящихся в равноценной координации (гетерархии) относительно друг друга: 1) бытийного уровня; 2) рефлексивного уровня; 3) личностно-ценностного уровня правосознания [6, с. 51–57].

Бытийный уровень правосознания характеризует отражение правовой реальности, которое происходит под влиянием психических свойств (чувств, эмоций, переживаний, соматических проявлений и т. д.) человека.

Рефлексивный уровень правосознания характеризует отражение правовой реальности, которое происходит под влиянием когнитивных (знаниевых, интеллектуальных) свойств человеческого восприятия. Рефлексивный уровень правового сознания отвечает за восприятие права как правовой информации.

Личностно-ценностный уровень правосознания характеризует отражение правовой реальности, которое происходит под влиянием личностных правовых ценностей. Данный уровень правосознания обеспечивает аксиологизацию рефлексивных компонентов правового сознания лица посредством личностного принятия правовых ценностей [6, с. 51–57].

Выделение в структуре правосознания рефлексивного и личностно-ценностного уровней обусловлено антрополого-правовым подходом и связано с различием двух видов правовых ценностей: правовых ценностей, закрепленных в правовых нормах и отраженных в правовом сознании лица в качестве правовой информации, и правовых ценностей, воспринятых индивидуальным правовым сознанием в качестве необходимой личностной правовой ценности. Этим обуславливается принципиальное отличие когнитивного и аксиологического компонентов правосознания и необходимость учета этого различия в правовом регулировании общественных отношений.

Под личностной правовой ценностью понимается составляющая личностно-ценностного уровня правосознания, представляющая собой свободно принятую и усвоенную идеальную модель правомерного поведения, сформированную на основе нормативных правовых ценностей или личных нравственных представлений и с внутренней необходимостью реализуемую в правомерном поведении человека. Под нормативной правовой ценностью понимается составляющая рефлексивного уровня правосознания, представляющая собой интеллектуально воспринятую лицом идеальную модель правомерного поведения, заложенную в правовых нормах и принципах, соответствующих конкретному национальному правопорядку [7, с. 213].

В этой связи предлагается классификация правового сознания по критерию ценностного наполнения правового сознания человека. Под ценностным наполнением правового сознания человека понимается уровень укоренения в правовом сознании человека правовых ценностей, которые существуют в юридическом дискурсе.

Руководствуясь предложенным основанием, полагаем возможным выделение следующих видов правового сознания человека: 1) личностно-ценностное

правовое сознание; 2) нормативно-ценностное правовое сознание; 3) деаксиологизированное правовое сознание.

Личностно-ценностное правовое сознание представляет собой вид правового сознания личности, которое содержит личностные правовые ценности, соответствующие нормативным правовым ценностям. Реализация ценности требует личностного участия человека. Личностно-ценностное правовое сознание выражает положительные, социально одобряемые стремления человека в правовой реальности. Личностно усвоенная правовая ценность выступает благом для конкретного человека, становится составляющей правового сознания. Происходит реализация личностного конституирования. Справедливость как правовая ценность включается в этот процесс.

Для личностно-ценностного правового сознания, основанного на справедливости и направленного на достижение блага, выполнение нормативных требований, изложенных в правовых положениях, не является вынужденной, а выступает внутренне согласованной социальной необходимостью. Определяющее значение в выборе правомерного способа поведения имеет личностное отношение к праву как ценности, как благу. При этом знание нормы права также важно, но не является определяющим. Таким образом, личностно-ценностное правовое сознание представляет собой вид правового сознания человека, которое предполагает внутреннюю необходимость правомерного поведения.

Нормативно-ценностное правовое сознание представляет собой вид правового сознания личности, которое содержит нормативные правовые ценности, но не имеющие личностного усвоения. В данном случае речь идет о выполнении требований правовых предписаний в силу внешних обстоятельств (принуждения, боязни ответственности, конформности и пр.) без придания нормативным требованиям личностного отношения. Данный вид правового сознания человека обладает значительным потенциалом в обретении совершенно нового качественного состояния. Сформированные нормативные правовые ценности несут в себе общественно важные характеристики. Нормативный статус имеют не любые ценности, а только наиболее важные социальные ценности. Однако отсутствие личностного отношения создает вероятность того, что имеющиеся у человека нормативные правовые ценности могут быть подменены мнимыми, утилитарными, неправовыми феноменами. В этом скрыта возможность поворота нормативно-ценностного правового сознания или в сторону обретения личностного способа существования, или в сторону утраты ценностного содержания, либо нахождения в обобщенном виде в прежнем состоянии.

Таким образом, нормативно-ценностное правовое сознание человека содержит нормативные правовые ценности, не получившие личностного

усвоения. Оно обладает как потенциалом совершенствования при обращении к личностному способу существования, так и перспективой деаксиологизации.

Деаксиологизированное правовое сознание представляет собой вид правового сознания личности, которое предполагает утрату или искажение человеком правовых ценностей. Данное понятие включает в себя все формы отклоняющегося отношения к явлениям правовой реальности (правовой нигилизм, правовое перерождение и др.). Такое правосознание не направлено к достижению и воспроизводству правовых ценностей, справедливости, блага.

Важно учитывать тот факт, что правовое сознание человека является открытым для нового опыта, находится в постоянном развитии. Это означает, что существует возможность формировать правовое сознание человека. Деаксиологизированное правовое сознание человека может быть преобразовано путем формирования как в нормативно-ценностное, так и в личностно-ценностное правовое сознание. Формирование правового сознания человека нам представляется необходимым вести через формирование нормативных и личностных правовых ценностей, имеющих место при личностном существовании человека в правовой реальности.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует отметить, что классификация правового сознания имеет глубокую научную разработку. Выделение в обобщенном виде обыденного, профессионального, научного, а также индивидуального, группового и общественного правового сознания нашло широкое признание в научных кругах. Кроме того, обращение к особенностям функционирования правового сознания в различных отраслях права, сферах правовой жизни, к особенностям восприятия права различными субъектами углубляет разносторонние представления о классификации правового сознания.

По предложенному критерию ценностного наполнения выделены следующие виды правового сознания человека: 1) личностно-ценностное правовое сознание; 2) нормативно-ценностное правовое сознание; 3) деаксиологизированное правовое сознание. Разработанная классификация правового сознания обусловлена современными достижениями в области юриспруденции и психологии сознания, а также учитывает проявление личностных характеристик человека в правовой реальности. Данная классификация учитывает антрополого-правовые различия правовых ценностей. Предложенная классификация правового сознания человека подчеркивает необходимость формирования правосознания через формирование нормативных и личностных правовых ценностей человека.

1. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. 335 с. [Вернуться к статье](#)
2. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2006. 349 л. [Вернуться к статье](#)
3. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ, 2013. 416 с. [Вернуться к статье](#)
4. Щедрин О. Г. Этнические особенности русского правосознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Ставропольский гос. ун-т. Ростов н/Д., 2004. 33 с. [Вернуться к статье](#)
5. Дружкина Ю. А. Религиозное правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2007. 22 с. [Вернуться к статье](#)
6. Павлов В. И., Стабровский Е. И. Структура правового сознания в контексте достижений современной психологии сознания : антрополого-правовой подход // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; Ин-т правовых исследований ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2020. Вып. 15. С. 51–57. [Вернуться к статье](#)
7. Стабровский Е. И. Нормативные и личностные правовые ценности в правовом сознании человека // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2020. № 1. С. 210–213. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. Н. Толочко

Белорусский государственный университет,
профессор кафедры государственного управления,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: o.tolochko@mail.ru

Аннотация. *Анализируются проблемы трансформации правовой культуры и законодательства вследствие изменений структуры общественных отношений, обусловленной процессами цифровизации. Подчеркивается закрепление новых прав личности и урегулирование целого ряда вопросов, связанных с цифровой трансформацией и развитием технологий искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *цифровизация, искусственный интеллект, трансформация общественных отношений, права личности, совершенствование законодательства.*

Annotation. *The problems of transformation of legal culture and legislation due to changes in the structure of social relations due to the processes of digitalization are analyzed. The consolidation of new rights of the individual and the settlement of a number of issues related to digital transformation and the development of artificial intelligence technologies are emphasized.*

Keywords: *Digitalization, artificial intelligence, transformation of social relations, individual rights, improvement of legislation.*

Цифровизация и IT-технологии, включая технологии искусственного интеллекта, проникают во все сферы общественных отношений и оказывают влияние на все без исключения отрасли права. В настоящее время все большее число государств в процессе совершенствования законодательства учитывает данное обстоятельство, чтобы адаптировать свою правовую систему к этому новому качеству глобального миропорядка.

Проблема цифровизации экономики и связанных с ней социальных процессов обсуждается как в контексте гражданского права, так и применительно к вопросам государственного строительства и государственного управления. Цифровизация изменяет производственную сферу, коммуникации, взаимодействие с государственными органами, организацию работы госаппарата и т. д., следовательно, постепенно изменяется структура социально-правовых связей в целом. Процессы, трансформирующие общественное и государственное устройство, влекут за собой соответствующие изменения законодательство вплоть до актов конституционного уровня.

В некоторых странах уже идет процесс внесения изменений в конституционное законодательство в связи с цифровизацией общественных отношений. Так, во Франции несколько лет назад были инициированы преобразования, связанные с цифровой трансформацией, включая конституционную реформу. Закон Франции «О цифровой республике», принятый в 2016 г., предусматривает открытость доступа к публичным данным и защиту прав в условиях цифрового общества. В 2020 г. в Национальное собрание Франции была внесена в качестве законопроекта «Хартия искусственного интеллекта и алгоритмов» (далее — Хартия) [1]. Авторы предлагают включить в преамбулу Конституции Франции ссылку на Хартию, как на конституционный закон, которым будет разрешен ряд вопросов: регулярный аудит систем искусственного интеллекта и оценка их эволюции, законодательные ограничения для предотвращения злонамеренных манипуляций с системами искусственного интеллекта и др.

Вопрос о закреплении и защите новых прав и свобод человека, связанных с процессами цифровой трансформации общественных отношений, обсуждается в настоящее время законодателями также во многих других государствах. Так, в Парламент Чили внесен законопроект, предусматривающий новую группу прав человека — «нейроправа». Речь идет об охране психической неприкосновенности и целостности личности, а также о внесении в Конституцию страны поправки, определяющей право на ментальную идентичность и запрет на манипуляции ею. Основополагающими принципами в этой области законопроект называет:

- право на идентичность личности;
- свободу воли;
- неприкосновенность частной жизни;
- равный доступ к технологиям, расширяющим человеческий потенциал;
- право на защиту от предвзятости и дискриминации [2].

В целом можно сказать, что в условиях цифровизации начинается процесс формирования нового права, регулирующего отношения с учетом развивающихся IT-технологий.

Как отмечают специалисты, вопросы, связанные с цифровизацией общества, прежде всего, с развитием технологий искусственного интеллекта, могут и должны регулироваться конституционным правом [3; 4, р. 1199].

Прежде всего, распространение технологий искусственного интеллекта оказывает прямое влияние на права человека. Технологии распознавания лиц и речи значительно сокращают право на частную жизнь. Системы искусственного интеллекта получают информацию от многочисленных сенсоров и датчиков, причем количество и возможности сбора информации постоянно возрастают. В ближайшее время вероятна ситуация, при которой практически каждый шаг

человека будет виден и может фиксироваться записывающими устройствами — дома (через персональных электронных помощников, «умные часы», «умную» домашнюю технику и др.), на работе (через различные датчики) и на улице (через камеры видеонаблюдения и видеорегистраторы).

Другие технологии потенциально затрагивают конституционные права, связанные с трудовыми отношениями, охраной здоровья, свободой передвижения. Как показывает уже имеющийся опыт, системы искусственного интеллекта после обучения могут дискриминировать некоторые категории граждан: этнические и гендерные меньшинства, людей с инвалидностью, лиц, имевших в прошлом административные и иные взыскания и наказания, и т. д. То есть использование искусственного интеллекта может усугубить проблемы неравенства, что логично ведет к дальнейшему расслоению общества и его поляризации.

Использование IT-технологий обуславливает потребность в формулировании на самом высоком уровне гарантий прав и свобод человека в условиях цифрового общества. Возможности машинного обучения для искусственного интеллекта изменяют отношения между государством и личностью, поскольку повышают способность государства анализировать, прогнозировать и контролировать поведение своих граждан [5, р. 1879]. Чем шире будут использоваться указанные технологии, тем острее встает вопрос о необходимости закрепления на самом высоком уровне, включая Конституцию, гарантий основных прав и свобод.

Исключительно важным является вопрос прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта. Авторы проекта французской Хартии предлагают предусмотреть регулярный аудит таких технологий. Принцип открытости алгоритмов в целях прозрачности работы, скорее всего, будет закреплён в законодательстве в качестве фундаментальной нормы конституционного уровня с целью обеспечения новых основных прав человека, таких как:

- право знать мотивацию решения, вынесенного искусственным интеллектом;
- право знать об искусственной или естественной природе субъекта, с которым вступает в контакт человек;
- право на решение, основанное не только на автоматизированной обработке.

Отсутствие прозрачности может вызвать вопросы и с точки зрения соблюдения принципа социального государства, гарантий социальных прав и свобод [6, с. 28]. Дегуманизация государственного управления как продукт цифровой трансформации — один из неприемлемых рисков, нейтрализация которых может потребовать решения на уровне высших законодательных актов.

Российский исследователь И. А. Филипова предлагает обсудить закрепление в Конституции Российской Федерации новых прав личности и гарантий их осуществления, таких как:

- право человека знать, с кем он контактирует — с человеком или системой искусственного интеллекта;
- право знать о причинах решения, вынесенного искусственным интеллектом (принцип открытости алгоритмов);
- право на решение, основанное не только на автоматизированной обработке данных;
- право на психическую неприкосновенность и целостность;
- право на когнитивную свободу;
- право на частную жизнь через конституционное ограничение применения технологий слежения и установление пределов использования персональных данных;
- право на защиту от дискриминации через закрепление равного доступа к достижениям технологий и перечисление основных принципов доступа к когнитивному улучшению;
- запрет на использование отдельных технологий искусственного интеллекта и нейротехнологий, связанных с крайне высокой степенью риска из-за воздействия на подсознание человека в целях изменить его поведение [3, с. 127–128].

Развитие IT-технологий расширяет возможности не только государственных органов, экономических субъектов и потребителей, но и преступников. Это обуславливает необходимость включения в уголовное законодательство составов преступлений, связанных с совершением общественно опасных деяний посредством использования систем искусственного интеллекта. Так, в связи с развитием беспилотного транспорта потребуются уголовно-правовое регулирование использования таких систем в сфере безопасности движения, в частности, преступных посягательств на программное обеспечение беспилотника.

И. Н. Мосечкин выделяет как минимум четыре ситуации, требующие уголовно-правового регулирования:

- при создании системы искусственного интеллекта была допущена ошибка, приведшая к совершению преступления;
- в систему искусственного интеллекта был осуществлен неправомерный доступ, повлекший повреждение или модификацию ее функций, вследствие чего было совершено преступление;
- искусственный интеллект был создан преступниками для совершения преступлений;

– искусственный интеллект, обладающий способностью к самообучению, принял решение о совершении действий или бездействия, квалифицируемых как преступление [7, с. 57].

И если в первых трех ситуациях субъектом преступления является человек, то в последнем случае встает вопрос: кто должен нести ответственность за действия искусственного интеллекта, обладающего способностью к самообучению, если он сам примет решение о совершении действий, квалифицируемых как преступление? [7, с. 59]

Названные проблемы — лишь верхушка айсберга. Цифровая трансформация представляет собой глубокий разноплановый процесс, преобразующий общественные отношения и всю правовую систему на «молекулярном» уровне. Решение назревающих вопросов требует серьезной научно-правовой дискуссии, результатом которой должны стать преобразования правовой системы, направленные на адаптацию к новым общественным отношениям и современным тенденциям социально-экономического развития.

1. Proposition de loi constitutionnelle relative à la Charte de l'intelligence artificielle et des algorithmes [Electronic resource] // Assemblée Nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b2585_proposition-loi (date of access: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Defensa de los neuroderechos: una tarea para los parlamentos a nivel global, 7 de octubre de 2020 [Electronic resource] // Republica de Chile. Senado. URL: <https://www.senado.cl/noticias/defensa-de-los-neuroderechos-una-tarea-para-los-parlamentos-a-nivel-global> (date of access: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Филипова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 119–130. [Вернуться к статье](#)

4. Robotic Technologies and Fundamental Rights: Robotics Challenging the European Constitutional Framework / B.-J. Koops [et al.] // International Journal of Technoethics. 2013. Vol. 4. N. 2. P. 1197–1211. [Вернуться к статье](#)

5. Huq A.Z. Constitutional Rights in the Machine-Learning State // Cornell Law Review. 2020. Vol. 105. Iss. 7. P. 1877–1884. [Вернуться к статье](#)

6. Герасимова Е. В. Конституционные принципы и применение высоких технологий: вопросы соотношения в современном мире // Этико-правовые основания регулирования высоких технологий в современном мире : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 18 окт. 2019 г. / Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта ; отв. ред. О. В. Белая. Калининград, 2020. С. 25–29. [Вернуться к статье](#)

7. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография. Киров : Вят. гос. ун-т, 2020. 111 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Н. Фиронов

Белорусский государственный университет,
Юридический факультет,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
e-mail: tolik-fironov@mail.ru

Аннотация. Синергетика — новое научное направление, которое может выступать методологической базой для изучения права, правовой культуры и ценностей.

Ключевые слова: правовая культура, ценности, синергетика.

Annotation. Synergy — is a new scientific direction that can apply the methodological basis for studying the law, legal culture and values.

Keywords: legal culture, values, synergy.

Формирование юридической синергетики как методологического направления относится к концу XX в. Юридическая синергетика заимствовала терминологический аппарат (например, термины «бифуркация», «аттрактор», «хаос» и т. д.) и методологический базис философской синергетики, применяя их к исследованиям в области права [1, с. 45]. Следовательно, мы хотим взглянуть на правовую культуру и ее внутреннее ценностное ядро, но с позиции синергетики и ее методологии.

Весьма любопытной мы считаем идею Ю. Ю. Ветютнева о синергетической интерпретации ценностей, включая и ценности права. С точки зрения синергетики ценность представляет собой так называемый аттрактор («притягиватель», «магнит») — состояние динамического равновесия, к достижению которого тяготеет система, находящаяся в точке бифуркации (неопределенности, требующей выбора). В сущности, для правовой жизни как на макро-, так и на микроуровне точкой бифуркации является принятие любого юридически значимого решения, которое всегда будет иметь ценностную основу [2, с. 29].

Развивая эту мысль, мы встречаемся с двумя терминами, имеющими фундаментальное значение для синергетики: «точка бифуркации» и «аттрактор». Попробуем объяснить и использовать их в нашей работе. Суть бифуркации (от лат. *bifurus* — «раздвоенный») лучше всего иллюстрирует витязь на распутье, который стоит перед камнем с надписью: «Направо пойти — женатому быть, налево пойти — коня потерять, прямо пойти — буйную голову сложить» [3, с. 68]. В схожей ситуации оказывается человек, который находится в состоянии ценностного выбора или ценностной бифуркации. Ценностная

развилка указывает человеку на два возможных пути движения: путь ценности и путь антиценности. Эти пути первоначально находятся очень близко друг другу, но после ценностного выбора они раздваиваются и начинают вести человека по совершенно разным траекториям, иногда абсолютно противоположным по своему направлению. Это значит, что ценностный выбор и точка бифуркации совпадают. У субъекта права подобной бифуркационной точкой будет ситуация выбора между правовой культурой и правовой антикультурой.

После осуществления ценностного выбора и прохождения точки бифуркации, то есть находясь в послебифуркационном периоде, человек начинает движение по выбранному пути и попадает в зону действия аттрактора. Это еще один из фундаментальных для синергетики терминов. Аттрактор (лат. *attrahere* — «притягивать») — это некоторая область, в которой сходятся все возможные траектории движения системы. Образно говоря, аттрактор выполняет функции навигатора, удерживая человека в определенных границах, не позволяя ему сбиться с жизненного курса. В процессе своего движения человек стремится к аттрактору, как к магниту.

Здесь стоит повторить, что, осуществив ценностный выбор и преодолев точку ценностной бифуркации, субъект права начинает движение по одному из выбранных путей: путь правовой культуры или путь правовой антикультуры. При этом каждый из этих путей будет иметь свой уникальный аттрактор, который будет притягивать к себе все возможные траектории движения. Но эти аттракторы будут зеркальны друг другу. Так, для первого пути, т. е. при движении в русле правовой культуры, роль аттрактора будет играть ответственность, как положительная правовая ценность и важный принцип права. Если же человек будет идти по второму пути, т. е. по пути правовой антикультуры, то он попадет в зону притяжения иного аттрактора, а именно — безответственности. Таким образом, мы можем выдвинуть идею о том, что указанные нами парные ценности (ответственность и безответственность) выполняют функцию аттракторов в сфере права. Они притягивают к себе, привлекают и направляют движение человека и человеческой культуры, а значит, влияют на формирование права и правовой культуры. Так, можно констатировать факт о возможном существовании в правовой жизни субъекта права двух ценностных аттракторов (ответственности и безответственности), а значит, и существовании двух противоположенных друг другу ценностных мира (правовой культуры и правовой антикультуры), один из них будет состоять из большого числа положительных фундаментальных правовых ценностей, а другой — из множества правовых антиценностей.

Развивая нашу мысль, можно согласиться с идеей о представлении феномена правовой антикультуры как специфического энтропийного среза правовой

действительности [4, с. 12]. Энтропия (от греч. entropía — «поворот», «превращение») — это мера хаоса или беспорядка в какой-либо системе. Впервые данный термин применялся в термодинамике для определения меры необратимого рассеяния энергии, затем он стал активно применяться в синергетике как междисциплинарной дисциплине. Данный термин получил широкое распространение и в других сферах науки, включая социально-философское направление и юриспруденцию. Таким образом, правовая антикультура способствует производству энтропии в правовой жизни общества, а значит, увеличению беспорядка в правовой системе государства. Правовая культура оказывает обратное воздействие — антиэнтропийное. Она борется с хаосом и неопределенностью в правовой жизни общества, а значит, способствует этим укреплению правопорядка и законности в государстве.

Говоря о хаосе и беспорядке, следует указать на наличие подобных свойств у информационного пространства, в котором живет человек. Мы являемся свидетелями и наблюдаем хаотичное движение различных мощных и разнонаправленных информационных потоков, которые накрывают человека с головой и меняют его культурно-ценностную природу. Находясь в этом нескончаемом и бурном потоке информации, человек меняется сам и меняет окружающую его действительность, включая культурное пространство и ценностные ориентиры.

Современный человек находится в состоянии ценностной растерянности, он потерял истинные ценностные ориентиры, что отражается во многих областях его жизни: образовательной, духовной и информационной сферах. Действительно, сегодня потоки информации многообразны и угрожающе противоречивы. Человеку крайне затруднительно разобраться в их содержании и научиться ориентироваться в бескрайнем информационном поле. Но самое главное заключается в том, что сегодня человеку сложно найти надежные ценностные маяки, которые смогли бы выполнить роль точек опоры. Как отличить правду от лжи? Фейк от истины? Ценность от псевдоценности? Ответить на эти вопросы чрезвычайно сложно, особенно если человек попадает под целенаправленное манипулятивное воздействие, ведь современные манипулятивные технологии, с которыми мы встречаемся повсюду (особенно в СМИ и в сети Интернет), достигли высочайшего уровня мастерства и изящества. Отличить оригинал от прекрасно смонтированной картинки подчас не представляется возможным, поскольку мы не являемся ни режиссерами, ни операторами, ни создателями этих постановочных материалов; мы не знаем о конечных задачах данных целенаправленных манипулятивных действий. Невозможность проверки и подтверждения информации делает затруднительным отделение

правдивой информации от лжи и вымысла. Дуализм и конкуренция правды и лжи придают информационным потокам определенный ценностный оттенок.

Это значит, что кризис правды коснулся всех стран, этот вирус поразил умы и сердца всего человечества. Он — воплощение фундаментального ценностно-культурного сдвига, который изменит или уже изменил всю человеческую природу, включая право и правовую культуру. Единственным выходом из этой сложной ситуации может стать активная социализация и культура личности. Следовательно, культура личности — интериоризация накопленных в истории культуры знаний, ценностей и идеалов. Таким образом, если социализация делает человека исполнителем определенных социальных ролей, которые отвечают потребностям конкретного типа общественного устройства, то культура несет индивиду ценности, порожденные всеми народами во все времена, ибо они опредмечены в памятниках культуры и представляются ею во всеобщее пользование. Так, человеку приходится выбирать из практически безграничного объема культурно-ценностного наследия определенный набор ценностей, который будет выполнять роль ценностного маяка для личности [5, с. 159–160].

Следовательно, специфика процесса правовой культуры позволяет говорить о том, что ее невозможно заместить правовой социализацией. Правовая социализация имеет более нейтральный характер, правовая же культура акцентируется на духовной жизни человека, в первую очередь на его ценностных установках. Можно говорить о том, что правовая культура — гораздо более сложный и глубокий процесс. Освоение правовых норм личностью происходит гораздо быстрее и легче, нежели восприятие правовых ценностей как основы правовой культуры.

Таким образом, указав на наличие в целостном образе человека таких парных категорий, как ценность и антиценность, энтропия и антиэнтропия, правовая культура и правовая антикультура, ответственность и безответственность, мы приходим к выводу и подтверждению факта постоянного наличия противоположных спутников и составных частей у человеческого существования. Без этих полюсов человек не может развиваться, и в этом симметричном противоречии заключен фундаментальный закон существования всей человеческой цивилизации. Поляризация в природе человека является неизбежным и вечным его свойством, а значит, всеобщую ценностную энтропию и правовую антикультуру побороть окончательно невозможно. Следовательно, основной задачей, стоящей перед правом и правовой культурой, является борьба с локальной ценностной энтропией и локальными проявлениями правовой антикультуры.

1. Селютина Е. Н., Холодов В. А. История и методология юридической науки : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2020. 224 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 200 с. [Вернуться к статье](#)
3. Генкин Б. М. Введение в метаэкономику и основания экономических наук : курс лекций. М. : НОРМА, 2002. 384 с. [Вернуться к статье](#)
4. Карпунина В. В. Правовая антикультура : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир, 2011. 26 с. [Вернуться к статье](#)
5. Каган М. С. Теоретические проблемы философии. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 2. М. : Юрайт, 2018. 191 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.412

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ**Е. А. Шаркова**

Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник отдела,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Национальную безопасность Республики Беларусь необходимо обеспечивать правовыми, военными, экономическими и организационными средствами. Современные гибридные войны представляют опасность как для отдельной страны, так и всего мира, потому что служат источником провокаций и нестабильности в обществе.

Ключевые слова: национальная безопасность, гибридные войны, криминологическое прогнозирование, внешние и внутренние угрозы, экстремистские группировки, киберпространство, вооруженные формирования, миротворческая деятельность.

Annotation. The national security of the Republic of Belarus must be ensured by legal, military, economic and organizational means. Modern hybrid wars pose a danger both for an individual country and the whole world, because they serve as a source of provocations and instability in society.

Keywords: national security, hybrid wars, criminological forecasting, external and internal threats, extremist groups, cyberspace, armed formations, peacekeeping.

В настоящее время для Республики Беларусь вопросы национальной безопасности стоят на первом песте. Без решения их невозможно создать надежную и устойчивую систему функционирования государства, укрепить правопорядок, сохранить социально-политическую стабильность общества.

Национальная безопасность должна обеспечиваться всеми имеющимися в распоряжении страны средствами (правовыми, военными, экономическими, организационными) на основе последовательной реализации внешней и внутренней политики. Для этого необходимо своевременно выявлять внешние и внутренние угрозы национальной безопасности, предупреждать их посредством оперативных мер. Это поможет обеспечить суверенитет и территориальную целостность страны, ее пограничное пространство. Следует поддерживать на достаточно высоком уровне военный потенциал, укреплять роль государства как гаранта безопасности личности и общества.

Современный период развития цивилизации полон острых противоречий политического, экономического, социального и исторического характера. На мировой арене доминируют гибридные войны, главная опасность которых

состоит в отсутствии норм и правил ведения боевых действий. Гибридные войны направляют свои силы на подрыв морально-психологического состояния населения, на разрушение культурной среды его проживания. Гибридные войны опасны как для отдельно взятого государства, так и для системы международных отношений в целом, поскольку служат источником провокаций, резкой нестабильности, дезориентации, и способствуют возникновению больших потоков беженцев.

Существуют особые технологии управляемого хаоса, выполняющие роль каркаса с функциями организации, регулирования и регламентирования гибридных войн [1, с. 57].

В условиях гибридных войн широко распространены особые политехнологии, выступающие инструментом управления различными субъектами политической системы [2, с. 36].

Неопределенность процессов противостояния гибридным войнам обуславливает зыбкость контуров конфликтов современности. Это требует новых подходов к разработке и реализации стратегии гибридных военных конфликтов и контрстратегий для нейтрализации замыслов противника [3, с. 6].

Необходимо принятие особых программ противодействия гибридным войнам как на уровне отдельно взятого государства, так и для формирования общего международного подхода, потому что мировое сообщество должно быть заинтересовано в эффективных мерах по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательной и подрывной деятельности экстремистских группировок.

Гибридные военные конфликты с участием вооруженных формирований негосударственных субъектов (международного терроризма, частных военных компаний) характеризуются размытой национальной и идеологической принадлежностью. Эти бандформирования любят навязывать мирному населению враждебные образы придуманных врагов, что позволяет им тестировать общество, проверять, способно ли оно преодолеть в процессе своего развития негативность восприятия других людей, отличных от их культуры, менталитета, образа жизни.

Сегодня меняется характер военных конфликтов и способы их развязывания, активно используется милитаризация киберпространства [4, с. 5].

По мнению ряда исследователей, в области национальной безопасности киберпространство стало отдельной сферой ведения боевых действий. Теперь виртуальный мир — это поле информационно-психологических диверсий, а пользователи Интернета являются объектом все более изощренных кибератак.

Наша страна должна эффективно реагировать на киберугрозы и повышать уровень защиты информационных систем стратегических объектов, быть готовой парировать агрессию в информационном пространстве.

Для каждого государства существует определенный набор критических параметров, превысив которые, можно утратить свою самостоятельность, даже перестать существовать. Эти критические параметры охватывают области, связанные с проблемой выживания. Сюда относятся прежде всего внутригосударственные социальные отношения, экономика, экология, здравоохранение, культура. Опасными являются тенденции разрушения института брака, семьи, базовых моральных норм, религиозных устоев. К внутренней безопасности государства относится борьба с коррупцией, преступностью, незаконной миграцией, экстремизмом, радикализмом, с влиянием организаций, подконтрольных иностранным державам.

В гибридной войне к открытому применению военной силы обычно переходили лишь на этапе завершения конфликта, используя базу миротворческой деятельности по кризисному урегулированию. Сейчас время вносит свои коррективы.

Чтобы избавиться от возникающих проблем в правовой базе, регламентирующей миротворчество, необходимы научная экспертиза принимаемых законов, устранение противоречий в формировании понятийного аппарата. Требуется конкретизация полномочий соответствующих служб, их расширение в связи с появлением новых угроз. Распределение компетенций должно происходить так, чтобы субъекты, которые взаимодействуют, осуществляли только присущие им функции, при этом не дублируя работу друг друга, выполняя как можно больше поставленных перед ними задач.

Для того чтобы грамотно действовать в глобально изменившихся мировых условиях, необходимо развивать новые методы борьбы с преступностью. Актуальное значение имеет активное использование специалистами постоянного криминологического прогнозирования для научных исследований.

Преступления, совершенные по так называемым революционным мотивам, а также противозаконное поведение с целью изменения существующих государственных институтов оскорбляют белорусское толерантное общество. Создание беспорядков, погромы, столкновения с правоохранительными органами, поджоги и противоправные вторжения в чужое владение должны пресекаться безотлагательными самыми жесткими мерами, не позволяющими преступлениям повториться.

Таким образом, в условиях меняющихся мировых тенденций актуальными являются вопросы совершенствования существующей системы безопасности отдельно взятой страны. Происходящие изменения в первую очередь

должны быть направлены на оптимизацию структуры органов, обеспечивающих национальную безопасность, их совершенствование. Государство требует устранения пробелов в законодательстве, неукоснительного соблюдения законов всеми гражданами, должностными лицами, государственными органами, политическими партиями, общественными и религиозными организациями. Социальной стабильности можно достичь эффективными и своевременными решениями в вопросах правопорядка и национальной безопасности.

-
1. Бартош А. А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М. : Горячая линия – Телеком, 2019. 324 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Алейникова С. М. Политические технологии в «гибридных войнах» // Идеологические аспекты военной безопасности. 2019. № 1. С. 36–39. [Вернуться к статье](#)
 3. Бартош А. А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Воен. мысль. 2018. № 10. С. 5–20. [Вернуться к статье](#)
 4. Меньшиков П. В. Информационное поле боя // Нац. оборона. 2019. № 5 (158). С. 4–16. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.13 : 004

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН****В. А. Шаршун**

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
заместитель директора,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: sharsh1970@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы обеспечения доступности правовой информации как важного фактора формирования правовой культуры граждан. В Республике Беларусь такая доступность обеспечивается в рамках функционирования государственной системы правовой информации, посредством ее информационно-правовых ресурсов и инфраструктуры в виде системы публичных центров правовой информации. В качестве важной составляющей формирования правовой культуры в настоящее время актуализируется повышение заинтересованности граждан в публичном обсуждении проектов правовых актов как формы участия в управлении делами общества и государства.

Ключевые слова: правовая культура, правовое просвещение, законодательство, информационно-правовые ресурсы, правовое воспитание.

Annotation. The main directions of digitalization of the national legal system are considered: digitalization of norm-creating, digitalization of law enforcement, digitalization of processes of legal education, education and formation of the legal culture of citizens. An important direction in the digitalization of norm-creating today is the creation of automated information systems that provide a full cycle of preparation of draft legal acts, their adoption (publication) and official publication in electronic form.

Keywords: legal culture, legal education, legislation, information and legal resources, legal training.

Одним из важных элементов правового государства является высокий уровень правовой культуры общества. Если показателем эффективного развития общества в целом считают материальные и духовные достижения людей, то состояние правовой культуры общества можно оценивать на основании достижений в сфере права и государства, формирования сбалансированной правовой системы, обеспечивающей соблюдение прав и законных интересов граждан, состояния законности правопорядка.

Правовая культура представляет собой важную часть культуры общества, которая отражает состояние правовой жизни индивида, социальной группы, народа. Правовая культура как системное образование включает в себя ряд

структурных элементов: материальные, обусловленные системой правовых отношений и юридических актов, и духовные — элементы правового сознания, правовые взгляды, убеждения, знания, система правовых оценок и т. п.

В юридической литературе нет единого мнения относительно содержания понятия «правовая культура». Так, В. П. Сальников полагает, что правовая культура «есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям» [1, с. 629]. Е. В. Аграновская считает, что правовая культура — это «системы взглядов, оценок, убеждений, которые определяют правовое поведение» [2, с. 18]. С точки зрения философии права правовая культура «выражает определенный уровень развития правосознания и состояния законности, характеризует степень правоспособности и дееспособности граждан общества в разрешении общественных противоречий» [3, с. 399]. Известный российский теоретик права В. С. Нерсисянц полагает, что «правовая культура — это весь правовой космос, охватывающий все моменты правовой формы общественной жизни людей. Культура здесь как раз и состоит в способности и умении жить по этой форме, которой противостоит неоформленная (неопределенная, неупорядоченная, хаотичная, а потому и произвольная) фактичность...» [4, с. 43]. По мнению К. А. Моралевой, Р. С. Могилевского, В. В. Орехова правовая культура представляет собой совокупность осуществленных и идеальных элементов, которые относятся к сфере действия права [5, с. 108].

Таким образом, правовая культура отражает исторически сложившийся уровень правосознания путем познания мира права, приложения волевых усилий и правовых представлений, знаний для формирования должного уровня правовых отношений. Правовая культура — это сложное явление по своей внутренней структуре и многообразию социальных связей, она рассматривается в широком и узком смыслах: как правовая культура общества и правовая культура личности. Правовая культура и правовое сознание являются важными условиями сохранения национальной безопасности в процессе общественного развития.

В юридической науке остается открытым вопрос о возможности выделения системы объективных критериев для определения показателей уровня как индивидуальной, так и общественной правовой культуры, что обусловлено разными подходами к изучению данного вопроса. Но подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что анализ действующей системы нормативных актов, их упорядоченности и эффективности можно рассматривать в качестве важного параметра оценки правовой культуры общества. В этой связи важным являются не только четкая система законодательства и его понятность

для граждан, но и обеспечение доступности нормативных предписаний для широкого круга лиц. Ведь формирование правовой культуры граждан осуществляется в рамках мероприятий правового просвещения и правового воспитания, что предполагает свободный доступ к источникам права, прежде всего, нормативным правовым актам. Решение этой важнейшей задачи в нашей стране обеспечивается в рамках функционирования государственной системы правовой информации (далее — ГСПИ).

В соответствии с Положением о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712, ГСПИ представляет собой организованную совокупность эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь, государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающую взаимодействие государственных органов, Национального центра правовой информации и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов [6]. Для формирования правовой культуры граждан важное значение представляет «внешний» контур ГСПИ, который включает как совокупность государственных информационно-правовых ресурсов, предоставляющих доступ к правовой информации, так и инфраструктуру, на базе которой граждане получают доступ к правовой информации в виде публичных центров правовой информации, созданных на базе общедоступных библиотек (далее — ЦЦПИ).

К числу таких информационно-правовых ресурсов относятся информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» и совокупность правовых интернет-ресурсов (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, Детский правовой сайт, сайт «Правовой форум Беларуси»). Данные ресурсы позволяют всем заинтересованным получать актуальную как нормативную, так и правоприменительную правовую информацию, а также дают возможность гражданам самим принять участие в нормотворческом процессе и, по существу, реализовать свое конституционное право на участие в управлении делами общества и государства.

Так, информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» предоставляет широкие поисковые возможности как для получения актуальной нормативной, так и правоприменительной правовой информации. В настоящее время в ресурсе содержится свыше 350 000 документов, в том числе более 239 000 нормативных правовых актов, свыше 48 000 материалов правоприменительной практики и более 51 000 материалов судебной практики.

Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь является основным государственным информационно-правовым ресурсом в сети Интернет. Портал в числе прочих выполняет важнейшую функцию единственного источника официального опубликования нормативных правовых актов в Беларуси. За почти 10-летний период после внедрения такого опубликования на портале в электронном виде опубликовано свыше 95 000 нормативных правовых актов. Кроме того, на данном ресурсе в актуальном состоянии в свободном доступе размещены все кодексы Республики Беларусь и другие важнейшие нормативные правовые акты, а также значительный массив научной правовой информации в сфере правовой информатизации.

В Республике Беларусь с 2008 г. функционирует Детский правовой сайт — специализированный ресурс для детей и подростков, предоставляющий им в доступной форме, в том числе и в форме различных игр правовой тематики, правовую информацию и способствующий выработке у подрастающего поколения навыков законопослушного поведения.

Сайт «Правовой форум Беларуси» дает возможность гражданам обсуждать правовые вопросы и получать ответы на них от квалифицированных юристов. Кроме того, в рамках нормотворческого процесса важным средством обеспечения участия граждан в управлении делами государства является создание эффективных механизмов публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. С 2019 г., в соответствии со статьей 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», этот ресурс был определен в качестве основной интернет-площадки для публичного обсуждения проектов правовых актов [7]. С момента создания в 2013 г. на сайте «Правовой форум Беларуси» было проведено публичное обсуждение свыше 680 проектов нормативных правовых актов, в том числе в 2021 г. — 175. Также в ходе подготовки изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь для сбора замечаний и предложений граждан был задействован Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, в результате чего поступило 8 919 таких обращений [8].

Важным элементом ГСПИ является также инфраструктура, обеспечивающая непосредственную работу с гражданами по правовому просвещению и формированию их правовой культуры — система ПЦПИ. В настоящее время в республике функционирует 625 таких центров. Сегодня ПЦПИ созданы на базе каждой четвертой публичной библиотеки республики. При этом в городах они работают в каждой второй публичной библиотеке, в сельской местности — каждой шестой [9, с. 771]. В целом это неплохой показатель состояния инфраструктуры, позволяющей предоставить доступ к правовой информации и иным библиотечно-информационным услугам всем заинтересованным. Предоставление информации, в том числе и ПЦПИ, как справедливо отмечают российские

исследователи М. Л. Давыдова и Р. П. Кушнирук, можно рассматривать в качестве вида участия граждан и иных субъектов в электронной демократии. Будучи наиболее простой формой реализации принципов электронной демократии, такое информирование представляет собой набор средств информационного обмена, обеспечивающих доступ граждан к информации о разрабатываемых, действующих нормативных правовых актах, а также об иных сведениях (информации) о деятельности органов государственной власти [10, с. 103].

Одним из важных направлений деятельности ПЦПИ, помимо предоставления доступа граждан к эталонной правовой информации, является проведение мероприятий по правовому просвещению граждан. На системной основе реализуется взаимодействие ПЦПИ с Белорусской республиканской коллегией адвокатов и Белорусской нотариальной палатой. Организация на базе центров профессионального юридического консультирования с участием адвокатов и нотариусов позволила трансформировать библиотечное обслуживание пользователей в информационно-правовой сервис, дающий возможность гражданам использовать доступные в центрах информационные правовые ресурсы и получать необходимую информацию в процессе общения с профессиональными юристами. В современных условиях пандемии актуальным является также проведение соответствующими ПЦПИ мероприятий по правовому просвещению в онлайн-формате.

Таким образом, решение государственной задачи по формированию правовой культуры граждан в настоящее время не представляется возможным без обеспечения широкого доступа к соответствующим информационно-правовым ресурсам. В Республике Беларусь формой такого доступа является государственная система правовой информации, обеспечивающая как формирование соответствующих ресурсов на основе широкого спектра актуальной правовой информации, так и ее предоставление широкому кругу лиц. Сегодня государственные информационно-правовые ресурсы обеспечивают широкие возможности предоставления актуальной и достоверной как нормативной правовой, так и правоприменительной информации. В то же время соответствующие ресурсы требуют своего дальнейшего совершенствования и развития, в том числе в части информационного наполнения, сервисных функций для пользователей, включая расширение возможности получения бесплатной правовой помощи. При этом в качестве важной составляющей процессов формирования правовой культуры в настоящее время актуализируется повышение заинтересованности граждан в публичном обсуждении проектов правовых актов как формы их участия в управлении делами общества и государства.

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2000. 776 с. [Вернуться к статье](#)
2. Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Наука. 1988. 144 с. [Вернуться к статье](#)
3. Данильян О. Г. Философия права : учебник. М. : Эксмо, 2006. 416 с. [Вернуться к статье](#)
4. Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма-Инфра-М, 1997. 652 с. [Вернуться к статье](#)
5. Моралева К. А., Могилевский Р. С, Орехов В. В. Социальное планирование и проблемы правового воспитания // Человек и общество. 1973. Вып. 12. С. 108–109. [Вернуться к статье](#)
6. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. О нормативных правовых актах : Закона Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
8. 10 дней до республиканского референдума. PRAVO.BY о том, как проходило всенародное обсуждение проекта изменений и дополнений Конституции — белорусская новация и уникальный опыт, которому нет аналогов ни в одной стране мира // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/february/68776/> (дата обращения: 28.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Шаршун В. А. Актуальные вопросы функционирования публичных центров правовой информации в Республике Беларусь // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 28 окт. 2021 г. / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 771–776. [Вернуться к статье](#)
10. Давыдова М. Л., Кушнирук Р. П. Цифровое информирование как форма электронной демократии: особенности правового регулирования // Актуальные проблемы современного права. 2017. С. 101–116. [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОБМАН» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Авдеев

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: avdeeffdmitrij@mail.ru

***Аннотация.** На основе исследования норм гражданского законодательства Республики Беларусь и практики их применения, сравнительного анализа законодательства Российской Федерации автор концентрирует внимание на вопросе о необходимости внедрения понятия «обман» в гражданском праве Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** гражданское право, нормы права, сделки, обман, недействительность сделки.*

***Annotation.** Based on the study of the norms of the civil legislation of the Republic of Belarus and the practice of their application, a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation, the author focuses on the need to introduce the concept of «fraud» in the civil law of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** civil law, rules of law, transactions, fraud, invalidity of the transaction.*

Ни для кого не секрет, что в настоящее время четкое понимание правовых последствий, влекущих совершаемые юридические действия, способствует полноценным гражданским отношениям. Самыми распространенными юридическими фактами и основаниями для возникновения, прекращения или изменения гражданских прав и обязанностей являются сделки.

Ввиду популярности сделок не редкость в судебной практике и обращения граждан с исковыми требованиями о признании по тем или иным причинам сделок недействительными.

Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств, законодателем отнесены к так называемым сделкам с пороками воли. Признаются они таковыми потому, что воля участника сделки на ее совершение отсутствует, либо волеизъявление не отражает волю участника сделки (ст. 177, 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК)), или же воля участника сделки искажена вследствие заблуждения (ст. 179 ГК).

Обращаясь к ч. 1 ст. 180 ГК, можно констатировать факт, что сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, а также сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне не выгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску любого заинтересованного лица [1].

Подробного определения понятия обмана белорусский законодатель, однако, не дает. Вместе с тем установить грань, четко определяющую признаки наказуемого обмана, крайне нелегко. Чаще всего правоприменитель, решая данную задачу, руководствуется не четко сформулированным правилом, а своим внутренним убеждением, которое подчас весьма различно, либо же полагается исключительно на собственную интуицию.

Если рассмотреть законодательство Российской Федерации, то в ч. 2 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК) мы увидим следующее: сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота. Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане. Считается, в частности, что сторона знала об обмане, если виновное в обмане третье лицо являлось ее представителем или работником либо содействовало ей в совершении сделки [2].

Определенная трактовка понятия «обман», как мы видим, у российского законодателя прослеживается, однако исчерпывающих сведений, определения обмана как явления также нет.

В русском языке под обманом рассматривается «ложное представление о чем-нибудь, заблуждение» [3], «то, что сознательно вводит кого-либо в заблуждение, обманывает, ложь; состояние обманутого, заблуждение; ошибочное мнимое представление, иллюзия» [4].

В уголовном праве, к примеру, также существует подход к определению обмана. Так, по мнению Р. А. Сабитова, «обман — это способ воздействия на человеческую психику, который состоит в умышленном введении в заблуждение другого лица или поддержании уже имеющегося у него заблуждения путем передачи не соответствующей действительности информации или умолчания о различных фактах, вещах, явлениях и т. д. с целью склонить это лицо к определенному поведению» [5].

В чем же состоит обман на практике и какие признаки отличают его от других норм права, например от уже упомянутого нами заблуждения? Грань между правовыми основаниями, предусмотренными этими нормами права для признания сделки недействительной, в самом деле чрезвычайно тонка.

Отличие сделок, совершенных под влиянием обмана, от сделок при существенном заблуждении одной из сторон заключается, прежде всего, в том, что при совершении «обманных» сделок обязательно имеется пострадавшая сторона. Таким образом, в отличие от существенного заблуждения обман можно отнести к большему числу обстоятельств, связанных со сделкой. Примером может служить ошибка в цене приобретаемой вещи, когда она является заблуждением в мотиве и не может служить основанием для оспаривания сделки по ст. 179 ГК. Однако если эта ошибка в мотиве образовалась вследствие заведомо ложных утверждений другой стороны, сделка может быть оспорена по ч. 1 ст. 180 ГК.

Обман, кроме того, может касаться любых элементов сделки (например, цены предмета сделки). Заблуждение же должно касаться обстоятельств, имеющих существенное значение: природы или тождества сделки либо качества ее предмета.

Различие обмана и заблуждения состоит также в том, что приводят они к разным последствиям. Нередки примеры ситуаций, когда при исполнении заключенного договора сделки какая-либо компания сталкивается с неожиданными «сюрпризами». Так, может выясниться, к примеру, что товар, который контрагент обязался передать, на самом деле он заведомо не успевает произвести. Либо же оборудование, переданное в аренду компании, обладает не теми характеристиками, на которые та компания рассчитывала, и т. п. В таких случаях возмущенное руководство компании подчас требует призвать к ответу недобросовестного контрагента, утаившего важные обстоятельства. Тем более что как российский, так и белорусский законы устанавливают: сделку, заключенную под влиянием обмана, можно признать недействительной по иску потерпевшего.

В судебной практике используется широкий перечень обстоятельств, к которым может относиться обман. При этом обман может быть направлен как на искажение представления о самой сделке, ее элементах, так и на обстоятельства за пределами сделки. Такими обстоятельствами являются, например, цель сделки, мотив, если они имели значение для формирования воли лица для заключения сделки.

Обман может выражаться в различных формах: активных действиях (представление поддельных документов о стоимости и качестве вещи), а также в бездействии (умышленное умолчание об обстоятельствах, имеющих

существенное значение, таких как дефект вещи или наличие имеющихся в отношении нее ограничений и т. д.). Таким образом, сделки, совершенные под влиянием обмана, относятся к сделкам, в которых внутренняя воля сформировалась неправильно.

Сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана недействительной, только если обстоятельства, относительно которых потерпевший был обманут, находятся в причинной связи с его решением о заключении сделки. В частности, несовершение стороной всех действий, необходимых для изучения предмета сделки, не может служить основанием для признания того, что сделка совершена под влиянием обмана. То есть при предъявлении иска о признании сделки, совершенной под влиянием обмана, недействительной истцу необходимо доказать и факт обмана относительно обстоятельств сделки, и то, что на его решение совершить сделку повлиял именно обман.

Вместе с тем гражданское право стремится различать обман, который неизбежно влечет за собой признание сделки недействительной, от иных, смежных с ним случаев, таких как неисполнение или ненадлежащее исполнение возникшего из сделки обязательства. Например, если осведомленный о дефектах отчуждаемого имущества продавец не уведомит о них покупателя, он будет нести ответственность за ненадлежащее исполнение договора купли-продажи. Если же будет доказано, что продавец продал вещь и при этом намеренно скрыл, что она похищена или подлежит уничтожению, такую сделку можно по требованию покупателя признать как заключенную под влиянием обмана недействительной.

Таким образом, подытоживая сказанное, отметим, что обман — это намеренное (умышленное) введение другой стороны в заблуждение с целью побуждения совершить определенную сделку. Сделка может быть признана совершенной под влиянием обмана в случае умышленного целенаправленного введения другой стороны в заблуждение относительно могущих повлиять на заключение сделки фактов. Именно сознательное искажение истины или умолчание об истине, состоящее в сокрытии фактов или обстоятельств, которые при добросовестном и соответствующем закону совершении имущественной сделки должны быть сообщены, являются обманом.

В заключение хотелось бы отметить, что закрепление на нормативном уровне определения понятия «обман» позволит правильно отграничивать его от других правовых норм и, следовательно, правильно толковать их.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 30.12.2020 г. № 527-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 53000 слов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : Оникс 21 век, 2004. 1200 с. [Вернуться к статье](#)
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толковый словарь и фразеологизмы. М. : Рус. язык, 2000. [Вернуться к статье](#)
5. Сабитов Р. А. Обман как средство совершения преступления : учеб. пособие. Омск, 1980. 79 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.7

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНТРАКТА ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Ю. А. Амельченя

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: center@pmrb.gov.by

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к категории «контракт жизненного цикла», анализируется его правовая природа. Также приведены подходы права Евразийского экономического союза и государств-членов к данному институту, сделан вывод о необходимости включения контракта жизненного цикла в законодательство Республики Беларусь.

Ключевые слова: контракт жизненного цикла, государственные закупки, государственно-частное партнерство, правовая природа.

Annotation. The article covers existing approaches to «life-cycle contract» and its legal nature. Eurasian economic union law and member-states legislation are searched to reveal life-cycle contract rules. As a result, there is vivid necessity of implementation life-cycle contract in belarusian legislation.

Keywords: life-cycle contract, public procurement, public-private partnership, legal nature.

Категория «контракт жизненного цикла» в разных правовых условиях реализуется по-разному — как инвестиционная модель, как механизм государственных закупок. Соответственно этому определяется правовая природа контракта жизненного цикла. Исследователи разделяются на тех, кто придерживается подхода о нем как о «контрактной форме государственно-частного партнерства» [1, с. 62], и тех, кто рассматривает его как гражданско-правовой договор, поименованный и регламентированный для сферы государственных закупок [2, с. 47; 3, с. 160], или как «разновидность закупок для государственных и муниципальных нужд» [4, с. 29].

Инвестиционный характер обосновывается содержанием обязательств по такому договору, поскольку одна сторона осуществляет возведение объекта, эксплуатирует его в течение периода эксплуатации, осуществляет ремонт, техническое обслуживание, а государство как сторона по договору «оплачивает за счет бюджета ... услуги по предоставлению объекта в пользование ... либо публичные услуги, оказываемые с помощью такого объекта» [5, с. 35–36]. Отношения сторон продолжительны во времени, как правило, ограничены жизненным циклом товаров (результатов работ), включающим стадии

существования объекта (определение исходных требований, разработка (проектирование), производство (строительство), эксплуатация, обслуживание (содержание), ремонт, модернизация, утилизация [3, с. 167]), предусматривают вложения со стороны поставщика (подрядчика), их последующую оплату со стороны государства, сопровождаемые рисками [6, с. 59–61].

В то же время наличие в модели контракта жизненного цикла обязательств государства по оплате товаров, работ с использованием бюджетных средств позволяет отнести его к государственным закупкам. Изначально при формировании системы государственных закупок в ней имелось разделение на традиционные закупки и государственно-частное партнерство, одним из видов которого рассматривался контракт жизненного цикла [6, с. 55–56]. Различия между ними выстраивались в зависимости от срочности возникающих отношений. Для традиционных государственных закупок возникающие обязательства краткосрочны по времени, реже среднесрочны, удовлетворяют, как правило, текущие потребности государства и создают предпосылки для конкуренции при выборе контрагента.

Наличие приведенных подходов к определению сферы применения контракта жизненного цикла ставит вопрос о выборе наиболее предпочтительного и эффективного.

В этой связи обратимся к праву Евразийского экономического союза (далее — Союз) и законодательству государств-членов в той части, каким образом осуществляется регулирование соответствующих отношений.

Протоколом о порядке регулирования закупок, являющимся приложением № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Протокол), государствам-членам предоставлена возможность закрепить в своем законодательстве требование о заключении договора (контракта) о закупке, предусматривающего закупку товара или работы, последующие обслуживание, эксплуатацию в течение срока службы, ремонт и утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта (договор (контракт) жизненного цикла) (п. 24 Протокола).

Следует отметить, что в Договоре о Союзе отдельно содержатся правила для осуществления инвестиций (Протокол о торговле услугами, учреждениями, деятельности и осуществлении инвестиций, являющийся приложением № 16 к Договору о Союзе). Нахождение в Протоколе правил для договора (контракта) жизненного цикла в отсутствие соответствующих положений в Приложении № 16 к Договору о Союзе позволяет его рассматривать как договор, заключаемый в соответствии с законодательством о закупках государств-членов, если он отвечает тем признакам, которые закреплены в п. 24 Протокола. Как следствие,

сферой его применения для государств-членов в значении, заложенном в п. 24 Протокола, являются государственные закупки.

Анализируя законодательство государств — членов Союза, можно заметить, что отношения, характерные для контракта жизненного цикла, регулируются нормами инвестиционного права либо государственных закупок.

В России в сфере государственных закупок используется контракт жизненного цикла. Он определяется как контракт, предусматривающий поставку товара или выполнение работы (в том числе при необходимости проектирование объекта капитального строительства, создание товара в результате выполнения работы), последующие обслуживание, при необходимости эксплуатацию в течение срока службы, ремонт и (или) утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта капитального строительства или товара (п. 8.2 ст. 3 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Названным Федеральным законом предусмотрено, что в контракте должна содержаться стоимость жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта, включающая:

1) стоимость товара или работы (в том числе при необходимости стоимость работ по подготовке проектной документации, стоимость работ по созданию товара);

2) стоимость последующих обслуживания, при необходимости эксплуатации в течение срока службы, ремонта и (или) утилизации поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта капитального строительства или товара.

Расчет стоимости жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта производится с учетом Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденных приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 2 октября 2013 г. № 567 [7].

Случаи заключения контракта жизненного цикла — это случаи, когда предметом такого контракта являются новые машины и оборудование, а также иные случаи, установленные Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 1087 «Об определении случаев заключения контракта жизненного цикла». В частности, к ним относятся: а) выполнение работ по строительству (реконструкции, капитальному ремонту и при необходимости по инженерным изысканиям и (или) проектированию) и содержанию автомобильных дорог (участков автомобильных дорог), включая дорожные

сооружения, являющиеся их технологической частью, — защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог, и (или) работ по их ремонту; б) выполнение работ по проектированию и строительству инфраструктуры морских и речных портов, в том числе искусственных земельных участков, гидротехнических сооружений портов; в) выполнение работ по проектированию и строительству аэродромов; г) выполнение работ по проектированию и строительству объектов системы коммунальной инфраструктуры и иных объектов коммунального хозяйства, в том числе объектов водо-, тепло-, газо- и энергоснабжения, водоотведения, очистки сточных вод, переработки и утилизации (захоронения) бытовых отходов и иные.

В силу долгосрочного характера такого договора, существующих рисков обязательным является обеспечение исполнения обязательств поставщиком (подрядчиком) обеспечения (п. 7.2 ст. 94 указанного Федерального закона), причем оно предоставляется отдельно по основным обязательствам — по поставке или выполнению работ, присущих, по общему правилу, контракту, заключаемому по результатам процедур закупок, и отдельно по обязательствам, характерным для контракта жизненного цикла, связанным с последующим их исполнением со стороны поставщика (подрядчика) (п. 1.1 ст. 96 указанного Федерального закона).

В законодательстве Республики Казахстан Предпринимательским кодексом Республики Казахстан предусмотрена возможность заключения контракта жизненного цикла как одного из видов контрактного государственно-частного партнерства (п. 4 ст. 74 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан), но для сферы государственных закупок данный контракт не применим.

В законодательствах Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики отсутствуют специальные положения для контракта жизненного цикла.

По нашему мнению, принимая во внимание право Союза, контракт жизненного цикла относится к договорам, заключаемым в сфере государственных закупок.

Для Республики Беларусь потребность в подобном регулировании имеется для отдельных сфер, в первую очередь для медицины. Исследуя возможность применения контракта жизненного цикла в отсутствие специальных норм, следует, что, с одной стороны, учитывая его правовую природу как гражданско-правового договора, а также общепризнанную ту его особенность, что он является смешанным договором [2, с. 29; 8, с. 7], его заключение гипотетически возможно. Вместе с тем указание в п. 24 Протокола на необходимость закрепления в законодательстве государства-члена правовой конструкции кон-

тракта жизненного цикла или его признаков специально для сферы государственных закупок исключает применение модели контракта жизненного цикла в данной сфере без соответствующих норм в законодательстве государства-члена. Также, поскольку в Протоколе содержатся иные правила-требования для системы государственных закупок в государствах-членах, включая наличие специальных процедур закупок для выбора контрагента, требований по их организации и проведению, стабильность условий договора, заключаемого по результатам проведения процедур закупок, очевидно, что и для контракта жизненного цикла, который должен отвечать признакам и требованиям договора (контракта) о закупке, данные правила должны выполняться.

Как представляется, в широком смысле контракт жизненного цикла можно рассматривать в качестве разновидности договора (контракта) о закупке, обладающего особыми признаками, находящимися в прямой зависимости от содержания обязательств, упоминаемых в п. 24 Протокола и дублируемых или уточняемых в законодательстве государства-члена. При таком подходе правовая природа контракта жизненного цикла будет гражданско-правовой с распространением на него «правового режима государственных закупок», включающего «особый порядок заключения договора (в случаях проведения конкурентных процедур государственных закупок), его содержание, стабильность и неизменность определенных условий договора, санкции за неисполнение договорных обязательств в виде включения недобросовестного контрагента в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок, ответственность, обусловленные действием законодательства о государственных закупках» [9, с. 294–295]. Нахождение контракта жизненного цикла в правовом режиме государственных закупок позволит определить его правовую природу как возмездного, двустороннего, консенсуального договора, заключенного в пользу сторон договора, направленного на передачу товаров или выполнение работ [8, с. 12–13].

На данном этапе развития отношений в сфере государственных закупок считаем возможным в качестве ориентира последующего совершенствования законодательства о государственных закупках включить в Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» положения о контракте жизненного цикла.

1. Кандыбко Н. В. Контракт жизненного цикла на вооружение и военную технику как инструмент реализации государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе // Военная мысль. 2018. № 5. С. 57–64. [Вернуться к статье](#)

2. Колтунов С. В. Контракт жизненного цикла: понятие и проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11. С. 47–52. [Вернуться к статье](#)
3. Димитриев Р. С. Об определении понятия «контракт жизненного цикла» в российском законодательстве // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 1. С. 157–169. [Вернуться к статье](#)
4. Зверев А. И. Контракты жизненного цикла позволяют строить дороги в условиях дефицита бюджета // Практика муниципального управления. 2017. № 1. С. 28–35. [Вернуться к статье](#)
5. Фрейдин И. В. Контракты жизненного цикла как инструмент государственно-частного партнерства // Рос. предпринимательство. 2011. № 10. С. 33–38. [Вернуться к статье](#)
6. Ракута Н. В. Использование контрактов жизненного цикла при госзакупках. Опыт развитых стран // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 53–78. [Вернуться к статье](#)
7. Об утверждении методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) [Электронный ресурс] : приказ М-ва экономического развития Рос. Федерации, 2 окт. 2013 г., № 567. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Димитриев Р. С. Место контракта жизненного цикла в системе гражданско-правовых договоров // Законодательство. 2021. № 9. С. 7–14. [Вернуться к статье](#)
9. Амельченя Ю. А. Система договоров в сфере государственных закупок. Минск : Колорград, 2021. 344 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.32/347.44

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КОНТРАКТ КАК ВОЗМОЖНАЯ ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

О. А. Бакиновская

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
начальник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: bakinov187@mail.ru

Аннотация. В статье с теоретико-правовых позиций рассматривается проблематика специального инвестиционного контракта как возможной формы осуществления инвестиций. Предлагается имплементировать обозначенную правовую договорную конструкцию в законодательство Республики Беларусь в сфере инвестиций дополнительно к инвестиционному договору с Республикой Беларусь.

Ключевые слова: инвестиции, специальный инвестиционный контракт, инвестиционный договор.

Annotation. The article deals with the problems of a special investment contract from a theoretical and legal standpoint as a possible form of investment. It is proposed to implement the designated legal contractual structure into the legislation of the Republic of Belarus in the field of investments in addition to the investment agreement with the Republic of Belarus.

Keywords: investment, special investment contract, investment agreement.

Стимулирование инвестиционной активности субъектов хозяйствования может производиться путем формирования специальных правовых режимов, включающих предоставление льгот и преференций, а также путем создания особых договорных конструкций, посредством которых оформляются инвестиционные отношения между государством — реципиентом инвестиций и инвестором. Данные договорные конструкции имеют своей целью фиксацию взаимных обязательств государства и инвестора, предоставление дополнительных гарантий инвестору со стороны государства и особых возможностей по инвестированию. Одним из примеров такого рода договорной конструкции является специальный инвестиционный контракт (далее — СПИК), известный правовой системе Российской Федерации.

Институт СПИК появился в Федеральном законе от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее — Закон о промышленной политике), ст. 16 которого определяет, что по СПИК одна сторона — инвестор в предусмотренный этим контрактом срок своими силами или с привлечением иных лиц обязуется создать либо модернизировать и (или)

освоить производство промышленной продукции на территории Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, а другая сторона — Российская Федерация или субъект Российской Федерации в течение такого срока обязуется осуществлять меры стимулирования деятельности в сфере промышленности, предусмотренные законодательством Российской Федерации или законодательством субъекта Российской Федерации в момент заключения СПИК. Анализ данного определения позволяет утверждать, что СПИК присущи следующие характеристики, указывающие на его «специальность» в системе инвестиционных договоров:

основное обязательство инвестора по СПИК — создание либо модернизация и освоение либо только модернизация или только освоение производства промышленной продукции; иная продукция или работы/услуги не могут являться объектом СПИК;

основное обязательство государства (самой Российской Федерации или субъекта Российской Федерации) — осуществлять те меры стимулирования деятельности в сфере промышленности, которые наличествовали в федеральном законодательстве или законодательстве субъекта РФ в момент заключения контракта; при этом государство как таковое не является непосредственным реципиентом производимых инвестором в рамках СПИК инвестиций, поскольку последние осуществляются в процессе хозяйственной деятельности инвестора;

место реализации инвестиционного проекта по СПИК — это территория Российской Федерации, континентальный шельф Российской Федерации или исключительная экономическая зона Российской Федерации.

В 2019 г. Закон о промышленной политике был существенно модернизирован в части дополнения специальной главой, посвященной СПИК, с определением предмета и сторон СПИК, его содержания, порядка заключения, изменения и расторжения, обеспечения стабильности условий ведения хозяйственной деятельности для инвестора, контроля за выполнением инвесторами обязательств по СПИК, ответственности сторон.

Согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О промышленной политике в Российской Федерации” в части регулирования специальных инвестиционных контрактов”», предметом СПИК является обязательство инвестора реализовать инвестиционный проект по внедрению или разработке и внедрению технологии, обеспечивающей производство промышленной продукции, которая конкурентоспособна на мировом уровне, в случае включения такой технологии в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень современных технологий. В частности, распоряжением Правительства

РФ от 28 ноября 2020 г. № 3143-р утвержден перечень таких технологий, включающий порядка 630 позиций. По оценкам специалистов, новая модель СПИК «представляет собой совершенно иной инструмент поддержки развития промышленности, что предусмотрено целью государства, возлагаемой на него: недопущение технологического отставания российской промышленности за счет предоставления преференций ее субъектам, но не в ущерб конкуренции между ними» [1]. На момент подготовки настоящего материала в реестр СПИК (публичный реестр) включено 58 проектов [2].

Одним из основных достоинств СПИК, по сравнению с иными договорными моделями осуществления инвестиций, является предоставление налоговых льгот и возможности реализации произведенной продукции в рамках ее государственной закупки. В частности, согласно ст. 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», основанием закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) является осуществление закупки товара, производство которого создано или модернизировано и (или) освоено на территории Российской Федерации в соответствии со специальным инвестиционным контрактом, по регулируемым ценам. Это отвечает экономической модели СПИК, поскольку данный контракт «предполагает перевод производства на территорию Российской Федерации», соответственно, «для вновь производимого товара необходимо сформировать устойчивый спрос, и публичные закупки являются здесь важным инструментом» [3]. Тем самым для СПИК характерной является своего рода «гарантированность» выкупа со стороны государства определенной части продукции, произведенной инвестором в рамках реализации своих обязательств по контракту, что обеспечивает ее устойчивую гарантированную реализацию.

Относительно правовой природы исследуемой договорной конструкции имеется несколько позиций. Так, А. Е. Кирпичев относит СПИК к управленческо-предпринимательским обязательствам, поскольку в нем сочетаются частноправовые конструкции обязательства с регулированием отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой, при этом управленческие отношения приобретают договорно-обязательственную форму, и элементами равенства сторон и распространением действия норм гражданского законодательства в определенной степени [4]. Данные управленческо-предпринимательские обязательства, наряду с обязательствами, регулируемыми Гражданским кодексом Российской Федерации, и корпоративными обязательствами, составляют, по мнению В. К. Андреева, обязательства в сфере предпринимательской деятельности [5].

Другой российский исследователь А. В. Белицкая обосновывает частно-публичную правовую природу СПИК: «...так как, с одной стороны, создает определенный режим для частного инвестора, который выражается в предоставлении ему государством льгот, гарантий и преференций, с другой — устанавливает обязательство частного инвестора о совершении определенных действий по вложению инвестиций и осуществлению практической деятельности, то есть инвестиционной деятельности как таковой. В специальном контракте, в отличие от договора государственно-частного партнерства, государство выступает не только и не столько в роли равноправного партнера частного инвестора, сколько в качестве носителя публичной власти, который может установить определенные изъятия из закона — в данном случае стимулирующего характера» [6]. Встречается также подход об административно-правовой природе СПИК, в частности, отмечают, что СПИК относится к административным договорам, одной из сторон которых выступает государство в лице уполномоченных органов [7].

СПИК предлагается также рассматривать как «организационный договор с элементами гражданско-правового и преимущественно публично-правового регулирования, который порождает для инвестора специальный (льготный) режим осуществления предпринимательской деятельности» [8]. Данная позиция разделяется, в частности, Е. А. Громовой [9]. Интерес представляет точка зрения, высказанная Л. В. Андреевой, согласно которой нельзя определить сущность СПИК с точки зрения классических гражданско-правовых характеристик его двусторонности, взаимности и консенсуальности. По мнению данного автора, СПИК «является новой договорной формой, выполняющей ряд функций — инвестиционную, импортозамещения и обеспечения государственных нужд» [10].

Проанализировав сущность СПИК и изложенные выше подходы к его правовой природе, считаем целесообразным рассмотреть возможность внедрения данной правовой конструкции в правовую систему Республики Беларусь. Это позволит создать дополнительные стимулы для организации производства промышленной продукции на территории Республики Беларусь, обладающей конкурентоспособностью на мировом уровне и преследующей одновременно несколько целей — привлечение инвестиций и импортозамещение. Различные точки зрения на правовую природу СПИК, по нашему мнению, не окажут существенного влияния на процесс «встраивания» данной правовой конструкции в правовую систему Республики Беларусь, поскольку действующее законодательство в сфере инвестиций содержит договорные правовые конструкции, правовая природа которых не получила однозначной оценки со стороны представителей юридической науки, но которые в целом доказали свою

эффективность в процессе правоприменения. Примером такой договорной правовой конструкции с двойственной публично-частной правовой природой может служить инвестиционный договор с Республикой Беларусь. В целом, уже сейчас правовая конструкция инвестиционного договора, заключаемого Советом Министров Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь на основании норм Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь», может быть сравнима в конструкции СПИК, поскольку позволяет предоставить инвестору или созданной им организации, реализующей инвестиционный проект, дополнительные льготы и (или) преференции, не предусмотренные действующим законодательством. При этом в законодательстве не уточняется возможный характер предоставляемых льгот и (или) преференций, т. е., по сути, они могут быть любого характера, включая налоговые льготы или обязательство государства по выкупу определенной части продукции, произведенной инвестором или созданной им организацией.

В этой связи заслуживает внимания позиция, высказанная А. В. Белицкой, которая предлагает закрепить в российском законодательстве расширенное понимание инвестиционного контракта по модели СПИК без привязки к промышленной политике, определяя его «как договор, закрепляющий встречные взаимовыгодные обязательства государства и частного инвестора по реализации государственной инвестиционной политики, включающие обязательство частного инвестора в определенных договором объемах и в определенные сроки осуществлять инвестиционную деятельность в приоритетной сфере экономики и корреспондирующее с ним обязательство государства создать для него преференциальный правовой режим осуществления такой деятельности» [11].

Таким образом, мы наблюдаем еще большее сходство между СПИК и инвестиционным договором с Республикой Беларусь. Но, по нашему мнению, СПИК имеет более узкий, целенаправленный характер и однозначно гарантирует инвестору возможность льготного осуществления производственной деятельности. В силу этого, а также ряда иных экономико-правовых причин полагаем возможным имплементировать конструкцию СПИК в законодательство в сфере инвестиций.

1. Акопян О. А. Трансформация регуляторной модели специального инвестиционного контракта (СПИК) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Реестр СПИК (публичный) [Электронный ресурс]. URL: <https://gisp.gov.ru/spic2/pub/spic/search/?fbclid=IwAR2COoGSQK6TCjFQ6c6LFMOpFcVFwwH6TLcBu3Di5b7TaJFQtI1Dbxek30w> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [Электронный ресурс] : науч.-практ. комментарий к Федер. закону от 2 апр. 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Кирпичев А. Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России. Научные очерки [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Белицкая А. В. Инвестиционное право и политика [Электронный ресурс] // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
7. Дидикин А. Б., Юдкин А. В. Закон о промышленной политике в России. Экспертный комментарий [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Спиридонова А. В. Правовая природа специального инвестиционного контракта, предусмотренного Федеральным законом «О промышленной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. Громова Е. А. Государственно-частное партнерство и его правовые формы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
10. Андреева Л. В. Специальный инвестиционный контракт – новая договорная форма обеспечения государственных нужд [Электронный ресурс] // Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
11. Белицкая А. В. Инвестиционное право и политика [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343

ПОНЯТИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В. С. Бельский

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры прикладной физической
и тактико-специальной подготовки

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

Аннотация. Предупредительная деятельность имеет ключевое значение на современном этапе. Предупреждение противоправных деяний позволяет с наименьшими издержками достигать улучшения качества жизни людей и стабильного социально-экономического развития государства. В статье отмечается, что для обозначения деятельности, направленной на устранение и локализацию причин и условий правонарушений, в международных и отечественных литературных источниках до сих пор используются различные термины. Автор разграничивает эти термины, исходя из субъектов, объектов и содержания предупредительной деятельности и приходит к выводу, что предупреждение преступности является сложным, многоуровневым и собирательным понятием.

Ключевые слова: предупреждение, правонарушения, государство, общество.

Annotation. Preventive activity is of key importance at the present stage. The prevention of illegal acts makes it possible to improve the quality of life of people and the stable socio-economic development of the state at the lowest cost. The article notes that various terms are still used in international and domestic literary sources to refer to activities aimed at eliminating and localizing the causes and conditions of offenses. The author differentiates these terms based on the subjects, objects and content of preventive activities and comes to the conclusion that crime prevention is a complex, multi-level and collective concept.

Keywords: prevention, offenses, state, society.

Успешное развитие государства и решение задачи формирования социально ориентированного государства невозможны без укрепления законности и правопорядка. Законность определяется как особый режим жизнедеятельности общества, выражающийся в осуществлении требований нормативных правовых актов всеми государственными органами, юридическими и физическими лицами. Результатом реализации правовых предписаний является правопорядок — это фактическое состояние упорядоченности общественных отношений, складывающееся в результате соблюдения, исполнения правовых норм.

Для поддержания законности и правопорядка на должном уровне каждая страна в настоящее время осуществляет многоуровневую систему мер государственного и общественного характера, которые ориентированы на устранение, нейтрализацию (ослабление, ограничение) причин и условий преступлений и иных правонарушений.

Эффективность воздействия предупредительной деятельности на правонарушения обеспечивается ее всесторонним характером и включает общесоциальные и специально-криминологические меры. Общесоциальное предупреждение предполагает создание благоприятных условий для развития общества и реализуется с помощью системы крупномасштабных мер социального, экономического, правового, политического, идеологического характера, которые направлены на развитие экономики, реализацию прав и свобод человека, укрепление законности, формирование духовных и культурных ценностей. В ходе решения указанных задач посредством общесоциальных мер одновременно устраняются негативные явления, процессы, способствующие возникновению правонарушений. Меры общесоциального предупреждения имеют определяющее значение, так как они предшествуют специально-криминологическим мерам, результативность которых напрямую зависит от них. Специально-криминологическое предупреждение охватывает мероприятия, непосредственно направленные на выявление и устранение причин и условий правонарушений, касающихся отдельных социальных групп, сфер деятельности и объектов, характеризующихся повышенной вероятностью совершения противоправных деяний. Отличие указанных мер от общесоциальных состоит в их специальной предназначенности и целенаправленности; по своему содержанию они применимы лишь к предупреждению правонарушений; реализация специальных мер обусловлена наличием и состоянием криминогенных факторов. Основным источником правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе предупредительной деятельности, является Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (в ред. от 09.01.2018 г.).

Следует отметить, что для обозначения деятельности, направленной на устранение и локализацию причин и условий правонарушений, до сих пор используются различные термины : «предупреждение» (В. Е. Эминов, В. А. Аналич, Ю. М. Антонян, Г. Г. Шиханцов, А. А. Примаченок, В. Н. Бурлаков, Г. М. Миньковский, С. Я. Лебедев, С. И. Курганов, В. Д. Малков), «борьба» (А. И. Долгова), «превенция» (Я. И. Гишинский), «профилактика» (О. В. Старков, С. Д. Пахомчик, С. И. Курганов), «минимизация» (В. В. Лунеев), «противодействие» (С. М. Иншаков), «предотвращение», «пресечение», «контроль», «подавление» и т. д. [1, с. 184].

Полагаем целесообразным разграничивать указанные термины, так как они связаны с различными уровнями, направлениями и видами рассматриваемой деятельности.

Термин «противодействие правонарушениям» имеет более широкий характер и включает в себя не только предупреждение, но и выявление, пресечение, расследование и раскрытие противоправных деяний, минимизацию и (или) ликвидацию их негативных последствий. Необходимо обратить внимание на то, что в зарубежной литературе достаточно активно используется понятие «противодействие», а в отечественной криминологической науке — «предупреждение».

Вместе с тем в Республике Беларусь действуют Законы от 7 января 2012 г. № 350-З «О противодействии торговле людьми» (в ред. от 04.01.2021 г.), от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» (в ред. от 14.01.2021 г.). В Российской Федерации действуют Законы от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 06.03.2022 г.), от 6 марта 2006 г. № 35-З «О противодействии терроризму» (в ред. от 26.05.2021 г.).

В некоторых нормативных правовых актах, учебных изданиях также используется формулировка «борьба с преступностью». К примеру в Законах Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (в ред. от 06.01.2021 г.), от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» (в ред. от 09.01.2018 г.), от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью» (в ред. от 12.12.2013 г.), Программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы, утвержденной решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 18 декабря 2019 г. № 20. и др. Однако, на наш взгляд, не совсем верно использовать данный термин, так как «борьба» предполагает победу одной из сторон. Очевидно, что истоки преступности находятся в существовании самого общества, поэтому полностью искоренить данное негативное явление невозможно, его можно лишь минимизировать.

Термин «превенция» применяется в уголовном праве и включает в себя: общую превенцию — предупреждение совершения преступлений лицами, склонными к противоправным деяниям, посредством страха правонарушителя перед наказанием; частную превенцию — предупреждение совершения новых преступлений лицом, ранее совершившим противоправное деяние, что достигается путем применения к нему мер уголовной ответственности, направленных на исправление личности и удержание от подобного поведения в будущем, повторного наступления неблагоприятных последствий.

С этимологической точки зрения термины «предупреждение» и «профилактика», означают недопущение чего-либо. Однако указанные понятия неверно использовать как тождественные. В практической деятельности правоохранительных органов использование термина «профилактика» широко распространено относительно общего и специально-криминологического предупреждения преступлений и иных правонарушений, и особенно к такому элементу, как индивидуальное предупреждение на ранней стадии формирования у лиц антисоциальных установок. С данной позиции профилактика является составным элементом предупреждения. Так, профилактика включает мероприятия, осуществляемые специализированными субъектами и в строго ограниченных рамках, в то время как предупреждение — это многоуровневая система социально-экономических, политических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих, идеологических, технических, правовых и иных мер, осуществляемая различными государственными и общественными организациями, субъектами хозяйствования, должностными лицами и гражданами.

В научной литературе наряду с профилактикой говорится о профилактике правонарушений, социальной профилактике, криминологической профилактике. Профилактика правонарушений — это воздействие на причины и условия не только уголовно наказуемых деяний, но и других по юридической природе деликтов, видов неправомерного поведения (гражданско-правовые, дисциплинарные, административные). Социальная профилактика включает широкий комплекс мер воздействия на причины и условия не только правонарушений, но и всех социальных патологий, разнообразных форм и видов так называемого отклоняющегося поведения (пьянство, наркотизм, проституцию, политический, религиозный и иной экстремизм, суицид и др.), что нарушает не только правовые, но и иные социальные нормы. Криминологическая профилактика — это профилактика преступлений, а также профилактика некоторых правонарушений некриминального характера, прежде всего административных проступков, ближе всего стоящих к преступности [2, с. 214–215].

Следует обратить внимание на то, что специально-криминологическое предупреждение включает в себя предотвращение и пресечение преступлений. Под предотвращением преступлений принято понимать деятельность по недопущению замышляемых или приготавливаемых противоправных деяний. Пресечение — это прекращение уже начатой противоправной деятельности на стадии покушения либо последующих эпизодов при длящихся или так называемых серийных преступлениях [3, с. 191]. Профессор В. Д. Малков считает, что предотвращение и пресечение преступлений являются одним из составных элементов индивидуального предупреждения преступлений [1, с. 188]. А. А. Примаченок также полагает, что выделение стадии предотвращения,

пресечения в системе предупреждения преступности весьма значимо применительно к предупреждению именно преступлений на индивидуальном уровне [4, с. 192–193]. Г. Г. Шиханцов отмечает, что предотвращение и пресечение преступлений являются составной частью специального предупреждения, так как для них характерна направленность на определенных лиц, которые, по имеющимся сведениям, задумали, подготавливают или уже совершают определенное преступление [5, с. 173].

В международных нормативных правовых актах Организации Объединенных Наций также используются различные формулировки относительно предупредительной деятельности: Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г., Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических и психотропных веществ 1988 г., Декларация о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях 1996 г., Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г., Киотская декларация «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и др.

Таким образом, предупредительная деятельность имеет разнообразные формы и определяется в международных и отечественных литературных источниках по-разному. По нашему мнению, важно прийти к терминологической унификации. Полагаем, что термин «предупреждение преступности» является собирательным и объединяет все виды целенаправленной деятельности по борьбе, профилактике, пресечению, предотвращению преступности. Предупреждение преступности представляет собой многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности, а также на выявление и удержание от перехода или возврата на преступный путь лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений. Предупреждение преступности представляет собой совокупность всесторонних общесоциальных и специально-криминологических мер. Следовательно, предупредительную деятельность целесообразно рассматривать, во-первых, как важное средство социального регулирования общественных отношений; во-вторых, как взаимодействие мер социально-экономического, организационно-правового и воспитательного порядка; в-третьих, как организационно-правовую деятельность по пресечению на различных стадиях совершения конкретных правонарушений; в-четвертых, как сочетание различных уровней предупреждения правонарушений, воплощенных в деятельности неоднородных субъектов.

1. Криминология и профилактика преступлений : учебник / В. А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ананича ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2019. 393 с. [Вернуться к статье](#)
2. Криминология и профилактика преступлений. Общая часть : курс лекций / О. П. Колченогова [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2012. 231 с. [Вернуться к статье](#)
3. Ананич В. А., Аникеева Н. А., Свило С. М. Криминология : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД, 2015. 410 с. [Вернуться к статье](#)
4. Криминология и профилактика преступлений / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского. Минск : Акад. МВД, 2011. 428 с. [Вернуться к статье](#)
5. Шиханцов Г. Г. Криминология : учебник. Минск : Новое знание, 2016. 316 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.244.3

ЭЛЕКТРОННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**А. Н. Бойко**

Московский РУВД г. Бреста (Беларусь),
оперуполномоченный отделения по наркоконтролю
и противодействию торговле людьми
e-mail: aliax.boyko@yandex.by

Аннотация. Рассмотрены проблемы реализации в рамках законодательства Республики Беларусь специального метода расследования «электронное наблюдение», предусмотренного международными соглашениями в сфере борьбы против транснациональной организованной преступности и с коррупционными преступлениями.

Ключевые слова: специальные методы расследования, электронное наблюдение, транснациональная организованная преступность.

Annotation. The article examines the problems of implementing a special investigation method "electronic surveillance", provided for by international agreements in the fight against transnational organized crime and corruption crimes, within the framework of the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: special investigation methods, electronic surveillance, transnational organized crime.

О применении электронного наблюдения как специального метода расследования указано в ст. 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года, и ст. 50 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года (далее — Конвенции ООН). Государство — участник указанных конвенций (в числе которых Республика Беларусь) в соответствии с принципами внутренней правовой системы и в пределах своих возможностей принимает необходимые меры к разрешению вопросов о надлежащем и законном проведении «специальных методов расследования» компетентными органами, а также принимает меры к тому, чтобы доказательства, собранные с помощью таких методов, допускались в суде. К специальным методам расследования среди прочих относятся контролируемая поставка, электронное наблюдение и другие формы наблюдения [1; 2].

Разъяснение термина «контролируемая поставка» дано непосредственно в указанных Конвенциях ООН и звучит как «метод, при котором допускается вывоз, провоз или ввоз на территорию одного или нескольких государств незаконных или вызывающих подозрение партий груза с ведома и под надзором их

компетентных органов в целях расследования какого-либо преступления и выявления лиц, участвующих в совершении этого преступления» [1; 2]. По смыслу данный термин соотносится с оперативно-розыскным мероприятием (далее — ОРМ) «контролируемая поставка», указанным в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) [3].

Содержание специального метода расследования «электронное наблюдение и другие формы наблюдения» в Конвенциях ООН не раскрывается. В настоящее время толкования термина «электронное наблюдение» не имеется в национальном законодательстве. Вопрос о толковании и возможностях (формах) применения специального метода расследования «электронное наблюдение» остается дискуссионным, а потому в целях его разъяснения целесообразным будет обратиться к анализу научной и иной литературы.

В Руководстве для законодательных органов по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней, составленном Управлением ООН по наркотикам и преступности, разъясняется, что к электронному наблюдению относится использование «подслушивающих устройств или перехват сообщений», когда «физическое внедрение или наблюдение сопряжено с неприемлемым риском для расследования и безопасности сотрудников» [4, с. 203].

Б. М. Самохин и В. В. Князев указывают, что под электронным наблюдением понимаются все виды тайного наблюдения за тем или иным лицом с помощью радиоэлектронных устройств. Оно включает в себя подслушивание телефонных разговоров, разговоров в помещениях и вне их, негласную кино-, видео- и фотосъемку, а также установку в транспортных средствах, вещах и даже на одежде подозреваемого специальных датчиков для облегчения слежки при перемещении объекта [5, с. 63–71]. А. С. Цветкова и Д. В. Вагунин относят к электронному наблюдению деятельность, связанную с применением электронных средств наблюдения и контроля над всеми видами проводной и электронной связи, путем снятия информации с технических каналов связи и прослушивания телефонных и иных переговоров, осуществляемых посредством речи и сообщений и иными способами электрической связи: посредством телексных, факсимильных каналов передачи данных, компьютерных сетей, IP-телефонии, электронных писем [6, с. 191]. Д. Л. Харевич также, помимо перечисленного, причисляет к электронному наблюдению следственное действие «прослушивание и запись переговоров» [7, с. 51].

Обращаясь к законодательным актам иностранных государств, необходимо отметить, что и в них отсутствует однозначная точка зрения на вопрос об электронном наблюдении. К примеру, в ФРГ «электронное наблюдение»

является неправовым термином и определено как наблюдение, осуществляемое на расстоянии посредством электронного оборудования или иных технических средств: контроль телекоммуникации; акустический контроль; видеонаблюдение в жилище и вне жилища; установление данных о местоположении, номере и карточке мобильного телефона с использованием технических средств; сбор данных о телекоммуникационном трафике; онлайн-обывск; полицейское наблюдение [7, с. 49; 8, с. 40].

Анализируя исследованные научные труды и акты законодательства зарубежных стран, соотнося описанное с возможностями (формами) реализации, при которых не будут нарушены законность, права, свободы и законные интересы граждан, полагаем, что проведение электронного наблюдения в Республике Беларусь в рамках Закона об ОРД осуществимо производством следующих ОРМ: наблюдение с использованием средств негласного получения (фиксации) информации; слуховой контроль; контроль в сетях электросвязи. В рамках уголовно-процессуального законодательства электронное наблюдение реализуется в ходе следственного действия «прослушивание и запись переговоров». Наблюдение (с использованием средств негласного получения (фиксации) информации), слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи проводятся в рамках дела оперативного учета уполномоченным на то субъектом при наличии оснований к их проведению, по постановлению о проведении оперативно-розыскного мероприятия с санкции прокурора или его заместителя, за исключением некоторых случаев, установленных Законом об ОРД [3].

Под средствами, используемыми для негласного получения (фиксации) информации (которые применяются в каждом из перечисленных ОРМ), подразумеваются технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, приспособления, препараты, программные продукты и другие изделия, специально созданные, разработанные, запрограммированные или модернизированные для негласного получения (фиксации) информации [3].

Прослушивание и запись переговоров — это следственное действие, заключающееся в применении соответствующими учреждениями по решению уполномоченного должностного лица технических средств по прослушиванию и записи переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц в целях получения сведений, имеющих значение по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Оно проводится по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя либо по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности [9].

Непосредственный интерес для субъектов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью и коррупцией на международном и республиканском уровнях, представляет система глобального позиционирования GPS (Global Positioning System). Разработанная изначально для военных целей (производство оружия высокой точности), эта система используется в повседневной жизни, так как GPS-модули установлены в большинстве современных мобильных устройств связи. Использование системы GPS как формы реализации электронного наблюдения, связанного с получением информации программного обеспечения, установленного на устройстве и использующего GPS-навигацию, возможно в рамках ОРМ «контроль в сетях электросвязи». Применение GPS-трекеров для получения информации о маршрутах передвижения возможно в рамках ОРМ «наблюдение», когда для его проведения используются средства негласного получения (фиксации) информации и иные средства.

Помимо процессуальных форм реализации электронного наблюдения, можно также вести речь о способах сбора интересующей информации, находящейся в свободном доступе глобальной сети Интернет. Разведка на основе открытых источников (OSINT-технологии) представляет большое количество интересующей правоохранительные органы информации, находящейся в открытом доступе в сети Интернет. На основе анализа данных из социальных сетей возможно только судить о тех или иных обстоятельствах повседневной жизни человека, его увлечениях и интересах, сфере деятельности, устанавливать его местоположение.

Республиканская система мониторинга общественной безопасности, созданная в целях повышения уровня общественной безопасности путем использования современных информационно-коммуникационных технологий и используемая, в частности, для профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения преступлений, может быть использована для установления местоположения лица. Программная платформа системы мониторинга (Kipod) предоставляет возможности распознавания лиц по фотографии [10].

Исходя из вышесказанного, возможно предложить следующую дефиницию: электронное наблюдение — это совокупность мероприятий, направленных на борьбу с транснациональной организованной преступностью и коррупционными преступлениями, включающая в себя производство комплекса ОРМ, следственных действий и иных мероприятий, связанных с использованием электронных технических средств (в том числе для негласного получения (фиксации) информации), компьютерной техники и направленных на установление местоположения лица, совершаемых этим лицом деяний, получение исходящей от лица устной или письменной информации или данных, содержащихся на используемых таким лицом электронных устройствах.

Использование предложенного термина «электронное наблюдение» возможно путем принятия закона, устанавливающего его официальное толкование. Это позволит в полной мере использовать возможности Конвенций ООН и осуществлять эффективное международное сотрудничество в борьбе с преступностью.

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : принята резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи от 15 нояб. 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 10.11.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : принята резолюцией 58/4 Генер. Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 10.11.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г., № 88-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/events/11thcongress/part1.pdf> (дата обращения: 10.11.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Самохин Б. М., Князев В. В. Зарубежный опыт оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью : науч. обзор. М. : ВНИИ МВД СССР, 1991. 86 с. [Вернуться к статье](#)

6. Цветкова А. С., Вагунин Д. В. Некоторые направления совершенствования правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства : сб. науч. ст. : в 2 ч. : по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию Курск. гос. техн. ун-та, Курск, 9-11 апр. 2009 г. / редкол.: Т. К. Рябинина (отв. ред.) [и др.]. Курск, 2009. Ч. 2. С. 189–194. [Вернуться к статье](#)

7. Харевич Д. Л. О толковании термина «электронное наблюдение» в применении к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности // Юстыцыя Беларусі. 2010. № 4. С. 48–52. [Вернуться к статье](#)

8. Харевич Д. Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь. Минск, 2018. Т. 2. С. 38–42. [Вернуться к статье](#)

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. :

одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г., № 112-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Республиканская система мониторинга общественной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://rapoptes.by/rsmob.html> (дата обращения: 10.11.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343

ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА: АКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ НЕДОПУСТИМОЕ РАЗМЫВАНИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ГРАНИЦ?**Е. С. Бородулькина**

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук
e-mail: borodulkina_ks@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты взаимосвязи уголовного и административно-деликтного права, а также стирания их отраслевых границ. Особое внимание уделяется вопросу допустимости существования в уголовном праве межотраслевых институтов, в частности административной преюдиции.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное и административно-деликтное право, межотраслевые институты, административная преюдиция.

Annotation. This article discusses the problematic aspects links between criminal and administrative law, as well as the reduction of their sectoral boundaries. Particular attention is paid to the issue of the admissibility of the existence of intersectoral institutions in criminal law, in particular, administrative prejudice.

Keywords: criminal policy, criminal and administrative law, intersectoral institutions, administrative prejudice.

В вопросе обеспечения эффективности противодействия преступности центральное место принадлежит средствам охранительного законодательства. В свою очередь, основу такого законодательства составляют нормы уголовного и административно-деликтного права, от упорядоченности и выверенности которых во многом зависит результативность правовой охраны общественных отношений.

Одной из причин, почему сегодня актуален вопрос о дуалистичном характере охранительного права, является активная законотворческая деятельность в части совершенствования положений как законодательства об административных правонарушениях, так и уголовного законодательства. Так, с 1 марта 2021 г. применяются положения нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП). В 2021 г. вступили в силу два закона о корректировке Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК): одноименные Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З и Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». С 1 января 2022 г. действуют

положения Закона Республики Беларусь от 14 декабря 2021 г. № 133-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь». Актуализирует проблему взаимодействия уголовного и административно-деликтного права существующая в доктрине дискуссия о возможности введения института уголовного проступка в национальную систему уголовного законодательства.

Действительно, все более заметной тенденцией развития юридических наук становится осознание императива их единства [1, с. 172]. Положения УК и КоАП, «являясь по своей юридической природе охранительными, обладают существенным сходством как по форме, так и по содержанию» [2]. В литературе иногда само административное право называется «смягченным уголовным правом» [3, с. 59]. Высказывается мнение о том, что выделение права административных деликтов в самостоятельную отрасль законодательства определено соображениями процессуальной экономии, а не особой правовой природой административных правонарушений.

Более того, некоторыми правоведами административно-правовая (административно-деликтная) политика рассматривается в качестве составной части (отрасли, подсистемы, направления) единой уголовной политики. Отмечается, что административное право тесно связано с уголовным с той лишь разницей, что административное право призвано взысканиями предотвращать ущерб общественным отношениям, который может перерасти в деяния уголовные. В юридической литературе поднимаются вопросы о соотношении преступления (как общественно опасного деяния) и административного правонарушения (как социально вредного деяния), о субъективности и вариативности категории «общественная опасность» как результате социальной оценки деяний и, как следствие, о «подвижности» границ преступного и непроступного.

Содержательное единство норм уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, на наш взгляд, во многом обусловлено общностью задач, стоящих перед ними (на это указывает сопоставление положений, содержащихся в ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса» УК и ст. 1.2 «Задачи и принципы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» КоАП). Тесная взаимосвязь и взаимодействие уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях обусловлены схожестью или идентичностью подходов к решению подавляющего большинства вопросов, вовлекаемых в сферу правового регулирования указанных отраслей законодательства. В основе такой схожести или идентичности лежит близость деяний, которые законодатель признает преступлениями или административными правонарушениями [4, с. 160].

Следует отметить, что, несмотря на указание многими авторами на злободневность рассматриваемой проблематики, данный вопрос не является

новым для доктрины уголовного права. Еще в советской правовой науке административная ответственность рассматривалась как своеобразный субсидиарный атрибут уголовно-правовой репрессии. По мнению С. Д. Князева, утверждение о том, что ответственность за административные правонарушения выступает «средством борьбы с преступностью на дальних подступах», являлось «общим местом» учебников и учебных пособий соответствующего профиля. Причем такая трактовка административной ответственности не была лишена объективных, включая законодательные, предпосылок. Так, советскому уголовному закону был известен институт административной преюдиции, а также освобождения от уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, с одновременным привлечением совершивших их лиц к административной ответственности. Неразрывная связь данных видов юридической ответственности, основанная на очевидном приоритете уголовной и «подчиненном статусе» административной, не вызывала больших сомнений ни в юридической теории, ни в практике правоприменения [5, с. 7]. В настоящее время отечественный уголовный закон также содержит вышеупомянутые институты административной преюдиции (ст. 32 УК) и освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 86 УК).

Вместе с тем тенденция «размывания» границ между уголовным и административным правом вызывала и вызывает различную реакцию среди представителей научной общественности.

С одной стороны, ряд правоведов высказываются остро негативно по этому поводу, приводя, например, в качестве аргумента тот же институт административной преюдиции в уголовном праве. Если обобщить позиции противников института, то, как правило, указывается на невозможность нового тождественного деяния изменять «качество», суть противоправного деяния в сторону приращения его общественной опасности, необходимой для его признания уголовно наказуемым. В такой конструкции самостоятельные административные правонарушения объединяются лишь личностью лица, их совершившего, однако для криминализации этого недостаточно. Административная преюдиция признается искусственно созданной конструкцией, основанной на повторяемости административных правонарушений и при этом не соответствующей теории уголовного права, поскольку она не может быть отнесена ни к множественности преступлений, ни к единичному преступлению.

В качестве отрицательных аспектов «взаимопроникновения» уголовного и административно-деликтного права также указывается дублирование карательных мер и процедур (например, административный штраф и штраф как наказание по уголовному делу) и др. Особую дискуссию вызывает

равнозначность санкций и необходимость наведения порядка в вопросе их соотношения в уголовном и административном праве.

Правоведами, указывающими на системные проблемы взаимосвязи различных отраслей охранительного права, отмечается необходимость четкого очерчивания отраслевых границ норм, поскольку каждая из них имеет самостоятельный предмет, метод правового регулирования, правовые источники.

Вторая группа ученых не видит остроты в так называемом размывании границ репрессии. Отрицается необходимость «крайне формального подхода к уголовному праву» и необоснованность страха перед полным «институциональным обрушением» [6, с. 77, 90], приводятся аргументы для рассмотрения вопросов не в контексте различных отраслей права — уголовного и административно-деликтного, а в рамках единой «охранительной подсистемы права». В. Н. Синюков, указывая на отсутствие в законодательстве допетровского времени как такового разграничения административной и уголовной ответственности, полагает, что нынешнее их обособление в различных кодексах свидетельствует лишь о прогрессе формы права. По мнению ученого, в современных условиях все более обостряется проблема социальной адекватности жестких границ существующих юридических институтов многочисленным пограничным, не определившимся, лабильным социальным фактам, что часто вынуждает правоприменителя механически их привязывать к искусственным перегородкам имеющейся системы права [7, с. 95].

Принимая во внимание многополярность существующих позиций, отметим, что уголовная политика не может существовать изолированно, без учета комплексного, межотраслевого подхода к выработке системы средств охраны общественных отношений, предлагаемых в том числе административно-деликтной политикой. Вместе с тем, признавая взаимосвязь и взаимозависимость различных отраслей охранительного законодательства, весьма актуальным является вопрос о более четком определении круга правоотношений, охраняемых уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях, и, следовательно, более четком разграничении санкций — согласовании размеров наказаний, применяемых за административные правонарушения и преступления, их взвешенность и пропорциональность. При этом требуется анализ установления неблагоприятных тенденций, отрицательно влияющих на эффективность взаимосвязи норм уголовного и административного права и поиск путей преодоления такого рода издержек, а также, наоборот, выявление положительных сторон взаимопроникновения отраслей через образование комплексных межотраслевых институтов, имеющих высокий потенциал результативности.

Несмотря на то, что с учетом внесения изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь в 2021 г. перечень норм с административной преюдицией существенно сузился, есть основания для научного анализа возможностей оптимизации данного института и, в частности, расширения его применения, что связано с высокой превентивной ролью таких норм по сравнению с обычными составами. Институт административной преюдиции, по нашему мнению, не способствует размытию границ между уголовным и административно-деликтным правом, а позволяет системно подходить к правовому регулированию общественных отношений и обеспечивает межотраслевую дифференциацию ответственности.

-
1. Клейменов М. П. Административное и уголовное правонарушение: проступок и преступление // Юрид. вестн. 2016. № 2. С. 172–177. [Вернуться к статье](#)
 2. Большова И. А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ [Электронный ресурс] // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-norm-ugolovno-go-i-administrativnogo-zakonodatelstva-metodologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 16.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 3. Маркунцов С. А. О соотношении административно-правовых и уголовно-правовых запретов // Сибир. юрид. вестн. 2012. № 4 (59). С. 56–63. [Вернуться к статье](#)
 4. Лукашов А. И. Уголовная и административная ответственность: сосуществование или слияние? // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2013. № 2 (7). С. 160–172. [Вернуться к статье](#)
 5. Реформа административной ответственности в России / А. В. Кирин [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кирина, В. Н. Плигина. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 477 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Головкин Л. В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2013. № 2 (7). С. 77–91. [Вернуться к статье](#)
 7. Синюков В. Н., Григорьев Ф. А. Правовая система: вопросы права реализации : учеб. пособие. Саратов : Сарат. Высш. шк., 1995. 155 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.326

СООТНОШЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Е. А. Вержанский

Речицкий РОВД (Беларусь),

оперуполномоченный отделения по наркоконтролю

и противодействию торговле людьми

e-mail: e.verzhansky@yandex.by

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы разграничения понятий «экстремизм» и «терроризм», в ходе чего был проведен сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь, трудов ученых и выработана концепция разграничения данных понятий.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, экстремистская деятельность, террористический акт.

Annotation. The article deals with the problems of differentiation of the concepts of «extremism» and «terrorism», during which a comparative analysis of the legislation of the Republic of Belarus, the works of scientists was carried out and the concept of differentiation of these concepts was developed.

Keywords: terrorism, extremism, extremist activity, terrorist act.

Под экстремизмом понимается форма радикального отрицания существующих общепризнанных общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Согласно законодательству, экстремизм (экстремистская деятельность) — это деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств, формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность. Указанная деятельность осуществляется различными путями, указанными в ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» [1].

Молодежь как особая социально-демографическая группа больше всего подвержена негативному влиянию социальных рисков, возникающих в периоды социальных трансформаций, в связи с чем в отношении данной возрастной группы особо актуальным становится распространение экстремизма. Молодые граждане пополняют ряды экстремистских организаций, которые активно используют молодежь в своих интересах. Экстремистски настроенная молодежь, как правило, своим поведением старается выразить пренебрежение к действующим в обществе нормам и правилам поведения, устоявшимся законам,

обычаям и традициям. Зачастую члены молодежных экстремистских объединений совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе убийства и причинение тяжкого вреда здоровью [2, с. 31].

Основными причинами роста экстремистского поведения молодежи являются: ослабление и отсутствие воспитательной работы в учреждениях образования и на предприятиях; отсутствие высоких идеалов у молодежи и взрослого населения; массовое распространение и доступность для детей и подростков алкоголя и наркотиков; безработица; общее снижение культурного уровня; высокая миграция населения; политическая нестабильность; ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения и др. [3, с. 68].

В свою очередь, терроризм направлен на достижение политических, религиозных и экономических целей путем насильственных действий и устрашения населения. Террористическая деятельность включает в себя: создание террористических группировок; планирование террористических действий; подстрекательство к совершению террористического акта; финансирование террористических организаций; пропаганду насилия для достижения религиозных, социальных или экономических целей; совершение террористических актов [4, с. 26–27; 5].

В ст. 3 Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» терроризм определен как социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка [6].

Каждый террористический акт имеет конкретную направленность. Можно выделить несколько видов терроризма в зависимости от его целей. Политический терроризм нацелен на борьбу за власть, устрашение политических оппонентов или государства в целом, он может существовать лишь при поддержке какой-то части населения. Религиозный вид терроризма существует для того, чтобы заставить население принять свою религию и нанести ущерб представителям другой веры. Также религиозный терроризм может происходить ради утверждения власти одного из представителей определенной веры. Военный терроризм происходит, как правило, в военное время; он совершается не только для того, чтобы ослабить военную мощь государства-противника, но и для того, чтобы повлиять на психологическое состояние населения. Криминальный вид терроризма осуществляется в форме совершения заказных убийств, разборок между преступными группировками, насильственного вымогательства и вооруженных захватов. Националистический терроризм строится по этническому

признаку и совершается для того, чтобы доказать независимость отдельной нации или добиться ее превосходства в стране и в мире. Сравнительно новым видом является экологический терроризм, цель которого — повлиять на экологическую обстановку с помощью радикальных насильственных мер [4, с. 26–27; 5].

Экстремизм и терроризм — это близкие понятия, которые тем не менее имеют определенные различия. Оба данных явления наносят вред обществу и государству, создают неблагоприятные условия для социального управления, преследуют цель дезорганизации деятельности государства. Качественное различие между рассматриваемыми явлениями состоит в том, что терроризму присущ крайне опасный способ посягательства, применение общепасного насилия, причиняющего вред неограниченному кругу лиц. Безусловно, данный критерий обладает определенной условностью, ведь такие экстремистские проявления, как убийство или умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенные по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, представляют из себя наиболее опасные преступные посягательства и относятся к категории особо тяжких и тяжких преступлений соответственно. Вместе с тем экстремистскими правонарушениями могут быть преступления, не представляющие большой общественной опасности, или даже административные правонарушения, в то время как большинство преступлений террористического характера являются тяжкими и особо тяжкими. Данное соотношение можно также продемонстрировать сравнением объективной стороны террористических и экстремистских деяний: если типичным способом совершения первых является способ, общепасный для большого количества людей или сопряженный с пренебрежением такими значимыми охраняемыми уголовным законом благами, как жизнь и здоровье человека, то экстремизм может быть связан с призывами к различным насильственным действиям. В связи с этим обосновано мнение о том, что преступность террористического характера предполагает совершение действий, представляющих большую общественную опасность, применение более грубого насилия, чем экстремистские действия (понимаемые в узком смысле) [4, с. 30; 7].

Выделяют две основные, доминирующие точки зрения на соотношение террористической и экстремистской деятельности. Первая заключается в том, что террористическая деятельность является наиболее радикальной формой проявления экстремизма. Так, Ю. И. Авдеев указывает, что экстремизм как социально-политический феномен представляет собой совокупность различных крайних форм политической борьбы, и одной из таких форм является

терроризм [5]. Анализ международно-правовых документов и нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод, что экстремизм и терроризм — это явления не только взаимосвязанные, но и взаимопроникающие. Терроризм обладает всеми признаками экстремизма, а также специфическими признаками, присущими исключительно данному проявлению экстремизма, поэтому вполне правомерно ставить вопрос о преступлениях, которые обладают одновременно признаками и экстремизма, и терроризма.

Противоположная точка зрения на проблему разграничения экстремизма и терроризма заключается в четком разграничении данных явлений. По мнению А. М. Сысоева, экстремизм является социально-правовым явлением, в основе которого находится идеология, направленная на пропаганду идей расовой, национальной, религиозной, социальной ненависти, характеризуемая неприятием существующего государственного строя и насильственными призывами к захвату властных полномочий. Основным критерием разграничения экстремистских и террористических преступлений служит специальная цель преступлений террористической направленности, в виде дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Политический мотив в экстремистских преступлениях является абстрактным и не формируется в конкретную цель, в отличие от террористических преступлений [8].

Таким образом, отграничение терроризма от экстремистских проявлений необходимо проводить путем установления того, имело ли место устрашение с целью воздействовать на волю и поведение населения. Другим критерием разграничения экстремистских и террористических преступлений является цель совершения данных преступлений. Экстремистские преступления совершаются с целью возбуждения ненависти и вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Целью террористических преступлений является дестабилизация деятельности органов власти либо воздействие на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях; в качестве дополнительной цели террористических преступлений выступает устрашение населения. Также следует принимать во внимание тяжесть соответствующего деяния: более тяжкие посягательства характерны для террористических проявлений, менее тяжкие — для экстремистских.

1. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Бурмистров И. А. Сущность и специфика преступлений, совершаемых неформальными группами несовершеннолетних // Рос. следователь. 2000. № 6. С. 31–35. [Вернуться к статье](#)
3. Муращенкова Н. В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме. : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Смоленск, 2014. 311 л. [Вернуться к статье](#)
4. Харевич Д. Л. О характерных чертах и определении понятия «терроризм» // Юстыцыя Беларусі. 2017. № 7. С.26–31. [Вернуться к статье](#)
5. Авдеев Ю. И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы ; под ред. Е. И. Степанова. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 41–42. [Вернуться к статье](#)
6. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Харевич Д. Л. О разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм» // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 10 февр. 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2017. С. 223–224. [Вернуться к статье](#)
8. Сысоев А. М. Об уточнении категории преступлений экстремистской направленности // Рос. юрид. журнал. 2008. № 4. С. 126–128. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛИЦ****Т. И. Вишневская**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время в Республике Беларусь наблюдается рост количества осужденных пожилого возраста, в связи с чем возникает потребность оптимизации системы назначения и исполнения наказаний, иных мер уголовной ответственности. В представленной статье предлагаются меры по совершенствованию осуществления мер юридической ответственности в отношении пожилых лиц, что позволит повысить эффективность предупреждения общественно опасных деяний и снизить уровень геронтологической преступности.

Ключевые слова: пожилые люди, геронтологическая преступность, юридическая ответственность, совершенствование.

Annotation. At present, in the Republic of Belarus, there is an increase in the number of elderly convicts, in connection with which, there is a need to optimize the system for assigning and executing punishments, and other measures of criminal responsibility. The presented article proposes measures to improve the implementation of measures of legal responsibility in relation to the elderly, which will increase the effectiveness of the prevention of socially dangerous acts and reduce the level of gerontological crime.

Keywords: elderly people, gerontological crime, legal responsibility, improvement.

Научный интерес представляет вопрос эффективности осуществления мер юридической ответственности в отношении пожилых лиц, поскольку указанная группа людей, совершивших преступления, достаточно специфична. Большинство из них имеют различные заболевания, низкий уровень психоэмоциональной устойчивости, что необходимо учитывать при назначении и исполнении наказаний, иных мер уголовной ответственности.

По данным Департамента исполнения наказаний Республики Беларусь, в настоящее время среди всех видов наказаний, назначаемых пожилым лицам, доминирует лишение свободы. Кроме того, более половины лиц изучаемой группы ранее судимы (52,3 %), поэтому данный вид наказания нельзя считать эффективным. С целью гуманизации уголовной ответственности, сохранения социально полезных контактов, снижения расходов на содержание осужденных представляется оправданным шире использовать виды наказания, альтернативные лишению свободы, усиливать предупредительное воздействие иных мер

уголовной ответственности, а именно отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, осуждения без назначения наказания.

Считаем, что возрастные особенности преступников необходимо учитывать не только при назначении наказаний и иных мер уголовной ответственности, но и при их реализации. Согласно законодательству, «применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений осужденными» [1], в том числе пожилого возраста.

Исправительный процесс осужденных пожилого возраста имеет свои особенности, что требует дифференцированного подхода к данной категории лиц. Согласимся с мнением Е. Кроули, который констатирует отрицательное воздействие на лиц пожилого возраста традиционных режимов в английских пенитенциарных учреждениях, так как они рассчитаны на содержание лиц молодой и зрелой возрастной группы. Установлено, что негативное пассивное влияние выражается в недосмотре за пожилыми осужденными, отсутствии внимательного отношения к потребностям, связанным с возрастом, качественно ухудшающим жизнь таких людей [2, с. 350]. Для пенитенциарных учреждений Республики Беларусь также характерны указанные недостатки. Некоторые ученые (в частности, В. В. Тирский и Н. В. Войтин) обосновывают необходимость «создания для преступников пожилого возраста таких специализированных мест отбывания наказания, как охраняемые дома для пожилых лиц и инвалидов, совершивших преступления, которые ориентированы больше на оказание медицинской помощи, нежели чем на охрану; однако пожилые рецидивисты должны содержаться отдельно от осужденных впервые» [3, с. 20–22].

В контексте указанного отметим, что в Республике Беларусь нет отдельных исправительных учреждений (далее — ИУ) для лиц пожилого возраста, однако в настоящее время сложилась практика создания в некоторых исправительных колониях самостоятельных отрядов только для лиц пожилого возраста и лиц с ограниченными возможностями. Отдельная локализация этой категории лиц обусловлена их физической, психологической уязвимостью и необходима для обеспечения их безопасности, предупреждения совершения ими новых преступлений (часть осужденных в силу пожилого возраста, большого срока осуждения, бесперспективности жизни не мотивированы на законопослушное поведение и скорейшее освобождение из ИУ), а также предупреждения издевательств, притеснений, совершения преступлений в отношении пожилых осужденных осужденными более молодого возраста.

Вместе с тем в ведомственных актах отсутствуют нормы о направлении пожилых осужденных к лишению свободы в ИУ, где созданы такие отряды. Предлагаем устранить данный пробел путем внесения изменений в Инструк-

цию о порядке направления осужденных к лишению свободы в ИУ и перевода осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания из одного ИУ уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь в другое, утвержденную постановлением МВД Республики Беларусь от 12 декабря 2005 г. № 389 [4], а именно п. 3 главы 1 «Общие положения» после слов «при направлении осужденных к лишению свободы в ИУ в соответствии с нарядами Департамента учитываются» дополнить словами «их возраст, состояние здоровья, а также», в п. 6 главы 2 «Порядок направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания из следственных изоляторов в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь» среди обстоятельств, которые необходимо учитывать при распределении осужденного в ИУ, предусмотреть норму относительно лиц, нуждающихся в большей социальной, моральной и медицинской защите, и дополнить пп. 6.5. следующего содержания: «лица, достигшие 65 лет, а также лица с ограниченными возможностями, отбывают наказание в ИУ, где есть отдельные отряды для таких лиц».

Считаем, что в специальных отрядах ИУ необходимо создать гуманные и комфортные условия для проживания пожилых лиц и лиц с ограниченными возможностями: пандусы, расширенные дверные проемы, чтобы в них проходили инвалидные коляски, специально приспособленные туалеты и ванны, возможность отдельного приема пищи и др. Предлагаем дополнить соответствующими нормами Инструкцию по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь, утвержденную постановлением МВД от 27 августа 2003 г. № 202/39 [5] : в главе 7 «Санитарно-гигиенический контроль за условиями размещения спецконтингента» п. 82 дополнить нормой следующего содержания: «Для пожилых лиц и лиц с ограниченными возможностями, создаются условия беспрепятственного перемещения на территории исправительных колоний: в общежитиях и местах общего пользования оборудуются пандусы, широкие дверные проемы»; п. 89 дополнить предложением: «Общежития с отдельным содержанием пожилых лиц и лиц с ограниченными возможностями обеспечиваются санитарно-техническим оборудованием (унитазы, места для мытья) со специальными поручнями».

При осуществлении исправления осужденных пожилого возраста и предупреждения совершения преступлений как пожилыми лицами, так и преступлений, совершаемых в отношении них, следует по возможности применять весь комплекс средств исправления с учетом вида наказания и иных мер уголовной ответственности, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, включая его возрастные особенности.

Основными средствами исправления осужденных являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие. Отметим, что осужденные, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Республики Беларусь о труде [1].

При этом для организации успешного исправления пожилых осужденных, профилактики пенитенциарной геронтологической преступности необходимо учитывать негативные возрастные особенности данной категории лиц: трудности в работе зрительных и слуховых анализаторов, нарушение памяти, торможение процесса мышления и др., что ухудшает процесс восприятия информации, влияет на поведение. Кроме того, пожилые осужденные имеют большой жизненный, а иногда и преступный опыт, сформированный характер, стойкие привычки и интересы, что может создавать трудности в процессе исправления, способствовать развитию конфликтных ситуаций (правонарушений), формированию в коллективе напряженной обстановки и др.

В связи с этим из всей системы воспитательных мероприятий самым эффективными в отношении пожилых осужденных являются те, которые направлены на формирование положительного устойчивого эмоционального состояния, повышение работоспособности мозга, развитие интереса к окружающей действительности, обучение социально адаптивным формам поведения, уменьшение социальных страхов в различных жизненных ситуациях, оказание реальной духовной и практической помощи.

При проведении воспитательных мероприятий работникам пенитенциарных учреждений целесообразно использовать ровный четкий тон и медленный темп речи, повторять информацию, демонстрировать наглядные примеры, применять особые технологии для активизации памяти данных лиц. К пожилым осужденным важно проявлять участливое и доброжелательное отношение, уметь их выслушать, быть неравнодушным к их судьбе, ориентировать на законопослушный образ жизни, мотивировать заниматься полезной деятельностью, оказывать помощь в налаживании положительных социальных контактов. Индивидуальная воспитательная работа с пожилыми осужденными должна осуществляться с учетом степени их криминализации, состояния их физического и психического здоровья, цели в жизни, наличия образования, трудового стажа и родственных связей.

При проведении образовательно-просветительской работы с пожилыми осужденными необходимо учитывать круг их интересов, как правило, это новости, здоровье, огородничество, садоводство, рыболовство; мотивировать

к активному полезному досугу, в том числе через демонстрацию видеороликов с примерами активного долголетия; развивать навыки использования информационно-коммуникационных технологий; при организации культурно-массовых мероприятий (концертов, конкурсов и др.) делать акцент на использовании литературных и музыкальных произведений, известных данному поколению; учитывать состояние здоровья пожилых осужденных при проведении физкультурно-спортивных мероприятий, методика должна включать несложные физические упражнения, дыхательную гимнастику, благоприятно сказываться на самочувствии; предоставить возможность разработать индивидуальную программу по лечебно-оздоровительной физической культуре совместно с медицинскими работниками учреждения.

Представляется, что максимальное включение пожилых осужденных в положительную деятельность, интересную занятость, образовательный и трудовой процесс будет содействовать скорейшему исправлению осужденных, расширит кругозор и культурную среду, позволит получать дополнительный доход, осуществлять общественно полезную деятельность [6, с. 42].

Важнейшим инструментом исправления пожилых осужденных является положительное влияние семьи, которая, как правило, выступает главным мотивом не совершать преступления повторно после освобождения. Однако перед включением семьи в процесс профилактики необходимо изучить ее членов на предмет криминальной зараженности. Одной из мер, направленных на скорейшее исправление осужденного, сохранение полезных социальных связей, может являться увеличение количества свиданий и телефонных переговоров для осужденных пожилого возраста, а также предоставление права «свободного выхода» из ИУ не только при исключительных обстоятельствах, но и в качестве поощрения [6, с. 42].

Особое место и роль в системе предупреждения преступности имеет религия, поскольку стареющие люди чаще задумываются о смысле жизни, о вере. В связи с этим тесный системный контакт с территориальными религиозными организациями при работе с лицами, склонными к противоправному поведению, окажет положительное воздействие и будет способствовать предупреждению преступности с их стороны.

Актуальный характер в работе с пожилыми осужденными имеет организация процессов ресоциализации, реадaptации и реабилитации.

Таким образом, повышению эффективности осуществления мер юридической ответственности в отношении пожилых людей, предупреждения правонарушений в среде пожилых людей будет способствовать:

– расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний, а также иных мер уголовной ответственности с применением

дифференцированного подхода в зависимости от степени деградации личности под влиянием возраста, болезней, вовлеченности в преступную среду;

- создание специализированных отделений (отрядов) в учреждениях исполнения наказания для пожилых лиц с целью обеспечения особых, более гуманных условий содержания данной категории лиц; формирование у персонала ИУ необходимых знаний, умений и навыков работы с пожилыми осужденными;

- разработка и внедрение пункта «Реализация организационных, правовых и иных мероприятий по предупреждению геронтологической преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь» в проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь на 2023–2027 годы; разработка методических рекомендаций по организации и проведению воспитательной работы в отношении осужденных пожилого возраста;

- оказание пожилым лицам, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, содействия в создании бытовых, социальных, трудовых, моральных условий (восстановление связей с родственниками, утраченных документов, материальная поддержка, получение направлений в дома престарелых, помощь в устройстве в приюты, ночлежки и т. п.).

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Crawly E. Institutional Thoughtlessness in Prison and Its Impacts on the Day to-Day Prison Lives of Elderly Men // Journal on Contemporary Criminal Justice. Vol. 21. № 4. 2005. P. 350. [Вернуться к статье](#)

3. Тирский В. В., Войтин Н. В. Криминологическое и уголовно-правовое значение пожилого возраста // Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. С. 20–27. [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Инструкции о порядке направления осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения и перевода осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь в другое [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 12 дек. 2005 г., № 389 : в ред. от 03.12.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Инструкции по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 27 авг. 2003 г., № 202/39. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Вишневская Т. И. К вопросу о создании отдельных пенитенциарных учреждений для содержания пожилых лиц // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Самара, 21–22 мая 2020 г. : в 2 ч. / Самар. юрид. ин-т ФСИН России. Самара, 2020. Ч. 1. С. 41–42. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.238

**МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ****О. Ф. Воспякова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: vitolga8356@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются новые подходы к законодательному определению форм множественности преступлений в связи с изменениями в уголовном законодательстве Республики Беларусь, проводится сравнительный анализ с формами множественности преступлений, предусмотренными в российском уголовном законодательстве.

Ключевые слова: множественность преступлений, совокупность преступлений, рецидив преступлений, повторность преступлений, квалификация деяний.

Annotation. The article analyzes new approaches to the legislative definition of the forms of plurality of crimes in connection with changes in the criminal legislation of the Republic of Belarus, a comparative analysis is carried out with the forms of plurality of crimes provided for in the Russian criminal legislation.

Keywords: plurality of crimes, totality of crimes, recurrence of crimes, repetition of crimes, qualification of acts.

В судебно-следственной практике в ряде случаев возникают сложности в уголовно-правовой оценке действий лица, совершившего несколько преступных деяний, образующих множественность преступлений. Это связано в том числе с недостаточно четкой законодательной регламентацией данного правового института. Между тем статистические данные свидетельствуют о том, что в Республике Беларусь ежегодно свыше 40 % лиц, совершивших преступления, на момент совершения второго преступления имели непогашенную или неснятую судимость за предшествующие преступления [1]. Поэтому проблемы квалификации множественности преступлений в соответствии с действующим уголовным законодательством представляются актуальными.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) отсутствует определение множественности преступлений. В теории уголовного права выработано обобщающее уголовно-правовое понятие, в соответствии с которым множественность преступлений можно определить как совершение одним лицом двух или более преступлений, каждое из которых содержит признаки самостоятельного состава преступления и является юридически значимым [2, с. 755].

Множественность преступлений существует в определенных формах, закрепленных в главе 7 УК, что является необходимым для правильной квалификации совершенных деяний и применения мер уголовной ответственности к виновным лицам.

В ранее действующей редакции УК было предусмотрено три формы множественности преступлений: повторность преступлений (ст. 41 УК), совокупность преступлений (ст. 42 УК) и рецидив преступлений (ст. 43 УК). Представляется, что при формулировке этих понятий законодателем были допущены некоторые просчеты, ввиду которых в правоприменительной практике возникали проблемы в разграничении этих форм.

Так, из предшествующей редакции ч. 1 ст. 42 УК следовало, что совокупность преступлений образуют два и более преступления, предусмотренные различными статьями Особенной части УК при условии, что ни за одно из них лицо не было осуждено. При этом в ч. 2 ст. 41 УК было указано, что такую форму множественности, как повторность преступлений, также могут образовывать преступления, предусмотренные разными статьями, но в случаях, специально оговоренных в Особенной части УК. Из этого следует, что в подобных случаях повторность преступлений можно было расценивать как разновидность совокупности преступлений, если лицо еще не осуждалось за совершенные деяния.

Рецидив преступлений как форма множественности имеет место при совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление (ст. 43 УК). Общественно опасные деяния, образующие рецидив, могут быть предусмотрены как различными уголовно-правовыми нормами Особенной части УК (при общем рецидиве), так и одной и той же статьей УК (при специальном рецидиве). Повторность преступлений как форма множественности также предполагала совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК (ч. 1 ст. 41 УК). Следовательно, если лицо, имеющее судимость за умышленное преступление (например, кражу), совершало новое умышленное преступление (вновь кражу), то содеянное им можно рассматривать и как специальный рецидив, и как повторность преступлений.

Таким образом, в ранее действующей редакции УК имело место смешение форм множественности преступлений, а именно: повторности и совокупности преступлений, повторности и рецидива преступлений. Возможно, это и вызвало необходимость изменений в главе 7 УК «Множественность преступлений». Так, Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» из УК была

исключена ст. 41 «Повторность преступлений» и изменена редакция ч. 1 ст. 42 «Совокупность преступлений».

В настоящее время действующее уголовное законодательство Беларуси предусматривает две формы множественности преступлений: совокупность преступлений и рецидив преступлений.

В соответствии с новой редакцией ч. 1 ст. 42 УК, совокупность преступлений имеет место при совершении двух и более преступлений, если ни за одно из них лицо еще не было осуждено, в следующих случаях:

- если преступления предусмотрены различными статьями Особенной части УК;
- если преступления предусмотрены разными частями одной и той же статьи;
- если преступления предусмотрены одной и той же статьей Особенной части УК, но одно из них квалифицируется как оконченное преступление, а другие — как приготовление, покушение или соучастие в преступлении [3].

При совокупности преступлений виновное лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье УК. Например, если совершена кража, предусмотренная ч. 1 ст. 205 УК, а затем совершена кража, но в крупном размере, содеянное подлежит квалификации по ч. 1 и ч. 3 ст. 205 УК, так как имеет место совокупность преступлений.

Из анализа ч. 1 ст. 42 УК следует, что совокупность преступлений отсутствует, если лицо совершило несколько деяний, предусмотренных одной и той же частью статьи Особенной части УК. Например, лицо совершило два эпизода умышленного причинения менее тяжкого телесного повреждения, каждый из которых образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 149 УК. Как в этом случае следует квалифицировать содеянное? Исходя из того, что совокупность преступлений отсутствует, оба деяния подлежат квалификации по ч. 1 ст. 149 УК.

Представляется, что подход к правовой оценке нескольких преступлений, предусмотренных одной и той же частью статьи Особенной части УК, должен быть несколько иным, если в уголовно-правовой норме совершение преступления повторно указано в качестве квалифицирующего признака.

Как уже отмечалось, в действующем УК отсутствует такая форма множественности, как повторность преступлений, но полностью из уголовного законодательства повторность не исключена. В соответствии с ч. 14¹ ст. 4 УК, преступление признается совершенным повторно, если ранее лицо совершило какое-либо из преступлений, предусмотренных одной и той же статьей либо статьями, специально указанными в Особенной части УК. Поэтому, если лицо совершило несколько краж, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК,

что свидетельствует об отсутствии совокупности преступлений в контексте действующей редакции ч. 1 ст. 41 УК, то содеянное, на наш взгляд, должно квалифицироваться только по ч. 2 ст. 205 УК (кража, совершенная повторно).

Вместе с тем вряд ли уместно говорить об отсутствии совокупности преступлений, если совершены преступные деяния, предусмотренные одной и той частью одной и той же статьи, но с различными квалифицирующими признаками (например, первый раз совершена кража с проникновением в жилище, а второй раз — группой лиц).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что действующая редакция ч. 1 ст. 42 УК, содержащая понятие совокупности преступлений, не в полной мере отвечает требованиям правоприменительной практики и нуждается в дальнейшей оптимизации.

В российском уголовном законодательстве также предусмотрено две формы множественности преступлений: совокупность преступлений и рецидив преступлений. Если понятия рецидива преступлений в ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и ч. 1 ст. 43 УК идентичны, то в понятиях совокупности преступлений имеются отличия. Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ, совокупность преступлений имеет место при совершении двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание [4]. Буквальное толкование этой уголовно-правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что в отличие от ч. 1 ст. 42 УК совокупность преступлений может иметь место и при совершении преступлений, предусмотренных одной и той же частью статьи Особенной части УК РФ. Так, если лицо несколько раз совершило хулиганские действия, предусмотренные ч. 1 ст. 213 УК РФ, то имеет место совокупность преступлений, так как в ст. 213 не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение хулиганства повторно. В соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ. Из этого следует, что в рассматриваемой ситуации необходимо отдельно квалифицировать каждый эпизод хулиганских действий по ч. 1 ст. 213 УК РФ и, соответственно, отдельно назначать наказание за каждое из совершенных деяний. Представляется, что подобный подход усложняет процесс правоприменительной деятельности.

В теории уголовного права принято выделять два вида совокупности: идеальную и реальную. В ст. 42 УК эти виды не указаны. В отличие от белорусского законодательства, ч. 2 ст. 17 УК РФ дает понятие идеальной совокупности как совершение лицом одного деяния, содержащего признаки

преступлений, предусмотренных двумя и более статьями УК РФ. Это позволяет отграничить совокупность от единичных сложных преступлений, в которых несколько деяний образуют один состав преступления. Логично, что подобное положение было бы уместно предусмотреть и в ст. 42 УК «Совокупность преступлений».

Таким образом, представляется очевидным, что законодательная регламентация института множественности преступлений требует дальнейшего совершенствования.

1. Состоялось республиканское координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/media/sobytiya-i-meropriyatiya/sostoyalos-respublikanskoe-koordinatsionnoe-soveshchanie-po-borbe-s-prestupnostyu-i-korrupsiey/atiya/sostoyalos-respublikanskoe-koordinatsionnoe-soveshchanie-po-borbe-s-prestupnostyu-i-korrupsiey/> (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Курс уголовного права. Общая часть : в 5 т. / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск : Изд. Центр БГУ, 2018. Т. 1 : Учение о преступлении. 863 с. [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.24

**ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ:
ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ****Р. С. Вульвач**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: vulvachr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются новации уголовного законодательства Республики Беларусь в части назначения наказания при заключении досудебного соглашения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; тяжкие, особо тяжкие преступления; уголовное наказание; лишение свободы; пожизненное лишение свободы; смертная казнь.

Annotation. In the work, the author analyzes the innovations of the criminal law of the Republic of Belarus in part of the imposition of punishment upon concluding a pre-trial agreement.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation; serious, especially serious crime; criminal penalty; deprivation of liberty; life imprisonment; the death penalty.

Развитие белорусского общества на современном этапе позволило сформировать устойчивую правовую базу в области уголовного права и уголовного процесса, нацеленную на защиту прав и свобод личности, интересов общества и государства, путем привлечения каждого лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности и недопущения осуждения невиновного. При этом достижение целей уголовной ответственности в рамках уголовного процесса должно быть осуществлено в результате быстрого и полного разбирательства по каждому уголовному делу. Немаловажную роль в обеспечении данных требований закона в процессе осуществления уголовного преследования и отправления правосудия играют в том числе позиция и поведение самого виновного как одного из участников уголовного процесса, защищающего свои собственные интересы.

Одним из правовых средств, нацеленных на более быстрое и эффективное разбирательство по уголовному делу, которое связано с активизацией положительного посткриминального поведения преступника, является такой правовой институт, как досудебное соглашение о сотрудничестве, который был введен в законодательство Республики Беларусь в 2015 году и включил в себя понятие письменного соглашения, заключаемого между подозреваемым либо обвиняемым и прокурором. Согласно п. 4¹ ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), данное соглашение определяет обязательства, которые берет на себя подозреваемый или обвиняемый, связанные с оказанием с их стороны содействия предварительному следствию, а также

условия привлечения их к уголовной ответственности при выполнении данными лицами закрепленных в соглашении обязательств [1]. При этом представляется возможным согласиться с мнением М. Н. Манько о различной степени правовой необходимости тех либо иных действий, которые предлагаются к выполнению в рамках заключаемого соглашения. Так, действия по изобличению других соучастников преступления, розыск имущества, приобретенного преступным путем, возмещение имущественного ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем, а также другие действия, способные загладить вред, причиненный преступлением, являются обязательными для заключения досудебного соглашения, в то время как действия, связанные с сообщением сведений о других преступлениях и лицах, которые их совершили, носят факультативный характер и служат дополнительной составляющей подаваемого подозреваемым или обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения [2, с. 96]. При этом процессуально закрепленные обязательства в форме досудебного соглашения о сотрудничестве, взятые на себя подозреваемым либо обвиняемым, приобретают уголовно-правовое значение только в случае их выполнения данным лицом в полном объеме. Более того, в ходе судебного заседания при рассмотрении уголовного дела, где обвиняемым является лицо, заключившее досудебное соглашение, суд не только обязан исследовать полноту выполнения обязательств, но и оценить значение оказанного содействия предварительному следствию, а также предоставленные сведения о преступлениях, установленных при оказании такого содействия, или же уголовных делах, которые были возбуждены по результатам выполнения досудебного соглашения [1].

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие реализацию положений досудебного соглашения о сотрудничестве, имеют юридическое значение при определении правил назначения наказания, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК), и затрагивают, в частности, назначение наказания при рецидиве преступлений. Так, в ч. 2 ст. 65 УК законодательно установлены ограничения по минимальному сроку назначения наказания для лиц, допустивших опасный и особо опасный рецидив, и закреплено, что при наличии опасного рецидива срок наказания не может составлять менее половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи, а при особо опасном рецидиве — не менее двух третей такого наказания. В то же время при наличии заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве и при выполнении обязательств, предусмотренных данным соглашением, согласно ч. 3 ст. 65 УК, указанные ограничения при назначении наказания не учитываются и наказание таким лицам определяется по общим правилам [3].

Подобный подход при назначении наказания соблюден законодателем и в случае совершения преступления организованной группой. В силу ч. 2 ст. 66 УК при постановлении приговора в отношении организатора (руководителя) организованной группы суд обязан назначить ему наказание не менее трех четвертей срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. А в силу того, что совершение преступлений организованной группой является либо особо квалифицированным составом, где наказание носит особо строгий характер, либо данное обстоятельство, в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 64 УК, признается обстоятельством, отягчающим ответственность, то, как правило, наказание при данных обстоятельствах исчисляется длительными сроками лишения свободы для указанных лиц. В то же время, если организатором (руководителем) организованной группы было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и обязательства, взятые в рамках данного соглашения, выполнены в полном объеме, то наказание судом должно быть назначено без учета предусмотренных ограничений.

Особую роль при назначении наказания лицу, совершившему преступление и заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, играет ст. 69¹ УК, в которой на законодательном уровне закреплены общие начала назначения наказания для указанных лиц. До недавнего времени положения данной статьи были основаны на возможности применения к осужденному установленного законом снисхождения, только исходя из максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. Ввиду того, что наиболее строгий вид наказания судом может быть назначен только в случае, когда цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты при применении более мягкого наказания, данный подход не в полной мере соответствовал общим требованиям к назначению уголовного наказания, что, в свою очередь, затрудняло применение положений ст. 69¹ УК, и данная статья, по сути, теряла свою практическую направленность.

В связи с этим Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 года № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее — Закон) данная статья изложена в новой редакции, которая включила в себя новации, имеющие практическое уголовно-правовое значение. При сохранении требований о неукоснительности выполнения виновным лицом обязательств, взятых на себя при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, как условия применения особого порядка при назначении наказания для такого лица законодатель в то же время отправной точкой при вынесении приговора устанавливает ограничения по сроку и размеру основного наказания избранного судом, а не наиболее строгого вида наказания [4].

Так, ч. 1 ст. 69¹ УК закрепляет норму о том, что срок и размер назначаемого судом наказания не может превышать половины максимального срока или размера вида основного наказания, избранного судом, которое предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК, кроме случая, когда лицом совершены тяжкие или особо тяжкие преступления, сопряженные с посягательством на жизнь или здоровье человека. При таких условиях назначенное наказание не может превышать двух третей максимального срока или размера избранного судом вида основного наказания, предусмотренного статьей, по которой осуждается виновное лицо [3].

Особые правила при вынесении приговора предусмотрены ч. 2 ст. 69¹ УК, положения которой распространяются на лиц, совершивших преступления, за которые предусмотрены такие исключительные виды наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. В данном случае при соблюдении всех требований по выполнению обязательств лицом, заключившим досудебное соглашение, ни пожизненное лишение свободы, ни смертная казнь не применяются. Наказание такому лицу назначается в виде лишения свободы на определенный срок в соответствии с санкцией соответствующей статьи УК [3]. Исключение в новой редакции данной статьи возможности применения к таким лицам пожизненного лишения свободы, по мнению автора, является весьма прогрессивным, своевременным и способствующим более эффективному применению данной нормы закона. В то же время представляется необходимым обратить особое внимание на тот факт, что положения ч. 2 ст. 69¹ УК, запрещающие назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни как особое условие для определения вида и размера наказания, не в полной мере охватывают весь спектр лиц, совершающих преступления подобного рода. Поскольку ч. 2 ст. 58 и ч. 2 ст. 59 УК уже предусматривают общие ограничения по применению данных видов наказания в отношении лиц, которые совершили преступление в возрасте до восемнадцати лет, женщин, а также мужчин, достигших шестидесяти пяти лет ко дню постановления приговора, наличие данных ограничительных норм, само по себе лишает смысла заключение досудебного соглашения указанными лицами в силу того, что теряется цель такого соглашения со стороны обвиняемого, когда последний, заключая такого рода компромиссы, приобретает правовые основания рассчитывать на значительное смягчение наказания за совершенное преступление и юридические гарантии реализации данных стремлений, которые не могут быть реализованы при иных условиях. Проработка данного аспекта имеет не только научно-правовое, но и весомое практическое значение, так как именно данные категории лиц, по мнению автора, исходя из внутренних побуждений, чаще других склонны к признанию вины, раскаянию и заглаживанию

вреда, причиненного преступлением, что, по сути своей составляет моральную основу для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Более того, подобный подход в уголовном законодательстве, связанный с установлением предельных размеров наказания для лиц, которые не могут быть осуждены к пожизненному лишению свободы и смертной казни, законодательно закреплён в ряде стран, в том числе и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Так, ч. 4 ст. 62 УК РФ устанавливает, что пожизненное лишение свободы и смертная казнь не применяются к лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, при этом назначенное по таким делам наказание не может превышать двух третей максимального срока лишения свободы, предусмотренного за данное преступление [5].

Кроме того, нельзя оставить без внимания и тот факт, что, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве и добросовестно выполнившее в ходе предварительного расследования все взятые на себя обязательства, должно пройти и стадию судебного разбирательства с вынесением судом приговора. Разбирательство уголовного дела проводится судом по общим правилам, предусмотренным главами 34–38 УПК, с учетом особенностей, установленных ст. 468¹¹ УПК, не взирая, на то, преступление какой категории было совершено [2]. То есть, если лицо впервые совершило менее тяжкое преступление, к примеру кражу (ч. 2 ст. 205 УК), грабеж (ч. 2 ст. 206 УК), хулиганство (ч. 2 ст. 339 УК), и заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, то, следуя буквальному толкованию закона, такое лицо теряет право на возможность освобождения от уголовной ответственности в порядке ст. 88 УК в связи с деятельным раскаянием на стадии предварительного расследования. Хотя, по нашему мнению, выполняя обязательства, предусмотренные досудебным соглашением, лицо проявляет деятельное раскаяние. Более того, подозреваемый или обвиняемый выступает инициатором письменного оформления принятия на себя всех предлагаемых обязательств, заявляя об этом в ходатайстве на имя прокурора. Таким образом, становится очевидно, что заключение досудебного соглашения при совершении менее тяжких преступлений или преступлений, не представляющих большой общественной опасности, значительно ухудшает положение подозреваемого или обвиняемого, что, в свою очередь, нивелирует само юридическое значение такого правового института, как досудебное соглашение.

Таким образом, анализ изменений действующего уголовного законодательства Республики Беларусь в части особенностей назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве дают право сделать вывод об их своевременности и прогрессивности, а также о нацеленности данных

УДК 159.9:343.851.5

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

И. В. Данькова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: ira_dankova@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована проблема профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Особое внимание уделяется сущности профилактической работы в отношении подростков с признаками девиантного поведения и основным направлениям данной деятельности.

Ключевые слова: подросток, несовершеннолетний правонарушитель, социализация, девиантное поведение, профилактическая работа.

Annotation. The article analyzes the problem of prevention of deviant behavior of minors. Special attention is paid to the essence of preventive work in relation to adolescents with signs of deviant behavior and the main directions of this activity.

Keywords: teenager, juvenile delinquent, socialization, deviant behavior, preventive work.

На сегодняшний день в социальном развитии и становлении личности современного подростка наблюдается наличие ряда негативных явлений, которые порождают определенные отклонения и девиации в поведении, что способствует совершению правонарушений и преступлений несовершеннолетними. В связи с тем, что дети и подростки относятся к наиболее незащищенной и уязвимой категории общества, им нужна помощь и поддержка со стороны взрослых, а возникающие у несовершеннолетних проблемы требуют не только своевременного решения, но и предупреждения их возникновения.

Как было сказано выше, поведение некоторых части несовершеннолетних выходит за рамки общедозволенного, т. е. не соответствует либо противоречит социальным и правовым нормам. Такое поведение принято называть отклоняющимся, или девиантным. Сущность и механизмы девиантного поведения изучаются учеными в таких отраслях знаний, как социология, криминология, этика, психология, педагогика и др. При этом очень важное значение имеет социальная природа девиантного поведения как результат недостаточной социализации индивида, деформации в его убеждениях и установках. Проблемам девиантного поведения и его профилактики среди несовершеннолетних посвящены труды таких исследователей, как Е. В. Змановская, В. Л. Васильев, Ю. А. Клейберг, В. Н. Кудрявцев, А. Е. Личко, В. Г. Стуканов, и многих других.

Однако, несмотря на многочисленные исследования в этой области, проблема профилактики девиантного поведения в детской и молодежной среде продолжает оставаться актуальной.

Как было сказано выше, девиантное поведение представляет собой систему поступков, имеющих существенные отклонения от действующих в обществе правил и норм (правовых, нравственных, этических). Девиантное поведение проявляется как нарушение самоактуализации, сознательное уклонение от самоконтроля над собственными поступками, действиями и поведением. Доказано, что девиантное поведение особенно остро проявляется в подростковом возрасте и приводит к серьезным нарушениям процессов социализации, обучения и развития. Значимость проявлений девиантного поведения подростков для общества остро ставит проблему его профилактики [1, с. 181].

Под профилактикой в общем виде понимают предупреждение возникновения какого-либо негативного процесса, явления или действия. Различают индивидуальную и общую профилактику.

Согласно данным «Словаря-справочника по криминологии и юридической психологии», индивидуальная профилактика — это вид деятельности, обусловленный спецификой объекта профилактического воздействия — конкретными лицами, склонными к совершению правонарушений и преступлений [2, с. 157]. Предметом такого воздействия являются негативные качества личности, которые выражаются в ее поведении и криминальной мотивации.

Содержание индивидуальной профилактики включает в себя сбор и изучение информации о лицах, склонных к совершению правонарушений и преступлений, оказание на них и их ближайшее окружение предупредительного воздействия, осуществление за ними социального контроля, постановку их на профилактический учет и т. д. Положительные результаты индивидуальной профилактики достигаются путем применения научно обоснованных разработок и методик, с помощью которых изучаются конкретные личности, их свойства и установки, а также их внешнее окружение.

В этом же словаре имеется определение общей профилактики, под которой понимается вид предупредительной деятельности, обусловленный прежде всего спецификой объекта профилактики, к примеру, криминогенностью ситуации, в которой преобладает правовой нигилизм. В этой связи объект общей профилактики является относительно неопределенным. Если рассматривать его с точки зрения причин и условий, способствующих совершению конкретных правонарушений и преступлений, а также их группы и категории, то криминологическая и психолого-педагогическая характеристики лиц, их совершивших, могут быть представлены в качестве определенного объекта общей профилактики [2, с. 158].

Осуществление общей профилактики происходит путем реализации различных методов, направленных на выявление и изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений, а также применения мер предупредительного воздействия путем нравственно-правового просвещения, образования, воспитания и последующего контроля за состоянием проблемы.

Остановимся на процессе профилактики, направленной на предупреждение появления различных видов девиантного поведения несовершеннолетних.

Установлено, что немаловажное значение для любого человека, в том числе и для ребенка, имеет его ближайшее окружение. Человек придерживается именно той линии поведения, которая одобряется в его микросреде. И если в ней преобладают противоречащие нормам морали и права установки, убеждения и действия, то личность при постоянной демонстрации образцов девиантного поведения сама будет склонна к совершению правонарушений и преступлений. Кроме того, дезориентации личности несовершеннолетнего в моральном и правовом плане способствуют различного рода социальные и психолого-педагогические факторы. В связи с этим процесс профилактики девиантного поведения несовершеннолетних следует рассматривать с точки зрения процесса социализации личности ребенка.

Согласно «Краткому психологическому словарю» под социализацией понимают исторически обусловленный, осуществляемый в деятельности и общении процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта [3, с. 332].

Социализация может протекать как в условиях воспитания (целенаправленного формирования личности), так и в условиях стихийного воздействия на развивающуюся личность различных, иногда противоположно направленных факторов. Конечно, воспитание — это ведущее и определяющее начало социализации, одной из задач которого является всестороннее развитие личности.

Как видим, социализация — это процесс познания человеком окружающей его социальной действительности, овладение навыками индивидуальной и коллективной работы, включающий в себя социально-психологические механизмы, посредством которых достигается приобщение индивида к культуре, в том числе и правовой. Особая роль в социализации отводится развитию контактов индивида с другими людьми и совместной с ними общественно полезной деятельности, в результате которой человек не только обогащается опытом, но и приобретает возможность и способность стать личностью и оказывать влияние на других людей.

Таким образом, социализация предполагает вхождение индивида в общественную среду, адаптацию к ее условиям и, как следствие, межличностное

взаимодействие людей, ведущее к их согласию через конформное поведение (преодоление конфликта между индивидом и его окружением путем согласия с мнением группы). Когда индивид входит в относительно стабильную общность, при благоприятно сложившихся условиях он проходит три стадии своего становления как личности [4, с. 82]:

1. Адаптация — стадия, во время которой происходит усвоение действующих норм и ценностей, овладение соответствующими средствами и формами деятельности ближайшего окружения и, как следствие, уподобление индивида всем остальным членам данной группы.

2. Индивидуализация — стадия, характеризующаяся поисками методов для самовыражения и доказательства своей индивидуальности, что, несомненно, порождает конфликт противоречий между необходимостью не отличаться от всех членов группы и стремлением быть не таким, как все.

3. Интеграция — стадия, представляющая собой процесс реализации человеком усвоенных им социальных и культурных норм и ценностей в период адаптации, выражающийся в самореализации и самоутверждении в обществе. В тех случаях, когда личность вытесняется из общества, в ее поведении наблюдаются девиантные проявления.

Учитывая вышесказанное, сущность профилактики девиантного поведения несовершеннолетних можно определить как процесс по созданию условий, способствующих формированию у подростка ценностных ориентаций, с помощью которых он будет регулировать свое поведение и вступать в отношения со своим окружением, а также условий, способствующих устранению негативных влияний на личность несовершеннолетнего со стороны микросреды.

Анализ научных трудов по проблеме девиантного поведения подростков позволяет выделить основные направления профилактической работы с данной категорией детей.

Так, А. Е. Личко, Ю. А. Клейберг и другие придерживаются средового направления, которое связывает причины девиантного поведения с влиянием ближайшего окружения на личность ребенка и включает в себя профилактическую работу со средой его жизнедеятельности по месту жительства, в семье, в детской и подростковой группе [5; 6].

Представители клинико-биологического направления (В. Н. Кудрявцев, Ч. Ломброзо и др.) связывают причины девиантного поведения несовершеннолетних с влиянием на формирование личности ребенка ряда генетических, физических и психических факторов и включает в профилактическую работу с такими детьми реализацию медицинских и психологических мероприятий, обращая особое внимание на коррекционную работу [7; 8].

Н. Ю. Максимова, В. Г. Степанов и другие являются сторонниками личностно ориентированного направления и объясняют причины девиантного поведения подростков влиянием на их личность совокупности социальных, биологических и психологических факторов [9; 10]. Профилактическая работа в этом направлении предполагает формирование у подростков навыков самостоятельного принятия адекватных решений, умений правильно вести себя в конфликтных и стрессовых ситуациях.

Таким образом, каждое названное направление имеет место быть при проведении профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, однако, на наш взгляд, для достижения положительных результатов их нужно использовать в совокупности, т. е. в работе с детьми-девиантами должен быть реализован единый профилактический процесс, направленный на устранение негатива как внутри личности, так и среди ее ближайшего окружения.

1. Новикова Л. Ю., Онуфриева В. В. Коррекция девиантного поведения старших подростков // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Ялта, 8–10 окт. 2019 г. / Гуманитар.-педагог. акад. ; редкол.: В. В. Ковров [и др.]. Симферополь : АРИАЛ, 2019. С. 180–184. [Вернуться к статье](#)

2. Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии / авт.-сост. В. А. Ананич, О. П. Колченогова. Минск : Амалфея, 2003. 272 с. [Вернуться к статье](#)

3. Краткий психологический словарь / В. В. Абраменкова [и др.] ; под общ. ред. Р. К. Медведевой. М. : Политиздат, 1984. 432 с. [Вернуться к статье](#)

4. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация : пособие. М. : ВЛАДОС, 2014. 286 с. [Вернуться к статье](#)

5. Личко А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М. : Апрель-Пресс : ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с. [Вернуться к статье](#)

6. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов. М. : ТЦ «Сфера», 2001. 160 с. [Вернуться к статье](#)

7. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М. : Форум-Инфра- М, 1998. 216 с. [Вернуться к статье](#)

8. Ломброзо Ч. Преступный человек. М. : Эксмо, 2005. 880 с. [Вернуться к статье](#)

9. Максимова Н. Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних : учеб. пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2000. 384 с. [Вернуться к статье](#)

10. Степанов В. Г. Психология трудных школьников : учеб. пособие для учителей и родителей. М. : Акад., 1997. 320 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.633

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕДУРУ УСЫНОВЛЕНИЯ РЕБЕНКА

И. В. Данькова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: ira_dankova@mail.ru

В. В. Беринчик

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 3-го курса

Аннотация. В статье рассматривается порядок усыновления детей, определенный законодательством Республики Беларусь. Особое внимание уделяется основным взаимосвязанным этапам данной процедуры, которые условно можно охарактеризовать как досудебный, судебный и постсудебный.

Ключевые слова: ребенок, усыновление, суд, кандидат в усыновители, порядок усыновления.

Annotation. The article discusses the procedure for the adoption of children defined by the legislation of the Republic of Belarus. Special attention is paid to the main interrelated stages of this procedure, which can be conditionally characterized as pre-trial, judicial and post-trial.

Keywords: child, adoption, court, candidate for adoptive parents, adoption procedure.

Как известно, усыновление — это наиболее приоритетная форма устройства детей-сирот, а также детей, оставшихся без попечения родителей, при которой ребенок принимается в семью на правах близкого родственника и приравнивается к родному [1]. Порядок усыновления регламентирован различными нормативными правовыми актами и представляет собой сложную организацию работы управлений (отделов) образования местных органов управления и самоуправления, Национального центра усыновления Министерства образования Республики Беларусь, суда и ЗАГСа, которую можно разделить на три взаимосвязанных этапа: досудебный, судебный и постсудебный, — причем каждый этап имеет важное значение [2, с. 230].

Первоначально на досудебном этапе кандидатам в усыновители необходимо пройти медицинскую комиссию в учреждении здравоохранения по месту жительства, по итогам которой получить справку о состоянии здоровья. В справке обязательно должна содержаться информация, подтверждающая отсутствие заболеваний, внесенных в перечень Министерства здравоохранения, при наличии которых лицо не может быть кандидатом в усыновители. При этом необходимо помнить, что справка действительна в течение одного года [3].

На этом досудебный этап не заканчивается, и кандидаты в усыновители должны обратиться в управление (отдел) образования по месту жительства с заявлением о выдаче им акта обследования жилищно-бытовых условий, проводимого органом опеки и попечительства, для дальнейшего обращения в суд, предоставив при этом определенный законодательством пакет документов, в который включены паспорт или любой другой документ, удостоверяющий личность; свидетельство о заключении брака кандидата в усыновители (если ребенок усыновляется лицом, которое состоит в браке); письменное согласие одного из супругов на усыновление (если ребенка усыновляет другой супруг); действующая медицинская справка о состоянии здоровья; справка о месте работы или службы и занимаемой должности; справка о доходах за год, предшествующий усыновлению.

После того, как кандидаты в усыновители предоставили все документы в управление (отдел) образования, им предстоит пройти психологическое обследование, результаты которого позволят получить необходимую информацию для оформления психолого-педагогического заключения в отношении кандидатов в усыновители. При этом, необходимо отметить, что психологической диагностике не подлежат отчим, мачеха, дедушка или бабушка ребенка, которые ходатайствуют о его усыновлении, хотя, на наш взгляд, это не совсем верно, поскольку на практике все чаще встречаются случаи неадекватного обращения с детьми именно со стороны близких родственников [2, с. 231].

Кроме того, специалисты управления (отдела) образования перед тем, как выдать акт обследования жилищно-бытовых условий кандидатов в усыновители, могут посетить их по месту жительства для того, чтобы подробно изучить жилищные условия, взаимоотношения внутри семьи, дать оценку готовности всех членов семьи к появлению ребенка и т. д. Также сотрудники управления (отдела) образования в трехдневный срок со дня обращения собирают сведения, характеризующие личность кандидата в усыновители, которые включают в себя информацию о судимости, дееспособности, а также о том, лишался ли он ограничивался ли он в родительских правах, не отменялось ли ранее в отношении его усыновление, не признавались ли его дети нуждающимися в государственной защите и т. д., а также проверяют право собственности, владения и пользования жилым помещением и его пожарную безопасность.

Как только вся информация собрана и подтверждено соответствие кандидата в усыновители всем предъявляемым законом требованиям, ему выдается акт обследования жилищно-бытовых условий, срок действия которого составляет 1 год.

Также на досудебном этапе проводится подготовка кандидатов в усыновители к их новой жизненной роли. Управление (отдел) образования организует

обучающие курсы, включающие в себя лекции, семинары и тренинги, направленные на формирование у кандидатов в усыновители умений и навыков по работе с детьми, по их воспитанию и удовлетворению их жизненных потребностей, а также умений преодолевать сложности, которые могут возникнуть между ребенком и усыновителями в период адаптации и привыкания друг к другу и к новым жизненным условиям.

Далее начинается судебный этап. Дела об усыновлении ребенка рассматриваются судом в порядке особого производства по правилам гражданского процессуального законодательства в закрытом судебном заседании, что позволяет обеспечить сохранение тайны усыновления. Несомненно, судебный порядок усыновления призван усилить гарантии реализации прав детей, что подтверждается независимостью суда и подчинением его только закону. В ходе рассмотрения дел об усыновлении к обязательному участию привлекаются сами усыновители, органы опеки и попечительства, прокурор, а в делах о международном усыновлении — представители Национального центра усыновления Министерства образования Республики Беларусь.

На судебном этапе кандидаты в усыновители, являющиеся гражданами Республики Беларусь, подают заявление об усыновлении в районный (городской) суд по месту своего жительства или по месту жительства (нахождения) усыновляемого ребенка. Если кандидат в усыновители является гражданином Республики Беларусь, но при этом постоянно проживает на территории иностранного государства, у него есть возможность подать заявление об усыновлении в областной суд по месту жительства (нахождения) усыновляемого ребенка, а в г. Минске — в Минский городской суд. При этом в заявлении обязательно указываются анкетные данные усыновителей, усыновляемого ребенка, а также обоснования просьбы об усыновлении. Кроме того, кандидаты в усыновители должны заранее определиться с вопросом изменения фамилии, имени, отчества, даты и места рождения усыновляемого ребенка и указать это в заявлении. К заявлению прилагается ряд документов, определенный законодательством.

Суд, приняв заявление кандидатов в усыновители об установлении усыновления, выносит определение, на основании которого орган опеки и попечительства по месту жительства (нахождения) усыновляемого ребенка должен подготовить заключение о том, соответствует ли усыновление интересам ребенка, указав при этом сведения о наличии либо отсутствии фактов личного общения кандидатов с усыновляемым ребенком. После рассмотрения заявления об усыновлении по существу суд выносит мотивированное решение, на основании которого заявление об усыновлении подлежит удовлетворению либо отказу [4].

В течение трех дней с момента вступления решения в законную силу его копия направляется во все заинтересованные органы: Национальный центр усыновления Министерства образования Республики Беларусь, в органы опеки и попечительства, а также в органы ЗАГСа — для обязательной государственной регистрации усыновления, с которой начинается постсудебный этап. Органы ЗАГСа вносят необходимые изменения в запись акта о рождении ребенка или составляют новую запись акта о рождении ребенка, на основании которой усыновителям вручается новое свидетельство о рождении ребенка (предыдущее аннулируется) и свидетельство об усыновлении [5].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что количество усыновленных детей с каждым годом уменьшается. Как показывают статистические данные, в 2016 году было усыновлено 655 детей, в 2017 — 548, в 2018 — 557, в 2019 — 530, в 2020 — 384 [6]. Данные цифры говорят о том, что усыновление действительно очень сложная и трудоемкая процедура, требующая терпения. Многое в судьбе усыновляемого ребенка и его будущих родителей зависит от специалистов органов опеки и попечительства, а именно от их работоспособности, порядочности и соблюдения законности. В результате прохождения всех трех описанных нами этапов между усыновителями и усыновленным ребенком возникают взаимные личные и имущественные права и обязанности, равные тем, которые существуют между родителями и детьми, т. е. ребенок приобретает новых родителей и других родственников и получает возможность жить в полноценной семье.

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Данькова И. В., Лазутина Л. Ф. Семейное право : учеб. пособие. Минск : РИВШ, 2020. 324 с. [Вернуться к статье](#)

3. Об установлении перечней заболеваний, при наличии которых лица не могут быть усыновителями, приемными родителями, родителями-воспитателями детского дома семейного типа, детской деревни (городка), опекунами и попечителями [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 108. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение [Электронный ресурс] :

постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 дек. 2005 г., № 1454 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.08.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Сведения об усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]. URL: <https://nacedu.by/statistika> (дата обращения: 20.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

А. А. Деминская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры административной
деятельности факультета милиции
e-mail: deminscaya.anya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены содержание и особенности исполнения административного взыскания в виде общественных работ в Республике Беларусь на основании анализа положений нормативных правовых актов, регулирующих порядок исполнения в виде общественных работ.

Ключевые слова: административное взыскание, общественные работы, наложение административного взыскания, исполнение административного взыскания, уклонение от выполнения общественных работ.

Annotation. The article considers the content and peculiarities of the execution of administrative penalties in the form of public works in the Republic of Belarus on the basis of an analysis of the provisions of regulatory legal acts governing the procedure for execution in the form of public works.

Keywords: administrative penalty, public works, imposition of administrative penalty, execution of administrative penalty, evasion of public works.

С принятием новой редакции Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) изменился перечень административных взысканий. Из числа административных взысканий были исключены предупреждение и лишение специального права. Такой вид административного взыскания, как исправительные работы, заменены общественными. В отличие от исправительных работ, которые отбывались по месту работы физического лица, освобожденного от уголовной ответственности, и устанавливались на срок от одного до двух месяцев, общественные работы представляют собой выполнение физическим лицом в пользу общества бесплатных работ в свободное от основной работы, службы или учебы время. Бесплатность труда при общественных работах направлена на формирование у правонарушителя уважения к обществу и его интересам, в том числе способствует формированию таких качеств, как дисциплинированность и сознательность. Поэтому закон говорит о бесплатном труде не в пользу отдельных конкретных лиц или организаций, а в пользу общества.

Введение общественных работ в систему административных взысканий обусловлено необходимостью существования в КоАП неимущественного

взыскания, альтернативного административному аресту. Отсутствие такого взыскания ограничивает правоприменителя в выборе, так как он должен назначать либо исключительно денежно-имущественное взыскание (штраф, конфискация), либо жесткое взыскание в виде административного ареста, граничащее по строгости с уголовным наказанием.

В ходе изучения данного вида административного взыскания установлено, что общественные работы предусмотрены за совершение грубого административного правонарушения, устанавливаются на срок от восьми до шестидесяти часов и могут выполняться не более четырех часов в день. При этом данный вид административного взыскания налагается только судом и только с согласия лица, совершившего административное правонарушение. Общественные работы предполагают трудовую деятельность лица, поэтому не могут быть установлены нетрудоспособным лицам. В частности, к ним относятся: лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста; несовершеннолетние; беременные женщины и лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком; инвалиды I и II группы; иностранные граждане и не проживающие постоянно в Республике Беларусь лица без гражданства; военнослужащие и иные лица, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине. При возникновении одного или нескольких обстоятельств, препятствующих выполнению общественных работ, местные исполнительные и распорядительные органы направляют в суд представление об освобождении лица от дальнейшего исполнения взыскания [1].

На законодательном уровне закреплён перечень общественных работ, в который входит: благоустройство, озеленение и очистка территории; восстановление историко-архитектурных памятников, комплексов, заповедных зон (озеленение, посадка, прополка, обрезка деревьев, вырубка и уборка поросли, скашивание травы и другое); уход за местными захоронениями (приведение в порядок воинских захоронений, мемориалов, братских могил, кладбищ, содержание мест захоронения); восстановление лесов после пожаров (обрубка, обрезка); посадка и прополка саженцев; санитарная очистка леса; уборка помещений, лестничных площадок жилых домов, организаций; санитарная очистка придомовых территорий и контейнерных площадок от мусора и бытовых отходов; сбор вторичного сырья, сортировка и утилизация бытовых отходов; ремонт пешеходных дорожек и дорожных покрытий, покраска (побелка) бордюров; изготовление и установка снегозадерживающих щитов, их ремонт; погрузочно-разгрузочные работы; земляные работы; вспомогательные и другие работы при прокладке водопроводных, газовых, канализационных и других коммуникаций; проведение мелиоративных (ирригационных) работ; возделывание и уборка овощей, плодов, технических культур; заготовка, переработка и хранение

сельскохозяйственной продукции; работы в тепличных и садово-огородных хозяйствах; социальные услуги для населения (помощь в обработке огородов, уборке урожая, заготовке дров и другое); иные виды работ в случаях, связанных с актуальными потребностями региона, а также определяемые особенностями психофизического состояния привлеченного к административной ответственности лица. При этом указанные виды работ не должны относиться: к работам с повышенной опасностью, а также требующим прохождения предварительного обучения и (или) профессиональной подготовки; к тяжелым работам с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин [2].

В соответствии со ст. 22.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП), исполнение общественных работ возложено на местные исполнительные и распорядительные органы базового уровня (в городе Минске — администрацию района в городе) по месту жительства лица, на которое наложено административное взыскание в виде общественных работ. В обязанности местных исполнительных и распорядительных органов входит: вести учет лиц данной категории; разъяснять им порядок и условия выполнения административного взыскания; определять объекты и конкретный вид общественных работ на основании перечня, утвержденного Советом Министров Республики Беларусь; вести учет отработанного времени; разрабатывать и по согласованию с организацией, в которой лицо выполняет общественные работы, утверждать график их выполнения [3].

Лицо, в отношении которого установлены общественные работы, не позднее десяти дней со дня поступления постановления о наложении административного взыскания привлекается к их выполнению. При этом в срок общественных работ не засчитывается период времени, когда лицо не выполняло общественные работы по уважительным причинам. Вместе с тем перечень уважительных причин ПИКоАП не содержит. Как правило, к таковым относят нетрудоспособность, подтвержденную документально, командировки и т. д. При этом не считается уважительной причиной ежегодный оплачиваемый отпуск по основному месту работы. Его предоставление не приостанавливает выполнение общественных работ [3].

На администрацию организации, в которой лицом выполняются общественные работы, возлагаются следующие обязанности: осуществлять контроль за соблюдением данным лицом порядка, условий и графика выполнения общественных работ; предоставлять информацию в местные исполнительные и распорядительные органы, исполняющие административное взыскание, о нарушениях лицом порядка, условий либо графика выполнения общественных работ.

Вместе с тем лица, которые выполняют общественные работы, наделены правом заявлять ходатайства перед местными исполнительными и распорядительными органами, осуществляющими контроль за исполнением общественных работ, о внесении изменений в график выполнения общественных работ.

Также по ходатайству лица, на которое наложено административное взыскание, максимальное время выполнения общественных работ в течение одного дня может быть увеличено только до восьми часов в день в выходные и иные дни, когда такое лицо не занято на основной работе, службе или учебе. При этом в ПИКоАП конкретно не указано, кто принимает подобное решение, и, исходя из анализа статей, следует, что это компетенция местных исполнительных и распорядительных органов.

Кроме того, в ст. 16.7 ПИКоАП определено, что при наличии обстоятельств, препятствующих выполнению общественных работ, правонарушитель вправе: заявлять ходатайство об отсрочке выполнения общественных работ — сроком до шести месяцев; заявлять ходатайство о рассрочке выполнения общественных работ — сроком до двух месяцев.

Говоря о правах, следует отметить, что лицо, выполняющее общественные работы, вправе получить возмещение вреда в случае причинения ему увечья, связанного с выполнением общественных работ.

На законодательном уровне закреплено, что нарушениями порядка и условий выполнения общественных работ считается, если лицо отказалось выполнять определенный для него вид общественных работ либо не явилось в срок, установленный для их выполнения, без уважительных причин; без уважительных причин не выполняет общественные работы; не явилось без уважительных причин в местный исполнительный и распорядительный орган, который осуществляет исполнение административного взыскания в виде общественных работ, для дачи объяснений в письменной форме по вопросам, связанным с выполнением общественных работ; в период выполнения общественных работ совершает иное нарушение трудовой дисциплины.

Как следует из вышеизложенного, указанный перечень не является исчерпывающим, он может быть значительно расширен. А именно, под определение «иное нарушение трудовой дисциплины в период выполнения общественных работ» может попасть любое нарушение, предусмотренное трудовым законодательством.

Лицо, которое допустило нарушение порядка и условий выполнения общественных работ, официально предупреждается об административной ответственности за уклонение от выполнения общественных работ местными исполнительными и распорядительными органами.

Лицо признается уклоняющимся от выполнения общественных работ в следующих случаях: если лицо после официального предупреждения более двух раз не вышло без уважительных причин, на общественные работы; после официального предупреждения более двух раз совершило иные нарушения трудовой дисциплины при выполнении общественных работ; скрылось в целях уклонения от выполнения общественных работ. Уклоняющиеся от выполнения общественных работ лица несут административную ответственность, предусмотренную ст. 25.13 КоАП (штраф в размере от двух до двадцати базовых величин или административный арест).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что законодатель определил порядок и условия исполнения административного взыскания в виде общественных работ. Вместе с тем общественные работы являются новым видом административного взыскания, и в целях единообразного подхода необходимо разработать механизм исполнения данного вида административного взыскания.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 93-З «О введении в действие кодексов» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 июня 2021 г., № 302. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.57

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОИЗВОДСТВО НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

А. Н. Дрозд

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
кандидат юридических наук
e-mail: info@amia.by

Аннотация. Статья посвящена понятию, содержанию и признакам производства наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Высказывается мнение о необходимости включения состава производства в диспозицию ч. 4 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь в целях более полной имплементации норм международного права. Ставится вопрос о разработке перечня инструментов и оборудования, используемых для производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Ключевые слова: производство, изготовление, незаконный оборот наркотиков, наркотические средства и психотропные вещества, уголовная ответственность.

Annotation. The article is devoted to the concept, content and characteristics of the production of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. An opinion is expressed about the need to include the corpus delicti «production» in the disposition of Part 4 of Article 328 of the Criminal Code in order to more fully implement the norms of international law. The question is raised about the development of a list of tools and equipment used for the production of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

Keywords: production, manufacture, illegal drug trafficking, narcotic drugs and psychotropic substances, criminal liability.

Среди различных действий, образующих незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» наряду с изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой, использованием, сбытом и перемещением называет и производство таких средств и веществ.

Аналогично и международные документы — Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года (с поправками 1972 года) и Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года содержат понятия и изготовления, и производства наркотических средств и психотропных веществ и требуют от государств — участников данных договоров (которым является и Республика

Беларусь) признания их «уголовными преступлениями» согласно своему законодательству.

В то же время Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) не оперирует понятием «производство». Хотя многими учеными неоднократно указывалось, что именно производство является одним из наиболее опасных видов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов [1, с. 60; 2, с. 52].

В широком смысле изготовление и производство представляют собой механические производственные процессы. Изготовление — это процесс создания продуктов путем объединения различных, как правило, стандартизированных частей. А производство — процесс преобразования сырья в готовый продукт с помощью крупномасштабных промышленных операций.

Согласно законодательству Республики Беларусь, под производством наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов понимаются действия, в результате которых могут быть получены наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги с применением промышленного оборудования, способов и технологий, с использованием растений, грибов, прекурсоров и иных веществ, не являющихся прекурсорами.

Полагаем, что изготовление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов осуществляется их приобретателем, как правило, для личного потребления либо в целях сбыта, но в размере, не являющемся крупным, и не носит регулярного характера. Такой процесс в большинстве случаев проводится в домашних условиях с использованием бытовой посуды. В то же время, как отмечает Н. И. Огилец, производство «по сравнению с обычным изготовлением, переработкой представляет более объемную, масштабную, организованную и налаженную, осуществляемую на постоянной основе деятельность, направленную на систематическое получение соответствующей продукции в особо крупных размерах» [3, с. 72]. То есть производство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, по нашему мнению, по сути, является квалифицированным способом изготовления таковых.

Примеры подобной незаконной деятельности, к сожалению, регистрируются на территории нашей страны. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, ежегодно в нашей стране сотрудниками правоохранительных органов ликвидируются до 5 подпольных нарколабораторий (в 2021 году ликвидировано 4 лаборатории, в 2020 — 3, в 2019 — 4) [4].

Так, в январе 2013 года была пресечена незаконная деятельность двух лиц по производству амфетамина: изъято лабораторное химическое оборудование, реагенты и прекурсоры общим весом почти 100 кг, из которых планировалось

производство около 30 кг особо опасного психотропного вещества, или свыше 120 тысяч доз [5].

В 2014 году житель города Гомеля из прекурсоров, ввезенных на территорию через Государственную границу, организовал производство амфетамина в подпольной лаборатории, был задержан с поличным при попытке сбыта партии произведенного им психотропного вещества. Также у него было изъято лабораторное оборудование и 4,5 л прекурсоров для производства 4 кг готового вещества (что в 4000 раз превышает крупный размер) [6].

В апреле 2019 года аналогичная лаборатория была ликвидирована в деревне Хатежино Минского района, где было обнаружено промышленное оборудование, а также порошок белого цвета, являющийся особо опасным психотропным веществом альфа-PVP и альфа-PHP, общим весом около 30 кг (что в 30 000 превышает установленный крупный размер для данных веществ) и 750 литров прекурсора 4-метилпропиофенона [7].

В ноябре 2020 года был задержан житель Кировска, который организовал производство особо опасных психотропных веществ на съемной даче в Логойском районе, где были обнаружены 2,5 кг готовых веществ [8].

Частично проблемы адекватного отражения признаков подобных преступлений в уголовно-правовых нормах были решены в 2015 году, когда в ст. 328 УК был введен квалифицирующий признак в виде использования при изготовлении или переработке наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенных для химического синтеза (ч. 4 ст. 328 УК). Однако здесь имеется ряд существенных нюансов.

С учетом того, что в настоящее время отсутствует перечень лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенных для химического синтеза, используемых при изготовлении или переработке наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, наличие или отсутствие данного признака определяется судом, в том числе на основании результатов товароведческой и химической экспертиз, и является оценочным. В специальной литературе к такому оборудованию относят, как правило, автоклавы, стерилизаторы, термостаты, дистилляторы, бани водяные, колбонагреватели, лабораторные центрифуги, магнитные мешалки, заводские и кустарно изготовленные машины и приспособления для охлаждения жидкостей при экстракции и перегонке, для фильтрации жидкостей под вакуумом, таблетирования или ампулирования веществ [9, с. 725]. Однако в широком понимании к лабораторной посуде или лабораторному оборудованию, предназначенному для химического синтеза, можно отнести аналитические и технические весы, лабораторные воронки и колбы, чаши, пипетки, весы, спиртовки, защитные очки,

перчатки и т. д. Как представляется, с учетом того, что наличие данного признака предусмотрено для особо квалифицированного состава, по нашему мнению, повышенная степень общественной опасности должна возникать в данном случае при использовании только специально предназначенных и специально приспособленных предметов или оборудования, которые не доступны широкому кругу лиц и с помощью которых существенно повышается эффективность процесса изготовления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным заменить формулировку ч. 4 ст. 328 УК «действия, сопряженные с изготовлением или переработкой наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с использованием лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенных для химического синтеза» на состав «производство», под которым понимать систематическое, осуществляемое в целях сбыта получение из прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном или особо крупном размере (предложение о введении данного квалифицирующего признака уже высказывалось нами в иных публикациях) [10] с использованием инструментов или оборудования, находящегося под специальным контролем. Безусловно, в целях реализации данного предложения также необходима разработка и утверждение Правительством Республики Беларусь закрытого перечня инструментов или оборудования, используемых для производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, находящихся под специальным контролем (по примеру списков наркотических средств и психотропных веществ).

К слову, в законодательстве зарубежных стран также присутствует понятие «производство» наряду с изготовлением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Данные термины используются в Уголовном кодексе Кыргызской Республики (ст. 267), в Уголовном кодексе Украины (ст. 307), в Уголовном кодексе Франции (ст. 222-34) и т. д. Особенно примечательно, что Уголовный кодекс Российской Федерации оперирует понятием изготовления в отличие от «производства» только при отсутствии цели сбыта (ст. 228 и 228-1).

Таким образом, в целях эффективного противодействия созданию на территории государства лабораторий по производству наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляется обоснованным дополнить уголовно-правовой запрет указанием на производство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, разместив соответствующий состав преступления в ч. 4 ст. 328 УК, что будет очевидно отражать степень общественной опасности таких незаконных действий и способствовать более

полной реализации принятых Республикой Беларусь на себя международных обязательств.

1. Майоров А. А., Малинин В. Б. Наркотики: преступность и преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 288 с. [Вернуться к статье](#)
2. Баранников А. Е. Разграничение составов незаконного изготовления, переработки и производства наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Рос. юстиция. 2007. № 9. С. 52–53. [Вернуться к статье](#)
3. Огилец Н. И. Уголовная ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами: по материалам судебной практики Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2005. 221 л. [Вернуться к статье](#)
4. Обзор наркоситуации в республике за 2021 год [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/guniptl/parkokontrol> (дата обращения: 20.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. В Минске и Светлогорске милиция закрыла две нарколаборатории [Электронный ресурс] // БДГ. URL: <https://bdg.by/news/society/20098.html> (дата обращения: 23.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. КГБ Беларуси пресек работу нарколаборатории и канал сбыта амфетамина [Электронный ресурс] // Минский областной исполнительный комитет. URL: <http://minsk-region.gov.by/novosti/novosti-oblasti/kgb-belarusi-presek-rabotu-narkolaboratorii-i-kanal-sbyta-amfetamina/> (дата обращения: 23.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. УВД: юная «граффитистка» задержана за рекламу магазина наркотиков [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/radio/20190319/1040535471/UVD-yunaya-graffitistka-zaderzhana-za-reklamu-magazina-narkotikov.html> (дата обращения: 23.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Под Логойском милиция нашла нарколабораторию и 2,5 кг психотропов [Электронный ресурс] // Общенациональное телевидение. URL: <https://ont.by/news/pod-logojskom-miliciya-nashla-narkolaboratoriyu-i-25-kg-psihotropov> (дата обращения: 23.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь : с учетом изм. и доп. по состоянию на 23 февр. 2010 г. / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. 2-е изд., изм. и доп. Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2010. 1063 с. [Вернуться к статье](#)
10. Дрозд А. Н. Крупный размер в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов // Актуальные проблемы обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь: теория и практика : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 25 мая 2016 г. : в 2 ч. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. В. Лукомского. Минск, 2016. Ч. 2 : Правовое обеспечение выполнения задач внутренними войсками. С. 33–36. [Вернуться к статье](#)

УДК 349:004

ПРИЗНАКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

М. О. Дудко

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы (Беларусь),
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
e-mail: dudko1994@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению признаков персональных данных. Целью исследования является выявление существенных признаков, конструирующих понятие «персональные данные». На основе проведенного исследования сформулировано авторское определение понятия «персональные данные», исходя из его признаков.

Ключевые слова: персональные данные, информация, ЭВМ, компьютер, персональные идентификаторы, конфиденциальность, общедоступные данные, цифровая форма, индивидуализированность.

Annotation. The article is devoted to the theoretical understanding of the features of personal data. The purpose of the study is to identify the essential features that construct the concept of «personal data». Based on the conducted research, the author's definition of the concept of «personal data» is formulated based on its features.

Keywords: personal data, information, electronic computer, computer, personal identifiers, confidentiality, publicly available data, digital form, individualization.

7 мая 2021 года в Республике Беларусь был принят Закон «О защите персональных данных» — первый комплексный документ, направленный на обеспечение защиты персональных данных, прав и свобод физических лиц при обработке их данных [1]. Вышеназванный Закон закрепил понятие «персональные данные», под которыми в ч. 8 ст. 1 понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано [1]. Данное законодательное определение понятия персональных данных согласуется с общепринятой мировой практикой. Схожие по своей правовой конструкции правовые дефиниции понятия «персональные данные» закреплены в Конвенции Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера [2], Органическом законе Испании «О защите персональных данных» [3], немецком Федеральном законе «О защите данных» [4], Федеральном законе Российской Федерации «О персональных данных» [5], в британском Законе «О защите данных» [6] и ряде других нормативных документов.

В то же время существенным упущением большинства легальных определений понятия «персональные данные» является рассмотрение его через призму информации как таковой, а не через данные, представленные, как правило, в цифровой форме. Так, в своем исследовании М. В. Бундин указывает на то, что определение персональных данных через категорию «информация» без нужного уточнения выглядит в некоторой степени нелогично без указания признаков этой информации именно как данных [7, с. 49]. Вполне очевидно, что конструирование понятия персональных данных как разновидности цифровых данных с присущими им отличительными чертами и признаками является более адекватным.

Законодательного определения данных как правовой категории в белорусском праве не существует. Однако нормативное закрепление получили ряд схожих понятий, анализируя которые, можно проследить логику нормотворческих органов в отношении данной правовой категории. Так, например, в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О государственной статистике» дано определение анкетных данных, под которыми понимается документированная информация, полученная государственными органами и иными организациями в связи с осуществлением государственно-властных полномочий [8]. В Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» встречается понятие «база данных». Согласно ст. 1 указанного Закона, база данных — это совокупность структурированной и взаимосвязанной информации, организованной по определенным правилам на материальных носителях [9]. В постановлении Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Правил оказания услуг электросвязи» нормативное закрепление получил термин «данные», под которыми понимается информация, представленная для обработки средствами вычислительной техники при возможном участии человека [10]. При этом повсеместная дигитализация и переход с аналоговых источников информации на цифровые позволяет рассматривать персональные данные, как данные, представленные в цифровой форме (то есть в виде числового кода, который обеспечивает возможность ее обработки компьютером) [11, с. 25]. Исходя из изложенного, цифровые данные можно рассматривать как структурированную информацию, закрепленную на материальных носителях, предназначенную для сбора, хранения и обработки в информационных системах с использованием средств автоматизации (ЭВМ, компьютера и т. д.).

Однако для осмысления концепта персональных данных одного анализа понятия «цифровые данные» недостаточно. Необходимо детальное изучение такой разновидности данных, как персональные. Как и любая разновидность информации, персональные данные обладают определенным, присущим только для данной информационной категории набором признаков. Признак

относимости подразумевает наличие определенной связи между информацией и лицом, к которому она относится. При этом, как отмечает М. В. Бундин, такая связь может быть прямой — путем указания на само лицо либо ряд индивидуальных/уникальных черт, характеристик лица, его изображение, голос и т. д., персональные идентификаторы, а также косвенной, когда анализ имеющейся совокупности информации о субъекте неизбежно указывает на него, даже в случае отсутствия прямого указания на это лицо [7, с. 50]. Фактически признак относимости является единственным бесспорным признаком персональных данных.

Анализ правовых актов, закрепивших понятие «персональные данные», позволяет говорить о наличии признака определяемости или идентифицируемости субъекта. При этом термины «идентификация» и «определяемость» рассматриваются как синонимичные. Однако проблема определяемости лица возникает, когда для его идентификации недостаточно имеющейся у оператора информации и требуются дополнительные сведения или средства [12, с. 24–25]. Под идентификацией же понимается процесс предоставления субъектом сообщения информационной системе либо иной стороне отношений своего имени в согласованном формате [13, с. 12]. При этом процесс идентификации неразрывно связан с процессом аутентификации и авторизации. Аутентификация подразумевает подтверждение подлинности данных, переданных (полученных) в рамках идентификации; то есть аутентификация позволяет второй стороне убедиться, что субъект идентификации действительно тот, за кого себя выдает [13, с. 12]. Таким образом, идентификацию и определяемость можно рассматривать как общее и частное. Однако употребление вышеназванных терминов по отношению к персональным данным и выделение их в качестве существенного признака, характеризующего данного рода информацию, является не корректным.

Во-первых, как было отмечено выше, процесс идентификации подразумевает сопоставление информации, которая предоставляется субъектом персональных данных, с той информацией, которая имеется в наличии у оператора данных или иного участника информационного взаимодействия. В то же время нередки случаи, когда такой информации у другой стороны недостаточно или она отсутствует вовсе, что делает процесс аутентификации (подтверждение идентифицирующих данных) невозможным.

Во-вторых, идентификация и аутентификация подразумевают представление достоверных, то есть соответствующих действительности, данных о субъекте. В то же время признак достоверности не является обязательным для персональных данных, так как цель персональных данных — ретрансляция и проявление себя во внешнем мире, и совсем неважно, с помощью достоверных

или недостоверных данных лицо себя удостоверяет. Поскольку персональные данные носят строго индивидуальный характер, то есть относятся к конкретному лицу, на наш взгляд, уместнее использовать термин «индивидуализация», а в качестве сущностного признака выделять индивидуализированность, а не идентифицированность или определяемость. Как отмечает В. В. Орлова, индивидуализировать можно при помощи внешних и внутренних средств. При внутренней индивидуализации объект выделяется из массы однородных путем выявления у него уже существующих характерных признаков, при внешней — объект наделяется индивидуализирующими признаками, созданными обществом и помогающими выделить его из массы однородных [14, с. 22]. Таким образом, признак индивидуализированности позволит субъекту персональных данных быть не просто определенным или идентифицированным, а отделенным от иных субъектов на основании присущих только ему сущностных характеристик.

Дискуссионным является наличие или отсутствие признака конфиденциальности информации по отношению к персональным данным. Под конфиденциальностью информации законодатель понимает требование не допускать распространения и предоставления информации без согласия ее обладателя [9]. Однако в правовой доктрине выделяют в качестве самостоятельной разновидности персональных данных общедоступные данные. В самом общем виде под ними понимаются данные, на которые не распространяется признак конфиденциальности. В то же время включение в юридическую доктрину и право вышеуказанной категории персональных данных было обусловлено рядом факторов: реализацией права на свободу доступа к информации, развитием информационно-коммуникационных технологий, возрастающей ролью средств массовой информации и социальных сетей в жизни индивида и общества. При этом употребление термина «общедоступность» по отношению к персональным данным является не корректным.

Во-первых, под доступностью информации подразумевается возможность ее получения и использования (ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации») [9]. Таким образом, доступ к персональным данным во многом зависит от тех технических и административных возможностей, которые есть у оператора персональных данных или иного участника информационного взаимодействия. Не секрет, что большинство социальных сетей используют технологии big data, собирая при этом персональную информацию о пользователях сети. При этом для владельцев данной сети огромный массив персональных данных лица является доступным. В то же время для иных субъектов информационного взаимодействия или операторов персональных данных, которые не имеют экономических, административных и

технических возможностей обрабатывать и хранить огромный массив информации, большинство персональных данных субъекта будут недоступны.

Во-вторых, на практике нередко случаи, когда та или иная конфиденциальная информация, в том числе персональные данные, становится общеизвестной. Вспомним случаи утечки персональной информации из Facebook, когда данные более 267 млн пользователей сети попали в открытый доступ в Интернет. Таким образом, возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, сведения стали общеизвестными, с другой стороны, они все еще остаются информацией ограниченного распространения. В таком случае справедливо замечание М. В. Бундина, который считает, что единожды ставшая общеизвестной и общедоступной информация не может быть переведена снова в разряд конфиденциальной, поскольку последняя по своей природе не может быть общеизвестной [7, с. 67].

В зарубежном праве широко используется указание на общедоступные источники персональных данных. Так, например, в Федеральном Законе Российской Федерации «О персональных данных» в его первоначальной редакции общедоступные персональные данные были выделены в качестве самостоятельной категории персональных данных. Впоследствии российский законодатель отказался от вышеназванной категории персональных данных и ограничился лишь указанием общедоступных источников персональных данных. Так, ст. 8 указанного Закона закрепляет, что в целях информационного обеспечения могут создаваться общедоступные источники персональных данных (в том числе справочники, адресные книги). В общедоступные источники персональных данных с письменного согласия субъекта персональных данных могут включаться его фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и иные персональные данные, сообщаемые субъектом персональных данных [5]. Таким образом, указанный Закон определяет цели, примерный перечень сведений, а также условия, при которых персональные данные могут быть включены в общедоступные источники. Представляется, что такой подход является более обоснованным.

На основании изложенного полагаем, что целесообразно закрепить в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» следующее определение понятия персональных данных: персональные данные — это конфиденциальная информация, представленная в цифровой форме, относящаяся к физическому лицу (субъекту персональных данных) и позволяющая его индивидуализировать. Сущностными признаками, характеризующими данную правовую категорию, будут являться конфиденциальность, индивидуализированность, а также цифровая форма закрепления данного рода информации.

1. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера Совета Европы [Электронный ресурс] : [заключена в г. Страсбург, 28.01.1981 г.] // Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/1680078c46> (дата обращения: 12.07.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Ley Orgánica 15/1999, de 13 de diciembre, de Protección de Datos de Carácter Personal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1999-23750> (дата обращения: 12.07.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Zweites Gesetz zur Anpassung des Datenschutzrechts an die Verordnung (EU) 2016/679 und zur Umsetzung der Richtlinie (EU) 2016/680 (Zweites Datenschutz-Anpassungs- und Umsetzungsgesetz EU - 2. DSAnpUG-EU) [Электронный ресурс]. URL: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&jumpTo=bgb1117s2097.pdf#__bgb1__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgb1117s2097.pdf%27%5D__1589746072188 (дата обращения: 12.07.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. О персональных данных [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июля 2006 г., № 152-ФЗ : в ред. от 02.07.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Data Protection Act 2018 [Электронный ресурс] // www.legislation.gov.uk. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/pdfs/ukpga_20180012_en.pdf (дата обращения: 12.07.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13. М., 2017. 218 л. [Вернуться к статье](#)
8. О государственной статистике [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 нояб. 2004 г., № 345-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
9. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
10. Об утверждении Правил оказания услуг электросвязи [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 17 авг. 2006 г., № 1055. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
11. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. 228 л. [Вернуться к статье](#)
12. Отчет «Научно-практическое заключение по результатам исследования существующих в иностранных юрисдикциях моделей правового регулирования идентификации и аутентификации физических и юридических лиц для целей совершения ими юридически значимых действий и/или в публично значимых целях, включая оценку возможности имплементации зарубежного опыта регулирования идентификации в российское законодательство» // Центр международных и сравнительно-правовых исследований. М., 2018. 98 с. [Вернуться к статье](#)
13. Проскуракова М. И. Защита персональных данных в праве России и Германии: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. СПб., 2017. 193 л. [Вернуться к статье](#)
14. Орлова В. В. Теория и практика индивидуализации в сфере интеллектуальной собственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2005. 343 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 330.322+347

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А. А. Дыжова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
e-mail: anna-d77@bk.ru

А. С. Блинников

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: COD-1983@yandex.ru

Аннотация. В статье даются понятие и основные признаки инвестиционной деятельности в Республике Беларусь, а также особенности ее государственного регулирования. Кратко анализируются статистические данные и законодательство в сфере инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестор, государственное регулирование.

Annotation. The article gives the concept and main features of investment activity in the Republic of Belarus, as well as the features of its state regulation. Statistical data and legislation in the field of investment activity are briefly analyzed.

Keywords: investments, investment activity, investor, state regulation.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года — это долгосрочная стратегия, определяющая цели, этапы и направления перехода к постиндустриальному обществу. Концептуальным ядром вышеуказанного документа является выявление внутренних и внешних возможностей устойчивого роста экономики Беларуси. В их составе первое место отводится инвестициям. Стратегической целью инвестиционной политики Республики Беларусь является привлечение инвестиций в основной капитал и их приоритетное направление в инновации, в производства с высокой добавленной стоимостью, в развитие человеческого потенциала. Именно эти сферы призваны обеспечить экологическую и социально-экономическую безопасность Республики Беларусь на ближайшую и отдаленную перспективы [1, с. 140]. Инвестиционная деятельность является важнейшим элементом экономической политики Республики Беларусь, так как в процессе осуществления инвестиционной деятельности разрешаются вопросы роста и экономической безопасности государства.

Содержание понятия «инвестиции» можно отнести к числу самых дискутируемых вопросов в юридической и экономической литературе, что связано с несколькими моментами. Во-первых, в экономической теории, а также в теории гражданского и предпринимательского права отсутствует единообразный подход к пониманию данного термина. Так, А. Г. Богатырев писал, что трудность выработки правовой сущности инвестиций вызвана, как и в экономической литературе, сложностью этих понятий и наличием нескольких видов и форм капитала и инвестирования [2, с. 11]. По мнению Дж. Кейнса, инвестиции можно определить как прирост ценности капитального имущества независимо от того, состоит ли последнее из основного, оборотного или ликвидного капитала [3]. Э. Дж. Долан и Д. Е. Линдсей под инвестициями понимают увеличение объема капитала, функционирующего в экономической системе, т. е. увеличение предложения производительных ресурсов, осуществляемое людьми [3]. Французский специалист по экономико-математическим методам П. Массе писал, что инвестирование представляет собой акт обмена удовлетворения сегодняшней потребности на ожидаемое удовлетворение ее в будущем с помощью инвестиционных благ [3]. В юридической литературе были сделаны попытки систематизировать существующие в экономической литературе взгляды на природу инвестиций.

Слово «инвестиции» (от лат. *investire* — «одевать»; нем. *investitionen*; англ. *investments, investment*) в широком смысле трактуется как «вложения в будущее», текущее вложение денег или других ресурсов с целью извлечения будущей прибыли [4, с. 367]. В узком смысле это собственные, заемные или привлеченные денежные средства, вкладываемые инвестором с целью извлечения прибыли (дохода) и направленные на создание материальных или духовных благ [3].

Законодательное определение понятия «инвестиции» закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее — Закон об инвестициях).

Инвестиции — любое имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться такими объектами, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого результата либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием [5].

Все инвестиции подразделяют на две основные группы: производственные (реальные) и финансовые (портфельные) инвестиции.

Реальные инвестиции еще называют прямыми, так как они непосредственно участвуют в производственном процессе (например, строительство, приобретение оборудования).

Портфельные инвестиции — это вложения денежных средств на фондовом рынке в ценные бумаги (акции, облигации) с целью формирования оптимального инвестиционного портфеля. Такие инвестиции не обеспечивают инвестору контроля над предприятием и лишь ограничиваются правом получения прибыли [5].

В качестве инвестиций могут выступать: движимое и недвижимое имущество, в том числе акции, доли в уставном фонде, паи в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь, инвестиционные паи, денежные средства, включая привлеченные, займы, кредиты; права требования, имеющие оценку их стоимости; иные объекты гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты изъятые из оборота) [5].

Как правило, основным имуществом, в отношении которого строятся инвестиционные правоотношения, является предприятие, поскольку основной целью инвестиционного законодательства является привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь [6, с. 324].

Под инвестором понимается лицо (юридические или физические лица, государство и его административно-территориальные единицы в лице уполномоченных органов), осуществляющее инвестиционную деятельность. Инвестор имеет права, несет обязанности и риски, связанные с вложением инвестиций.

Иностранными инвесторами признаются иностранные граждане; иностранные государства и их административно-территориальные единицы в лице уполномоченных органов; иностранные юридические лица; иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами, которые были созданы в соответствии с законодательством иностранных государств; физические лица, постоянно проживающие за пределами Республики Беларусь [6, с. 370].

Правовое регулирование инвестиционных отношений в Республике Беларусь осуществляется на международном и национальном уровнях. Система инвестиционного законодательства включает в себя: Закон об инвестициях; Конвенцию об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (заключена в г. Вашингтоне 18 мая 1965 г.); Конвенцию об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (заключена в г. Сеуле 11 октября 1985 г. (ред. от 30.07.2010)); Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 (ред. от 12.10.2021) «О стимулировании предпринимательской деятельно-

сти на территории средних, малых городских поселений, сельской местности» и другие нормативные правовые акты.

Необходимым условием государственного регулирования является предоставление гарантий на общегосударственном уровне, — распределение рисков таким образом, чтобы инвестор нес риски, связанные непосредственно с функционированием конкретного проекта, а риски, связанные с политической и экономической ситуацией в стране, берет на себя государство. Для снижения инвестиционного риска государство активно моделирует свою политику в отношении иностранных инвестиций на всех уровнях: национальном, двустороннем и многонациональном. Государственная стратегия формирования механизма привлечения иностранных инвестиций ориентируется на обеспечение баланса между открытостью экономики, являющейся неотъемлемой чертой интеграции в мировое хозяйство, и разумным протекционизмом, созданием благоприятных условий для развития отечественного производства и увеличения уровня жизни всего населения.

Анализируя структуру инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов в реальный сектор экономики Республики Беларусь, можно наблюдать заметное снижение прямых иностранных инвестиций. Так в 2017 г. объем составил 78,5 %, в 2020 — 69,2 %.

При изучении структуры инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов в реальный сектор экономики Республики Беларусь в 2020 г., по основным странам-инвесторам, на долю Российской Федерации приходится 41,4 %; Кипр — 9,4 %; Австрию — 7,4 %; Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии — 6,8 %; Украину — 5,2 %; Ирландию — 3,5 %, другие страны — 26,3 % [7].

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, в экономической сфере одними из основных национальных интересов являются: экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизация экономических отношений, снижение себестоимости, материалоемкости производимой продукции, трансфер современных технологий в экономику страны преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов [6, с. 326].

Вместе с тем направлять иностранные инвестиции целесообразно не во все отрасли и регионы, а только в те, развитие которых соответствует национальным интересам и предприятия которых развивают импортозамещающее производство, способствуют насыщению национального рынка; производят

конкурентоспособную продукцию, участвующую в формировании экспортного потенциала страны. Продукция данных предприятий подвергается максимально возможной степени переработки внутри страны, что способствует снижению в экспорте доли необработанного сырья; расширение производства создает дополнительные рабочие места, что снижает проблему безработицы.

Сегодня Беларусь развивается в основном за счет внутренних инвестиционных ресурсов. Однако намеченная широкомасштабная модернизация производственного потенциала страны, его инновационное обновление, поддержание стабильной конкурентоспособности производимой продукции, развитие сферы услуг потребуют значительного увеличения инвестиционного капитала. В этой связи важнейшим направлением государственной экономической политики Республики Беларусь является привлечение иностранных инвестиций в экономику республики, либерализация внешнеэкономических связей и повышение межгосударственного сотрудничества [8, с. 51].

Таким образом, ключевыми направлениями инвестиционной деятельности в Республике Беларусь являются налаживание внешнеэкономических связей, совершенствование правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, расширение практики страхования инвестиций, создание благоприятных условий для привлечения иностранного капитала, а также равных условий для всех инвесторов. Главой государства и Правительством поставлена задача улучшения инвестиционного климата и вхождения в число 30 стран мира с наиболее благоприятными условиями ведения бизнеса.

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://nmo.basnet.by/concept/nac-strategists.php?sphrase_id=718 (дата обращения: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Богатырев А. Г. Инвестиционное право : учебник. М. : Рос. право, 1992. 272 с. [Вернуться к статье](#)

3. Лаптева А. М. Содержание и сущность понятия «инвестиции» // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 14. Право. 2015. № 3. С. 45–52. [Вернуться к статье](#)

4. Сидорчук В. К. Хозяйственное право : учебник. Минск : РИВШ, 2016. 406 с. [Вернуться к статье](#)

5. Об инвестициях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., №53-З : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Хозяйственное право : учеб. пособие / О. С. Буйкевич [и др.] ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2020. 387 с. [Вернуться к статье](#)

7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://belstat.gov.by/> (дата обращения: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Якубович В. И. Вопросы региональной экономики // Экономика и банки. 2020. № 1. С. 47–52. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
(ПЕРЕРАБОТКИ) НАРКОТИКОВ****Р. А. Дюко**

Кличевский РОВД (Беларусь),
оперуполномоченный отделения уголовного розыска
e-mail: dyukoroman@yandex.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся изготовления и переработки наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Показано отличие изготовления указанных средств, веществ от их переработки.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, аналоги, изготовление, переработка.

Annotation. The article discusses issues related to the manufacture and processing of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues. The difference between the manufacture of the indicated means, substances and their processing is shown.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, precursors, analogs, manufacturing, processing.

В главе 29 Уголовного кодекса Республики Беларусь содержится статья 328, предусматривающая в том числе ответственность за незаконные изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Для изготовления указанных средств, веществ требуются определенные химические вещества, а также лабораторное оборудование [1; 2].

Незаконные изготовление или переработка наркотических средств, психотропных веществ квалифицируются как оконченное преступление с момента совершения действий, направленных на получение готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ, на рафинирование или повышение концентрации наркотических средств и психотропных веществ в препарате. Деяния в виде приготовления к преступлению и покушения на него будут также являться уголовно наказуемыми.

Статья 1 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» определяет содержание термина «изготовление наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов» как действия, в результате которых получены наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги либо одни наркотические средства, психотропные вещества, аналоги преобразованы в другие наркотические средства, психотропные вещества, аналоги [3].

По поводу изготовления наркотических средств в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)» разъяснено, что под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и аналогов, особо опасных наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ следует понимать умышленные действия, направленные на получение из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ одного или несколько готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, сильнодействующих или ядовитых веществ [4].

В основном наркопреступники получают готовое к использованию и потреблению вещество из концентрата. Данный концентрат растворяется в спирте либо же в иной другой жидкости, после чего наносится на растительный субстрат или подложку из бумаги и высушивается. После этого высушенное сырье фасуется на разовые дозы для сбыта потребителям. Чаще всего данная деятельность осуществляется в крупном или особо крупном размерах с использованием специального оборудования или химических веществ и разделением на отдельные операции по переработке сырья различными лицами. В этом случае происходит уменьшение концентрации исходного наркотика, его активности и ослабление воздействия на организм человека, поскольку потребление такового в исходном виде вызовет резкие отрицательные последствия для здоровья, вплоть до смерти от передозировки.

Прежде такие действия не являлись распространенными, традиционно криминализации подвергались лишь повышение концентрации наркотика, его очистка от примесей. Однако необходимо учитывать, что если ранее основным источником получения наркотических средств являлось растительное сырье, имеющее сравнительно невысокую концентрацию психоактивного компонента, то современное развитие химических технологий сделало возможным создание синтетических препаратов, концентрация действующих веществ в которых в сотни и тысячи раз превышает предельную дозу, которую может переработать организм человека.

Изготовление (переработка) наркотиков может проводиться в притонах, расположенных в жилых помещениях, гаражах и других местах. В наркопритонах, в которых изготовление или переработка наркотических средств в небольшом размере осуществляется посредством кустарного способа, готовые вещества в основном предназначены для потребления самим изготовителем,

редко — для сбыта. Отличительным признаком является отсутствие специального оборудования, принадлежностей, инструментов для изготовления или переработки наркотиков. Подпольная нарколаборатория — помещение, которое оснащено специальными инструментами, материалами или оборудованием для изготовления или переработки наркотиков. В зависимости от объема производимых веществ выделяют лаборатории, организованные на дачах, в квартирах, научно-исследовательских лабораториях, где объем производимого вещества не превышает десятков грамм; лаборатории, организованные на химических предприятиях, где объем может превышать несколько десятков килограммов [5, с. 199–200].

На практике при расследовании уголовных дел описанным выше действиям, как правило, не дается правовая оценка как самостоятельным деяниям, поскольку они совершаются в совокупности с иными, не менее опасными действиями (хранение наркотиков с целью их сбыта, приготовление к их сбыту и т. д.) и не оказывают существенного влияния на размер наказания. Вместе с тем их общественная опасность очевидна. Возникает вопрос о том, как квалифицировать данные действия: как приготовление к сбыту наркотиков, их изготовление или как переработку? Существует мнение, согласно которому действия по приданию веществу удобной для потребления формы (состояния) при отсутствии цели повышения его концентрации следует рассматривать как приготовление наркотика к потреблению, которое не может быть отнесено ни к изготовлению, ни к переработке [6, с. 62–63]. Используя аналогичную логическую цепочку рассуждений, оцениваемые нами действия с учетом отсутствия в них цели наркопотребления можно рассматривать как приготовление к сбыту наркотиков, особенно если сбыт охватывается умыслом виновного. Очевидно, что такой позиции придерживаются правоприменители, не выделяя данные действия в качестве имеющих самостоятельное юридическое значение. Однако эта позиция имеет право на существование лишь в случаях, когда весь процесс осуществляется одним лицом либо осознается всеми соисполнителями при их совершении группой лиц. Если же отдельные действия совершаются разными людьми, выполняющими отдельные технологические операции и, возможно, не осознающими цель последующего сбыта или относящимися к ней безразлично, то рассматривать их как соисполнителей в приготовлении к сбыту наркотиков проблематично, указанные действия не могут быть квалифицированы как соисполнительство с учетом формального состава рассматриваемого преступления. Описанная ситуация возникает на оптовых базах хранения и обработки наркотиков, выступающих центрами распределения мелкооптовых партий психоактивных веществ, для работы в которых могут набираться лица, не имеющие непосредственного отношения к сбыту наркотиков [7, с. 312].

Незаконной переработкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов считаются умышленные действия, нацеленные на рафинирование (очистку от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или же некоторое количество наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо на повышение концентрации наркотического средства, психотропного вещества или их аналога. Отличительные признаки изготовления от переработки наркотических средств заключаются в получении новых веществ — наркотиков, конечным результатом является психоактивное вещество, готовое к потреблению. Изготовление происходит из веществ, не являющихся психоактивными, и сопровождается изменением их химической структуры [4].

С точки зрения И. Л. Киреевой, отличие изготовления и переработки проводится в зависимости от использованного исходного материала. При изготовлении исходный материал не является наркотическим средством, психотропным веществом, аналогом наркотических средств, а при переработке — наоборот [8, с. 81]. Иными словами, отличие изготовления от переработки состоит именно в том, что при изготовлении наркотических средств в качестве начального сырья используются вещества, не находящиеся под государственным контролем. Переработке же подвергается уже готовое наркотическое средство или же психотропное вещество, в котором путем проведения определенных действий по его очистке от примесей повышается концентрация действующего начала [9, с. 113].

Сопоставляя описанные нами в начале статьи действия с признаками изготовления и переработки психоактивных веществ, можно сделать заключение о том, что, несмотря на присутствие результата этих действий в виде получения готового к использованию и потреблению наркотика, они не могут быть отнесены к его изготовлению, поскольку при этом в качестве исходных используются наркотические средства или психотропные вещества и не происходит изменения их химической структуры. В большей степени данные действия сходны с переработкой наркотиков, в пользу чего говорит принадлежность исходного вещества к психоактивным, а также направленность действий на получение готового к потреблению наркотика. Однако данную квалификацию не позволяет произвести наличие противоположной к переработке направленности по цели, поскольку при совершении описанных действий происходит не повышение, а понижение активности, ослабление воздействия психоактивного вещества на организм [7, с. 313].

Таким образом, представляется необходимым дополнить нормативные правовые акты нормой об отнесении к незаконной переработке наркотиков умышленных действий по понижению концентрации наркотического средства

или психотропного вещества, их активности или по ослаблению воздействия на организм, если в результате этих действий получены готовые к использованию и потреблению наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги. Реализация указанного предложения обеспечит более эффективное привлечение к уголовной ответственности лиц, причастных к совершению противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275–З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Харевич Д. Л. О введении уголовной ответственности за незаконный оборот инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ // Юстиция Беларуси. 2006. № 6. С. 47–49. [Вернуться к статье](#)

3. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Чистова Л. Е. Переработка наркотических средств. Ее отличие от их изготовления // Инновационная наука. 2015. № 11. С. 199–201. [Вернуться к статье](#)

6. Тонков В. Е. Квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии судебного разбирательства : монография. Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. 216 с. [Вернуться к статье](#)

7. Харевич Д. Л. О совершенствовании норм, регламентирующих уголовную ответственность за незаконную переработку наркотиков // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIII междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24–25 мая 2018 г. : в 2 т. / Восточ.-Сибир. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. Иркутск, 2018. С. 311–314. [Вернуться к статье](#)

8. Киреева И. Л. Судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 228 Уголовного кодекса РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 80–84. [Вернуться к статье](#)

9. Чистова Л. Е. Способы введения в незаконный оборот наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ // Экономика, социология и право. 2015. № 11. С. 110–115. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.227

**ОТСУТСТВИЕ НА РАБОТЕ В СВЯЗИ С ОТБЫВАНИЕМ
АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА****Т. В. Ковалёва**

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины (Беларусь),
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
e-mail: iulitt@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы изменения судебной практики при отсутствии работника на работе в случае отбывания административного ареста и применения данного основания увольнения.

Ключевые слова: административный арест, задержание, отсутствие на работе, прекращение трудового договора, прогул, увольнение.

Annotation. The issues of changing judicial practice in the absence of an employee at work in the case of serving an administrative arrest and the application of this reason for dismissal are considered.

Keywords: administrative arrest, detention, absence from work, termination of employment contract, absenteeism, dismissal.

В соответствии с абз. 3 п. 7 ст. 42 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК), трудовой договор может быть расторгнут нанимателем в случае отсутствия работника на работе в связи с отбыванием административного взыскания в виде административного ареста, препятствующего исполнению трудовых обязанностей [1].

До введения данного основания на практике не редко возникал вопрос, какие действия вправе совершить наниматель в случае отсутствия работника на работе в связи с административным задержанием или отбыванием наказания в виде административного ареста. Исходя из теории трудового права, большинство ученых отмечали, что такое отсутствие происходит по уважительной причине, в связи с чем прекратить трудовые отношения не представляется возможным. В. Э. Самосейко отмечает, что ранее при задержании и иных формах краткосрочного ограничения свободы работника имел место прогул по уважительным причинам, т. к. задержание, заключение под стражу или административный арест — события, которые не зависят от воли работника. Будучи задержанным, находясь под стражей или под арестом, работник физически не способен исполнять свои трудовые (должностные или функциональные) обязанности, он ограничен в действиях [2].

М. Жариловская указывает, что в случае, если к физическому лицу в качестве меры обеспечения административного процесса было применено административное задержание или постановлением суда в качестве вида

административного взыскания был выбран административный арест, у него имеется прямая обязанность подчиняться законным требованиям судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, и исполнять постановление о наложении административного взыскания. Таким образом, в случае применения к физическому лицу административного задержания или нахождения его под административным арестом имеется уважительная причина отсутствия работника на работе — наличие у него обязанности исполнения требований законодательства. Также автор подчеркивает, что отсутствие работника на работе и неисполнение им своих трудовых обязанностей не зависят от его воли, желания или нежелания исполнять свои обязанности [3].

Соглашаясь с данными доводами, Л. А. Шершнева считает, что в такой ситуации отсутствие работника на рабочем месте не является прогулом, поскольку наступило по не зависящим от работника причинам [4].

В то же время В. И. Кривой отмечал, что отсутствие на работе в связи с помещением в вытрезвитель является основанием для увольнения за прогул без уважительных причин [5]. Таким образом, и ранее существовала тенденция признавать виновными действия работника, которые в последующем не дали ему возможности приступить к выполнению своих обязанностей.

Еще до внесения изменений в ТК судебная практика по данному вопросу претерпела существенные изменения. Так, Р. И. Филипчик отмечает, что и ранее имели место случаи, когда суд признавал законным решение нанимателя об увольнении работника по причине отсутствия его на работе в связи с отбыванием административного взыскания в виде административного ареста, препятствующего исполнению трудовых обязанностей. Проверя законность и обоснованность решения районного суда, Верховный Суд согласился с решением нанимателя о том, что совершение административного правонарушения было допущено по вине работника, поскольку, совершая умышленно противоправные действия, работник должен был осознавать их правовые последствия, исключая возможность его выхода на работу [6].

Прокуратурой г. Минска также обращалось внимание, что и ранее отбывание работником административного ареста квалифицировалось как прогул без уважительных причин. По делу об восстановлении на работе ведущего юрисконсульта Б. установлено, что мотивом к увольнению Б. явился факт его отсутствия с 9 по 18 ноября 2020 г. на работе в связи с отбыванием административного ареста по постановлению суда за совершение правонарушения, выразившегося в несоблюдении порядка проведения массовых мероприятий. Поскольку арест явился следствием умышленного совершения Б. правонарушения, причины его отсутствия на работе судом признаны неуважительными и в удовлетворении иска отказано [7].

На сегодняшний день отсутствие на работе в связи с отбыванием административного взыскания в виде административного ареста является самостоятельным основанием прекращения трудового договора.

Обосновывая необходимость внесения дополнений в ТК, Конституционный Суд Республики Беларусь отмечает, что данные изменения обеспечивают осознанное и ответственное отношение работников к исполнению обязанностей, способствуют реализации нанимателем правомочий в сфере управления трудом в целях осуществления эффективной экономической деятельности, реализации права требовать от работников выполнения условий трудового договора [8]. Комментируя изменения в ТК, помощник прокурора Минского района О. А. Мозоль указывает, что данное изменение направлено на обеспечение национальной безопасности, общественного порядка и здоровья населения [9].

В то же время законом, как и ранее, не определено, какие действия может предпринять наниматель, если имеет место административное задержание без последующего административного ареста. При этом судебная практика идет по пути признания отсутствия работника на работе прогулом без уважительных причин. Так, по мнению суда, Г. 18 октября 2020 г., принимая участие в несанкционированном мероприятии, должен был предвидеть, что такое участие может быть расценено как административное правонарушение, влекущее задержание и водворение в изолятор временного содержания. Вместе с тем Г. допустил неосторожность, выразившуюся в пренебрежении и игнорировании установленных норм и правил поведения работников ОАО «С», что повлекло его задержание, отсутствие на работе и прогул без уважительных причин [10].

При применении данного основания могут возникнуть следующие вопросы. Нанимателю необходимо установить причины отсутствия работника на работе. Несмотря на то, что в обязанности нанимателя не входит розыск работника, Л. А. Шершнева обращает внимание на такие способы определения места нахождения работника, как путем телефонного звонка работнику либо его родственникам; непосредственного посещения места жительства работника и опроса родственников или соседей; уточнения информации в милиции посредством направления запроса, в т. ч. и по нахождению работника в медицинских учреждениях; изучения сообщений средств массовой информации [4].

Актуальной в данном случае является связь с родственниками. Представляется, что не всегда работник изъявит желание сообщать нанимателю о факте административного задержания. В то же время в информировании родственников и близких людей задержанное лицо будет заинтересовано.

Также является обоснованным изучение сообщений средств массовой информации, а также, по нашему мнению, и социальных сетей. О наиболее существенных делах информация публикуется на сайте Верховного Суда

Республики Беларусь. Помимо этого, ежедневно происходит пополнение Общедоступного электронного банка судебных решений, созданного Национальным центром правовой информации Республики Беларусь совместно с Верховным Судом Республики Беларусь во исполнение поручения Президента Республики Беларусь, данного по итогам совещания по вопросам совершенствования деятельности системы судов общей юрисдикции.

В то же время В. Э. Самосейко отмечает, что самого по себе постановления о наложении административного взыскания в виде административного ареста недостаточно без отметки о его исполнении. В данном случае важно именно отбывание работником административного ареста, а не просто его наложение, т. к. основанием для увольнения по абз. 3 п. 7 ст. 42 ТК будет не само административное наказание, а именно отбывание его работником [2].

Законодательством не определено, с какого момента возможно увольнение работника по данному основанию. В. Э. Самосейко считает, что если буквально понимать абз. 3 п. 7 ст. 42 ТК, то можно предположить, что с первого дня отбывания административного ареста [2]. В данной ситуации представляется возможным использовать модель, предложенную законодателем с случае прогула без уважительных причин, который продолжается два и более рабочих дня подряд: наниматель вправе издать приказ (распоряжение) об увольнении работника с первого дня отбывания административного взыскания в виде административного ареста. В случае, если работник после отбывания наказания приступил к работе, то датой увольнения будет являться последний рабочий день.

В связи с тем, что данное основание отнесено к дисциплинарным, от работника необходимо затребовать письменное объяснение. О. А. Мозоль указывает, что затребовать от работника письменное объяснение о причинах отсутствия на работе можно, например, в день его появления на работе [9]. Таким образом, прокуратура Минского района указывает, что в случае отбывания наказания в виде административного ареста работником необходимо дожидаться его появления на работе, после чего затребовать письменное объяснение и совершить действия по привлечению его к ответственности.

При этом необходимо отметить, что по объективным причинам во время отбывания административного ареста не представляется возможным затребование объяснения от работника, что, исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 199 ТК, не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания и оформляется актом с указанием присутствовавших свидетелей [2].

Кроме того, следует согласиться с мнением К. Л. Томашевского о том, что отсутствие работника на работе вызвано действиями третьих лиц (в частности, постановлением суда о назначении административного взыскания в виде

административного ареста), в связи с чем предусмотреть такое основание прекращения трудового договора следует в ст. 44 ТК, поскольку эта ситуация отсутствия на работе не зависит от воли сторон [11, с. 293].

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Самосейко В. Э. Увольнение после административного ареста [Электронный ресурс] // Экономическая газета. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/uvolnenie-posle-administrativnogo-aresta/> (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Жариловская М. Административное задержание и (или) арест работника: варианты действий нанимателя [Электронный ресурс] // Юрист. 2017. № 4. URL: <https://jurist.by/zhurnal/statia/administrativnoe-zaderzhanie-i-ili-arest-rabotnika-varianty-dejstvij-nanimatelya> (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Шершнева Л. А. Работник арестован: действия нанимателя [Электронный ресурс] // Отдел кадров. 2020. № 10. URL: https://otdelkadrov.by/number/2020/10/Rabotnik_arestovan_dejstviya_nanimatelya/ (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Кривой В. И. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь для профессионалов в 40 выпусках. Выпуск 5. Глава 4. Прекращение трудового договора (статьи 42–46) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Филипчик Р. И. О новациях трудового законодательства и актуальной судебной практике [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь. URL: https://www.court.gov.by/ru/justice/press_office/9ec403acd1424954.html (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Виновные действия работников как основание прекращения трудовых отношений по инициативе нанимателя [Электронный ресурс] // Минский городской исполнительный комитет. URL: <https://minsk.gov.by/ru/org/7313/attach/519bdda/20210722.shtml> (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 30 апр. 2021 г., № Р-1267/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Мозоль О. А. Оснований для увольнения стало больше [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mrik.gov.by/images/06-10-2021-09.doc> (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. О восстановлении на работе [Электронный ресурс] // Верхов. Суд Респ. Беларусь. URL: <http://court.gov.by/ru/sudebnaya/praktika/1/04f0eb4ef93343a8.html> (дата обращения: 24.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований : монография / под ред. Г. А. Василевича [и др.]. Минск : Амалфея, 2022. 360 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

Ю. А. Колотилкин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры административной
деятельности факультета милиции
e-mail: kolotilkin77@inbox.ru

Аннотация. Автор исследует систему законодательства Республики Беларусь, направленную на защиту семьи и регулирующую вопросы противодействия насилию в семье в целом. На основании проведенного анализа нормативных правовых актов, указанных автором, сделаны выводы о том, что, несмотря на то, что белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям в настоящее время достаточно сформировалось, остается актуальным вопрос о необходимости дальнейшего его совершенствования вследствие динамичного развития как общества в целом, так и семейно-бытовых отношений в частности.

Ключевые слова: законодательство, семья, насилие в семье, семейно-бытовые отношения, правонарушение, близкий родственник.

Annotation. The author of the article explores the system of legislation of the Republic of Belarus aimed at protecting the family, which in turn regulates the issues of combating domestic violence. offenses is now quite formed, the question of the need for its further improvement, due to the dynamic development of both society as a whole and family and domestic relations in particular, remains relevant.

Keywords: legislation, family, domestic violence, domestic relations, offense, close relative.

В современном обществе постоянно происходят глобальные изменения, которые в последнее время все чаще сопровождаются ожесточением, особенно во взаимоотношениях между людьми, появляется больше агрессии, особенно в сфере семейно-бытовых отношений. Во многих странах мира приняты необходимые нормативные правовые документы, связанные с противодействием семейному насилию. Созданы государственные и общественные организации по защите прав женщин и детей. Международными организациями задекларированы нормативные правовые акты, направленные на предупреждение насилия в семье и на защиту прав человека. Основным таким документом является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей

Организации Объединенных Наций в 1948 году. Согласно статье 16 Всеобщей декларации прав человека, мужчины и женщины пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства [1].

В правовом государстве насилие в семье является одним из наиболее актуальных и проблемных вопросов, решение которого относится к приоритетным задачам государственных органов. Становясь все более универсальным явлением, оно широко распространяется во всем мире. Какого вида не было бы насилие — физическим, психологическим, экономическим или сексуальным, кто бы ни был его жертвой — женщина, мужчина, дети либо родители, оно является последствием сложившихся многими годами традиций и уходит глубоко корнями в историю всего человечества [2, с. 438].

Во всем мире жестокое обращение с людьми рассматривается как серьезная социальная проблема, которая с каждым годом приобретает все большие масштабы.

В теоретическом аспекте под насилием в семье понимаются умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания [3, с. 50]. Таким образом, согласно данному определению, насилие в семье как действие может быть совершено только в отношении члена семьи. Что включает в себя понятие «член семьи»? К членам семьи относятся близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные граждане, проживающие с гражданином и ведущие с ним общее хозяйство [3, с. 51]. Согласно определению, указанному в Уголовном кодексе Республики Беларусь, близкие родственники — это родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, супруг (супруга) потерпевшего либо лица, совершившего преступление, либо те же родственники супруга потерпевшего либо лица, совершившего преступление [4]. Таким образом, к членам семьи могут быть также приравнены граждане, не состоящие в каких-либо родственных отношениях, однако проживающие вместе и ведущие совместное хозяйство. Примером может служить сожительство либо совместное проживание бывших супругов, расторгнувших брак, но ведущих совместное хозяйство и совместно воспитывающих общих детей.

Согласно Кодексу Республики Беларусь о браке и семье, семья — это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления. Другие родственники

супругов, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны в судебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство [4].

Насилие в семье или домашнее насилие характеризуется наличием фактора повторения. Необходимо отметить разницу между обычным семейным конфликтом и случаем насилия. Если конфликт имеет локальный изолированный характер, то насилие имеет системную основу и состоит из последовательных повторяющихся инцидентов.

В Республике Беларусь существует система законодательства, направленная на защиту семьи в целом, регулирующая вопросы противодействия насилию в семье. Данное законодательство является неоднородным и включает в себя нормы различных отраслей права: конституционного, гражданского, уголовного, административного, семейного.

Конституционные нормы выступают как наивысшая форма воплощения воли народа, устанавливающая цели и принципы организации и жизнедеятельности общества. Задачи государства, закрепленные в Конституции, являются определяющими для выработки целей и задач противодействия нарушениям в сфере семейно-бытовых отношений.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье регулирует возникающие из факта брака и принадлежности к семье личные неимущественные и имущественные отношения между субъектами семейных правоотношений. Реализация норм Кодекса Республики Беларусь о браке и семье способствует предупреждению значительного круга правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений.

Нормы гражданского законодательства имеют превентивный потенциал для противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, ограничивают права лиц, не способных в силу психического расстройства понимать значение своих действий и руководить ими, а также злоупотребляющих спиртными напитками, наркотическими веществами.

В уголовном законодательстве определена ответственность за совершение определенных видов насилия, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 909 «Об утверждении Положения о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений» определен в том числе перечень преступлений, которые могут быть совершены в сфере семейно-бытовых отношений. К данным преступлениям относятся уголовно наказуемые деяния, указанные в главах № 19–22 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В административном законодательстве существуют правовые нормы, непосредственно предусматривающие ответственность за совершение административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Санкция ч. 2 ст. 10.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) предусматривает ответственность за совершение противоправных действий в форме нанесения побоев, не повлекших причинения телесных повреждений, умышленного причинения боли, физических или психических страданий, совершенных в отношении близкого родственника, члена семьи, либо за нарушение защитного предписания. Также ряд других составов административных правонарушений, предусмотренных КоАП, влекут ответственность за совершение противоправных действий в отношении члена семьи или близкого родственника при отсутствии непосредственного указания в санкции статей на родственную или семейную принадлежность потерпевшего.

Общественная опасность внутрисемейной агрессии, особенно убийств на почве семейно-бытовых и иных родственных отношений, заключается не только в наступлении тяжких последствий — нанесении вреда здоровью или лишении жизни человека, она наносит огромный вред нравственности, приводит к разрушению семьи, психотравмирующему и деморализующему воздействию на детей, что нередко способствует совершению с их стороны преступлений в последующем. В 2021 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 2 627 преступлений, связанных с насилием в семье, что на 395 преступлений больше, чем за 2020 г.

Предупреждение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в настоящее время является приоритетным направлением в деятельности органов внутренних дел, органов власти и управления, общественных формирований. В подавляющем большинстве случаев разбирательство по фактам произошедших семейных скандалов осуществляется органами внутренних дел в рамках административного законодательства по ст. 10.1 КоАП с однозначной изоляцией жертвы от правонарушителя. Сотрудниками органов внутренних дел Республики Беларусь в 2021 г. к административной ответственности по ст. 10.1 КоАП привлечен 55 191 гражданин, что в сравнении с 2020 г. больше на 9 466.

Соответственно, система мер административно-правового противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, является наиболее часто применимой, носит профилактический характер, способствует предупреждению фактов совершения насильственных действий в сфере семейно-бытовых отношений, за совершение которых действующим законодательством предусмотрены меры уголовной ответственности.

По результатам проведенного анализа нормативных правовых актов, действующего законодательства мы видим, что белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям в настоящее время достаточно сформировалось и остается актуальным вопрос о необходимости дальнейшего его совершенствования вследствие динамичного развития как общества в целом, так и семейно-бытовых отношений в частности.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи, 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Томусякова И. И. Международные правовые акты, регулирующие противодействие насилию в семье [Электронный ресурс] // Форум права. 2014. № 2. С. 438–441. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/187222963.pdf> (дата обращения: 20.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 18.12.2019. Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. 160 с. [Вернуться к статье](#)

4. Деятельность органов внутренних дел по противодействию насилию в семье : пособие / И. Л. Федчук [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2014. 108 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.143

**ПОКАЗАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА****С. А. Липская**

Белорусский государственный университет,
магистрант
e-mail: lipskaja@mail.ru

Аннотация. При выяснении обстоятельств уголовного дела, кроме показаний сторон, происходит привлечение свидетелей; свидетельские показания как источник доказательств часто являются основным источником доказательств.

Ключевые слова: показания, свидетельские показания, свидетели, доказательства, источник доказательств, искусственный интеллект, информационные технологии.

Annotation. When clarifying the circumstances of a criminal case, in addition to the testimony of the parties, witnesses are involved; witnesses' testimony as a source of evidence is often the main source of evidence.

Keywords: testimony, witnesses, evidence, source of evidence, artificial intelligence, information technology.

Развитие информационных технологий не могло не затронуть правоохранительную деятельность. Применение технологий позволяет осуществлять раскрытие преступлений, определять достоверность свидетельских показаний в судебном процессе, распознавать ложные показания. Разработка программного обеспечения позволяет распознать, опираясь на свидетельские показания аргументы (в настоящее время разрабатываются технологии по обнаружению предубеждений, слабых доказательств, в некоторых странах формируются большие массивы показаний, позволяющие анализировать информацию).

Очевидные перспективы открываются в расследовании преступлений, производстве по уголовным, гражданским и административным делам, расширении возможностей его применения.

Применение искусственного интеллекта (далее — ИИ) позволяет обрабатывать массивы информации значительных объемов, выстроить цепочку закономерностей, определить оптимальный вариант решения анализируемого вопроса.

Допрос свидетеля об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения по делу, является одним из источников доказательств. Дача свидетельских показаний сопровождается эмоциональным всплеском, нарушая привычный ритм жизни гражданина, заблуждаемостью, а также возможной личной заинтересованностью в исходе дела, что сказывается на оценке и изложении

им сведений, в результате чего показания могут содержать неясности, упущения, сомнительные выводы и отклонение в сторону версии событий, которую нельзя было опровергнуть.

Применение ИИ в оценке показаний в общей связи с иными доказательствами, учитывая обстоятельства дела, позволяет указать на несоответствия, обнаруженные на разных стадиях дела.

Мировой опыт применения ИИ в показаниях, в том числе свидетельских, говорит о перспективе развития данного направления, включая выявление нечетких и неопределенных четко связей событий, фактов как не соответствующих действительности.

Уникальная система, созданная Народной прокуратурой Шанхая в Китае, направлена на формирование и принятие верных решений вследствие анализа материалов дела и представляет собой судью, оснащенного ИИ. Данный судья-робот принимает 97 % решений на основании устных показаний. Результативность определяется мощными технологиями, анализом максимума из всех аналогов в мире загруженных в систему дел, опираясь на которые и выстраиваются алгоритмы. Следует отметить, что разработчики пытаются усовершенствовать систему для устранения 3 % вероятности ошибки [1].

Для глубокого изучения последовательности и достоверности показаний, включая свидетельские, в том числе при заключительных словах обеих сторон в гражданском процессе со ссылкой на показания свидетелей, часто представляется информация суду, которая искажена и противоречит другим доказательствам, представленным в суде. При этом многообещающим выступает использование технологий, которое позволяет осуществить сопоставление мельчайших несоответствий в показаниях, заявлениях сторон, свидетельских показаниях. Следует учитывать сложность процесса, когда применение технологий, искусственного интеллекта улучшает качество последующего осуществляемого судебного процесса, не только в оценке достоверности показаний и источников доказательств в целом, но и в поведении лиц при даче показаний [2].

В Голландии на протяжении нескольких лет идет апробация ИИ при расследовании простых, составных, продолжаемых, длящихся, с альтернативными действиями и наличием дополнительных тяжких последствий преступлений. В течение долгого времени вносятся материалы с 1988 года. Создание больших массивов данных позволит обеспечить более глубокий анализ и точные выводы для создания логистических цепочек. Анализ миллионов данных позволил с помощью ИИ определить достоверность доказательств и сопутствующие данные.

Важно оценивать источники, потенциально нуждающиеся в проверке достоверности. Сложность составляет отделение выражения мыслей, не несущего

смысловой нагрузки, и неинформативных данных в процессе дачи показаний. Способность наблюдения, знания психологии, логические выводы как навыки должностного лица не могут гарантировать неточности выводов. В данной ситуации ИИ призван помогать в анализе и предоставлении анализа машиной, учитывая анализ и возможность учета опыта для вынесения решения.

Очевидно, что в ближайшей краткосрочной перспективе ИИ не сможет заменить следователей, прокуроров, судей, так как для этого требуется развитие более мощных технологий. В настоящее время ИИ представлен как помощник, обеспечивающий вопросы делопроизводства. Ряд прогрессивных стран используют ИИ в качестве дублера в оценке ряда доказательств, и незначительная часть государств (США, Китай, Бразилия) используют ИИ в качестве судей, оценивающих обстоятельства дела и доказательства, с вынесением решения и контролем за решениями.

Искусственный интеллект в Республике Беларусь рассматривается руководством государства на высшем уровне. Тема ИИ и его развития соответствует пунктам 1 и 6 приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 года № 156, отвечает пункту 5 перечня государственных программ научных исследований на 2021–2025 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 июля 2020 года № 438, согласуется с национальными интересами, определенными Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. Тема исследования концептуально связана с пунктом 4 раздела V Послания Конституционного Суда Республики Беларусь, принятого Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2021 г. № Р-1256/2021 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году», о приоритетности направления и законодательного регулирования цифровых отношений закреплением их в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З [3–8].

Применение технологий требует постоянного контроля, так как, несмотря на неоспоримые положительные результаты потенциального применения ИИ, существует риск ошибок.

Кроме того, одной из проблем является возможность вмешательства извне, когда, например, во внешней среде создаются интернет-боты, могущие прямо или косвенно повлиять на принятие решения.

Немаловажной является сложность оценки ИИ, не учитывающей социальные, моральные, общечеловеческие критерии. Данные критерии затруднительно облечь в коды и математику, так как ИИ предполагает математический анализ машинных алгоритмов. Сложно предположить, каким образом скажется внедрение технологий в систему общественной жизни, как отразится на поведении общества.

Непрозрачность системы является одним из недостатков, без возможности быстрого реагирования, учитывая сложность процесса алгоритма. Несмотря на имеющиеся вопросы и недостатки, применение интеллекта является преимуществом государств, вовлеченных в борьбу за лидерство в ИИ. Ошибки анализируются, вносятся изменения и корректировка в написание и задачи ИИ.

Одним из вопросов остается то, что разработкой данных систем занимаются, как правило, организации и специалисты на стороне, что также оставляет открытым вопрос о надежности закладываемых алгоритмов и невозможности оценки заказчиком незаинтересованности производителя в тех или иных манипуляциях при написании кодов.

Опасения о воспроизведения ИИ как самодостаточного может привести к тому, что, используя данные общества (массивы данных по пользователям), он совершенствуется и в определенный момент станет неконтролируемым. Неразрешенные вопросы о способности в будущем продвинутого ИИ реконструировать самого себя и последующих неконтролируемых последствиях, неизбежно влекущих к проблемам глобального уровня.

Тема применения ИИ в правоохранительной деятельности, судебном процессе для оценки показаний многогранна и противоречива, существует множество потенциальных рисков, в основном относящихся к возможным ошибкам в процессе задания функций, а также риск появления самодостаточного ИИ. Очевидно, что хотим мы этого или нет, ИИ уже вошел прочно в эту сферу и нам предстоит подобрать инструменты ограничения и воздействия на него для применения во благо, но не во вред. Выявленные особенности показаний позволяют найти наиболее эффективные ИТ для анализа показаний. Среди перспективных направлений развития взаимосвязи ИИ и показаний выделяем выявление нечетких и неопределенных четко связей событий, фактов как не соответствующих действительности. Это позволит должностному лицу, ведущему дело, судье в судебном процессе при оценке доказательств обратить внимание на несоответствие. Применение данных технологий значительно улучшит качество судебных решений, сократит сроки рассмотрения дел.

1. Chen S. Chinese scientists develop AI «prosecuto» that can press its own charges [Electronic resource] // South China Morning Post. 2021. 28 december. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3160997/chinese-scientists-develop-ai-prosecutor-can-press-its-own> (date of access: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Pradeep M. AI can now predict designer drugs before they even hit the market [Electronic resource] // Screenshot-media.com. 2021. 6 november. URL: <https://screenshot-media.com/technology/ai/designer-drug-ai-prediction/> (date of access: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. О перечне государственных программ научных исследований на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 июл. 2020 г., № 438. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 11.03.2021 г., № Р-1256/2021. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77

**О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ
ЛИЦЕНЗИЙ В ПАТЕНТНОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ****С. С. Лосев**

Национальный центр законодательства и
правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: sergei_losev@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможные направления развития института принудительных лицензий в патентном праве Беларуси. Автор приходит к выводу о необходимости дополнения законодательства нормами, предусматривающими выдачу принудительных лицензий в общественных интересах.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, патентное право, принудительные лицензии.

Annotation. The article discusses possible directions for the development of the institution of compulsory licenses in the patent law of Belarus. The author comes to the conclusion that it is necessary to supplement the legislation with norms providing for the issuance of compulsory licenses in the public interest.

Keywords: intellectual property law, patent law, compulsory licenses.

События последнего времени — пандемия COVID-19, недостаточная обеспеченность республики важнейшими лекарственными препаратами зарубежного производства в силу ценовой политики их производителей, а также возможные санкционные меры, вводимые западными странами в отношении поставок высокотехнологичной продукции, с особой актуальностью ставят вопрос о необходимости ограничения патентной монополии зарубежных правообладателей, поскольку именно патенты являются инструментом поддержания монопольно высокой цены либо полной блокировки рынка.

В данной статье основным предметом рассмотрения станет вопрос доступа к лекарственным препаратам, защищенным патентами. Однако все сказанное справедливо и в отношении доступа к технологиям, необходимым для удовлетворения *иных жизненно важных потребностей общества*.

Механизмы ограничения патентной монополии разработаны и применяются давно. В аналитическом обзоре по патентному праву, подготовленном Комитетом Всемирной организации интеллектуальной собственности, отмечается, что патентному законодательству стран мира известны следующие ограничения прав патентообладателей: использование, осуществляемое частными лицами в некоммерческих целях; использование в образовательных целях;

использование в экспериментальных целях или целях научных исследований; приготовление лекарственных препаратов по индивидуальным рецептам; реализация права преждепользования; использование защищенных патентных решений на транспортных средствах, следующих транзитом; использование, необходимое для получения разрешения уполномоченного органа на применение фармацевтических препаратов (так называемое положение Болар); различные виды принудительных лицензий; использование для государственных нужд [1].

В ст. 10 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее — Закон) в числе действий, не признаваемых нарушением исключительного права патентообладателя, названо использование изобретения *при чрезвычайных обстоятельствах* (стихийные бедствия, катастрофы, аварии, эпидемии, эпизоотии и т. п.) с уведомлением патентообладателя о таком использовании в кратчайший срок и выплатой ему соразмерной компенсации. В первом приближении данная норма может быть использована для решения проблемы обеспечения необходимыми лекарственными препаратами, предоставляемой возможностью свободного использования может воспользоваться *любое лицо* без необходимости получения судебного решения или решения уполномоченного государственного органа при условии, что имеют место чрезвычайные обстоятельства, в данном случае эпидемия. При этом, исходя из смысла ст. 36 Закона, использование может подразумевать как производство, так и ввоз аналогов оригинальных лекарственных препаратов (генериков), произведенных в третьих странах. Недостатком такого варианта является отсутствие гарантий для лица, которое будет осуществлять использование (производить или ввозить генерик): патентообладатель в любой момент может оспорить саму правомерность такого использования, его объем и продолжительность, а также не согласиться с предложенной ему суммой компенсации. Кроме того, данная возможность ограничения патентной монополии не решает иные проблемы, связанные с необходимостью использования защищенных патентами решений для иных целей — обеспечения текущих потребностей системы здравоохранения, обеспечения продовольственной безопасности и т. п.

Более предпочтительным представляется вариант выдачи принудительной лицензии, поскольку лицо, в чьих интересах она предоставляется, понимает, в течение какого срока, в каких объемах и на каких условиях возможно использование защищенного патентом объекта. Поэтому решение проблемы обеспечения доступа к защищенным патентами лекарственным препаратам на условиях, приемлемых для национальной системы здравоохранения, видится именно в применении *механизма принудительного лицензирования*.

Практика предоставления принудительных лицензий имеет длительную историю — уже к концу XIX в. нормы о принудительных лицензиях содержались в патентных законах ведущих европейских стран. Как справедливо отмечает профессор И. А. Зенин, главное назначение принудительной лицензии состоит в пресечении попыток правообладателя воспрепятствовать своим исключительным правом развитию соответствующих сфер науки, техники либо блокировать деятельность конкурентов в этих сферах [2, с. 57].

Основой для формирования института принудительного лицензирования первоначально были нормы Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883 г.) (далее — Парижская конвенция), статья 5А(2) которой позволяет сторонам «...принимать законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений...». Как отмечает д-р Г. Боденхаузен в доктринальном комментарии к тексту Парижской конвенции, «...к другим случаям таких злоупотреблений можно отнести случаи, когда обладатель патента, хотя и использует его в конкретной стране, отказывается предоставить лицензии на разумных условиях и тем самым тормозит развитие промышленности, или же устанавливает чрезмерно высокие цены на свою продукцию» [3, с. 87].

Мировая практика выработала три основных вида принудительных лицензий: 1) в отношении неиспользуемого или недостаточно используемого патента; 2) в отношении зависимого патента; 3) принудительная лицензия в общественных интересах [4, с. 117].

Ситуация существенным образом изменилась в связи с созданием Всемирной торговой организации (далее — ВТО) и принятием Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее — ТРИПС). В статье 31 Соглашения ТРИПС механизм допускаемого принудительного лицензирования был регламентирован более детально по сравнению с Парижской конвенцией, при этом были ужесточены условия его применения. В ряде исследований высказывается мнение о том, что данное соглашение было заключено исключительно в интересах стран с высоким уровнем доходов и экономикой, ориентированной на знания, поскольку именно такие страны являются неттополучателями дохода за счет внедрения прав интеллектуальной собственности и экспорта соответствующей продукции [5, с. 6].

Дальнейшее развитие нормы ВТО о принудительных лицензиях получили в принятой в 2001 г. Декларации по вопросам Соглашения ТРИПС и общественного здоровья (Дохийская декларация), согласно которой «...Соглашение ТРИПС не должно препятствовать государствам-членам в принятии мер по охране общественного здоровья»; в параграфе 5(b) оговаривается право каждого государства выдавать принудительные лицензии и определять основания

для выдачи таких лицензий. Дохийская декларация подтвердила, что Соглашение ТРИПС может и должно быть истолковано и реализовано с учетом потребностей здравоохранения и возможностей для расширения доступа населения к лекарственным средствам [5, с. 8].

Очевидно, что отечественное патентное право не использует все возможности в части принудительного лицензирования, которые допускаются международными стандартами и применяются другими странами мира. В первую очередь это относится к *принудительным лицензиям, выдаваемым в общественных интересах*. Термин «общественный интерес» представляется достаточно условным, а его применение связано с желанием апеллировать к ст. 8 Соглашения ТРИПС. Достаточно распространенным в зарубежной законодательной практике является термин «ограничение прав патентообладателей *в интересах национальной безопасности*». Следует отметить, что механизм выдачи принудительных лицензий в целях обеспечения интересов национальной безопасности предусмотрен законодательством всех государств — членов ЕАЭС, за исключением Беларуси.

При выборе варианта выдачи принудительной лицензии в общественных интересах, как представляется, предпочтение должно быть отдано именно *административному порядку* ее предоставления. К слову, большинство принудительных лицензий в отношении препаратов для лечения ВИЧ-инфекции, гепатита С и онкологии, выданных странами мира, были предоставлены именно правительством (или правительственными учреждениями); это связано с тем, что данная процедура значительно проще и быстрее [6].

Особого внимания заслуживает вопрос об определении *размера вознаграждения, устанавливаемого в условиях принудительной лицензии*. В специальном исследовании Всемирной организации здравоохранения и Программы развития Организации Объединенных Наций справедливо отмечается, что понятия «разумные коммерческие условия» и «адекватное вознаграждение» не определены в Соглашении ТРИПС, в связи с чем практика государств в этом вопросе существенно отличается [7, с. 5]. Ставки роялти при принудительном лицензировании лекарственных препаратов должны определяться в пределах до 6 % отпускной цены генерического препарата [7, с. 5]. При этом в данном документе предложено несколько возможных методик расчета размера роялти, включая специально разработанную «многоуровневую модель роялти», которая определяет глобальную базу роялти на основе цены продукта в наиболее богатых странах, а затем корректирует ее относительно способности конкретной страны платить за медикаменты, оцениваемой на основе таких показателей как ВВП и доход на душу населения [7, с. 67]. При этом следует отметить, что термин «вознаграждение» является более предпочтительным, чем термин

«компенсация», поскольку не ассоциируется с нарушением исключительного права и не дает оснований привязывать его к потенциальным убыткам патенто-обладателя. В качестве модели может быть использовано и Постановление Правительства Российской Федерации от 18 октября 2021 г. № 1767, согласно которому размер компенсации составляет 0,5 % фактической выручки лица, получившего принудительную лицензию.

Как отмечается в современных исследованиях, применение механизма принудительного лицензирования в отношении лекарственных препаратов позволяет создать условия для лечения опасных заболеваний путем предоставления оптимального стандарта терапии максимальному количеству пациентов, обеспечить экономию средств государственного бюджета, направляемых на закупку лекарственных препаратов для системы здравоохранения страны, а также стимулировать национальную фармацевтическую промышленность, которая получает не только государственные заказы на производство генериков, но также и легальную возможность осваивать производство современных лекарственных препаратов [6, с. 93–98].

В заключение следует отметить, что принудительное лицензирование является легальным инструментом преодоления патентной монополии, позволяя, в частности, решать проблемы доступности лекарственных средств, защищенных патентами, обеспечивая пациентов их генерическими аналогами, произведенными или импортированными из третьих стран. Механизм принудительного лицензирования допускается правилами ВТО; при этом государства — члены ВТО имеют достаточную свободу в том, как формулировать собственное законодательство в сфере принудительных лицензий.

Патентное законодательство Республики Беларусь не использует всех возможностей в отношении принудительного лицензирования, допускаемых международным правом. Как представляется, Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» должен быть дополнен нормами, посвященными данному виду принудительных лицензий, при этом для выдачи принудительных лицензий в интересах национальной безопасности и охраны общественного здоровья должен использоваться административный порядок их выдачи.

1. Exclusions from Patentable Subject Matter and Exceptions and Limitations the Rights [Electronic resource] // World Health Organization. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_13/scp_13_3.pdf (date of access: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Зенин И. А. Исключительное интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) как предмет гражданского оборота // Проблемы российского

права интеллектуальной собственности (избранные труды) : сб. науч. тр. М. : Статут, 2015. С. 36–58. [Вернуться к статье](#)

3. Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / пер. с франц. Н. Л. Тумановой; под ред. проф. М. М. Богуславского. М. : Прогресс, 1977. 306 с. [Вернуться к статье](#)

4. Андрощук Г. А., Работягова Л. И. Патентное право: правовая охрана изобретений. 2-е изд. Киев : МАУП, 2001. 230 с. [Вернуться к статье](#)

5. Руководство по надлежащей практике улучшения доступа к лечению путем применения гибких положений Соглашения ТРИПС ВТО в области общественного здравоохранения [Электронный ресурс] // Программа развития ООН. URL: <https://www.undp.org/content/dam/undp/library/hiv aids/English/TRIPS-UNDP-Russian.pdf> (дата обращения: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Принудительные лицензии и доступ к лекарственным средствам. Баланс интересов для всеобщего блага [Электронный ресурс] // Международная коалиция по готовности к лечению. Восточная Европа и Центральная Азия. URL: <https://itpcru.org/2019/11/05/prinuditelnye-licenzii-i-dostup-k-lekarstvennym-sredstvam-balans-interesov-dl ya-vseobshhego-bлага/> (дата обращения: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Remuneration guidelines for non-voluntary use of a patent on medical technologies [Electronic resource] // World Health Organization. URL: https://www.who.int/hiv/amds/WHOTCM2005.1_OMS.pdf (date of assess: 28.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЛУЖЕБНЫХ ОБЪЕКТОВ ПАТЕНТНОГО ПРАВА

О. Е. Мельникова

Научно-исследовательский институт пожарной безопасности
и проблем чрезвычайных ситуаций
Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь,
научный сотрудник отдела статистики и анализа
e-mail: ok.cozlova2017@yandex.ru

Аннотация. *Современные нормы о служебных объектах патентного права формировались с учетом исторического опыта регулирования патентно-правовых отношений, анализ их становления и развития имеет особое значение для установления положительных и отрицательных сторон, а также в целях дальнейшего совершенствования системы охраны служебных изобретений, служебных полезных моделей, служебных промышленных образцов.*

Ключевые слова: *полезная модель, промышленный образец, патент, правовые нормы, привилегии, изобретательское право, патентное право, служебное задание, служебные объекты патентного права, изобретение, трудовые обязанности.*

Annotation. *The currently applied norms on work-related objects of patent law have been formed taking into account the historical experience of the regulation of patent law relations, therefore, the analysis of their formation and development has particular importance for identifying the positive and negative sides, as well as for further improvement of the protection system of work-related inventions, utility models and industrial designs.*

Keywords: *utility model, industrial design, patent, legal rules, privileges, invention law, patent law, work-related task, work-related objects of patent law, invention, work responsibilities.*

Во все времена собственность активно защищалась цивилизациями, однако это касалось материальной собственности, к примеру, земли, сооружений, зданий и т. д. Сегодня под такой защитой также находится человеческий интеллект, генерирующий огромное количество информации, которая впоследствии превращается в объекты интеллектуальной собственности [1, с. 11].

В системе имущественных и неимущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством, отношениям по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности отводится важное место. Мыслительная деятельность человека получает свое воплощение в создании нематериального продукта, используемого в личных и общественных интересах, — решении технической задачи [2, р. 76]. В настоящее время особое значение придается служебным результатам интеллектуальной деятельности ввиду распространенности их создания и широкой практической применимости.

Законодательство о служебных объектах патентного права прошло значительный исторический путь развития. Изобретательство, будучи двигателем прогресса и удовлетворяя вновь возникающие потребности общества, издавна имело большое значение в жизни человечества. Еще в эпоху раннего палеолита человеком создавалась орудия для охоты, изобретались предметы быта и средства передвижения. Изобретательство процветало в Древнем Египте, Месопотамии, Вавилоне. Тем не менее ввиду распространенности рабского труда потребность в охране изобретений в античном мире отсутствовала и возникла лишь к концу Средних веков — в эпоху начала научно-технической революции, развития книгопечатания и зарождения машинного производства [3].

Первые проявления патентной формы охраны изобретений воплотились в процессе выдачи специальной грамоты-патента во Франции в 1421 году, а также в Положении о привилегии, принятом в Венецианской Республике в 1474 году, которое предусматривало исключительное право изобретателя с ограничением срока, охрану прав, а также всяческую полезность изобретателя для общества. В 1623 году Англией был принят первый патентный закон «Статус о монополиях», далее в 1790 году принятие патентного закона осуществили США, а в 1791 году — Франция. Таким образом, к середине XIX века положения патентного законодательства приняли большинство европейских стран [4, с. 177].

Равно как и в других государствах, патентное законодательство нашего государства также прошло свой путь становления. Общегосударственное законодательное оформление норм об охране изобретений началось лишь в начале XIX века, когда 7 августа 1801 года состоялось подписание Указа «О поощрении учинивших изобретения и открытия к усовершенствованию земледелия, торговли и промыслов» императором Александром I, который устанавливал, что «всяк, кто... изобретет новую полезную машину... и наконец всяк, кто представит по сим предметам сочинение на твердом умозрении и опыте основанное, да будет удостоверен в достойном возмездии и награде пользам изобретения его соразмерной...» [5, с. 76].

С этого времени законодательство об охране объектов патентного права начинает свое становление. Первым единым официальным актом, прообразом современного патентного законодательства стал Манифест «О привилегиях на разные изобретения и открытия в ремеслах и художествах», принятый 17 июня 1812 года Государственным советом Российской империи и утвержденный Александром I. Манифест 1812 года обобщил и систематизировал все необходимые на тот момент вопросы изобретательского права: была раскрыта сущность привилегий, устанавливался порядок выдачи, формы и сроки их действия, основания для прекращения, а также порядок судебного разбирательства.

22 ноября 1833 года было утверждено Положение о привилегиях, нормами которого устанавливались критерии промышленной применимости и неочевидности изобретения, в качестве новой категории изобретательских предложений правовая охрана стала предоставляться усовершенствованиям.

20 мая 1896 года Николаем II было утверждено новое Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования, введенное в действие с 1 июля 1896 года, — последний законодательный акт в области патентного права царского периода [6, с. 15], действовавший вплоть до 1917 года и распространявший свое действие на изобретения и усовершенствования в промышленности, явившийся результатом становления законодательства об охране технических новшеств.

История правового регулирования служебных результатов интеллектуальной деятельности достаточно нова и связана с развитием не только авторского и патентного права, но и трудового права. С момента принятия первого Кодекса законов о труде в 1918 году сформировалась отдельная отрасль права, регулирующая поведение людей в общественной организации труда.

Самым важным в трудовом праве элементом регулирования отношений, имеющих значение для служебных объектов, является определение трудовой функции, обязанностей работника, в том числе по созданию результатов интеллектуальной деятельности. Кодекс законов о труде 1918 года не устанавливал трудовую функцию, а определял формы труда в следующем виде:

- а) организованное сотрудничество;
- б) предоставление индивидуальных личных услуг;
- в) выполнение отдельной, определенной работы.

Дальнейшее развитие законодательство получило в 1924 году, когда 15 сентября вступило в силу Постановление о патентах на изобретения. Субъектами получения патента могли стать не только физические лица, но и предприятия и организации, если изобретение создавалось в этих учреждениях и не могло быть приписано определенным авторам. Закреплялась возможность выдачи патента на имя предприятия, если изобретение было создано работником в качестве осуществления одной из своих служебных обязанностей, а также по заданию предприятия.

Важное значение в развитии законодательства о служебных объектах патентного права имела Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года, явившаяся первостепенным и основным международным соглашением в сфере охраны прав на промышленную собственность. В связи с присоединением в 1965 году к ней СССР изобретательству стало уделяться больше внимания [7, р. 114]. В этот период принимается ряд постановлений и распоряжений о дальнейшем развитии изобретательства в СССР, направленных

на совершенствование системы охраны изобретений в соответствии с международными требованиями. Особое значение в развитии законодательства об изобретательстве имели решения XXIV съезда КПСС, в которых указывалось на необходимость широко развивать творческую инициативу трудящихся в направлении технического совершенствования производства, улучшить работу по рационализации и изобретательству.

Следующим нормативным актом, принятие которого предопределило последующее развитие правового регулирования служебных объектов, был Кодекс законов о труде 1971 года. Статья 15 вышеуказанного Кодекса закрепила определение трудового договора, определив его как соглашение между трудящимся и предприятием, учреждением, организацией, по которому трудящийся обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности с подчинением внутреннему трудовому распорядку, а предприятие, учреждение, организация обязуется выплачивать трудящемуся заработную плату и обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон.

Новым этапом в развитии законодательства о служебных объектах патентного права стало принятие Закона СССР от 31 мая 1991 года № 2213-1 «Об изобретениях в СССР», введенного в действие с 1 июля 1991 года (далее — Закон об изобретениях). Отдельным положением в Законе об изобретениях закреплялись условия получения патента на изобретения, созданные «в результате решения конкретных задач в соответствии с выдаваемыми работнику заданиями». Необходимым условием получения патента на такое изобретение, а вместе с ним и соответствующих прав стал договор между работником и работодателем, который удостоверял положение об уступке работником права на получение патента работодателю. Автор изобретения при получении патента работодателем имел право на безвозмездную неисключительную лицензию для дальнейшего использования своего изобретения.

Между тем нормы как Закона об изобретениях, так и Закона о промышленных образцах были приняты в период коренных изменений, происходивших в СССР, в связи с чем не получили широкого распространения и продолжительного действия. Несмотря на отсутствие в нормативных актах советского периода об изобретательстве легально закреплённого определения понятия «служебные объекты патентного права», законодателем предпринимаются попытки установить их характерные признаки, а также условия получения патента, что нашло свое дальнейшее развитие в законодательстве постсоветского периода [8, с. 69].

Государственная система охраны интеллектуальной собственности Республики Беларусь начала формироваться с принятия постановлений Совета

Министров Республики Беларусь от 9 апреля 1992 года № 199 «Об образовании Государственного патентного ведомства Республики Беларусь при Совете Министров Республики Беларусь» [9] и от 7 августа 1992 года № 490 «О преобразовании Белорусского республиканского агентства по авторским правам в Управление по авторским и смежным правам при Совете Министров Республики Беларусь».

Сегодня в Республике Беларусь основными законодательными актами, регламентирующими личные неимущественные и имущественные права на служебные объекты интеллектуальной собственности, являются: Гражданский кодекс Республики Беларусь; Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 года № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (в ред. Законов Республики Беларусь от 15 июля 2019 года № 216-З), Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года № 160-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 года № 275-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», Закон Республики Беларусь от 13 апреля 1995 года «О патентах на сорта растений» № 3725-XII (в ред. Законов Республики Беларусь от 18 декабря 2019 года № 275-З), Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 214-З (в ред. Законов Республики Беларусь от 18 декабря 2018 года № 151-З) «О правовой охране топологий интегральных микросхем».

Законодательство о служебных объектах патентного права прошло большой исторический путь, который завершился переходом от привилегии и создания изобретений в плановом порядке к принятию законодательных актов, содержание норм о служебных объектах патентного права которых соответствует международным положениям об охране интеллектуальной собственности. В настоящее время в качестве служебных охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности выступают изобретение, полезная модель, промышленный образец, созданные в связи с выполнением трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, исключительное право на служебные объекты закрепляется посредством выдачи патента в общем порядке за работодателем.

1. Прищепов М. А., Савицкий Е. М., Савицкая Н. Е. Основы управления интеллектуальной собственностью : учеб. пособие. Минск : БГАТУ, 2012. 200 с. [Вернуться к статье](#)

2. Adams S. R. Information Sources in Patents. München : Saur, 2006. 236 p. [Вернуться к статье](#)

3. Трахтенгерц Л. А., Дозорцев В. А. Основные положения социалистического изобретательского права : учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Бакастова. М. : Центр. науч.-исслед. ин-т патентной информации и техн.-экон. исследований, 1964. 72 с. [Вернуться к статье](#)

4. Кудашов В. И. Основы управления интеллектуальной собственностью : учебник. Минск : ИВЦ Минфина, 2013. 408 с. [Вернуться к статье](#)
5. Джермакян В. Ю. Патентное право по Гражданскому кодексу Российской Федерации: постатейный комментарий, практика применения, размышления. М. : ИНИЦ Патент, 2014. 591 с. [Вернуться к статье](#)
6. Аксенова В. Ю. Эволюция патентного права Российской империи и его соотношение с международной практикой охраны изобретений конца XIX века. М. : ИНИЦ Роспатента, 2003. 93 с. [Вернуться к статье](#)
7. Blanco White T. A. Patents for Inventions and the Protection of Industrial Designs. London : Stevens & Sons, 1974. 749 p. [Вернуться к статье](#)
8. Москалевич Г. Н. Интеллектуальная собственность как правовая и социально экономическая категория // Вестн. БГЭУ. 2012. № 2. С. 69–75. [Вернуться к статье](#)
9. Об образовании Государственного патентного ведомства Республики Беларусь при Совете Министров Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 апр. 1992 г. № 199 : офиц. текст // Собрание постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1992. № 10. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.4

**СУБЪЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА
ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ****И. В. Муравьев**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: imuravev536@gmail.com

Аннотация. Актуальность вопроса определена особенностями ответственности за причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. В статье исследуются основные критерии определения субъекта такой ответственности.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, деятельность, владелец, причинитель вреда, потерпевший, ответственность.

Annotation. The relevance of the issue is determined by the peculiarities of responsibility for causing harm, activities that create an increased danger to others. The article examines the main criteria for determining the subject of such liability.

Keywords: source of increased danger, activity, owner, tortfeasor, victim, responsibility.

Вопрос о субъектах ответственности за причинение вреда при использовании объектов, которые с большой вероятностью могут при их эксплуатации причинить ущерб окружающим, является весьма актуальным.

Так, например, сложившаяся практика субъектов гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в сфере организации и обеспечения безопасности дорожного движения подразделяет на две группы:

- лица, которые непосредственно представлены как участники дорожного движения (водители, пассажиры, пешеходы);
- лица, которые должны обеспечивать надлежащие условия для безопасности дорожного движения (качество дорог, транспортных средств, подготовку водителей, надлежащее оборудование дорог, а также установление правового режима движения по дорогам) [1].

Статья 3 Закона Республики Беларусь «О дорожном движении» определяет тех кто имеет статус лиц, участвующих в дорожном движении, как физических лиц, которые находятся в границах проезжей части в (на) транспортном средстве или вне его. Однако к ним не относятся сотрудники, которые обеспечивают регулирование дорожного движения, и работники, которые в установленном порядке осуществляют ремонт дорог, устанавливают на дорогах элементы инфраструктуры (дорожные знаки, светофоры и т. п.).

При причинении вреда деятельностью, представляющей повышенную вероятность причинения вреда окружающим, субъектом ответственности за причиненный вред таким объектом является его владелец, который осуществляет его эксплуатацию на законном основании (иногда его называют «титульный» владелец). Это нормативно закреплено в п. 1 ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2], согласно которому юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Традиционно правоприменительная практика выделяет два оценочных критерия, характеризующих владельца источника повышенной опасности: юридический и материальный.

Юридический критерий, характеризующий владельца источника повышенной опасности, как было отмечено выше, признает факт обладания соответствующим источником на законном гражданско-правовом основании (право собственности или иное вещное право, распоряжение соответствующих органов, доверенность). Поэтому, например, правоприменительная практика выработала правило, согласно которому не считает владельцем источника повышенной опасности лицо, которое осуществляет эксплуатацию такого объекта в силу трудовых отношений с владельцем этого источника. Это связано с тем, что, передавая автомобиль во владение и пользование другому лицу, собственник принимает на себя ответственность за действия фактического владельца. В этой ситуации ответственность носит солидарный характер.

Второй оценочный критерий владельца источника повышенной опасности (материальный) предполагает основанную на законном основании возможность фактического воздействия на такой объект. Если же, к примеру, несмотря на оформление доверенности, фактическое управление транспортным средством осуществляет собственник автомобиля, он и сохранит статус владельца источника повышенной опасности.

Субъект является владельцем источника повышенной опасности (т. е. лицом, которое несет ответственность за причиненный вред), когда имеются и юридический, и материальный признаки. Однако в некоторых случаях нормативными правовыми актами для распределения бремени ответственности за вред признает достаточным наличие одного из этих признаков. Например, в силу договора аренды транспортного средства без экипажа автомобиль полностью переходит во владение арендатора. Поэтому в случае причинения вреда субъектом ответственности является арендатор.

В гражданском законодательстве отдельно оговорен вопрос об ответственности за причиненный вред лицами, которые незаконно завладели таким объектом (например, при угоне транспортного средства). В этих случаях владельцы (собственники источника повышенной опасности) не несут имущественной ответственности перед потерпевшими, если смогут доказать, что действия таких лиц носят противоправный характер. Ответственность в таких случаях должны нести лица, которые противоправно завладели источником повышенной опасности. Но при этом необходимо иметь в виду, что если в ходе разбирательства будет установлена и вина владельца в противоправном завладении источником повышенной опасности (например, оставление автомобиля на парковке с работающим двигателем), то в этой ситуации в зависимости от степени его вины он может быть привлечен к возмещению причиненного вреда угонщиками на долевых началах.

Определенный интерес представляет вопрос о возмещении вреда, когда источник повышенной опасности принадлежит нескольким владельцам (общая долевая или совместная собственность). Общая долевая собственность на автомашину может возникнуть у граждан или организаций (в результате ее покупки на общие средства, дарения или наследования.) Если же транспортное средство (автомобиль) приобретено на общие средства супругов, то оно подчиняется режиму права общей совместной собственности. Кто должен отвечать за вред, причиненный автомашиной как объектом общей собственности? Представляется, что субъектом ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, должен признаваться только собственник (совладелец), который управлял автомашиной и при этом причинил вред. Собственник, не эксплуатирующий автомашину в момент причинения ею вреда, не должен привлекаться к ответственности, так как он не совершал противоправных действий. Ответственность, предусмотренная нормами действующего законодательства, должна наступать не за сам факт владения источником повышенной опасности, а за факт причинения им вреда в процессе эксплуатации [3, с. 106].

К субъектам, обеспечивающим надлежащие условия для безопасности дорожного движения, относят лиц, обеспечивающих качество дорог, транспортных средств, подготовку водителей, надлежащее оборудование дорог, а также установление правового режима движения по дорогам.

Нередко одной из причин дорожно-транспортных происшествий является отсутствие надлежащего и своевременного ремонта дорожного покрытия, в результате чего транспортным средствам причиняется значительный ущерб.

На практике возникают спорные вопросы о том, кто является лицом, обязанным возместить причиненный ущерб, а также о наличии причинно-следственной связи между причиненным ущербом и действиями виновного лица.

Субъектом выпуска в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства либо незаконного допуска к управлению им является лицо, ответственное за техническое состояние или эксплуатацию транспортного средства. Высказывается мнение, что закрепление в законе специальных свойств субъекта данного правонарушения является излишним, поскольку выпуск в эксплуатацию предполагает наличие правомочий у лица на это действие [3, с. 201].

Круг лиц, ответственных за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, охватывает не только работников, выполняющих свои служебные обязанности. В постановлении от 1 октября 2008 г. № 7 указано, что субъектами выпуска в эксплуатацию технически неисправного транспортного средства либо незаконного допуска к управлению им могут являться водители либо владельцы индивидуальных транспортных средств [4].

Обязанность содержать участвующее в дорожном движении транспортное средство в технически исправном состоянии, проверять его техническое состояние перед началом движения возложена на водителя. В отношении владельцев транспортных средств такая обязанность законодательством прямо не предусмотрена. В соответствии с Положением о порядке проведения государственного технического осмотра транспортных средств и их допуска к участию в дорожном движении, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 апреля 2008 г. № 630, владельцы транспортных средств обязаны периодически представлять принадлежащие им транспортные средства для проведения государственного технического осмотра [5]. Однако транспортное средство может стать технически неисправным после прохождения государственного технического осмотра, но для владельца транспортного средства (не являющегося водителем) отсутствует запрет на эксплуатацию последнего.

Таким образом, субъектами гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в сфере организации и обеспечения безопасности дорожного движения являются: непосредственные участники дорожного движения; лица, обеспечивающие надлежащие условия.

1. О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного транспортными средствами [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 июня 2004 г., № 9 : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.09.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Колбасин, Д. А. Гражданское право: в 2 ч. ; Акад. М-ва внутр. дел Республики Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2017. Ч. 2. 655 с. [Вернуться к статье](#)

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317, 317¹, 318, 321 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 1 окт. 2008 г., № 7. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О реализации Закона Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 313-З «О дорожном движении» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 апр. 2008 г., № 630. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 349.225.6

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

М. В. Новицкая

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший научный сотрудник отдела организации
научной, международной и издательской деятельности
e-mail: mariya-nov@mail.ru

И. Г. Кузьма

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 2 курса факультета милиции

Аннотация. Статья посвящена исследованию методов обеспечения дисциплины труда, дается их характеристика и обозначаются особенности. Выделены действенные средства воздействия, применяемые нанимателем в целях повышения уровня дисциплины труда и ее укрепления.

Ключевые слова: дисциплина труда, убеждение, стимулирование, поощрение, принуждение, работник, наниматель.

Annotation. The article is devoted to the study of labor discipline methods enforcement, their characteristics and features. The effective means used by the employer in order to increase the level of labor discipline and strengthen it are highlighted.

Keywords: labor discipline, persuasion, stimulation, encouragement, coercion, employee, employer.

Проблема укрепления дисциплины труда является актуальной для любого современного государства, при этом ее решение достаточно затруднительно. К факторам, влияющим на дисциплину труда, относятся: особенности организации производственных процессов и процесса трудовой деятельности, санитарно-бытовое обеспечение и удовлетворенность им работников, а также уровень развития производственной демократии.

Необходимо указать, что трудовая дисциплина на производстве обеспечивается непосредственным общественным воздействием на работника в процессе труда путем обращения к его сознательности, энтузиазму, а также на его поведение через экономические интересы (индивидуальные и коллективные) и прямым принуждением нарушителей трудовой дисциплины к надлежащему исполнению их трудовых обязанностей. Дисциплина труда основана на сознательном отношении работников к своим трудовым обязанностям, на понимании ими действующих норм и правил поведения. Она характеризуется тем, что работники добровольно и ответственно выполняют возложенные на них обязанности [1, с. 44].

В целях создания необходимых организационных и экономических условий для высокопроизводительной работы применяются методы обеспечения трудовой дисциплины.

Термин «метод» рассматривается как «способ практического осуществления чего-нибудь» [2, с. 340]. Под методами укрепления дисциплины труда понимаются основанные на нормах законодательства и локальных нормативных правовых актах способы воздействия на работников и нанимателей, направленные на надлежащее выполнение своих обязанностей.

К наиболее действенным методам обеспечения дисциплины труда относятся методы убеждения, стимулирования и принуждения. Указанные методы призваны формировать активность личности и ее ответственность за результаты деятельности. Следует отметить их единство и взаимодействие, несмотря на явную полярность их содержания и способов воздействия на работника. Единство проявляется в целевом назначении, возможности непосредственного воздействия на волю и сознание лица, осуществляющего трудовую функцию.

По характеру воздействия убеждение и принуждение различны. Так, принуждение обеспечивает совершение действий субъектом трудового права (работника) вопреки его воле, при его психическом сопротивлении подчиниться требованиям нанимателя. В свою очередь, методы убеждения и стимулирования побуждают к поведению, соответствующему его воле, т. е. работник, например, может воспринимать волю нанимателя как правильное и должное, соглашаться с ней и исполнять ее как собственную волю.

Не вызывает сомнения необходимость использования обоих методов с целью стимулирования правомерного поведения и исключения совершения неправомерных проступков. Вопрос лишь в их разумном и рациональном использовании.

Отметим, что на сегодняшний день убеждение считается важнейшим и первостепенным методом обеспечения трудовой дисциплины. Посредством убеждения оказывается воздействие на сознание работника с целью стимулирования его к качественному, высокопроизводительному труду либо предотвращения дисциплинарных поступков. Опыт трудовых коллективов свидетельствует, что правовые методы убеждения воздействуют значительно эффективнее, чем методы принуждения. Г. Б. Шишко указывает, что социально-психологическими исследованиями установлено, что внимательность к работникам и благоприятная атмосфера могут поднять производительность труда [3].

Убеждение выступает в нескольких формах:

– Выступления руководителей. Выступления руководителей, с одной стороны, одна из наиболее мощных, энергетически заряженных и действенных форм убеждения, с другой стороны, и наиболее сложный, требующий

тщательной подготовки и регулярных тренировок инструмент. Руководителю необходимо тщательно готовиться к публичному выступлению перед коллективом: четко сформулировать цель и конкретные результаты, которых необходимо достигнуть, спрогнозировать влияние излагаемой информации на сотрудников и возможность формирования желаемой мотивации и направленности деятельности работников.

– Индивидуальные беседы. Процедура проведения беседы должна подчиняться определенным правилам: 1) она должна быть строго индивидуальной; 2) необходимо учесть особенности убеждаемых, их эмоциональный настрой; 3) должна быть создана атмосфера доверия и благожелательности; 4) убеждающий должен глубоко верить в собственную правоту, разбираться в вопросе; 5) во время беседы нельзя терять логику рассуждений и мышления; 6) доводы должны апеллировать к чувствам, желаниям, мотивам.

– Организационная дискуссия. Дискуссия (от лат. *discussio* — исследование) — свободное обсуждение сложных актуальных проблем, конфликтных ситуаций, отношений между людьми, что включают в себя противоречия. Дискуссия предусматривает общение на основании доказательств и аргументов с целью поиска истины путем всестороннего сопоставления разных точек зрения. Проведение дискуссии подчиняется некоторым правилам: 1) в дискуссии критике подвергаются идеи, а не их носители; 2) целевая установка оппонентов — не победа, а поиск эффективных (приемлемых) решений; 3) необходимо побуждать всех участников к обсуждению проблемных вопросов; 4) внимательно выслушивать противоположную точку зрения; 5) изменить точку зрения под воздействием неоспоримых фактов и убедительных аргументов.

Резюмируя, отметим, что с помощью убеждения можно воздействовать на внешние по отношению к определенному субъекту ценности и установки, которые в условиях свободного выбора трансформируются в его внутренние, личные идеи, установки и ценности.

Следующим методом является стимулирование как метод воздействия на поведение работника в процессе выполнения трудовых обязанностей через мотивацию. Мотив выступает в качестве причины, которая побуждает работника к действию. Правовой стимул только тогда становится побудительной силой, когда затрагивает интересы субъекта и превращается в мотив. При этом, как отмечает А. В. Малько, правовой стимул может и не возыметь должного эффекта, если он не принимается личностью и не отвечает какому-либо ее стремлению [4, с. 149].

Основное назначение стимулов в трудовом праве — это удовлетворение материальных и моральных потребностей работника посредством предоставления льгот, установления надбавок, применения мер поощрения.

Стимулирование способствует профессиональному росту работника, что, как следствие, влияет на повышение эффективности производства, укрепление дисциплины труда, обеспечивая реализацию производственных интересов.

Обобщая отечественный и зарубежный научный опыт о стимулирующих факторах в организации, В. Н. Якимов указывает на наличие трех основных групп стимулирующих факторов в зависимости от характера их воздействия на работников: материальное стимулирование; косвенно-материальное стимулирование; мотивация или организационные и нравственно-психологические (моральные) побудительные силы [5, с. 62].

В настоящее время распространено применение таких способов материальной мотивации, как выплата ежемесячных премий, премий на праздники и дни рождения, премий за продолжительный стаж работы и установление надбавок за перевыполнение работы. Для работников, занятых в сфере торговли или предоставления услуг, в качестве материальной мотивации может быть установление премии в виде процентов от выручки. В данном случае заработок работника не имеет четко обозначенной верхней границы, а напрямую зависит от профессионализма работника и его умения организовать сбыт товаров и реализовать услуги [6].

Косвенно-материальное стимулирование представляет собой компенсационный пакет, или соцпакет, который организация предоставляет работнику. Содержание компенсационного пакета (бенефитов) зависит от уровня занимаемой должности, авторитета в организации. В научной литературе указываются два блока компенсаций работникам — обязательные (установлены законодательством государства — оплата больничных листов; оплата ежегодных отпусков; отчисления на обязательное пенсионное страхование); добровольные (имеют добровольную основу, устанавливаются и действуют внутри организации — добровольное медицинское страхование; медицинское обслуживание работников, вышедших на пенсию; оплата дополнительных дней отпуска; оплата обучения, дополнительного образования, возмещение затрат на сотовую связь) [7].

Мотивация, или организационные и нравственно-психологические (моральные) побудительные силы, — это разновидность стимулирования, регулирующая поведение работника, направленная на обеспечение сознательного отношения к трудовой деятельности и добросовестного исполнения должностных обязанностей посредством использования предметов и явлений, специально предназначенных для выражения общественного признания, способствующих повышению или снижению его престижа (объявление благодарностей, награждение грамотой, замечания, выговоры и т. д.).

Ю. В. Родионова выделяет три основные проблемы морального стимулирования, снижающие его эффективность: недостатки правового регулирования процедур стимулирования; отсутствие должной информированности работников о действующей в организации системе стимулирования; проблема девальвации моральных стимулов, т. е. снижение их стимулирующей силы [8, с. 19].

Разновидностью правовых стимулов являются поощрения за труд. В юридической литературе сформировалось устойчивое мнение, что поощрение — это публичное признание заслуг работника [9, с. 25]. Так, например, ст. 196 Трудового кодекса Республики Беларусь нанимателю предоставлено право поощрять работников. Работники поощряются за какие-либо трудовые заслуги, успехи в труде. Отметим, что в трудовом законодательстве конкретные виды поощрений не определены. Для работников с обычными условиями труда виды поощрений определяются коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка. Виды и критерии поощрений для отдельных категорий работников, в отношении которых действуют уставы и положения о дисциплине, закрепляются в этих документах.

Согласно ч. 3 ст. 196 Трудового кодекса Республики Беларусь, за особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам в соответствии с законом.

В случаях, когда для укрепления трудовой дисциплины применения методов убеждения оказывается недостаточно, к нарушителям трудовой дисциплины применяются методы принуждения. Принуждение, как отмечалось выше, это форма неодобрения поведения работника, которая состоит в том, что его вынуждают подчиняться установленным правилам поведения вопреки его воле. В качестве правовых средств принуждения выступают меры дисциплинарного взыскания и иные меры дисциплинарного воздействия.

Принуждение применяется как исключение, когда иные методы оказываются малоэффективными. Поскольку применение правовых средств принуждения сопряжено с наступлением для нарушителя дисциплины труда серьезных негативных последствий (моральных, материальных), оно должно быть обоснованным, зависеть от обстоятельств, при которых совершен проступок, тяжести проступка, предшествующей работы и поведения работника на производстве. Для применения методов принуждения характерны следующие особенности:

- метод принуждения применяется только в отношении работников, состоящих в трудовых правоотношениях с нанимателем, которые по своей вине нарушают правила внутреннего трудового распорядка;
- применение мер принуждения за нарушение трудовых обязанностей осуществляется только в соответствии с законодательством; расширение перечня дисциплинарных взысканий по инициативе нанимателя не допускается;

– в законодательстве отсутствуют нормы, которые содержали бы указания, за какое нарушение следует применять ту или иную меру дисциплинарного взыскания.

Таким образом, метод принуждения, оказывая воздействие на сознание и волю работников, допустивших нарушение трудовой дисциплины, направлен на исправление их поведения и вырабатывает привычку в дальнейшем быть дисциплинированным.

В заключение отметим, что дисциплина труда представляет собой обязательное для всех работников подчинение установленному трудовому распорядку и надлежащее исполнение трудовых обязанностей. Поскольку ее обеспечение, а также создание необходимых организационных и экономических условий для высокой производительности труда возложено на нанимателя, то один из основных акцентов должен быть сделан на формирование у работников чувства ответственности за успехи в своей трудовой деятельности и всего трудового коллектива в целом. Совмещение мер морального и материального воздействия на работников со стороны нанимателя повышает уровень дисциплины труда и укрепляет ее. Среди действенных средств воздействия, применяемых нанимателем, следует отметить техники убеждения, разработку системы стимулов, способствующих профессиональному росту работника, заключение коллективных договоров, в которых закрепляются конкретные виды поощрения, их критерии и порядок применения, а также проведение тщательного исследования причин, мотивов и обстоятельств совершения дисциплинарных проступков и привлечение виновных к дисциплинарной ответственности.

1. Шишко Г. Б. Трудовая дисциплина : монография. Минск : Молодежное научное общество, 2000. 127 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 8-е изд., стер. М. : Советская энциклопедия, 1970. 900 с. [Вернуться к статье](#)

3. Шишко Г. Б. Правовые методы обеспечения трудовой дисциплины [Электронный ресурс] // Информационный портал. 2022. URL: law.bsu.by/pub/26/1_Chichko.doc (дата обращения: 16.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 250 с. [Вернуться к статье](#)

5. Якимов В. Н. Стимулирование и мотивация труда в организации // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2012. № 4. С. 61–67. [Вернуться к статье](#)

6. Зулкарнеева В. В. Стимулирование персонала как метод повышения трудового потенциала организации [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы экономики и управления : материалы V Междунар. науч. конф., Москва, 20–23 июня 2017 г. М. : Буки-Веди, 2017. С. 93–96. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/222/12528/> (дата обращения: 25.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Генкин Б. М., Коновалова Г. А. Основы управления персоналом. М. : Высш. шк., 2013. 228 с. [Вернуться к статье](#)
8. Родионова Ю. В. Мотивация трудовой деятельности : учеб. пособие. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2019. 57 с. [Вернуться к статье](#)
9. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь : в 2 т. / Коллектив авторов ; под общ. ред. Л. И. Липень. Минск : Амалфея, 2020. Т. 2. 768 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.54

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОТНОШЕНИИ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ст. 168)**Л. В. Павлова**

Институт правовых исследований
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области правоохранительной деятельности
и осуществления правосудия
e-mail: paulava_lv@mail.ru

Аннотация. В работе высказаны предложения по совершенствованию ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларуси, направленной на уголовно-правовую охрану половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Отмечена целесообразность закрепления в примечании к указанной статье дополнительного основания, значимого для индивидуализации наказания виновного лица.

Ключевые слова: половая неприкосновенность; половое сношение или иные действия сексуального характера; малолетний; несовершеннолетний; беспомощное состояние, обусловленное возрастом; абсолютная (безусловная) беспомощность.

Annotation. The article makes proposals for improving Art. 168 of the Criminal Code of Belarus, aimed at the criminal law protection of the sexual integrity of minors under 16 years of age. It is indicated on the expediency of fixing in the note to the specified article, an additional basis that is significant for the individualization of the punishment of the guilty person.

Keywords: sexual inviolability; acts of a sexual nature; a minor; a helpless state due to age; absolute (unconditional) helplessness.

Внимание законодателя к сфере сексуальных отношений зачастую вызывает острые дискуссии, поскольку проблемным полем выступают вопросы, с одной стороны, касающиеся половой свободы граждан, с другой — интересов общества, основанных на морально-нравственных постулатах, разделяемых большинством. Ретроспективный анализ уголовного законодательства, направленного на охрану половой неприкосновенности и половой свободы граждан, свидетельствует о преимуществом ряда норм и расширении круга отношений, подлежащих уголовно-правовой охране. При этом все больше внимания уделяется охране прав и законных интересов несовершеннолетних. За лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, не признается право на половую

свободу; совершение как насильственного, так и ненасильственного полового сношения и иных действий сексуального характера с такими лицами считается недопустимым. Нарушение запрета о половой неприкосновенности влечет ответственность по статьям главы 20 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [1].

Обозначенные вопросы уже являлись предметом исследования белорусских ученых, в том числе в последние десять лет уголовно-правовой и криминологический анализ преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних представлен в работах Д. Л. Гулякевича, Р. Н. Ключко, Н. И. Козелецкой, Э. А. Саркисовой, В. В. Стальбовского, О. О. Топориковой, В. М. Хомича, Д. В. Шаблинской. Вместе с тем изменения и дополнения, внесенные в УК Законами Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З и 26 мая 2021 г. № 112-З, предопределяют необходимость рассмотрения новаций с позиции уголовно-правовой науки, в том числе доктринального и сравнительно-правового анализа. В частности, остановимся на ст. 168 УК «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» в ее нынешнем изложении.

Диспозиция ч. 1 ст. 168 УК является ссылочной, поскольку предусматривает ответственность за половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 УК. Обращение к двум указанным статьям свидетельствует, что данными нормами установлен запрет на совершение насильственных полового сношения и иных действий сексуального характера, а также соотносимого с ними полового сношения и иных действия сексуального характера, совершаемых с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. В примечании к ст. 166 УК, введенном в УК Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З, предусмотрено, что «для целей применения настоящей статьи и статьи 167 настоящего Кодекса малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий». Тем самым половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста, требуют уголовно-правовой оценки по ст. 166 или ст. 167 УК вне зависимости, было ли применено насилие.

Проблемные аспекты понятия «беспомощное состояние» и критерии определения данного состояния подробно рассмотрены в работах белорусских ученых. Беспомощность, обусловленную малолетним возрастом, Р. Н. Ключко

и В. М. Хомич относят к психической беспомощности [2, с. 353]. В иных исследованиях указывается: «...“возрастная беспомощность”, закрепленная в примечании к ст. 166 УК, носит достаточно узкий содержательный характер и привязана только к интеллектуальному критерию — осознанию потерпевшим характера и значения совершаемых с ним действий сексуального характера. В правоприменительной практике и уголовно-правовой науке предметное содержание признака “беспомощное состояние” трактуется шире»: в отличие от примечания к ст. 166 УК в определение понятия, приведенного в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)», включена и волевая составляющая — физическая неспособность противодействовать обвиняемому или оказывать ему сопротивление [2, с. 40].

Не останавливаясь на дополнительном детальном анализе понятия «беспомощное состояние», соглашаясь с Н. И. Козелецкой и Д. В. Шаблинской [2, с. 41], обратим внимание, что в отношении малолетних, не достигших двенадцати лет, действительно следует презюмировать абсолютную (безусловную) беспомощность, что, однако, не отменяет того, что некоторые малолетние старше двенадцати лет также могут находиться в состоянии психической беспомощности при посягательствах на их половую неприкосновенность. В последнем случае речь идет об относительной (условной) беспомощности, что предполагает наряду с иными обстоятельствами содеянного доказывание того, что лицо не понимало характер и значение совершаемых с ним сексуальных действий.

В настоящее время ст. 168 УК «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» состоит из двух частей, описывающих основной и квалифицированный составы преступлений. К сожалению, в конструкциях указанных составов законодателем не применена дополнительная градация возраста потерпевшего (хотя в качестве квалифицирующего признака учтен количественный критерий числа потерпевших), в то время как относительно рассматриваемых деяний такое обстоятельство является значимым для дифференциации ответственности виновного лица. Например, случаи вступления в половое сношение с пятнадцатилетним лицом с согласия последнего имеют не столь высокую степень общественной опасности, как половое сношение с лицом более младшего возраста.

При этом указание на нижнюю границу возраста потерпевшего в ст. 168 УК вообще отсутствует, равно не приведены соответствующие разъяснения в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 7. Решение вопроса о возрасте, с достижением которого лицо

может быть признано потерпевшим по ст. 168 УК, видится посредством системного анализа введенных новаций. Полагаем, что упомянутым примечанием к ст. 166 УК законодателем намечена нижняя граница возраста потерпевшего по ст. 168 УК, поскольку из содержания примечания следует, что лицо, достигшее двенадцати лет, может иметь представление о действиях сексуального характера. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом старше двенадцати лет вопреки его воле или в случае его относительной (условной) беспомощности требуют квалификации по ст. 166 или ст. 167 УК, а при согласии на совершение указанных действий — по ст. 168 УК ввиду нарушения запрета о половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Таким образом, потерпевшим от общественно опасного деяния, запрещенного ст. 168 УК, может быть лицо в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет.

В ч. 1 и ч. 2 ст. 168 УК следует дифференцировать возраст потерпевшего (для ч. 1 — от четырнадцати до шестнадцати лет; для ч. 2 — от двенадцати до четырнадцати лет), что позволит ужесточить ответственность за совершение полового сношения и иных действий сексуального характера с малолетним (лицом, не достигшим четырнадцати лет) и тем самым будет способствовать надлежащей реализации принципа справедливости уголовного закона и уголовной ответственности. Степень половой зрелости, предшествующее поведение, наличие сексуальных контактов в прошлом и другие подобные обстоятельства, характеризующие потерпевшее лицо, как отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7, не имеют значения для квалификации содеянного, но виновным должен осознаваться возраст потерпевшего лица. Отметим, что российским законодателем в качестве минимального возраста потерпевших от рассматриваемого круга деяний также нормативно определен двенадцатилетний возраст, градация возраста потерпевшего использована в конструкции основного и квалифицированного составов преступления (ч. 1, 3 ст. 134 УК).

Примечание, введенное Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З к ст. 168 УК, также видится требующим дополнения. В настоящее время оно являет собой специальное основание освобождения от уголовной ответственности: «Лицо, совершившее действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». В отличие от положений ст. 87 УК, регламентирующей общие подходы освобождения от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности, приведенная норма предусматривает обязательность,

а не возможность освобождения лица от ответственности по усмотрению правоприменителя.

При этом, учитывая, что вступление в брак в Республике Беларусь допускается с пятнадцати лет, данная норма будет востребована в весьма ограниченном круге ситуаций, когда потерпевшими являются лица в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет. Не исключено, что в случае совершения полового сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим брачного возраста, стороной защиты с целью избегания уголовной ответственности будут предприниматься действия по затягиванию предварительного расследования и судебного следствия до достижения потерпевшим пятнадцатилетия и воздействия на него для заключения брака. На риски заключения фиктивных браков ввиду появления в уголовном законе примечания указанного рода уже обращали внимание как белорусские, так и зарубежные ученые [2; 3]. На наш взгляд, повышает данные риски отсутствие во введенном примечании иных оснований смягчения уголовно-правового положения виновного лица. В то же время, учитывая отечественный опыт неприменения наказания в виде лишения свободы к определенным категориям граждан (например, п. 2 примечаний к гл. 25 УК), а равно зарубежный (российский) опыт введения примечаний к подобным уголовно-правовым нормам, полагаем целесообразным в примечании к ст. 168 УК установить запрет на назначение наказания в виде лишения свободы лицу, совершившему преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 168 УК, когда разница в возрасте между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, составляет менее четырех лет (т. е. распространяется на виновных лиц, находящихся в юношеском возрастном периоде).

С учетом изложенного предлагается следующая редакция ст. 168 УК и примечаний к ней:

«1. Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с несовершеннолетним *в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет*, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, —

наказываются ограничением свободы на срок до четырех лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом.

2. Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с малолетним *в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет*, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, либо те же действия, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 166 или 167 настоящего

Кодекса, либо в отношении двух и более лиц, либо лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию, содержанию, обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего, либо группой лиц, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Примечания:

1. Лицо, совершившее половое сношение или иные действия сексуального характера, ответственность за которые предусмотрена частью 1 настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

2. *К лицу, совершившему половое сношение или иные действия сексуального характера, ответственность за которые предусмотрена частью 1 настоящей статьи, не применяется наказание в виде лишения свободы, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и лицом, совершившим преступление, составляет менее четырех лет.»*

Половое сношение либо иные действия сексуального характера с потерпевшим, не достигшим двенадцатилетнего возраста, должны квалифицироваться по ст. 166 либо 167 УК как совершенные в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии (абсолютная (безусловная) беспомощность), поскольку оно в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий и оказать необходимое сопротивление.

Изложенные в настоящей работе предложения подготовлены на основании системного анализа изменений и дополнений, внесенных в отечественный уголовный закон, и направлены на: устранение законодательного пробела о нижней границе возраста лиц, которые могут быть рассмотрены в качестве потерпевших от полового сношения и иных действий сексуального характера, совершенных без применения насилия и без использования их беспомощного состояния (ст. 168 УК); дифференциацию ответственности в зависимости от возраста потерпевшего (лицо в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, лицо в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет); закрепление в примечании к ст. 168 УК дополнительного основания, значимого для индивидуализации наказания виновного лица.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 1000 с. [Вернуться к статье](#)

2. Козелецкая Н. И., Шаблинская Д. В. // Анализ актуальных направлений оптимизации уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних // Право.by. 2021. № 6. С. 39–44. [Вернуться к статье](#)
3. Шикула И. Р., Афанасьева С. А., Калмыкова А. Д. Концептуальные подходы к определению понятия и особенностей состояния беспомощности потерпевшего // Право и практика. 2020. № 4. С. 124–128. [Вернуться к статье](#)

УДК 336

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «БАНКРОТСТВО» И «ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО» ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Пушко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент
e-mail: nataliepushko@yandex.ru

Аннотация. В статье проведено сравнительное исследование понятий «банкротство» и «преднамеренное банкротство» организаций по законодательству Республики Беларусь, позволившее сформулировать основные характеристики данных явлений, а также выявить ключевые различия между ними.

Ключевые слова: банкротство, преднамеренное банкротство, умысел, информация.

Annotation. The article presents a comparative study of the concepts of «bankruptcy» and «intentional bankruptcy» of Organizations under the legislation of the Republic of Belarus, which allowed to formulate the main characteristics of these phenomena, as well as to identify key differences between them.

Keywords: bankruptcy, intentional bankruptcy, intent, information.

В современных реалиях банкротство — весьма распространенное и неизбежное явление, происходящее практически в любых мировых экономиках, основная функция которого заключается в урегулировании имущественных отношений между должником и кредитором при невозможности должника исполнить свои обязательства, а также в возможности восстановления финансового состояния должника. С одной стороны, при благоприятном исходе финансового оздоровления в процедурах банкротства это позволит не только сохранить налогоплательщика и рабочие места, но и получить кредиторам расчет по своим требованиям. С другой стороны, по своему экономическому смыслу банкротство отражает объективные конкурентные процессы в экономике и заключается в возможности перераспределения капитала в наиболее доходные сферы, а также в исключении из гражданского оборота неэффективных субъектов хозяйствования. Возможность проведения процедур банкротства является, с одной стороны, гарантией для кредиторов по возврату или хотя бы частичному возврату долга, а с другой — освобождает должника от пожизненной зависимости по уплате долга в целом.

Однако на практике имеют место случаи, когда недобросовестные субъекты хозяйствования могут использовать легальные механизмы правового

регулирования банкротства в своих корыстных целях. В этой связи различают реальное (возникающее в результате действительных убытков) и преднамеренное (организованное в результате умышленного создания условий для потери финансовых ресурсов) банкротство организации.

В настоящее время отечественная экономика характеризуется небольшим числом организаций-банкротов и их количество неуклонно снижается. Так, если, по данным интернет-портала Верховного Суда Республики Беларусь, в производстве экономических судов по состоянию на 1 января 2020 г. было 1883 дела об экономической несостоятельности (банкротстве), то на 1 января 2021 г. таких дел было 1643, а 1 января 2022 г. — 1355 дел [1], то есть за три года произошло уменьшение данной категории дел практически в 1,4 раза.

Финансово несостоятельные субъекты хозяйствования прибегают к процедуре финансового оздоровления (санации) не часто: по данным Единого государственного реестра сведений о банкротстве, на 15 февраля 2022 г. в Республике Беларусь в процедуре санации находилось только 54 организации, а в ликвидационном производстве — 1042, то есть попытка восстановить платежеспособность предпринимается примерно только в 1 из 20 случаев. Если рассматривать сведения об уголовном преследовании лиц, совершивших преступления против порядка осуществления экономической деятельности, то согласно, Интернет-порталу судов общей юрисдикции Республики Беларусь, всего в 2021 г. за такие преступления было осуждено 164 лица (что на 17 чел. меньше, чем в 2020 г.) [2]. При этом удельный вес выявленных правонарушений при банкротстве в общем количестве преступлений в сфере экономической деятельности достаточно низкий. Например, за один из видов преступлений, связанных с банкротством организаций, — за уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь) в 2021 г. было осуждено 9 человек (5,5 % от осужденных за преступления против порядка осуществления экономической деятельности и 0,02 % от всех осужденных лиц). В предыдущие годы наблюдалась аналогичная тенденция. Таким образом, анализ данных свидетельствует о единичном характере привлечения лиц к ответственности за преступления, связанные с банкротством.

Многие ученые сходятся во мнении, что сложившаяся ситуация может быть обусловлена кроме всего прочего, и рядом методических причин, в частности, несовершенством методики выявления признаков и прогнозирования вероятности преднамеренного банкротства организаций, которые, в свою очередь, зависят от понимания сущности и различий в таких явлениях, как банкротство и преднамеренное банкротство.

Легальное определение понятия банкротства закреплено в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [3], а правовой аспект определения понятия преднамеренного банкротства закреплен в ст. 240 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4], в свете которых большинство исследователей и рассматривают данное понятие.

На основе результатов проведенного сравнительного анализа определений понятия «банкротство» и «преднамеренное банкротство» проанализируем совокупность слов и словосочетаний, наиболее полно раскрывающих данные явления (таблица).

Таблица — Сравнительный анализ понятий «банкротство» и «преднамеренное банкротство»

Характеристика	Банкротство	Преднамеренное банкротство
1	2	3
Объект	Должник (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель)	Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (далее — ИП)
Цель	Восстановление платежеспособности должника	Привлечение виновных из числа должностных лиц, учредителей (участников) либо собственников юридического лица (или ИП), имеющих право давать обязательные для организации указания или возможность иным образом определять ее действия, к уголовной ответственности
Функция	Неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, по выплате выходных пособий и (или) по оплате труда, а также исполнить обязанность по уплате обязательных платежей	Достижение неспособности юридического лица (ИП) в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей

Окончание таблицы

1	2	3
Признак наличия	– Задолженность в размере 100 и более базовых величин (для градообразующей организации — 2500 и более базовых величин). – Наличие достоверных, документально подтвержденных сведений о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер. – Применение к должнику принудительного исполнения, которое не произведено в течение 3 месяцев, или выявление факта отсутствия средств и имущества для удовлетворения требования кредитора	Доказанный умысел действий виновных из числа должностных лиц, учредителей (участников) либо собственника юридического лица (или ИП) по достижению неспособности удовлетворения требований кредиторов по денежным обязательствам, уплате обязательных платежей и установление факта нанесения ущерба кредиторам
Форма реализации	Признанная экономическим судом финансовая несостоятельность	Умышленные действия должностного лица, учредителя (участника) либо собственника, содержащие уголовно наказуемые (с нанесением крупного или особо крупного ущерба) деяния
Правовые последствия для юридических лиц (ИП)	При невозможном восстановлении платежеспособности — ликвидация	Преследуется законом за уголовное преступление
Правовые последствия для кредиторов	Погашение обязательств должника	Причинение ущерба

Таким образом, на основе анализа основных характеристик понятий «банкротство» и «преднамеренное банкротство» установлено, что, понимая под банкротством организации его реальную форму, можно установить отличительные признаки в исследуемых явлениях. Так, банкротство имеет своей целью восстановление платежеспособности должника и, как следствие, получение

возможности рассчитаться в полном объеме с кредиторами, тогда как преднамеренное банкротство характеризуется стремлением собственников и (или) руководителей организаций не платить долги, умышленным созданием данными лицами состояния неплатежеспособности субъекта хозяйствования. Кроме того, отличительной чертой преднамеренного банкротства является именно умысел в действиях руководства и (или) собственников, направленных на потерю финансовых ресурсов организации. Необходимо также отметить безусловное равенство между легальным определением понятия «банкротство» и содержанием его реальной формы, определяемой как состояние организации, возникающее в результате действительных (реальных) потерь финансовых ресурсов.

Общеизвестно, что источником информации для прогнозирования вероятности как банкротства, так и преднамеренного банкротства организации является бухгалтерская отчетность, а также иные внутренние бухгалтерские и управленческие документы, доступ к которым ограничен. Это создает трудности для инвесторов, кредиторов, контрагентов и иных заинтересованных лиц в выявлении организаций — потенциальных банкротов или преднамеренных банкротов с целью минимизировать или исключить работу с ними. Несмотря на то, что организация может скрывать или предъявлять недостоверные факты о своей хозяйственной деятельности, существуют информационные ресурсы, позволяющие с помощью соответствующих аналитических процедур получить сведения об умышленных действиях руководства и (или) собственников, направленных на достижение финансовой несостоятельности организации, что позволит участникам рынка надлежащим образом формировать суждения о будущем контрагенте.

Перечень информационных источников, подлежащий анализу, направленному на выявление признаков преднамеренного банкротства закреплён в Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г. № 107 [5], а также в Методических рекомендациях Министерства экономики Республики Беларусь «О порядке направления временными (антикризисными) управляющими в органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь сообщений о преступлениях в сфере экономической несостоятельности (банкротства)» от 18 мая 2013 г. [6]. Основными финансовыми документами, подлежащими анализу, являются данные статистической, бухгалтерской и налоговой отчетности, регистров

бухгалтерского учета, а также материалов аудиторской проверки и результатов проведенных оценок при их наличии. Кроме этого, необходимо также исследовать учредительные документы, договоры с другими субъектами хозяйствования, различного рода первичные документы, акты, регулирующие деятельность должника и другую документацию. Но в связи с умышленностью действий заинтересованных лиц — руководителей и прочих должностных лиц и (или) собственников, направленных на достижение банкротства, значительная часть учетных документов может быть недоступна для анализа вследствие их сокрытия или уничтожения. Этим объясняется сложность в доказывании умысла в действиях данных персоналий по преднамеренному банкротству, так как те всегда могут найти вполне логические объяснения своим действиям или сослаться на недостаточную оценку ситуации, сложившейся на рынке, на ошибочный прогноз развития организации, на допущенные профессиональные промахи, экономическую некомпетентность в каком-либо вопросе и т. п.

Таким образом, исследование понятий «банкротство» и «преднамеренное банкротство» на основе сравнительного анализа наиболее часто встречающихся в их определениях слов и словосочетаний позволил сформулировать основные характеристики данных понятий, раскрывающие сущность этих явлений, а также выявить основные различия между ними.

1. Справка по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), находящимся в производстве экономических судов в период с 01.12.2021 по 01.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://court.gov.by/ru/online-help/bankr_inf/c404aac14f3c4e7f.html (дата обращения: 15.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/baa6161e8d3941a1.html (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. № 439-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам [Электронный ресурс] :

постановление М-ва экономики Респ. Беларусь от 4 дек. 2012 г. № 107. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О порядке направления временными (антикризисными) управляющими в органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь сообщений о преступлениях в сфере экономической несостоятельности (банкротства) [Электронный ресурс] : метод. рекомендации М-ва экономики Респ. Беларусь от 18 мая 2013 г. : в ред. писем Минэкономики, Комитета госконтроля от 14.04.2016 г. и от 05.09.2016 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНЫЕ
НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА****Н. В. Пушко**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент
e-mail: nataliepushko@yandex.ru

Е. Ф. Власенко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 4 курса факультета милиции
e-mail: zheka20142013@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности должностных лиц организаций за невыполнение правил охраны труда и техники безопасности на основе действующего законодательства.

Ключевые слова: охрана труда, правила техники безопасности, травматизм, уголовная ответственность.

Annotation. This article discusses topical issues of bringing to criminal responsibility officials of organizations for non-compliance with the rules of occupational safety and health on the basis of current legislation

Keywords: occupational safety, safety regulations, injuries, criminal liability.

В настоящее время одним из важнейших приоритетов государственной политики Республики Беларусь в области охраны труда является защита жизни и здоровья человека в процессе трудовой деятельности, предполагающая максимально возможное снижение смертности и травматизма от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве. Сейчас ситуация с производственным травматизмом неуклонно улучшается: количество потерпевших при несчастных случаях на производстве уменьшилось с 21 624 чел. в 1990 г., 2 612 чел. в 2010 г. до 1754 чел. в 2020 г., то есть по сравнению с 1990 г. наблюдается снижение более чем в 12 раз, а по сравнению с 2010 г. — в 1,5 раза [1]. При этом уменьшение количества смертельно травмированных происходит не столь высокими темпами: если в 1990 г. погибло 445 чел., в 2010 г. — 198 чел., то в 2020 г. — 101 чел., а минимальное количество погибших на производстве было зафиксировано в 2015 г. — 72 чел., после чего отмечается неуклонный рост. Число погибших на производстве в расчете на 1 000 работающих снизилось с 0,093 в 1990 г. до 0,031 в 2020 г. (в 3 раза) и находится на уровне развитых стран Европы [1].

Установлено, что основная масса травм на производстве произошла из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения нанимателями и (или) самими работниками требований охраны труда. Так, если в 2018 г. в Республике Беларусь наиболее частой причиной производственного травматизма была исключительно вина потерпевшего (42,1 %), то в 2019 г. эта причина составила только 32,6 %, уступив первенство «прочим причинам» (37,2 % в 2019 г. против 24,1 % в 2018 г.) [2]. Кроме того, если в 2018 г. основной причиной травм со смертельным исходом была смешанная ответственность работодателя и потерпевшего (29,5 % от общего по республике количества несчастных случаев на производстве со смертельным исходом), то в 2019 г. основными виновниками полученных производственных травм были сами погибшие работники — 30,7 %. Нельзя не отметить и существенный рост производственных смертей по вине работодателя на предприятиях частной формы собственности — с 29,6 % в 2018 г. до 37,0 % в 2019 г. [2], что говорит об увеличении числа случаев несоблюдения правил охраны труда руководителями и специалистами данных организаций.

Закрепленное в ст. 41 Конституции Республики Беларусь право на здоровые и безопасные условия труда нашло свою реализацию в нормах Закона Республики Беларусь «Об охране труда» [3], в соответствии с которым как работодатели, как и работающие, виновные в нарушении законодательства об охране труда, несут за это ответственность, в том числе и уголовную. Она установлена в ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) «Нарушение правил охраны труда», в которой наказуемым признается нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда должностным лицом, ответственным за их соблюдение, повлекшее по неосторожности: профессиональное заболевание либо причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ч. 1 ст. 306 УК); смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения двум или более лицам (ч. 2 ст. 306 УК); смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 306 УК). Данная уголовно-правовая норма относит этот вид преступления к менее тяжким (ч. 1 и 2 ст. 306 УК) и тяжким (ч. 3 ст. 306 УК) [4].

Непосредственный объект данного преступления — это общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности работников в производственном процессе. Дополнительным объектом по ч. 1 ст. 306 УК является здоровье, а по ч. 2 и ч. 3 ст. 306 УК — здоровье и жизнь потерпевшего.

Объективную сторону выражает нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда в виде действия либо бездействия. Для более подробного изучения объективной стороны рассмотрим само понятие охраны труда, под которой понимается система

обеспечения безопасности жизни и здоровья работающих в процессе трудовой деятельности, включающая правовые, социально-экономические, организационные, технические, психофизиологические, санитарно-противоэпидемические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия и средства [3]. Исходя из этого определения, охрана труда включает в себя и предотвращение, и недопущение нарушений, и эффективное восстановление нарушенных прав, а также возмещение материального и морального вреда, а уголовное законодательство в части рассматриваемой нами ст. 306 УК, берет под свою защиту лишь часть общественных отношений, существующих в данной сфере. Оно несколько сужает область своего воздействия с более широкого понятия охраны к более узкому — к защите.

Еще одним обязательным элементом объективной стороны преступления по ст. 306 УК являются последствия в виде причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения одному или нескольким лицам или смерти одного или нескольких человек, то есть данный состав характеризуется как материальный с бланкетной диспозицией: для наступления уголовной ответственности необходимо определить конкретно нарушенные правила техники безопасности или иные правила охраны труда, которые не только достаточно многочисленны, но и могут носить узковедомственный характер, предопределяться производственной спецификой, особенностями техники и технологии проведения работ в различных сферах. Причинная связь между деянием и наступившими последствиями является третьим необходимым признаком объективной стороны рассматриваемого преступления.

Отметим также, что диспозиция ч. 1 ст. 306 УК содержит нормы о нарушении не только правил техники безопасности, но и иных правил охраны труда, которые по своему предмету гораздо шире первых, поскольку выходят за границы непосредственно производственной сферы и включают, например, мероприятия по профилактике травмирования работников и реабилитационные меры после его наступления, могут быть направлены также и на дальнейшее облегчение и оздоровление условий труда. Нарушение таких норм не создает непосредственной угрозы для жизни или здоровья работника, следовательно, не образует состава преступления. Таким образом, не любые нарушения правил техники безопасности и охраны труда могут составлять объективную сторону рассматриваемого преступления, а непосредственно только те, которые находятся в причинной связи с наступившими вредными последствиями.

Достаточно распространены случаи, когда правила техники безопасности грубо нарушаются самим получившим травму работником, не соблюдающим общеизвестные меры предосторожности. Например, показателен случай, произошедший в феврале 2021 г. в автобусном парке г. Могилева, где слесарь

по ремонту автомобилей, передвигаясь по ремонтному боксу, оступился и упал в смотровую канаву, вследствие чего получил травму. Проведенным специальным расследованием установлено, что причиной несчастного случая явилось личная неосторожность потерпевшего при передвижении [5].

Нормы ст. 306 УК применяются в случаях нарушения должностным лицом, на которого в силу его служебных полномочий или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечить соблюдение правил охраны труда на определенном участке работы, общих правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда [6]. В качестве примера можно рассмотреть случай, произошедший в январе 2021 г. в Гомельской области на одном из предприятий, когда укладчик пиломатериалов по указанию мастера цеха выполнял работы на автоматическом прессе, в процессе которых рука укладчика попала под пресс и ему были причинены тяжкие повреждения, соединенные со стойкой утратой трудоспособности. Должностным лицом, выполняющим обязанности по руководству и контролю за организацией работы, а также следящим за состоянием охраны труда в цехе, являлся мастер, который допустил рабочего к выполнению работ без соответствующей квалификации, обучения, стажировки и проверки знаний по вопросам охраны труда. Все это послужило основанием инкриминировать мастеру нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности причинение тяжких телесных повреждений (ч. 1 ст. 306 УК) [7].

Несмотря на законодательно очерченный круг лиц, в чьи обязанности входит контроль за соблюдением правил охраны труда, на практике вопрос о конкретизации субъекта часто остается спорным. Представляется, что существует несколько вариантов установления субъекта, привлекаемого по ст. 306 УК, ими могут быть: а) лично руководитель организации за нарушения требований охраны труда, если он не передал данные полномочия в установленном законом порядке иному лицу; б) работник, на кого непосредственно была возложена обязанность контролировать соблюдение требований по охране труда; в) лицо, руководящее работами, при производстве которых были нарушены требования по охране труда и технике безопасности, что повлекло неблагоприятные последствия. Применение данного подхода с конкретизацией субъекта состава преступления по ст. 306 УК поможет упростить процесс квалификации содеянного.

Субъективную сторону преступления определяет неосторожное отношение виновного к возможности наступления вредных последствий при нарушении им правил техники безопасности или иных правил охраны труда.

Нельзя не упомянуть и того, что нормы ст. 306 УК подлежат применению при неисполнении должностным лицом общих правил техники безопасности

или иных правил охраны труда виновными лицами, работающими в любых сферах народного хозяйства. Но существуют также и специальные нормы, установленные ст. 299, 301–304, 325, 334, 463 УК, которые конкурируют со ст. 306 УК. Они предусматривают уголовную ответственность работников за нарушение специальных правил безопасности на отдельных объектах (например, на взрывоопасных предприятиях, во взрывоопасных цехах) или правил безопасности при проведении взрывоопасных, горных или строительных работ; правил пожарной безопасности; правил безопасности на работах, связанных с использованием ядерной энергии, и т. д. и подлежат преимущественному применению при их неисполнении.

Разграничение между ст. 306 УК и ст. 10.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Нарушение требований по охране труда» [8] осуществляется по объективной стороне — по характеру наступивших последствий: их отсутствие или причинение травмирования работнику при нарушении правил охраны труда влекут ответственность за административное правонарушение.

В заключение отметим, что, несмотря на постоянное сокращение числа несчастных случаев на производстве, проблема нарушения должностными лицами организаций правил охраны труда, влекущего получение работниками травм, остается весьма актуальной. На наш взгляд, существенную роль в профилактике производственного травматизма сыграет наличие у нанимателей знаний об ответственности за нарушение законодательства об охране труда. Кроме того, более детальная проработка законодателем требований по охране труда и уголовной ответственности за их нарушение не только позволит уменьшить число неисполнений правил охраны труда, но и будет способствовать снижению травматизма на производствах в целом.

1. Травматизм на производстве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye/> (дата обращения: 03.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Травматизм в Беларуси 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://otb.by/news/4377-travmatizm-v-belarus-2019/> (дата обращения: 07.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Об охране труда [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 356-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Информация о несчастных случаях со смертельным и тяжелым исходом, произошедших в организациях города Могилева в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: <http://mogilev.gov.by/ru/nadzornaya-deyatelnost/234-mogiljovskoe-oblastnoe-upravlenie-departamenta-gosudarstvennoj-inspeksii-truda-ministerstva-truda-i-sotsialnoj-zashchity-respubliki-belarus/40525-informatsiya-o-neschastnykh-sluchayakh-so-smertelnym-i-tyazhelym-iskhodom-proizoshedshikh-v-organizatsiyakh-goroda-mogileva-v-2021-godu.html> (дата обращения: 03.02.2022).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и требований пожарной безопасности (ст.ст. 302–306 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2005 г. № 8 : в ред. от 23.12.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

[Вернуться к статье](#)

7. Нарушения правил охраны труда повлекли тяжкие телесные повреждения у работника: прокуратура Гомельской области возбудила уголовное дело [Электронный ресурс]. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/narusheniya-pravil-okhrany-truda-povlekli-tyazhkie-tele-snye-povrezhdeniya-u-rabotnika-prokuratura-go/> (дата обращения: 07.02.2022).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

[Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

И. Н. Саковец

Военная академия Республики Беларусь,
заместитель начальника кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск
e-mail: zetl6866@gmail.com

Аннотация. В статье автор представил генезис научных представлений о нарушениях уставных правил взаимоотношений между военнослужащими на различных исторических этапах развития.

Ключевые слова: военнослужащий, неуставные взаимоотношения, генезис, методика расследования.

Annotation. In the article, the author presented the genesis of scientific ideas about violations of the statutory rules of relations between military personnel at various historical stages of development

Keywords: serviceman, non-statutory relationships, genesis, investigation methodology.

Нарушения уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности (далее — НУПВ) [1, ст. 443] не являются порождением современности ни как социальное явление, ни как правовое.

Одновременно с появлением армии в человеческой цивилизации начались зарождаться и предпосылки такого криминального явления, как неуставные взаимоотношения.

Вопросы состояния законности, правопорядка и воинской дисциплины тесно связаны с фундаментальными, критическими изменениями в социально-политической, экономической и военной сферах государства [2, с. 5–16].

Анализ истории становления и развития военно-уголовного законодательства и уголовно-правовых норм в рассматриваемой сфере правонарушений, факты проявления данного криминального явления в воинских коллективах позволяют выделить следующие этапы возникновения и развития НУПВ, а также элементов методики их расследования.

1. Дороссийский этап (IX – конец XVIII вв.).

До начала XVII в. в русском писаном праве и других исторических свидетельствах о преступлениях в сфере НУПВ каких-либо статистических сведений об этих преступлениях практически не упоминалось. Некоторые косвенные свидетельства того времени дают основания предположить, что рассматриваемые правонарушения все же совершались и наказывались со стороны

государства, что свидетельствует о наличии зачатков системы борьбы с НУПВ (Договор Руси с Византией 944 г., тексты Русской Правды) [3, с. 25].

В обозначенный период возникают причины и условия НУПВ, к которым целесообразно отнести большую социальную разницу в положении дружинников; разницу в возрасте; патриархальность, клановость отношений (присутствовали целые воинские династии); сложный этнический состав (варяги, русские разных племен — родимичи, словене, древляне, тиверцы).

Правовые нормы, касающиеся воинских правоотношений, впервые встречаются в привилегиях и сеймовых постановлениях Великого княжества Литовского, где упоминаются сведения об ответственности за насилие («гвалт») между военными служащими в период войны или военного похода.

Первым источником уголовного права, содержащим специальную норму об ответственности военными служащими за преступления в сфере НУПВ, было Соборное уложение 1649 г. В соответствии со статьей 3 главы 23, стрельцам под страхом уголовного наказания запрещалось оскорблять друг друга [4, с. 59].

2. Российский этап (XVIII в. – 1917 г.).

В рассматриваемом периоде возникли и стали развиваться следующие предпосылки к НУПВ:

- избивание и истязание новичков под любыми предлогами, в том числе с использованием армейских ремней и т. п. (Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Николаевское инженерное училище);
- разделение военными служащими на отдельные группы с выделением «угнетенных, угнетающих и отчаянных» солдат [5, с. 399–402];
- разделение кадетов по этапам обучения на «зверей» (младшие), «корнетов» (старшие) и «майоров» (второгодники) (Николаевское инженерное училище);
- драки и иные насильственные посягательства, «нарушающие правила благочиния» между нижними чинами (Воинский устав 1868 г.);
- отбирание денег у рекрутов «наглым образом» [6, с. 245];
- собиранье ночью в одной комнате новичков старшими и гонение их всю ночь, сопровождая ударами хлыстами (Пажеский корпус, 1810 г. [7, с. 104–106];
- факты бесчинства и буйства в казарме (Воинский устав 1875 г.) и др.

Отдельное внимание следует уделить военно-криминальному явлению «цуканье», которое представляло собой систему «воспитания», осуществляемого старшими воспитанниками над своими младшими товарищами (XX в.). Для «цуканья» было характерно следующее:

- прикрепление оскорбительных прозвищ младшим;

- требование от младших отдавать честь (приветствовать) юнкерам старших классов;
- неоднократные подъемы в ночное время;
- отжимание, приседание и иные физические упражнения;
- принуждение «выть на луну»;
- «жрать мух» как наказание для младших и др. [8, с. 158; 9, с. 73].

Изучение фактов проявления «цуканья» в рассматриваемый период позволяет выделить отдельные информационные блоки, взаимосвязь которых образуют предпосылки криминалистической характеристики НУПВ. К таким блокам следует отнести сведения об: этапах (периодах) обучения (прохождения службы); способах совершения неуставных взаимоотношений; личности преступника, его мотивах; связях с другими правонарушениями [10, с. 326].

Анализ рассматриваемых проявлений позволяет сделать вывод о том, что явление «цуканье» аналогично современному понятию НУПВ по ряду признаков, среди которых различие в возрасте и статусе виновного и потерпевшего (старшекурсники издевались над младшими), сходные формы физического и психологического насилия, «круговая порука», криминальная самодетерминация рассматриваемого явления, выражавшаяся в том, что сами угнетенные при получении статуса старшекурсника становились угнетателями и др. [11, с. 81–82; 12, с. 122–124].

3. Советский этап (октябрь 1917 г. – начало 90-х гг. XX в.).

До начала 1950-х гг. серьезного внимания беспорядкам в армии законодателем не уделялось. В рамках рассматриваемых правоотношений для данного периода были характерны следующие черты:

- начало ведения органами военного управления борьбы с элементами НУПВ, принесенными из царской армии («солдатские присяги», денщикество);
- наиболее распространенный способ совершения НУПВ — оскорбления, которые выражались в насильственных действиях, на словах и в иных не насильственных действиях и др.

Период с середины 1950-х до начала 1960-х гг. был отмечен резким всплеском неуставных взаимоотношений во всех родах войск. С проникновением криминального контингента в армии стали появляться новые способы совершения НУПВ, связанных с тюремными и уголовными традициями: организация «судилищ», принятие «блатной» присяги, избивание лотками и др. Мотивами совершения рассматриваемых правонарушений выступали корыстные и хулиганские побуждения.

В данный период военным командованием начали предприниматься действия, направленные на устранение причин и условий, способствовавшие совершению НУПВ.

Первые официальные уголовные дела по неуставным взаимоотношениям появились в 1963–1965 гг. (единичные факты), но уже в 1970-х гг. происходит переход единичных случаев НУПВ в социально-негативные проявления. Предположительно обозначенный период является моментом возникновения и активного развития «неуставных отношений» в современном их понимании [13, с. 71].

Для данного периода характерным стало повсеместное сокрытие фактов неуставных взаимоотношений командирами и начальниками (в основном ротного и батальонного звена).

Важно отметить, что НУПВ были признаны угрозой национальной безопасности государства, вследствие чего данные правонарушения стали предметом исследования. Вместе с тем НУПВ рассматривались только с криминологической, уголовно-правовой и педагогической точек зрения (Х. М. Ахметшин, В. П. Маслов, В. Н. Кудрявцев, В. А. Соколов и др.).

Следствием изучения понятия НУПВ, их расследования, выделения состава преступления стало развитие уголовно-правовых норм, определяющих в том числе и ответственность за совершение рассматриваемых правонарушений.

Развитие криминалистических знаний в сфере НУПВ позволяет выделить следующие аспекты в их расследовании:

- субъекты (военнослужащие при отсутствии отношений подчиненности между ними);
- способы совершения (физическое, психическое воздействие);
- квалифицирующие признаки (совершение деяния группой лиц или с применением оружия, в отношении нескольких лиц, причинение телесных повреждений и др.);
- мотивы (показ явного неуважения к воинскому коллективу, низменные побуждения, проявление мнимого превосходства над другими, хулиганские побуждения);
- объект преступного посягательства (нарушение внутреннего распорядка в воинской части);
- взаимосвязь с другими правонарушениями.

Указанные сведения о НУПВ в своей совокупности и во взаимосвязи формируют криминалистическую характеристику рассматриваемых преступлений.

4. Современный этап (с 1991 г. – по настоящее время).

На современном этапе развития Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в Республике Беларусь проблема неуставных взаимоотношений между военнослужащими стала достаточно острой.

Принятие в 1999 г. Уголовного кодекса Республики Беларусь явилось началом самостоятельного пути развития белорусского военно-уголовного законодательства. В данном нормативном правовом акте законодатель уточнил признаки НУПВ, дифференцировал ответственность за их совершение [1, ст. 443].

В данный период изучение НУПВ началось с криминалистической точки зрения, отдельное внимание стало уделяться дальнейшему изучению методики расследования.

Таким образом, в рамках становления и развития уголовно-правовых норм, вопросов организации и проведения расследований в сфере НУПВ между военнослужащими целесообразно выделить дороссийский, российский, советский и современный этапы возникновения и развития НУПВ.

Формирование научно обоснованной информационно-методической базы расследования НУПВ следует осуществлять посредством дальнейшего рассмотрения проблемных вопросов, которые остались неразработанными и в которых нуждается практика.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Военное законодательство Республики Беларусь: современное состояние и перспективы : монография / В. В. Воронович [и др.]. Минск : ВА РБ, 2017. 246 с. [Вернуться к статье](#)

3. Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров : в 2 ч. ; под ред. О. И. Чистякова. М., 2000. Ч. 1. 352 с. [Вернуться к статье](#)

4. Зателепин О. К. Становление и развитие системы преступлений в сфере уставных взаимоотношений между военнослужащими в российском военно-уголовном законодательстве до 1917 года // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации : материалы науч.-практ. конф. ; отв. ред. М. М. Корнеев. М., 1997. С. 57–63. [Вернуться к статье](#)

5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М. : Художественная литература, 1983. Т. 16. 412 с. [Вернуться к статье](#)

6. Галушко Ю. А., Колесников А. А. О долге и чести воинской в российской армии. Собрание материалов, документов и статей ; под ред. В. Н. Лобова. 2-е изд. М. : Воениздат, 1991. 368 с. [Вернуться к статье](#)

7. Кропоткин П. А. Пажеский корпус // Записки революционера. М. : Моск. рабочий, 1988. 544 с. [Вернуться к статье](#)

8. Унижение человеческого достоинства по традиции // Братская помощь. 1909. № 4. С. 157–160. [Вернуться к статье](#)

9. Марков А. Л. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961. 128 с. [Вернуться к статье](#)
10. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий: 1881–1903. М., 1973. 355 с. [Вернуться к статье](#)
11. Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары. М. : Россия, 1991. 138 с. [Вернуться к статье](#)
12. Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы) : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.08. М., 2000. 357 с. [Вернуться к статье](#)
13. Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М., 1999. 260 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ (ЛИЦЕНЗИИ)

Д. А. Свиридов

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: dima.sviridov@inbox.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы производства такого следственного действия, как осмотр, по уголовным делам об осуществлении предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). Делается акцент на осмотре компьютерной информации. Предлагаются рекомендации по проведению осмотра компьютерной информации. Предлагается внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** киберпреступность, законодательство, следственное действие, осмотр, предпринимательская деятельность, расследование преступления.*

***Annotation.** The article deals with the production of such an investigative action as an inspection in criminal cases on the implementation of entrepreneurial activities without a special permit (license). Emphasis is placed on the examination of computer information. Suggested recommendations for the inspection of computer information. It is proposed to amend the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** cybercrime, legislation, investigative action, examination, entrepreneurial activity, crime investigation.*

Характеризуя преступления в сфере предпринимательской деятельности, совершаемые с использованием компьютерной и иной техники, представляется верным сделать вывод о том, что деяния в данной сфере представляют опасность за счет сложности их раскрытия и высокой латентности. Несмотря на то, что национальный законодатель относит преступление, предусмотренное ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь, — предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии) — к категории тяжких преступлений (ч. 3), при определенных обстоятельствах такое преступление может перерасти и в категорию особо тяжких, так как зачастую оно идет в совокупности с коррупционными преступлениями (взяточничество, должностные преступления и т. д.) [1].

В связи с вышеуказанными проблемами в настоящее время вопрос, связанный с раскрытием и расследованием преступлений, направленных

на нарушение правил ведения предпринимательской деятельности с использованием компьютерной техники, стоит достаточно остро. В том числе это в полной мере касается и такого следственного действия, как осмотр места происшествия, в частности осмотр компьютерной техники [2, с. 46].

Активное развитие технического прогресса предсказуемо ведет к совершенствованию криминалистической техники, которая используется при производстве различных следственных и иных процессуальных действий. Это в полной мере касается и такого следственного действия, как осмотр. В современных реалиях возникают новые объекты осмотра, среди которых необходимо отметить не только электронные носители информации и средства мобильной связи, но и непосредственно информацию, которая на них содержится. Так, в ст. 204¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) появился такой вид осмотра, как осмотр компьютерной информации. Данный факт предсказуемо повлечет за собой необходимость разработки соответствующей методики его производства.

Как известно, помимо фиксации непосредственной обстановки совершения преступления, в качестве основных задач осмотра места происшествия в ходе расследования уголовных дел о предпринимательской деятельности, совершаемой без специального разрешения (лицензии) (впрочем, как и по иным преступлениям с использованием компьютерных и иных технических средств), выступают обнаружение, фиксация и изъятие цифровых следов. Представляется верным согласиться, что при расследовании уголовных дел данной категории качество проведения осмотра компьютерной информации определяет сбор доказательств и расследование преступления в дальнейшем [3, с. 34].

В ходе осмотра в первую очередь следует обращать внимание на то, что описываются установленные цифровые следы, что возможно в процессе изучения содержательной части электронных документов, а не материального носителя. Следует отметить, что специфика следообразования в цифровой среде существенно усложняет получение электронных доказательств, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности. Видится необходимым отметить, что термин «электронные доказательства» в последнее время достаточно часто употребляется в юридической литературе. При этом термин «компьютерная информация» также широко используется в научной полемике, в том числе отражен в УПК [4, с. 104]. Чаще всего доказательствами становятся электронные файлы, записи, сообщения, которые хранятся на электронных носителях. Эти объекты будут приобретать процессуальное значение по любым уголовным делам, так как любое обстоятельство, подлежащее доказыванию, возможно представить в цифровой форме.

Проведенное исследование позволило выделить группы следов преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), выявляемых в ходе осмотра:

- непосредственно материальные следы: компьютерные и иные технические средства, физические носители информации, дополнительное оборудование, следы пальцев рук на указанных объектах;
- цифровые следы, содержащие основную информацию о способе совершения преступления.

Что может выступать в качестве таких следов? Прежде всего к ним следует отнести электронные документы, лог-файлы журналов и отчетов операционной системы, лог-файлы журналов и отчетов иных приложений и программ; файлы программного обеспечения (модификации, сканирования, копирования); электронные данные различных мессенджеров и телекоммуникационных сервисов и др.

В процессе осмотра места происшествия лицу, осуществляющему расследование уголовного дела, прежде всего интересна информация, как правило, хранящаяся на каком-либо материальном носителе информации. Такого рода техническое устройство само по себе, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, является вещественным доказательством, а компьютерная информация должна приобретать такой вид доказательства, как электронное, основанное на содержании компьютерной информации. В отдельных случаях в ходе осмотра места происшествия может осуществляться копирование компьютерной информации с соблюдением требований ч. 3¹ ст. 204 УПК. В этом случае будет отсутствовать материальный носитель и будет идти речь только об электронном доказательстве.

Осмотр технических устройств и компьютерной информации в большинстве случаев требует наличия специальных знаний и методик. В целом следует отметить, что для успешного производства осмотра таких объектов, несмотря на наличие необходимых специалистов, нужно владеть минимальными знаниями не только в экономической сфере, но и в сфере работы с техническими устройствами и компьютерной информацией, что видится необходимым для определения компетенции для расследования уголовных дел, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии). Выбор конкретной методики производства осмотра будет предопределяться конкретной следственной ситуацией. Вместе с тем в криминалистике при производстве осмотра традиционно выделяют подготовительный, рабочий и заключительный этапы. Соответственно, каждому этапу характерны определенные алгоритмы действий.

В практической деятельности у лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, зачастую возникает такая проблема — компьютерная информация может быть труднодоступной по причине ее нахождения на удаленных серверах, в том числе за пределами государства, и доступ к ней может быть ограничен определенными идентификационными данными, получить которые достаточно проблематично, а без специальных знаний невозможно.

В ходе производства осмотра лица, осуществляющего расследование уголовного дела, не только описывает то, что увидело на мониторе или дисплее, но и в том числе работает с различными каталогами и папками, программным обеспечением, файлами, лог-файлами журналов и отчетов. Кроме того, лицо может осуществлять манипуляции, направленные на совершение диагностических действий, которые, как правило, выполняются специалистами, приглашенными к участию в этом следственном действии. В целом осмотр таких объектов может проводиться лицом, осуществляющим расследование, самостоятельно, что предусмотрено ч. 3 ст. 204¹ УПК, но в практической деятельности такие осмотры проводятся с приглашением соответствующего специалиста, что обусловлено рядом причин. Прежде всего это вызвано тем, что развитие научно-технического прогресса позволяет осуществлять настройку компьютерного устройства таким образом, что любая неосторожная манипуляция может спровоцировать срабатывание установленной защиты данных и последние могут быть уничтожены.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь позволяет производить действия, которые предусмотрены функционалом информационных систем и ресурсов, использовать научно-технические средства, оборудование и программное обеспечение при условии отражения всех совершенных манипуляций и применяемых средств в протоколе осмотра. Следует отметить, что работа с информацией, содержащейся на компьютерном устройстве, достаточно затратна по времени, в связи с чем лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, зачастую в ходе осмотра осуществляет изъятие технического устройства, отражая данный факт в протоколе, а в последующем назначает соответствующие компьютерно-технические экспертизы. Кроме того, достаточно остро стоит вопрос восстановления удаленной информации, хотя данный вопрос в большинстве случаев решается не самостоятельно лицом, производящим осмотр, а посредством соответствующих экспертиз. Представляется верным самостоятельно не заниматься восстановлением удаленных данных, а зафиксировать в протоколе факт изъятия технического устройства, а затем воспользоваться специальными знаниями при производстве экспертизы [5, с. 241].

Также достаточно интересным будет вопрос осмотров облачных сервисов по хранению информации. Облачные хранилища данных представляют собой виртуальную базу потенциальных доказательств при расследовании уголовных дел, так как нередко содержат информацию об обстоятельствах совершенного преступления. Нередко такие облачные хранилища собирают информацию по умолчанию настроек и не удаляются злоумышленниками. Однако доступ к облачному хранилищу, как правило, ограничен.

Таким образом, следует отметить, что компьютерная информация, содержащаяся на различных технических устройствах, виртуальное пространство по делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), являются местом происшествия, осмотр которого следует проводить по тем же принципам и законодательным требованиям, как и иные осмотры. Особенностью осмотра этих объектов является то, что действия необходимо фиксировать, как правило, посредством видеозаписи. Кроме того, следует отметить необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, которые бы касались придания правового статуса «электронным доказательствам», закрепления положения о необходимости использования помощи специалиста при осмотре компьютерной информации.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Протасевич А. А., Зверьянская Л. П. Криминалистическая характеристика компьютерных преступлений // Рос. следователь. 2013. № 11. С. 45–47. [Вернуться к статье](#)

3. Иванов Д. А. Роль участников уголовного судопроизводства в реализации механизма возмещения вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам // Вестн. Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Сер. 2 : Юрид. науки. 2015. № 1 (6). С. 33–36. [Вернуться к статье](#)

4. Свиридов Д. А., Свешников Д. В. К вопросу о понятии «электронное доказательство» [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол. : Ю. П. Шкаплеров (председ.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

5. Свешников Д. В., Шилко Ж. А. Актуальность совершенствования отдельных уголовно-процессуальных и уголовных норм в сфере противодействия киберпреступности [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД ; редкол. : И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.956 (476)

**ОДНОВРЕМЕННОЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ
(ОПРОТЕСТОВАНИЕ) НЕСКОЛЬКИХ СУДЕБНЫХ
ПОСТАНОВЛЕНИЙ: ДОПУСКАЕТ ЛИ ГПК?****В. П. Скобелев**

Белорусский государственный университет,
заместитель декана по заочному обучению юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: bsu@bsu.by

***Аннотация.** Показано, что в ряде случаев процессуальное законодательство допускает возможность одновременного апелляционного обжалования (опротестования) нескольких судебных постановлений по одному гражданскому делу, однако в целом данный вопрос имеет проблемный характер.*

***Ключевые слова:** гражданский процесс, апелляционное производство, апелляционная жалоба (протест), судебное постановление.*

***Annotation.** It is shown that in a number of cases the procedural legislation allows for the possibility of simultaneous appeal (protest) of several judicial decisions in one civil case, but in general this issue is of a problematic nature.*

***Keywords:** civil process, appeal proceedings, appeal (protest), court decision.*

В середине 2018 г. в результате изложения в новой редакции главы 32 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) кассационная форма проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений была заменена на апелляцию. В связи с данными преобразованиями приобретает большое теоретическое и практическое значение вопрос, допускает ли в настоящее время ГПК одновременное апелляционное обжалование (опротестование), т. е. подачу одной жалобы (протеста), сразу нескольких вынесенных по гражданскому делу судебных постановлений.

Следует отметить, что один из таких случаев прямо предусмотрен ч. 3 ст. 432 ГПК: определения, которые не подлежат обжалованию (опротестованию) отдельно от решения суда первой инстанции, могут быть оспорены в апелляционном порядке путем приведения возражений на них в апелляционной жалобе (протесте) на решение суда. Как видим, здесь предметом обжалования (опротестования) одновременно могут выступать решение суда и одно или даже несколько судебных определений (в частности, о возбуждении дела, о подготовке дела к судебному разбирательству, об отказе в приобщении к материалам дела доказательств и пр.).

Другая категория примеров касается ситуаций, когда суды одним определением разрешают несколько процессуальных вопросов, т. е. объединяют в одном судебном документе сразу несколько своих определений. Так, по сложившейся практике определение суда о назначении экспертизы и определение о приостановлении производства по делу в связи с назначением экспертизы нередко оформляются единым судебным документом. В итоге на оба данных определения может быть подана одна частная жалоба или принесен один частный протест. Описанная ситуация примечательна еще тем, что определение о назначении судебной экспертизы как таковое не подлежит обжалованию (опротестованию) в апелляционном порядке путем подачи частной жалобы (протеста), поскольку оно не подпадает под критерии, названные в ч. 1 ст. 432 ГПК (оно не препятствует движению дела, и возможность его обжалования (опротестования) прямо процессуальным законом не предусмотрена). Однако совмещение этого определения в одном судебном документе с определением о приостановлении производства по делу, подлежащим согласно, ст. 167 ГПК обжалованию (опротестованию) отдельно от решения суда, подобную возможность, как свидетельствует правоприменительная практика, открывает [1, с. 67].

Еще один случай, когда суд одним определением разрешает два отдельных вопроса (т. е. вопросы, которые могли бы составлять предмет самостоятельных определений суда), связан с отказом суда в восстановлении апелляционного срока. По смыслу разъяснений, включенных в ч. 5 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее — Постановление №1) отказ в восстановлении срока на апелляционное обжалование (опротестование) и отказ в принятии апелляционной жалобы (протеста) должны быть оформлены одним определением суда первой инстанции: «В случаях, когда в восстановлении срока отказано, судья отказывает и в принятии апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста (пункт 3 части первой статьи 404 ГПК)».

К слову, объединение названных определений в один судебный документ не приводит к фактическому расширению права на обжалование (опротестование), поскольку согласно законодательству (ст. 156, ч. 2 ст. 404 ГПК) на каждое из этих определений может быть подана своя частная жалоба (протест), а содержащееся в ч. 5 п. 6 Постановления №1 разъяснение сделано, очевидно, для того, чтобы рассмотрение судом второй инстанции двух неразрывно связанных между собой вопросов (об отказе в восстановлении апелляционного срока и об отказе по этой причине в принятии жалобы или протеста) не могло искус-

ственно разбиваться (в том числе ввиду допускаемых участниками судопроизводства злоупотреблений) на два отдельных апелляционных процесса.

Для сравнения, в предшественнике Постановления №1 — постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 4 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих производство дел в кассационном порядке» (далее — Постановление № 4) соответствующий вопрос был истолкован иным образом: определение суда об отказе в восстановлении срока на обжалование (опротестование) было названо в ч. 5 п. 6 Постановления № 4 в качестве самостоятельного предмета для подачи частной жалобы или принесения частного протеста: «На определение суда об отказе в восстановлении срока на обжалование решения может быть подана частная жалоба или принесен частный протест».

Полагаем, что также возможна подача одной апелляционной жалобы (протеста) на несколько судебных решений, а именно на первоначально вынесенное судом неполное решение и впоследствии постановленное согласно ст. 326 ГПК дополнительное решение суда. Попутно обратим внимание на такую проблему: в какой форме должно быть выражено несогласие с дополнительным решением суда, если на первоначальное решение уже была подана апелляционная жалоба или принесен апелляционный протест. С одной стороны, есть основания утверждать, что указанное несогласие необходимо выражать в отдельной апелляционной жалобе (протесте), поскольку ГПК определяет дополнительное решение в качестве самостоятельного объекта обжалования или опротестования (ч. 2 ст. 326 ГПК) и специально применительно к дополнительному решению регулирует порядок исчисления апелляционного срока, т. е. срока для подачи апелляционной жалобы или принесения апелляционного протеста (ч. 3 ст. 403 ГПК).

Вместе с тем, с другой стороны, коль скоро на первоначальное решение уже была подана апелляционная жалоба (протест), то выражение несогласия с дополнительным решением вполне допустимо квалифицировать как дополнение изначальной апелляционной жалобы (протеста). Причем с учетом того, что ст. 409 ГПК позволяет осуществлять дополнение жалобы (протеста) лишь в пределах апелляционного срока (в нашем случае — это срок для обжалования (опротестования) первоначально вынесенного судом неполного решения), то не исключено, что подобное дополнение жалобы (протеста) сделать уже не удастся, т. к. к моменту постановления судом дополнительного решения срок на обжалование (опротестование) первоначального неполного решения уже истечет. Поэтому на данный счет хотелось бы видеть разъяснения высшей судебной инстанции страны.

Наконец, возможна ли одновременная подача жалобы (протеста) на решение и на определение, обжалование (опротестование) которого допускается в апелляционном порядке отдельно от решения суда, если между этими судебными постановлениями имеется тесная связь и взаимозависимость? В ГПК непосредственно предусмотрены всего два случая, когда законодатель говорит о допустимости обжалования (опротестования) определения суда одновременно с обжалованием (опротестованием) решения. Имеются в виду случаи обжалования (опротестования) определений суда о недопущении субъекта к участию в деле в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора (ч. 4 ст. 65 ГПК), и третьего лица, не предъявляющего таких требований относительно предмета спора (ч. 3 ст. 67 ГПК). Однако, как мы уже отмечали, именно в этих случаях присутствие в нормах выражения «одновременно с обжалованием (опротестованием) решения суда» является скорее нормотворческой ошибкой, поскольку данное выражение не позволяет дать указанным нормам ни одного приемлемого (разумного) толкования и, следовательно, не позволяет нормы ч. 4 ст. 65, ч. 3 ст. 67 ГПК применить на практике [2, с. 228–230; 3, с. 125–126].

Поэтому мы исходим из того, что допустимость одновременного обжалования (опротестования) определения названной категории и решения суда ГПК не урегулирована. В связи с этим возникает вопрос, возможна ли подача жалобы (протеста), например, на решение и на частное определение (обычно частное определение основывается на тех же фактических обстоятельствах, что и решение суда); на решение и на определение о разъяснении резолютивной части данного решения (апеллянта не устроил ни первоначальный, ни сформулированный с учетом разъяснения суда вариант разрешения спора); на решение и на определение о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения сторон (по спору о разделе наследственного имущества в натуре между пятью наследниками мировое соглашение было заключено не всеми, а только двумя из них, в отношении остальных наследников судом было вынесено решение); на решение и на определение об оставлении искового заявления без рассмотрения ввиду того, что оно было подано общественным объединением потребителей в интересах гражданина-потребителя без согласия последнего (общественное объединение потребителей предъявило в интересах потребителя требования о расторжении договора купли-продажи, взыскании пени, убытков и компенсации морального вреда, и суд, посчитав, что согласие потребителя на предъявление требований о взыскании убытков и компенсации морального вреда получено не было, оставил иски в этой части без рассмотрения, хотя в действительности согласие потребителя не было получено на предъявление абсолютно всех требований), и т. д.

В контексте обозначенной проблемы обращают на себя внимание положения ч. 1 п. 7 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах рассмотрения дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции»: «Апелляционная жалоба (протест) может быть подана как на одно судебное постановление, так и на несколько судебных постановлений, принятых по одному делу, каждое из которых может быть обжаловано отдельно, что не противоречит правилам главы 31 ХПК. В одной жалобе могут содержаться требования об обжаловании, в частности, решения и определения об отказе в принятии встречного искового заявления, о прекращении производства по встречному иску, частного определения. В этом случае хозяйственный суд апелляционной инстанции выносит одно определение о принятии апелляционной жалобы к производству... По результатам рассмотрения апелляционной жалобы (протеста) на несколько судебных постановлений по одному делу не исключается принятие одного судебного постановления хозяйственного суда апелляционной инстанции». Постановление № 1 подобного рода разъяснений не содержит (хотя изначально некоторые аналогичные указания туда планировалось включить), и, думается, отнюдь не случайно.

Как нами уже отмечалось, в отличие от главы 31 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, где практически все нормы касаются обжалования (опротестования) одновременно и решений, и определений, в главе 32 ГПК регулирование апелляционного порядка пересмотра решений и пересмотра определений существенно отличается по ряду моментов [4, с. 29, 80–81]. Так, средством инициирования пересмотра решений выступает апелляционная жалоба и апелляционный протест, а средством инициирования пересмотра определений — частная жалоба и частный протест. Круг лиц, имеющих право на обжалование (опротестование) определений, по сравнению с субъектами права обжалования (опротестования) решений, сформулирован несколько иным образом, в частности, отсутствуют какие-либо ограничения для принесения протестов на определения должностными лицами органов прокуратуры. Пересмотр решений осуществляется судами второй инстанции всегда в коллегиальном составе, в то время как определений по общему правилу — единолично.

Далее, как разъяснил Пленум Верховного Суда в ч. 4 п. 22 Постановления № 1 (хоть в полной мере мы с таким указанием и не согласны), из предусмотренных ч. 1 ст. 416 ГПК сроков рассмотрения дел судом апелляционной инстанции при пересмотре определений применим только месячный срок, «поскольку отмена либо изменение определения суда первой инстанции связаны исключительно с применением норм права и не требуют исследования новых

доказательств». Существуют отличия в полномочиях апелляционной инстанции, которыми она обладает при проверке решений (ст. 423 ГПК) и при проверке определений (ст. 434 ГПК). Не исключаем, что по итогам одновременной проверки решений и определений возможно возникновение путаницы с распределением (возмещением) судебных расходов, поскольку за рассмотрение частных жалоб, в отличие от апелляционных жалоб, государственная пошлина взиманию обычно не подлежит. Наконец, препятствием для объединения адресованных суду второй инстанции требований о пересмотре решения и пересмотре определения может служить отсутствие в главе 32 ГПК норм, аналогичных закрепленным в ст. 250 ГПК о возможности совместного рассмотрения в суде первой инстанции нескольких связанных исковых требований.

Таким образом, проблема одновременной проверки судебного решения и определения (определений), обжалование (опротестование) которого допускается отдельно от решения суда, требует принятия мер на законодательном уровне, а именно подобная возможность должна быть санкционирована напрямую нормами главы 32 ГПК с одновременным решением смежных вопросов (о том, как должно называться процессуальное средство инициирования апелляционного пересмотра, в каком составе суду второй инстанции следует осуществлять проверку обоих видов судебных постановлений, и пр.).

1. Угнивенко И. Некоторые вопросы подготовки к судебному разбирательству дел о защите прав потребителей // Судовы веснік. 2017. № 4. С. 64–69. [Вернуться к статье](#)

2. Скобелев В. П. Проблемные вопросы участия в гражданском процессе третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Бибилло (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2009. Вып. 20. С. 211–234. [Вернуться к статье](#)

3. Скобелев В. П. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, в гражданском процессе: проблемы теории, правового регулирования и правоприменения // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Бибилло (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2010. Вып. 21. С. 108–132. [Вернуться к статье](#)

4. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы : монография / И. Э. Мартыненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. Минск : Колорград, 2020. 300 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.412.2

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. В. Скоробогатый

отдел внутренних дел Жлобинского райисполкома (Беларусь),
оперуполномоченный отдела уголовного розыска
e-mail: aleksandr.skorabagaty@mail.ru

Аннотация. *Сопоставление различных преступлений в сфере торговли людьми необходимо производить по совокупности признаков, относящихся к объективным и субъективным элементам состава преступления, что позволит дать правильную квалификацию преступлений.*

Ключевые слова: *торговля людьми, использование рабского труда, сексуальная эксплуатация, детская порнография.*

Annotation. *Comparison of various crimes in the field of trafficking in persons must be carried out on the basis of a combination of signs, related to the objective and subjective elements of the crime, which will allow to give the correct qualification of crimes.*

Keywords: *human trafficking, slave labor, sexual exploitation, child pornography.*

Развитие информационных технологий, внутренней и внешней миграции придает новые черты проблеме торговли людьми, внешними проявлениями которой часто выступают распространение порнографии, создание интернет-сайтов с предложением интимных услуг, размещение сомнительных объявлений о трудоустройстве, брачных предложений и т. д.

Торговля людьми считается третьей по доходности сферой организованной преступности, особенно в части ее транснациональной составляющей, наряду с торговлей оружием и наркотиками [1, с. 193]. Республика Беларусь является преимущественно страной происхождения жертв торговли людьми, и государством предпринимаются немалые усилия по предотвращению вовлечения своих граждан в данное негативное явление. Являясь также страной транзита, наше государство также испытывает негативные последствия незаконной миграции в другие страны. Это обуславливает актуальность сопоставления характерных черт торговли людьми и иных смежных преступлений.

Ответственность за торговлю людьми и вербовку людей для эксплуатации впервые была введена в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) в 1999 г. Принятые нормы были призваны восполнить образовавшийся законодательный вакуум и дать правоохранительным органам реальный инструмент в сфере противодействия торговле людьми и иным формам эксплуатации человека. Однако с течением времени стало ясно, что требуется внесение

многих изменений в УК в отношении статей, связанных с торговлей людьми, и правильное их разграничение [2]. Законодатель криминализировал незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК). Впервые в законодательстве появилась норма, предусматривающая ответственность за вовлечение в занятие проституцией совершеннолетнего лица (ст. 171¹ УК). В 2008 г. была введена ответственность за использование рабского труда, также ответственность за детскую порнографию.

В настоящее время в УК предусмотрено семь составов преступлений, криминализирующих торговлю людьми и связанные с ней деяния: ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией», ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 181¹ «Использование рабского труда», ст. 182 «Похищение человека», ст. 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», ст. 343¹ «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

Сопоставляя торговлю людьми, связанную с выездом за пределы государства, и организацию незаконной миграции, отметим, что последняя всегда носит транснациональный характер и сопровождается пересечением границы с нарушением установленного порядка. В свою очередь, торговля людьми может осуществляться как на территории одного государства, так и с вывозом за его пределы. Помимо этого, жертва торговли людьми может ввозиться в государство назначения легально.

Еще одно различие будет заключаться в том, что согласие жертвы достигается применением мер воздействия со стороны преступника, в то время как незаконные мигранты очень часто по собственной воле стремятся к выезду в другое государство. Этот аспект важен с точки зрения заинтересованности жертв торговли людьми в даче показаний против торговцев людьми в отличие от незаконных мигрантов, которые такую заинтересованность не проявляют. Вместе с тем организация незаконной миграции зачастую совершается способами, представляющими опасность для жизни или здоровья незаконных мигрантов, например, в результате жестокого или унижающего их достоинство обращения и т. д. Оказание помощи таким лицам является оправданным, а в отношении них по аналогии с торговлей людьми считаем обоснованным использовать термин «жертва незаконной миграции».

Важным признаком, отличающим торговлю людьми от организации незаконной миграции, является наличие цели эксплуатации (трудовой, сексуальной или иной), а также зависимости жертвы от торговца людьми. При организации

незаконной миграции цель эксплуатации отсутствует и отношения между мигрантом и преступником прекращаются после пересечения границы либо получения последним денег; далее свобода мигранта не ограничивается, он не находится более в зависимости от организаторов незаконной миграции. Нелегальные мигранты чаще всего не подвергаются физическому или сексуальному насилию, применяемому в отношении жертв торговли людьми. В случае торговли людьми основным источником дохода преступников и движущим экономическим стимулом является получение дохода, извлекаемого за счет эксплуатации жертв в форме проституции, принудительного труда или иным другим путем, что возможно лишь при условии дальнейшего нахождения жертвы торговли людьми в распоряжении злоумышленника [3, с. 173–174].

До внесения изменений и дополнений в уголовный закон ответственность за вербовку людей для эксплуатации была предусмотрена в ст. 187 УК. В качестве обязательного признака объективной стороны этого преступления выступал способ его совершения — обман. Если учесть, что диспозиция ст. 181 УК (в прежней редакции) включала совершение и некоторых приговорительных действий, направленных на осуществление незаконных сделок в отношении человека, то вербовка лица путем обмана в случае, если виновный в дальнейшем имел намерение совершить куплю-продажу или иную сделку, должна была рассматриваться как торговля людьми. Между тем на практике вербовка лиц, ставших жертвами торговли людьми, в одних случаях квалифицировалась по ст. 187 УК (в прежней редакции), а в других — по ст. 181 УК (в прежней редакции) [2].

В соответствии со ст. 181 УК (в нынешней редакции) вербовка лица для эксплуатации рассматривается как признак объективной стороны единого преступления — торговли людьми, как это и предусмотрено Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющим Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Однако для правоприменительной практики такой признак состава преступления не служит основным отграничивающим критерием при решении вопроса о квалификации деяния как торговли людьми (ст. 181 УК) либо как вовлечения в занятие проституцией либо принуждения к продолжению занятия проституцией (ст. 171¹ УК). Отграничение рассматриваемых составов следует проводить по субъективной стороне, прежде всего по такому ее признаку, как цель. Если будет установлено, что виновный, вовлекая лицо в проституцию, преследует цель в дальнейшем использовать это лицо для сексуальной эксплуатации, его действия следует квалифицировать как торговлю людьми. При отсутствии такой цели должна применяться ст. 171¹ УК [4, с. 378].

Также сексуальная или иная эксплуатация в составах преступлений, предусмотренных ст. 181, 182 УК, является целью совершения иных, предусмотренных диспозициями указанных норм действий, а в ст. 187 УК наличие факта реальной сексуальной или иной эксплуатации незаконно трудоустроенного лица является необходимым элементом состава преступления.

Сексуальная эксплуатация — разновидность эксплуатации вообще. Поэтому при решении вопроса о наличии факта или цели сексуальной эксплуатации необходимо установить, имела ли место собственно эксплуатация зависимого лица в виде незаконного принуждения к оказанию сексуальных услуг либо было использование добровольно осуществляемой деятельности в виде занятия проституцией. В противном случае стирается грань между составами ст. 171 и 181 УК [4, с. 362, 378; 5, с. 179–182].

Наряду с указанными признаками объективной и субъективной стороны сравниваемые составы преступлений различаются и по моменту их окончания. Как было отмечено, вербовка считается оконченным преступлением с момента достижения соглашения с вербуемым лицом, в то время как вовлечение в занятие проституцией является оконченным преступлением с момента совершения указанных действий независимо от того, приступило ли склоняемое лицо к занятию проституцией. Данная позиция закреплена в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой вовлечение считается оконченным преступлением, когда вовлекаемое лицо фактически стало заниматься проституцией. Если же, несмотря на оказанное воздействие, вовлекаемое лицо заниматься проституцией не стал, то действия вовлекающего следует квалифицировать как покушение на вовлечение (ч. 1 ст. 14, ст. 171¹ УК). Аналогичная точка зрения имеет место и у некоторых российских ученых, которые считают состав вовлечения в занятие проституцией материальным. Вменение в вину указанного преступления, по их мнению, предполагает доказывание не только действий по склонению потерпевшего к занятию проституцией, но и наступивших общественно опасных последствий в виде непосредственного занятия проституцией. В связи с этим доказыванию подлежат как минимум два факта вступления потерпевшего в половой контакт, не основанный на личной симпатии, за вознаграждение. Тем не менее, несмотря на различные точки зрения, правильнее было бы исходить из того, что вовлечение в занятие проституцией признается оконченным преступлением независимо от того, начало ли лицо заниматься проституцией или нет [6, с. 113–114].

При решении вопроса о разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 171 и 171¹ УК, следует исходить из следующего. Статья 171 УК

предусматривает ответственность за использование занятия проституцией (предполагается, что лицо уже занимается проституцией добровольно и виновный только использует эту деятельность другого лица в своих целях, в том числе и корыстных). Статья 171¹ УК предусматривает наказание за вовлечение в занятие проституцией лица, ранее не занимавшегося проституцией либо прекратившего такое занятие, а равно принуждение к занятию проституцией лица, намеревающегося прекратить такое занятие. Таким образом, одним из критериев разграничения указанных составов преступлений является отношение лица (потерпевшего — вовлекаемого или принуждаемого, а также свидетеля, чье добровольное занятие проституцией используется другими лицами) к самому виду деятельности — занятию проституцией. Кроме того, следует иметь в виду, что вовлечение в занятие проституцией или принуждение к занятию ею не всегда с неизбежностью сопряжено с использованием этим же вовлекающим или принуждающим занятию проституцией другим лицом. Использовать могут и иные лица [4, с. 362–363].

В то же время действия лица, вовлекшего кого-либо в занятие проституцией (либо принудившее к продолжению занятия ею), а затем ставшего использовать это занятие тем же лицом в своих интересах (не обязательно в корыстных), образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 171¹ и 171 УК, поскольку каждое из деяний должно получить самостоятельную юридическую оценку. Причем последующие действия по использованию занятия проституцией будут являться квалифицированным составом, предусмотренным ч. 2 ст. 171 УК, по признаку ранее совершенного преступления, предусмотренного ст. 171 УК [4, с. 362–363].

Таким образом, сопоставление схожих по характеру общественной опасности преступлений в сфере торговли людьми производится по совокупности признаков (цель, мотив, наличие зависимого положения потерпевшего, его отношение к действиям, в которые его вовлекает виновное лицо), относящихся к объективным и субъективным элементам состава преступления. Их правильная оценка позволит исключить ошибки в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений.

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / Н. И. Ретнева [и др.] ; под общ.ред. В. А. Ананича ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств — участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). Минск : Акад. МВД, 2017. 385 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ретнева Н. И., Козелецкий И. В. Новеллы уголовного закона и эффективность противодействия торговле людьми в Республике Беларусь: постановка проблемы // Право.by. 2016. № 2. С. 64–68. [Вернуться к статье](#)

3. Харевич Д. Л. Некоторые криминологические аспекты отграничения торговли людьми от организации незаконной миграции // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26 мая 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2017. С. 171–174. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 1000 с. [Вернуться к статье](#)

5. Харевич Д. Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. 2018. № 5. С. 179–184. [Вернуться к статье](#)

6. Ретнева Н. И. Вербовка в целях сексуальной эксплуатации и вовлечение в занятие проституцией: проблемы квалификации и отграничения // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2009. № 1. С. 112–115. [Вернуться к статье](#)

УДК 349

**СУБЪЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ****В. П. Сухопаров**

Белорусский государственный университет,
аспирант кафедры конституционного права
e-mail: viktar19sv@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся положения о составе участников информационных правоотношений в сети Интернет. Особое внимание уделяется характеристике хостинг-провайдеров в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Выявляется проблема юридической ответственности поставщиков интернет-услуг за содержание размещаемой в сети Интернет информации. Автором делается вывод о влиянии норм действующего законодательства на виды и количество субъектов информационных правоотношений в сети Интернет.

Ключевые слова: информационные правоотношения, сеть Интернет, хостинг-провайдер, интернет-провайдер, поставщик интернет-услуг, размещение информации.

Annotation. The article provides provisions on types of participants of information legal relations on the Internet. The main attention is paid to the characteristics of hosting-providers in accordance with the legislation of the Republic of Belarus. The problem of legal responsibility of Internet service providers for the content of information posted on the Internet is revealed. As a result, the author concludes that the norms of current legislation influence on types and quantity of participants of information legal relations on the Internet.

Keywords: information legal relations, Internet, hosting-provider, Internet-provider, Internet service provider, placement of information.

Информационные технологии и их развитие обуславливают актуальность целого ряда связанных с ними юридических вопросов. Проблематика видов, правового статуса и юридической ответственности субъектов информационных правоотношений в сети Интернет не является исключением.

В ст. 3 модельного закона СНГ «Об основах регулирования Интернета» (новая редакция), принятого согласно постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 25 ноября 2016 г. № 45-12, перечисляются следующие субъекты отношений, связанных с использованием Интернета: государство в лице его органов власти; пользователи Интернета; операторы услуг Интернета; общественные организации, участвующие в процессе регулирования Интернета.

Российский ученый-юрист В. В. Архипов пишет, что «в качестве субъектов правоотношений в сети Интернет могут рассматриваться любые субъекты

права» [1, с. 161]. В системе субъектов правоотношений в сети Интернет ученый выделяет пользователей, владельцев сайтов, информационных посредников, провайдеров хостингов, интернет-провайдеров, регистратора доменных имен, организаторов распространения информации, блогеров, операторов поисковых систем, государственные органы [1, с. 149–156].

Белорусский ученый-юрист Н. А. Саванович выделяет следующих субъектов взаимодействия при размещении информации с использованием сети Интернет: лица, предоставляющие доступ к сети Интернет (интернет-провайдеры); лица, обеспечивающие размещение и (или) хранение информации на сайте (хостинг-провайдеры); владельцы интернет-ресурсов; владельцы составных частей интернет-ресурсов; операторы поисковых систем. При этом Н. А. Саванович подчеркивает, что «далеко не такие субъекты отдельно выделяются в отечественном законодательстве, что может затруднять правовую оценку их действий» [2].

Исходя из приведенных категорий субъектов правоотношений в сети Интернет, наблюдается разграничение таких субъектов, как интернет-провайдеры и хостинг-провайдеры. Однако, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее — Указ № 60), рассматриваемые субъекты объединены в одну категорию — «поставщик интернет-услуг». Такой вывод следует, исходя из определения интернет-услуг, предусмотренного в Указе № 60. Под интернет-услугами понимаются услуги по обеспечению доступа юридических лиц и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, к сети Интернет и (или) размещению в данной сети информации, ее передаче, хранению, модификации.

Согласно положениям публичных договоров возмездного оказания услуг хостинга, подготовленных некоторыми белорусскими хостинг-компаниями, услугами хостинга являются услуги по размещению (хранению) на информационно-технических ресурсах хостинг-компании веб-страниц и иных данных, предоставляемых заказчиком в цифровом виде [3; 4]. Следовательно, в Республике Беларусь хостинг-компании осуществляют деятельность, которая соответствует определенной в Указе № 60 деятельности по оказанию интернет-услуг поставщиками интернет-услуг. Также отметим, что, согласно данным из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, деятельность ряда хостинг-компаний в Республике Беларусь именуется как «обработка данных, предоставление услуг по размещению информации и связанная с этим деятельность» (код вида деятельности по ОКЭД 63110) [5].

Помимо белорусского законодательного подхода к объединению интернет-провайдеров и хостинг-провайдеров в одной правовой категории («поставщик интернет-услуг»), В. В. Архипов также обращает внимание на то, что «провайдер хостинга зачастую обеспечивает и предоставление доступа в Интернет» [1, с. 152]. Так, деятельность рассматриваемых субъектов правоотношений в сети Интернет является в достаточной степени взаимосвязанной.

Правовой статус поставщиков интернет-услуг предусмотрен в п. 6 Указа № 60 и состоит преимущественно из обязанностей. Поставщики интернет-услуг обязаны осуществлять идентификацию абонентских устройств, учет и хранение сведений об абонентских устройствах; устранять различные виды неправомерных воздействий, о наличии которых поставщику интернет-услуг стало известно, заведомо приводящих к нарушению конфиденциальности, целостности, подлинности, доступности, сохранности информации, направленных на пользователей интернет-услуг и (или) исходящих от них; выполнять иные требования законодательства.

Как видим, одна из обязанностей поставщика интернет-услуг связана с принятием им мер в отношении неправомерных воздействий, способных повлечь нарушения в части конфиденциальности, подлинности и других свойств информации пользователей интернет-услуг или информации в отношении них. Полагаем, что поставщик интернет-услуг (а именно хостинг-провайдер) может также содействовать недопущению распространения запрещенной в соответствии с законодательными актами информации в сети Интернет в рамках обеспечения размещения (хранения) информации на своих информационно-технических ресурсах. С нашей точки зрения, в целях развития способов защиты национального сегмента сети Интернет от распространения в его пределах вредоносной, запрещенной в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь информации необходимо дополнить перечень обязанностей хостинг-провайдеров (поставщиков интернет-услуг) обязанностью по недопущению размещения в сети Интернет информации, распространение которой на интернет-ресурсах запрещено в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, в случае, если о наличии такой информации на информационно-технических ресурсах хостинг-провайдеру (поставщику интернет-услуг) стало известно. Предлагаемая нами обязанность закономерно следует, исходя из деятельности хостинг-провайдеров, которая связана с размещением, хранением, передачей в сети Интернет информации, предоставляемой владельцами соответствующих информационных систем и интернет-ресурсов.

Наряду с предлагаемой обязанностью возникает вопрос о юридической ответственности хостинг-провайдеров (поставщиков интернет-услуг) в случае

размещения на их информационно-технических ресурсах вредоносной информации, распространяемой в сети Интернет.

Н. А. Саванович отмечает, что «в отличие от Закона об информации в Указе № 60 предпринята попытка определить подходы к ответственности поставщиков интернет-услуг и лиц, непосредственно размещающих информацию в сети Интернет» [2]. В п. 12 Указа № 60 предусмотрена ответственность за содержание информации, размещаемой (передаваемой) в национальном сегменте сети Интернет, однако в качестве ее субъектов установлены лица, разместившие (передавшие) эту информацию, и владельцы информационных ресурсов, размещенных в сети Интернет. В данной норме поставщики интернет-услуг не указаны в качестве субъекта юридической ответственности за содержание информации, размещаемой в Интернете. Хотя используемая формулировка одного из субъектов рассматриваемой ответственности как «лица, разместившего (передавшего) информацию» содействует неоднозначности его трактовки. С одной стороны, в качестве такого субъекта может пониматься хостинг-провайдер, который разместил (передал) в сеть информацию, предоставленную владельцем информационного ресурса сети Интернет, с другой — интернет-пользователь, разместивший вредоносную информацию в пределах информационного ресурса сети Интернет, принадлежащего его владельцу. С нашей точки зрения, неоднозначность трактовки «лица, разместившего (передавшего) информацию», как субъекта ответственности за содержание информации также обусловлена отсутствием в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон об информации) определения понятия «передача информации».

В юридической литературе встречается позиция, согласно которой «хостинг-провайдеры должны нести солидарную ответственность за размещение незаконной информации на их серверах третьими лицами, арендующими указанное дисковое пространство» [6, с. 21]. Вместе с этим ученые формулируют ряд оговорок, которые исключают применение данного подхода [6, с. 20–21].

Полагаем, что вопрос о возложении юридической ответственности на хостинг-провайдеров за содержание информации, предоставляемой им владельцами соответствующих информационных ресурсов, является достаточно дискуссионным. Поскольку хостинг-провайдеры могут обеспечивать размещение в сети Интернет достаточно объемных банков и баз данных, совокупностей взаимосвязанной информации, составляющих информационные системы и ресурсы, «проследить» за надлежащим и правомерным содержанием размещаемой хостинг-провайдером информации представляется весьма проблематичным. По этой причине считаем достаточным установить лишь обязанность хостинг-провайдера (поставщика интернет-услуг) по недопущению размещения

вредоносной информации в сети Интернет в случае, если о наличии такой информации на информационно-технических ресурсах хостинг-провайдеру стало известно.

В законодательстве Республики Беларусь субъекты информационных правоотношений в сети Интернет определены также в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (владелец интернет-ресурса, владелец сетевого издания), в Законе об информации (собственник информационных ресурсов, пользователь информационной сети, информационный посредник и др.), в Инструкции о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утвержденной приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18 июня 2010 г. № 47 «О регистрации доменных имен в национальной доменной зоне» (регистратор доменных имен, администратор национальной доменной зоны, владелец доменного имени и др.). Правовые статусы перечисленных субъектов предусмотрены в указанных нормативных правовых актах.

Таким образом, на перечень субъектов информационных правоотношений в сети Интернет оказывают влияние не только информационно-технологические и технические стороны глобальной компьютерной сети, но и действующее законодательство. Исходя из этого, наименования и количество категорий субъектов правоотношений в сети Интернет могут отличаться в юридической литературе в зависимости от национального законодательства. Помимо этого, на перечень субъектов информационных правоотношений в сети Интернет закономерно оказывает влияние развитие соответствующих общественных отношений, обусловленных, например, появлением новых видов деятельности, которые позволяет осуществлять сеть Интернет (имеется в виду деятельность блогеров).

В Республике Беларусь такие субъекты правоотношений в сети Интернет, как интернет-провайдеры и хостинг-провайдеры, объединены в единую категорию «поставщик интернет-услуг». В настоящей статье нами предлагается дополнить правовой статус поставщика интернет-услуг, установленный Указом № 60, обязанностью по недопущению размещения в сети Интернет информации, распространение которой на интернет-ресурсах запрещено в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, в случае, если о наличии такой информации на информационно-технических ресурсах поставщику интернет-услуг стало известно. На наш взгляд, установление данной обязанности будет, в частности, содействовать обеспечению информационной безопасности в национальном сегменте сети Интернет.

В связи с развитием информационного права как науки, учебной дисциплины и отрасли права и одновременным развитием концепции интернет-права

в юридической литературе и источниках права могут встречаться различные вариации категории «субъект правоотношения в сети Интернет». С нашей точки зрения, такую комплексную правовую категорию, как «субъекты информационных правоотношений в сети Интернет», составляют субъекты тех правоотношений, реализуемых посредством сети Интернет, в структуре которых сохраняется тесная связь с объектами информационно-правового регулирования.

-
1. Архипов В. В. Интернет-право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2016. 249 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Саванович Н.А. Ответственность владельца интернет-ресурса за информацию, размещенную третьими лицами [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Пех». [Вернуться к статье](#)
 3. Публичный договор на оказание услуг хостинга [Электронный ресурс]. URL: https://support.by/about/contacts/public_agreement/ (дата обращения: 25.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 4. Публичный договор возмездного оказания услуг хостинга [Электронный ресурс]. URL: <https://hosty.by/dogovor-ur-lic> (дата обращения: 25.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 5. Поиск юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в базе данных Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] // Единый гос. регистр юрид. лиц и индивидуальных предпринимателей. URL: <https://egr.gov.by/egrn/index.jsp?content=Find> (дата обращения: 25.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 6. Социальные интернет-сети: правовые аспекты / С. А. Перчаткина [и др.] // Журн. рос. права. 2012. № 5. С. 14–24. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.92

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА****Д. В. Ткачева**

Белорусский государственный экономический университет,
аспирант международного экономического права
e-mail: tkachevadeena@yandex.by

Аннотация. Статья посвящена вопросам определения сущности понятия административного процесса в рамках историко-правового анализа. В основной части статьи рассматриваются понятие и структура административного процесса как вида государственно-управленческой деятельности. Рассмотрены точки зрения различных авторов, касающиеся понятия и особенностей административного процесса. Исследуется процесс формирования административного законодательства в Республике Беларусь, подходы, определяющие пути реформирования административно-процессуальных правовых норм.

Ключевые слова: административный процесс, административные дела; правонарушения, административное принуждение, административное взыскание.

Annotation. The article is devoted to the issues of determining the essence of the concept of the administrative process within the framework of historical and legal analysis. The main part of the article considers the concept and structure of the administrative process as a type of state-management activity. The views of various authors relating to the concepts and features of the administrative process are considered. The process of formation of administrative legislation in the Republic of Belarus approaches that determine the ways of reforming the administrative and procedural legal norms are investigated.

Keywords: administrative process, administrative cases, offense, administrative coercion, administrative penalty.

Проблема определения понятия административного процесса характеризуется неоднозначным доктринальным определением. Административный процесс можно рассматривать как отдельную юридическую категорию. Понятие административного процесса сформировалось сравнительно недавно. Однако среди ученых нет единства взглядов относительно административного процесса.

Важную роль в борьбе с правонарушениями играет административно-деликтный процесс — производство по делам об административных правонарушениях.

Вопрос о понятии и сущности административного процесса в административно-правовой литературе является одним из самых дискуссионных.

Существуют различные точки зрения относительно границ и объема административного процесса [1, с. 20].

При реализации полномочий исполнительные органы (должностные лица) осуществляют государственно-управленческую деятельность, то есть процесс.

В традиционном юридическом смысле понятие «процесс», как правило, отождествляется с деятельностью судебных органов по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских, трудовых, административных дел. Однако в таком понимании процесс сводится лишь к правоохранительной деятельности, составляющей главное содержание функций правосудия. При рассмотрении подобных дел суд реагирует на отклонения от требований материального права, т. е. осуществляет судебную юрисдикцию, применяя санкции соответствующих правовых норм.

Государственно-управленческая деятельность в основном сориентирована на решение задач позитивного характера. Юрисдикция не является определяющим ее содержание признаком, а сама она не совпадает с судебнопроцессуальной деятельностью. Эти ее качества придают административному процессу своеобразную форму [2, с. 43].

С юридической точки зрения процесс имеет своим назначением реализацию норм материального права. Тогда деятельность по реализации материальных административно-правовых норм можно рассматривать в качестве административного процесса. Таким образом, административный процесс обеспечивает применение норм административного права в сфере государственного управления в целях достижения определенных юридических результатов (последствий), предполагаемых диспозицией нормы. Иными словами, административный процесс обеспечивает соблюдение соответствующих правил поведения, т. е. правоприменение, а занимаются этим субъекты исполнительной власти. Но надо помнить, что в равной мере субъекты исполнительной власти реализуют и санкции материальных административно-правовых норм.

Осуществляя государственно-управленческую деятельность, соответствующие исполнительные органы (должностные лица) совершают административно-процессуальные действия правоприменительного и правоохранительного характера, т. е. реализуют диспозиции и санкции административно-правовых норм [3]. Таким образом, два направления, по которым административный процесс воплощается в повседневной государственно-управленческой деятельности. Эти обстоятельства породили двойкий подход к характеристике процессуальной деятельности исполнительных органов (должностных лиц), обозначаемой в качестве административного процесса.

Теоретические разработки его важнейших аспектов начались примерно в 60-х годах XX в. Так, например, Н. Г. Салищева определяла процесс как деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административно-правовых отношений, а также по применению мер административного принуждения. Суть данного подхода заключается в том, что под административным процессом предлагается понимать только деятельность по применению мер административного принуждения. Исходя из указанной позиции, дается определение административного процесса: административный процесс — урегулированная административно-процессуальными нормами деятельность по разрешению конкретных дел в сфере государственного управления должностными лицами. По мнению В. Н. Протасова, административный процесс представляет собой процессуальную процедуру, в рамках которой реализуется охранительное правоотношение. Регулятивное же правоотношение, с точки зрения В. Н. Протасова, осуществляется не в форме юридического процесса, а в форме так называемой материальной процедуры. При этом автор не формулирует четкого понятия юридической процедуры, но лишь констатирует ее признаки. Как единый процесс, включающий два вида административно-процессуальной деятельности — административно-процедурную и административно-юрисдикционную, рассматривают административный процесс.

Второй подход к определению административного процесса состоит в том, что административный процесс возникает при применении регулятивных норм материального права и имеет управленческий характер. Необходимо обратить внимание, что при втором подходе административный процесс включает в себя всевозможные управленческие действия, реализуемые для осуществления функций. Таким образом, административный процесс — это процесс исполнительной деятельности органов государственного управления. Сторонником второго подхода к определению понятия административного процесса является В. М. Горшенёв и его единомышленники.

Как единый процесс, включающий два вида административно-процессуальной деятельности — административно-процедурную и административно-юрисдикционную, рассматривают административный процесс Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров. В отличие от приведенной выше точки зрения производство по принятию правовых актов управления авторы относят к одному из видов административно-процедурных производств. Производство по делам об административных правонарушениях они определяют как вид административно-юрисдикционного производства [4, с. 175–182]. А. В. Кирин рассматривает административно-деликтный процесс как самостоятельный, единственно реально сложившийся и законодательно оформленный вид административного процесса и как составную часть административно-деликтного

права [5, с. 10]. В. А. Круглов полагает, что административным процессом является установленный ПИКоАП порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении. Он указывает, что законодателем административный процесс отождествлен с понятием производства по делам об административных правонарушениях [6]. Некоторые белорусские ученые-административисты полагают, что административно-деликтный процесс входит в систему административного права наряду с административным (управленческим) правом и административно-деликтным правом, если под административно-деликтным процессом считать не только ту процессуальную деятельность, которую ПИКоАП определяет как административный процесс, но и деятельность по исполнению административных взысканий [7, с. 5]. И с этим нельзя не согласиться.

Административный процесс предназначен для того, чтобы обеспечить применение материальных правовых норм в сфере государственного управления в целях достижения определенных юридических результатов, предполагаемых диспозицией нормы, то есть соответствующими правилами должного поведения. Административный процесс рассматривается как сложное социально-правовое явление и вид социальной деятельности, а значит, выражен двояко. С одной стороны, как элемент социального управления он включен в механизмы реализации исполнительной и судебной власти. С другой стороны, административный процесс выступает в качестве вида юридического процесса и имеет характерные юридические признаки. Установление связей административного процесса с этими двумя родовыми системами позволяет составить представление о его особенностях. Административный процесс имеет ярко выраженную управленческую процедуру, производную от исполнительно-распорядительной деятельности органов публичного управления. Властный характер управления предопределяет характеристику административного процесса как юридической формы реализации исполнительной власти. Содержанием административного процесса является процедурно-процессуальная деятельность его участников по реализации материально-правовых административных норм и процессуально-правовых норм, регламентирующих порядок применения первых. Эта деятельность прямо не связана с отношениями управленческого (служебного) подчинения, однако носит государственно-властный характер. Должностные лица выносят постановления о применении мер административного принуждения. Они являются обязательными для исполнения государственными и общественными органами, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами. Некоторые постановления о применении мер административного принуждения (штрафа, административного выселения из самовольно занятого жилого помещения) исполняются принудительно судебными

приставами-исполнителями, состоящими при органах юстиции. При осуществлении этой деятельности выявляются и фиксируются факты совершения административных правонарушений, производится разбирательство по ним (собственно правоприменение), исполняются постановления о наложении административных взысканий и разрешаются вопросы, связанные с их исполнением. Содержание административного процесса состоит в совершении его участниками действий, регламентированных административно-процессуальными нормами, которые обеспечивают реализацию соответствующих прав и обязанностей. Широкое понимание административного процесса соответствует современным тенденциям законодательной деятельности и правотворчества органов исполнительной власти. В настоящее время принято множество нормативных актов, устанавливающих порядок осуществления управленческой деятельности в различных сферах и областях управления и административного судопроизводства, которые гарантируют эффективное применение норм административного права, результативность управленческой деятельности и правовую защиту граждан от неправомерных действий и бездействия со стороны органов управления и их служащих. Разумеется, все формы и методы управленческого процесса невозможно установить правовым путем, но правовое государство обязано к этому стремиться.

Таким образом, особенностью административного процесса является то, что он обеспечивает процедуру реализации регулятивных и охранительных норм права. При этом административный процесс носит различный характер, предоставляя в зависимости от реализуемой нормы права одному и тому же субъекту различные полномочия. Административный процесс — это многогранный и многовекторный правовой феномен.

1. Старилов Ю. Н. Служебное право : учебник. М. : БЕК, 1996. 698 с. [Вернуться к статье](#)

2. Административное право / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. Минск : Амалфея, 2013. 416 с. [Вернуться к статье](#)

3. Стрельников В. В. Особенности административно-правового статуса органов российской прокуратуры // Административ. право и процесс. 2011. № 5. С. 36–39. [Вернуться к статье](#)

4. Шергин А. П. Размышления об административно-деликтном праве // Актуальные проблемы рос. права. 2017. № 5. С. 175–182. [Вернуться к статье](#)

5. Крамник А. Н. Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для студентов вузов. Минск : Тесей, 2004. 288 с. [Вернуться к статье](#)

6. Самбор Н. А. Место административно-деликтного права в системе права и отрасли административного права // Юрид. наука. 2014. № 3. С. 97–102. [Вернуться к статье](#)

7. Кирин А. В. Теория административно-деликтного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 2012. 58 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.5

**ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ****Е. А. Шастайло**

Октябрьский РОВД г. Гродно (Беларусь),
оперуполномоченный отдела по борьбе с экономическими преступлениями
e-mail: e.shastailo@yandex.by

Аннотация. В статье описано восприятие института провокации научным сообществом и правовой системой ФРГ, проведено сравнение норм, изучены тенденции к дальнейшему развитию правовых норм.

Ключевые слова: провокация, правовая система, подстрекательство, полиция, правоприменение.

Annotation. The article gives the perception of provocation law institute by scientific community and legal system of the Federal Republic of Germany, exploring the trends of further development of legal norms.

Keywords: provocation, legal system, instigation, police, law enforcement.

Степень разработанности в научных трудах и правовой практике понятия «провокация преступления» позволяет утвердить его в качестве полноценного правового института. В Федеративной Республике Германия (далее — ФРГ) сравнительная открытость для широких кругов особенностей и методов досудебного расследования преступлений позволила путем научных и общественных дискуссий вывести основные тенденции в оценке использования полицией данного способа.

Современная правовая система ФРГ сформировалась в результате длительного развития, на которое повлияло множество политических, экономических, социальных факторов. Самуэль Фрайгерр фон Пуфендорф (1632–1694) и Христиан Томазий (1655–1728) заложили в Германии моральные основы нового уголовного права под влиянием Просвещения. С. Ф. Пуфендорф был основателем новой доктрины уголовного права, основанной на принципе вины. Предпосылкой для назначения наказания являлось свободное волеизъявление человека, т. е. последний может быть привлечен к ответственности за свои действия в качестве исполнителя только в том случае, если он совершил их умышленно и осознанно. Если исполнитель не был свободен в принятии своего решения, то это деяние не может быть приписано ему. По мнению С. Ф. Пуфендорфа, действия, совершенные при необходимой обороне и крайней необходимости, не подлежат наказанию. В условиях крайней необходимости обязательная сила законов вовсе заканчивается [1].

Вопросы умысла и вины (а рассматриваемое понятие непосредственно пересекается с ними) фундаментальны для немецкого уголовного законодательства. Белорусская и немецкая правовые системы относятся к одной, романо-германской правовой семье [2], а «классическая» школа формально-психологической концепции вины, получившая распространение в Германии, была воспринята отечественной юридической мыслью и реализована в конкретных нормативно-правовых актах. При разрешении вопроса о вине немецкий правоприменитель задается только вопросом о том, является ли поведение лица социально опасным и была ли возможность отказаться от такого поведения, представленная общественно одобряемой моделью поведения [3]. Однако, при рассмотрении института провокации преобладающим является мнение о том, что с субъективной точки зрения умысел провокатора отсутствует ввиду осведомленности о реальном характере его действий и о том, что они, осуществляемые под контролем со стороны правоохранительных органов, не способны нанести вред общественным отношениям, тогда как провоцируемому преступнику не известно вышеперечисленное, а его действия преследуют цели и мотивы реального преступления [4].

Спектр трактовок понятия «провокация» в правоохранительной деятельности ФРГ широк. В первую очередь оно понимается через термин «провокатор», т. е. лицо, негласно сотрудничающее с полицией, целью деятельности которого является изобличение лица путем целенаправленного управления его поведением, при котором провоцируемое лицо совершает уголовно наказуемое деяние [5, с. 205]. Однако, в соответствии с нормами Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), использование провокатора представляет собой тяжкое нарушение принципа справедливого процесса. По мнению экспертов ЕСПЧ, в случае отсутствия доводов в пользу того, что, если бы не вмешательство, преступление было бы совершено (к примеру, судимость лица), данное вмешательство и использование его в последующем уголовном процессе означают, что заявитель был лишен права на справедливое судебное разбирательство [6]. Однако, несомненно приняв во внимание данные положения, судебная и правоохранительная практика Германии руководствуется также мнением ученых, приводящих аргументы о допустимости близких к провокационным действиям в случае невозможности иными способами изобличить скрытую и тщательно замаскированную преступную деятельность лица, а потому каждый случай, схожий с провокацией, оценивается отдельно, в контексте конкретных ситуаций и на основании толкования принципов права. Федеральный Конституционный суд Германии занял компромиссную позицию, в своих решениях разграничивая провокацию на допустимую и недопустимую, а последнюю — на простую недопустимую и провокацию, представляющую собой крайнюю

степень нарушения принципа правового государства, а в основу дифференциации легла необходимость соблюдения гарантий Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [7].

К настоящему времени сформированы тенденции, выведенные исследователями при рассмотрении данного института, которые предполагают разрешение следующих вопросов: правомерность либо неправомерность тех или иных действий, оцениваемых в контексте провокации; процессуальные последствия провокации для расследователя и наказуемость провокатора, допустимость участия (соучастия) провокатора в преступной деятельности; последствия для лица, обвиняемого вследствие использования провокации [4].

Как правило, за совершение провокационных действий провокатор ответственности не несет, поскольку считается, что он стремится не к конечному результату преступления, а лишь к попытке его совершения с целью предотвращения более опасных последствий. Привлечение либо освобождение от уголовной ответственности провокатора осуществляется по решению суда [8]. Но с учетом отсутствия в ФРГ полного запрета на обсуждение вопросов использования негласных сотрудников научная общественность и правоприменители в лице судей хорошо осведомлены о сущности и основных особенностях данной работы, а потому осознают, что перед провокаторами стоит необходимость участия в незаконной деятельности в целях обеспечения должного доверия со стороны подозреваемого, обязательного при выполнении задания [9]. И если Уголовный кодекс Республики Беларусь в статье 38 прямо допускает легальную возможность совершения вынужденного преступления лицом, действовавшим с другими его участниками, однако выполнявшим специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления [10], то мнения немецких ученых-правоведов расходятся уже в вопросе применения того или иного института права. Встречается позиция, обосновывающая применение в данных ситуациях норм Уголовного уложения ФРГ, регламентирующих крайнюю необходимость. Следует отметить, что в данном нормативном правовом акте этот институт достаточно развит и предполагает как извиняющую крайнюю необходимость, исключаящую виновность деяния, так и оправдывающую крайнюю необходимость, исключаящую противоправность деяния: «В соответствии с этой нормой, тот, кто в состоянии наличной, другим способом не устранимой опасности для жизни, физической целостности, свободы, чести, собственности или другого правового блага совершает деяние с целью отвратить эту опасность от себя или другого лица, действует не противоправно, если при взвешивании противостоящих друг другу интересов, в частности, затронутых правовых благ и степени грозящей им опасности, защищенный интерес является в значительной мере более весомым, чем интерес, которому

наносится ущерб. Однако это положение имеет действие только в том случае, если деяние представляет собой соразмерное средство для устранения опасности» [11]. Налицо принцип целесообразности, свойственный также нормам, регламентирующим применение оружия как в Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел», так и аналогичным местным и федеральным нормативным правовым актам Германии [12]. И как в сравниваемых нормах, принцип целесообразности при использовании провокации предполагает действия, исходящие из складывающейся обстановки, соразмерные пресекаемому преступлению и лишь в при невозможности либо нецелесообразности использования иных методов [4].

С точки зрения обвиняемого, немецкий суд проявляет гибкость в применении норм права. Провокация со стороны правоохранительных органов рассматривается как смягчающее обстоятельство. Допустимыми считаются те действия, которые имеют цель уличить уже подозреваемых в совершении преступления лиц, то есть имеются обоснованные предположения, что лицо и без провокации совершит преступление. Доказательства, полученные с использованием провокатора, оцениваются и непосредственно воздействуют на конечный приговор. Спровоцированного преступника в Германии не привлекают к уголовной ответственности лишь в случае многократных уговоров, длительного и интенсивного воздействия со стороны провокатора, то есть когда он начинает играть идейно-вдохновительную роль в преступлении, роль подстрекателя, т. е. при наличии оснований, в соответствии с которыми провокация будет признана крайней степенью нарушения принципов правового государства. Впрочем, в рамках уголовного процесса подобное воздействие и его пределы труднодоказуемы, что подкрепляется отсутствием четких критериев степени влияния [8].

Таким образом, в отношении провокации преступления проявляется двойственность, связанная, с одной стороны, с необходимостью в точном и беспрекословном следовании принципам права, закрепленным в существующем немецком законодательстве, а с другой — с объективной потребностью общества и государства в решении задач борьбы с преступностью. Поиск баланса и золотой середины продолжается, и стоит отметить, что, несмотря на различия в реализации конкретных нормативных правовых актов, общий подход законодателя и правоприменителя Республики Беларусь и ФРГ схож в силу единства правовых принципов.

1. Хелльманн У., Сатолин В. Н. История немецкого Уголовного уложения // Журнал Бел. гос. ун-та. Право. 2019. № 2. С. 118–124. [Вернуться к статье](#)

2. Сухопаров, В. П. Генезисные начала романо-германской правовой семьи (формально-правовой базис) [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. С. 110–115. [Вернуться к статье](#)

3. Якоби Г. С. Проблемы определения виновности в немецком уголовном праве (на примере преступлений коррупционной направленности) // Журнал зарубеж. законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 148–152. [Вернуться к статье](#)

4. Харевич Д. Л., Шабанов В. Б. Провокация преступления в ФРГ: проблемы теории и практики // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 3. С. 53–60. [Вернуться к статье](#)

5. Харевич Д. Л. Негласное расследование в Германии. Минск : Акад. МВД, 2010. 287 с. [Вернуться к статье](#)

6. Национальная безопасность и практика Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс] // Европейский Суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_national_security_RUS.pdf (дата обращения: 10.12.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Гаранжа А. Ю. Провокация преступления правоохранительными органами и ее виды в практике Конституционного суда Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] // Научный проект Института инновационных технологий. URL: <https://evansys.com/articles/yurisprudentsiya-ot-voprosov-k-resheniyam-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauchno-sektsiya-7-ugolovnyy-protsess-kriminalistika-operativno-rozysknaya-deyatelnost/provokatsiya-prestupleniya-pravookhranitelny-mi-organami-i-ee-vidy-v-praktike-konstitutsionnogo-suda/> (дата обращения: 11.12.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Авунц А. Р. Уголовно-правовое значение провокации преступления в праве зарубежных // Пробелы в рос. законодательстве. 2012. № 3. С. 291–293. [Вернуться к статье](#)

9. Meyer N. Verdeckte Ermittlung [Elektronishes Ressource] // Krimpedia. Hamburg : Universität Hamburg, Institut für Kriminologische Sozialforschung, 2005. URL: <http://www.kriminologie.uni-hamburg.de/wikka.php?wakka=VerdeckteErmittlung> (Aufrufdatum: 31.11.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

11. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона [Электронный ресурс]. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lsh-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 09.12.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. Калинин А. С. Тактические и психологические особенности подготовки к применению огнестрельного оружия сотрудников полиции земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия) // Вестн. Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 84–86. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ
ОТ ЗАЯВИТЕЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОВЕРКИ О ХИЩЕНИЯХ
В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ****Д. И. Шнейдерова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: galuzodi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности получения объяснений от заявителя по материалам проверки о различных видах хищений в сфере оборота криптовалют, содержание и полнота которых оказывают влияние на выбор дальнейших проверочных действий. Автором обращается внимание на содержание полученных объяснений в зависимости от специфики вида хищения, а также статуса криптовалют в механизме его совершения.

Ключевые слова: криптовалюта, хищение, вымогательство, мошенничество, модификация информации, материал проверки, объяснение.

Annotation. The article discusses the features of obtaining explanations from the applicant based on the materials of the audit about various types of theft in the sphere of cryptocurrency turnover, the content and completeness of which influence the choice of further verification actions. The author draws attention to the content of the explanations received, depending on the specifics of the type of theft, as well as the status of cryptocurrencies in the mechanism of its commission.

Keywords: cryptocurrency, theft, extortion, fraud, information modification, verification material, explanation.

Эпоха активного развития информационных технологий ознаменовалась для правоохранительных органов Республики Беларусь становлением новых видов киберпреступлений, среди которых можно выделить значительно увеличившийся сектор корыстных преступлений, совершаемых с использованием компьютерного программного обеспечения и сети Интернет. Там, малоисследованным с точки зрения частных криминалистических методик расследования хищений и киберпреступлений видится такой продукт цифровой индустрии, как криптовалюты, которые за счет приобретенного на территории Беларуси имущественного статуса могут выступать как в роли средства совершения и сокрытия преступления, так и в роли предмета преступного посягательства. Анализ возбужденных уголовных дел о хищениях в сфере оборота криптовалют показал, что криптовалюты выступают предметом преступления в таких составах, как вымогательство, мошенничество и хищение путем модификации компьютерной информации, средством — в некоторых видах мошенничества,

где предметом преступного посягательства будут являться безналичные денежные средства или электронные деньги.

Следует отметить, что для хищений в сфере оборота криптовалют характерен заявительный принцип возбуждения уголовных дел, то есть поводом выступает письменное или устное заявление лица, которому хищением причинен имущественный вред. В связи с этим первичные сведения, получаемые от заявителя в ходе дачи им объяснений после регистрации заявления, имеют ключевое значение для определения направлений проведения дальнейшей проверки поступившей информации в целях отыскания оснований, которые могут быть положены в решение о возбуждении уголовного дела.

Получение объяснений заявителя как тактический процесс включает в себя три последовательных этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. В рамках подготовительного этапа сотруднику правоохранительных органов, проводящему опрос, надлежит выяснить личные данные заявителя, а также его отношение как участника процесса к совершенному хищению, то есть совершено хищение в отношении самого заявителя (при возбуждении уголовного дела признается потерпевшим) или в отношении иного лица (в последующем — свидетель, что для хищений в сфере оборота криптовалют на сегодняшний день не характерно).

Рабочий этап выступает центральным звеном получения объяснений, в рамках которого заявитель излагает обстоятельства совершенного преступления с указанием источников их подтверждения. Как правило, при свободном рассказе опрашиваемое лицо представляет краткие пояснения, требующие конкретизации с целью установления всей совокупности обстоятельств, необходимых для принятия дальнейших решений в рамках работы по материалу проверки. Так, информация, полученная при даче заявителем объяснений, предопределяет комплекс действий, которые могут быть проведены в порядке ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь для установления достаточных признаков, указывающих на один из видов хищений в сфере оборота криптовалют (например, осмотр места происшествия, осмотр предметов, компьютерной информации, в том числе по месту их нахождения, изъятие устройства в рамках осмотра места происшествия с последующим назначением компьютерно-технической экспертизы) [1].

При этом исходная информация повлияет на выбор не только конкретного следственного действия, но и места его проведения, а также на круг необходимых участников. Так, если компьютер стационарный, то провести его исследование можно по месту нахождения (в жилище заявителя) в рамках осмотра места происшествия. Если устройство переносное, то осмотр может быть осуществлен в кабинете сотрудника правоохранительных органов при условии до-

ступа к сети Интернет в случаях, когда это необходимо. Если доступ к криптокошельку производится через Интернет (онлайн-кошельки) вне зависимости от того, какое устройство используется, то осмотр можно провести и с устройства сотрудника, подключенного к Сети.

Поскольку хищения в сфере оборота криптовалют представляются высокотехнологичными преступлениями, требующими участия в следственных действиях лиц, обладающих специальными знаниями в сфере ИТ, то при исследовании устройства в рамках осмотра независимо от места его проведения необходимым с практической точки зрения видится привлечение соответствующего специалиста, который способен оказать помощь в отыскании и правильной фиксации цифровой информации. Кроме того, в рамках осмотра должно быть обеспечено и участие заявителя в целях получения от последнего данных о путях доступа к криптокошельку, входных данных в аккаунт кошелька, демонстрации транзакции, проведенной незаконно, и иных сведений. Следует обратить внимание, что если устройство исследуется в рамках осмотра места происшествия по месту жительства заявителя, то к участию в обязательном порядке привлекаются и понятые.

Так как хищения являются предметными преступлениями, то в рамках рабочего этапа сотруднику надлежит выяснить сведения о собственнике похищенных криптовалют или денежных средств, затраченных на их получение, которым, как правило, выступает сам заявитель. При этом, если хищению были подвергнуты безналичные денежные средства, то установить их принадлежность заявителю до совершенного преступления возможно путем анализа данных банковской организации о приходно-расходных операциях по счетам, зарегистрированным на имя заявителя. Но в случае с криптовалютами ситуация обстоит иначе, поскольку прямые официальные источники, подтверждающие обладание ими на праве собственности заявителем, на практике отсутствуют, что связано со спецификой их эмитирования и обращения. В связи с этим при получении объяснений может возникнуть вопрос, действительно ли заявитель обладал ранее похищенной криптовалютой на праве собственности и его ли имущественным правам причинен вред, поскольку может иметь место введение правоохранительных органов в заблуждение с целью получения материальной выгоды. Исходя из изложенного и сложившейся практики обращения криптовалют, принадлежность последних определенному лицу до момента их хищения может быть установлена только путем исследования криптовалютного кошелька, в котором отражаются все проведенные транзакции со средствами на балансе. При этом до такого исследования в рамках осмотра или экспертизы сотруднику правоохранительных органов необходимо при получении объяснений убедиться, что заявитель владеет информацией о получении доступа к этому

криптокошельку (о его виде и особенностях функционирования, с какого устройства обычно осуществлялся вход, каковы входные данные (логин, пароль, seed-фраза), требуется ли для входа подключение к сети Интернет), о нахождении на его счету криптосредств, способах осуществления транзакций, в рамках какой транзакции произведено незаконное списание, и в каком размере, иными сведениями, касающимися как вопроса собственности, так и совершенного преступления. Следует отметить, что приведенные данные имеют общий характер для всех видов хищений в сфере оборота криптовалют. При этом необходимость выяснения иных сведений зависит от специфики каждого из видов хищений:

1) при вымогательстве: содержание поступившего требования о переводе криптовалют и угрозы в случае его невыполнения; дата, время и способ доведения требования до сведения заявителя; размер выкупа и условия его передачи, включая срок и вид криптовалют; действия пользователя на устройстве, в том числе в сети Интернет, предшествовавшие появлению требования (например, скачивание подозрительных и иных файлов, посещение ранее неизвестных сетевых ресурсов, отмеченный пользователем несанкционированный доступ к аккаунту в социальной сети, поступление незначительного количества криптовалют от неизвестного источника, характерное для «пылевой атаки», и т. д.); если вымогательство сопровождается блокированием доступа к файлам на устройстве или их содержимого, то необходимо установить, какие именно типы файлов подверглись воздействию вируса; было ли выполнено требование заявителем (если да, то в какой криптовалюте и в каком размере) и/или реализована ли угроза преступником, если да, то когда и каким способом;

2) при мошенничестве в случае, если криптовалюты являются предметом хищения: при каких обстоятельствах произошел перевод криптовалют на кошелек мошенника; когда, на какой адрес, с использованием каких программных средств осуществлена транзакция, чем она может быть подтверждена; в чем выражался обман со стороны преступника, либо имеет ли место злоупотребление доверием (в этом случае стороны должны быть знакомы и обладать доверительными отношениями); каким образом заявитель вступил в контакт с преступником, предполагая его добросовестность, с помощью каких источников и средств (например, увидел объявление о продаже товара в криптовалюте на торговой интернет-площадке, вступил в переписку с продавцом-мошенником, после диалога перевел ему криптовалюты, товар не получил, мошенник удалил объявление и скрылся; либо проинвестировал мошеннический SCAM-проект или выступил в качестве залогодателя в преступном кредитном крипто-сервисе и т. д.); в какой момент заявитель осознал, что был обманут и вторая сторона не будет выполнять свои обязательства; выходил ли мошенник

на контакт с заявителем после совершения хищения, если да, то каким способом, что пояснял;

3) если предметом мошенничества выступали безналичные денежные средства или электронные деньги, а криптовалюты являлись средством реализации преступного умысла, то выяснению подлежат следующие обстоятельства: в каких целях заявитель перечислил денежные средства мошеннику (т. е. в чем заключалась суть обмана, например, покупка на бирже криптовалюты либо инвестирование в ICO-проект и т. д.), каковы были встречные обязательства второй стороны после получения средств; когда и каким способом заявитель вступил в контакт с мошенником, или каким образом он узнал о его предложении совершить сделку или инвестирование (реклама, пост в социальной сети или на форуме, рассылка через почту, по совету знакомых или иных лиц и др.); был ли знаком заявитель с преступником ранее, имел ли с ним доверительные отношения; с какого и на какой счет (электронный кошелек) переводились безналичные денежные средства (электронные деньги), в какой валюте и сумме, когда, сколько переводов осуществлено; какие источники могут подтвердить ответы на приведенные выше обстоятельства; в какой момент и по каким признакам заявитель осознал, что был обманут и мошенник не будет выполнять свои обязательства; был ли контакт с мошенником после совершения хищения, если да, то когда, каким способом, каково его содержание; известно ли ему об иных обманутых этим же мошенником и таким же способом лицах;

4) при хищении путем модификации компьютерной информации: кроме общих вопросов, приведенных для всех видов хищений криптовалют, целесообразно выяснить у заявителя способы и источники хранения учетных данных для доступа к криптокошельку (имело ли место автозаполнение логина и пароля за счет функции «менеджер паролей»); имелся ли доступ у третьих лиц к кошельку, с которого произошло неправомерное списание криптовалют, либо к устройству, на котором возможно осуществить вход, в том числе без ручного ввода учетных данных; в какой момент заявитель обратил внимание на недостачу средств на счету криптокошелька, в каком количестве; была ли им самостоятельно выявлена неправомерная транзакция, может ли предоставить ее хеш и адреса выхода; посещал ли до совершения хищения веб-ресурсы, вызывающие подозрение (некорректно функционировавшие, изменившие привычный дизайн или доменный адрес), где оставлял свои учетные данные от криптокошелька; не ухудшалась ли за последнее время работа устройства, что может быть вызвано фоновым действием программы-шпиона; не предоставлял ли заявитель учетные данные третьим лицам для совершения транзакции в его пользу; не было ли необоснованного срабатывания двухфазной аутентификации, оставленной без внимания заявителем.

На заключительном этапе получения объяснений сотруднику надлежит произвести соответствующее документальное оформление полученных сведений путем составления протокола, а также приобщения к нему документов и предметов (например, распечатанные скриншоты из криптокошелька или переписки в социальных сетях), предъявленных заявителем, в случае наличия таковых.

Таким образом, качество и полнота полученных объяснений являются залогом правильного выбора дальнейших проверочных действий, производство которых поможет выявить основания для возбуждения уголовного дела или принятия иного решения по поступившему заявлению.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

**К ВОПРОСУ О СВИДЕТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ АДВОКАТА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ****Д. С. Ястреб**

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
e-mail: denishawk@mail.ru

Н. В. Анюховская

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
студент 3 курса
e-mail: anukhovskaya@yandex.by

Аннотация. В статье анализируются проблемы теории, правового регулирования и практики запрета на допрос адвоката в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшим ему известным в связи с оказанием юридической помощи.

Ключевые слова: уголовный процесс, адвокат, защитник, свидетельский иммунитет.

Annotation. The article analyzes the problems of theory, legal regulation and practice of the prohibition of questioning a lawyer as a witness on the circumstances that became known to him in connection with the provision of legal assistance.

Keywords: criminal procedure, lawyer, defender, witness immunity.

Понятие и содержание термина «свидетельский иммунитет» являются дискуссионными в уголовно-процессуальной науке. Одни авторы считают, что свидетельский иммунитет — это предоставляемое свидетелю право отказаться от дачи показаний в силу родственных или служебных обязанностей либо неспособности лица ввиду его физических или психических недостатков правильно воспринимать факты или давать о них правильные показания. Другие авторы рассматривают свидетельский иммунитет не только как право отказаться от дачи свидетельских показаний против самого себя, своего супруга (супруги) и близких родственников, но и запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет свидетельский иммунитет как «право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [1, п. 40 ст. 5].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) понятие «свидетельский иммунитет» отсутствует, но, несмотря на это, *de facto* правовое регулирование данного института закреплено следующим образом: не подлежат допросу в качестве свидетелей адвокаты, их стажеры, помощники, иные работники адвокатских образований,

юридических консультаций для получения каких-либо сведений, которые могут быть им известны в связи с оказанием юридической помощи при производстве по уголовному делу [2, ст. 60].

В связи со всем вышесказанным можно выделить два вида свидетельских иммунитетов: личный и профессиональный. Личный иммунитет закреплен в п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК Республики Беларусь и связан с конституционным правом не свидетельствовать против себя и своих близких. Второй вид иммунитета именуется профессиональным, так как связан с профессиональной деятельностью лиц, которым предоставляется иммунитет. В круг этих лиц входят судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, секретарь судебного заседания, врач, медиатор, адвокат, священнослужитель [2, ст. 60].

Стоит также обратить внимание на отличия данных видов и отметить следующее. Лица, имеющие личный иммунитет, обладают диспозитивным правом на его осуществление, что следует из положения, закрепленного в п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК Республики Беларусь, а именно: «вправе не свидетельствовать». Более того, для реализации рассматриваемого вида иммунитета не имеет значения, из каких источников у лица имеется информация или сведения. Важным для реализации личного иммунитета является только наличие связей между лицом, которое обладает иммунитетом, и лицом, в отношении которого ему предлагается дать показания.

Особенностью профессионального иммунитета является то, что он обусловлен и личностными характеристиками свидетеля, то есть профессиональной принадлежностью лица, и характером информации, которой оно обладает. То есть иммунитет распространяется только на ту информацию, которая стала известна лицу в процессе его профессиональной деятельности. Также, как отмечалось выше, у обладателя личного иммунитета есть диспозитивное право не свидетельствовать, с профессиональным иммунитетом все наоборот. В данном случае уголовно-процессуальным законодательством установлен прямой запрет на допрос лиц в качестве свидетелей при определенных обстоятельствах, то есть, исходя из прямого толкования норм, эти лица и при желании не могут дать показания.

Касательно свидетельского иммунитета адвоката стоит отметить, что он обеспечивает реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, поскольку запрет на допрос в качестве свидетеля, являясь гарантией для лиц, обращающихся за этой помощью, позволяет им сообщать любые сведения адвокату, не опасаясь при этом, что последний может изложить их на допросе на стадии предварительного расследования или в суде.

Кроме того, свидетельским иммунитетом обладает не только адвокат, но и его помощники и стажеры. Это является положительным моментом, но,

например, российский законодатель не относит помощников и стажеров адвоката к лицам, которых нельзя допросить в качестве свидетеля.

Интересным является положение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о возможности допроса адвоката в качестве свидетеля в случае, если о нем ходатайствует адвокат, защитник с согласия лица, которому оказывает юридическую помощь [1, п. 2, 3 ст. 56]. Указанное положение регламентирует право адвоката, защитника дать свидетельские показания в тех случаях, когда защитник и его клиент заинтересованы в этом. Данная позиция является спорной, ведь возникает вопрос о статусе свидетельского иммунитета адвоката, защитника, является ли он абсолютным, поскольку их допрос возможен при определенных условиях.

Нужно ли нам перенимать данное положение — дискуссионный вопрос. Ведь с его введением возникает ряд проблем. Например, нужно ли согласие адвоката на его допрос об обстоятельствах, составляющих адвокатскую тайну, в тех случаях, когда в допросе заинтересован подзащитный? Становится возможной ситуация, когда дача адвокатом показаний в качестве свидетеля может привести к негативным последствиям для его клиента. Адвокат, защитник, полагаем, разъяснит своему клиенту возможность наступления указанных последствий и отказа от дачи показаний. Но что делать, если позиция клиента окажется принципиальной, а адвокат, согласно ч. 3 ст. 18 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республики Беларусь», не вправе действовать вопреки интересам клиента [3].

Кроме того, если лицо не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту, в случаях если оно является несовершеннолетним или в силу физических или психических недостатков, не исключено, что его решение не будет отвечать его законным интересам. В указанной ситуации стоит полагаться на усмотрение защитника, даже вопреки интересам клиента. В других же случаях адвокат, защитник связан волеизъявлением своего клиента.

Таким образом, адвокат, его стажеры и помощники в уголовном процессе обладают свидетельским иммунитетом в отношении сведений, которые им известны в связи с оказанием юридической помощи, что положительно сказывается на эффективности оказания юридической помощи, а также является гарантией независимости адвокатской деятельности. Также п. 2 ч. 4 ст. 48 УПК Республики Беларусь закрепляет обязанность защитника подчиняться только законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс, освобождая адвоката, участвующего в производстве по уголовному делу в качестве защитника, от обязанности исполнять незаконные распоряжения органа, ведущего уголовный процесс, в том числе являться по вызову для дачи показаний или объяснений по вопросам, связанным с оказанием юридической помощи. Исходя из

этого, не только допрос, но и вызов адвоката для дачи показаний или объяснений должностным лицом органа, ведущего уголовный процесс, является нарушением вышеуказанных норм.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. от 01.07.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2021 г. № 118-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.4; 342.724

ЗАЩИТА ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Е. Ю. Антонова

Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
декан юридического факультета,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: antonovy@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об ответственности за дискриминацию. Автор акцентирует внимание на разный перечень дискриминационных признаков в международных и национальных нормативных правовых актах и предлагает некоторые правовые решения для снижения уровня дискриминационных проявлений на практике.

Ключевые слова: дискриминация, дискриминационные признаки, меры правового воздействия, субъект правонарушения.

Annotation. The article deals with the issue of liability for discrimination. The author focuses on a different list of discriminatory grounds in various international and national regulatory legal acts and offers some legal solutions to reduce the level of discriminatory manifestations in practice.

Keywords: discrimination, discriminatory signs, measures of legal influence, the subject of the offense.

Запрет дискриминации человека по различным признакам, то есть неоправданного различия в правах и обязанностях человека по какому-либо признаку, закреплён на международном (во Всеобщей декларации прав человека, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.) и национальном (в Конституции Российской Федерации) уровнях.

В основе запрета на дискриминацию человека лежит принцип равенства, имеющий большое значение в современном обществе.

Для обеспечения данной гарантии российский законодатель регламентировал правовые нормы, установив административную (ст. 5.62, 13.11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП)) и уголовную (ст. 136, 144¹, 145 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК)) ответственность.

Обращает на себя внимание тот факт, что перечень дискриминационных признаков во Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конституции Российской Федерации является открытым. Это объясняется многообразием таких признаков и сложностью их перечисления. Авторы этих актов называют наиболее очевидные дискриминационные признаки (например, пол, расу, цвет кожи, язык, религию, политические убеждения, национальное или социальное происхождение), а далее указывают на «любые иные признаки», «иные убеждения», «иное положение», «другие обстоятельства». Представляется, что только такой подход способен гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина в зависимости от любых обстоятельств.

УК и КоАП содержат исчерпывающий перечень признаков, по которым ущемление равенства прав и свобод человека и гражданина образует состав преступления. УК к таковым относит пол, расу, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность к общественным объединениям или каким-либо социальным группам (ст. 136), предпенсионный возраст (ст. 144¹), беременность женщины или наличие у нее детей в возрасте до трех лет (ст. 145). В КоАП перечень дискриминационных признаков шире, помимо указанных в УК, к ним также относятся: цвет кожи, семейное положение, социальное положение, возраст, непринадлежность к общественным объединениям.

Согласимся с мнением ученых, по мнению которых «ошибочно дифференцировать дискриминационные признаки по степени их значимости, полагая, что только некоторые из них способны придавать общественную опасность данному преступлению. Если следовать предложенной логике, то вряд ли можно найти убедительный ответ на вопрос, почему дискриминация по цвету кожи должна влечь административную (ст. 5.62 КоАП), а по национальному признаку — уголовную ответственность (ст. 136 УК)» [1, с. 168–174].

Распространенность деяний в сфере трудовых отношений повлекло за собой регламентацию нормы об административной ответственности за распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащих ограничения дискриминационного характера (ст. 13.11.1 КоАП). Субъектами являются граждане, должностные лица и юридические лица. На виновных налагается административный штраф в размере от 500 до 1 000 руб., от 3 000 до 5 000 руб., от 10 000 до 50 000 руб. соответственно.

Основное различие норм об административной и уголовной ответственности за дискриминацию заключается в субъекте, допускающем нарушение прав и свобод человека и гражданина по указанным признакам.

Уголовная ответственность предусмотрена для лиц, использующих свое служебное положение (должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением), тогда как нормы об административном правонарушении в качестве субъектов называют граждан и юридических лиц.

Нормы о правовой ответственности за дискриминацию слабо реализуются на практике. По данным судебной статистики, в 2018 г. были осуждены 2 лица, признанных виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 145 УК; по ст. 136 и 141¹ УК — 0; в 2019, 2020 гг. и первом полугодии 2021 г. анализируемые нормы показывают нулевую статистику осужденных. Административному наказанию по ст. 5.62 КоАП в 2018 г. подвергнуто 26 лиц (из них 16 юридических лиц, 3 должностных лиц, 1 лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, 6 иных физических лиц), в 2019 г. — 24 (из них 15 юридических лиц, 1 должностное лицо, 8 иных физических лиц), в 2020 г. — 5 (из них 4 юридических лица, 1 гражданин), в первом полугодии 2021 г. — 7 (из них 2 юридических лица, 1 должностное лицо, 4 иных физических лица [2]. Представляется, что это обусловлено сложностью доказывания факта нарушения прав и свобод человека и гражданина именно по дискриминационным признакам. Так, при увольнении или отказе от приема на работу работнику или соискателю соответствующей должности не озвучиваются истинные причины принятия решения.

Анализ представленных данных судебной статистики показывает, что к административной ответственности чаще всего привлекаются юридические лица [3, с. 81–87], что свидетельствует о дискриминационных деяниях в первую очередь в рамках трудовых отношений. Данные обстоятельства и степень общественной опасности дискриминационных проявлений позволяют ставить вопрос о необходимости регламентации корпоративной уголовной ответственности [4, с. 884–897] и разработки в организациях комплаенс-программ, предусматривающих механизм внутреннего контроля системы политик/процедур/мер по выявлению и предупреждению дискриминационных нарушений.

Составы дискриминационных правонарушений/преступлений — формальные, наказуемы любые нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, независимо от наступления общественно опасных последствий. Конструируя данные составы преступлений как формальные, законодатель тем самым показывает важность охраняемого объекта.

Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом.

Мотив квалифицирующего значения не имеет. Это может быть как недоброжелательное, нетерпимое отношение к человеку по указанным в законе признакам, так и стремление подчеркнуть преимущество, исключительность человека по тем или иным признакам в сравнении его с людьми, такими признаками не обладающими (например, стремление принимать на работу лишь мужчин, отказывая в приеме на работу женщинам, обладающим сходными показателями образования, опыта и способностей).

Сказанное позволяет прийти к следующим выводам:

1. Перечень дискриминационных признаков в нормах об уголовной и административной ответственности за совершение соответствующих деяний, влекущих за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, должен быть открытым.

2. Дискриминация, допущенная лицом, использующим свое служебное положение, вне зависимости от признаков, по которым произошло нарушение прав и свобод человека и гражданина, обладает повышенной степенью общественной опасности и должна влечь за собой уголовную ответственность. Это объясняется тем обстоятельством, что все индивиды различаются, например, по профессиональной деятельности, по служебному положению и т. д. То, что для всех граждан является долгом, для определенных категорий работников является профессиональной или служебной обязанностью. В связи с этим при нарушении этих норм специальные субъекты должны наказываться строже. Как правильно заметил М. И. Ковалёв, лишь должностное положение субъекта может сделать его неравным по сравнению с обыкновенным человеком, да и то в сторону усиления ответственности первого по сравнению со вторым [5, с. 35].

3. Следует обратить внимание на такую меру, направленную на предотвращение нарушения прав и свобод человека и гражданина, как разработка в организациях комплаенс-программ, предусматривающих механизм внутреннего контроля системы политик/процедур/мер по выявлению и предупреждению дискриминационных нарушений.

4. Открытым остается вопрос об установлении корпоративной уголовной ответственности в целом и за дискриминацию в частности. Данный вопрос требует дополнительного, более углубленного рассмотрения.

1. Новиков В. А. Дискриминация: преступление и административное правонарушение // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 168–174. [Вернуться к статье](#)

2. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018–2020 гг., 1 полугодие 2021 г. Форма

№ 10-а; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2018-2020 гг., первое полугодие 2021 г. Форма № 1-АП [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации : [сайт]. URL: <http://www.cdcr.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Антонова Е. Ю. Административная ответственность юридических лиц — «испытательный полигон» для корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Законодательство. 2011. № 5. С. 81–87. [Вернуться к статье](#)

4. Антонова Е. Ю. Теоретическая модель корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Lex russica (Русский закон). 2013. Т. 95. № 8. С. 884–897. [Вернуться к статье](#)

5. Ковалёв М. И. Советское уголовное право : курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. 146 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

И. Н. Архипцев

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
e-mail: ArhiptsevIN@yandex.ru

А. В. Сарычев

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
e-mail: w0773@yandex.ru

Аннотация. Авторами установлено, что в зависимости от преследуемых его разработчиком (создателем) целей, искусственный интеллект может использоваться не только в общественно полезных целях, но и как средство в достижении преступного результата.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное право, технологии искусственного интеллекта, предупреждение.

Annotation. The authors found that, depending on the goals pursued by its developer (creator), artificial intelligence can be used not only for socially useful purposes, but also as a means to achieve a criminal result.

Keywords: artificial intelligence, criminal law, artificial intelligence technologies, prevention.

Искусственный интеллект и технологии, связанные с его применением, в настоящее время все больше проникают в нашу повседневную жизнь. И этот процесс порой происходит незаметно. Уже сейчас «умные» машины выполняют различные функции, начиная от роботов, анализирующих прогноз погоды, изменение физических данных человека, составляющих индивидуальное расписание дня, и заканчивая автономным управлением транспортными средствами, нанороботами, используемыми в медицине, роботами, выполняющими функции педагога, полицейского и т. д.

При этом, как и любая другая новая технология или изобретение, как показывает историческая практика, искусственный интеллект и элементы, с ним связанные, к сожалению, могут использоваться злоумышленниками в своих преступных целях. Так, по данным международных организаций, в последнее время в мире увеличивается доля мошенничеств, совершенных с применением искусственного интеллекта. Европолом совместно с аналитиками компании Trend Micro, специализирующейся на кибербезопасности, и Межрегиональным

научно-исследовательским институтом Организации Объединенных Наций по вопросам преступности и правосудия в 2020 году был подготовлен доклад «Злонамеренное использование и злоупотребление искусственным интеллектом». В нем, в частности, указывается, что одним из популярных видов мошенничества на сегодняшний день является дипфейк — поддельные фото- и видеоизображения реального человека. Кроме того, в докладе указываются возможные риски дальнейшего использования искусственного интеллекта в преступных целях: искусственный интеллект может использоваться в создании «умных» программ-вымогателей, генерации чит-кодов в компьютерных играх, позволяющих зарабатывать деньги, в имитации голоса или стиля письма конкретного человека для совершения мошеннических действий [1].

В связи с тем, что человечество в лице ведущих государств мира, в том числе и Российской Федерации как его неотъемлемой части, находится в настоящее время на пути создания нового индустриального общества (Industrie 5.0), в котором определяющее, если не главное значение будут в будущем иметь связанные с информацией и созданные на ее основе сети, технологии, продукты и другие важные компоненты такого общества. Остро встает вопрос об обеспечении надлежащей защиты критически важной информационной составляющей деятельности предприятий, учреждений и организаций.

Далее кратко рассмотрим наиболее распространенные сейчас преступления, которые совершаются с применением искусственного интеллекта:

1. Актуальным направлением преступных посягательств, например, на объекты энергетики, а также топливно-энергетического комплекса является использование в преступных целях автономных боевых дронов. Как указывает Г. Г. Камалова, искусственные интеллектуальные системы могут быть использованы для совершения разнообразных преступлений, включая причинение смерти или вреда здоровью человека; нарушение права на неприкосновенность частной жизни; незаконное получение или неправомерное разглашение охраняемой законом тайны; нарушение правил охраны труда; мошенничество; нарушение безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта; террористический акт; нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих; нарушение правил оборота наркотических и психотропных веществ; преступления в сфере компьютерной информации; иные [2, с. 383]. Несомненно, к приведенному списку с полным правом следует отнести и посягательства на объекты энергетики, которые однозначно представляют повышенную общественную опасность, и возможность их применения для совершения актов незаконного вмешательства (террористических актов, диверсий, нанесения непоправимого ущерба и устранения конкурирующих организаций), а также другие сферы преступного при-

менения приборов, функционирующих на основе искусственного интеллекта. Так, большой мировой резонанс в 2019 году вызвала атака на нефтяные месторождения Саудовской Аравии, которая была совершена с использованием беспилотных летательных аппаратов [3]. Несмотря на то, что в приведенном примере беспилотные летательные аппараты, скорее всего, управлялись людьми, уже сейчас подобное способен совершить автономный робот. Возможно уже в недалеком будущем такой признак, как использование в процессе совершения преступления (в том числе и при совершении посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса) технологий, машин, приборов, созданных на основе и принципах искусственного интеллекта, будет законодательно прописан в качестве отягчающего наказание обстоятельства в Уголовном кодексе.

2. Преступления, связанные с секс-роботами. Не затрагивая всех правовых, а также морально-этических проблем их использования, которые возникают автоматически с их созданием и эксплуатацией, в силу ограниченности объема нашего исследования отметим, что данная сфера сейчас очень активно развивается в мире, и, по нашим прогнозам, она и дальше будет развиваться опережающими темпами. Так, И. С. Алихаджиева справедливо полагает, что в связи с прогнозом дальнейшего развития этого вида легального предпринимательства возникает ряд вопросов, касающихся налогообложения, норм морали, защиты прав потребителей и роботов (искусственный интеллект), уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (к примеру, за заражение инфекцией, передающейся половым путем, при непроведении дезинфекции куклы, особенно в период пандемий) и др. [4, с. 163–164].

Дэвид Леви мотивирует возможность использования секс-роботов инвалидами, социопатами, психически нездоровыми и другими категориями людей, что окажет на них позитивное воздействие [5]. Однако, как показывает практика, во-первых, услугами секс-роботов пользуются, как правило, обеспеченные слои населения, и, во-вторых, вряд ли секс-роботы снимут основные проблемы этих людей, а скорее всего, вызовут у них еще большую зависимость, теперь уже от самих секс-роботов.

Как подтверждение сказанного нами выше, открывшейся проблемой в этой сфере стал выпуск в странах Юго-Восточной Азии секс-кукол, которые изображают несовершеннолетних. Сейчас ряд стран уже в уголовном порядке преследуют лиц, эксплуатирующих такие куклы, например, Великобритания, Норвегия, Австралия. Так, в Австралии житель Брисбена был приговорен к двум годам тюрьмы за владение секс-куклой или другим предметом, похожим на ребенка в возрасте до 18 лет, попытку завладеть секс-куклой в виде несовершеннолетнего и хранение материалов для эксплуатации детей [6]. Не ис-

ключено, что в будущем выпуск «умных» секс-роботов несовершеннолетних будет продолжаться (только на нелегальной основе) и подогреваться нездоровыми желаниями таких людей. Поэтому мы присоединяемся к позиции В. С. Соловьева, который предлагает установить законодательный запрет на реализацию и использование такой продукции [7, с. 54].

3. В настоящее время мир столкнулся с новой проблемой в информационной сфере, которая получила название дипфейк. Ее краткое объяснение состоит в том, чтобы использовать нейросеть для создания принципиально новых изображений (фото- или видеоизображений). Технология дипфейков используется в архитектуре, дизайне, создании игр, киноиндустрии, шоу-бизнесе и других сферах, где задействованы большие объемы данных. Например, с ее помощью в России была создана полностью цифровая копия известной актрисы советского кино Людмилы Гурченко, которая могла обдуманно отвечать на вопросы аудитории голосом актрисы [8]. С помощью технологии дипфейков на основе ряда алгоритмов машинного обучения можно «наложить» профиль с изображением любого человека на любое другое тело или изображение, причем реальное изображение и поддельное изображение человека будут практически неотличимы для обычного пользователя. Как часто происходит со всем хорошим и революционным, данная технология стала использоваться некоторыми людьми при создании видеороликов и изображений порнографического содержания, что не могло не вызвать обоснованную тревогу и опасения среди правоохранительных органов. В частности, первым государством, точнее штатом США, где впервые была введена уголовная ответственность за создание и распространение дипфейков стала Калифорния [9, с. 119–122]. В основном сфера действия данного закона вначале ограничивалась политическими дипфейками, в дальнейшем была установлена ответственность за создание и опубликование сексуально откровенных материалов без согласия участников. По пути запрета политических дипфейков пошел Китай.

Мы полностью поддерживаем мнение М. А. Желудкова, что, с одной стороны, подобная технология позволяет развивать системы искусственного интеллекта, в частности при реализации программы «Безопасный город» при распознавании личности. С другой стороны, использование биометрических данных в этой методике, а именно голоса и лица человека, позволяет преступникам понизить уровень защищенности населения перед угрозой подмены их фото- и видеоизображений при незаконном получении кредитов, переоформлении недвижимости, дискредитации любого юридического и физического лица [10, с. 266].

4. Кибермошенничества. Дипфейки. Уязвимость банковских приложений. Та же самая технология дипфейков может применяться мошенниками

при создании ложного аудио- или видеоконтента с изображением людей. С ростом информационных технологий, особенно в период пандемии COVID-19, такие угрозы, увы, становятся реальностью. Так, например, в Великобритании руководителю компании позвонил якобы деловой партнер, который попросил перевести крупную сумму денег. Как в дальнейшем было выяснено Скотленд-Ярдом, голос бизнесмена был сгенерирован искусственным интеллектом, а за совершением преступления стоял мошенник [11]. Другим опасным явлением в сети Интернет стали «умные ботнеты». Как следует из доклада Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России (ФинЦЕРТ), итогом исследования злоумышленниками мобильного приложения поднадзорной организации и системы ДБО стало хищение денежных средств клиентов путем совершения операций без согласия с использованием в качестве транспорта платежной системы. Переводы были осуществлены двумя авторизованными клиентами поднадзорной организации через подмену номера счета отправителя на номер счета другого клиента банка (жертвы). Подмена произведена в сообщении, направленном из мобильного приложения в поднадзорную организацию после подтверждения платежа авторизованным клиентом. Указанные авторизованные клиенты организации в предыдущие дни провели успешную атаку по использованию недокументированной возможности API-интерфейса ДБО, в процессе которой смогли перебором получить номера счетов жертв. Злоумышленники, используя режим отладки мобильного приложения, подменяют в исходящем на сервер ДБО сообщении о подтверждении платежа значение поля «Номер счета отправителя» на номер счета жертвы. При отправке сообщений на стороне сервера ДБО не осуществлялась проверка принадлежности счета списания (поле CustT_Contract_RID) авторизованному пользователю, что позволило злоумышленникам осуществить подмену.

В ходе формирования распоряжения на перевод денежных средств СМС-сообщение с кодом подтверждения операции направлялось авторизованному пользователю. То есть все подтверждения злоумышленники осуществляли от лица своей легитимной учетной записи — клиента банка. Пострадавшие получали СМС-уведомления только по факту проведения операции после списания денежных средств со счета [12].

1. Exploiting AI. How Cybercriminals Misuse and Abuse AI and ML [Electronic resource]. URL: <https://www.trendmicro.com/vinfo/us/security/news/cybercrime-and-digital-threats/exploiting-ai-how-cybercriminals-misuse-abuse-ai-and-ml> (date of access: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Экономика и право. 2020. Т. 30. Вып. 3. С. 382–388. [Вернуться к статье](#)
3. В Саудовской Аравии беспилотники атаковали нефтепровод [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190514/1553476581.html> (дата обращения: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 163–164. [Вернуться к статье](#)
5. Levy D. Love and Sex with Robots. The Evolution of Human-Robot Relationships [Electronic resource]. Imprint : Harper Perennial. 2007. 352 p. URL: <https://www.harpercollins.com/9780061359804/love-and-sex-with-robots> (date of access: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Педофила из Австралии «застукали» дома с похожими на детей куклами [Электронный ресурс]. URL: <https://nation-news.ru/619751-pedofila-iz-avstralii-zastukali-doma-s-pohozhimi-na-detei-kuklami> (дата обращения: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Соловьев В. С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестн. Рос. правовой акад. 2020. № 3. С. 54. [Вернуться к статье](#)
8. Ведущей «Битвы престолов» Валерия Комиссарова станет Людмила Гурченко [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/02/11/vedushchej-bitvy-prestolov-valeriia-komissarova-stanet-liudmila-gurchenko.html> (дата обращения: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Дельфино Р. А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 119–122. [Вернуться к статье](#)
10. Желудков М. А. Изучение влияния новых цифровых технологий на детерминацию мошеннических действий (технология deepfake) // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сб. тр. по материалам Всерос. заочной науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов, 2021. С. 266. [Вернуться к статье](#)
11. Технология с вашим лицом. Как бороться с дипфейками [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2020/02/17/Tehnologija_s_vashim_licom (дата обращения: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Отчет «Основные типы компьютерных атак в кредитно-финансовой сфере в 2019–2020 годах» [Электронный ресурс]. С. 32. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32122/Attack_2019-2020.pdf (дата обращения: 12.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

**ЗНАЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
СТОРОН ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****И. И. Головки**

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации,

декан факультета,

кандидат юридических наук, доцент

e-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема квалификации злоупотребления правом в материальном и процессуальном праве, а также в прокурорской деятельности. Сделан вывод о необходимости единого подхода к пониманию злоупотребления правом в различных отраслях права, об основаниях отнесения злоупотребления правом к правонарушению.*

***Ключевые слова:** прокурор, добросовестность, злоупотребление правом, парные категории, правонарушение.*

***Annotation.** The article deals with the problem of qualifying the abuse of right in substantive and procedural law, as well as in prosecutorial activities. The conclusion is made about the need for a unified approach to understanding the abuse of the right in various branches of law, about the grounds for classifying the abuse of the right as an offense.*

***Keywords:** prosecutor, conscientiousness, abuse of right, paired categories, offense.*

Права личности (юридического лица) не могут не соотноситься с правами других лиц в соответствующей сфере отношений. В ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [1].

Подразумевается что, добросовестное поведение участников правоотношений не влечет применения мер поощрения. В то же время имеет место и злоупотребление правом, которое рассматривается в настоящее время по-разному: как правонарушение и не являющееся правонарушением поведение лица.

В Уголовном кодексе Российской Федерации злоупотребление правом квалифицируется как преступление в статьях «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг» (ст. 185), «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» (ст. 200.4), «Злоупотребление полномочиями» (ст. 201), «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 201.1), «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами» (ст. 202), «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285), «Злоупотребление

должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 285.4) [2].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за злоупотребление — «Злоупотребление свободой массовой информации» (ст. 13.15), «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке» (ст. 14.31) [3].

В гражданском праве злоупотребление правом не рассматривается как правонарушение. Необходимость добросовестной реализации гражданами и юридическими лицами своих прав и исполнения обязанностей предусматривают статьи 1, 10 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [4].

Указывают, что злоупотребление правом — осуществление субъективного гражданского права в противовес цели, ради которой оно предоставляется субъектам, а действия нарушителя приводят к нарушению прав и охраняемых законом интересов других лиц. Всякое злоупотребление правом — это осуществление субъективного права в противоречии с его социальным назначением [5].

В трудовом праве злоупотребление правом также не рассматривается как правонарушение. В трудовых отношениях в общем виде под злоупотреблением правом подразумеваются такие действия либо бездействие субъектов трудового права, которые причиняют вред и (или) дают возможность получения необоснованных преимуществ перед иными субъектами трудового права в момент реализации субъективных прав и правовых интересов с нарушением цели, задач, а также принципов, установленных законами [6].

В процессуальных отраслях права, в первую очередь в гражданском процессе и уголовном процессе, по вопросу злоупотребления правом продолжается дискуссия.

Проблема злоупотребления правом не нова для науки и практики, она становилась предметом исследования ученых в различные периоды развития общества и государства [7; 8; 9; 10].

В общеправовом толковании злоупотребления правом и в гражданском праве преобладают две полярные точки зрения. Одни авторы полагают, что злоупотребление правом формально не противоречит закону, внешне выглядит как правомерный поступок [11, с. 7]. Злоупотребление правами представляет собой вредоносный для других лиц способ реализации своих прав и интересов [12, с. 14–15].

Высказано и противоположное утверждение, что злоупотребление правом — это особый вид гражданского правонарушения, связанный с умышленным выходом управомоченного лица за пределы субъективного гражданского

права, определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности, для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием недостатков гражданского права (абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий и т. п.) [5]. Несмотря на то, что при злоупотреблении правом не происходит формального нарушения положений конкретных нормативно-правовых актов, тем не менее всякое злоупотребление правом — это всегда противоправное действие, бездействие либо решение, поскольку в результате осуществления ситуации со «злоупотреблением правом» всегда нарушается принцип недопустимости злоупотребления правом ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации [13, с. 8].

Признаки, позволяющие квалифицировать конкретные деяния как злоупотребления правом, сформулированы юридической наукой и обозначены законодателем через оценочные понятия (назначение конкретного субъективного права, направленность умысла исключительно на причинение вреда, разумность и добросовестность управомоченного лица, нравственность его юридически значимых действий) [14].

Направленность действий лица является важнейшим признаком, позволяющим говорить о злоупотреблении. Злоупотребление правом служит видом недобросовестного поведения. В случае если цели и способы осуществления права предусмотрены конкретной нормой, то выбор лицом недозволенных способов и целей следует оценивать не как злоупотребление правом, а как правонарушение. Соответственно, запрет злоупотребления правом не следует распространять на те права, содержание и назначение которых определено конкретными нормами права [5].

Ученые единодушны в том, что рассматриваемое понятие является оценочным. Так, указывают, что суду принадлежит полномочие квалифицировать определенное деяние субъекта права как нарушающее общий запрет злоупотребления правом [11, с. 10]. Сложность состоит в установлении четкого содержания и границ понятия добросовестности, поскольку добросовестность относится к числу оценочных категорий, включает в себя элемент субъективного восприятия (оценки) того или иного действия (бездействия). Основная роль в определении содержания гражданско-правовых норм с оценочными понятиями и, соответственно, степени должного поведения субъектов отводится суду [5].

Уместно обратить внимание на причины такого поведения лица, участвующего в деле. Это может быть низкий уровень правосознания и правовой культуры, неумелое пользование законом; неясность и неопределенность правовых норм. Условиями злоупотреблений в праве являются «нестабильность» судебной практики, в том числе отсутствие ее единообразия,

материальная необеспеченность индивида (организации), а также коллизия интересов [12, с. 14–15].

Злоупотребление правом характерно для таких форм реализации права, как использование права, исполнение права и применение права. Злоупотребление правом невозможно при реализации права в форме его соблюдения, поскольку обязанность не совершать определенные действия (воздерживаться от определенных действий) исключает всякую возможность реализации запрещающей нормы права в противоречии с ее назначением [15, с. 9].

В гражданском судопроизводстве злоупотребление правом при принятии судом соответствующего решения влечет негативные последствия для лица. В качестве злоупотребления правом и основания отказа во взыскании компенсации за задержку трудовой книжки расценивается отказ работника явиться за трудовой книжкой, игнорирование им телефонных звонков, неявка в судебные заседания (апелляционное определение Саратовского областного суда от 03.07.2014 г. по делу № 33-3820/2014). Так, уволенный по сокращению штата работник утверждал, что работодатель не уведомил о его увольнении профсоюз. Работодатель доказал, что работник не сообщил ему о членстве в профсоюзе. Суд признал поведение работника злоупотреблением правом и отказал в удовлетворении искового заявления (апелляционное определение Московского городского суда от 30.09.2016 г. № 33-30678/2016). Со злоупотреблениями процессуальными правами участниками процесса связаны такие негативные для правосудия явления, как многократные отложения гражданских дел вследствие умышленного затягивания процесса; нарушение сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел (волокита по делу); принятие незаконных и (или) необоснованных решений в связи с сообщением ложных сведений участниками процесса или представлением подложных доказательств и пр. [16].

Высказывается мнение о том, что правовые последствия злоупотребления правом в трудовых отношениях должны быть легально закреплены в Трудовом кодексе Российской Федерации как элемент механизма восстановления трудовых прав работников и работодателей, понесших неблагоприятные последствия в результате недобросовестного поведения других лиц [6].

Применительно к деятельности лиц, на которых направлена деятельность прокурора, злоупотребление правом не квалифицируется как правонарушение. При этом злоупотребление правом может быть осуществлено в случае реализации права на обращение в органы прокуратуры при отсутствии реального нарушения прав и свобод. Указывают, что достаточно часто в ходе прокурорской проверки применяется необоснованное обжалование действий прокурора вышестоящему прокурору или в суд [17]. Такое поведение создает

существенные препятствия для законной деятельности прокурора и для достижения целей, установленных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Кроме этого, прокурор, участвующий в рассмотрении дел судами, не должен игнорировать факты злоупотребления материальным или процессуальным правом со стороны участвующих в деле лиц. Уместно в выступлении в прениях, заключении давать оценку соответствующим обстоятельствам.

Рассматривая категории добросовестного поведения и злоупотребления правом как парные правовые, необходимо отметить, что мы должны понимать категории единообразно. Злоупотребление правом как общая категория включает категорию злоупотребления правом в различных материальных и процессуальных отраслях права. В связи с указанным полагаем, что злоупотребление правом должно пониматься единым образом в уголовном и гражданском праве, в науке прокурорской деятельности и пр. Учитывая наработки уголовного права, имеются основания оценивать злоупотребление правом как правонарушение. Злоупотребление правом как противодействие законной деятельности прокурора также требует развития теоретической основы по его квалификации и пресечению.

1. Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 декб 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 201 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 30.12.2020 г. № 527-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Лаевская Е. В. Нарушение принципа добросовестности участников гражданских правоотношений и злоупотребление правом: к вопросу о соотношении понятий // Проблемы правового регулирования осуществления и защиты прав участников гражданских правоотношений : сб. науч. ст. / Ю. А. Амелеченя [и др.] ; под ред. О. А. Бакинской. Минск : Бизнесофсет, 2016. С. 109–130. [Вернуться к статье](#)

6. Офман Е. М., Дулатова Н. В. Злоупотребление правом с позиции гражданского права и трудового права // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Право. 2019. № 19 (1). С. 60–66. [Вернуться к статье](#)

7. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М. : Рос. право, 1992. 204 с. [Вернуться к статье](#)
8. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестн. гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 124–281. [Вернуться к статье](#)
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. 353 с. [Вернуться к статье](#)
10. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : монография. 3-е изд., доп. М. : Юрайт, 2019. 241 с. [Вернуться к статье](#)
11. Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. М., 2010. 25 с. [Вернуться к статье](#)
12. Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2015. 28 с. [Вернуться к статье](#)
13. Зайцева С. Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2003. 26 с. [Вернуться к статье](#)
14. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с. [Вернуться к статье](#)
15. Грель Я. В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. 26 с. [Вернуться к статье](#)
16. Бердова И. А., Гинзбург И. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Мир науки и образования. 2017. № 2 (10). С. 2. [Вернуться к статье](#)
17. Исламова Э. Р. Преодоление противодействия прокурорской проверке исполнения законов: теоретические, правовые и организационно-методические аспекты // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2020. № 1 (75). С. 31–36. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ф. В. Грушин

Академия ФСИН России,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: fedor062@yandex.ru

В. Н. Чорный

Академия ФСИН России,
профессор Института по кафедре уголовно-исполнительного права,
кандидат юридических наук, профессор
e-mail: wchorni@list.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные аспекты применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; анализируются нормы, закрепляющие критерии (условия), которые обязан учесть суд при рассмотрении материалов об условно-досрочном освобождении конкретного осужденного; прогнозируются перспективы дальнейшего развития рассматриваемого правового института.*

***Ключевые слова:** условно-досрочное освобождение; осужденные; учреждения и органы, исполняющие наказания.*

***Annotation.** The article discusses certain aspects of the application of conditional early release from serving a sentence; analyzes the norms fixing the criteria (conditions) that the court must take into account when considering materials on the conditional early release of a particular convict; predicts the prospects for further development of the legal institution in question.*

***Keywords:** parole; convicts; institutions and bodies executing punishments.*

Развитие уголовной политики в Российской Федерации в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее — УДО) осуществлялось по двум направлениям, но если уголовно-правовая политика регулярно изменялась и в большей степени ужесточалась (усложнялась), то уголовно-исполнительная политика корректировалась не так часто и в основном смягчалась в отношении осужденного. Усложнение процедуры УДО по уголовно-исполнительному законодательству осуществлялось в подавляющем большинстве случаев в результате соответствующих изменений уголовно-правовой политики (например, ужесточение в отношении педофилов).

Вместе с тем в поддержку смягчения уголовной политики в отношении УДО говорит тот факт, что за последние годы постепенно увеличивался процент положительных решений судов по ходатайствам осужденных (законных представителей).

Таблица 1* — Рассмотрение судами России ходатайств осужденных
(законных представителей) об УДО

Год	Окончено производством ходатайств об УДО	Удовлетворено ходатайств об УДО	Процент удовлетворенных ходатайств об УДО
2015	117 197	46 331	39,53
2016	122 552	55 217	45,05
2017	112 581	53 802	47,79
2018	99 646	49 292	49,47
2019	92 545	45 387	49,04

С одной стороны, процент освобождаемых осужденных увеличивается, а с другой стороны, по-прежнему более половины ходатайств осужденных об УДО по тем или иным причинам отклоняется.

Одним из наиболее обсуждаемых в литературе вопросов при рассмотрении института УДО остается вопрос о критериях (условиях), которые обязан учесть суд при вынесении решения по конкретному делу в отношении осужденного [1, с. 143]. За последние годы количество критериев в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве постоянно увеличивалось. Кроме того, отдельные критерии были сформулированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». В результате в настоящее время существуют следующие критерии:

- возмещение осужденным вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, или заглаживание иным образом вреда, причиненного в результате преступления;
- отбытие осужденным необходимой части срока наказания, но не менее шести месяцев;
- отношение осужденного к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания;
- поведение осужденного в течение всего периода отбывания наказания;
- имеющиеся поощрения и взыскания (при этом судам следует учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, данные о снятии

* По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения);

- отношение осужденного к совершенному деянию (в уголовно-исполнительном законодательстве это раскаяние в совершенном деянии);
- характеристика на осужденного от администрации учреждения, в котором он отбывает наказание;
- заключение администрации учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного;
- иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного.

Также существуют и дополнительные критерии в отношении отдельных категорий осужденных.

В отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста:

- применение к осужденному принудительных мер медицинского характера;
- отношение осужденного к лечению;
- результаты судебно-психиатрической экспертизы;
- заключение лечащего врача.

В отношении осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы:

- отсутствие у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет.

В отношении осужденных, которым отменено условно-досрочное освобождение в соответствии с ч. 7 статьи 79 Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации:

- учет в совокупности всех данных о личности осужденного;
- время нахождения в исправительном учреждении после возвращения в это учреждение.

В отношении осужденного иностранного гражданина, не имеющего постоянного места жительства на территории Российской Федерации:

- наличие либо отсутствие со стороны осужденного или иностранного государства гарантий исполнения приговора в части гражданского иска;
- наличие достигнутого соглашения о передаче осужденного на условиях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, для осуществления контроля за поведением осужденного;

— возможности возложения на осужденного дополнительных обязанностей, подлежащих исполнению в период условно-досрочного освобождения на территории иностранного государства.

Определенные в законе критерии, по нашему мнению, содержат в себе некоторые недостатки. Так, в частности, в п. 4.1 ст. 79 УК Российской Федерации установлен такой общий критерий, как «заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного». Однако ст. 79 УК Российской Федерации предусматривает УДО в отношении осужденных не только к лишению свободы. Получается, что на основании ст. 79 УК Российской Федерации заключение администрации исправительного центра (дисциплинарной воинской части) о целесообразности УДО осужденных к принудительным работам (содержанию в дисциплинарной воинской части) суду не требуется. Однако это не так, как на основании ч. 2 ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации администрация учреждения (в том числе исправительного центра и дисциплинарной воинской части), исполняющего наказание, обязана направить в суд ходатайство осужденного вместе с характеристикой, в которой должно содержаться заключение о целесообразности условно-досрочного освобождения. Таким образом, в п. 4.1 ст. 79 УК Российской Федерации вместо формулировки «заключение администрации исправительного учреждения» необходимо указать «заключение администрации учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание».

Также не совсем правильно, что законодательство содержит довольно большое количество абстрактных (недостаточно определенных) критериев, таких как, например, раскаяние осужденного в совершенном деянии; поведение осужденного; иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного. В результате судьи при рассмотрении вопросов об УДО на свое усмотрение интерпретируют те или иные критерии, что в некоторых случаях приводит к коррупционным негативным последствиям. То же самое касается и администрации учреждения, исполняющего наказание, при составлении характеристики на осужденного. Крайне абстрактно и изложенное в ч. 1 ст. 79 УК Российской Федерации основание для УДО: лицо, отбывающее наказание, подлежит УДО, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании наказания.

Все это в совокупности приводит к критике процедуры УДО, зачастую к обоснованной, как со стороны ученых [2, с. 23], так и правозащитников [3, с. 84].

Как показывает практика учреждений и органов, исполняющих наказания [4, с. 45–47], УДО является одним из самых эффективных средств воспитатель-

ного воздействия на осужденных. Именно УДО для осужденных является самым желаемым поощрением и стимулирует их к правопослушному поведению. Таким образом, рассматриваемый институт нуждается в дальнейшем анализе и развитии по следующим возможным дискуссионным направлениям:

- наделение администраций учреждений, исполняющих наказания, правом вынесения в суд представлений об УДО в отношении положительно характеризующихся осужденных;
- дальнейшее расширение круга критериев для рассмотрения вопроса об УДО в суде;
- введение института пенитенциарных судей, которые рассматривали бы вопросы, связанные с процессом исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера;
- установление полуавтоматической системы предоставления УДО в случае выполнения осужденным максимального количества установленных критериев.

1. Бабаян С. Л. К вопросу о применении поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Образование и педагогические науки. 2017. № 3 (774). С. 142–149. [Вернуться к статье](#)

2. Давыдова И. А., Коробова И. Н. К вопросу об эффективности института условно-досрочного освобождения // Ведомости УИС. 2017. № 12 (187). С. 20–25. [Вернуться к статье](#)

3. Ефремова И. А. Материальное основание условно-досрочного освобождения от наказания // Всерос. криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 82–91. [Вернуться к статье](#)

4. Князьков А. С., Уткин В. А. Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2015. № 4 (18). С. 45–53. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.7

**ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМЫЙ
ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ****Е. А. Иванченко**

Северо-Кавказский федеральный университет,
Юридический институт,
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: kvi-elena@yandex.ru

Аннотация. В статье автором предпринята попытка предложить меры, способные повысить эффективность обеспечения прав и интересов взыскателя в исполнительном производстве.

Ключевые слова: право на судебную защиту, исполнительное производство, должник, взыскатель, судебный пристав-исполнитель.

Annotation. In the article, the author attempts to propose measures that can increase the effectiveness of ensuring the rights and interests of the claimant in enforcement proceedings.

Keywords: right to judicial protection, enforcement proceedings, debtor, recoverer, bailiff.

Защиту любых нарушенных прав человека можно считать состоявшейся и эффективной только в одном случае — когда нарушенное право восстановлено, при невозможности его восстановления — компенсировано и данная компенсация адекватна, своевременна и реально исполнена. Только в указанном случае мы способны констатировать действенность судебной власти, высокую эффективность ее как одного из механизмов защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Разумеется, механизм защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина гораздо сложнее, и судебная защита не единственный, но, безусловно, один из ключевых его элементов, способный выступать объективным «маркером» авторитетности государственной власти и уровня развития государственности в целом.

В Российской Федерации протекает этап множественных позитивных социальных и правовых преобразований, однако одна сфера общественных отношений традиционно характеризуется неудовлетворительным состоянием — это сфера исполнения судебных решений. Особенно прискорбно существование в нашем государстве такого негативного феномена, как уклонение руководителей публичных институтов — органов государственной власти и местного самоуправления от исполнения судебных решений. На уникальность данного феномена и бюрократическую деформацию вследствие его существования основ

государственного устройства совершенно справедливо указывают отдельные исследователи [1, с. 167].

Да, возрождение института приставов в современной России положило необходимую нормативную основу для упорядочения института исполнения судебных решений, однако есть объективные основания утверждать, что такое возрождение является, скорее, данью исторической российской традиции, а не учреждением нового эффективного института защиты и охраны права. Можно многое говорить о важности данного института, о тех объективных затруднениях, с которыми сталкиваются судебные приставы, но все эти рассуждения становятся несостоятельными при анализе статистики реально и в полном объеме исполненных решений судебных органов.

Какой вывод формулируется при анализе такого состояния исполнительного производства? Вывод единственный, и он неутешителен: нужно радикально менять принципы функционирования института судебных приставов, те положительные результаты, которые достигаются Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации ежегодно, просто растворяются в массе неисполненных судебных решений, и, что еще прискорбнее, в негативном отношении российских граждан к перспективе исполнения судебных решений, даже вынесенных в их пользу.

Проблему неэффективности исполнительного производства много и горячо обсуждают на страницах юридической печати. Так, А. В. Фомин констатирует, что «...по данным официальной статистики, уровень взысканной задолженности в ходе проведения исполнительных производств остается крайне низким и с каждым годом это положение только ухудшается» [2, с. 98], объясняя такое положение прежде всего высокой загруженностью приставов, приводя данные о том, что «ежегодно у каждого судебного пристава в производстве находится до 2800 дел» [2, с. 98].

В связи с указанными проблемами считаем допустимым обсудить в данной публикации отдельные меры, которые, по нашему убеждению, способны приостановить деградацию сферы исполнительных отношений:

1. Самой выраженной является проблема сокрытия имущества, что существенно замедляет исполнение решений судебных органов, и эта несвоевременность, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, приравнивается к отсутствию защиты оспариваемого или нарушенного права, фактическому отсутствию действенного механизма защиты.

Единственным способом пресечения передачи должником имущества третьим лицам, выявления предоставления ложных сведений об объеме имеющегося имущества, предотвращения любого иного способа сокрытия имущества от взыскания является расширение межведомственного взаимодействия,

перевод его на принципиально иной качественный уровень. Это же отмечают и отдельные авторы. Так, В. Г. Голубцов доказывает, что замыкать исполнительное производство исключительно на деятельности судебных приставов нецелесообразно с точки зрения эффективности исполнения судебных решений [3, с. 175–184], Э. Р. Лабашова, в свою очередь, отмечает, что «...за последние пятнадцать лет механизм взаимодействия органов принудительного исполнения и органов внутренних дел существенно изменился, однако имеется ряд проблем, которые необходимо разрешить на законодательном уровне, с тем чтобы продолжить совершенствование форм совместной работы двух силовых структур» [4, с. 21].

2. Предлагается усилить и ускорить научную дискуссию о введении механизма декларирования имущества должником, придать результатам дискуссии надлежащее законодательное оформление. Данную практику, существующую во многих европейских странах, безусловно, следует признать прогрессивной и эффективной с точки зрения надлежащего соблюдения прав взыскателя. Эффективность же данного способа вызывает обоснованное недоумение у российских правоприменителей в части того, почему способ до сих пор не заимствован и не включен в российское законодательство.

3. Следующее предложение весьма дискуссионно, а потому требует серьезного обсуждения научной общественностью. Но такая дискуссионность не исключает необходимости обсуждения возможности выбора иных средств воздействия в случае отсутствия у должника имущества, на которое можно обратиться взыскание. И здесь излишни разговоры о презумпции прав и свобод должника, не имеющего имущества, необходимо помнить также о правах взыскателя и об обязанности государства данные права защищать.

Следовательно, должен быть обсужден и найден некий баланс интересов и должника, и взыскателя, законодательно предложены альтернативные формы выхода из ситуации отсутствия имущества, установлена ответственность за пренебрежение должником использованием данных альтернативных форм.

4. Объективная необходимость повышения качества исполнительного производства до сих пор не обеспечена мерой, которая по своему смыслу и назначению должна была стать вообще первоочередной, а именно скорейшим увеличением численного состава службы, о чем единодушно говорят специалисты. Ни о каком качестве исполнения судебных решений не может идти речь, пока на судебного пристава-исполнителя возложена такая беспрецедентно высокая нагрузка. Ежегодное количество исполнительных производств на одну штатную единицу службы должно быть уменьшено не в разы, а даже в десятки раз. Это как раз тот случай, когда качество окончанных исполнительных производств обоснует объем бюджетных расходов, затраченных на такое

реформирование, а также снизит текучесть кадров, самую высокую среди субъектов правоохранительной системы.

5. Необходимо расширение поля прокурорского надзора за деятельностью судебных приставов-исполнителей. На данной мере хотелось бы остановиться подробнее.

Прокуратура — уникальный правозащитный субъект, в силу возложенных законом полномочий способный катализировать работу всех иных правоохранительных субъектов. Правозащитный потенциал российской прокуратуры трудно переоценить, и использование данного потенциала, в свою очередь, должно быть направлено и на обеспечение законных интересов сторон исполнительных правоотношений.

Основным организационно-распорядительным документом в данной сфере является указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 155/7 [5]. Следует отметить, что согласно этому документу прокуроры в основном действуют в поле проверки законности-незаконности действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Следует отметить, что такую постановку задачи необходимо счесть недостаточной. Руководящий документ должен придать прокурорской надзорной деятельности более активный, инициативный характер.

В частности, целесообразно прокурорам проверять такой критерий, как «достаточность» предпринимаемых приставами-исполнителями мер.

Признаем, что критерий сложный для правоприменителя в силу своей оценочной, субъективной правовой природы. Предполагаем, что он должен сопровождаться достаточно подробным разъяснением того, какие признаки будут у такой достаточности, как (какими предпринимаемыми действиями) она — эта достаточность — должна подтверждаться, согласно каким критериям оцениваться (именно в этом спектре целесообразно будет оценивать в том числе и обращение пристава к межведомственному сотрудничеству, отсутствие жалоб взыскателя на пристава и т. п.).

Отдельной оценке должны подлежать сроки предпринимаемых действий, их периодичность и интенсивность.

Признаем, что данная задача не относится к категории легких, но это необходимая мера, способная при успешности ее реализации произвести принципиальный перелом в исполнительном производстве. Настаиваем, что органы прокуратуры — это и есть тот субъект, надзорная деятельность которого способна данный принципиальный перелом обусловить.

6. Следующая мера самым непосредственным образом связана с предыдущей. По результатам надзорной работы органов прокуратуры закономерно должно следовать расширение практики привлечения к дисциплинарной

ответственности судебных приставов-исполнителей за бездействие (при условии, конечно, отсутствия признака незаконности такого бездействия).

Является ли такое предложение излишне суровым? Да, но только если положение со штатным наполнением Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и загруженностью приставов останется на прежнем уровне. Если будут предприняты необходимые меры, о которых мы упоминали ранее, и нагрузка приставов примет более адекватные количественные показатели, то расширение дисциплинарной практики будет отвечать критериям законности, целесообразности и справедливости, так как данной безынициативностью наносится непоправимый ущерб самой концепции судебной защиты, нарушается конституционное право взыскателя на такую защиту.

7. Инициатива, активная деятельность пристава должна быть подкреплена соответствующими законодательными механизмами.

Так, в самом общем виде можно привести следующий перечень проблем, разрешение которых возможно только на законодательном уровне и разрешение которых критически необходимо:

- должны быть предусмотрены меры, которые пристав будет применять в случае умышленного затягивания должником процедуры исполнения судебного решения, в том числе и путем получения отсрочки, в которой объективно отсутствует необходимость;

- должна активно пресекаться несвоевременность исполнения судебных решений, принято презумпцией положение, что несвоевременное исполнение судебного решения приравнивается к общему неисполнению судебного решения со всеми вытекающими негативными правовыми последствиями для должника и пристава-исполнителя;

- необходимо установление закрытого перечня обстоятельств для отсрочки исполнения судебного решения, исходя из принципа, что такая отсрочка предоставляется лишь в крайних случаях, при наличии обстоятельств непреодолимой силы, обстоятельств, которые должник не может и не мог бы изменить.

В данной статье нами предпринята попытка предложить меры, объективно способные улучшить обеспечение прав взыскателя в исполнительном производстве. Оценка разумности, достаточности и реальности предложенных мер отдается на суд научной общественности. В заключение хотелось бы только подчеркнуть следующее: государство обязано самым скорейшим образом предпринять меры для изменения ситуации с исполнением судебных решений, так как в основе законодательства об исполнительном производстве лежат конституционные нормы, гарантирующие государственную, в том числе и судебную защиту прав и свобод человека и гражданина, а для того, чтобы защита

нарушенных прав осуществлялась на должном уровне, правоприменительный акт должен исполняться своевременно.

-
1. Глухов Е. А. Уклонение российских чиновников от принятия решений: формы и последствия // ЭКО. 2022. № 1(571). С. 167–192. [Вернуться к статье](#)
 2. Фомин А. В. Актуальные проблемы исполнительного производства, пути их решения // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-3(64). С. 97–100. [Вернуться к статье](#)
 3. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2016. Вып. 2. С. 175–184. [Вернуться к статье](#)
 4. Лабашова Э. Р. Развитие и проблемы межведомственного взаимодействия органов внутренних дел и органов принудительного исполнения // Ex jure. 2022. № 1. С. 7–22. [Вернуться к статье](#)
 5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами [Электронный ресурс] : указание Генпрокуратуры Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 155/7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОСВОБОЖДЕНИЕ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ****С. А. Корнеев**

Академия права и управления ФСИН России,
преподаватель кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук
e-mail: kornei_lam@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме «конкуренции» норм, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности. В заключении автор приходит к выводу о необходимости определения конкретных законодательных условий, руководящих пояснений Верховного Суда Российской Федерации в части разграничения реализации норм об освобождении от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф, иные меры уголовно-правового характера, возмещение ущерба, заглаживание вреда.

Annotation. This article is devoted to the problem of competition of the norms defining the procedure for exemption from criminal liability. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is necessary to define specific legislative conditions, guiding explanations of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the differentiation of the implementation of norms on exemption from criminal liability.

Keywords: exemption from criminal liability, active repentance, reconciliation with the victim, judicial fine, other measures of a criminal nature, compensation for damage, compensation for harm.

В соответствии с позицией высших органов государственной власти, тенденцией развития уголовного судопроизводства в России является его либерализация. В этой связи ежегодно сокращается количество лиц, имеющих судимость, значительная доля обвиняемых освобождается от уголовной ответственности в рамках досудебного и судебного производств, ограничивается применение строгих мер государственного принуждения. На сегодняшний день нормы уголовного закона определяют три (из пяти) вида освобождения от уголовной ответственности, условия реализации которых имеют схожий характер. Как отмечает Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев, «... в настоящее время существует три критерия для прекращения уголовного преследования: преступление нетяжкое, совершено впервые и обвиняемый компенсировал ущерб» [1]. С одной стороны, расширение рассматриваемого института вписывается в общую канву проводимой высшими органами государственной власти политики гуманизации действующего уголовного

законодательства, с другой — вызывает трудности теоретико-прикладного характера. Накопленный на сегодняшний день эмпирический материал в доктрине уголовного права, а также опыт следственно-судебной практики позволяют произвести всесторонний анализ норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, и привести научное обоснование по ряду актуальных проблем.

Общими критериями для освобождения лица от уголовной ответственности, предусмотренными ст. 75, 76, 76² Уголовного кодекса (далее — УК) Российской Федерации, является совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые и посткриминальная позитивная деятельность лица, его совершившего, выражающаяся в возмещении ущерба или ином заглаживании вреда.

Стоит отметить, что вопросы, касающиеся конкретного перечня постпреступных социально одобряемых действий, соразмерности ущерба и его восстановления, адресата его получения, на законодательном уровне не урегулированы. Определенную ясность в решение обозначенных проблем теоретико-прикладного характера внесла высшая судебная инстанция Российской Федерации. Так, согласно руководящим разъяснениям Верховного Суда, под *ущербом* необходимо понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д. [2]

Заглаживание вреда — имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства [2].

Из приведенных положений следует, что перечень способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, не является исчерпывающим и не ограничивается жесткими законодательными рамками. В этой связи правоприменительные органы в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу наделяются правом самостоятельно оценивать то или иное посткриминальное позитивное действие лица, совершившего преступление, и принимать решение о его соответствии способу заглаживания вреда.

В целом положительно оценивая расширенную вариацию трактования посткриминальных позитивных действий в качестве способа заглаживания вреда как сегмент уголовной политики, нельзя не отметить имеющиеся проблемы в правоприменительной деятельности. В частности, речь идет о возникшей

в последнее время «конкуренции» норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности.

В практической деятельности имеют место случаи, когда в ходе судебного разбирательства уполномоченные органы государственной власти констатируют факт не единичных позитивных постпреступных действий (чего в принципе достаточно для реализации отдельных положений УК Российской Федерации), а целую конфигурацию общественно полезной деятельности подсудимого.

Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 264 УК Российской Федерации, Ясногорский районный суд Тульской области констатировал факт совершения преступления средней тяжести впервые, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к материалам уголовного дела:

- полное возмещение ущерба и заглаживание причиненного преступлением вреда путем «оказания помощи несовершеннолетней потерпевшей как в приобретении необходимых медицинских препаратов, средств реабилитации и восстановления после оперативного вмешательства, так и компенсации морального и материального вреда (денежная выплата)»;
- принесение публичных извинений;
- отсутствие претензий материального и морального характера у потерпевшего и его представителя к подсудимому [3].

Представляется, что указанные обстоятельства не противоречат положениям уголовного закона и позволяют освободить М. от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК Российской Федерации). Однако обозначенный перечень постпреступных позитивных действий подсудимого не является исчерпывающим. В качестве субсидиарного способа заглаживания вреда, причиненного преступлением, М. «принял активное участие в благотворительной акции “Безопасность дорожного движения на дорогах” и безвозмездно передал в две школы наборы светоотражателей для безопасности на дорогах в темное время суток».

Таким образом, ввиду «... отсутствия сведений, указывающих на прекращение уголовного преследования по иным основаниям» суд постановил освободить М. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере ста тысяч рублей [3].

В то же время Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики постановил прекратить уголовное дело в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК Российской Федерации, в связи с примирением сторон. В вынесенном постановлении суд констатировал факт совершения преступления средней тяжести (данные

актуальны на 2019 г.) впервые, примирения с потерпевшим, а также заглаживания причиненного преступлением вреда в полном объеме [4].

Безусловно, практика рассмотрения уголовных дел по указанной норме не должна сводиться к единому судебному решению. При разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего [2] и т. д. Следовательно, ключевая роль в выборе той или иной нормы уголовного закона делегирована суду.

«Конкуренция» норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, являлась предметом ряда исследований, в том числе фундаментального характера. В юридической литературе, помимо констатации рассматриваемой проблемы, предлагаются пути ее решения. Так, по справедливому убеждению Ю. Е. Пудовочкина, в обозначенной ситуации суд должен применить ту норму, которая: а) предусматривает императивный, а не диспозитивный характер освобождения от ответственности; б) предусматривает меньшее количество условий освобождения; в) не предполагает применения каких-либо мер воздействия в отношении лица, освобожденного от ответственности [5, с. 92].

С целью исключения «конкуренции» норм А. В. Мурашова предлагает исключить при применении положений ст. 76² УК Российской Федерации императивность значения степени раскаяния и исправления лица, совершившего преступление, а также позиции потерпевшего при условии полного возмещения ущерба или иного заглаживания вреда [6, с. 14].

Вместе с тем, исходя из Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК Российской Федерации) и положений ст. 76² УК Российской Федерации, согласие (несогласие) потерпевшего на прекращение уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности не имеет определяющего значения [7].

С одной стороны, игнорирование мнения потерпевшего (при его наличии), а равно степень раскаяния для назначения судебного штрафа послужит устранению заявленной проблемы. Таким образом, при примирении с потерпевшим будет реализована ст. 76 УК Российской Федерации, при деятельном раскаянии — ст. 75 УК Российской Федерации, а при отсутствии данных фактов — ст. 76² УК Российской Федерации.

Однако, с другой стороны, пренебрежительное отношение к позиции потерпевшего станет основанием трансформации судебного штрафа в «легальный» откуп от уголовного преследования. Таким образом, лицу, совершившему

преступление небольшой или средней тяжести, с целью освобождения от уголовной ответственности необходимо лишь возместить причиненный ущерб, например в денежной форме, и уплатить судебный штраф в установленном судом размере и в соответствующие сроки.

Полагаем, что выходом из сложившейся ситуации является определение конкретных законодательных условий, руководящих пояснений Верховного Суда Российской Федерации в части разграничения реализации норм об освобождении от уголовной ответственности. В большей степени данный вопрос касается положений ст. 76² УК Российской Федерации, введение которой спровоцировало дисбаланс главы 11 уголовного закона. При освобождении от уголовной ответственности превалирующей, на наш взгляд, задачей является улучшение положения лица, совершившего преступление (по аналогии ст. 10 УК Российской Федерации), его максимальное стимулирование на раскаяние, осознание совершенного противоправного действия, социально одобряемое поведение, а не удовлетворение частных интересов.

-
1. Несудимы по суду // Рос. газета. 2020. 24 февраля. [Вернуться к статье](#)
 2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации № 19 от 27 июня 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 3. Постановление № 1-37/2021 по уголовному делу № 1-37/2021 от 8 июня 2021 г. // Архив Ясногор. район. суда Тульской обл. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OvC38cwS791B/> (дата обращения: 03.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 4. Постановление № 1-6/2019 1-64/2018 по уголовному делу № 1-6/2019 от 5 февраля 2019 г. // Архив Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wdqSAc2rFWb5/> (дата обращения: 03.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 5. Пудовочкин Ю. Е. Общие проблемы и ошибки освобождения от уголовной ответственности (обзор судебной практики) // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. 2020. № 1 (75). С. 85–92. [Вернуться к статье](#)
 6. Мурашова А. В. Дифференциация штрафа в уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 26 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верхов. Суда Рос. Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 31.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

**УЧАСТИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ СОБСТВЕННЫЙ
ИЛИ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЙ ИНТЕРЕС****Л. Г. Лифанова**

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
профессор кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на отдельные проблемы реализации прав частного обвинителя, потерпевшего, их законных представителей и представителей на представление доказательств в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, расследование, частное обвинение, участник уголовно-процессуальных отношений.

Annotation. The article draws attention to some problems of realization of the rights of a private prosecutor, a victim, their legal representatives and representatives to present evidence in criminal proceedings.

Keywords: proof, evidence, investigation, private prosecution, participant in criminal procedural relations.

Обеспечение задач уголовного судопроизводства осуществляется в основном посредством доказывания обстоятельств, перечень которых определил законодатель (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации). Являясь основным направлением деятельности производства по уголовному делу, доказывание по-разному реализуется на различных стадиях уголовного процесса. Возможность производства следственных действий на этапе доследственной проверки позволяет констатировать, что доказывание может осуществляться до возбуждения уголовного дела. Завершается процесс в ходе судебного заседания.

Право на участие в доказывании принадлежит большинству субъектов уголовно-процессуальных отношений. Однако реализация данного права зачастую затруднена или невозможна. В первую очередь это касается лиц, имеющих собственный или представляемый интерес в уголовном деле: частного обвинителя, потерпевшего (его законного представителя и представителя), гражданского истца (его представителя).

Институт частного обвинения, как известно, относится к старейшей форме организации уголовно-процессуальной функции защиты прав и свобод человека [1, с. 51]. Юридический статус частного обвинителя раскрывается через процессуальную фигуру другого субъекта — потерпевшего или его законного представителя и представителя по уголовным делам частного

обвинения (п. 59 ст. 5 УПК Российской Федерации). Частный обвинитель иницирует уголовное преследование, представляет доказательства, поддерживает обвинение в суде.

Доказывание по уголовным делам частного обвинения достаточно специфично и имеет существенные различия по сравнению с публичным обвинением. Так, в случае известности лица, в отношении которого подается заявление о привлечении к ответственности, заявитель (после возбуждения уголовного дела — частный обвинитель, потерпевший) обязан указать достаточный объем сведений, обосновывающих свою просьбу. Указанные сведения рассматриваются в юридической литературе как доказательства, которые должны быть получены лицом, претерпевшим вред от преступного деяния, до юридического оформления своего обращения в мировой суд [2, с. 114]. Приведенное суждение основывается на жестких требованиях, предъявляемых к заявлению, подаваемому в суд, о возбуждении уголовного дела частного обвинения (ч. 5 ст. 318 УПК Российской Федерации).

Представление доказательств и участие в их исследовании как право частного обвинителя сохраняется в ходе всего судебного разбирательства. Кроме этого, частный обвинитель может обозначать свою позицию относительно существа обвинения, применения норм уголовного законодательства, поддержания гражданского иска.

Статьи УПК Российской Федерации, регламентирующие участие частного обвинителя в доказывании, позволяют судить о нем как о полноценном субъекте доказывания. В то же время очевидно, что, не имея юридических познаний в сфере уголовного судопроизводства, реализовать свои права в данном направлении деятельности весьма затруднительно.

Право представлять доказательства также принадлежит потерпевшему. Приобретение данного права происходит одновременно с получением статуса обозначенного субъекта (ст. 42 УПК Российской Федерации). Закон предписывает делать это немедленно (признавать лицо потерпевшим) после возбуждения уголовного дела (при наличии сведений о таком лице).

В то же время потерпевший, еще официально не наделенный указанным статусом, может представлять сведения, которые впоследствии будут использованы в качестве доказательств (имеется в виду получение от него объяснений, производство в отношении него определенного спектра следственных действий).

Потерпевший, как и частный обвинитель, является участником стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК Российской Федерации). Следовательно, представляемые ими доказательства, как правило, носят характер обвинительных. Обвинение тесно связано с уголовным преследованием, являясь его

структурным элементом. Потерпевший, равно как и частный обвинитель, является субъектом уголовного преследования, суть деятельности которых состоит в изобличении конкретного лица в совершении преступления.

В отличие от частного обвинителя, для потерпевшего законодатель конкретизировал право на участие в уголовном преследовании — только в отношении обвиняемого (ст. 22 УПК Российской Федерации). Следовательно, до вынесения следователем (дознавателем) постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого у потерпевшего сохраняются полномочия на представление доказательств, однако отсутствует право на участие в уголовном преследовании. Обнаруженный конфликт норм достаточно серьезен и не может быть сведен только к критическим замечаниям теоретического характера. Полагаем, что сбор и представление доказательств субъектами стороны обвинения (в особенности потерпевшим) главным образом направлены на установление и изобличение лица в совершении преступления. Эта деятельность может начинаться до принятия официального решения о начале производства по делу. Иницирует начало данной деятельности зачастую лицо, претерпевшее вред от преступления, которое впоследствии будет признано потерпевшим. Поэтому искусственная дифференциация прав потерпевшего на участие в доказывании и участие в уголовном преследовании должна быть устранена нормативным путем посредством внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Право представлять доказательства предусмотрено для гражданского истца (п. 2 ч. 4 ст. 44 УПК Российской Федерации). Участие данного субъекта в уголовном судопроизводстве связано с наличием исковых требований о возмещении причиненного ущерба и (или) компенсации морального вреда. Нередко процессуальные статусы потерпевшего (частного обвинителя) и гражданского истца соединяются в одном лице. В этом случае нет потребности определять, получены ли доказательства от потерпевшего или от гражданского истца.

Другое дело, когда гражданским истцом по уголовному делу является представитель юридического лица, которому причинен имущественный вред в результате преступления или вред деловой репутации. В этой ситуации он выступает как самостоятельный участник доказывания по делу. Цель участия в доказывании у него более узкая, чем у потерпевшего — физического лица. Гражданский истец участием в доказывании обосновывает заявленный иск. Представляемые им сведения могут содержать информацию, выходящую за пределы исковых требований (например, о виновности лица и др.), однако по объему прав на участие в уголовном преследовании он, безусловно, уступает потерпевшему и частному обвинителю.

Аналогичные права на представление доказательств регламентированы, соответственно, для лиц, представляющих интересы частного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца — законных представителей и представителей. Их наличие в уголовном процессе не подменяет участие самих представляемых субъектов, а является дополнительной гарантией соблюдения прав указанных участников. Непосредственно данным субъектам вред в результате преступления не причиняется. Однако их участие в установлении и доказывании обстоятельств, подлежащих установлению, носит вполне полноценный характер.

Безусловно, заслуживает серьезного осмысления предусмотренная законом процедура представления доказательств лицами, не наделенными властными полномочиями по расследованию преступлений. Производство следственных и иных процессуальных действий, приобщение к материалам уголовного дела предметов и сведений происходят посредством разрешения заявленных ходатайств на имя следователя (дознателя) или суда. С одной стороны, оправдано, что определение достаточности доказательств — прерогатива лица, производящего расследование по делу (позднее суда), с другой — качество и объем проведенного расследования могут быть оценены потерпевшим, его законным представителем или представителем исключительно на завершающем этапе расследования. Сроки следствия к этому времени заканчиваются, ходатайства о проведении дополнительных следственных действий в своем большинстве отклоняются. Представить дополнительные доказательства в суде не всегда возможно.

В связи с этим представляется целесообразным в тексте уголовно-процессуального закона Российской Федерации в целях отражения действительной ситуации участия в доказывании лиц, имеющих в деле собственный или представляемый интерес, заменить формулировку «вправе представлять доказательства» на формулировку «вправе заявлять ходатайства о проведении следственных и процессуальных действий, направленных на получение доказательств».

1. Шейфер С. А., Петрова Н. Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право. 1999. № 6. С.51–56. [Вернуться к статье](#)

2. Зверев И. В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2005. 195 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

О ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ: УВАЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

А. А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
e-mail: lok_doc@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам гармонизации уголовно-процессуального права России и Беларуси в реализации международных стандартов. На основе сравнительного анализа отдельных источников международного и внутригосударственного права автором сформулированы выводы, направленные на правовую конвергенцию в вопросах реализации права на уважение чести и достоинства личности.*

***Ключевые слова:** уважение чести и достоинства личности, уголовное судопроизводство, международные стандарты.*

***Annotation.** The article is devoted to the harmonization of criminal procedural law of Russia and Belarus in the implementation of international standards. Based on a comparative analysis of individual sources of international and domestic law, the authors formulate conclusions aimed at legal convergence in the implementation of the right to respect for the honor and dignity of the individual.*

***Keywords:** respect for the honor and dignity of the individual, criminal proceedings, international standards.*

К числу основных ценностей демократии, ориентированной на отдельного человека, бесспорно, относятся его права и свободы. Конвенционное закрепление признанных мировым сообществом субъективных прав и отдельных правовых гарантий является основой развития национального правового пространства в сфере защиты личности. В этой связи анализ международных соглашений (договоров), практики имплементации европейских стандартов в нормы внутригосударственного права, изучение опыта деятельности правозащитных органов обладают определяющим значением для гармоничного развития идей правового государства в конкретной национальной правовой системе.

Честь и достоинство личности — важнейшие моральные ценности и основа эволюции человеческой цивилизации. Эти понятия взаимосвязанные, неотъемлемые друг от друга, являются внешним и внутренним отражением человеческого воплощения. Именно по результатам оценки личности социумом и самим собой, соответственно, формируется законный интерес — требовать уважения чести и достоинства.

Правовые идеи уважительного отношения и человеческого обращения неоднократно закреплялись в официальных источниках международного права. Запрет на «пытки или жестокое бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание» содержится в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека [1]. Аналогичная дефиниция имеется и в Международном пакте о гражданских и политических правах, ст. 7 которого также соотносит с запрещенным обращением «медицинские или научные опыты без свободного согласия лица» [2].

«Право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущее человеческой личности» должно гарантироваться каждому, даже при наличии обоснованного подозрения (обвинения) в совершении преступления в отношении такого лица и в случаях законного применения мер государственного принуждения [3]. Сказанное обнаруживает два ключевых аспекта в реализации частного интереса на уважение чести и достоинства в публично-правовой сфере.

Во-первых, остро сегодня стоит вопрос определения пределов усмотрения государства в регламентации прав и свобод личности. Идеи чести и достоинства, воплощенные в общепризнанном праве, в целом не предполагают изъятия какого-либо объема из пределов реализации этого права. Однако, несмотря на то, что каждое государство дополнительно декларирует права и свободы человека (гражданина) в имеющем высшую юридическую силу на ее территории правовом акте, государство же вправе и ограничивать эти признанные права, руководствуясь при этом необходимостью защиты публичного интереса (законного общественного или государственного интереса).

Следует отметить, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются тому примером, определяя в своем конституционном законодательстве однозвучные публичные интересы. Оправдывающей ограничение прав и свобод личности ст. 23 Конституции Республики Беларусь называет необходимость защиты «интересов национальной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [4], а ст. 55 Конституции Российской Федерации — необходимость защиты «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства» [5].

С позитивной стороны следует отметить акцент российского законодателя на соразмерности правоограничения, а также включение гарантированного ст. 21 Конституции РФ права на охрану достоинства личности в неприкасаемый список благ, которые не подлежат ограничению ни при каких, даже особых, обстоятельствах¹ (ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации). Белорусский

¹ В контексте чрезвычайного положения.

законодатель несколько иначе интерпретирует реализацию названного права, объединяя его гарантирование наряду со свободой и неприкосновенностью в единой правовой норме и не указывая это комплексное право в ст. 63 Конституции Республики Беларусь в перечне неотчуждаемых благ¹.

Во-вторых, обращенность международных стандартов реализации права на уважение чести и достоинства непосредственно к государству обуславливает потребность в создании дополнительных гарантий защиты личности в публично-правовой сфере, то есть защиты от самого государства. Самостоятельным ориентиром в формировании системы этих гарантий надлежит назвать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция), которая, полагаем, является одним из дискуссионных международных соглашений Российской Федерации, в большинстве своем из-за специфичной практики его применения. Ратификация Россией 30 марта 1998 года Европейской конвенции обязала наше государство привести законодательство в соответствие с европейскими стандартами, признать обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), в частности по всем вопросам, относящимся к толкованию и применению норм Европейской конвенции [6].

Невзирая на то, что Республика Беларусь до настоящего времени не вошла в состав Совета Европы, не ратифицировала Европейскую конвенцию, соответственно, на нее не распространяется юрисдикция ЕСПЧ, немаловажным считаем проанализировать отдельные предписания Европейской конвенции в контексте реализации права на уважение чести и достоинства личности во взаимосвязи с другими элементами системы международного права.

Европейская конвенция в ст. 3 устанавливает правовой запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Отметим, что, по мнению ЕСПЧ, обеспечение гарантированного ст. 3 Европейской конвенции права является одной из самых уязвимых сфер российской правовой системы. По итогам 2021 года Российская Федерация вновь оказалась в числе антилидеров государств — ответчиков по делам с выявленными нарушениями ст. 3 Европейской конвенции² [7].

¹ Отметим, что российский законодатель в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 56 Конституции Российской Федерации, тоже допускает установление отдельных ограничений права на свободу и личную неприкосновенность с указанием пределов и срока их действия.

² Только в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения количество выявленных нарушений по делам против Российской Федерации составило 76, то есть 31,7 % от общего числа выявленных ЕСПЧ случаев нарушения ст. 3 Европейской конвенции. За период 1959–2021 гг. этот показатель и вовсе составил 992 случая, то есть 35,5 % от общего числа выявленных ЕСПЧ фактов нарушения ст. 3 Конвенции (в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), что безоговорочно определило Российскую Федерацию лидером в рейтинговой таблице государств-ответчиков.

Надлежит указать, что дефиниция «пытки» содержится в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — Конвенция против пыток). Под пытками понимается любое действие, которым умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное [8]. Именно умысел, цель (запугивание и принуждение), специальный субъект (государственное должностное лицо) и еще ряд критериев, согласно международным стандартам, используются в оценке ситуации на предмет пыток. При этом в тексте названного нормативного правового акта дифференциация пыток и обращения (жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство) происходит от противного, а именно: перечисленные виды запрещенного обращения не подпадают под определение «пытки» (ст. 16 Конвенции против пыток) [8]. Любопытно, что Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая стала основой Конвенции против пыток, квалифицирует пытки и уже названные виды запрещенного обращения в качестве однородных: «Пытки представляют собой усугубленный и преднамеренный вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания [9]».

Судебная практика также уделяет пристальное внимание проблемам толкования признаков, характеризующих пытки, как международного преступления, так и характеризующих пограничные с пытками виды запрещенного обращения. Основываясь на практике ЕСПЧ, Верховный Суд Российской Федерации определяет как бесчеловечное обращение, случаи, «как правило, преднамеренного характера, имеющие место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания» [10]. В качестве унижающего достоинство обращения расценивается такое обращение, которое «вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности» [10].

При кажущейся последовательности суждений в определении запрещенных ст. 3 Европейской конвенции действий следует обратить внимание на незначительный, на первый взгляд, дисбаланс формулировок. Если в ст. 3 Европейской Конвенции содержится лишь запрет на пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, то в ст. 1 Конвенции против пыток имеется исключение из определения «пытки»: «...боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» [8]. Несомненно, непреднамеренный характер действий, а также их формальная законность могут учитываться при формировании суждения об отсутствии пыток в конкретном эпизоде.

Однако ключевым, полагаем, должен быть вывод о том, что даже регламентированные внутригосударственным правом принудительные механизмы с учетом особенностей их применения могут обладать существенными признаками как пыток, так и иных видов обращения, запрещенного стандартами международного права.

В этой связи логичным считаем обратиться к нормам, являющимся основой уголовно-процессуальной формы указанных принудительных механизмов и регламентирующим их общие правила. Одним из принципов российского уголовного судопроизводства, в котором конкретизированы конституционные императивы, является регламентированный ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации принцип уважения чести и достоинства личности [11]. Интересно, что российский законодатель сначала разделяет правовые запреты: ч. 1 ст. 8 УПК Российской Федерации установлен запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участников уголовного судопроизводства, и запрет на обращение, унижающее человеческое достоинство либо создающее опасность для жизни и здоровья. Затем, следуя международным стандартам, законодатель в ч. 2 ст. 8 УПК Российской Федерации обобщает данный концепт однозначным запретом насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения в отношении участников уголовного судопроизводства. Эта позиция находит последовательное развитие в общих правилах производства следственных действий (ч. 4 ст. 164 УПК Российской Федерации), где, помимо насилия, создания опасности для жизни и здоровья, говорится о недопустимости применения угроз и иных незаконных мер.

Отметим, что действующее российское законодательство, регулирующее действие принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе, нельзя признать безукоризненным. Автором данных строк ранее на страницах юридической печати уже формулировался вывод о необходимости максимального признания автономии личности и создания достаточных гарантий реализации принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве [12].

Уголовно-процессуальное законодательство Беларуси в его основном законе конкретизирует конституционное предписание об охране достоинства личности одновременно в двух принципах, что обусловлено комплексной интерпретацией гарантированного ст. 21 Конституции Республики Беларусь права. Запрет насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения установлен в ст. 11 УПК Республики Беларусь (неприкосновенность личности), а в ст. 12 данного кодекса содержится запрет действий и решений, унижающих честь и умаляющих достоинство либо создающих

опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса, при производстве по материалам и уголовному делу (уважение чести и достоинства личности) [13].

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

- ограничение прав личности в публично-правовой сфере, в частности при осуществлении уголовного судопроизводства, должно происходить соразмерно, в пределах, необходимых для защиты публичного интереса;
- право на уважение чести и достоинства личности относится к числу неотчуждаемых нематериальных благ, его ограничение (независимо от соразмерности публичного интереса) противоречит существующим международным стандартам;
- государственная деятельность в публично-правовой сфере, которой является и уголовно-процессуальная деятельность, должна исключать жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство личности обращение, а также пытки как усугубленный и преднамеренный вид такого обращения;
- реализация международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства способствует гармонизации права России и Беларуси, которая должна происходить с учетом особенностей их национальных правовых традиций.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принята резолюцией 220 (XXI) Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [Электронный ресурс] : принят резолюцией 43/173 Генер. Ассамблеи ООН 9 дек. 1988 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Лукьянова А. А. Проблемы реализации права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе: правовые позиции ЕСПЧ // Алтайс. юрид. вестн. 2020. № 4(32). С. 139–143. [Вернуться к статье](#)
7. European Court of Human Rights [Electronic resource]. URL: <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : принята резолюцией 39/46 Генер. Ассамблеи ООН 10 дек. 1984 г. URL: <https://base.garant.ru/1305395/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : принята резолюцией 3452 (XXX) Генер. Ассамблеи ООН 9 дек. 1975 г. URL: <https://base.garant.ru/12123843/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5. URL: <https://base.garant.ru/12132854/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. от 01.07.2021 г. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Лукьянова А. А. Принудительные следственные действия: к проблеме реализации принципа уважения чести и достоинства // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. тр. / под ред. Н. С. Расуловой. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России. 2021. С. 70–74. [Вернуться к статье](#)
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 316.33

**ЭТНИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ****Д. В. Меняйло**

Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина,
начальник кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru

Е. Р. Барсова

Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
курсант 3 курса факультета правоохранительной деятельности
e-mail: eekateriina0412@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается этнический менталитет, в недрах которого при определенных условиях развития общества могут пробуждаться деструктивные элементы, и тогда присутствует негативный характер влияния менталитета. И напротив, при культурном взаимодействии и актуализации общих представлений, ценностных ориентаций и установок может проявляться положительный характер.

Ключевые слова: этнический менталитет, национальная безопасность, мультикультурное общество, межэтнический конфликт, созидание.

Annotation. The article examines the ethnic mentality, in the depths of which under certain conditions of the development of society destructive elements can awaken, and then there is a negative character of the influence of mentality. Conversely, with cultural interaction and the actualization of common ideas, value orientations and attitudes a positive character can manifest itself.

Keywords: ethnic mentality, national security, multicultural society, interethnic conflict, creation.

Россия — крупнейшая полиэтническая страна мира, на территории которой проживает более 190 национальностей. Этнокультурное многообразие Российской Федерации подкрепляется использованием на территории государства 277 языков и диалектов, а также применением 105 языков в рамках государственной программы обучения (из них 24 — в качестве языка обучения и 81 — в качестве учебного предмета) [1].

Наша страна создавалась как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря межэтническому взаимодействию и особой объединяющей роли русского народа на тер-

ритории нашего государства было сформировано уникальное культурное многообразие.

Основная закономерность развития любой многонациональной и многоконфессиональной страны — мультикультурная среда, процессы глобализации. Однако интенсификация взаимодействия между народами и цивилизациями может обострять противоречия между ними и порождать конфликты, если в менталитетах их граждан имеются деструктивные различия. В конце XX века С. Хантингтон высказал мнение о том, что в следующем столетии основным источником конфликтов между цивилизациями станут не экономические противоречия, а культурные, которые будут выражаться в нравственных, эстетических, религиозных идеях, то есть в различных менталитетах, присущих представителям различных стран и народов [2].

Действительно, печальной закономерностью последних лет является обострение противоречий между разными цивилизациями. Все чаще новостные сводки пополняются информацией о возникновении конфликтных ситуаций между представителями отдельных наций и народов, в речах политиков все чаще звучит агрессивная риторика.

Согласимся с мнением американского исследователя Д. Филда, которым было отмечено, что «этнический менталитет коренится в материальной жизни и оказывает непосредственное влияние на экономические, политические и социальные отношения». По мнению ученого, «менталитет молчалив», ведь находит свое отражение в первую очередь в деятельности народа, нации, этноса [3].

Влияние этнического менталитета на возникновение конфликтных ситуаций наглядно было продемонстрировано исследователями американского Калифорнийского университета, в котором обучались представители из различных стран [4]. Сущность эксперимента заключалась в проверке степени устойчивости различных национальностей и этносов к конфликтам: подопечный студент должен был идти навстречу другому и намеренно толкнуть его. Далее среди данных студентов был произведен опрос: «Как Вами был воспринят данный инцидент?».

Отмечается, что мнения были различными: одними инцидент был воспринят негативно, другими — нейтрально. Исследователями было доказано, что потомки шотландцев с американского Юга сворачивают на минимальном расстоянии и реагируют наиболее агрессивно, что и подтверждает влияние этнического менталитета на склонность к конфликтным ситуациям.

Особая опасность столкновений между представителями различных культур может привести к внутреннему противостоянию различных наций, стать настоящей угрозой национальной безопасности любого государства.

Профессор социологии НИУ ВШЭ Санкт-Петербурга Д. И. Александров в связи с данной ситуацией отметил, что случаи столкновения между различными национальностями в последнее время обостряются и принимают характер угрозы национальной безопасности [4]. По мнению профессора, виной всему «обыденные стереотипы и личные мотивы», которые являются составляющими этнического менталитета.

В условиях многообразия наций и этносов важное значение принимает особая политика государства, направленная на формирование условий, обеспечивающих стабильное сосуществование различных цивилизаций и их плодотворное взаимодействие. Для гармонизации межкультурного и межнационального взаимодействия наша страна защищает этнокультурное и языковое многообразие, организует национальные стратегии, основополагающей из которых, по нашему мнению, является развитие этнического менталитета как особого психоэнергетического уровня восприятия мира определенным этносом, нацией [5].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [1], благодаря указанной Стратегии удалось продвинуться в сфере формирования «межэтнического менталитета». По итогам социологических опросов удалось выяснить, что 78,4 % граждан Российской Федерации положительно оценивают ситуацию в области межнациональных отношений, 93 % от общего числа респондентов свидетельствуют об отсутствии в отношении себя дискриминации по признаку языковой, национальной или религиозной принадлежности [1].

Организация особой политики в данной сфере имеет очень важное значение, ведь этнический менталитет во многом определяет направление межнациональных отношений в государстве, и важно, чтобы в таком воздействии определяющее значение принадлежало представлениям, ценностным ориентациям и установкам, имеющим положительное влияние на развитие общества (гостеприимство, уважение к старшим, ценность семьи и т. д.). Формирование грамотной государственной политики, направленной на укрепление национального согласия, обеспечение успешной социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, обеспечение гармонизации межэтнических отношений — современная необходимость. Для реализации вышеперечисленных целей нам представляется необходимой реализация следующих действий:

- формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса гражданской ответственности, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства

граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, посредством проведения научных конференций, спортивных и познавательных мероприятий;

- формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграция в российское общество;

- внедрение в образовательные программы общеобразовательных организаций курсов по изучению культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации;

- обеспечение углубленного изучения исторического и культурного пути представителей различных стран в образовательных организациях для осознания этнического многообразия, привития уважения к другим культурам, а также с целью дальнейшей профилактики конфликтных ситуаций между представителями различных стран и конфессий.

Таким образом, этнический менталитет — значимая составляющая разных народов. Его влияние на общество достаточно неоднозначное — плодотворное межкультурное взаимодействие и межнациональное сотрудничество, с одной стороны, и острые конфликты, порой перерастающие в угрозу национальной безопасности, — с другой. Закономерности, связанные с обострением взаимоотношений между представителями разных менталитетов, ставят перед современным обществом соответствующие задачи. Лишь благодаря созданию и поддержанию конструктивной общности менталитетов различных социумов наряду с политическими и экономическими мерами можно добиться гармонизации межнациональных отношений.

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Рос. Федерации от 24 дек. 2012 г. № 52 ст. 7477.

[Вернуться к статье](#)

2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Модель грядущего конфликта // Полис. 1994. № 1. С. 33–48. [Вернуться к статье](#)

3. Сулейманов А. Р. Этноты и нации в стратегии национальной безопасности Российской Федерации: политологический аспект [Электронный ресурс] // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosy-i-natsii-v-strategii-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-politologicheskiy-aspekt> (дата обращения: 07.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Нисберт Роберт Александр [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нисбет,_Роберт_Александр (дата обращения: 07.02.2022 г.). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Демидова И. А. Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 1(81). С. 10–19. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98:343.81

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. А. Нуждин

Академия ФСИН России,
докторант факультета подготовки
научно-педагогических кадров,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: aanuzhdin@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты соблюдения законности в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Говорится о запрете подмены одних процессуальных действий (или непроцессуальных) другими.

Ключевые слова: законность; преступление; учреждения уголовно-исполнительной системы; обстоятельства, способствовавшие совершению пенитенциарных преступлений.

Annotation. The article considers the main aspects of compliance with the rule of law in the process of identifying the circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes. It is said about the prohibition of substituting some procedural actions (or non-procedural ones) with others.

Keywords: legality; crime; institutions of the penal enforcement system; circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes.

Преступление является наиболее тяжким деянием, которое совершается в обществе. За совершение преступления предусмотрены наказания разных видов. Наиболее тяжким видом наказания можно считать лишение свободы. С точки зрения уголовного права наказание назначается в «целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [1]. В теории можно предположить, что лицо, подвергшееся лишению свободы, не должно совершать подобных преступлений как после освобождения, так и в процессе отбывания наказания. К сожалению, на практике ситуация обстоит иначе. Уровень рецидива преступлений в России остается на достаточно высоком уровне. Так, количество осужденных лиц, ранее судимых, за последние 10 лет выросло с 33 % до 40 % (от общего количества осужденных) [2]. Складывающаяся ситуация приводит к тому, что в местах лишения свободы России концентрируются лица, имеющие богатый преступный опыт, склонные к деструктивному поведению и нарушению требований режима. В 2021 г. около 70 % осужденных, подозреваемых и обвиняемых в России были осуждены два и более раза, что говорит

о высокой концентрации в исправительных учреждениях лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, неоднократно судимых [3, с. 23].

Указанные выше обстоятельства приводят к тому, что в учреждениях уголовно-исполнительной системы России регистрируется рост пенитенциарной преступности (под пенитенциарными мы понимаем преступления, совершаемые подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными в следственных изоляторах и исправительных учреждениях). Так, в 2017 г. было зарегистрировано 974 преступных пенитенциарных деяния, а в 2021 г. — уже 1271, коэффициент преступности при расчете на 1000 осужденных и лиц, заключенных под стражу, составил 2,69 [4].

В подобной ситуации на одно из первых мест выходит деятельность по расследованию и предупреждению пенитенциарных преступлений. Причем в данном конкретном случае предупредительные функции необходимо реализовывать именно в процессе расследования. Мы говорим о деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений (деятельность, предусмотренная ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Расследование и предупреждение пенитенциарных преступлений должно проходить в точном соответствии с действующим законодательством, при соблюдении принципа законности.

Законность является основополагающим принципом Российской Федерации. Данный принцип нашел свое отражение в Конституции Российской Федерации (ст. 15), устанавливающей высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России. Также принцип законности закреплен во всех основных нормативных актах, касающихся деятельности уголовно-исполнительной системы (ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации; ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации; ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»; ст. 1 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и др.).

Принцип законности заключается в том, что при организации расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений должностные лица органов предварительного расследования и уголовно-исполнительной системы России должны руководствоваться требованиями уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, положениями иных нормативных

актов, регламентирующих порядок производства предварительного расследования.

Расследование и предупреждение пенитенциарных преступлений осуществляется за счет производства комплекса процессуальных и непроцессуальных действий. Основными средствами достижения целей уголовно-процессуального законодательства являются следственные действия. Анализ уголовных дел, материалов расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений показал, что существуют проблемы при соблюдении законности в процессе их производства.

Нами было выявлено два основных направления, касающихся нарушения принципа законности при производстве следственных действий:

- тактика производства некоторых следственных действий;
- подмена результатов следственных действий результатами оперативно-розыскных или «режимных» мероприятий.

Большинство отдельных действий, проводимых в процессе расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений, перекликаются между собой, преследуют одну и ту же цель, по содержанию являются идентичными. Отличие заключается в субъекте их проведения, доказательном значении и моменте проведения (по отношению к наличию возбужденного уголовного дела).

Простой социальный диалог (беседа) может являться оперативно-розыскным мероприятием «опрос», следственным действием «допрос», процессуальным действием «получение объяснений» и, собственно, просто беседой между подозреваемым, обвиняемым, осужденным и представителем администрации исправительного учреждения (следственного изолятора). Важно понимать, что каждое из указанных действий проводится в строгом соответствии с нормами законодательства, которые накладывают определенные права и обязанности на обоих участников «беседы». Результаты указанных выше мероприятий имеют разное процессуальное значение, но все они могут быть использованы при расследовании и предупреждении пенитенциарных преступлений.

Аналогичная ситуация складывается вокруг следственного действия «обыск», оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и режимного мероприятия «обыск». Практика показывает, что в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, все указанные выше мероприятия могут проводиться (причем в одном и том же помещении) разными субъектами и в разное время.

Следственное действие «контроль и запись переговоров», оперативно-розыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров» и «режимное» мероприятие «контроль телефонных разговоров» также имеют одну природу, но разную законодательную базу для их проведения.

Подобных схожих действий в разных нормативных актах (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») достаточно много.

Подменять проведение одних мероприятий другими категорически запрещается [5, с. 82]. Во-первых, это может привести к невозможности последующего использования полученной информации, а во-вторых, может выступать в качестве объективной стороны ряда преступлений.

На основании изложенного выше можно говорить о важности и необходимости соблюдения законности в процессе расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений, вне зависимости от формы и вида проводимых мероприятий.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : с изм. и доп. // Собрание законодательства Рос. Федерации. № 25. 17.06.1996. ст. 2954. [Вернуться к статье](#)

2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 26.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Нуждин А. А. Преступность осужденных в местах лишения свободы. Теоретический аспект // Закон и право. 2020. № 1. С. 21–28. [Вернуться к статье](#)

4. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2017–2021 годы // Форма статистической отчетности ФСИН-1. Доступ из АИС «Статистика УИС». [Вернуться к статье](#)

5. Гришин Д. А. Сущность и детерминанты нарушения принципа законности в уголовном судопроизводстве // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3 (78). С. 81–83. [Вернуться к статье](#)

УДК 342

МОДЕРНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Н. В. Сидорова

Карагандинский университет Казпотребсоюза (Казахстан),
доцент кафедры правового регулирования экономических отношений,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: nsidorova75@mail.ru

Г. Т. Бuebаева

председатель специализированного межрайонного экономического суда
Карагандинской области
e-mail: mail@keu.kz

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты модернизации судебной власти, направленные на формирование транспарентной системы правосудия, ее открытости и доступности, создание безупречного и профессионального судейского корпуса как важнейшего фактора укрепления доверия общества к судебной власти в целом, к суду и судье в частности. Проведен анализ взаимосвязи основных процессов модернизации судебной власти и их влияния на укрепление правового государства.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, правовое государство, модернизация, реформирование, суд, судья, цифровизация.

Annotation. The article discusses certain aspects of the modernization of the judiciary aimed at creating a transparent system of justice, its openness and accessibility, creating an impeccable and professional judiciary as the most important factor in strengthening public confidence in the judiciary in general, in the court and the judge in particular. The analysis of the relationship between the main processes of modernization of the judiciary and their impact on the strengthening of the rule of law is carried out.

Keywords: judiciary, justice, rule of law, modernization, reform, court, judge, digitalization.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан, наша страна является правовым государством. Несмотря на различные теоретические концепции правового государства, у каждого человека есть свое понимание данного правового института. Представляется, что правовое государство — это государство, в котором сильная и независимая судебная власть стоит на страже незыблемости закона и конституционных прав и свобод человека. Именно в правовом государстве человек может защитить себя законными способами, среди которых главенствующую роль занимает судебная защита.

Конституционно-правовые основы судебной власти составляют Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. и Конституционный закон Республики Казахстан от 20 декабря 2000 г. «О судебной системе и статусе

судей Республики Казахстан». Именно эти два правовых акта являются базовыми платформами независимости судебной власти, которые дополняются нормами других правовых актов.

Ретроспективный анализ развития и модернизации судебной власти за годы независимости нашего государства позволяет сделать вывод, что новый импульс для укрепления судебной власти получен в связи с реализацией Пяти институциональных реформ, обозначенных первым Президентом в 2015 году [1]. По прошествии шести лет мы можем говорить о реализованных новациях, как в самом судоустройстве, так и в системе подбора судейских кадров, в повышении качества отправления правосудия, все большей специализации судов, изменении администрирования судов, внедрении и совершенствовании цифровых технологий и др., а также пилотных проектах, реализуемых в настоящее время и в ближайшей перспективе.

В своем Послании народу Казахстана К. Токаев отметил, что «важный критерий правового государства — беспристрастное и справедливое правосудие» [2]. Построение правового государства, укрепление его основополагающих принципов находятся в прямой взаимосвязи от качества правосудия, которое в первую очередь определяется профессионализмом судейского корпуса, а также безупречностью каждого судьи. Изменения в законодательстве Республики Казахстан позволили по-новому построить работу по подбору кандидатов в судьи, в результате которой внедрены новые индикаторы профессиональной пригодности кандидата в судьи (кейсовые задачи, письменное эссе, интервью с судьями). Отметим, что уже на этом этапе проходят все испытания около 6 % претендентов (ранее около 25 %). Усилен конкурсный и конкурентный отбор кандидатов на должность судьи, в том числе изменены правовые требования к кандидатам на должность судей различного уровня, а также обеспечена открытость отбора кандидатов и назначения судей.

Законодательство Республики Казахстан претерпело изменения в части регламентации правового статуса действующего судьи. С одной стороны, усилены правовые гарантии его независимости и самостоятельности, улучшены социальные и материальные гарантии, с другой — внедрены новые форматы судейского самоуправления (расширение пленарных заседаний по составу; усиление роли пленарных заседаний в назначении судей и их ответственности; ограничение срока для председателей судов и коллегий; в перспективе — внедрение элементов выборности председателей судов).

Реализация проекта «Безупречный судья» в рамках программы «7 камней правосудия» позволила не только укрепить судейский корпус, но и создать конкурентную и прозрачную систему отбора кадров. По словам А. Саудакасова, реализуемые новации позволили существенно сократить отток судей,

а также прослеживается тенденция к увеличению числа претендентов в судьи [3]. При этом усиление дисциплинарной ответственности судей, отказ от «корпоративной поруки» судей, нарушивших закон, наглядно отражают изменения в базовом понимании сущности категории «безупречный судья», и ее реальном наполнении не только с позиции профессионализма, но и с позиции верховенства закона и этического компонента.

Результат модернизации судебной власти в данном направлении — это торжество закона как основополагающий фактор построения правового государства.

Построение «открытого», «транспарантного» и «слышащего» государства в современных реалиях уже не является «утопической идеей», как многим это представлялось в недалеком прошлом. Сегодня процессы цифровизации поглотили все сферы деятельности государства. Не прошли они стороной и судебную власть. Цифровизация правосудия — это реалии, на которых базируется доступность правосудия и его открытость, а также поддерживается обратная связь с гражданским обществом.

В настоящее время реализованными цифровыми продуктами являются: электронное извещение участников процесса; виртуальный суд; цифровые сервисы. Функционирующие цифровые инструменты «Судебного кабинета»: 32 объединенных сервиса по отправке заявлений и ходатайств по гражданским и уголовным делам; 5 видов ходатайств и заявлений; сервис для досудебного урегулирования споров «Е-примирение»; 5 видов ходатайств и заявлений в кассационную инстанцию; сервисы — «Суды-GIS», «Онлайн-беседа», «Проверка легитимности судебного акта», «Проверка о наличии судебных дел и материалов»; авторизация и подписание документов посредством QR-кода; в динамике — жалобы, ходатайства, исполнительные листы для истории процесса; мобильная версия «Судебный кабинет». По данным Верховного Суда Республики Казахстан, 90 % дел в суды республики поступает в электронном виде через «Судебный кабинет» [4].

Перспективные направления цифровизации: роботизация бизнес-процессов; внедрение автоматического распознавания речи для стенографии судебного процесса; отправка видео- и аудиодоказательств участникам процесса; прогнозирование исхода дела; АРМ для участников процесса; электронный судебный процесс; открытость и др. [4].

Доверие граждан к судебной власти наглядно можно отразить в цифрах. Так, за 2020 г. всего по республике из поступивших 1,3 млн дел и материалов окончено 1 183 973, из которых львиную долю составляют гражданские дела и материалы — 736 150, административные — 281 843, уголовные — 165 980. За 6 месяцев 2021 г. поступило 0,6 млн дел и материалов, окончено — 528 501,

среди которых также преобладают гражданские дела — 284 333 (54 %), административные — 150 218 (28 %), уголовные — 93 949 (18 %) [4]. С одной стороны, данные цифры отражают потребность общества в разрешении спора (конфликта) в правовом поле, с другой — перегружают судебную систему и тем самым влияют на качество правосудия. Отметим, что приведенные цифры, тем не менее имеют тенденцию к снижению за годы реализации реформ, направленных на внедрение примирительных процедур, как до обращения в суд, так и в суде (для сравнения в 2018 г. — 4,5 млн, в 2019 г. — 3,3 млн). То есть если в 2018 г. на одного судью приходилось примерно 1676 дел и материалов, то в 2020 г. — около 484 дел и материалов (из расчета штата судей — 2684 судьи).

Позитивная тенденция снижения загруженности судов ни в коей мере не ущемляет конституционное право человека на судебную защиту своих прав (статья 13 Конституции). Внедрение примирительных процедур позволяет упростить рассмотрение спора, прийти к компромиссу, снизить судебные издержки и т. д.

В частности, реализуемая Верховным Судом Республики Казахстан программа «7 камней правосудия», включает проект «Примирение до суда, в суде», основные цели которого направлены на снижение конфликтов в обществе, широкое внедрение внесудебных способов разрешения споров и развитие примирительных процедур. На примере гражданского судопроизводства результативность данной программы выглядит следующим образом:

- поступило в суд гражданских дел: в 2017 г. — 943 тыс. дел; в 2018 г. — 929 тыс. дел; в 2019 г. — 700 тыс. дел; в 2020 г. — 498 тыс. дел; 6 месяцев 2021 г. — 276 тыс. дел;

- окончено в суде гражданских дел: в 2017 г. — 904 тыс. дел; в 2018 г. — 871 тыс. дел; в 2019 г. — 637 тыс. дел; в 2020 г. — 398 тыс. дел; 6 месяцев 2021 г. — 194 тыс. дел;

- гражданские материалы окончены: в 2017 г. — 1181 тыс. дел; в 2018 г. — 3035 тыс. дел; в 2019 г. — 2041 тыс. дел; в 2020 г. — 338 тыс. дел; 6 месяцев 2021 г. — 90 тыс. дел [4].

При этом увеличивается удельный вес завершенных споров за примирением: в 2017 г. — 35 тыс. (3,9 %); в 2018 г. — 39 тыс. (4,5 %); в 2019 г. — 49 тыс. (7,7 %); в 2020 г. — 41 тыс. (10,3 %); 6 месяцев 2021 г. — 14 % [4].

Результатами реализации программы «Примирение до суда, в суде» стало:

1. Создание центров внесудебного примирения. В настоящий момент в Республике функционирует 47 центров в 17 регионах страны, а также

413 советов биев [4]. Работа обозначенных центров имеет комплексный характер, так как примирение осуществляется с использованием различных инструментов, посредством привлечения медиаторов, юристов, психологов и др.

2. Внедрение института «Судья — примиритель» — на первоначальном этапе в качестве пилотного проекта, в настоящее время на постоянной основе.

3. Реализация пилотного проекта «Семейные суды».

Внедряемые в деятельность судов Республики Казахстан IT-технологии и проводимые реформы по модернизации судебной власти оказывают непосредственное влияние на высокие позиции эффективности казахстанского правосудия в международных рейтингах:

- согласно отчету Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEREPJ) за 2018–2020 гг., опубликованному 22 октября 2020 г., эффективность применения судами современных информационно-коммуникационных технологий составляет 9,23 балла, что является весьма высоким показателем;

- Глобальный индекс конкурентоспособности «независимость судебной системы» — 71-е место;

- Индекс верховенства права — 62-я позиция из 128 стран;

- Ведение бизнеса (doing business) «обеспечение исполнения контрактов» — 4-е место;

- Индекс качества судопроизводства — 16 баллов из 18.

Тем не менее на совещании по вопросам модернизации судебной системы в феврале 2021 г. Президент Республики Казахстан отметил, что в центре всех реформ находится человек. Главой государства обозначен «человекоориентированный подход» в основе внедряемой с 1 июля 2021 г. административной юстиции, ключевая роль в успехе которой отводится профессионализму судей [5].

Перспективные задачи модернизации правосудия в Республике Казахстан на 2021 г., заявленные Верховным Судом Республики:

1. Обеспечение единообразия судебной практики.

2. Внедрение административной юстиции (состоялось 1 июля 2021 г.).

3. Введение экстерриториальной подсудности.

4. Образцовое рассмотрение дела.

5. Досудебный протокол.

6. Состязательность в суде по уголовным делам.

7. Выборность председателей районных судов [4].

Обозначенные приоритеты модернизации правосудия в Республике Казахстан являются логическим продолжением проводимых в Казахстане реформ по решению задач, обозначенных в «Плане нации», а также в Послании Главы государства народу Казахстана в сентябре 2020 г.

Предложенные Верховным Судом Республики Казахстан инструменты дальнейшей модернизации правосудия имеют антикоррупционную направленность и повышают уровень доверия граждан и бизнес-сообщества к судебной власти, что является ключевым фактором построения правового государства.

1. Статья Главы государства «План нации — Путь к казахстанской мечте» [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-plan-nacii-put-k-kazahstanskoi-mechte (дата обращения: 22.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Токаев К. К. Казахстан в новой реальности: время действий. Послание Главы государства народу Казахстана, 1 сентября 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 22.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Судебная система РК — семь камней правосудия [Электронный ресурс]. URL: <https://sud.gov.kz/rus/massmedia/sudebnaya-sistema-rk-sem-kamney-pravosudiya-szagirova-liter-23082019-g> (дата обращения: 22.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Правосудие Казахстана: реалии, тренды, перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://sud.gov.kz/rus/content/pravosudie-kazahstana-realii-trendy-perspektivy> (дата обращения: 22.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Глава государства провел совещание по вопросам модернизации судебной системы [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_sittings/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-modernizacii-sudebnoi-sistemy (дата обращения: 22.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

ПРОБЛЕМА ДУАЛИЗМА ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ШВЕЙЦАРИИ

А. А.Трефилов

Высшая школа экономики (Москва, Россия),
доцент факультета права,
кандидат юридических наук
e-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Аннотация. Автор на основе сравнительно-правового метода выделяет основные особенности дознания и предварительного следствия по новому исторически первому единому Уголовно-процессуальному кодексу Швейцарии 2007 года. Показано, что в данном правовом порядке они являются не альтернативными, а последовательно сменяющимися друг друга формами досудебного производства, что значительно отличается от подхода, принятого в России, Беларуси и других постсоветских странах.

Ключевые слова: дознание, предварительное следствие, Швейцария, уголовный процесс, дифференциация производства по уголовным делам.

Annotation. Based on the comparative legal method, the author highlights the main features of the inquiry and preliminary investigation under the new historically first unified Criminal Procedure Code of Switzerland in 2007. It is shown that in this law and order they are not alternative, but successive forms of pre-trial proceedings, which significantly differs from the approach adopted in Russia, Belarus and other post-Soviet countries.

Keywords: inquiry, preliminary investigation, Switzerland, criminal procedure, differentiation of criminal proceedings.

Каково соотношение дознания и предварительного следствия в Швейцарии по Уголовно-процессуальному кодексу (далее — УПК) 2007 года? На первый взгляд все кажется очевидным: сначала полиция начинает уголовный процесс посредством дознания, а затем прокуратура при наличии установленных в законе предпосылок производит предварительное следствие. Однако углубление в этот вопрос показывает, что дифференциация досудебного производства в данном кодексе сконструирована значительно сложнее ввиду присущих ей специфических свойств. Рассмотрим их в компаративном контексте.

ПЕРВАЯ ОСОБЕННОСТЬ заключается в том, что в Швейцарии далеко не всегда имеет место описанная выше последовательность*, потому что предварительное следствие может начаться и без предшествующего ему дознания.

* Представляется, что независимо от последовательности, с которой производятся дознание и предварительное следствие, их можно в равной степени рассматривать и как формы предварительного расследования, и как его стадии.

Такой вывод следует из толкования п. «а» ч. 1 ст. 309 УПК Швейцарии, в соответствии с которым прокуратура открывает предварительное следствие, если из сведений, которыми располагает полиция, и из полицейских рапортов, из заявления о преступном деянии или *из ее собственных данных* вытекают достаточные подозрения о совершении преступного деяния.

При таком законодательном подходе материалы, собранные в ходе полицейского дознания, являются лишь одним из источников информации, при поступлении которой прокуратура может начать предварительное следствие. К примеру, если произошло очевидное преступное деяние, в частности, захват заложников, уполномоченные сотрудники прокуратуры могут прибыть на место его совершения и сразу же приступить к предварительному следствию. Отсюда можно сделать вывод о факультативном характере дознания в швейцарском уголовном процессе.

Комплексное рассмотрение данного вопроса и анализ швейцарской научной литературы показывают, что прокуратура в этой стране лишь в редких случаях приступает к предварительному следствию без предшествующего ему дознания [1]. Именно полицейские рапорты обычно являются источником информации о совершенном и готовящемся преступном деянии. Такое положение дел имело место и раньше, до принятия УПК Швейцарии 2007 года. Анализируя роль полиции в уголовном процессе кантонов, в которых предварительное расследование возлагалось на следственных судей, М. Питт пишет, что «по существу только в результате случайного стечения обстоятельств может возникнуть ситуация, в которой следственный судья изначально, без участия полиции, привлеч бы кого-либо к ответственности» [2, S. 58–59] (перевод наш. — А.Т.). Впрочем, исключать такую ситуацию нельзя. Эта мысль является верной и в отношении нынешнего порядка организации швейцарского уголовного процесса, в котором место следственных судей в досудебном производстве занимает прокуратура.

Что касается предварительного следствия, то в Швейцарии по общему правилу оно *обязательно и может отсутствовать лишь в упрощенном производстве*. Согласно ч. 4 ст. 309 УПК Швейцарии, прокуратура отказывается от открытия предварительного следствия, если она незамедлительно издает постановление об отказе от возбуждения уголовного преследования или приказ о наказании. Анализ данного кодекса и научной доктрины показывает, что этот процессуальный документ издается прокуратурой не в начале предварительного следствия, а *до него и вместо него*, а значит, постановление приказа о наказании влечет прекращение не предварительного следствия, а именно дознания.

ВТОРАЯ ОСОБЕННОСТЬ заключается в том, что в данном правопорядке разграничение названных выше форм досудебного производства имеет достаточно гибкий характер; образно говоря, между ними нет каменной стены. Как справедливо отмечают швейцарские ученые, *изначально кажущееся жестким обособление дознания и предварительного следствия при внимательном рассмотрении в значительной степени оказывается фикцией*. Так, по мнению докторов права Кристофа Риедо и Герхарда Фиолки, представляющих фрибурскую научную школу, внушаемое деление его на две части является лишь мнимым» [3, S. 13–14]. Авторы объясняют свою точку зрения следующими аргументами: 1) «между полицейским дознанием и предварительным следствием, осуществляемым прокуратурой, хотя и существуют терминологические различия, однако при этом <...> прокуратура <...> возглавляет полицейское дознание, производит предварительное следствие и предъявляет обвинение...» [3, S. 13–14] (перевод наш. — А.Т.); 2) «уже полицейское дознание находится под надзором и формальным руководством прокуратуры. Она может давать полиции поручения и указания <...> имеет право быть информированной со стороны полиции об уголовно наказуемых деяниях <...> и уполномочена принимать дело к своему производству в любое время» [3, S. 13–14] (перевод наш. — А.Т.).

ТРЕТЬЯ ОСОБЕННОСТЬ заключается в том, что в Швейцарии, в отличие от некоторых других стран, включая Россию, соотношение рассматриваемых досудебных стадий предопределяется традиционным пониманием дознания как «материального открытия производства» (*die materielle Einleitung des Vorverfahrens*), а предварительного следствия — как «формального открытия производства» (*die formelle Einleitung des Vorverfahrens*).

В Швейцарии, к примеру, в отличие от большинства постсоветских стран, для проведения дознания не требуется вынесение специального постановления. В соответствии со ст. 300 УПК Швейцарии, предварительное производство начинается посредством «осуществляемой полицией деятельности по расследованию». Получив информацию о совершенном или готовящемся преступном деянии, полиция по данному факту приступает к дознанию. Широкий круг вопросов, связанный с составлением рапортов, отчетов о выезде на место происшествия, решается преимущественно не в УПК Швейцарии или федеральных законах, а на ведомственном уровне в административном порядке.

В связи с этим швейцарские ученые часто обращают внимание на то, что регулирование вопросов, связанных с организацией производства дознания, производится не только *в уголовно-процессуальном* (*das Strafprozessrecht*), но и *в административном праве* (*das Verwaltungsrecht*), поскольку на федеральном уровне полиция в контексте конституционного принципа разделения

властей на три ветви является одним из органов исполнительной власти (при этом в некоторых кантонах она является структурным подразделением прокуратуры).

В свою очередь предварительное следствие, понимаемое как «формальное открытие производства», предполагает необходимость вынесения прокуратурой специального постановления (*die Verfügung*), в котором должны быть указаны обвиняемый и инкриминируемое ему преступное деяние (ч. 3 ст. 309 УПК Швейцарии)*. УПК Швейцарии детально регламентирует форму и содержание данного документа. После этого расследование дела по настоящему входит в уголовно-процессуальное русло: могут производиться любые следственные действия (уже с участием обвиняемого) и избираться в отношении него (в ряде случаев с санкции суда) меры принуждения и т. д. Конечно, барьеров для производства следственных действий и избрания мер принуждения нет и в ходе дознания (не допускаются только досудебное и судебное заключение под стражу), но оно проводится лишь до тех пор, пока в отношении лица не установлены достаточные подозрения. Сразу после этого должно начаться предварительное следствие.

ЧЕТВЕРТАЯ ОСОБЕННОСТЬ заключается в том, что в Швейцарии законодатель в УПК Швейцарии 2007 года не дифференцирует процедуру дознания.

В настоящее время общеевропейской тенденцией стало выделение в рамках этой стадии специальных упрощенных процедур. При этом необходимо иметь в виду, что дознание само по себе является упрощенной формой по отношению к предварительному следствию, если законодатель предусматривает их дуализм. К примеру, УПК Франции 1958 года различает дознание очевидных преступлений и первоначальное дознание. Отдельные ученые выделяют и другие формы. Так, анализируя его нормы, процессуалисты Мерль и Витю пишут также о «дознании по делам о посягательствах на безопасность государства» [4, с. 29]. Профессор Расса разграничивает «дознание сомнительной смерти» и так называемую проверку личности как самостоятельные формы данной стадии процесса [4, с. 29]. Как справедливо отмечает Л. В. Головкин, по отношению друг к другу они находятся в состоянии конкуренции [4, с. 39]. В отношении каждой из форм дознания УПК Франции устанавливает соответствующий правовой режим и самостоятельные правила ее производства.

В УПК Российской Федерации на основе закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 года появилось так называемое дознание в сокращенной форме (гл. 32.1) [5]. Законодатель, очевидно, с целью ускорения процесса и реализа-

* Таким образом, данный документ устанавливает пределы производства по делу не только *in rem*, но и *in personam*.

ции принципа разумных сроков с некоторым ущербом для конституционных прав личности значительно упрощает процедуру доказывания (ст. 226.5 УПК Российской Федерации), в том числе при последующем рассмотрении дела в суде (ст. 226.9 УПК Российской Федерации), предусматривает более сжатые сроки производства дознания (ст. 226.6 УПК Российской Федерации) [6] и т. д. Данная реформа не представляется удачной, поскольку дознание само по себе представляет собой упрощенную форму досудебного производства — в результате УПК Российской Федерации предусмотрел упрощение упрощения.

В свою очередь для УПК Швейцарии такой подход не характерен. В главе 2 раздела 1 титула 6 содержится единое правовое регулирование дознания. Очевидно, это связано с желанием законодателя в равной степени защищать права и свободы граждан при производстве полицией процессуальных действий. Такой же подход характерен и для предварительного следствия.

ПЯТАЯ ОСОБЕННОСТЬ построения досудебного производства Швейцарии состоит в том, что законодатель в УПК 2007 года не дифференцирует формы досудебного производства, которые должны начаться после возбуждения дела. Кодекс безальтернативно предусматривает только предварительное следствие. По этому параметру он существенно отличается от УПК, принятых в последнее десятилетие на постсоветском пространстве. В то время как в странах Содружества Независимых Государств за редкими исключениями после возбуждения дела производится, исходя из тяжести уголовно наказуемого деяния, объекта преступного посягательства и иных критериев, либо дознание, либо предварительное следствие, УПК Швейцарии не предусматривает такую дифференциацию.

Таким образом, можно утверждать, что существующая в Швейцарии в настоящее время дифференциация досудебного производства по целому ряду признаков выделяется среди других европейских правопорядков и имеет существенную специфику, связанную с соотношением дознания и предварительного следствия. Избранные составителями УПК Швейцарии 2007 года подходы к организации досудебного производства отражают своеобразие швейцарской правовой мысли и достойны пристального внимания со стороны отечественной правовой науки.

1. Landshut N. Art. 309 // Donatsch A., Hansjakob T., Lieber V. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO). Zürich, 2010. S. 1543–1545. [Вернуться к статье](#)

2. Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009. S. 58–59. [Вернуться к статье](#)

3. Riedo C., Fiolka G. Polizeiliche Ermittlung und Vorverfahren. Einleitung des Vorverfahrens – Anwalt der ersten Stunde – Intensität der Strafverfolgung // Heer M. Schweizerische Strafprozessordnung und Jugendstrafprozessordnung. Bern, 2010. S. 13–14.

[Вернуться к статье](#)

4. Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. 130 с. [Вернуться к статье](#)

5. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.03.2013. № 9. ст. 875.

[Вернуться к статье](#)

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. от 01.07.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

В. М. Федченко

Днепропетровский государственный университет
внутренних дел (Украина),
профессор кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: mixayluz@ukr.net

Аннотация. В статье рассматривается порядок осуществления частного обвинения в уголовных производствах. Определяются как формы частного обвинения, так и его материальные, процессуальные правовые аспекты.

Ключевые слова: уголовное производство, дела частного обвинения, потерпевший, следователь, прокурор, суд.

Annotation. The article discusses the procedure for the implementation of private prosecution in criminal proceedings. Both the forms of private prosecution and its material, procedural legal aspects are determined.

Keywords: criminal proceedings, cases of private prosecution, victim, investigator, prosecutor, court.

В теории уголовного процесса Украины предусмотрено несколько форм обвинения: государственное обвинение и частное [1, с. 268]. Для первой формы обвинения характерно то, что она существует в уголовном производстве, которое начинается следователем, дознавателем, прокурором не только после поступления заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении, но и после самостоятельного выявления ими из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения. Для частной формы обвинения характерно то, что она существует в уголовном производстве, которое начинается следователем, дознавателем, прокурором, но только по заявлению потерпевшего лица и по уголовным правонарушениям лишь в тех случаях, которые определены в статье 477 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее — УПК) [2].

Если же потерпевший является несовершеннолетним либо лицом, не способным самостоятельно защищать свои интересы, то заявление о совершенном уголовном правонарушении может подать его законный представитель. В качестве законных представителей могут быть привлечены родители (усыновители), а в случае их отсутствия — опекуны или попечители лица, либо другие совершеннолетние близкие родственники или члены семьи, а также представители органов опеки и попечительства, учреждений и организаций, под опекой или попечительством которых находится несовершеннолетний либо недееспособный или ограниченно дееспособный (ч. 2 ст. 44 УПК).

В соответствии с требованиями уголовного процессуального законодательства, следователь, прокурор безотлагательно и не позднее 24 часов с момента получения заявления, уведомления о совершенном уголовном правонарушении либо в случае самостоятельного ими выявления из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, должны внести соответствующие сведения в единый реестр досудебного расследования и начать такое расследование (ст. 214 УПК). Но следует заметить, что, если в процессе досудебного расследования будет установлено, что оно начато по признакам уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 477 УПК, а при этом в уголовном производстве отсутствует заявление потерпевшего о совершении в отношении него уголовного правонарушения, как и отсутствует его требование о привлечении лица, совершившего такое правонарушение, к уголовной ответственности, и потерпевший не желает подавать такое заявление, то, в соответствии с положениями ч. 4 ст. 26 УПК, уголовное производство закрывается.

В соответствии с положениями действующего УПК, правонарушениями, совершаемыми в форме частного обвинения, являются: 1) умышленное средней тяжести телесное повреждение без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 122 Уголовного кодекса Украины (далее — УК)); умышленное легкое телесное повреждение (ст. 125 УК); умышленное нанесение побоев или совершение других насильственных действий без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 126 УК); домашнее насилие (ст. 126-1 УК); угроза убийством без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 129 УК); разглашение сведений о проведении медицинского осмотра на выявление заражения вирусом иммунодефицита либо другой неизлечимой инфекционной болезни (ст. 132 УК); заражение венерической болезнью без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 133 УК); незаконный аборт или стерилизация (ст. 134 УК); оставление в опасности без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 135 УК); неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном состоянии, без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 136 УК); неоказание помощи больному медицинским работником без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 139 УК); незаконное проведение опытов над человеком без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 142 УК); незаконное разглашение врачебной тайны (ст. 145); принуждение к браку (ст. 25 УК); изнасилование без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 152 УК); сексуальное насилие (ч. 1 ст. 153 УК); принуждение к вступлению в половую связь (ст. 154 УК); нарушение равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или религиозных убеждений без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 161 УК); нарушение неприкосновенности жилья без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 162 УК); нарушение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфной или иной корреспонден-

денции, передаваемых средствами связи или через компьютер, без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 163 УК); уклонение от уплаты алиментов на содержание детей без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 164 УК); уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 165 УК); разглашение тайны усыновления (удочерения) без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 168 УК); нарушение авторского права и смежных прав без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 176 УК); нарушение прав на изобретение, полезную модель, промышленный образец, топографию интегральной микросхемы, сорт растений, рационализаторское предложение (ч. 1 ст. 177 УК); препятствование совершению религиозного обряда (ст. 180 УК); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 182 УК); умышленное уничтожение, повреждение имущества без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 194 УК); угроза уничтожения имущества (ст. 195 УК); нарушение обязанностей по охране имущества (ст. 197 УК); незаконное обращение дисков для лазерных систем считывания, матриц, оборудования и сырья для их производства (ст. 203-1 УК); противодействие законной хозяйственной деятельности без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 206 УК); доведение до банкротства — в отношении действий, которыми причинен вред кредиторам (ст. 219 УК); незаконное использование знака для товаров и услуг, фирменного наименования, квалифицированного указания происхождения товара (ст. 229 УК); незаконное собирание с целью использования или использование сведений, составляющих коммерческую либо банковскую тайну (ст. 231 УК); разглашение коммерческой либо банковской тайны (ст. 232 УК); незаконное использование инсайдерской информации — о действиях, причинивших вред правам, свободам и интересам отдельных граждан или интересам юридических лиц (ст. 232-1 УК); сокрытие информации о деятельности эмитента (ст. 232-2 УК); принуждение к исполнению или неисполнению гражданско-правовых обязательств без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 355 УК); самоуправство — в отношении действий, причиненных вред правам и интересам отдельных граждан или интересам собственника (ст. 356 УК); несанкционированное вмешательство в работу электронно-вычислительных машин (компьютеров), автоматизированных систем компьютерных сетей или сетей электросвязи, без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 361 УК); несанкционированные действия с информацией, которая обрабатывается в электронно-вычислительных машинах (компьютерах), автоматизированных системах, компьютерных сетях или хранится на носителях такой информации, совершенные лицом, имеющим право доступа к ней, без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 362 УК); злоупотребление полномочиями должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы (ст. 364-1 УК); превышение полномочий должностным

лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы (ст. 365-1 УК); злоупотребление полномочиями лицами, которые предоставляют публичные услуги (ст. 365-2 УК) (ст. 477 УПК) [2] .

Любые другие источники информации, кроме личного заявления потерпевшего о совершении вышеуказанного уголовного правонарушения, не могут быть основанием для начала досудебного расследования в форме частного обвинения.

По общим требованиям частным является обвинение, которое существует в уголовном производстве, которое может быть начато следователем, дознавателем, прокурором, но только по заявлению потерпевшего лица и по уголовным производствам в случаях, определенных ст. 477 УПК.

Однако, по нашему мнению, кроме указанного, частное обвинение также имеет место в случае, когда при рассмотрении уголовного производства в суде прокурор отказывается от дальнейшего поддержания обвинения в этом производстве. Именно с этого момента государственное обвинение приобретает частную форму, поскольку право на дальнейшее поддержание обвинения переходит к потерпевшему в этом производстве. И если потерпевший отказывается от предоставленного права поддерживать обвинение, суд своим определением закрывает такое производство на основании отказа потерпевшего от обвинения в уголовном производстве в форме частного обвинения (ч. 4 ст. 26 и п. 7 ч. 1 ст. 284 УПК).

Таким образом, частное обвинение, в соответствии с действующими положениями уголовного процессуального законодательства, можно рассматривать в двух формах, а именно: 1) первая форма существует в уголовном производстве, которое может быть начато следователем, дознавателем, прокурором, но только по заявлению потерпевшего лица и по уголовным производствам в случаях, определенных ст. 477 УПК; 2) вторая форма существует в случае, когда при рассмотрении уголовного производства, которое может быть начато и без заявления потерпевшего, в суде возникла правовая ситуация, при которой прокурор отказывается от дальнейшего поддержания государственного обвинения в этом производстве, а потерпевший после разъяснения ему председательствующим предусмотренных прав на поддержание обвинения, реализуя указанное право, осуществляет дальнейшее поддержание обвинения лично, и именно с этого момента государственное обвинение приобретает частную форму, поскольку право дальнейшего поддержания обвинения переходит к потерпевшему в таком производстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что как в первом, так и во втором случаях к особенностям совершения в суде уголовного производства в форме частного обвинения следует отнести требование, по которому поддержание

обвинения по указанным категориям производств осуществляет потерпевший или его представитель.

Следует отметить, что положениями действующего УПК для подозреваемого, обвиняемого по делам частного обвинения предусмотрена возможность осуществить возмещение причиненного ими ущерба потерпевшему путем заключения соглашения о примирении или без заключения такого соглашения (ст. 479 УПК).

Таким образом, следует отметить, что частному обвинению присущи как материальные, так и процессуальные правовые аспекты. К первой группе таких можно отнести: 1) обращение лица в уполномоченный компетентный орган с заявлением о совершении в отношении него уголовного правонарушения, предусмотренного в ст. 477 УПК, с обязательным требованием проведения расследования и привлечения лица, совершившего уголовное правонарушение, к уголовной ответственности; 2) предоставление в подтверждение своего заявления сведений, предметов, вещей, документов, свидетельствующих о фактах, подтверждающих наличие совершения указанного в заявлении уголовного правонарушения.

Ко второй (процессуальной) группе правовых аспектов следует отнести: 1) наличие особого вида инициирования потерпевшим начала досудебного расследования; 2) его осуществление уполномоченными органами в уголовном производстве по правонарушениям, предусмотренным лишь в ст. 477 УПК; 3) возможность окончательного решения данного производства лишь в рамках позиции потерпевшего о необходимости привлечения лица, совершившего уголовное правонарушение, к уголовной ответственности, либо отсутствия у потерпевшего такого желания; 4) в суде во время рассмотрения дела, не относящегося к делам частного обвинения, прокурор отказался от дальнейшего поддержания государственного обвинения в нем, а потерпевший после разъяснения ему судом (председателем) права на поддержание обвинения в этом деле изъявил желание лично поддержать дальнейшее обвинение в суде в таком производстве.

1. Тітко І. А. Проблемні питання захисту інтересів потерпілих, стан яких унеможливило (ускладнило) самостійну ініціацію кримінального провадження у формі приватного обвинувачення. Порівняльно-аналітичне право. 2015. № 2 С. 267–271. [Вернуться к статье](#)

2. Кримінальний процесуальний кодекс України : чинне законодавство із змінами та допов. на 15 грудня 2021 року : офіц. текст. К. : Алерта, 2021. 328 с. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 378.14

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ

А. С. Андрианова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: andrian-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуется содержание принципов синергетики как основы для организации образовательного процесса в учреждении высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь. На основе предложенных принципов определены направления совершенствования процесса обучения курсантов.

Ключевые слова: синергетика, принципы синергетики, курсант, образовательный процесс.

Annotation. The article characterizes the content of the principles of synergetics as the basis for the organization of the educational process in the institution of higher education of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. On the basis of the proposed principles, the directions of improving the training process of cadets are determined.

Keywords: synergetics, principles of synergetics, cadet, educational process.

На современном этапе развития государства и общества в ходе подготовки специалистов с высшим образованием возрастает необходимость формирования и развития у обучающихся не столько профессиональных знаний, умений и навыков, сколько совокупности личностных качеств, позволяющих им в будущем оперативно адаптироваться к быстро изменяющимся социально-экономическим условиям, успешно разрешать проблемные ситуации, возникающие при осуществлении профессиональной деятельности. Данные личностные качества составляют основу академической компетентности обучающихся, для развития которой необходимо создание в учреждении высшего образования условий, способствующих всестороннему саморазвитию личности.

Особую актуальность вышеобозначенная задача приобретает при организации образовательного процесса в учреждении высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее — УВО МВД), специфика которого состоит в неразрывной связи обучения и службы, наличии

санкционированных пропусков обучающимися плановых занятий, четкой регламентации всего времени курсантов и т. д.

Совершенствование процесса обучения курсантов в УВО МВД невозможно без разработки соответствующих концептуальных оснований, в качестве которых предлагается использовать синергетический подход. В связи с этим представляется уместным определить базовые положения теории самоорганизации, которой и является синергетика:

1. Объектом исследования являются сложные системы, состоящие из подсистем, объединенных на основе общих принципов. Причем совокупность данных принципов не зависит от природы систем.

2. В качестве предмета исследования выступают общие принципы построения, развития и самоусложнения систем, что и отличает синергетику от кибернетики и иных наук, изучающих сложноорганизованные системы.

3. Основу методологии синергетики составляют математические методы, методы моделирования и системный подход, позволяющие изучить причины возникновения, существования и развития тех либо иных свойств сложных систем.

4. Результатом исследований в области синергетики является разработанная система общих принципов, включающих принципы бытия (гомеостатичность и иерархичность) и принципы становления (нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, наблюдаемость и эмерджентность). Данные принципы впервые были сформулированы и охарактеризованы В. Г. Будановым еще в 1995 г., а в последующем — уточнены и дополнены в педагогике [1, с. 34–36].

Относительно педагогических систем принципы синергетики имеют следующее содержание:

1. Гомеостатичность: для обеспечения достижения цели устанавливаются границы функционирования педагогической системы, в качестве которых выступают закономерности развития личности, психологические особенности обучающихся и т. д.

2. Иерархичность: наличие объективных и субъективных ступеней (уровней) в образовательном процессе. Объективность реализуется в иерархии учреждений образования (среднее → высшее → послевузовское), ступенях обучения в рамках одного учреждения образования (в учреждении высшего образования: 1 курс → 2 курс → 3 курс → 4 курс). Субъективность связана с иерархией личностных качеств (компетенций) в структуре личности обучающегося.

3. Нелинейность: постоянное изменение, совершенствование содержания образовательных стандартов, учебных программ, применяемых средств, форм, методов и методик обучения.

4. Неустойчивость: увеличение объема информации и, как следствие, расширение информационного пространства делают систему образования открытой для воздействия извне.

5. Незамкнутость: расширение перечня технологий и методик, находящихся в арсенале преподавателя, способов его взаимодействия с обучающимися.

6. Наблюдаемость: неповторимость процессов в педагогике исключает возможность многократного повторения педагогического эксперимента и получения аналогичных результатов. Непрерывное изменение условий эксперимента, его временные границы позволяют получить лишь усредненные данные, а выводы имеют только обобщенный характер.

7. Эмерджентность: последовательность преодоления состояний неустойчивости, в которых происходит выбор путей дальнейшего развития системы образования (точек бифуркации) [2, с. 18–19].

Основываясь на синергетической парадигме, дополним вышеуказанный перечень принципов синергетики принципами вариативности и множественности, принципом компаративного анализа системы ценностей, принципами открытости и нелинейности взаимодействия. Данные принципы могут быть реализованы в ходе организации образовательного процесса в УВО МВД, а потому охарактеризуем их содержание. Так, принципы вариативности и множественности предполагают наличие возможности построения и, при необходимости, изменения самостоятельной, индивидуальной траектории обучения каждым обучающимся с учетом его интересов, потребностей. Принцип компаративного анализа системы ценностей обеспечивает развитие личности курсанта на основе сравнения своей системы личностных смыслов с ценностями профессиональной группы, существующими в системе органов внутренних дел Республики Беларусь, и общественными, а также общегосударственными ценностями. Принципы открытости и нелинейности взаимодействия позволяют установить постоянный обмен информацией как внутри УВО МВД, так и с правоохранительными органами, важнейшими из которых являются заказчики кадров, иными учреждениями образования Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья.

Рассмотренные принципы являются базисом для совершенствования образовательного процесса в УВО МВД. Изменение требований к будущим сотрудникам органов внутренних дел Республики Беларусь и качеству их подготовки предопределяет необходимость ориентации процесса обучения не только и не столько на развитие профессиональной компетентности курсантов, сколько на акцентирование внимания на академическую компетентность данной категории обучающихся, структуру которой образуют следующие компоненты:

1. Ценностно-мотивационный, включающий уверенность в себе, умение регулировать свое эмоциональное состояние, избегать эмоционального напряжения, волевые качества, нацеленность на успех.

2. Когнитивный, состоящий из знаний особенностей методологии научного исследования в области юриспруденции, профессиональной лексики и понятийного аппарата юриспруденции, юридической техники, структуры и содержания информационной составляющей образовательной среды УВО МВД, задач, видов и специфики предстоящей профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел Республики Беларусь.

3. Деятельностный, в структуру которого входят умения сбора, анализа, систематизации и обобщения различных фактов, имеющих юридическое значение, использования научной и учебной литературы, нормативных правовых актов, работы с процессуальными и организационно-распорядительными документами, коммуникативные умения, умения планировать свою деятельность.

4. Рефлексивный, включающий способность к самоанализу и самооценке, навыки самоконтроля, самообразования, самоуправления [3, с. 110–111].

Перечисленные компетенции в структуре академической компетентности курсантов определяют содержание целей образовательного процесса в УВО МВД: формирование академической и профессиональной компетентностей курсантов, всестороннее развитие личности обучающегося, формирование его активной гражданской позиции. В соответствии с поставленными целями предполагается корректировка содержания и методики преподавания учебных дисциплин, подбор адекватных им личностно ориентированных технологий обучения и воспитания курсантов, в число которых входят:

- технологии разноуровневого обучения;
- технологии коллективного взаимообучения;
- технологии модульного обучения;
- деловые и ролевые игры;
- кейс-технологии;
- круглые столы;
- мастер-классы и др.

Синергетический подход в образовании основан на мотивированном, личностно ориентированном взаимодействии преподавателя и курсанта. При этом властное давление на последнего, авторитарный стиль общения не допускаются. Обучающийся рассматривается как самостоятельный, инициативный, творческий участник процесса обучения, для которого создаются необходимые условия для творчества, саморазвития и самореализации.

Подводя итоги, отметим, что проблема совершенствования процесса обучения курсантов сложная и многогранная. Один из способов ее решения —

реализация принципов синергетики. Данная возможность предопределяется тем, что образовательный процесс, в том числе и в УВО МВД, представляет собой открытую систему, в которой взаимодействие осуществляется не только между участниками, но и с внешней средой, особенно в информационной сфере. Организация процесса обучения курсантов на основе принципов синергетики позволяет выявить и изучить его особенности и закономерности, содействует повышению уровня самоорганизации как во взаимодействии обучающихся и преподавателей, так и в учебной и служебной деятельности каждого конкретного курсанта, способствует развитию его академической компетентности.

-
1. Курейчик В. М., Писаренко В. И. Синергетика в образовании // Открытое образование. 2010. № 4. С. 33–44. [Вернуться к статье](#)
 2. Курейчик В. М., Писаренко В. И. Синергетические принципы в моделировании педагогических систем // Открытое образование. 2013. № 6. С. 16–23. [Вернуться к статье](#)
 3. Андрианова А. С. Академическая компетентность курсантов как объект педагогического исследования // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2019. № 2(33). С. 107–115. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:351.74

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. В. Андросова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,

специалист кафедры правовых дисциплин

e-mail: ronyaveronya_90@mail.ru

Аннотация. Автором рассматривается проблема психологической подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь для несения службы, особенности психических свойств должностных лиц и формирование навыков по снижению психологической напряженности.

Ключевые слова: сотрудник, психологическая подготовка, психическое состояние, эмоциональное состояние, стресс, психологическая травма.

Annotation. The author considers the problem of psychological preparation of future employees of the internal affairs bodies for service, the features of the mental properties of officials, and the formation of skills to reduce psychological tension.

Keywords: employee, psychological preparation, mental condition, emotional condition, stress, psychological trauma.

В силу специфики своей профессиональной деятельности сотрудники органов внутренних дел Республики Беларусь (далее — сотрудники ОВД) часто сталкиваются с ситуациями, требующими выполнения конкретных действий в условиях дефицита времени, что, несомненно, оказывает на них сильнейшее психическое давление. Исходя из этого, способность достигать результативности действий при несении служебных обязанностей сотрудниками ОВД во многом зависит от психологической подготовки и, как следствие, выработанной в результате нее стрессоустойчивости к эмоциональному давлению различного типа. При подготовке к несению служебной деятельности выступает проблема психологической готовности сотрудников ОВД к выполнению профессиональной деятельности. Это обусловлено тем, что работник правоохранительной системы представляет собой специальный субъект, наделенный особыми полномочиями и выполняющий возложенные на него обязанности.

Известно, что компетентная подготовка кадров в системе Министерства внутренних дел (далее — МВД) Республики Беларусь характеризуется совокупностью профессионально значимых качеств, которыми должен обладать каждый сотрудник ОВД. В частности, к главным квалификационным требованиям относятся следующие:

- знание и применение основ законодательства Республики Беларусь;
- выполнение установленных нормативов (требований к физической подготовке, исполнению приказов, должностных инструкций и т. д.);
- владение огнестрельным оружием;
- высокая стрессоустойчивость.

Именно психологическая подготовка сотрудников ОВД представляет собой разработанный комплекс мер, направленный на формирование как долгосрочной, так и ситуативной психологической готовности к выполнению профессиональной деятельности в ситуациях различной степени напряженности, которая позволит применять навык регуляции психоэмоционального состояния и достигать необходимых результатов, используя высокоразвитую стрессоустойчивость, пресекая какие-либо преступные действия.

Поэтому, рассматривая психологическую подготовку будущего сотрудника ОВД, необходимо уделить внимание совокупности методов обучения для укрепления силы воли и устойчивости характера, способствующих осуществлению выбора цели и ее достижения. Знание теоретической и практической части психологической подготовки позволяет будущему сотруднику выработать уверенность в собственных силах. Применение ряда психологических упражнений для расслабления и терапии травматических событий, произошедших как в детском возрасте, так и во взрослом, способствует преодолению психологического напряжения, аккумуляции личностного ресурса будущего сотрудника ОВД. Личностный ресурс является основой умения оперативно оценивать складывающуюся обстановку и принимать конструктивные решения, управляя психическим состоянием, при несении службы даже в стрессовых ситуациях [1].

По мнению С. С. Кузьмина, психологическая подготовка вырабатывает следующие качества личности:

- сосредоточение на объекте, концентрацию внимания на цели;
- решительность, смелость, уверенность в собственных силах, эмоциональный контроль, обособление от внешних факторов воздействия;
- контроль психофизиологических признаков [2].

Наукой установлено, что те или иные психические процессы протекают в зависимости от имеющихся непроработанных эмоциональных потрясений и травм, установок, сформированных в результате этих событий, целей и потребностей, которые выступают в роли детерминантов [3]. Они перетекают в сознательные действия, которые могут быть осуществлены сотрудниками в процессе их служебной деятельности, и не всегда могут нести конструктивный характер.

В широком смысле понятие «психологическая травма» подразумевает под собой нарушение нормального функционирования психики в результате

воздействия на нее неблагоприятных факторов среды или стресса, которое вполне поддается коррекции, как и любое другое нарушение в организме. Травма опасна тем, что всегда существует эмоциональный отклик личности на травму. И чем раньше происходит психотравмирующее событие, тем больше искажений приобретают когнитивные схемы оценки реальности, так как сложившиеся травмированные схемы, приобретенные в детстве, сохраняются и по мере взросления человека. Это связано с тем, что у детей в силу их несформированного когнитивного мышления имеются слабые психологические защиты, их картина мира только формируется, поэтому они не способны адекватно объяснить себе происходящее и отреагировать на него. Далее взрослый человек может оперировать ошибочными когнитивными схемами ребенка, сложившимися в результате травмирующего события. Повышенная реактивность поведения на травмирующее событие обычно прослеживается на протяжении всей жизни человека, если не обеспечить терапию возвращения подавленной детской части личности. Сложность отслеживания наличия травм создает то, что кризис может наступить не сразу, а через несколько лет или даже десятилетий. Вот почему так важна психологическая подготовка будущих сотрудников ОВД в части недопущения накопления подобных «негативных кумулятивных эффектов», способствующих в последующем накоплению негативных состояний, когнитивных ошибок оценок реальности и, как следствие, ослаблению личностного ресурса [4, с. 54]. Сотрудник ОВД, являясь представителем власти, не имеет права на данные проявления «личностной травматизации», так как возникающий дефицит этого ресурса способствует снижению стрессоустойчивости, сопротивляемости личности к негативному воздействию неблагоприятных условий и, как следствие, низкой профессиональной исполнительности и компетентности.

В рамках данной статьи будем понимать, что психотравма — это специфический класс критических изменяющих жизнь событий. Психотравмам присущи следующие характеристики: психотравмирующие события нежелательны; они обладают негативным воздействием; их тяжело контролировать. Таким образом, психотравма является жизненно важным событием для индивида, затрагивающим значимые стороны его существования, которое приводит к глубоким психологическим переживаниям, следствием чего могут быть нарушения адаптации и расстройства, связанные со стрессом.

Как уже говорилось выше, одним из методов повышения эффективности подготовки сотрудников ОВД является их психологическая подготовка. Мы в свою очередь, предполагаем использовать метод аудиотерапии будущих сотрудников ОВД с применением аудиозаписей пошаговой психологической терапии различных ситуационных моделей прошлого, которая включает в себя

психоаналитический подход, гештальт-терапию, телесно-ориентированную терапию и медитативно-дыхательные техники. Проработка болезненных вопросов прошлого, разнообразных ситуационных моделей в аудиоформате способствует укреплению психологической составляющей сотрудника ОВД и развивает навык самостоятельной работы по коррекции своего состояния.

Подготовка предполагает недопущение перехода от ощущений к эмоциям, поскольку последние стимулируют лишнюю мышечную активность, приводят к перегрузке мозговой деятельности, нарушению мыслительного процесса, дезориентации в пространстве, появлению других отрицательных реакций, а именно: шока, паники, тоннельного видения (в некоторых источниках — тоннельное зрение), стресса, затормаживания моторики.

Для закладывания основ и закрепления имеющейся психологической подготовки необходимо проводить соответствующие учебно-тренировочные мероприятия с обучающимися образовательных организаций системы МВД Республики Беларусь. При этом для решения данной проблемы необходимо использовать комплексный подход. Целесообразно внести в тематический план дисциплину «Психологическая подготовка», которая бы включала теоретические и практические занятия на темы «Терапия личностных травм» и «Регуляция психоэмоционального состояния», а также рассмотреть возможность внедрения данного вида занятий в практическую деятельность работы психологов структурных подразделения, что существенно снизит объем работы, сохранив качество психологической подготовки сотрудников, и станет одним из необходимых условий эффективной правоохранительной деятельности или любой другой деятельности в зависимости от направленности подразделения [5, с. 3].

Также данная дисциплина подойдет для студентов гражданских учреждений высшего образования Республики Беларусь при некоторой модификации с учетом профиля профессионального образования, что будет способствовать совершенствованию подходов к реализации требований образовательных стандартов высшего образования I степени по подготовке специалистов.

1. Тихонович М. И. Психологическое восприятие стрельбы из огнестрельного оружия сотрудниками ГИБДД // Науч. вестн. Орл. юрид. ин-та МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 1 (70). С. 136–138. [Вернуться к статье](#)

2. Кузьмин С. С. Психологическая устойчивость, как фактор эффективности стрелка-спортсмена // Modern Science. 2019. № 10-2. С. 320–325. [Вернуться к статье](#)

3. Фишер И. В., Фишер Т. А. Психоэмоциональное состояние женщин-сотрудников органов внутренних дел в процессе учебной стрельбы из табельного оружия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 68–72. [Вернуться к статье](#)

4. Петрова Е. А. Созависимость у специалистов помогающих профессий : монография ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. 99 с. [Вернуться к статье](#)

5. Дмитриева О. Б. Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 1997. 30 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ И СРЕДСТВАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Л. М. Балакирева

Северо-Кавказский федеральный университет (Россия),
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: ballid-61@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовое воспитание, правовое обучение, другие методы и средства формирования и повышения правовой культуры личности и общества.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, правовое обучение, ценности, правовое сознание, мораль, право, государство, общество.

Annotation. The article discusses legal education, legal training, other methods and means of forming and improving the legal culture of the individual and society.

Keywords: legal culture, legal education, legal education, values, legal consciousness, morality, law, state, society.

Конвенцией о защите прав человека и основных свобод закреплено: «Каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства государственных органов и независимо от государственных границ» [1]. Однако актуальными остаются проблемы корреляции законности и свободы личности, прав человека и его гражданской ответственности. Не подлежит сомнению несовместимость демократии, правопорядка, гражданских прав с безвластием и беззаконием. Свободу индивида в ее нравственно-правовой форме нужно понимать как реализацию насущных интересов в сочетании с уважением потребностей прочих членов общества, а также требованиями государственных структур. Следовательно, правовой культуре общества в целом и личности в частности требуется систематическое рациональное формирование, стимулирование, прогрессивное развитие. Создание положительного отношения к закону, праву, разъяснение гражданам их прав и обязанностей перед государством и обществом являются основными задачами названного процесса.

В качестве одного из ведущих способов и одновременно средств их решения можно назвать правовое воспитание, т. е. упорядоченную работу по передаче правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов преодоления общественных разногласий между поколениями. Оно решает задачи: развития правосознания отдельного человека и в целом всего общества;

профилактики правового нигилизма; формирования образцов поведения, которые бы согласовались с требованиями и ценностными установками правового государства. Содержанием правового воспитания является трансляция информации об устройстве государства, правовой системы, сущности правопорядка, основных правах и свободах человека; содействие усвоению актуальных правовых теорий, созданию в общественном сознании устойчивых моделей законопослушного поведения. Разумеется, ряд правовых ценностей, берущих свое начало в нормах морали, индивид усваивает, осуществляя разнообразную социальную практику. Однако правовое воспитание все же должно создавать специальный инструментарий «по донесению до разума и чувств каждого человека правовых ценностей» [2].

Существует два понимания правового воспитания: широкое и узкое. В широком смысле правовое воспитание следует больше трактовать как правовую социализацию человека — его «воспитывает» окружающая обстановка и юридическая практика в целом, включая поведение людей, особенно должностных лиц. При этом у последних в ходе осуществления их служебных функций (действуют правомерно либо неправомочно) прямая цель воздействовать на окружающих правовоспитательными средствами отсутствует. Применительно к правовому воспитанию в узком смысле нужно говорить, что оно прямо направлено на повышение правовой культуры населения в целом и отдельных индивидов.

Элементами системы правового воспитания в целях повышения правовой культуры гражданина являются:

- юридическое обучение;
- юридическая работа, связанная с различными конституционными процедурами (референдум, выборный процесс и т. д.);
- распространение и популяризация права через СМИ (включая электронные платформы), произведения литературы и искусства.

Правовое воспитание невозможно осуществлять в отрыве от правового обучения, т. к. невозможно воспитывать, не обучая; а обучать нельзя не воспитывая. Возможные различия между ними очень условны и лежат лишь в плоскости влияния: воспитанием мы воздействуем преимущественно на сферу воли и эмоций, на ценности и мировоззрение; с обучением связана когнитивно-рациональная сфера. Необходимо создать конкретный мотив — позитивное восприятие познаваемого содержания и желание постоянно расширять и углублять правовые знания. Только тогда у людей будут не только теоретические познания, но и их правильное применение в конкретных регулируемых правом ситуациях.

К элементам правового воспитания относят также различные способы и методы, при помощи которых осуществляется разъяснение политических и юридических идей и принципов, чтобы воздействовать на мышление и деятельность индивида в целях укрепления законности и правопорядка [2]. Сюда можно отнести:

- убеждение;
- предупреждение;
- поощрение;
- принуждение.

Правовое просвещение тоже является одним из методов правового воспитания. Распространение юридической информации и пропаганда юридических знаний повышают уровень правовой культуры общества, способствуют пониманию конкретными людьми главнейших правовых принципов и требований, в которых заинтересовано как государство, так и все общество [3, с. 452].

В ходе формирования правовой культуры личности методами правового воспитания следует руководствоваться следующими принципами:

- учета особенностей восприятия правовых норм разными группами населения;
- необходимости усвоения и принятия воспитуемыми социальной значимости и моральной ценности правовых норм, законных прав и обязанностей;
- всемерного развития правовой активности граждан, подразумевающей в том числе непримиримость к любым нарушениям законности и правопорядка.

Серьезным недостатком нынешней практики воспитательной работы в правовой области является недооценка организационных форм, рассчитанных на молодежную аудиторию: школьных и студенческих правовых олимпиад, диспутов на актуальные темы права и морали.

Очень важную роль в формировании правовой культуры личности и общества в настоящее время играют такие информационно-коммуникационные средства, как социальные сети и мессенджеры, газетные и журнальные публикации, театральные постановки, кино и телевидение. В этой связи авторам, особенно имеющим авторитет и популярность у широкой аудитории, необходимо избавиться от погони за сенсационностью при изложении материала, от пропаганды неправомерного поведения; избегать хайпа и откровенных фейков в предлагаемых сюжетах; не тиражировать особенности патологии преступника, либо подробности совершенного им жестокого преступления [4, с. 319]. Санкции за трансляцию несоответствующих моральным и правовым нормам поведения образцов должны быть усилены как на законодательном и правоприменительном уровнях, так и путем явного общественного осуждения.

Высокий уровень правовой культуры личности предполагает также умение правильно формулировать и доступно излагать разнообразные вопросы права. Разъяснение правовой терминологии, содержания нормативных правовых актов, толкование законов и правоприменительной практики является целью и задачей правового просвещения. Юристы же должны профессионально владеть юридической техникой при составлении разнообразной документации; не использовать в служебной речи язык публицистики или жаргонные выражения, избегать сленга. Следование языковым нормам способствует навыкам логического мышления [2, с. 450].

В качестве специальных средств снижения правового нигилизма отдельных граждан и общества в целом следует назвать:

- повышение качества принимаемых законов;
- укрепление авторитета судебных органов в общественном сознании;
- улучшение профессионального обучения и воспитания юристов, прочих государственных служащих.

Наконец, следует обратить внимание на такое средство повышения уровня правовой культуры, как самовоспитание. Самовоспитание предполагает формирование законопослушания посредством самообучения, самоанализа правовой действительности и личной практики. Юристам всех направлений деятельности следует заниматься самовоспитанием в качестве профилактики профессиональной деформации сознания и личности, а также для поддержания должной компетентности.

Таким образом, правовая культура личности выражается в овладении ею основами юридических знаний, уважении к закону; сознательном соблюдении норм права; понимании социальной, юридической ответственности; непримиримости к правонарушениям и борьбе с ними. Основными средствами и способами повышения уровня правовой культуры являются: правовое воспитание, правовое обучение и просвещение; правовая пропаганда; совершенствование законодательства; улучшение качества кадрового состава и работы правоохранительных органов.

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). Ст. 10 // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163. [Вернуться к статье](#)

2. Назаренко Г. В. Теория государства и права : учебный курс. 5-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2020. 188 с. [Вернуться к статье](#)

3. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 496 с. [Вернуться к статье](#)
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 528 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 004.031.42:343.85

**«CRIME-ЗНАЙКА» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****Е. Ю. Горошко**

Университет гражданской защиты МЧС Республики Беларусь,
доцент кафедры организации службы,
надзора и правового обеспечения,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: mail@ucsp.by

Ю. А. Максименя

Научно-исследовательский институт пожарной безопасности
и проблем чрезвычайных ситуаций МЧС Республики Беларусь,
инспектор организационно-аналитического отдела
e-mail: yuliya.maximienia@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ механизмов повышения правовой культуры у граждан, аргументируется вывод о необходимости обучения несовершеннолетних с целью предупреждения совершения преступлений, в том числе групповых. Предложено разработать интерактивный тренажер «Crime-знайка» для усовершенствования модуля «Криминальная безопасность» образовательного центра безопасности жизнедеятельности.

Ключевые слова: правовая культура, несовершеннолетний, групповая преступность, обучение.

Annotation. The article analyzes the mechanisms for improving the legal culture of citizens is carried out, the conclusion is argued about the need to educate minors in order to prevent the commission of crimes, including group ones. In order to improve the «Criminal Security» module of the educational security center, it was proposed to develop an interactive simulator «Crime-znajka».

Keywords: legal culture, juvenile, gang crime, education.

Профилактическая деятельность по предупреждению преступности в первую очередь должна быть направлена на формирование у граждан законопослушного поведения и минимизацию криминогенных и иных неблагоприятных факторов. Основу такой деятельности составляет правовое воспитание, под которым понимают систематическую деятельность государства и негосударственных объединений, направленную на формирование у граждан правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву, на развитие и поддержание у них позитивной активности в сфере права [1]. Правовое воспитание может проводиться в различных формах: юридическое образование, правовая пропаганда, правовая практика и т. д.

В педагогических исследованиях акцентируется внимание на проблеме получения гражданами правового минимума, т. е. обязательного уровня знаний для каждого индивида. Таким образом, одним из приоритетных направлений повышения уровня правовой культуры и профилактики преступности является привитие правил общественной безопасности населению, особенно несовершеннолетним. Следует отметить, что проведение данной работы среди подростков имеет большую значимость, чем аналогичная деятельность в отношении взрослых. Это объясняется тем, что качественное проведение обучения гарантирует снижение количества преступлений в будущем не только среди подростков, но и среди взрослых.

Изучение вопросов общественной безопасности с практической отработкой полученных знаний и умений является одной из основных задач центров безопасности Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь. К настоящему времени в республике функционируют восемь центров безопасности, в том числе Образовательный центр безопасности жизнедеятельности (далее — ОЦБЖ) в г. Минске. Основной целью работы ОЦБЖ является обучение несовершеннолетних правильным действиям при возникновении различных чрезвычайных ситуаций. С помощью инновационных технологий и тренажеров-симуляторов посетители центров имеют возможность отработать практические навыки безопасного поведения в различных чрезвычайных ситуациях, в том числе криминального характера.

В ОЦБЖ предусмотрено наличие тематических модулей по пожарной, экологической, промышленной, гражданской, транспортной, комплексной, а также криминальной безопасности. Обучение с использованием потенциала модуля «Криминальная безопасность» ОЦБЖ осуществляется по локациям «Безопасный путь домой», «Правила поведения в общественных местах», «Незнакомец за дверью», «Криминальная безопасность дома», «Интернет-безопасность», «Незнакомец в подъезде» и «Незнакомец в лифте». Вместе с тем разработанный комплекс тренажеров и локаций не в полной мере дает представление обучающимся об алгоритмах действий при возникновении криминальной ситуации и о необходимости законопослушного поведения, в частности о правилах поведения в группе.

Как отмечают многие исследователи, большинство преступлений несовершеннолетних совершается именно в группе, а высказанное К. Е. Игошевым еще в 70-х годах мнение о том, что преступность несовершеннолетних — это групповая преступность, не утратило своей актуальности и по сей день [2; 3]. Согласно статистическим данным, количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в составе групп, в том числе в составе организованных преступных групп, за последние пять лет составляет более одной трети от общего количества и приобрело негативную тенденцию к нарастанию: 2017 г. — 38,1 % от общего

количества преступлений, совершенных несовершеннолетними (654 из 1716); 2018 г. — 36,2 % (560 из 1544); 2019 г. — 21,2 % (523 из 2507); 2020 г. — 39,7 % (512 из 1290); 11 мес. 2021 г. — 43,1 % (450 из 1045), что свидетельствует об устойчивости вовлечения несовершеннолетних в группы для совместной преступной деятельности. Для решения проблемы групповой преступности несовершеннолетних необходимо изучение не только психологических особенностей преступлений, совершенных в группе и вне ее, но и механизмов воздействия групповых феноменов на личность несовершеннолетнего.

Исследователи определяют группу как совокупность индивидов, взаимодействующих друг с другом для достижения общих целей, осознающих свою принадлежность к указанной совокупности и воспринимающих себя и других неотъемлемой ее частью [4]. Одним из негативных признаков группы является конформность, т. е. податливость человека реальному или воображаемому давлению группы [5]. Конформность проявляется в изменении поведения и установок людей, принимающих навязанные группой стереотипы. Для группы характерны и такие проявления, как сдвиг группового риска, огруппление мышления и социальная леность. Сдвиг группового риска подразумевает принятие членами группы в ходе группового мышления более рискованного решения, чем каждым из них в одиночку. В случае огруппления мышления члены группы не способны дать реалистичной оценки иным вариантам действий, что снижает качество групповых решений и препятствует принятию единственно правильного. Социальная леность характеризуется уменьшением личного участия индивида в жизнедеятельности группы и дальнейшим следованием принятому группой решению. Исходя из вышеизложенного следует, что человек находится в зависимости от группы и нередко подстраивает свое мнение под ее интересы, которые, в свою очередь, имеют ряд негативных проявлений. Психология групповой преступной деятельности отличается тем, что поведение соучастников в группе в значительной степени конформно, а принимаемые ими решения, происходящие зачастую в ситуациях риска, вероятнее бывают ошибочными [6].

В зависимости от уровня криминализации и организованности преступных групп А. М. Столяренко разделяет их на предкриминальную, простую преступную, организованную преступную группы и преступную организацию. Предкриминальная группа представляет собой общность несовершеннолетних и молодежи. На первоначальном этапе предкриминальные группы образуются не с целью совершения преступлений, а ради общения и совместного времяпровождения. В подавляющем большинстве это дворовые компании. Для них характерна антиобщественная ориентация и некоторые формы девиантного поведения. Легкость вовлечения несовершеннолетних в предкриминальные сообщества объясняется не только потребностью в общении и проведении досуга, сюда относятся

и ложное чувство взрослости, желание самоутвердиться, обрести психологическую защиту, иметь покровительство и т. д. Криминальная компания для несовершеннолетнего порой выступает в качестве эталонной группы, мнением которой он дорожит, подражает ее участникам и стремится стать ее полноправным членом.

Е. Г. Дозорцева и Е. В. Логинова отметили, что существуют различия между преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними в группе, и преступлениями, совершаемыми индивидуально [7]. Авторы пришли к выводу, что индивидуально подростки чаще, чем в группе, совершают агрессивно-насильственные преступления, такие как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а также деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего. В большинстве случаев эти действия не готовятся заранее и связаны непосредственно с ситуацией, возникшей в результате общения и конфликта подростка с жертвой. Преступления, совершаемые в группе, неоднородны по характеру, однако чаще всего группа несовершеннолетних совершает имущественные преступления. Это может быть связано с тем, что кражи, разбойные нападения и другие преступления имущественного характера, как правило, заранее спланированы и каждый член группы заранее знает свои обязанности. Эти факты указывают на решающее влияние группы на формирование поведенческих навыков и личность подростка. Не вызывает сомнения, что необходимо предупреждать возникновение преступных групп несовершеннолетних. Данное утверждение вовсе не означает игнорирование той части преступности несовершеннолетних, которая не носит группового характера. С учетом вышеизложенного целесообразно разработать и внедрить тренажер «Crime-знайка» для модуля «Криминальная безопасность» ОЦБЖ, позволяющий обучать основам безопасного поведения несовершеннолетнего, находящегося как в группе лиц, так и вне ее.

Тренажер «Crime-знайка» представляет собой комплекс устройств, предназначенных для обучения основам общественной безопасности в игровой форме как в индивидуальном порядке, так и групповым способом с задействованием особенностей принятия решений в группе. Коллективное обучение позволит корректировать поведение индивида. Тренажер состоит из проектора, проекционно-го стола, сенсорного планшета для управления тренажером в одиночном режиме, программного продукта для отображения процесса игры, генерации команд управления игрой, управления игрой посредством веб-интерфейса при помощи смартфона без предварительной установки приложений. Процесс обучения представляет собой ролевую игру в 3D-формате, в которой игрокам необходимо при помощи команд управлять персонажем, находящимся в криминальной ситуации. Например, персонаж нашел чужую банковскую карту и игрокам необходимо определить, как персонажу поступить с ней. В данном случае правильный ход

действий будет определять алгоритм, которым игроки смогут воспользоваться в реальной жизни в подобной ситуации.

Перед началом игры оператор выбирает режим проведения обучения — одиночный или многопользовательский. Также оператор может выбрать группу ситуаций, конкретную ситуацию либо задать ее случайным образом. При выборе одиночного режима управление игрой может вестись с экрана планшета, входящего в комплект тренажера. При выборе многопользовательского режима игроки должны отсканировать QR-код, который будет отсылать их на страницу веб-интерфейса управления игрой, где между ними будут распределены необходимые команды. При этом у всех игроков команды отличаются: у некоторых игроков могут быть только правильные команды, часть правильных, может и не оказаться верных команд. В данном случае группе игроков необходимо согласовывать свои действия, выбирая имеющиеся команды в необходимом порядке. При многопользовательском формате игры участники заранее не знают, что у кого-то может не оказаться верных команд. В таком случае в процессе принятия решений у игроков будет вырабатываться устойчивость к принятию мнения лидера коллектива и (или) давлению группы. При выборе верной команды процесс игры будет продолжаться. При принятии неверного решения, игрокам будут отображаться негативные последствия их выбора, после чего игра продолжится с момента, предшествовавшего выбору неверного решения.

При сценарном ходе обучения на тренажере представляется возможным включить отработку любой криминальной ситуации, в том числе в случае: нахождения чужой банковской карты; похищения человека на улице; встречи с незнакомцем; предложения покурить, употребить алкогольные напитки или наркотические вещества; обнаружения веществ, похожих на наркотические; кибербуллинга — психологического насилия над человеком в социальных сетях и других интернет-ресурсах; попытки постороннего проникнуть в домовладение; драки случайных либо знакомых людей; предложений от случайных либо знакомых людей совершения хулиганства или хищения; обнаружения бесхозных вещей или подозрительных предметов; моббинга — психологического насилия над человеком в коллективе; сваттинга — тактики противоправного поведения, реализуемой посредством заведомо ложных вызовов аварийно-спасательных служб; обнаружения постороннего в домовладении (обнаружения открытой входной двери) и прочих криминальных ситуаций.

Таким образом, разработка и внедрение тренажера «Crime-знайка» позволит выработать у обучающихся навыки принятия как правильного индивидуального решения, так и самостоятельного решения в условиях коллективного мнения группы, что будет способствовать повышению уровня правовой культуры и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

1. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права. Минск : Тесей, 1999. 560 с. [Вернуться к статье](#)
2. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М. : Юрид.лит, 1980. 83 с. [Вернуться к статье](#)
3. Медведева Н. Е. Криминологические особенности и понятие преступной группы несовершеннолетних, совершающих кражи // Рос. следователь. 2007. № 16. С. 31–33. [Вернуться к статье](#)
4. Марищук Л. В., Ивашко С. Г., Кузнецова Т. В. Психология : учеб. пособие. Минск : Тесей, 2009. 760 с. [Вернуться к статье](#)
5. Григорович Л. А., Марцинковская Т. Д. Педагогика и психология : учеб. пособие. М. : 2003. 480 с. [Вернуться к статье](#)
6. Зелинский А. Ф. Криминальная психология : науч.-практ. изд. Киев : Юринком Интер, 1999. 240 с. [Вернуться к статье](#)
7. Дозорцева Е. Г., Логинова Е. В. Психологические особенности групповых правонарушений подростков // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 289–294. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ****Д. М. Демичев**

Научно-консультативный совет
при Конституционном Суде Республики Беларусь,
сопредседатель,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: ddm65@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается понятие и сущность правовой культуры и правового воспитания. Дается авторское определение этих понятий. Будучи составным компонентом духовной культуры как совокупности созданных человеческим сообществом материальных и духовных ценностей, правовая культура и правовое воспитание являются неотъемлемыми элементами правовой системы.

Ключевые слова: культура, правовая культура, правовое воспитание, правовые знания, правовые акты, правовая жизнь, правовые ценности, правовая система, законодательство, правовые принципы, правосознание.

Annotation. The article reveals the concept and essence of legal culture and legal education. The author's definition of these concepts is given. Being an integral component of spiritual culture, as a set of material and spiritual values created by the human community, legal culture and legal education are integral elements of the legal system.

Keywords: culture, legal culture, legal education, legal knowledge, legal acts, legal life, legal values, legal system, legislation, legal principles, legal awareness.

Культура представляет собой совокупность достижений разума человечества в производственной, общественной и духовной жизни. Исходя из данной классификации, различают материальную, социальную и духовную культуру. Термин *cultura* в переводе с латинского означает «возделывание» и первоначально относился к возделыванию человеком земли (*agricultura*). Впервые данный термин встречается в трактате о земледелии «De agri cultura» (в оригинале «Земледелие») древнеримского политика и писателя Марка Порция Катона Старшего (234–149 гг. до н. э.), который был посвящен не просто обработке земли, а душевному уходу за ней. Если его не будет, то не будет хорошего урожая, т. е. не будет культуры [1]. В работе «Тускуланские беседы» римский философ Цицерон (106–43 гг. до н. э.) впервые употребил слово «культура» в переносном значении, назвав философию «культурой души». Он считал, что человек, занимающийся философией, обладает культурой духа и ума [2].

В новоевропейской идее культура рассматривалась как воспитание и универсальная образованность человека. В XVII в. термин «культура» стал использоваться как синоним просвещенности и воспитанности в противоположность варварству и необразованности.

Культура — это прежде всего свод правил субъективного характера, формирующий определенное сообщество людей.

Развитие культуры порождает право, которое само является уникальной культурной ценностью как своеобразный синтез права и культуры, как материальные и духовные ценности в области государства и права.

Правовая культура включает идеологический, психологический и поведенческие моменты, формируется под воздействием системы культурного и правового обучения и воспитания.

В научной литературе правовая культура обычно рассматривается как составная часть культуры общества и человека. В широком значении правовая культура — это система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права, которая включает в себя право в целом как систему норм, правоотношения, правовое сознание, правомерное поведение, правовые учреждения и т. д. В узком субъективном смысле правовая культура человека — это совокупность его правовых знаний, отношения к праву и правового поведения. Она включает нормы поведения, образ мышления, стандарты поведения [3, с. 639–640; 4, с. 54–74; 5, с. 295].

В юридической литературе выделяются следующие виды правовой культуры: 1) правовая культура общества — это составная часть общей культуры, представляющая собой систему ценностей, накопленных человечеством в области права и относящихся к правовой реальности данного общества, передающая степень правового сознания и правовой активности социума; 2) правовая культура личности — это культура человека как отдельного члена общества, характеризующая степень его правовой образованности, предполагающая превращение накопленных правовых знаний в правовые убеждения, привычки правомерного поведения, готовность действовать, руководствуясь этими правовыми знаниями и правовыми убеждениями, использовать свои права, исполнять обязанности, соблюдать запреты, а также уметь отстаивать свои права в случае их нарушения; 3) правовая культура социальной группы — это специфичная культура социальных, профессиональных, национальных, молодежных групп и т. д., характеризующаяся уровнем правосознания данной социальной группы и уровнем реального осуществления ею требований действующего права.

В целом в юриспруденции сложилось два основных подхода к пониманию правовой культуры. Во-первых, это совокупность правовых явлений в целом. В связи с этим правовая культура любого общества включает в себя

законодательство (юридические предписания), юридические учреждения, юридическую практику (как деятельность официальных государственных органов, правовое поведение граждан, их организаций), правовое сознание. Во-вторых, правовая культура рассматривается как определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правосознания. Именно такое понимание данного явления в юридической литературе является достаточно распространенным. На индивидуальном уровне правовая культура проявляется в глубоком знании и понимании права, высокосознательном исполнении его предписаний как осознанной необходимости и внутренней потребности. Она предполагает знание права, убежденность в его ценности, готовность и умение претворять в жизнь. Правовое мышление выступает как мотив и установка правового поведения. На общественном уровне правовая культура представляет собой признание правовых ценностей данным обществом и, как следствие, определенный уровень законодательства и юридической практики. Она выступает показателем усвоения, передачи и использования накопленных правовых ценностей.

Правовая культура определяется уровнем совершенства правовых актов, правоприменительной деятельности, состоянием законности и правопорядка, уровнем правосознания и правового развития личности, степенью свободы и ответственности государства и личности: для населения — это знание законов, позитивное отношение к праву, сознательное их исполнение, высокая гражданская и правовая активность; для государства — качественное состояние процессов правотворчества, правореализации, эффективная работа судебной и правоохранительной системы и т. д.

Правовая культура включает в себя правовые знания, правовые принципы, правосознание, правовые учреждения, правоотношения, правоприменение, уровень законодательной деятельности, реализацию права, законность и правопорядок.

К функциям правовой культуры как основным направлениям ее деятельности относятся: познавательно-преобразовательная — связана с теоретической и организаторской деятельностью по формированию правового государства и гражданского общества; праворегулятивная — направлена на реализацию эффективного и устойчивого функционирования правовой системы и всего общества; ценностно-нормативная — формируется в типичных, устоявшихся ценностях, предпочтениях, которые отображаются в сознании, установках, мотивах и поступках людей; правосоциализаторская — осуществляет правовую социализацию личности, формирует ее правовые качества, обеспечивает правовое обучение, воспитание и самовоспитание, оказывает юридическую помощь населению; коммуникативная — реализуется через общение граждан в юридической

сфере в рамках порядка, уважения, ответственности, способствует взаимопониманию, миру и согласию.

Основными направлениями повышения уровня правовой культуры населения являются: создание социально-экономических, политических, духовных предпосылок для ее востребованности в демократическом правовом государстве с развитой, социально направленной рыночной экономикой; формирование правовой идеологии, адекватной потребностям общества; выработка позитивного отношения к государству и праву, законности и правопорядку; овладение диалектико-логическими основами правового мышления, выработка положительной мотивации к праву, приобретение навыков правомерного поведения; совершенствование правотворческой деятельности; повышение эффективности правоприменительной практики; рост социального престижа и профессионального уровня юристов; преодоление юридической безграмотности и правового нигилизма населения.

Таким образом, правовую культуру можно представить как *особое юридическое достояние социума, которое можно рассматривать в следующих аспектах: как качественное правовое состояние (правокультурность) общества, социальной группы и личности; как общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву; как совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок.*

Правовая культура — это знание и понимание права, соблюдение и исполнение его предписаний. Это, прежде всего, результат, качественный показатель состояния всей правовой жизни общества, уникальный сплав материального и духовного компонентов, единство формы и содержания.

В целях повышения правовой культуры населения, и прежде всего молодежи, было бы целесообразным принятие Национальной (государственной) концепции правового образования учащейся молодежи, целью которой было бы воспитание правовой культуры данной категории населения, повышение уровня правовой информированности, формирование навыков правомерного поведения.

Одним из основных средств повышения уровня правовой культуры в обществе и государстве является правовое воспитание. Если в странах с длительной правовой традицией человек воспитывается естественно, самой практикой жизни, начиная с семьи, то в наших условиях это должно быть предметом целенаправленного формирования через правильную организацию правового образования и правового воспитания.

Правовое воспитание в целом можно представить как *целенаправленную, систематическую деятельность государственно-правовых институтов, общественных объединений, трудовых коллективов, юридических учебных*

заведений по формированию у граждан и всего населения высокого уровня правовой культуры и правосознания, потребности в активном правомерном поведении.

Правовое воспитание тесно связано со всеми видами социального воспитания — моральным, политическим, эстетическим и др., процессом духовного формирования личности. Без правового воспитания нельзя сформировать полноценную, адекватную и успешную личность. В то же время правовое воспитание — это и воздействие на сознание людей с целью формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Сущностью правового воспитания является формирование правовой установки на согласование устремлений и ожиданий личности с интересами и ожиданиями общества, т. е. процесс выработки устойчивых правовых идей и принципов в правосознании воспитуемых, формирование правовой культуры.

Содержание правового воспитания составляет процесс целенаправленного и систематического воздействия на правосознание личности (группы) с помощью совокупности (комплекса) правовоспитательных мероприятий, определенных способов и средств, которыми располагает общество.

Правовое воспитание и правовое обучение находятся в диалектическом и неразрывном взаимодействии друг с другом. И то, и другое связано с воздействием на разум и чувства, направлено на формирование юридического мировоззрения и ценностного отношения к праву. Однако если в правовом воспитании воздействие оказывается прежде всего на эмоционально-волевую сторону правосознания, то в правовом обучении — на познавательную-рациональную сферу. Это непрерывный процесс, предполагающий индивидуальный, конкретный подход, направленный на законопослушных граждан, правонарушителей, преступников, несовершеннолетних и т. д., связанный с качеством мероприятий.

Основной задачей правового воспитания является привитие индивиду осознанного стремления к правомерному поведению: усвоение на уровне знаний и убеждений правовых принципов, норм законодательства, прав и обязанностей; формирование уважения к государству, праву, Конституции, законодательству, суду, правоохранительным органам; четкая ориентация на правомерное, законопослушное поведение; культивирование его навыков, умения применять правовые знания на практике; формирование устойчивого правового иммунитета (невосприимчивости) к нарушению правовых норм; формирование высокой гражданской и правовой активности.

В то же время развитие правосознания определяет выбор индивидом правомерного или неправомерного поведения, а следовательно, и общее состояние законности и правопорядка.

Основными направлениями правового воспитания являются: формирование правосознания и правовой культуры в семье; обучение основам права и воспитание правовой культуры в школе; профессиональная правовая подготовка (правовое обучение) в средних специальных, высших учебных заведениях юридического (и родственного) профиля; самообразование и самовоспитание (основано на осознании, воле, готовности и желании получать и использовать правовые знания, поведенческой активности); распространение правовых знаний средствами массовой информации и через Интернет; выпуск юридической литературы; юридическая практика, связанная с участием граждан в правоприменительных процессах; непосредственная реализация права (на выборах, референдумах, при совершении юридически значимых действий).

Основная цель правового воспитания — дать человеку необходимые в жизни юридические знания и научить его уважать и соблюдать законы и подзаконные акты, т. е. сформировать достаточно высокий уровень правовой культуры, способный значительно уменьшить число правонарушений. Каждый человек, зная свои права и обязанности, сможет грамотно себя защищать от незаконных действий со стороны преступников, лиц, злоупотребляющих правом.

Еще М. Т. Цицерон в философской работе «Тускуланские беседы» видел историческое предназначение культуры в формировании из индивида, жаждущего только «хлеба и зрелищ», сознательного гражданина, способного отстаивать интересы Римской республики как на форуме, так и на полях сражений, готового, не колеблясь, пожертвовать своим благополучием, имуществом и даже жизнью, если этого потребуют интересы государства. Главной проблемой культуры М. Т. Цицерон считал достижение органического единства личности и общества, гражданина и полиса. Цель культурного процесса он видел в создании идеала человека, который по своим личностным характеристикам был бы тождественен идеалу гражданина [2].

Вместе с тем правовое воспитание зачастую ограничивается правовой информированностью и не направлено на формирование правовой убежденности и навыков правомерного поведения. В условиях растущей конкуренции на рынке высшего профессионального образования развитие системы юридического образования в Республике Беларусь должно определяться ее способностью к подготовке специалистов, готовых к эффективной деятельности в условиях интенсивного экономического роста, применения инновационных и информационных технологий в базовых отраслях, современных системах управления. В этих целях в Республике Беларусь разработана Концепция развития юридического образования на период до 2025 г. и принят план мероприятий по ее реализации. Ее основная задача — оптимизация юридического образования, подготовка высококвалифицированных юридических кадров, повышение

уровня практико-направленного обучения, развитие новых образовательных технологий, совершенствование правового воспитания. Важнейшая тенденция развития юридического образования в стране — неотделимость обучения от воспитания, а характерными его чертами являются гуманитаризация, призванная формировать духовность, культуру, целостное развитие всех сторон личности, а также национальная направленность, обеспечивающая сочетание образования с историей и народными традициями, сохранение и обогащение национальных ценностей.

Как закреплено в Кодексе Республики Беларусь об образовании, обновленном Законом от 14 января 2022 г., воспитательная работа в учебных заведениях должна быть направлена на формирование у обучающихся уважения к памяти защитников Отечества, закону и правопорядку, бережного отношения к историко-культурному наследию и традициям белорусского народа [6].

Таким образом, несмотря на достаточно высокий (хотя и далеко не совершенный) уровень развития законодательства Республики Беларусь, общий уровень правовой культуры населения страны остается невысоким. Главной проблемой остается отсутствие осознания права как важнейшей социальной ценности. И только высокий уровень правосознания и правовой культуры, высокоразвитая экономика, реализующиеся на практике принципы правового государства создают основу для прогресса и процветания общества. Государство и общество должны быть заинтересованы в повышении уровня правовой культуры и правового воспитания населения, в распространении юридических знаний, в формировании у граждан стойкой необходимости исполнения требований права.

1. Марк Порций Катон. De agri cultura (Земледелие) / пер. и комм. М. Е. Сергеев при участии С. И. Протасовой. Сер. Литературные памятники. М., 1950. 220 с. [Вернуться к статье](#)

2. Цицерон М. Т. Избранные сочинения / пер. с лат. и комм. М. Л. Гаспарова. М. : Худ. лит-ра, 1975. 456 с. [Вернуться к статье](#)

3. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. М. : Книжный мир, 2010. Сер. Профессиональные справочники и энциклопедии. 960 с. [Вернуться к статье](#)

4. Гуляихин В. Н. Архетипы правосознания в системе правовой культуры личности // Юридические исследования. 2014. № 1. С. 54–74. [Вернуться к статье](#)

5. Лазарев В. В., Липень С. В. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 591 с. [Вернуться к статье](#)

6. Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г., № 154-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 316

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ МОЛОДЕЖИ
И РИСКОВ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ****А. А. Дыжова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
e-mail: anna-d77@bk.ru

Аннотация. За основу при написании статьи взяты результаты социологического опроса молодых граждан Республики Беларусь, проведенного в рамках научно-исследовательской темы «Разработка научно обоснованной концептуальной модели противодействия зависимому поведению подростков и студенческой молодежи» в рамках задания на выполнение научно-исследовательской работы, направленной на научно-техническое обеспечение деятельности Министерства образования Республики Беларусь ГЗ 21-19. Статья посвящена рассмотрению актуальной в настоящее время проблемы интернет-зависимости молодежи, навязчивой идеи использовать Интернет и проводить в Сети большое количество времени.

Ключевые слова: юноши, девушки, интернет-зависимость, молодежь.

Annotation. The results of a sociological survey of young citizens of the republic, conducted within the framework of the research topic: «Development of a scientifically based conceptual model for counteracting the addictive behavior of adolescents and students» were taken as the basis for writing the article, as part of the assignment to carry out research work aimed at scientifically — technical support for the activities of the Ministry of Education of the Republic of Belarus GZ 21-19. The article is devoted to the current problem of youth Internet addiction, an obsession with using the Internet and spending a lot of time online.

Keywords: boys, girls, Internet addiction, youth.

Еще совсем недавно понятие интернет-зависимости у людей вызывало недоумение и сарказм, сейчас, к сожалению, это реальность. Есть примеры трагических случаев, связанных с общением в Интернете через различные сообщества, которые наносят вред психическому и физическому здоровью. Особенно подвержены влиянию Интернета молодые люди, в частности подростки. В ходе наших исследований был проведен анализ влияния духовно-субъективных факторов и жизненных приоритетов молодых людей на риски попасть под воздействие Интернета в целом и социальных сетей в частности.

Разумеется, сама структура возможных вариантов ценностных ориентиров индивидов задается обществом, исходя из общественных интересов

и потребностей, поскольку общество функционирует как целостный социальный организм. Конечно же, необходимо учитывать влияние на человека и со стороны его непосредственного окружения, в первую очередь семьи. В конечном итоге именно индивид делает окончательный выбор своих жизненных приоритетов и ценностей.

В ходе проводимых исследований респондентам был задан вопрос об их жизненных приоритетах и ценностях. Результаты отражены на рисунке 1.

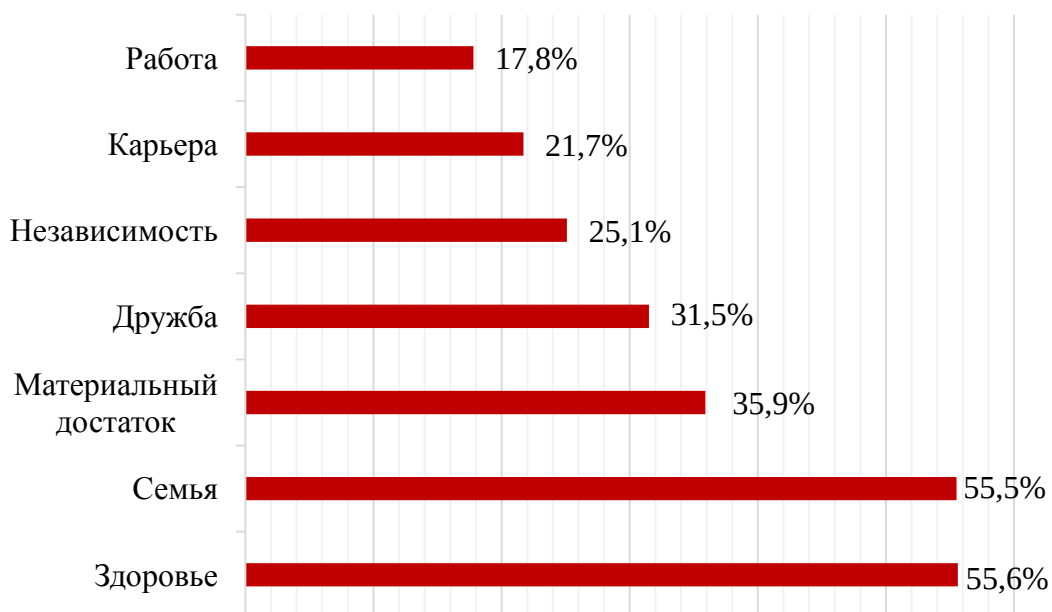

Рисунок 1 — Распределение ответов на вопрос:
«Назовите Ваши жизненные ценности», в %

Примечание. При ответе на вопрос можно было отметить несколько вариантов (не более трех), поэтому сумма может составлять более 100 %.

Как видно на диаграмме, на первом месте у юношей и девушек здоровье (55,6 %) и семья (55,5 %). Далее указаны материальный достаток (35,9 %), дружба (31,5 %), независимость (25,1 %), карьера (21,7 %) и работа (17,8 %).

В ходе проведенного социологического анализа мы выяснили, что наибольшим эффектом, провоцирующим интернет-зависимость у молодых людей, является их стремление к материальному достатку и независимости. Несмотря на то, что речь идет о благосостоянии, но при этом молодых людей не так уж интересует работа.

Хотелось бы отметить, что оберегающим от рисков интернет-зависимости эффектом обладает, согласно нашим данным, ориентация молодых людей на карьеру, свободу, семью, здоровье и образование. Мы полагаем, что все эти

перечисленные ценности, включая в первую очередь ориентацию на семью и детей, объединены положительным импульсом в рамках существующих общественных приоритетов. Реализация этих жизненных установок (выстраивание карьеры, создание семьи, обеспечение здоровья и получение образования) потребует от индивида больших усилий и временных затрат. Для молодых людей, поставивших перед собой такие задачи, вряд ли останется много времени для излишеств в Интернете. В противном случае им придется распрощаться со своими мечтами стать материально обеспеченными людьми с хорошей карьерой и семьей.

О риске интернет-зависимости можно судить, проанализировав данные социологического опроса о роли Интернета в жизни юношей и девушек. Анализ данного вопроса раскрыт на рисунке 2.

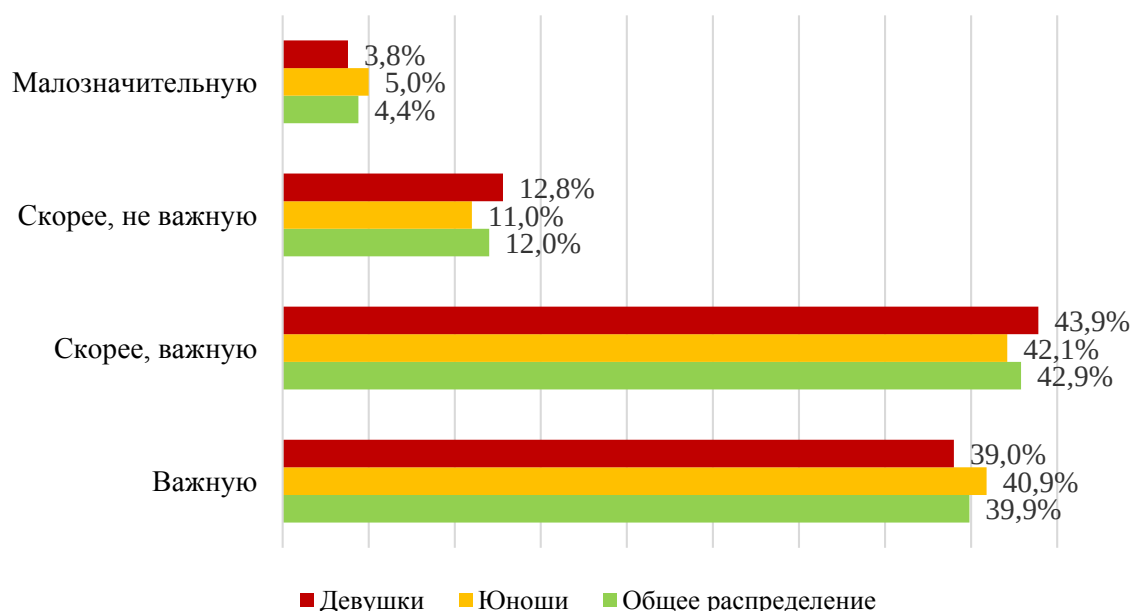

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос:
«Какую роль играет Интернет в Вашей жизни?», в %

Как видно на рисунке, Интернет имеет огромное значение в жизни молодых людей. И в этом нет принципиального гендерного различия. О важности Интернета в их жизни указали 81 % респондентов, при этом 39,9 % абсолютно в этом уверены и 42,9 % ответили, что имеет «скорее, важное» значение. О малозначительности Интернета указали 4,4 % молодых людей. Из них 5,0 % составили мужчины и 3,8 % — женщины. При этом довольно часто, а это каждые 10–20 минут, посещают Интернет 40,5 % опрошенных, из них 38,5 % составили юноши и 42,6 % — девушки. Часто, то есть примерно один раз в час, посещают социальные сети 47,9 % респондентов, из них 50,5 % —

юноши и 45,5 % — девушки. Остальные указали, что Всемирную паутину посещают пару раз в день.

Далее мы решили спросить у молодых людей, смогли ли бы они полностью отказаться от Интернета. Результаты анализа социологического опроса отражены на рисунке 3.

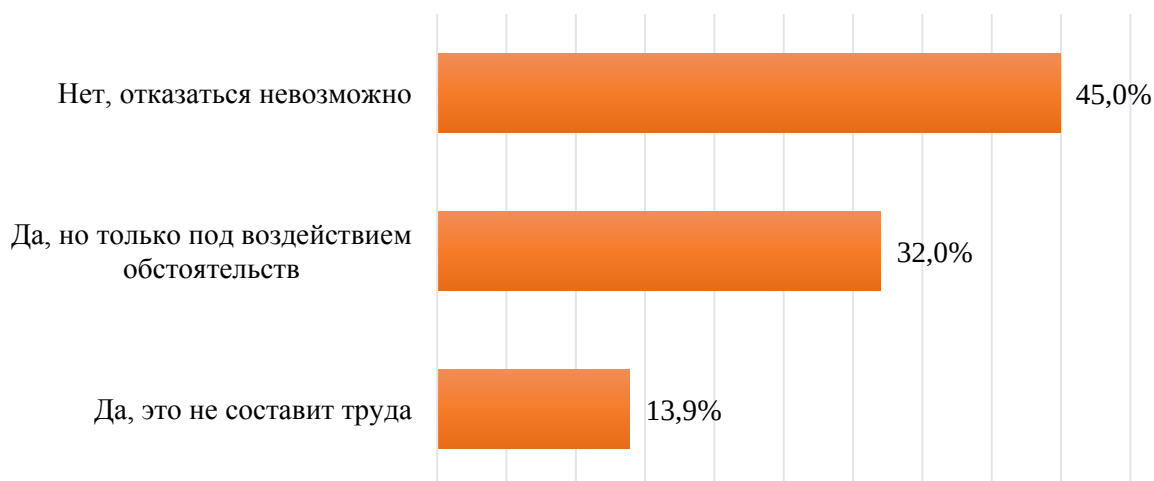

Рисунок 3 — Распределение ответов на вопрос: «Смогли бы Вы полностью отказаться от использования Интернета?», в %

Как видно на диаграмме, практически 14 % молодых людей утверждают, что могут отказаться от социальных сетей в любой момент. Даже не задумываются об этой идее 45 % юношей и девушек, и 32 % утверждают, что смогли бы это сделать только под воздействием обстоятельств.

Давно известен тот факт, что длительное времяпрепровождения в Сети оказывает пагубное влияние на физическое и психическое состояние молодых людей. Отмечается равнодушие к мнению друзей и близких, повышенная агрессивность, отказ от реального общения. Помимо психологического отказа от реальной жизни, интернет-зависимость приводит и к нарушениям состояния физического здоровья юношей и девушек, таким как бессонница, головные боли, боли в спине.

В ходе социологического опроса и анализа данных было определено, что 98,4 % молодых людей зарегистрированы в различных социальных сетях, а на вопрос, как часто они посещают социальные сети, 93 % респондентов ответили, что делают это несколько раз в день, 91 % из них составили юноши и 94,9 % — девушки.

Уже из этого можно сделать вывод о том, что Всемирная паутина занимает огромное место в жизни молодежи, с каждым годом интернет-пользователей становится все больше, при этом они «молодеют». Проблемой использования

сети Интернет является тот факт, что социализация молодежи осуществляется под влиянием интернет-ресурсов, которые практически невозможно ограничить по цензуре, что зачастую приводит к непредсказуемым и нежелательным последствиям, информационной перегрузке и психоэмоциональному напряжению, несмотря на усилия родителей, учителей. В связи с этим отметим важную роль, которую необходимо отвести семье, учреждениям образования, государственным органам, практикам социального управления всех уровней и отраслей общественной жизни, в сознательном и целенаправленном моделировании основных жизненных ценностей молодежи, которые бы сводили к минимуму риски деструктивных зависимостей, в том числе и болезненную зависимость от Интернета. Стоит отметить, что именно в создании, поддержании и передаче от поколения к поколению определенной структуры ценностей и состоит основная и исчерпывающая цель государственной системы образования. Вопрос о том, какая конкретно это должна быть структура ценностей, чтобы она соответствовала требованию времени, вряд ли может быть исчерпывающим образом решен, однако то, что эту работу необходимо делать, не вызывает сомнения.

УДК 378.1

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ****А. В. Ермолаев**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник учебно-методического отдела
e-mail: yermolayev_alex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются элементы системы профессионального образования сотрудников органов внутренних дел как необходимые составляющие формирования и повышения правовой культуры на различных этапах прохождения службы.

Ключевые слова: профессиональное образование, юридическое образование, правовая культура, профессиональное правосознание.

Annotation. The article discusses the elements of the system of professional education of employees of the internal affairs bodies as necessary components of the formation and improvement of legal culture at various stages of service. and spending a lot of time online.

Keywords: professional education, legal education, legal culture, professional sense of justice.

Сегодня существование независимого белорусского государства немислимо без наличия и эффективного функционирования системы обеспечения национальной безопасности, в которую наряду с иными входят и органы внутренних дел.

Следует отметить, что в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь среди основных внешних источников ее угроз отмечены: расширение масштабов трансграничной преступности; деятельность транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок, связанная с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и социальные права граждан. В качестве внутренних источников угроз национальной безопасности выступают криминальные тенденции и проявления в обществе [1].

Вследствие этого, важнейшими задачами, стоящими перед органами внутренних дел, являются защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, борьба с преступностью, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности [2].

Республиканским органом государственного управления, возглавляющим систему органов внутренних дел и внутренние войска, является Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее — МВД). В этой связи одним из

основных задач, стоящих перед МВД как системой управления, является организация работы с кадрами и реализация государственной политики в области идеологии [3].

Для решения указанных задач Министерством внутренних дел реализуется функция по обеспечению реализации в органах внутренних дел и внутренних войсках государственной кадровой политики, а также государственной политики в области образования.

Необходимо отметить, что, являясь отраслевой модификацией кадровой политики Республики Беларусь, кадровая политика МВД составляет стратегическую основу управления кадрами органов внутренних дел, а также повышения профессионализма сотрудников. При этом одной из главных ее целей является постоянное повышение профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел. Это обусловлено в первую очередь тем, что от сформированного уровня их правовой культуры и правосознания в значительной степени зависит эффективность и качество выполнения поставленных задач.

В свою очередь, профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел должно основываться на твердом знании юридических норм и принципов права, а также умениях их применения и использования в повседневной служебной деятельности. Эти знания и умения вкупе с приобретенным практическим опытом и сформированными личностными качествами и составляют профессиональные компетенции специалиста. Последние формируются в рамках получения сотрудниками профессионального образования.

Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь как определенная социально-правовая категория представляет собой обусловленную потребностями общества и государства многоуровневую систему непрерывного обучения и воспитания, осуществляемых как в учреждениях образования, так и непосредственно по месту службы. Оно входит в единую государственную систему образования как отдельная специфическая составляющая.

С учетом того, что, как уже отмечалось, деятельность органов внутренних дел носит правоохранный характер и основывается на соблюдении принципа законности, профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел входит и в систему юридического образования Республики Беларусь.

Профессиональное образование в органах внутренних дел осуществляется посредством определенных организационных форм: первоначальной подготовки принимаемых на службу сотрудников, подготовки специалистов в учреждениях образования, а также переподготовки и повышения квалификации.

В рамках первоначальной подготовки сотрудники, которые впервые принимаются на службу в органы внутренних дел, проходят процесс обучения, который направлен на приобретение первичных знаний, умений и навыков, достаточных для самостоятельного исполнения ими должностных обязанностей. И в первую очередь они получают азы юридических знаний в области конституционного, гражданского, семейного, трудового, административно-деликтного, уголовного, административно-процессуального и уголовно-процессуального законодательства. Это создает у молодых сотрудников базис правового сознания, необходимый для дальнейшего прохождения ими службы в органах внутренних дел.

Дальнейшее развитие уровня правовой культуры происходит в рамках иных видов профессионального образования сотрудников органов внутренних дел. Основной и наиболее массовой его формой является подготовка специалистов в учреждениях образования, которая в настоящее время осуществляется в рамках реализации образовательных программ высшего образования на базе Академии МВД Республики Беларусь и Могилевского института МВД Республики Беларусь. На I ступени высшего образования обучение ведется по 5 из 7 специальностей, входящих в систему высшего юридического образования. В рамках обучения по ним сотрудники изучают общетеоретические, исторические, отраслевые и межотраслевые, а также прикладные юридические науки, тем самым формируя профессиональное правосознание правоохранителей. Освоение содержания образовательных программ заканчивается присвоением специалисту квалификации «юрист».

Для более углубленной подготовки специалистов с юридическим образованием, расширения их правовой информированности, а также формирования знаний, умений и навыков научно-педагогической и научно-исследовательской работы в Академии МВД Республики Беларусь реализуются образовательные программы высшего образования II ступени (магистратуры) по 2 специальностям.

Подготовка ведомственных научных работников высшей квалификации в области юриспруденции осуществляется посредством образовательных программ послевузовского образования, которые реализуются в Академии МВД Республики Беларусь на I (адъюнктура) и II (докторантура) ступенях послевузовского образования. В адъюнктуре осуществляется подготовка специалистов по 8 научным специальностям юридического и психологического профилей. В рамках докторантуры организована подготовка специалистов по 4 научным специальностям юридического профиля. В рамках работы над диссертациями специалистами проводятся фундаментальные и прикладные научные исследо-

вания по актуальным вопросам правоприменительной деятельности органов внутренних дел.

С учетом того, что действующее законодательство характеризуется высокой степенью динамичности, важными элементами системы профессионального образования являются переподготовка и повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел, которые реализуются в рамках образовательных программ дополнительного образования взрослых.

Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел осуществляется учреждениями образования МВД по профилям образования: «Службы безопасности» (направление образования «Общественная безопасность»), «Коммуникации. Право. Экономика. Управление Экономика и организация производства» (направления образования: «Коммуникации», «Право», «Экономика», «Управление», «Экономика и организация производства»). Обучаясь по данным образовательным программам, сотрудники актуализируют свои знания в отдельных отраслях права, а также знакомятся с положительными примерами правоприменительной практики органов внутренних дел.

В рамках реализации образовательных программ переподготовки руководящих работников и специалистов ими приобретается новая квалификация на уровнях высшего или среднего специального образования. В настоящее время данный вид профессионального образования в органах внутренних дел организуется по одной специальности переподготовки на уровне среднего специального образования и десяти специальностям на уровне высшего образования. И, несмотря на то, что только по одной специальности переподготовки 1-24 01 71 «Правоведение» присваивается квалификация «юрист», можно утверждать, что в процессе обучения по всем указанным специальностям у слушателей формируются знания норм соответствующих отраслей права, связанных с отдельными направлениями служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. А это, в свою очередь, предполагает повышение уровня их правовой информированности, способствует правомерному поведению и, соответственно, повышению уровня правовой культуры.

Таким образом, профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел является основным инструментом формирования и поддержания необходимого уровня их профессионального правосознания. Различные формы организации профессионального образования призваны обеспечить требуемый запас правовых знаний в соответствии с категорией сотрудника, занимаемой должностью и стажем работы.

В настоящее время перед системой профессионального образования стоят актуальные задачи совершенствования его правового, научно-методического и информационно-технического обеспечения ввиду вступления в силу новой ре-

дакции Кодекса Республики Беларусь об образовании, перехода к новым образовательным стандартам высшего образования поколения 3+, обновленной концепции социально-гуманитарной подготовки, внедрения инновационных педагогических и информационно-коммуникационных технологий. От степени их реализации зависит в конечном счете уровень правовой культуры сотрудников милиции, эффективность профессиональной деятельности и их авторитет как правоохранителей.

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 : в ред. от 24.01.2014. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263> (дата обращения: 12.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 дек. 2007 г., № 611 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.11.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 378

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

Т. А. Казакова

Академия ФСИН России,
доцент кафедры иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
e-mail: tina4242@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована проблема повышения уровня правовой культуры курсантов вузов ФСИН России. Даются определения понятий правового образования и правового воспитания. Анализируется специфика формирования правовой культуры данной категории обучаемых.

Ключевые слова: правовая культура, курсанты, компоненты правовой культуры, правовое образование, правовое обучение, правовое воспитание.

Annotation. The article considers the problem of increasing the level of legal culture of cadets of the Academy of Federal service of execution of punishments of Russia. One provides definitions of the concepts of legal education and legal education. Specificity of formation of legal culture of cadets of the Academy of Federal service of execution of punishments of Russia is analyzed.

Keywords: legal culture, cadets, elements of legal culture of cadets, legal education, legal training.

Правовая культура — это сфера свободы, позволяющая человеку реализовать свои способности, интересы, потребности. Одновременно с этим правовая культура воспитывает дисциплину и ответственность, без которых свобода в обществе невозможна. В значительной степени от уровня правовой культуры зависит эффективность регулирования общественными процессами. Решение актуальных задач современного этапа развития, а именно построение правового государства и воспитание социально ответственного гражданина, тесно связано с формированием правовой культуры [1, с. 3].

Будущий сотрудник у должен обладать соответствующими правовыми знаниями, умениями, навыками, личностными качествами, соответствующими ценностям и нормам новой правовой системы общества, с помощью которых он мог бы успешно выполнять поставленные перед ним профессиональные задачи.

Необходимо отметить, что, являясь составной частью культуры, правовая культура влияет на формирование сознания и деятельность личности в различных профессиональных и жизненных ситуациях.

Правовая культура формируется в процессе правового образования и правового воспитания. Под правовым образованием понимают правовое информи-

рование, которое обеспечивается усвоением правовых знаний и понятий. Оно включает в себя несколько аспектов: правовой, социальный, психологический и педагогический. Правовое воспитание — это целенаправленная деятельность государства, общественных структур, средств массовой информации, образовательных организаций по формированию в правосознании молодежи устойчивых правовых убеждений, ценностей, потребностей и привычек правомерного поведения [2].

Правовое воспитание состоит в передаче, накоплении и усвоении знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Соответственно, возникает необходимость в осознанном усвоении курсантами вузов ФСИН России положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в их личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем во внутреннюю потребность и привычку соблюдать правовой закон. Следовательно, важной чертой такого правового воспитания должно являться не просто усвоение обучаемыми правовой информации, а превращение ее в устойчивые привычки всегда поступать в соответствии с требованиями закона [3, с. 223].

Существуют различные определения понятия правовой культуры личности. Однако большинство ученых традиционно рассматривают ее как категорию, характеризующую правосознание и поведение человека с точки зрения уровня и содержания его правовой воспитанности и неразрывно связанную с состоянием правового развития и правовой культуры общества. С этих позиций под правовой культурой личности следует понимать совокупность правовых знаний, умений, нравственно-правовых ценностных ориентаций личности, реализуемых в жизнедеятельности человека, исполнение требований права и социально активную позицию личности в правоохранительной деятельности. Процесс формирования правовой культуры строится в соответствии с основными компонентами правовой культуры: интеллектуальным, эмоционально-ценностным и практическим [4, с. 7].

Особое значение правовая культура приобретает в рамках механизма реализации конституционных прав и свобод граждан, создаваемого в процессе правовой реформы, в условиях совершенствования правового государства.

Сущность правовой культуры как компонента профессиональной культуры личности курсанта характеризуется высоким уровнем овладения правовыми знаниями и умениями; сформированным социально-ценностным отношением к праву, его предмету, содержанию, средствам и результатам; развитыми качествами личности, позволяющими ей наиболее полно реализовать себя

в правовой и социально ориентированной деятельности. Правовая культура курсанта формируется в процессе правового образования и правового воспитания.

Воспитание человека как личности является единым, всеохватывающим процессом, в котором правовое воспитание является существенной составной частью. Правовое воспитание выступает тем социальным каналом, который дает возможность прививать гражданам правовые знания. Однако процесс развития личности сложен и многогранен, формирование знаний происходит не только в процессе специально организованной сознательной воспитательной деятельности, но и под воздействием различных объективных факторов социальной действительности. Поэтому следует различать понятия «правовое воспитание» и «правовое формирование» личности.

Под правовым воспитанием понимается целенаправленный, организованный, управляемый педагогический процесс воздействия на правосознание индивидов, социальных групп, осуществляемый с помощью системы специально созданных правовоспитательных форм и средств. Правовое воспитание — это систематическая деятельность государственных и общественных организаций, а также отдельных граждан, направленная на формирование правовых взглядов и убеждений, позитивных нравственно-правовых ценностных ориентаций и установок, обеспечивающих исполнение правовых норм и формирующих активную позицию личности в правоохранительной и правотворческой деятельности.

Правовое формирование личности — понятие более широкое и объемное. Оно включает, помимо самого процесса правового воспитания, еще и процессы массовых, зачастую неуправляемых, неорганизованных, преднамеренных воздействий на правосознание людей со стороны всей совокупности объективно существующих, проникающих во все сферы общественной жизни социальных факторов. Будучи составной частью системы воспитательной работы, правовое воспитание содействует решению задачи формирования гармонично развитой, общественно активной личности. Под правовым образованием курсантов мы понимаем процесс овладения личностью системой правовых знаний, практических умений и навыков, повышения уровня правовой компетентности и, соответственно, уровня правовой культуры личности, которые в совокупности определяют ее социально-правовой облик. Правовая образованность является необходимой составной частью культурного облика человека и предпосылкой успешной жизнедеятельности в обществе.

Следовательно, понятие «правовая культура» является более широким, чем «правовое образование» и «правовое воспитание», поскольку охватывает не только уровень правовой образованности и воспитанности, включает не

только формирование позитивных правовых ориентаций и установок, обеспечивающих исполнение правовых норм, но и охватывает целый культурный пласт, систему ценностных установок, социально-ценностное отношение человека к окружающему миру, предполагает ответственность человека за свою деятельность. Правовая культура является основным показателем результативности правового образования и правового воспитания, которые выступают в качестве основного механизма формирования правовой культуры личности.

Формирование правовой культуры курсантов направлено на решение ряда конкретных задач. К ним относятся вооружение обучаемых системой правовых знаний, развитие умений и навыков сознательного, юридически правильного поведения в обществе, воспитание уважения к правам, свободам и обязанностям личности в обществе, воспитание чувства ответственности за свое поведение, формирование внутренней потребности в защите законности правопорядка. Достижение высокого уровня правовой воспитанности у курсанта — это сложный, непрерывный процесс, имеющий цели и задачи, объект и субъект воспитания, содержание, приемы, формы и методы воспитательных воздействий во всех видах деятельности курсантов, соответствующие результаты их оценки и корректирования. Все его структурные элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Систематическое изучение эффективности процесса правового воспитания делает его управляемым, обеспечивает реальные условия для дальнейшего повышения уровня правовой культуры курсантов. Эффективность процесса правового воспитания курсантов вузов ФСИН России может быть достигнута лишь при условии, если: профессорско-преподавательский состав вуза готов к профессионально-квалифицированному управлению процессом правового воспитания, во всех подразделениях вуза он проводится планомерно и целенаправленно; правовое воспитание осуществляется при оптимальном использовании правовоспитательных возможностей основных видов деятельности курсантов, у которых формируются установки на обязательное выполнение требований законов и устава, осуществляется вовлечение их в активную правовоспитательную деятельность. Следовательно, основное направление воспитания курсантов должно заключаться в формировании высокого уровня их правовой культуры, правовой воспитанности, социально-правовой активности.

Процесс правового развития личности приобретает оптимальный характер лишь тогда, когда курсант выступает подлинным субъектом обучения и воспитания, когда в нем пробуждается сознательное стремление к самосовершенствованию и самореализации в различных сферах жизнедеятельности [5].

1. Анненко О. И. Правовая культура современной российской молодежи: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007. 22 с. [Вернуться к статье](#)
2. Аксенова Г. И. Правовая культура курсанта: сущность, структура, средства формирования // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 155–157. [Вернуться к статье](#)
3. Лаптев А. А., Ильенко Е. В., Беловолов В. А. Формирование правовой культуры курсантов как педагогическое явление // Сибир. пед. журнал. 2010. № 12. С. 223–231. [Вернуться к статье](#)
4. Никитина О. А. Формирование правовой культуры студентов в процессе изучения иностранного языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2006. 20 с. [Вернуться к статье](#)
5. Андреева Г. Б., Никитина О. А. Формирование правовой культуры студентов: от теории к практике // Правовая культура. 2017. № 4 (31). С. 122–127. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В
ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА****А. А. Каспирович-Шумак**

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
ведущий специалист управления информационно-правового
и лингвистического обеспечения
email: nastya_kaspirovich@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным вопросам предоставления информации как одного из способов формирования правовой культуры личности и общества. Проведен анализ понятий правовой культуры, рассмотрена роль деятельности Национального центра правовой информации Республики Беларусь в формировании правовой культуры общества. Предложены пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: право, информация, правовая культура, правовое воспитание, правовое просвещение.

Annotatoin. The article is devoted to certain issues of providing information as one of the ways to form the legal culture of the individual and society. The analysis of the concepts of legal culture has been carried out, the role of the activities of the National Center for Legal Information of the Republic of Belarus in the formation of the legal culture of society has been considered. Ways of improvement of the current legislation are offered.

Keywords: law, information, legal culture, legal education, legal education.

Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в Республике Беларусь требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод. Формирование высокого уровня правовой культуры, традиций безусловного уважения к закону, правопорядку, добропорядочности и добросовестности включается в основы правовой культуры личности и общества. Государство создает необходимые условия для обеспечения реализации права граждан на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации путем предоставления населению свободного доступа к законодательству Республики Беларусь, распространения информации о том, где его можно получить как детям, так и взрослым.

Правовая культура граждан, а также свободный доступ к правовой информации на сегодняшний день являются одними из приоритетных направлений государства на пути к построению гражданского общества. Одним из действенных механизмов повышения правовой культуры общества является

создание и функционирование публичных центров правовой информации (далее — ПЦПИ), которые выступают в качестве действенного механизма повышения правовой культуры граждан на современном этапе развития информационного общества. Повышение роли правовой культуры общества, а также осуществление государственной политики в сфере правовой информатизации являются неотъемлемыми элементами правового государства.

Прежде чем рассматривать ПЦПИ в качестве механизма повышения правовой культуры общества, следует уточнить, что в науке понимается под правовой культурой в целом. Рассмотрим некоторые подходы к определению правовой культуры.

Необходимо отметить, что правовая культура на сегодняшний день является неотъемлемой частью предмета теоретической юриспруденции и впервые была артикулирована в качестве самостоятельной научной проблемы примерно в 70-х гг. XX ст., будучи выделенной из проблематики правосознания, общечеловеческой культуры, философии и социологии. В данный период осмысливались отдельные аспекты правовой культуры — правовая культура личности, правовая культура общества, содержание и структура правовой культуры, уровни и типология термина «правовая культура» и т. д. [1, с. 15].

Белорусский ученый С. Г. Дробязко понимает под правовой культурой сущность, содержание, формы, принципы, закономерности права. По мнению автора, правовая культура выступает в качестве правового движения, его развития и реализации. Для того чтобы понять истинную роль правовой культуры, глубину ее величия и основные направления повышения ее уровня в контексте формирования социального правового государства и правового гражданского общества, необходимо, исходить во-первых, из природы общей культуры и специфики культуры правовой; во-вторых, из наиболее значимых факторов, ее обуславливающих; в-третьих, из сущности права, его принципов, принципов правового государства и гражданского общества; в-четвертых, из глобальных задач, стоящих перед государством и обществом [2].

Позитивно можно оценить позицию Б. Малиновского, рассматривающего правовую культуру в качестве части культуры: «Правовая культура представляется частью общей культуры, так как право есть часть культуры» [3].

Согласимся с мнением А. Ф. Черданцева, который отмечает, что правовая культура есть «все, что создано человечеством в правовой сфере: право, правовая наука, правосознание, юридическая практика. Правовая культура характеризуется состоянием юридической науки, правосознания, уровнем разработки текстов законов, состоянием законности и правопорядка, уровнем профессиональной деятельности правоохранительных органов и юристов-профессионалов» [4, с. 338–341].

А. Н. Фионов отмечает, что «фактически правовая культура — это феномен, который сложился в результате соединения культуры и права. В целом тенденция усиления процессов синтезирования наук присуща многим отраслям научного знания. Правовая культура представляет собой сложный феномен, сформировавшийся на грани культуры и права как результат синтеза наук в определенной предметной области научного исследования. Сложность рассматриваемого явления обуславливает факт существования различных подходов к его определению, каждый из которых, обладая определенными достоинствами и недостатками, способствует наиболее полному раскрытию сущности правовой культуры. В то же время рассмотренные подходы не структурированы, что порождает большое количество проблем для использования их в юридической практике» [5, с. 23].

Одной из форм информирования граждан является создание Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее — НЦПИ) совместно с Министерством культуры Республики Беларусь проекта по созданию ПЦПИ, которые обеспечивают свободный доступ граждан к правовой информации, опубликованной в средствах массовой информации, других печатных изданиях или содержащейся в эталонном и иных банках данных, формируемых НЦПИ.

Министерством культуры Республики Беларусь принято Положение о публичном центре правовой информации, утвержденное постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 10 февраля 2011 г. № 4 (далее — Положение о ПЦПИ). Согласно указанному Положению о ПЦПИ, в частности пункту 2, ПЦПИ является «пунктом свободного доступа граждан к правовой информации», который создается на базе государственной публичной библиотеки с целью формирования у граждан правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву и содействия проведению мероприятий по правовому просвещению граждан [6]. Исходя из вышеизложенного положения, отметим, что ПЦПИ выступает в качестве элемента государственной системы правовой информации и осуществляет одну из важнейших функций — доведение до всеобщего сведения актуальной официальной правовой информации, тем самым осуществляя коммуникативную функцию между населением и государством.

Положение о ПЦПИ также закрепляет следующие задачи:

- организация свободного доступа граждан к официальной правовой информации;
- формирование фонда периодических и непериодических печатных и электронных изданий, государственных информационно-правовых ресурсов, содержащих эталонную правовую информацию, материалов научно-

практического характера, способствующих полному и адекватному восприятию гражданами их прав и обязанностей;

– использование эффективных форм и методов библиотечного, информационного и справочно-библиографического обслуживания в целях формирования правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву [6].

По нашему мнению, не совсем удачна формулировка «адекватному восприятию гражданами их прав и обязанностей». В качестве обоснования приведем норму части первой пункта 16 Требований нормотворческой техники, установленных приложением к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З, в соответствии с которой «структура акта должна обеспечивать расположение нормативных правовых предписаний акта в логической последовательности, облегчать их восприятие, способствовать правильному их пониманию и применению». В связи с этим, предлагаем заменить понятие «адекватный» на термин «правильный».

Одним из проблемных вопросов повышения правовой культуры граждан, по нашему мнению, является участие граждан в обсуждении проектов нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) в Республике Беларусь. На сегодняшний день данная проблема решена созданием Правового форума Беларуси, который, по мнению белорусского ученого В. А. Шаршуна, является непосредственно направленным на формирование правовой культуры различных категорий граждан, оказание помощи в разрешении правовых вопросов [7]. Отметим, что Правовой форум Беларуси используется для правового просвещения граждан, а также для выражения своего мнения по проектам принимаемых нормативных правовых актов. Развитие и совершенствование Правового форума Беларуси является перспективным направлением деятельности ПЦПИ по обеспечению права граждан на участие в решении государственных дел. По нашему мнению, ПЦПИ необходимо привлекать граждан к обсуждению подготовленных проектов нормативных правовых актов путем информирования граждан о праве на участие в публичном обсуждении проектов, порядке направления своих замечаний и предложений, а также о плане подготовки законопроектов на текущий календарный год. Также работники библиотеки могут отслеживать сообщения в средствах массовой информации о начале публичного обсуждения проектов и размещать соответствующие публикации в общедоступных местах библиотеки.

Подводя итог настоящему исследованию роли НЦПИ в формировании правовой культуры общества, необходимо сделать следующие выводы. Повышению уровня правовой культуры граждан способствует развитие гражданского общества. На сегодняшний день нельзя с уверенностью определить уровень

правовой культуры общества, однако, исходя из проводимых мероприятий и действующих правовых актов в рассматриваемой сфере полагаем, что в Республике Беларусь созданы все условия для повышения правовой культуры общества в целом, с каждым годом внедряются новые информационные ресурсы, позволяющие повысить уровень правовой культуры личности и общества. НЦПИ как научно-практическое учреждение координирует деятельность по распространению правовой информации и вовлечению в процесс государственных органов, что позволяет гражданам получать полную и достоверную правовую информацию по интересующим их вопросам без каких-либо ограничений.

-
1. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 13–19. [Вернуться к статье](#)
 2. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, Минск, 3–5 февр. 2005 г. / МИТСО. Минск, 2005. С. 10–15. [Вернуться к статье](#)
 3. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина ; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. М. : ОГИ, 2005. 184 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М. : Юрайт, 1999. 432 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Фиронов А. Н. О подходах к определению категории «правовая культура» в общей теории права // Право.by. 2017 г. № 6. С. 21–27. [Вернуться к статье](#)
 6. Об утверждении Положения о публичном центре правовой информации : постановление М-ва культуры Респ. Беларусь, 10 февр. 2011 г., № 4 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 32. № 8/23428. [Вернуться к статье](#)
 7. Шаршун В. А. 15 лет Кафедре ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву Национального центра правовой информации Республики Беларусь: итоги и перспективы // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2018) : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. 2018 г. С. 328–338. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И МОЛОДЕЖЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О. О. Лемешевский

Военная академия Республики Беларусь,
преподаватель кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск
e-mail: Oleglem22@yandex.by

Д. С. Белькевич

Военная академия Республики Беларусь,
сержант 2 курса факультета внутренних войск

Аннотация. В статье анализируются признаки правовой культуры граждан Республики Беларусь и способы ее повышения. Отмечается, что влиянию экстремистских телеграм-каналов подвергается молодежь. Подчеркиваются особенности личности молодых людей, способствующие преступному поведению.

Ключевые слова: правовая культура, молодежь, государственная власть.

Annotation. The article analyzes the signs of the legal culture of citizens of the Republic of Belarus and ways to improve it. It is noted that young people are exposed to the influence of extremist telegram channels. The peculiarities of the personality of young people contributing to criminal behavior are emphasized.

Keywords: legal culture, youth, state power.

Период после выборов Главы государства в Республике Беларусь в 2020 г. был отмечен серьезным информационным давлением как на государственные институты, так и на граждан страны. Экстремистские телеграм-каналы осуществляли попытки радикализировать людей, навязать им ощущение безнаказанности при совершении уголовных преступлений. Кроме того, данные призывы подпитывались денежными выплатами участникам массовых беспорядков, что в совокупности с низкой правовой культурой отдельных граждан приводило к грубому нарушению общественного порядка.

На сегодняшний день одним из основных направлений государственной политики в области профилактики правонарушений является противодействие терроризму и экстремизму. Необходимо отметить, что основной целевой аудиторией различных преступных организаций, призывающих к радикальной борьбе с представителями государственной власти, является молодежь.

В первую очередь данный факт связан с особенностями личности молодых людей, характеризующихся энергичностью, вспыльчивостью, поверхностностью суждений и часто отсутствием должного знания права, что приводит к чрезмерному влиянию идеологов экстремистских учреждений [1].

Ведущей силой в профилактике преступности среди молодежи является правовая культура, которая представляет собой совокупность правовых знаний и взглядов, оценок, убеждений, профессиональных установок, состоящих в признании важности, необходимости, социальной ценности и правильности понимания права и законодательства, а также профессиональное и качественное исполнение, использование, соблюдение и применение правовых норм в соответствии с правовыми предписаниями и принципами законности.

Правовая культура тесно связана с другими социальными явлениями, соответственно, в ней должны отражаться закономерности иных различных областей жизни: экономической, политической, духовной. Можно выделить следующие компоненты, которые присущи правовой культуре:

1. Знание действующего законодательства, понимание социальных целей государства. Если молодой человек владеет основами административного и уголовного права, то он может определить границы дозволенного, понимает масштаб ответственности за те или иные действия, что добавляет осознанность при принятии решения.

2. Уважение к праву занимает особое место. Наряду со знанием и пониманием основ права гражданин должен ощутить престиж закона, его незыблемость, видеть волю законодателя и объективные потребности в правовом регулировании общественных отношений. Высокий уровень правовой культуры предполагает также убежденность в его справедливости, что создает обстановку нетерпимости к отступлению от требований законности и правопорядка.

Формирование правовой культуры предполагает не только механическую передачу определенных знаний различными способами, но и выработку убежденности в справедливости основных идей права, в необходимости строжайшего соблюдения законности, превращая знания в их личные убеждения.

Сформировать у молодых людей правовую культуру — это не значит указать им, какие поступки следует совершать, а какие нет, реализуя нормы права. Необходимо, чтобы граждане осознали общественный смысл этих поступков.

Зрелые правовые убеждения характеризуются определенной устойчивостью. Предполагаем, что молодой человек не может резко менять свои взгляды, ссылаясь на обстоятельства или сталкиваясь с новыми правовыми реальностями. Вместе с тем убежденность в справедливости, законности правовых норм предполагает его социально-правовую активность (участие в выборах, референдумах и т. д.).

3. Имеет место еще одна характеристика структуры правовой культуры. Пропаганда правовых знаний и изучение действующего законодательства должны быть дополнены вовлечением молодых людей в общественно-

практическую деятельность, в правовую практику. Примером может служить организованный сбор предложений граждан по изменению Конституции Республики Беларусь [2].

Современная правовая культура — это правовая культура развитого и эффективно функционирующего гражданского общества и правового государства. По своей сути и основной идее она должна представлять собой культуру признания, защиты человека и гражданина в качестве высших ценностей.

Современной правовой культуре должны быть присущи такие качественные характеристики, как определяющее значение прав и свобод человека и гражданина в правовой организации общественной и государственной жизни; утверждение в массовом правосознании чувства уважения к закону и правопорядку, идей и ценностей господства права; практическая реализация принципов конституционализма и верховенства правового закона; правовая активность граждан и их общественных объединений в осуществлении своих прав и надлежащем исполнении своих юридических обязанностей; активная законотворческая, правозащитная и правоприменительная деятельность (в рамках своих полномочий) всех звеньев государственного механизма; разветвленная система легализованных форм, средств и процедур воздействия гражданского общества на государство и контроль за его деятельностью [3].

Таким образом, высокий уровень правовой культуры, важнейшей частью которой выступает правосознание общества, является одним из признаков правового государства и является профилактикой преступности среди молодежи Республики Беларусь.

Вместе с тем необходимо продолжать процесс преобразований в стране и практическую реализацию идей и ценностей современной правовой культуры, дальнейшее улучшение организации, совершенствование форм и методов работы государственного аппарата и правоохранительных органов, строгое соблюдение демократических принципов их деятельности, обеспечение достоверности и доступности выходящей информации; повышение авторитета суда, укрепление гарантий его независимости. Необходимо принятие действенных мер по неукоснительному соблюдению Конституции всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами. Для развития правового сознания человека и правовой культуры общества в целом необходимо развивать и совершенствовать правовое воспитание и правовое обучение населения, государственных служащих, от которых в значительной мере зависит реальное обеспечение прав и свобод человека.

1. Подростковая преступность [Электронный ресурс] // Администрация Центрального района г. Минска. URL: <http://surl.li/bjxrs> (дата обращения: 15.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Общая характеристика правовой культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/bjxsh> (дата обращения: 16.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Правовая культура в современном мире [Электронный ресурс] // Министерство юстиции и имущественных отношений Чувашской Республики. URL: <http://surl.li/bjxsm> (дата обращения: 17.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 378.147

**ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОДХОДЫ В ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Н. Н. Лесовая

Академия ФСИН России (г. Рязань),
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: nlesovay@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются практико-ориентированные подходы, применяемые в Академии ФСИН России при подготовке специалистов для оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Определены направления реализации практико-ориентированного подхода для достижения наилучших результатов обучения. Описаны пути формирования содержательной стороны специальных дисциплин, преподаваемых кафедрой организации ОРД Академии ФСИН России.

Ключевые слова: высшее образование в уголовно-исполнительной системе, повышение качества подготовки специалистов для оперативных подразделений, практико-ориентированные методы обучения.

Annotation. The article reveals the practice-oriented approaches used in the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia in the training of specialists for operational units of the penal system of the Russian Federation. The directions of implementation of a practice-oriented approach to achieve the best learning outcomes are determined. The ways of forming the content side of the special disciplines taught by the Department of Organization of the detective activity of Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: higher education in the penal system, improving the quality of training specialists for operational units, practice-oriented teaching methods.

Вопрос повышения качества обучения будущих работников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС), необходимости его приспособления к требованиям времени не теряет своей актуальности. Спектр изменений, преобразований охватывает обширный круг перемен, включающий трансформацию содержания образования — приоритетность практико-ориентированных программ [1, с. 198].

Образовательный процесс в вузах Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН России) всегда опирался и опирается на применение учебной, производственной, преддипломной практики,

прикладных, в том числе игровых, методов обучения. В преподавании оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) и иных дисциплин специального блока активно используются учебные рабочие места, где проводятся деловые игры, имитирующие осуществление ОРД в типичных ситуациях, компьютерный класс, специальные библиотеки, электронные библиотечные фонды, справочные правовые системы.

Эти дидактические средства в определенной мере устраняют имеющийся дисбаланс между теоретической и практической составляющими обучения специализации ОРД. Тем не менее применяемые образовательные технологии, имея сильную теоретическую и методическую составляющие, несколько оторваны от реальной профессиональной деятельности, которая всегда носит ситуационный характер. В целях решения данной проблемы и повышения качества подготовки курсантов необходимо применять практико-ориентированные подходы в образовательном процессе вузов ФСИН России.

Так, преподавателями кафедры организации ОРД используются различные формы лекций. Наиболее интересными для подготовки и переподготовки оперативного состава УИС, по нашему мнению, будут проблемные лекции, лекции-дискуссии и так называемая форма бинама — чтение лекций двумя преподавателями. В этой ситуации возможны два варианта: разные вопросы одной темы излагают, к примеру, преподаватель и практик [2, с. 28].

На практических занятиях курсанты, находясь в роли оперативного сотрудника УИС, приобретают умения:

- осуществлять первоначальную правовую оценку деяний подозреваемых, обвиняемых и осужденных, персонала следственного изолятора (далее — СИЗО), исправительного учреждения (далее — ИУ), иных лиц, входящих в сферу компетенции оперативных подразделений УИС;
- осуществлять сбор оперативной информации о замышляемых,готавливаемых и совершаемых преступлениях и нарушениях требований режима содержания в СИЗО, ИУ, а также за пределами СИЗО, ИУ;
- проводить оперативно-розыскные мероприятия как на территории СИЗО, ИУ, так и за их пределами;
- выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений и нарушений требований режима содержания в СИЗО, ИУ, разрабатывать и осуществлять меры, направленные на их устранение;
- выявлять лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений в СИЗО, ИУ, разрабатывать и осуществлять меры индивидуально-профилактического воздействия;

- выявлять лиц, замышляющих или подготавливающих совершение преступлений и нарушений требований режима содержания в СИЗО, ИУ, разрабатывать и осуществлять меры по предупреждению и пресечению указанных действий;
- использовать возможности и принимать участие в формировании массивов данных оперативных учетов;
- устанавливать и поддерживать сотрудничество с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на негласной основе оперативному подразделению УИС;
- вести дела оперативного учета;
- осуществлять в целях решения задач ОРД взаимодействие с другими подразделениями и службами СИЗО, ИУ и субъектами ОРД иных правоохранительных органов.

Практические занятия курсантов способствуют овладению навыками: анализа оперативно-розыскных ситуаций и принятия управленческих решений; оформления оперативно-служебных документов и делопроизводства; использования оперативной техники; общения с объектами оперативной заинтересованности; соблюдения требований конспирации.

Таким образом, курсанты не только получают определенные знания в области ОРД, но и учатся применять их в конкретной практической ситуации, овладевая практическими умениями, навыками и опытом, необходимыми для профессионального осуществления ОРД в учреждениях и органах УИС.

Для углубленного изучения ОРД на кафедре организации ОРД Академии ФСИН России создан факультатив.

Актуализация содержательной стороны специальных дисциплин базируется на п. 5.2 ст. 47 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которым педагогические работники имеют право на дополнительное профессиональное образование по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года.

Также профессорско-преподавательский состав кафедры организации ОРД Академии ФСИН России своевременно знакомится с поступающими из ФСИН России указаниями, обзорами, методическими рекомендациями; периодически (по отдельному графику и индивидуальному плану) проходит стажировки в учреждениях УИС и осуществляет взаимный обмен информацией; занимается научно-исследовательской работой в соответствии с профилем преподаваемых дисциплин; участвует в разработке проектов ведомственных нормативно-правовых актов по линии ОРД.

В то же время подготовка высококвалифицированного специалиста — это еще и потенциал каждого курсанта. Обучающийся должен иметь способности в выбранной профессии и желание овладеть ею, поскольку исключительно в этом случае он будет системно работать над собой и стремиться к получению знаний.

-
1. Экономика знаний : коллективная монография / отв. ред. проф. В. П. Колесов. Инфра-М, 2008. 431 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Волчетская Т. С. О потенциале развития юридического образования в России // Власть закона. № 4 (20). 2014. С. 193–201. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.624

ПУТИ СОКРАЩЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

С. Н. Лихачева

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заведующий кафедрой политологии и социологии,
кандидат социологических наук, доцент
e-mail: lihachyova@msu.by

Аннотация. Рассматриваются возможности сокращения девиантного поведения среди подростков и способы его профилактики. На материалах социологического исследования, проведенного в Могилевской области, изучаются причины возникновения противоправных поступков, отношение к уголовному наказанию несовершеннолетних.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, профилактика девиантного поведения.

Annotation. The possibilities of reducing deviant behavior among teenagers and ways of its prevention are considered. Based on the materials of a sociological study conducted in the Mogilev region, the causes of illegal acts, the attitude to criminal punishment against minors are studied.

Keywords: deviant behavior, teenagers, prevention of deviant behavior.

Любая социальная проблема предполагает не только ее детальный анализ, но и поиск любых доступных путей решения. Противоправное поведение в подростковой среде относится к числу самых острых проблем в современном обществе, независимо от его экономического благосостояния или политического устройства. «Динамизм социальных процессов, изменения во многих сферах общественной жизни неизбежно приводят к увеличению девиаций, проявляющихся в поведенческих формах, отклоняющихся от норм» [1, с. 8]. В разных странах пытаются с этой проблемой справиться разнообразными способами: от ужесточения наказаний до, наоборот, полной либерализации, проявляющейся в разрешении легально распространять и употреблять наркотики, заниматься проституцией и т. д. Пока никто не решил ее полностью, а значит, и не нашел универсальных способов преодоления. Однако ни одна страна не оставляет без внимания профилактику девиантного поведения, имеются целые системы мероприятий, организующие правовое просвещение, ресоциализацию совершивших противоправные поступки подростков, а также косвенные способы профилактики: содействие занятости и досугу, работу с семьями.

Девиантное поведение подростков анализируется специалистами разного профиля, например, медики указывают на физиологические изменения,

психологи — на актуализацию общения со сверстниками, социологи — на изменение ценностных ориентаций и др. Белорусский социолог Н. А. Барановский рассматривает генезис и развитие девиантного поведения «как объективный динамический процесс деструктивного взаимодействия личности с природной и социальной средой, опосредованный психикой и биогенетическими задатками, развивающийся во времени и пространстве процесс, включающий формирование, планирование и принятие решения, а также исполнение противонормативных деяний, включая наступление общественно вредных последствий» [2, с. 42]. При проведении исследования специалистами Отдела социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”» выяснялись причины отклоняющегося от нормы поведения подростков, по мнению самих представителей молодого поколения. В первую очередь ими было названо «неумение контролировать себя» — 45,1 %, что говорит об осознании своей недостаточной «взрослости» подростками. На втором месте была названа причина «за компанию» (37,7 %), что указывает на желание самоутвердиться среди сверстников. Завершает тройку главных причин «стремление получить сильные впечатления» (31,6 %), можно предположить, что это и любопытство, и преобладание однообразных видов деятельности, в том числе досуговой.

Остальные причины упоминаются молодежью меньше, однако они достаточно весомы: низкий уровень правового воспитания — 28,7 %; проблемы в семье — 25,8 %; моральная деградация — 25,0 %; потеря жизненных ориентиров, отсутствие целей — 22,1 %; стремление к самостоятельности — 20,9 %; желание расслабиться, выплеснуть эмоции — 18,9 %; влияние СМИ, Интернета — 18,4 %; много свободного времени — 15,6 %. Многие молодые люди указывают на недостаточность правового воспитания, проблемы в семье, однако явно недооценивают воздействие СМИ и Интернета, незанятость на досуге.

Сдерживание и сокращение преступности несовершеннолетних — важнейшая задача правоохранительных органов, системы образования, семьи. Достаточно много вопросов вызывает применение уголовного наказания к тем, кто еще в силу возраста не всегда в достаточной степени осознает возможные последствия своих поступков. Однако, как показал социологический опрос, почти половина респондентов (47,5 %) считают уголовное наказание с 14 лет лучшим способом борьбы с проблемной молодежью, также 21,3 % респондентов считают его необходимой мерой с целью воспитательной работы. Примерно каждый четвертый считает, что уголовное наказание не должно применяться к лицам моложе 18 лет, а 15 % считают, что эта мера еще больше усугубит ситуацию с проблемной молодежью.

В социологической анкете был предложен набор мероприятий по профилактике правонарушений, которые проводятся или, возможно, будут проводиться в работе с подрастающим поколением.

Таблица — Оценка эффективности мероприятий по снижению противоправного поведения среди молодежи, %

Профилактические мероприятия	Влияет в большей степени	Влияет в меньшей степени	Не влияет
Встречи с авторитетными, известными и успешными людьми	38,5	33,2	25,4
Вовлечение молодежи в работу кружков по интересам	35,2	31,6	29,5
Пропаганда и организация здорового образа жизни	34,4	30,3	29,5
Выполнение общественных работ	33,6	34,0	29,1
Более строгий контроль за процессом образования	31,1	43,4	20,9
Разработка индивидуальной воспитательно-образовательной программы для трудных подростков	30,3	43,0	23,0
Помощь специалистов различного профиля (медиков, юристов и т. д.)	29,9	42,6	25,0
Привлечение молодежи к волонтерскому движению	28,7	34,4	32,4
Проведение психологических тренингов	28,7	36,9	31,6
Правовое обучение молодежи	28,3	41,0	27,0
Педагогическое просвещение родителей	28,3	42,6	24,6
Развитие системы организации трудовой занятости молодежи	27,0	38,1	30,3
Работа специалистов с семьями трудных подростков	25,0	45,5	25,4
Организация туристических поездок для трудных подростков	23,0	36,9	37,3
Разъяснительно-пропагандистская работа в форме лекций	19,3	42,2	34,0
Статьи, радио- и телепередачи, посвященные проблеме отклоняющегося поведения	16,8	39,8	40,2
Социальная реклама (плакаты, бигборды и т. д.)	13,5	33,6	52,0

В таблице в ранжированном виде представлено отношение молодежи к разным профилактическим мероприятиям на основе оценки степени их влияния на наличие противоправного поведения. Юноши и девушки из длинного перечня в первую очередь выбирают вполне традиционные формы: встречи с авторитетными людьми, кружки, пропаганду здорового образа жизни, занятость и т. д. Самыми неэффективными были признаны воздействия различных СМИ и рекламы. Серединную позицию занимают относительно новые виды мероприятий: волонтерство, психологические тренинги.

Рассмотрение профилактики правонарушений в виде отдельных конкретных мероприятий, несомненно, представляется достаточно узким, однако они могут стать частью общей системы работы с подростками, склонными к правонарушениям. Также важно дальнейшее совершенствование ювенального законодательства, просвещение не только подростков, но и их родителей. На наш взгляд, современная молодежь все больший период времени находится в стадии взросления и достаточно поздно приступает к трудовой деятельности. Государству следует больше внимания уделять поддержке частичной трудовой занятости несовершеннолетних, поощрять работодателей, создающих для них рабочие места.

-
1. Ананенко А. А. Очерки о превентивной педагогике : сб. науч. ст. Минск : Полибиг, 1999. 197 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Барановский Н. А. Антидевиантная политика. Теория и социальная практика : монография. Минск : Бел. навука, 2011. 271 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34

НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

М. М. Мамонько

Санкт-Петербургский университет ФСИН России,

преподаватель кафедры

государственно-правовых дисциплин

email: mamonko.mi@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос дифференцированного подхода к правовому воспитанию осужденных к лишению свободы. Автор разделяет процесс правового воспитания осужденных к лишению свободы по определенным направлениям в зависимости от сферы законодательства.

Ключевые слова: правовое воспитание, осужденные.

Annotation. The article raises the issue of a differentiated approach to the legal education of convicts, to deprivation of liberty. The author divides the process of legal education of convicts, to imprisonment, in certain directions, depending on the scope of legislation.

Keywords: legal education, convicts.

По мере получения индивидом знаний о жизни в социуме элементы правовоспитательного процесса усложняются. Если на первоначальном этапе процесс правового воспитания выражается в виде простого и образного разъяснения общедоступных и не сложных для умственного усвоения положений норм и правил человеческого общежития, то в последующем элементы правовоспитательного процесса усложняются и представляют более системный подход. В основе процесса правового воспитания осужденных к лишению свободы лежит взаимодействие всех форм правовоспитательной деятельности, ядром которой выступают «правовые знания» как информация о различных сторонах правовой системы общества. Значение правовых знаний в свое время отмечал В. Н. Кудрявцев, по мнению которого «повышение уровня правовых знаний и общей правовой культуры населения» должно выступать основной целью правового воспитания [1, с. 183].

Именно правовые знания различных сторон правовой системы общества лежат в основе «дифференциации» правового воспитания осужденных к лишению свободы по различным направлениям. Дифференцированный подход к правовому воспитанию осужденных к лишению свободы подразумевает собой отказ от идеи разъяснения действующего законодательства исключительно на основе уголовно-исполнительного законодательства. После отбытия осужденным назначенного наказания, в процессе ресоциализации и адаптации к жизни

в социуме индивиду необходим довольно широкий багаж правовых знаний и убеждений, достижение которых возможно при наличии эффективного процесса правового воспитания, организованного в местах лишения свободы.

Направления правового воспитания осужденных к лишению свободы целесообразно рассматривать следующим образом.

Административно-правовое воспитание осужденных к лишению свободы. Предусматривает собой разъяснение действующего законодательства в области административной ответственности с целью привития правовых знаний и убеждений в данной области. Основные составы административных правонарушений, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2], подлежащие анализу:

- ст. 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ»;
- ст. 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения»;
- ст. 20.1 «Мелкое хулиганство»;
- ст. 12.30 «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения» и т. д.

Правовое воспитание осужденных к лишению свободы в сфере трудового права. Предусматривает собой разъяснение действующего законодательства в области трудового законодательства с целью привития правовых знаний и убеждений в данной области. Основные нормы в трудовой сфере, предусмотренные Трудовым кодексом Российской Федерации [3], подлежащие анализу:

- раздел 3 «Трудовой договор»;
- раздел 4 «Рабочее время»;
- раздел 5 «Время отдыха»;
- раздел 6 «Оплата и нормирование труда» и т. д.

Эколого-правовое воспитание осужденных к лишению свободы. Низкий уровень эколого-правового воспитания и культуры населения — одна из ключевых проблем неблагоприятной экологической обстановки в стране. Отсутствие четкой гражданской позиции, сопутствующее несоблюдению норм охранительного характера в сфере экологии и охраны окружающей среды, ставит под сомнение наличие в обществе «экологической грамотности» с правовой точки зрения [4, с. 4]. По мнению И. В. Ганичева, под эколого-правовым воспитанием следует понимать систематическое и последовательное воздействие на эколого-правовое сознание, цель которого - ознакомление с действующим природоохранительным законодательством, формирование глубокого уважения к эколого-правовым нормам и их требованиям, убежденности в необходимости их соблюдения [5, с. 60].

Основные эколого-правовые нормы в сфере охраны окружающей среды представлены на уровне Федерального закона «Об охране окружающей среды» [6], содержащего в себе следующие основные положения:

- закрепление права каждого гражданина на благоприятную окружающую среду и защиту от негативного воздействия (ст. 11);
- обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к ее природным богатствам;
- закрепление общих требований в области окружающей среды при осуществлении хозяйственной деятельности (ст. 34);
- установление видов ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды (ст. 75).

Семейно-правовое воспитание осужденных к лишению свободы. Регулирование семейных и брачных отношений в современной России с принятием Семейного кодекса Российской Федерации [7] приведено в соответствие с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, дополнено положениями Конвенции ООН о правах ребенка и других международно-правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией. Основным источником в данном случае выступает Семейный кодекс Российской Федерации, который, в свою очередь, основывается на российских социальных правовых традициях, на конституционных нормах о защите семьи, материнства, отцовства и детства государством.

Основные положения Семейного кодекса Российской Федерации, подлежащие анализу:

- глава 3 «Условия и порядок заключения брака»;
- глава 4 «Прекращение брака»;
- глава 6 «Личные права и обязанности супругов» и т. д.

Гражданско-правовое воспитание. Под гражданско-правовым воспитанием понимается процесс, направленный на формирование в сознании осужденных к лишению свободы правовых основ действующего гражданского законодательства. В данном случае осужденным необходимо ознакомиться с основными положениями Гражданского кодекса Российской Федерации [8], а именно:

- раздел 2 «Право собственности и другие вещные права»;
- раздел 4 «Отдельные виды обязательств»;
- раздел 5 «Наследственное право» и т. д.

Указанные выше направления правового воспитания осужденных к лишению свободы позволят более дифференцированно и подробно рассмотреть и проанализировать отдельные отрасли российского законодательства, с более эффективным усвоением правовых положений. Механизм реализации

направлений правового воспитания осужденных к лишению свободы должен быть представлен его основными формами: пропагандой права, правовым обучением, юридической практикой и самовоспитанием. Указанные формы в равной степени эффективности активно реализуют себя в процессе организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.

-
1. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. [Вернуться к статье](#)
 2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 4. Мамонько М. М. Роль эколого-правового воспитания в формировании правосознания осужденных к лишению свободы // Аграрное и земельное право. 2021. № 5(197). С. 4–6. [Вернуться к статье](#)
 5. Ганичев И. В. Проблемы эколого-правового воспитания и его системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1(68). С. 59–62. [Вернуться к статье](#)
 6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 7. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
 8. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 34.023

ВЛИЯНИЕ МОРАЛИ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВОВЫХ НОРМ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Д. Ф. Минзянова

Казанский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
e-mail: dilyara_444@bk.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы влияния моральных норм и правовых предписаний на деятельность органов внутренних дел. Автором акцентируется внимание на повышенных требованиях со стороны государства к реализации указанных аспектов, поскольку общая цифровизация предусматривает безукоризненное соблюдение этических норм и законности со стороны правоохранительных органов. Названы составляющие элементы и признаки моральной и правовой культуры. Изложены аспекты приведения этических и правовых предписаний в единую форму при помощи специализированного нормативного акта.

Ключевые слова: цифровизация, мораль, правовая культура, профессионализм, деятельность органов внутренних дел, правовые нормы, реализация.

Annotation. The article deals with topical issues of the influence of moral norms and legal regulations on the activities of internal affairs bodies. The author focuses on the increased requirements on the part of the state for the implementation of these aspects, since the general digitalization provides for the impeccable observance of ethical standards and legality by law enforcement agencies. The constituent elements and signs of moral and legal culture are named. Aspects of bringing ethical and legal prescriptions into a single form with the help of a specialized normative act are outlined.

Keywords: digitalization, morality, legal culture, professionalism, activities of internal affairs bodies, legal norms, implementation.

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что законность и непоколебимое соблюдение сотрудниками правоохранительных органов правовых предписаний является ключевым аспектом данной деятельности, в связи с этим все большую актуальность получает развитие моральных норм и правовой культуры сотрудников, в частности, и в процессе цифровизации. Внедрение цифровых систем значительно отражается и на деятельности органов внутренних дел.

В современном мире широкое распространение получили видеокамеры, контролирующие транспортную систему, места массового пребывания людей, частные организации и иные объекты (например, система «Безопасный город»).

Данное новшество отразилось и на работе сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России). Так, сотрудники Госавтоинспекции и патрульно-постовой службы полиции в своей деятельности используют персональные видеорегистраторы. На наш взгляд, данное введение положительно влияет на реализацию правовых норм в деятельности сотрудников органов внутренних дел, т. к. обеспечивает непосредственную фиксацию правонарушений, установление виновного лица, а также собирание доказательственной базы, в том числе установление невиновности в ряде случаев сотрудников органов внутренних дел.

Мораль и правовая культура имеют социально-правовые признаки, психолого-нормативные признаки, которые служат своего рода мотивацией, побуждающей сотрудника исполнять моральные нормы и правовые предписания.

Соблюдение морали и правовой культуры включает в себя совокупность характерных признаков: осознание, волю исполняющего лица, контроль государством и общественностью.

В настоящее время государство как высший организационный уровень общества выполняет функции регулирования социальных процессов, позволяющего достигнуть эффективности в рамках соблюдения соответствующих требований сотрудниками органов внутренних дел. Основным инструментом государственного регулирования является закон. При реализации законных предписаний государство выполняет регулятивную функцию, осуществляя тем самым правовую оценку поведения сотрудников органов внутренних дел, гарантирует их законное поведение и определяет ответственность за противоправное поведение.

В системе МВД России нормативные правовые акты издаются в виде приказов, положений, уставов, инструкций, правил, наставлений и др. Издаваемые нормативные документы утверждаются приказами Министерства внутренних дел Российской Федерации [1].

Министерством внутренних дел Российской Федерации принималось множество попыток по принятию единого нормативного акта, включающего исчерпывающий перечень этических и служебных стандартов.

Одним из первых таких правовых актов стал Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел России, который был принят в 1993 г. [2]. Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел России, пришедший ему на смену в 2008 г., изобилует множеством двусмысленных терминов и расплывчатых формулировок и определял поведение сотрудника как на службе, так и вне служебного времени [3].

После этого в 2010 г. решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции был одобрен Типовой

кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [4]. Согласно позиции Федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России», «этические нормы, определяющие поведение полицейских, имеют значительные отличия от норм, которыми руководствуются гражданские служащие, и потому необходимость специального этического кодекса для органов внутренних дел сохраняется и сейчас» [5, с. 122].

Таким образом, лишь спустя десять лет, в 2020 г. МВД России был принят Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [6]. Однако данный Кодекс, как и Кодекс 2008 г., включает в себя лишь общие принципы соблюдения этических норм, а также содержит двусмысленные формулировки. На наш взгляд, следует ввести социально значимые и социально известные положения: честность и искренность, простота и скромность в служебное и внеслужебное время; взаимное уважение на службе и в семье и др.

В связи с этим В. В. Барбин писал: «Основным критерием правового воздействия на служебное поведение сотрудников органов внутренних дел представляется соответствие регламентирующих его предписаний общепринятым международным стандартам полицейской деятельности» [7, с. 10].

Однако правовые требования к поведению сотрудников органов внутренних дел закреплены не только в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, они пронизывают и иные законодательные акты (к примеру, согласно ч. 1 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника ..., а также обращение, унижающее его человеческое достоинство» [8]; ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет: «Полиция осуществляет свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина» [9]). В связи с тем, что деятельность сотрудников органов внутренних дел регламентирована большим числом нормативных актов, содержащих в себе нормы морали и права, их исполнение должно быть реализовано в полном объеме, без исключений.

В последнее время большинство сотрудников приходят на службу в органы внутренних дел после службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, как правило, без высшего профессионального образования, компетентности и навыков общения с населением. На наш взгляд, в первую очередь необходимо уделять внимание повышению уровня морали и правовой культуры сотрудников, только пришедших на службу в органы внутренних дел,

так как сотрудники, вне зависимости от их должности и специального звания, являются гарантом реализации правовых норм.

В некоторых случаях, когда сотрудники полиции не обладают соответствующей компетентностью в данной области, ограничиваются или нарушаются законные права граждан, вследствие чего подрывается авторитет всей правоохранительной системы. В связи с этим полагаем, что необходимо постоянно проводить работу по формированию необходимых компетенций у лиц, впервые поступивших на службу в органы внутренних дел, а также действующих сотрудников.

Однако следует иметь в виду, что не всегда ознакомление с требованиями обеспечивает их «правильное» применение в соответствии с содержащимися в них нравственными нормами и принципами по той причине, что механизм их реализации не способствует достижению цели деятельности органов внутренних дел в условиях аморальных и экстремальных обстоятельств, которые довольно часто складываются в повседневной деятельности сотрудников [10].

Нормы морали и правовая культура должны проявляться на всех этапах профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Также необходимо, чтобы правовая культура и мораль проявлялись в общении с гражданами. Общение с населением должно строиться на основе толерантности, поскольку толерантность является частью правовой культуры сотрудников органов внутренних дел, обеспечивает высокий уровень правоприменительной практики и сочетается с высоким уровнем правовой грамотности и профессионализма [11].

На основании проведенного исследования необходимо сделать следующие выводы:

1. В условиях становления новых тенденций деятельности сотрудников органов внутренних дел, а именно значительной открытости и публичности деятельности, цифровизации практически всех сфер правоохранительного контроля, особое значение приобретает и образ сотрудника.

2. Для поддержания образа правоохранителей на высоком уровне необходимо исключить любые возможные действия, порочащие честь сотрудников, чего можно добиться посредством соблюдения морально-этических и правовых норм.

3. На сегодняшний день требования о высоком уровне реализации этических и правовых норм, предъявляемые к сотрудникам органов внутренних дел, должны поддерживаться с помощью непрерывного государственного контроля и самоконтроля каждого сотрудника.

1. Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 27 июня 2003 г. № 484. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 19 нояб. 1993 г. № 501 // Воспитательная работа в органах внутренних дел. Сборник нормативных актов. Омск, 2001. [Вернуться к статье](#)
3. Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 24 дек. 2008 г. № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс] : одобр. решением Совета при Президенте Рос. Федерации по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г., протокол № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Взаимодействие права и морали / Е. А. Лукашева [и др.] // материалы Междунар. науч. конф., Москва, 10–13 мая 2014 г. / Моск. гуманит. ун-т. ; редкол.: Т. А. Сошникова [и др.]. М. : МосГУ, 2014. 262 с. [Вернуться к статье](#)
6. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 26 июня 2020 г. № 460. URL: <https://clck.ru/cuDDDe> (дата обращения: 27.01.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Барбин В. В. Международные стандарты полицейской деятельности по обеспечению прав человека // Проблемы совершенствования организационно-правовых основ управления органами внутр. дел. М., 2011. С. 8–14. [Вернуться к статье](#)
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. от 01.07.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
10. Патриотическое воспитание в профессиональной подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России / В. В. Мальченкова [и др.] // Современные наукоемкие технологии. 2019. Т. 13. № 11. С. 337–341. [Вернуться к статье](#)
11. Нормотворческая деятельность органов внутренних дел как элемент конституционно-правового обеспечения государственной целостности Российской Федерации / Уханкин В. В. [и др.] // Вестн. Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. 2012. Т. 3. № 1(27). С. 42–45. [Вернуться к статье](#)

УДК 378 (075.8)

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ — БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**Л. А. Рябцева**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: hpkf1983@mail.ru

***Аннотация.** Автор анализирует проблему формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсанта, оценивая потенциал использования методического инструментария в данной связи.*

***Ключевые слова:** формирование профессионально-коммуникативной компетентности курсантов, методический инструментарий, интерактивные методы, учебное занятие.*

***Annotation.** The author analyzes the problem of formation of professional and communicative competence of a cadet, assessing the potential of using methodological tools in this regard.*

***Keywords:** formation of professional and communicative competence of cadets, methodological tools, interactive methods, training session.*

Представление о профессионально-коммуникативной компетентности как о системно-ресурсном образовании, синтезирующем в себе совокупность умений, навыков, способностей, иных значимых с позиций личностно-профессионального развития характеристик, посредством реализации которых обеспечивается служебно-профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел (далее — ОВД) [1, с. 36], обусловило постановку вопроса об организации процесса формирования профессионально-коммуникативной компетентности на этапе получения высшего профессионального образования будущими сотрудниками правоохранительных органов в ведомственных учебных заведениях.

Определить содержание методики формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсантов представляется возможным с позиций общепредметного и частнопредметного подходов. Наличие точек соприкосновения в части методической организации преподавания абсолютного большинства учебных дисциплин позволяет указать на схожую структуру занятий безотносительно к их форме, констатировать неизменность функциональной роли организационного этапа, использование стандартного (привычного) арсенала методических средств. Вместе с тем юридический профиль вуза системы Министерства внутренних дел определяет особый интерес к методике формирования профессионально-коммуникативной компетентности в разрезе

цикла специальных дисциплин. Вопросы методической организации аудиторных занятий в той или иной степени рассматривались В. А. Капустиной, Ю. А. Козловой [2, с. 41–44], И. Ф. Водяниковой, Т. Б. Фатхи [3, с. 59], В. Д. Самойловым [4, с. 137, 149], К. М. Левитаном [5, с. 234]. Вместе с тем, данный аспект проблемы невозможно исчерпать, поскольку он во многом связан с творческой самореализацией преподавателя как модератора учебно-познавательной деятельности. Однако констатация данного факта не исключает наличия противоречия следующего содержания. Система высшего образования, преодолевая кризисные явления глобализации, продолжает сохранять свою инертность [6, с. 7], в том числе в части использования проверенного методического инструментария (методы, приемы, техники, способы и т. д.), избегая в большинстве своем экспериментальных решений в обозначенной плоскости, при том, что обращение к инновационным подходам внутренней организации учебных занятий продиктовано не следованием модным тенденциям в педагогике, а обусловлено тем, что общество стало качественно новым — информационным, а система ценностных координат трансформировалась согласно его запросам.

Изменившийся ритм жизнеустройства указал на необходимость усиления интеракции субъектов «преподаватель–курсант» в разрезе аудиторных занятий. Подобным потенциалом обладают методы и приемы, именуемые интерактивными. Исходя из того, что организационный этап занятия, заключающийся в обозначении темы и целей, перечня рассматриваемых вопросов (допустимо наличие иных составляющих в зависимости от формы занятия), в том числе выполняет дисциплинирующую функцию для курсантов, занятых не только в учебной, но и в служебной деятельности, требующей строгого соблюдения уставных правил несения службы, полагаем целесообразным воздержаться от их использования на обозначенном этапе и оценить возможности применения интерактивных методов на основном и заключительном этапах организации учебного занятия.

В процессе анализа выявленных методов/приемов активизации взаимодействия субъектов учебной деятельности нами было установлено, что, во-первых, отдельные из интерактивных методов применимы в условиях строго определенного типа занятия (например, только на практическом занятии), во-вторых, отмечена дифференциация методов интерактивного обучения в зависимости от выполняемой функциональной нагрузки [7, с. 10]. С точки зрения рассматриваемой проблемы, осуществляя отбор по искомым параметрам, интерес в контексте формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсанта представляют методы, входящие в группу методов создания благоприятной атмосферы, организации коммуникации, методов обмена

деятельностями, методов мыследеятельности, методов смыслов творчества, интегративных методов, методов рефлексивной деятельности [7, с.10]. Особая перспектива связывается нами с использованием на учебных занятиях интерактивных методов мыследеятельности «Интервью», «Логическая цепочка», метода смыслов творчества «Заверши (продолжи) фразу», метода рефлексивной деятельности «Ключевые слова» при адаптации последних к содержанию конкретной учебной дисциплины (темы), обновлении их смыслового наполнения, расширении границ и возможностей их применения (Таблица).

Таблица — Примеры практического использования интерактивных методов

Методический инструментарий	Примеры практического использования (в разрезе дисциплины «Уголовное право»)
1	2
1.1. Метод «Интервью»	Тема 23. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы (семинар). В рамках одного из вопросов, подлежащих рассмотрению (Изнасилование (ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Анализ состава и его квалифицирующих признаков. Отличие от насильственных действий сексуального характера (ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь)), преподавателем назначается или посредством жеребьевки определяется интервьюируемый. Создаются группы интервьюеров для разработки вопросов по следующим направлениям: – «Изнасилование: понятие, его законодательное закрепление. Характеристика элементов состава преступления. Момент окончания преступления», – «Анализ квалифицирующих признаков изнасилования», – «Изнасилование (ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и насильственные действия сексуального характера (ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь): отличие данных преступлений». Так, группой интервьюеров, работающих в рамках тематического блока «Изнасилование: понятие, его законодательное закрепление. Характеристика элементов состава преступления. Момент окончания преступления», к интервью могут быть предложены вопросы: 1. Каким образом в Республике Беларусь урегулирован вопрос о законодательном закреплении понятия «изнасилование»? 2. Как белорусский законодатель определяет изнасилование? 3. Что следует понимать под половым сношением? 4. Как следует понимать используемую в ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь формулировку «вопреки воле»? 5. Для чего и к кому при совершении данного преступления применяется насилие или используется угроза его применения? 6. Что охватывается понятием «насилие» при изнасиловании? 7. Что включает в себя угроза применения насилия при изнасиловании? <i>и т. п.</i>

Продолжение таблицы

1.2. Метод «Логическая цепочка»	<i>Особенности использования:</i> 1. В рамках одного из вопросов, подлежащих рассмотрению, курсантам предлагается составить логическую цепочку утверждений по теме вопроса (правила составления озвучиваются преподавателем). 2. Каждому обучающемуся раздается сигнальная карта (лучше двухцветная, что обеспечит повторное участие), поднятие которой после ответа свидетельствует об уже принятом участии в составлении логической цепочки. 3. Лицо, нарушившее логику изложения, обязано самостоятельно единолично воспроизвести всю логическую цепочку сначала и добавить собственное утверждение, служащее ее логическим продолжением. 4. Курсант, завершающий формирование логической цепочки, определяет отвечающего, формулирующего обобщающий вывод по вопросу, что концентрирует внимание участников. <i>Пример:</i> Тема 2. Уголовный закон (семинар). Так, в рамках вопроса «Структура нормы Особенной части Уголовного кодекса. Виды диспозиций и санкций» может быть составлена логическая цепочка следующего содержания: – Нормы Особенной части уголовного закона имеют определенную структуру. Она представлена двумя частями: диспозицией и санкцией. – Диспозиция — это та часть уголовно-правовой нормы, которая описывает общественно опасное деяние, являющееся преступлением. – Санкция — та часть уголовно-правовой нормы, содержащая указание на вид и пределы наказания, которые установлены за совершение описанного в диспозиции преступления. Выделяют следующие виды диспозиции: простая, описательная, бланкетная, ссылочная, смешанная. <i>и т. д.</i>
1.3. Метод «Заверши (продолжи) фразу»	<i>Пример:</i> Тема 9. Стадии совершения умышленного преступления (практическое занятие). В рамках актуализации изученного ранее материала проводится фронтальный опрос с использованием обозначенного метода. Преподаватель предлагает обучающимся завершить ряд последовательно предложенных им фраз по теме занятия: 1. Под стадией совершения умышленного преступления понимаются этапы осуществления преступной деятельности, отличающиеся друг от друга... 2. Уголовно наказуемыми стадиями выступают... 3. Уголовно ненаказуемыми стадиями признаются... 4. Формирование умысла отличается от обнаружения умысла тем, что... 5. Приготовление к преступлению может выражаться в одной из следующих законодательно предусмотренных форм...

Окончание таблицы

1.4. Метод «Ключевое слово»	<i>Особенности использования:</i> 1. Метод используется для рефлексии. 2. Курсант оценивает результативность своей деятельности на занятии, восприятие самого себя в ней. <i>Пример:</i> По завершении семинара или практического занятия преподаватель предлагает курсанту поделиться восприятием собственного участия и достижения учебных задач, выразив его одним словом. Возможные формы организации применения метода: 1. Работа в группах. Назначенный преподавателем обучающийся фиксирует на листе бумаги слова участников группы, выражающие восприятие каждого из них, которые после зачитываются вслух. 2. Работа по цепочке. Обучающиеся поочередно воспроизводят слова, отвечающие заданным условиям. Из общего перечня кем-либо из обучающихся или самим преподавателем может быть дополнительно акцентировано внимание на ключевых повторениях, исходя из частности их использования членами учебного взвода.

Информация, представленная в таблице, не является исчерпывающей, а лишь иллюстрирует логику работы в обозначенном направлении, поскольку разработка методов и приемов, направленных на активизацию интеракции субъектов учебно-познавательной деятельности, — процесс перманентный и вместе с тем подверженный влиянию разноплановых факторов (индивидуальный стиль преподавания, степень активности учебного взвода, потребность преподавателя в профессиональной самореализации, заинтересованность обучающихся в активизации взаимодействия и т. п.). Ранее положительно зарекомендовавшие себя в методике преподавания высшей школы метод проектов, метод и приемы кейс-стади, прием использования элементов деловой игры, метод «Пресс-конференция» как методы интерактивного обучения — не весь перечень методических средств, поскольку в полном объеме предусмотреть его не представляется возможным ввиду того, что метод с одним и тем же названием может совершенно по-разному быть применен в целях усиления интеракции на учебном занятии в целом и формирования профессионально-коммуникативной компетентности в частности. В данной связи обоснованно полагать, что ценность использования предполагаемого для формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсантов методического инструментария на аудиторных занятиях представляется возможным оценить только в условиях организации экспериментальной работы в этом направлении, что является реальным, так как профессионально-коммуникативная компетентность — ресурс, включающий элементы, поддающиеся фиксации с целью последующего производства сравнительного анализа достигнутых уровневых показателей.

1. Рябцева Л. А. Профессионально-коммуникативная компетентность курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел — в контексте научных исследований // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. С. Психолога-педагогічні науки: педагогіка, психологія, методика. 2021. № 1(57). С. 30–39. [Вернуться к статье](#)
2. Капустина В. А., Козлова Ю. А. Методика преподавания правовых дисциплин : учеб. пособие. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2017. 68 с. [Вернуться к статье](#)
3. Водяникова И. Ф., Фатхи Т. Б. Методика преподавания гуманитарных дисциплин : учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп. Ростов н/Д., Таганрог : Изд-во Южного федер. ун-та, 2018. 110 с. [Вернуться к статье](#)
4. Самойлов В. Д. Методология преподавания юриспруденции в системе высшего образования России : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2016. 367 с. [Вернуться к статье](#)
5. Левитан К. М. Юридическая педагогика : учебник. М. : Норма, 2011. 432 с. [Вернуться к статье](#)
6. Дудкина Е. И. Основы психологии и педагогики высшей школы : учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2020. 145 с. [Вернуться к статье](#)
7. Кашлев С. С. Интерактивные методы обучения : учеб-метод. пособие. 2-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2013. 224 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.147

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА РАССТОЯНИИ — ПРОДУКТ НОРМАТИВИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

И. Г. Скороход

Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры теории и истории права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: skorohod.igor@mail.ru

Аннотация. По мнению автора статьи, дистанционная форма получения высшего юридического образования — порождение его нормативистской методологии. Как показывает практика, при такой форме студенты не могут самостоятельно осмыслить правовую действительность, в результате чего у студента формируется нормативистское мышление и право отождествляется с законом.

Ключевые слова: дистанционное обучение, нормативизм, право, мышление.

Annotation. According to the author of the article, the distance form of obtaining higher legal education — is a product of his normative methodology. As practice shows, with this form, students cannot independently comprehend the legal reality, as a result of which the student develops normative thinking, where law is identified with law.

Keywords: distance learning, normativeism, law, thinking.

Образование на расстоянии (дистанционно) в Республике Беларусь позиционируется как получение системных знаний в инновационной форме. По поводу инновационных форм получения высшего образования спора нет. Наверное, на расстоянии можно подготовить математика, биолога, программиста или еще какого-нибудь специалиста. А вот что касается такой новации, как подготовка юриста с системными знаниями в области права дистанционно, то здесь возникают вопросы относительно эффективности такой методики, и в первую очередь по причине того, что данная форма является результатом нормативистской методологии отечественного юридического образования.

Согласно пункту 3 статьи 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании дистанционная форма получения образования — это вид заочной формы образования, когда его получение осуществляется преимущественно с использованием современных коммуникационных и информационных технологий [1]. Такая форма предусматривает самостоятельное освоение студентами содержания образовательной программы. Для этого каждому обучающемуся требуются сила воли, навыки самоконтроля, вовлеченность, самоорганизация и самодисциплина в познании права, в осмыслении его значения, природы и сущности.

В конечном итоге студенту как будущему юристу надлежит проникнуться ценностью права для человека.

Однако реальность такова, что при дистанционной форме образования студенты самостоятельно не могут усвоить той простой истины, что человек, как естественное существо, права которого основаны на естественных и разумных нормах равенства и свободы, является высшей ценностью и целью общества и государства. На первый план выдвигается утилитарная направленность юридических знаний, поскольку студенты ориентированы на изучение нормативно-правовой базы. За пределами внимания студентов остаются фундаментальные положения об основах и принципах права, правовом мировоззрении, о «духе права». Практически все понимание юридической профессии сводится к тому, что юрист — это специалист, который знает законодательство Республики Беларусь, умеет составлять документы правового характера, консультирует граждан по юридическим вопросам. То есть такой робот-юрист: внеси в него определенные условия задачи, и он тебе выдаст готовое решение, в соответствии с законодательством (актами законодательства) Республики Беларусь.

Без реальной постоянной коммуникации между преподавателем и студентом на лекциях, семинарских и практических занятиях, консультациях и других формах живого общения студент не впитывает в свое сознание «дух права» и само право, что не позволяет студентам самостоятельно осмыслить правовую действительность. Право для него остается бессодержательным, поскольку находится не далее и не более как в тексте нормативного акта, а идти дальше в осмыслении права нецелесообразно. В результате у студента формируется нормативистское мышление и право отождествляется с законом.

Правоприменительная практика показывает, что дословное следование нормативным предписаниям обеспечивает лишь формальную законность, без учета реальных жизненных отношений и социальной действительности. Деятельность юристов со сформировавшимся в период получения юридического образования нормативистским мышлением о праве причиняет человеку, обществу и государству больше вреда, чем приносит пользы.

Размещенные на сайтах университетов, применяющих подобную форму, контрольные вопросы и задания для студентов-дистанционщиков в подавляющем большинстве выполняются ими путем банального копирования текста с интернет-сайтов и его презентации в качестве своих знаний. Поэтому студенты практически не читают учебной литературы, не знают специалистов по истории и теории права, а также исследователей в той или иной отрасли права. В результате разрушается аксиологическая сущность юридического образования, что приводит к выхолащиванию самой идеи обучения как процесса живой передачи знаний и (или) обмена ими.

В дальнейшем такого рода юристы будут не в состоянии решать новые задачи, требующие справедливых ответов, поскольку в рамках циркуляра (нормы) речи о справедливости, правосудии и общечеловеческих ценностях не идет.

Никто из нас не захочет доверять, например, ремонт автомобиля специалисту, получившему соответствующее образование дистанционно, да и еще в рекордно короткие сроки. Однако нам придется сталкиваться с юристами, которые были подготовлены не на прямом общении с преподавателем и аудиторией, что формирует их положительные личностные качества, а на бездушных тестах, юнитах, контрольных работах и т. д., выполненных преимущественно копированием чужих мыслей из Интернета и их представлением в качестве своих знаний.

«Ловушки компьютеризации» особенно пагубны для юридического образования. Не секрет, что сегодня преподаватель постепенно вытесняется компьютерной техникой. Однако для юриспруденции, где осуществляется контакт между людьми, важно прямое общение, умение выстраивать диалог с различными категориями граждан. Общение с преподавателем дает и воспитательный эффект, поскольку преподаватель выступает как энциклопедист, просветитель и носитель ценностей и идеалов. Именно преподаватель (машине это не дано) передает собственное отношение к событиям как настоящего, так и прошлого, будущего [2, с. 39].

Интернет при его массовом использовании отучает от самостоятельного чтения книг, справочников, энциклопедий, от библиографической работы, самостоятельного научного поиска. Он заменяет оригинальную информацию из письменных источников некой усредненной (это в лучшем случае), а то и просто непроверенной, которая ошибочно воспринимается пользователями как абсолютная истина [3, с. 28].

Содержание и форма образования — производные от существующей в обществе системы ценностей. В сфере высшего юридического образования Беларуси еще с советских времен сформировался здоровый государственный самобытный консерватизм в форме очного дневного и заочного обучения. А использование дистанционного юридического образования к тому же обусловленного нормативистской методологией, — это разрушение высшей школы, где качество образования превращается в качество документации.

Дистанционная форма получения высшего юридического образования с использованием компьютерных технологий — это прямое уничтожение интеллектуального труда. Самостоятельно студенты-дистанционщики не создают для себя ничего нового, не формируют в своем сознании добавочного продукта в виде новых знаний, поскольку не используют научный опыт

и не перерабатывают информацию, а весь процесс обучения сводят к необдуманному, неразмышляющему копированию из Интернета ответов на поставленные им вопросы. В итоге мозг человека утрачивает творческий потенциал. При таком подходе будущий юрист будет не способен к нестандартным методам мышления, следовательно, и к решению вопросов правового характера при малейшем выходе ситуации за пределы буквы нормы права.

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.01.2022 г. № 154-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Шибанова Е. К. Подготовка юридических кадров: инверсия смыслов // Право и образование. 2015. № 2. С. 36–43. [Вернуться к статье](#)

3. Малько А. В., Соломатин А. Ю. Юридическое образование в глобализирующемся обществе // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 16–31. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.02:[001.102:004](043.3)

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА МОТИВАЦИИ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

М. Н. Хуторова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
e-mail: teacher-507@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется возможность применения принципов мотивации, фундаментальности и прикладной направленности обучения для реализации практической направленности информатики в учреждениях образования Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: принцип мотивации, принцип фундаментальности, принцип прикладной направленности, обучение информатике, система управления базами данных.

Annotation. The article analyzes the possibility of applying the principles of motivation, fundamentality and applied orientation of training for the implementation of the practical orientation of informatics in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: principle of motivation, principle of fundamentality, principle of applied orientation, teaching computer science, database management system.

В настоящее время обучение информатике осуществляется во всех образовательных учреждениях Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Анализ работ по вопросам подготовки курсантов учреждений образования Министерства внутренних дел (О. Л. Баранчев, Д. Ф. Богатов, К. М. Бондарь, Ю. М. Дубинский, В. С. Зарубин, Ю. А. Лапицкий, Я. С. Шатило, А. О. Шангутов и др.) свидетельствует, что изложение общего курса информатики без учета потребностей сотрудника органов внутренних дел в области информационных технологий не способствует повышению качества подготовки современных специалистов. Преподавание информатики в учреждениях образования МВД должно сочетать изучение теоретических вопросов и развитие логического мышления с общей прикладной направленностью курса, имеющего задачу формирования у курсантов навыков применения полученных знаний при решении профессионально ориентированных задач.

Теоретической основой практического модуля курса информатики выступает принцип мотивации, который является основополагающим дидактическим положением, направленным на активизацию процесса обучения. Он предусматривает реализацию мотивов обучения, т. е. внутренних импульсов, которые побуждают курсантов учреждений образования МВД к активной познавательной деятельности. Для формирования мотивов обучения важно

уяснить практическую значимость учебного материала путем акцентирования внимания на юридических объектах через юридическую интерпретацию задач по информационным технологиям, включения профессионально-прикладных задач, возникающих в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. Это способствует не только усвоению основ информационных технологий, но и формированию творческого мышления и познавательных интересов личности.

Для поддержки мотивов, стимулирующих активную познавательную деятельность, требуется информационная образовательная среда, базирующаяся на применении информационных и коммуникационных технологий, обеспечивающая определенную самостоятельность курсантов в построении персонализированной образовательной траектории. Такие средства информационных и коммуникационных технологий, как электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по изучению дисциплины и сетевой курс, позволяют изучать учебный ресурс в соответствии с индивидуальными способностями курсанта; корректировать методичность изучения отдельных модулей, ограничиваясь общей конструкцией учебного предмета; формировать свой план управляемого самообучения информатике (работа с ЭУМК, с теоретическим материалом, решение задач, участие в форумах).

Вспомогательным побуждением в обучении информатике является система контроля и оценки знаний, охватывающая текущий, рубежный и итоговый контроль. Такая система дает возможность повысить заинтересованность в учебно-познавательной деятельности посредством открытого распределения оценки результатов процесса познания для каждого курсанта, смягчить воздействие субъективных факторов со стороны преподавателя, поскольку характеризуется разными критериями оценки. Появляются условия для персонализации учебного процесса с помощью деятельности, которая оценивается с учетом ее сложности. Дифференцированная отметка стимулирует курсантов к выбору более сложных и творческих заданий. Одним из основных факторов активизации обучения курсанта является своевременное сообщение с помощью ЭУМК об изменении балла.

Связь содержательного и организационного элементов обучения выступает в качестве приоритетной для принципа мотивации. Наличие профессионально ориентированных задач в содержании дисциплины и средств информационных и коммуникационных технологий является основой реализации данных связей. Принцип мотивации воздействует также на систему контроля и оценки знаний посредством ясного распределения результатов процесса познания каждого курсанта [1].

В литературе указывается, что принцип фундаментальности и прикладной направленности обучения обеспечивает необходимые для курсантов учреждений образования МВД основы знаний информационных технологий и предусматривает [2; 3]:

- реализацию научно обоснованного подхода к подбору учебного материала, системное включение в него новейших достижений науки и техники;
- логичную последовательность освоения курса информатики, предполагающую поэтапное распределение учебного материала курса по времени обучения в соответствии с учебным планом;
- рациональную жесткость подачи учебного материала, то есть убедительную доказательность высказываемых утверждений, требованием которой является необходимость изменения степени строгости доказательств, стиля изложения учебного материала соразмерно уровню интеллектуальных возможностей обучающихся, понимания курсантами учебного материала;
- организацию и овладение содержанием учебного материала в видах и формах учебно-познавательной деятельности, системной логике конструкции курса информатики и моделирование (имитацию) фундаментальных и практико-ориентированных задач профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Учеными справедливо отмечается, что для качественной профессиональной деятельности сотруднику органов внутренних дел необходимо уверенно действовать в современной информационной среде, ориентироваться в потоках информации, добывать и обрабатывать ее, владеть навыками использования информационных технологий. Это обуславливает необходимость качественной подготовки будущего сотрудника органов внутренних дел по информатике с профессиональной точки зрения, поскольку знания информационных технологий позволят курсанту в будущем успешно выполнять практические задачи сотрудника правоохранительных органов. Фундаментальность знаний информационных технологий является не целью, а средством подготовки сотрудника органов внутренних дел, вследствие чего должна быть скоординирована с потребностями профессии [4; 5].

К основным компетенциям сотрудника органов внутренних дел в области информационных технологий мы можем отнести его навыки работы с базами данных. Посредством системы управления базами данных курсанты формируют и совершенствуют умения проектирования базы данных — двумерных таблиц с разными типами данных, включая поля объектов OLE, в которых содержится профессионально значимая информация; установления связей между таблицами, с поддержкой целостности данных, каскадного обновления

и удаления записей; умения создавать различные объекты базы данных (форму, отчет, запрос, страницу доступа к данным).

Проиллюстрируем практическую ориентированность курса «Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел» на примере следующей профессионально ориентированной задачи, состоящей из пяти этапов:

1. Проектирование базы данных, которая состоит из двух таблиц: «Сотрудники» и «Транспорт» (рис. 1). Таблица «Сотрудники» содержит поля: «Код сотрудника», «Фамилия, Имя, Отчество», «Фотография сотрудника», «Дата рождения», «Должность». Таблица «Транспорт» включает поля: «№ протокола», «Кем составлен», «Дата составления», «Фамилия», «№ авто», статья КоАП.

2. Ввод данных.

3. Создание формы.

4. Конструирование запроса необходимых данных в соответствии с полученным вариантом задания.

5. Конструирование отчета выполненного запроса.

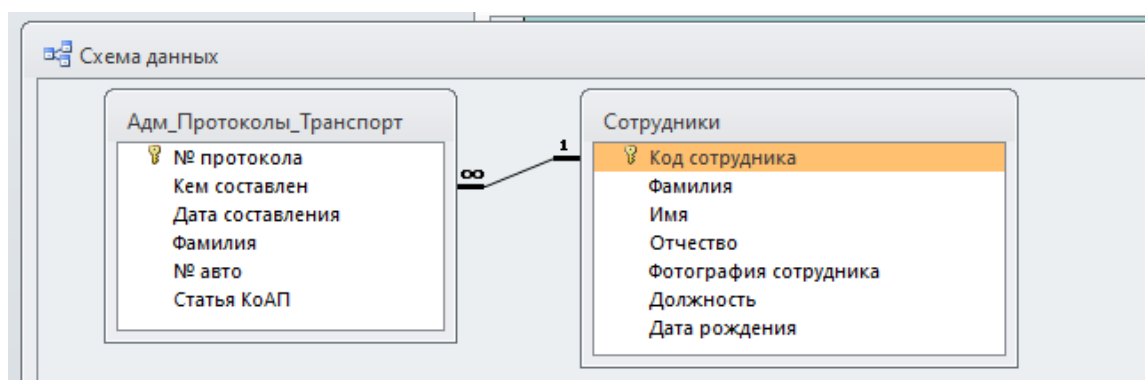

Рисунок 1 — Схема данных учебной базы данных

Во время решения задачи курсанты осваивают и укрепляют навыки хранения, создания больших объемов профессионально значимой информации, проектирования структуры базы данных, образования связей между полями разных таблиц; анализа, поиска необходимых сведений из общего объема данных.

Решение профессионально ориентированных задач дает возможность освоить теоретические знания из предметной области «Информатика» и содействует овладению профессиональными терминами, используемыми сотрудниками органов внутренних дел, воспитанию профессионального мышления, связи практической профессиональной деятельности с теоретическим материалом.

1. Хуторова М. Н. Управляемое самообучение информатике курсантов учреждений образования МВД Республики Беларусь // Вести БГПУ. 2018. № 4. С. 47–52. [Вернуться к статье](#)
2. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 6-е изд., стер. М. : Академия, 2010. 192 с. [Вернуться к статье](#)
3. Пащенко, О. И. Информационные технологии в образовании : учеб. метод. пособие. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 227 с. [Вернуться к статье](#)
4. Баранчеев О. Л. Обучение курсантов военных вузов ВВ МВД России с применением информационных систем: на примере обучения информатике в Новосибирском военном институте ВВ МВД : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Новосибирск, 2006. 156 л. [Вернуться к статье](#)
5. Еськова И. Е. Система профессионально-ориентированной подготовки по информатике в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2011. 243 л. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 347.65/.68

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. А. Бойко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: olyakolina83@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в городском законодательстве Российской империи в 90-е годы XIX века. В ней идет речь об особенностях реализации Городового положения 1892 г. на территории Беларуси в данный период. Автором раскрыты основные положения данной городской реформы, действовавшей в белорусских городах в конце XIX в., а также сделан сравнительный анализ городской реформы 1892 г. с городской реформой 1870 г.

Ключевые слова: институт наследственного права, наследование, завещание, завещатель, наследодатель, наследник, институт наследования.

Annotation. The article deals with hereditary legal relations and their occurrence. As a result of the study, it was found that the legal regulation of the institution of inheritance of the modern Republic of Belarus is the result of the genesis of the inheritance norms of various historical eras.

Keywords: institute of inheritance law, inheritance, will, testator, heir, institute of inheritance.

Наследование — значимый и весомый институт гражданского права, известный всем современным правовым системам. В современном обществе при помощи наследования имущество, имущественные права, а также и обязанности умершего (наследодателя), определенные личные неимущественные права переходят к другим лицам (наследникам), тем самым сохраняя связь между поколениями.

В историческом формировании наследственного права Беларуси выделяют несколько этапов: достатутный, статутный, законодательство Великого княжества Литовского, законодательство Российской империи, советское законодательство.

В достатутный период институт наследственного права являлся развитой системой, тесно связанной с семейным правом, а также и с институтом брака.

В первых грамотах (общеземских) присутствовали правовые нормы, посвященные институту «вено», который играл важную роль в наследственных правоотношениях того времени [1, с. 11].

В статутный период вопросы, которые касались «вено» и правового положения вдовы, получили более широкую регламентацию. Особенностью наследования было установление в законе части наследования дочерей в недвижимом имуществе. В случае когда в семье был только сын и несколько дочерей, на всех сестер разделяли четвертую часть той суммы, в которую было оценено имущество, и каждой причиталась из этой четвертой части равная доля приданного (Статут 1529 г. Р. IV, ст. 7) [2, с. 124].

Статут 1529 г. регламентировал наследование по закону и по завещанию [3, с. 239].

Регулировался нормами Статута 1529 г. и порядок составления завещания (Статут 1529 г. Р. V, ст. 16) [2, с. 33].

Важными в становлении и развитии наследственного законодательства были новации Статута 1566 г. В нем появился целый раздел, посвященный наследственному праву, в котором регламентировался порядок оформления завещаний духовенством и светскими лицами [3, с. 240]. Впервые в законе регламентировался порядок оформления завещаний «людьми простага стану» (Статут 1566 г. Р. VIII, ст. 5). Закон перечислял и основания, в силу которых отец имел право лишить детей наследства [1, с. 35–36].

Наиболее подробно вопросы наследования по завещанию были описаны в Статуте 1588 г. Особое внимание придавалось порядку оформления завещательных записей (Статут 1588 г. Р. VIII, ст. 6) [1, с. 60–62]. В Статуте 1588 г. были отражены и вопросы выморочного имущества, которое при отсутствии наследников переходило государству (Статут 1588 г. Р. III, ст. 17) [1, с. 65].

Можно сделать вывод о том, что нормы гражданского законодательства Великого княжества Литовского, которые касались наследования, были довольно хорошо разработаны и соответствовали уровню существующих в то время в государстве общественных отношений.

После того, как белорусские земли вошли в состав Российской империи, регламентация наследственных отношений стала осуществляться изданным в 1714 г. Указом о единонаследии. В нем были закреплены принципиальные положения развития наследственных правоотношений. Согласно данному указу наследование на основании закона было преобладающим [4, с. 40].

В дальнейшем основополагающим источником наследственного права стали изданные впервые в 1832 г. и затем переизданные в 1842, 1857, 1886 и 1890 гг. «Своды законов Российской империи».

После революции 1917 г. Декретом ВЦИК РСФСР от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» институт наследования был запрещен на законодательном уровне. Чуть позже Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» институт наследования был восстановлен. Помимо этого, институт наследования был законодательно подтвержден в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. институт наследования получил свое дальнейшее развитие. 15 сентября 1942 г. СНК СССР принял постановление «О порядке удостоверения доверенностей и завещаний военнослужащих в военное время», которым было разрешено удостоверять завещания военнослужащих командирам воинских частей и начальникам госпиталей. 14 марта 1945 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О наследниках по закону и завещанию». Была заложена определенная система принципов наследственных правоотношений, отражающая существенные достижения, касающиеся развития данного общественного института.

Таким образом, в своем развитии наследственное право прошло несколько исторических периодов — от достатутного до современного. Институт наследования современной Республики Беларусь и его правовое регулирование — это итог генезиса норм наследования различных исторических эпох. Основы же наследственного права Республики Беларусь были заложены еще во времена Великого княжества Литовского.

В Республике Беларусь право наследования является конституционным. Государство гарантирует каждому право собственности и содействует его приобретению. Собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

В юридической литературе понятие «наследование» понимается авторами по-разному, однако суть остается одна. Наследование относится к производным, т. е. основанным на правопреемстве способам приобретения прав и обязанностей. В состав наследства входят не только имущественные права, но также и обязанности наследодателя. В случае смерти наследодателя правопреемники должны исполнить обязательства наследодателя. Наследник несет «бремя наследства», т. е. отвечает по долгам наследодателя [5, с. 38].

В соответствии с п. 1 ст. 1032 Гражданского кодекса Республики Беларусь, основаниями наследования являются завещание и закон [6]. Правом некоторых государств выделяется еще одно основание, которое называется наследственным договором. Так, ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации наследственный договор выступает в качестве самостоятельного основания наследования наравне с наследованием по закону и наследованием

по завещанию [7, с. 11]. К плюсам стоит отнести защиту интересов наследника и наследодателя: для наследодателя — имущество остается его собственностью до смерти.

В ст. 1243 Гражданского кодекса Украины содержится также такое основание наследования, как завещание супругов [8]. Супруги имеют право составить общее завещание относительно имущества, которое принадлежит им на праве общей совместной собственности. В случае составления общего завещания доля в праве общей совместной собственности после смерти одного из супругов переходит ко второму из супругов, который его пережил. В случае смерти последнего право на наследование имеют лица, определенные супругами в завещании. Место совместного завещания в юридической доктрине определяется доверительным характером взаимоотношений супругов, ведением совместного быта, приобретением совместного имущества, совершением некоторых сделок, для которых может требоваться согласие другого супруга, поэтому сделать предположение о том, что супруги желали бы оставить единые завещательные распоряжения, которые выражались бы в форме совместного завещания, было бы вполне уместным.

Одним из положительных моментов совместного завещания является то, что супруги могут распорядиться общим имуществом так, чтобы не разделять его на доли и не вызывать затруднений в процедуре наследования после смерти одного из них.

Институт завещания играет важную роль в системе белорусского права. В частной собственности граждан оказалось ценное имущество — квартиры, жилые дома, денежные средства, внесенные в виде вклада в банк и другое имущество [9, с. 29]. Нередко после человека остаются неоконченные дела, нерешенные проблемы и завещание в данном случае является выражением воли гражданина. В этом состоит моральная задача завещания.

В завещании всегда выражается воля одного человека (завещателя). Получается, завещание носит односторонний характер, что позволяет завещателю, если возникнет такая необходимость в дальнейшем, изменить свои распоряжения.

Термин «завещание» обозначает и документ. В нем в письменной форме отражена воля гражданина по распоряжению имуществом в случае его смерти. Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает удостоверение трех видов завещаний: 1) завещание, написанное завещателем; 2) завещание, записанное нотариусом со слов завещателя в присутствии свидетеля; 3) закрытое завещание.

Действующее наследственное право базируется на принципе свободы завещания. В свою очередь, завещательная свобода наследодателя ограничивает-

ся правилами об обязательной доле в наследстве. Помимо правил об обязательной доле, принцип свободы завещания ограничивается и недопущением возложения на лиц, назначенных наследниками в завещании, обязанности распорядиться завещанным им имуществом каким-либо конкретным образом. Не допустимо включать в завещание противоправные либо невыполнимые для наследника условия для получения наследства (п. 5 ст. 1041 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Принцип свободы завещания, наряду с другими средствами, обеспечивается тайной завещания.

Для того чтобы воля завещателя была осуществлена, действует подинститут исполнения завещания. Исполнение завещания — конечная стадия приобретения наследства и является целью составления завещания. Исполнение завещания — это осуществление определенных действий активного характера. Во-первых, должны быть предприняты меры по охране наследственного имущества; во-вторых, имущество наследодателя должно быть истребовано от третьих лиц с целью включения в наследственную массу; в-третьих, должна быть осуществлена передача наследственного имущества наследникам.

Завещание — это удобный способ разделения имущества «по справедливости» на субъективный взгляд наследодателя. Отношения часто строятся на субъективных родственных, дружеских, партнерских отношениях, в то время как закон может быть объективен.

Ныне действующий Гражданский кодекс Республики Беларусь определяет приоритет завещания. Наследование по закону имеет место лишь тогда, когда завещание отсутствует либо определяет судьбу лишь части наследства (п. 2 ст. 1032 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Наследников по закону принято подразделять на наследников четырех и последующих очередей, и призываются они к наследованию поочередно — вначале наследники первой очереди, а если их нет или они не приняли наследство, то — второй. Это правило относится и к третьей, четвертой и последующим очередям наследников. Если все они не приняли наследство, то оно переходит по праву наследования к государству.

При наследовании по закону наследниками считаются лица, которые находятся в живых к моменту смерти наследодателя и могут быть призваны к наследованию в соответствии с законом. В таком случае имущество в пределах каждой очереди делится между наследниками поровну. Это значит, что каждый из наследников получает долю, равную доле другого, кроме тех наследников, которые наследуют по праву представления. Такая доля именуется законной. Для того чтобы определить ее, необходимо общую стоимость наследственного имущества разделить на количество наследников очереди, которая призывается к наследованию.

Наследники последующей очереди призываются к наследованию по закону, но только в том случае, когда не имеется наследников предшествующей очереди или в случае, если они не приняли наследство, либо, в случае, когда все наследники предшествующей очереди лишены завещателем права наследования.

В случае если у умершего отсутствуют наследники первой, второй, третьей и четвертой очереди, право наследовать по закону возникает у родственников наследодателя третьей, четвертой, пятой и шестой степени родства, которые не относятся к наследникам предшествующих очередей.

Наследниками по завещанию и по закону также могут быть несовершеннолетние, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после того, как наследство открыли. Таким образом, еще нерожденный ребенок законодательно наделен правоспособностью.

Законодательством определен круг лиц, призываемых к наследованию по праву представления. К ним относятся: внуки наследодателя, а также их прямые потомки, племянники и племянницы наследодателя, двоюродные братья и сестры наследодателя. При этом не могут наследовать по праву представления потомки наследника по закону, которого наследодатель лишил наследства завещанием.

В Республике Беларусь, согласно законодательству, каждый наследник может принять наследство как единое целое. В случае если наследник принял какую-либо часть наследства, то он считается принявшим все причитающееся ему наследство.

Таким образом из проведенного исследования видно, что наследственные правоотношения затрагивают интересы почти каждого человека, и по этой причине определение и разграничение правового регулирования наследования имеет большое теоретическое и практическое значение в защите имущественных прав граждан.

1. Голубева Л. Л. Наследственное право феодальной Беларуси (по законодательству Великого княжества Литовского) : учеб. пособие. Минск : ФУСТ БГУ, 2002. 84 с. [Вернуться к статье](#)

2. Доўнар Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях. Мінск : «Пропілеі», 2000. 224 с. [Вернуться к статье](#)

3. Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : у 2 ч. Ч. 1. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. 352 с. [Вернуться к статье](#)

4. Желонкин С. С., Ивашин Д. И. Наследственное право : учеб. пособие. М. : Юстицинформ, 2014. 134 с. [Вернуться к статье](#)

5. Немков А. М. Очерки истории наследственного права. Воронеж : Спектр, 1979. 97 с. [Вернуться к статье](#)
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 30.12.2020 г. № 527-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] : 16 янв. 2003 г., № 435-IV : с изм. и доп. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568 (дата обращения: 13.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Антимонов Б. С., Граве К. А. Советское наследственное право. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1955. 676 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.622

**ПРЕПЯТСТВИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ БРАКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX в.****Н. В. Денисенко**

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины (Беларусь),
аспирант кафедры теории и истории государства и права
e-mail: nadyusha.denisenko2016@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются препятствия к браку по законодательству Российской империи. Делается вывод о том, что данные препятствия были продиктованы как церковными, так и светскими нормами права.

Ключевые слова: брак, препятствия к браку, Российская империя, законодательство.

Annotation. The obstacles to marriage under the legislation of the Russian Empire are considered in the article. It is concluded that these obstacles were dictated by both ecclesiastical and secular legal norms.

Keywords: marriage, obstacles to marriage, Russian Empire, legislation.

Брак в Российской империи являлся одной из важнейших составляющих государственной и общественной жизни. Законодательство рассматриваемого периода не давало легального определения указанного понятия. Поскольку брак в Российской империи рассматривался как таинство и имел церковную форму заключения, то его понятие основывалось на канонических источниках.

После принятия христианства произошла рецепция византийского брачно-семейного законодательства, основанного на канонических представлениях о браке. На Руси получил распространение Номоканон, который представлял собой собрание норм византийского семейного права, состоящего из канонического права и светских постановлений византийских императоров. В дальнейшем Номоканон был дополнен постановлениями русских князей. Его русский перевод с внесенными дополнениями получил название Кормчей книги [1, с. 15].

Кормчая книга являлась одним из основных канонических источников брачно-семейного права. В 49-й главе Кормчей книги содержится следующее определение брака: «Брак есть мужеви и жене сочетание, сбытие во всей жизни, божественная и человеческая правды общение» [2, с. 318]. Церковные нормы о браке были имплементированы в гражданское законодательство, которое в 1832 году было систематизировано в «Своде законов Российской империи». Брачно-семейные отношения получили закрепление в книге первой «Свода законов гражданских» под названием «О правах и обязанностях

семейственных». Исходя из этого можно определить, какие существовали препятствия к заключению брака.

В российском праве препятствия к браку подразделялись на два вида. Одни из них, безусловно, не допускали брака, делали его невозможным. При существовании других препятствий брак оставался в силе, но соединялся с некоторыми невыгодными последствиями для лиц, нарушивших запрет. Препятствия первого вида называются «разрывающие брак» (*impedimenta dirimentia*), препятствия второго вида — запрещенные, но не разрушительные для брака (*impedimenta prohibentia*) [3, с. 215, 216].

К «разрывающим брак» препятствиям в Российской империи относились: отсутствие взаимного согласия лиц, вступающих в брак, недостижение установленного возраста, «неспособность к брачному сожитию», душевная болезнь, наличие законного брака, священнослужительский сан или монашество, судебный запрет на вступление в брак, различие религии лиц, вступающих в брак, близкое родство или свойство между будущими супругами.

В соответствии со ст. 12 «Свода законов гражданских», брак не мог быть заключен без взаимного согласия лиц, вступающих в брак [4]. Данная норма предполагала следующее:

1) запрещалось принуждение к браку со стороны родителей, опекунов, попечителей [4, ст. 12];

2) недействительным признавался брак, совершенный в результате обмана, когда один из супругов выдавал себя за другое лицо. Так, в своей работе А. С. Павлов указывал, что такой обман может иметь место при заключении брака «слепым, бессознательно пьяным, при браке ночью или когда невеста покрыта густым покрывалом» [2, с. 328].

Не могли вступить в брак лица, не достигшие определенного возраста. До 1830 года брачный возраст в Российской империи составлял 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин. 19 июля 1830 года именным указом Святейшего синода было запрещено венчать брак лиц, не достигших 18 и 16 лет соответственно (возраст гражданского брачного совершеннолетия). Данная норма была закреплена в «Своде законов гражданских» [4, ст. 3, 63].

Тем не менее в «Своде законов гражданских» было указано, что законными и действительными не признаются браки лиц, не достигших церковного брачного совершеннолетия [4, ст. 37]. По церковным правилам, мужчины могли вступать в брак в 15 лет, женщины — в 13 лет. В случае вступления в брак до достижения указанного возраста жених и невеста «разлучались от сожительств». Затем при достижении гражданского брачного совершеннолетия молодые могли продолжать супружество. В таком случае брак подтверждался в церкви [4, ст. 39; 5, ст. 209, 218, 219]. Таким образом, только недостижение

возраста церковного совершеннолетия являлось «разрывающим» препятствием ко вступлению в брак.

Важной особенностью брачного законодательства Российской империи являлось определение не только нижнего, но и верхнего предела возраста вступления в брак. Так, в 1744 году был издан Указ, в котором Синод, устанавливая предельный возраст вступления в брак, мотивировал это следующим образом: «Брак от Бога установлен для умножения рода человеческого, чего от имеющего за 80 лет надеяться весьма отчаянно, ибо, по словам псалмопевца, человек может быть в силах только до 80 лет, а множае труд и болезнь, которые труд и болезнь клонят к смерти человека, а не к умножению рода человеческого» [6, с. 451].

«Неспособность к брачному сожитию» представляла собой физическую невозможность вести половую жизнь. По статье 45 «Свода законов гражданских» такая неспособность являлась условием расторжения брака, а не его недействительности [7, с. 63–64]. Однако по инструкции благочинным 1806 года «возбранились от брака изувеченные и неспособные к сожитию».

Кроме того, запрещался брак с лицами, страдающими психическими заболеваниями (с «безумными» и «сумасшедшими») [4, ст. 5]. Это объясняется отсутствием возможности свободного волеизъявления указанных лиц на заключение брака.

Лица, состоявшие в нерасторгнутом брачном союзе, не могли вступить в новый, поскольку брак являлся союзом одного мужчины и одной женщины. Многоженство и многомужество признавалось преступлением и влекло за собой уголовную ответственность по статье 1554 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [8].

Запрещалось также вступление в четвертый брак. Это положение было основано на канонических постановлениях восточной церкви и распространяло свое действие на лиц православного исповедания. За нарушение данной нормы «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» предусматривалось наказание в виде заключения в тюрьму на 4 месяца. Указанные лица также предавались «церковному покаянию по распоряжению духовного начальства» [8, ст. 1564].

Еще одним препятствием к браку являлось наличие священнослужительского или монашеского сана. Это связано с существованием у монашествующих лиц обетов девства и полного удаления от мира [3, с. 218]. Важно отметить, что запрет указанным лицам вступать в брак действовал, пока «они пребывают в сем сане» [4, п. 6 ст. 37].

Запрещалось вступление в брак лицам, осужденным по приговору суда на «всегдашнее безбрачие». Такому осуждению подлежали:

1) лица, виновные в заключении нового брака при существовании предыдущего. В таком случае новый брак признавался недействительным, а прежний продолжался при условии согласия на это законного супруга. Лицо, виновное в многобрачии, не могло даже после смерти своего супруга вступить в брак. Если же законный супруг не соглашался на продолжение брака, то супруг, вступивший в брак при наличии прежнего, осуждался на «всегдашнее безбрачие» [4, ст. 40, 41];

2) лица, брак которых расторгался по причине их отсутствия без вести 5 лет и более [5, ст. 236]. Однако Высочайшим повелением 14 января 1895 года данное правило было изменено. Пункт 12 указанного повеления содержал норму, согласно которой суд не выносил никакого решения об отсутствующем лице и оставлял суждение о его вине до его явки или обнаружения местопребывания [9, с. 50];

3) лица, признанные виновными в прелюбодеянии [5, ст. 253]. Важно отметить, что Высочайшим повелением 28 мая 1904 года осуждение на «всегдашнее безбрачие», содержащееся в статье 253 Устава духовных консисторий, было отменено. С этого времени лицу, виновному в «нарушении святости брака прелюбодеянием», предоставлялось право вступить в новый брак. В случае же нарушения прелюбодеянием «святости» и нового брака, вторично виновный супруг осуждался на «всегдашнее безбрачие» [9, с. 137];

4) лица, брак которых расторгался вследствие доказанной «физической неспособности к брачному сожитию» [5, ст. 253].

Законодательством предусматривались запреты и ограничения вступления в брак лиц, принадлежащих к разным вероисповеданиям. Согласно статье 85 «Свода законов гражданских», запрещалось заключение брака православных и католиков с лицами нехристианских исповеданий. Также не допускался брак представителей протестантских конфессий с ламаитами и язычниками [4, ст. 85]. До 17 апреля 1905 г. действовал запрет на браки между православными и старообрядцами. Положением Комитета Министров старообрядцы в отношении заключения ими смешанных браков с православными уравнивались в правах с лицами иных христианских конфессий (п. 11) [10, с. 22].

Нормами законодательства Российской империи запрещалось вступление в брак при наличии родственных или свойственных связей между будущими супругами. Запрещенные степени родства и свойства определялись Указами Святейшего синода от 19 января 1810 года, 21 апреля 1841 года, 28 марта 1859 года [11, с. 141–142].

К препятствиям, запрещенным, но не разрушительным для брака (*impedimenta prohibentia*), относились отсутствие согласия на брак родителей,

опекунов и попечителей [4, ст. 6], а также отсутствие разрешения начальства на вступление в брак [4, ст. 9].

Заключение брака без согласия родителей влекло для детей уголовную ответственность по статье 1566 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Данная статья предусматривала наказание в виде заключения в тюрьму на срок от 4 до 8 месяцев и лишение права наследования по закону в имении родителей. Впоследствии родители могли восстановить наследственные права своих детей полностью или частично [8, ст. 1566].

В случае вступления в брачный союз лиц, проходивших военную или гражданскую службу, без письменного разрешения начальства брак оставался в силе [4, ст. 9]. Нарушение этого правила влекло за собой дисциплинарное взыскание — выговор с занесением в послужной список [8, ст. 1565]. А. С. Павлов говорит о наличии этого условия и для учащихся в высших учебных заведениях империи [2, с. 364].

Таким образом, в Российской империи основные нормы, определявшие препятствия к заключению брака, содержались в канонических источниках. Эти нормы были имплементированы в гражданское законодательство. Тем не менее некоторые препятствия к заключению брака были продиктованы светским законодательством (необходимость разрешения начальства для вступления в брак). В зависимости от последствий, которые влекли препятствия к браку, они делились на два вида: препятствия, «разрывающие брак», и препятствия, «запрещенные, но не разрушительные для брака». Нарушение некоторых препятствий к браку влекло за собой уголовную ответственность.

1. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 272 с. [Вернуться к статье](#)

2. Павлов А. С. Курс церковного права. Посмертное издание, выполненное под наблюдением доцента Московской духовной академии П. М. Громогласова. Сергиев Посад : Богосл. вестн., 1902. 552 с. [Вернуться к статье](#)

3. Красножен М. Церковное право. Изд. 2-е. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1907. 306 с. [Вернуться к статье](#)

4. Законы гражданские // Свод законов Российской империи: в 16 т. СПб., 1900. Т. 10, ч. 1. [Вернуться к статье](#)

5. Устав Духовных Консисторий. СПб., 1883. 200 с. [Вернуться к статье](#)

6. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) ; под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 576 с. [Вернуться к статье](#)

7. Грахоцкі А. П. Нормы царкоўнага права ў шлюбаразводным працэсе другой паловы XIX—пачатку XX ст. (па матэрыялах Мінскай епархіі) // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2010. № 3. С. 55–67. [Вернуться к статье](#)

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1885. Т. 15. [Вернуться к статье](#)
9. Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки. СПб., 1911. 344 с. [Вернуться к статье](#)
10. Загоровский А. И. Курс семейного права ; под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 464 с. [Вернуться к статье](#)
11. Грахоцкі А. П. Прымяненне нормаў царкоўнага права ў рэгуляванні парадку заключэння шлюбу ў Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) // Известия Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2010. № 5. С. 139–146. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1(075)

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПУТИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

В. Н. Жамулдинов

НАО «Торайгыров университет» (Казахстан),
профессор кафедры правоведения,
кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор юриспруденции
e-mail: vicniczham@mail.ru

Аннотация. Обретя государственную независимость и государственный суверенитет, Казахстан провозгласил курс на построение гражданского общества и правового государства. За этот небольшой период накоплен определенный опыт, имеются проблемы, характерные для недавнего тоталитаристского прошлого, такие как коррупция, преступность, низкая правовая культура. Ретроспективный анализ позволил выявить недостатки и определить направления и приоритеты. Таким образом, народ Казахстана ставит перед собой высокую цель — построение правового государства.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, воспитание, правовой нигилизм.

Annotation. Having gained state independence and state sovereignty, Kazakhstan proclaimed a course for building a civil society and a state based on the rule of law. During this short period, some experience has been gained, but there are problems characterizing of the recent totalitarian past, such as corruption, crime, low legal culture. Retrospective analysis made it possible to identify shortcomings and identify directions and priorities. Thus, the people of Kazakhstan set themselves a high goal — the construction of a state based on the rule of law.

Keywords: legal culture, legal consciousness, upbringing, legal nihilism.

Как известно, Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством [1].

Итак, ключевым словом в названии темы нашей статьи является термин «культура». Определение правовой культуры в широком смысле звучит следующим образом: это составляющая духовной культуры общества, которая включает в себя идеи, ценности, убеждения, модели поведения людей в пределах норм права и правовых учреждений. Отметим, что это понятие входит в более сложное понятие «культура». В настоящее время отождествление культуры и цивилизации встречается только в обыденном словоупотреблении. В научном обиходе это различные термины. Культура (от лат. cultura — «возделывание») — способ и результат всей человеческой деятельности [2].

Для более полного понимания такого явления, как правовая культура, стоит сделать экскурс в историю и обратиться к теоретическому наследию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина.

Например, полностью сохраняют свою силу, в частности, положения, сформулированные в работе В. Ленина «Как организовать соревнование», относительно значения и форм социального контроля за правонарушителями. Столь же четко разработаны вопросы участия общественности в борьбе с правонарушениями и формы такого участия. Согласно формулировке В. Ленина, успеха здесь можно добиться «только если сама народная масса помогает», а не одним лишь изданием законов или пропагандой. В этой связи отмечалось значение правовой культуры населения и ее повышения с помощью средств правового воспитания [3].

Опираясь на анализ подходов к определению правовой культуры, как отдельной категории культуры отметим, что правовая культура занимает особое место в социокультурном пространстве, т. к. полностью не совпадает ни с одним видом культуры (материальной, духовной, политической и т. д.). С одной стороны, она создает уникальное сочетание как материальных, так и духовных компонентов. С другой — находится в органичном единстве и взаимосвязи с остальными областями культуры, а именно политической, нравственной, эстетической. Поэтому следует отметить, что в юридической науке нет единого понимания ни термина «культура» в целом, ни термина «правовая культура» в частности.

В советский период Е. В. Аграновская (1981) представляла правовую культуру в виде «системы взглядов, оценок, убеждений, которые определяют правовое поведение» [4].

Российские исследователи В. М. Корельский и В. Д. Перевалова под правовой культурой понимают «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [4].

Современные российские ученые Н. И. Матузов и А. В. Малько прямо не формулируют определение понятия правовой культуры вообще, а лишь отмечают, что правовая культура охватывает все правовые ценности, существующие в данное время в данной стране, выражает этику взаимоотношений субъектов общественной жизни с правом, законами, другими юридическими феноменами [4].

Известный казахстанский исследователь А. С. Ахметов под правовой культурой понимает определенное состояние правовой жизни, выраженное в уровне развития правовой деятельности, уровне качества системы нормативно-правовых актов, степени реализации прав и свобод личности и ее правовой активности [5].

По степени познания правовых явлений и их использования в практической правовой деятельности профессор А. С. Ахметов выделяет следующие уровни правовой культуры: обыденный, профессиональный и теоретический [5].

Как известно, правовые государства исходят из идеи приоритетности права в государственном управлении и потому отдают предпочтение правовым формам и методам, учитывающим не только намерение официальных органов и должностных лиц, но и необходимость в обеспечении и гарантировании прав, свобод и интересов граждан и других субъектов общественной жизни.

Закон — главный критерий цивилизованности любого общества. Справедливое общество формируется только тогда, когда господствует закон. И мы обязательно должны к этому стремиться.

Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил: «Важнейший для нашего общества вопрос — верховенство закона. К сожалению, есть немало граждан, которые не хотят соблюдать законы. Усиливается правовой нигилизм. Моя позиция такова: гармония и мир возможны только тогда, когда в обществе царят закон и порядок» [6].

Рассуждая о правовой культуре, мы не можем обойти вниманием и такое понятие, как правосознание, поскольку мы выше отметили такой термин, как правовой нигилизм, под которым следует понимать отрицание права как социального института и системы правил поведения, как элемента успешного регулирования взаимоотношения между людьми. Собственно говоря, к «нигилистам» можно отнести и лиц, совершающих правонарушения.

Вместе с тем построение правового государства в соответствии с принципами демократии и соблюдения основных прав и свобод граждан невозможно без воспитания правового сознания у граждан, без понимания ими своих прав и обязанностей перед обществом и государством. Поэтому первостепенную важность приобретает вопрос о пропаганде юридических знаний, о правовом воспитании населения.

И в этой связи постановление, подписанное первым Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым, «О мерах по организации правового всеобуча в Республике Казахстан» от 21 июня 1995 года № 2347 является документом большого политического значения [7].

В этом же ряду находится и Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2008 года № 1116 «О программе по праворазъяснительной работе, повышению уровня правовой культуры, правового обучения и воспитания граждан на 2009–2011 годы» [8].

Впервые на государственном уровне поднят вопрос о необходимости обучения праву и правового воспитания начиная с дошкольного возраста [9].

В начале января 2022 года Президент Казахстана К.-Ж. Токаев объявил о концепции Нового Казахстана, что означает продолжение поэтапных и системных реформ.

Вопрос о правовом обучении и воспитании чрезвычайно важен потому, что народ Казахстана поставил перед собой историческую задачу — построить правовое государство. Для того чтобы построить такое государство, необходимо формировать новую правовую систему, направленную на гуманизацию и демократизацию жизни общества, на искоренение любых форм дискриминации в зависимости от различий пола, национальности, имущественного положения, социальной принадлежности, должности и т. д.

Новое казахстанское право должно ориентировать общество на свободное развитие человека, на создание условий для развития и использования человеческих способностей как в интересах отдельной личности, так и в интересах общества.

Именно такая правовая система стала создаваться в Республике Казахстан с момента обретения суверенитета и самостоятельности.

Мы считаем, что именно комплексный подход позволит ускорить решение задачи построения Нового Казахстана, приблизит к созданию правового государства и гражданского общества

1. Конституция Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы : Норма-К, 2017. 44 с. [Вернуться к статье](#)

2. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с. [Вернуться к статье](#)

3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 167. [Вернуться к статье](#)

4. Правовая культура [Электронный ресурс] // Учебные материалы Онлайн. URL: https://studwood.ru/851690/pravo/pravovaya_kultura (дата обращения: 26.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Ахметов А. С. Теория государства и права : учеб. пособие для студентов специальности 5И011500 «Основы права и экономике». Павлодар : ПГПИ, 2017. 268 с. [Вернуться к статье](#)

6. Токаев К.-Ж. Об усилении правового нигилизма в Казахстане заявил Глава государства [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/ob-usilenii-pravo-vogo-nigilizma-v-kazahstane-zayavil-glava-gosudarstva_a3900955 (дата обращения: 26.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. О мерах по организации правового всеобуча в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Постановление Президента Респ. Казахстан от 21 июня 1995 г. № 2347 : утратило силу // Информационно-правовая системанормативных правовых актов Респ. Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950002347_/history (дата обращения: 26.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. О программе по праворазъяснительной работе, повышению уровня правовой культуры, правового обучения и воспитания граждан на 2009–2011 годы [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Респ. Казахстан от 29 нояб. 2008 г. № 1116. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080001116_ (дата обращения: 26.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Основы государства и права Республики Казахстан : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Алматы : Жеті жарғы, 1997. 496 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 1(476)

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭЯ ЯК ПАДМУРАК ДЗЯРЖАЎНАЙ ІДЭАЛОГІІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

В. М. Лянцэвіч

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі права,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт
e-mail: liantsevich.volga@yandex.ru

М. М. Пішч

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
студэнт 3 курса факультэта права
e-mail: kolya.pishch@mail.ru

Анотацыя. У артыкуле аналізуецца асноўныя рысы дзяржаўнай ідэалогіі, у фарміраванні якой важную ролю адыгрывае нацыянальная ідэя, на асобных этапах развіцця беларускай дзяржаўнасці; вызначаюцца характэрныя рысы беларускай нацыянальнай ідэі на пачатку ХХ ст.; прапануецца комплекс мер для вылучэння абноўленай нацыянальнай ідэі на сучасным этапе развіцця беларускай дзяржавы.

Ключевые слова: Рэспубліка Беларусь, нацыянальная ідэя, дзяржаўная ідэалогія, беларуская нацыя, «агульнае дабро».

Annotation: The article analyzes the main features of the state ideology, in the formation of which the national idea plays an important role, at certain stages of development of the Belarusian statehood; the characteristic features of the Belarusian national idea at the beginning of the 20th century are determined; a set of measures is proposed to put forward a renewed national idea at the current stage of development of the Belarusian state.

Keywords: Republic of Belarus, national idea, state ideology, Belarusian nation, «common good».

Прынята лічыць, што людзі на працягу жыцця могуць змяніць свае палітычныя перакананні, але значна цяжэй змяніць сваю нацыянальнасць, паколькі разглядаецца яна як прыналежнасць індывіда да пэўнай этнічнай групы, звязанай агульнасцю мовы, культуры, звычаяў, традыцый, ладу жыцця. Сучаснае чалавецтва разглядаецца як сукупнасць нацый, падзеленых фундаментальнымі, нават непераадольнымі адрозненнямі, якія складаюць аснову нацыянальных дзяржаў. З гэтага пункту гледжання нацыя паўстае як неабходная аснова дзяржавы. Гэта тым не меней не перашкаджае ўсталяванню адносін паміж людзьмі розных краін, розных нацый; сапраўды, сучасны ўзровень развіцця камунікацый з кожным днём умацоўвае такія адносіны. Аднак калі б нацыянальныя адрозненні былі непераадольнымі, то гэтым адносінам было б наканавана заставацца ва ўладзе ўзлётая і падзенняў

міжнароднай палітыкі: свет быў бы вечна няўстойлівым, міжнародны гандаль нестабільным, эканамічныя саюзы часовымі, а палітычныя саюзы паміж дзяржавамі немагчымымі.

Яшчэ ў перыяд перабудовы ў краінах СССР з'явілася цікавасць да самаідэнтыфікацыі, нацыянальная ідэнтычнасць стала прыярытэтам не толькі культурнага, але і палітычнага жыцця. Інтэрнацыянальная палітыка савецкай улады, фарміраванне штучнай супольнасці пад назвай «савецкі народ», ігнараванне на працягу дзесяцігоддзяў існавання нацыянальнага пытання ў шматнацыянальнай дзяржаве не прывялі да страты этнічнай самасвядомасці народаў СССР. Таму пасля распаду Савецкага Саюза ў снежні 1991 г. менавіта нацыянальны кантэкст кладзецца ў аснову фарміравання фундаменту суверэнных дзяржаў. Гэта прыводзіць да імклівага росту значэння нацыянальна арыентаванага накірунку ў дзяржаўнай палітыцы: афармленню дзяржаўнага статусу нацыянальных моў, змены савецкай дзяржаўнай сімволікі на нацыянальную, падтрыманню дзяржавай інтарэсу да нацыянальнай гісторыі і культуры. Дадзеная тэндэнцыя была характэрнай рысай для ўсіх постсавецкіх дзяржаў, праяўляючыся ў большай ці меншай ступені.

Гэта не стала нечаканасцю, бо любая дзяржаўная ўлада заўсёды павінна мець ідэйны падмурак — аснову для развіцця патрыятычных пачуццяў і асабістага вызначэння грамадзяніна як прадстаўніка сваёй Радзімы. Варта адзначыць, што адной з функцый дзяржаўнага кіравання з'яўляецца функцыя рэгулявання грамадскіх адносін, што вельмі актуальна ва ўмовах раз'яднанасці і няроўнасці ў грамадстве. Нацыянальная аснова як нельга лепей падыходзіла для таго крызіснага стану грамадства, каб аб'яднаць розныя сацыяльныя групы, вызначыць для іх агульны вектар далейшага развіцця дзяржавы і грамадства ва ўмовах, калі невядома было, куды крочыць далей.

Увогуле менавіта ідэалагічная палітыка дзяржавы спрыяе згладжванню рознагалоссяў у грамадстве, аб'ядноўваючы адной ідэяй і мэтай «агульнага добра». Ідэалогія фарміруюцца на ўзроўні асобных груп, аб'яднаных агульнымі мэтамі сацыяльнай кааперацыі. Ідэалогія дзяржавы — гэта кансалідуючы і стабілізуючы фактар інтэграцыі груп для вырашэння актуальных грамадска-палітычных і сацыяльна-эканамічных задач сацыяльнай мадэрнізацыі на аснове дакладных, ясных і блізкіх грамадзянам сацыяльна-палітычных ідэй [1, с. 192].

У цывілізацыях Старажытнага свету ролю дзяржаўнай ідэалогіі адыгрывала, як правіла, рэлігія. Вялікае значэнне мела ідэалагічная палітыка для буйных па тэрыторыі дзяржаўных утварэнняў: так для Старажытнарымскай дзяржавы мілітарызм з яго імкненнем да нарошчвання ваеннага патэнцыялу, захопніцкія войны як інструмент знешняй палітыкі, па сутнасці, прадвызначылі тэндэнцыю развіцця дзяржавы амаль на пяць стагоддзяў. У насельніцтва

старанна выхоўваліся гэтыя мілітарысцкія настроі, што не ў малой ступені паўплывала на імклівы рост тэрыторыі Рымскай імперыі.

Новы вектар у дзяржаўнай ідэалагічнай палітыцы пасля тысячагадовага перыяду Сярэднявечча з яго татальным уплывам хрысціянства вызначаецца ў Заходняй Еўропе напрыканцы XIV ст. Гэта эпоха Адраджэння, для якой уласцівымі рысамі сталі гуманізм і антрапацэнтрызм. З культурнай сферы ідэі індывідуальнай свабоды чалавека перайшлі ў палітычнае поле. Рэнесансавая ідэалогія атрымала своеасаблівыя рысы на землях Вялікага Княства Літоўскага, куды яна трапіла на пачатку XVI ст. На першы план тут выходзіць ідэя «агульнага дабра» — самаахвярнай дзейнасці на карысць Айчыны. І. У. Вішнеўская вылучае тры адметныя формулы патрыятызму, якія складаюць у гэты час выбітныя беларускія мысляры: універсальную Ф. Скарыны, «...як любові да зямлі, на якой нарадзіўся, да мовы, з якой яго Бог у свет прывёў» [2, с. 36]; дэмакратычную С. Буднага і В. Цяпінскага, з павагай да народнай мовы і культуры; а таксама дзяржаўную, выразнікам якой стаў канцлер Вялікага Княства Літоўскага Леў Сапега, — у прадмове да Статута 1588 г. ён «...падымаў пытанні дзяржаўнай незалежнасці ВКЛ, дзяржаўнага статуса старабеларускай мовы» [2, с. 36].

На ролю ідэалогіі, якую, аднак, нельга назваць дзяржаўнай, прэтэндуе сарматызм, вядомы на тэрыторыі Каралеўства Польскага з XV ст., а на землях Вялікага Княства Літоўскага пашыраны з часоў Рэчы Паспалітай. На думку М. В. Лескінен, вытокі сарматызму першапачаткова мелі палітычны характар. У суседніх дзяржавах на першае месца выходзілі іншыя фактары фарміравання нацыянальнай самасвядомасці — такія як, напрыклад, гістарычныя карані. У Рэчы Паспалітай відавочна пераважалі палітычныя амбіцыі «шляхецкага народа», і сама шляхта была хутчэй палітычнай, чым сацыяльна-эканамічнай катэгорыяй [3, с. 62]. У той жа час М. В. Лескінен адзначае, што сармацкая ідэалогія стварала не толькі ідэал чалавека, якім становіцца сам сармат, але і ўзор дзяржавы — шляхецкую рэспубліку. Пры спробе абгрунтаваць сістэму шляхецкай дэмакратыі шляхам пошуку яе перадумоў у Святым Пісанні, а гістарычных каранёў — у антычнасці ўзнік сармацкі міф, які сцвярджаў, што ўсё насельніцтва Рэчы Паспалітай уяўляе сабой нашчадкаў двух розных народаў: шляхта — гэта нашчадкі слаўных «заваёўнікаў»: сарматы па крыві, высакародныя і слаўныя паводле сваіх прыродных якасцей; просты ж люд — гэта нашчадкі «заваяваных» плямёнаў: плебс і «быдла». Гэтым тлумачылася паўнапраўе шляхты і падпарадкаванае становішча астатніх слаёў насельніцтва. Безумоўна, сарматызм, на першы погляд, мае адценне дзяржаўнай ідэалогіі, але насамрэч такой не з'яўляецца, паколькі раз'ядноўвае народ, які жыве ў межах адной дзяржавы, і не можа быць кансалідующим фактарам.

XIX ст. звязана ў гісторыі з фарміраваннем буржуазных нацый, а таксама складаннем перадумоў станаўлення сучасных нацыянальных дзяржаў. Для беларускай нацыі вырашальным становіцца канец XIX – пачатак XX ст., калі выпявае айчынная інтэлігенцыя, афармляецца беларуская нацыянальная ідэя, непарыўна звязаная з традыцыямі старажытнай, з часоў першых дзяржаўных утварэнняў IX–XIII стст., дзяржаўнасці, асэнсаваннем сваёй нацыянальнай самабытнасці, а таксама трывалай статутнай прававой традыцыяй [2, с. 168]. Аб існаванні самастойнай беларускай нацыі і яе праве на самавызначэнне ўпершыню загаварылі чальцы студэнцкай народніцкай групы «Гоман» у 1884 г. Паступова афармляліся ідэі неабходнасці дэмакратычных пераўтварэнняў, свабоды, сацыяльнай роўнасці (БСГ), каштоўнасці нацыянальнай мовы і культуры, якія стануць падмуркам для стварэння беларускай нацыянальнай дзяржавы.

Першай спробай стварэння такой дзяржавы становіцца Беларуская Народная Рэспубліка (1918 г.). Але хутка пасля заканчэння Першай сусветнай вайны абвешчаецца дзяржава на савецкай аснове — Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусь. Нейкі час беларуская культура развівалася «ў цяні» іншых культур, з чым звязаны складанасці выпрацоўкі нацыянальнай ідэі. Гістарычныя рэаліі садзейнічалі таму, каб Беларусь была часткай вялікага палітычнага і культурнага арганізма, — СССР.

Сапраўды, якая новай становіцца перыяд пасля абвешчэння суверэнітэту і стварэння Рэспублікі Беларусь. Працэсы арганізацыі ўнутрыдзяржаўнага жыцця эпохі незалежнасці звязаны з усведамленнем нацыянальна-дзяржаўных інтарэсаў і фарміраваннем палітычнай эліты дзяржаўніцкага тыпу, арыентаванай на абарону нацыянальных інтарэсаў [2, с. 257]. Менавіта тады на дзяржаўным узроўні фарміруецца запыт аб афармленні новай ідэалогіі, якая з'яўляецца важнейшай атрыбутыўнай прыкметай дзяржавы, якая выконвае функцыю мабілізацыі волі і намаганняў нацыі на забеспячэнне яе самазахавання і дынамічнага развіцця [4, с. 60]. І тут мы зноў звяртаемся да неабходнасці грунтавання дзяржаўнай ідэалогіі на адметнай нацыянальнай ідэі, адсутнасць якой можа прывесці да пранікнення чужых ідэалогій, якія не адпавядаюць асаблівасцям нацыянальнага светаўспрымання, светаадчування, мэтам развіцця дзяржавы і грамадства.

У 2003 г. у Беларусі быў узяты курс на пабудову ўсвядомленай ідэалагічнай палітыкі, якая будзе адпавядаць рэаліям сучаснасці з мэтай фарміравання нацыянальнай самасвядомасці і згуртаванасці грамадства. У прыярытэт былі ўзведзены каштоўнасці народа, а ў выпадку адпаведнасці ім міжнародных стандартаў была ўстаноўлена канцэпцыя іх прыняцця. Распрацоўка канцэпцыі ідэалагічнага забеспячэння інавацыйнага развіцця

Беларусі была зроблена ў рэчышчы цывілізацыйнай і мадэрнізацыйнай парадыгмаў, канцэпцый сацыяльнага дабрабыту і справядлівасці. Найбольш універсальным бачыўся падыход, пры якім нацыянальная ідэя стаіць на трох кітах: любоў да Айчыны, гістарычная памяць, грамадзянскі абавязак. Але на пачатку 2000-х гг. агульная нацыянальная ідэя так і не склалася.

У сітуацыі, якая склалася на сённяшні дзень, актуалізуецца праблема вылучэння новай нацыянальнай ідэі, якая будзе адпавядаць патрэбам сучаснага этапу развіцця беларускага грамадства, яго прававой сферы, заснаванай на нацыянальных каштоўнасцях, «дазваляючай народу і дзяржаве сцвярджаць сваю ідэнтычнасць, пазбягаць сацыяльна-псіхалагічнай і культурнай залежнасці ад вонкавых цэнтраў уплыву, быць абароненым ад дэструктыўнага ідэалагічнага і інфармацыйнага ўздзеяння, захоўваць гістарычную памяць, прытрымлівацца сваіх ідэалаў і захоўваць вернасць сваім каштоўнасцям і святыням» (пераклад наш. — *В.Л., М.П.*) [5, с. 198].

У сваю чаргу, вылучэнне абноўленай нацыянальнай ідэі мае на ўвазе рэалізацыю комплексу мер, у тым ліку наступных:

– на навукова-тэарэтычным, філасофскім і канстытуцыйным узроўнях павінна быць прызнана, што нацыянальная ідэя выступае неад’емным элементом функцыянавання дзяржавы, рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі, фарміравання дзяржаўна-прававой сферы;

– развіццё і падтрымка беларускай нацыянальнай культуры, вызначэнне, фармуляванне і замацаванне стратэгічных мэт і задач рэалізацыі культурнай палітыкі, яе ключавых прынцыпаў і напрамкаў у прававых дакументах. Прычым гэтыя дакументы павінны ўлічваць той факт, што «...дзяржаўная культурная палітыка заклікана забяспечыць прыярытэтнае культурнае і гуманітарнае развіццё як аснову эканамічнага росквіту, дзяржаўнага суверэнітэту і цывілізацыйнай самабытнасці краіны» (пераклад наш. — *В.Л., М.П.*) [5, с. 195].

У якасці асноўных мэт культурнай дзяржаўнай палітыкі могуць быць вылучаны:

а) захаванне культурнай, гістарычнай спадчыны, яе выкарыстанне для выхавання і адукацыі;

б) усебаковая дзяржаўная падтрымка развіцця і пашырэнне сферы ўжытку беларускай мовы;

в) умацаванне этнічнай і грамадзянскай ідэнтычнасці, самаідэнтычнасці;

г) кансалідацыя беларускага грамадства з дапамогай прыярытэтнага гуманітарнага і культурнага развіцця;

д) стварэнне аптымальных умоў для ўсебаковага, гарманічнага выхавання і развіцця асобы.

Такім чынам, сёння фармуляванне новай нацыянальнай ідэі і фарміраванне комплекснай дзяржаўнай палітыкі ўсебаковай яе падтрымкі становіцца неабходным. Нацыянальная ідэя павінна ў поўнай меры адлюстроўваць асаблівасці нацыянальнага светаўспрымання, гістарычнага шляху і магчымых перспектыв прагрэсіўнага развіцця беларускага грамадства і дзяржавы.

-
1. Булгакаў В. Гісторыя беларускага нацыяналізму. Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2006. 326 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Вішнеўская І. У. Палітычная і прававая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый (IX – пачатак XXI стст.) : манаграфія. Мінск : Тэсей, 2008. 296 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Лескінен М. В. Міфы і вобразы сарматызму. Вытокі нацыянальнай ідэалогіі Рэчы Паспалітай. М. : Ін-т славяназнаўства РАН, 2002. 178 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Мельник В. Идеино-ценностная основа общества. Идеология белорусского государства в тезисном изложении // Беларуская думка. 2015. № 6. С. 60–66. [Вернуться к статье](#)
 5. Сальников В. П., Романовская Л. Р., Довгань Н. И. Гуманитарный суверенитет и идеологическая функция государства // Юрид. наука: история и современность. 2016. № 9. С. 193–200. [Вернуться к статье](#)

УДК 94(476):331.108

НЕПРАВАМЕРНЫЯ ДЗЕЯННІ ПАСАДАВЫХ АСОБ САВЕЦКАЙ
БЕЛАРУСІ Ў 1970–1980-я гг.

І. А. Пушкін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій,
дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт
e-mail: ihar.pushkin.st@gmail.com

Анотацыя. У артыкуле прыведзены факты неправамерных дзеянняў пасадавых асоб Савецкай Беларусі ў 1970–80-я гг. Зроблена выснова, што прасочвалася тэндэнцыя не да скарачэння, а да павелічэння колькасці крадзяжоў, падману і злоўжыванняў улады ў асяроддзі кіруючых кадраў.

Ключавыя словы: Савецкая Беларусь, БССР, кадры, службовыя асобы, неправамерныя дзеянні, крадзяжы, прыпіскі.

Annotation: The article presents the most common facts of illegal actions of officials of Soviet Belarus in the 1970s–80s. It is concluded that there was a tendency not to reduce, but to increase the number of theft, deceit and abuse of power among the leading cadres.

Keywords: Soviet Belarus, BSSR, personnel, officials, illegal actions, theft, change control information.

Наша мэта — прааналізаваць неправамерныя паводзіны кіруючых кадраў у эканоміцы БССР у 1970-я – першай палове 1980-х гг., дзеянні і паводзіны, якія не толькі адхіляліся ад агульнапрынятых, найбольш распаўсюджаных і ўстойлівых грамадскіх нормаў, але мелі супрацьпраўны характар і аказалі істотны ўплыў на фарміраванне прававой культуры беларускага грамадства. Фарміраванне прававой культуры ў савецкіх грамадзян, неправамерныя дзеянні пасадавых асоб разглядаліся шэрагам даследчыкаў у СССР і Беларусі [1–11].

Варта падкрэсліць, што намі прааналізаваны толькі факты, якія мелі шырокі грамадскі рэзананс і іх немагчыма было схваць ад грамадскасці. Шматлікія факты па ідэалагічных прычынах замоўчваліся і не даводзіліся да ведама грамадзян.

У 1972 г. сакратар Віцебскага абласнога камітэта Камуністычнай партыі Беларусі (АК КПБ), выступаючы на абласным пленуме КПБ, адзначыў факты «хозяйственного обрательства и использования служебного положения в личных целях» [12, арк. 17]. Сакратар Магілёўскага абкама КПБ, падводзячы вынікі працы за 1976–77 гг., падкрэсліў: «За два года освобождено от занимаемых должностей 80 работников номенклатуры обкома КПБ, которые утратили авторитет недостойным поведением и по своим деловым и моральным качествам не могли больше оставаться на ответственных должностях... Много фактов, когда

отдельные “горе-руководители” говорили одно, провозглашали с трибуны о высоких моральных качествах, а делали совсем другое, по уши влезали в грязь стяжательства, теряли совесть, запускали руку в государственный карман» [13, арк. 127–129].

Аналіз матэрыялаў АК КПБ дазволіў выявіць негатыўныя аспекты ў складзе і фарміраванні кадравага складу БССР у 1970–80-я гг. Прыпіскі, ашуканства, крадзеж дзяржаўных сродкаў і ўласнасці мелі месца на прамысловых прадпрыемствах, прадпрыемствах транспарту, гандлю, у будаўнічых арганізацыях і г. д. Падобнае назіралася і ў іншых рэгіёнах СССР. Праваахоўнымі структурамі з дапамогай кантрольных органаў былі выяўлены нават факты арганізаванай і карумпіраванай злачыннасці. Найбольш вядомы ў БССР так званыя мінская і аршанская справы [2, с. 71; 10, с. 95].

Адной з найбольш хвалюючых грамадства праблем была жыллёвая. Пытанні неправамернага размеркавання жыллёвага фонду пастаянна ўздымаліся савецкімі грамадзянамі падчас сходаў у працоўных калектывах, індывідуальных або калектывных зваротах у вышэйстаячыя органы ўлады. Партыйна-савецкае кіраўніцтва рэагавала на звароты, прымала меры, але злоўжыванні працягваліся. У людзей на побытавым узроўні сфарміравалася думка аб тым, што каб вырашыць пытанне аб паляпшэнні сваіх жыллёвых умоў, неабходна даваць хабар чыноўнікам жыллёвых аддзелаў гар- і райвыканкамаў.

Спробы адміністрацыйнага кантролю не заўжды давалі належных вынікаў таму, што негатыўныя тэндэнцыі назіраліся і сярод партыйна-савецкага кіраўніцтва. У 1970–71 гг. за праяўленую нясціпласць пры вырашэнні жыллёва-кватэрных пытанняў былі пакараныя ў рознай меры старшыні Касцюковіцкага, Клімавіцкага, Хоцімскага райвыканкамаў Магілёўскай вобласці. У 1975 г. інспектарская група ЦК КПБ выявіла неабгрунтаваную замену кватэр адказнымі работнікамі Магілёўскага аблвыканкама і абкама КПБ [9, с. 28]; у Гомельскай вобласці за злоўжыванні былі вызвалены ад займаемай пасады намеснік старшыні аблвыканкама, старшыня Гомельскага гарвыканкама, намеснік старшыні Гомельскага гарвыканкама, другі сакратар Мазырскага РК КПБ і інш. [14, арк. 55]. У 1979 г. на пасяджэнні бюро Гомельскага АК КПБ у чарговы раз разглядалася пытанне аб злоўжываннях некаторых кіруючых работнікаў Гомельскай вобласці [15, арк. 2–7].

На розных партыйна-савецкіх і гаспадарчых форумах неаднаразова падкрэслівалася, што найважнейшай якасцю, якая характарызуе маральнае аблічча кіраўніка, з’яўляецца праўдзівасць. Але на практыцы адзначаліся не адзінкавыя факты, калі кіруючыя работнікі, каб стварыць уражанне ўяўнага дабрабыту, станавіліся на шлях падману дзяржавы, прыпісак і ашуканства, у выніку — незаконныя выплаты прэмій, напрыклад на Магілёўскім

мясакамбінаце і Магілёўскім ліфтабудаўнічым заводзе. Прычым на апошнім толькі за 1977–1978 гг. незаконна выплацілі 120 тыс. рублёў прэмій: амаль тысячу атрымаў дырэктар завода, а сакратар партыйнага камітэта завода — 1 тыс. 103 руб. [9, с. 28]. Паводле звестак пракуратуры, прыпіскі да плана здабычы нафты ў 1972 г. былі арганізаваны начальнікам аб'яднання «Беларуснафта», а выканаўцамі сталі начальнік і галоўны інжынер упраўлення «Рэчыцанафта». У выніку прыпісак незаконна было выплачана прэмій адказным работнікам аб'яднання «Беларуснафта» і «Рэчыцанафта» — 11 тыс. 700 руб. [16, арк. 18–20].

У першай палове 1970-х гг. калектыўнымі крадзяжамі дзяржаўных сродкаў шляхам складання фіктыўных працоўных пагадненняў займаліся ў вытворчым аб'яднанні (далей — ВА) «Бабруйсксельмаш». У ліку ініцыятараў былі намеснік генеральнага дырэктара аб'яднання, начальнікі планавага і вытворчага аддзелаў, выконваючы абавязкі галоўнага бухгалтара. Доўгі час у будаўнічым упраўленні № 58 трэста «Лаўсанбуд» (г. Магілёў) дзейнічала група раскрадальнікаў, у якой адным з актыўных удзельнікаў з'яўляўся сам начальнік гэтага ўпраўлення [9, с. 27]. У 1982 г. у крадзяжах дзяржаўнай маёмасці пракуратура БССР абвінавачвала былога генеральнага дырэктара ВА «Бабруйскшына» (1978–1982) [17, арк. 80].

За 1971–1975 гг. органамі народнага кантролю за прыпіскі і падман дзяржавы ў Магілёўскай вобласці былі прыцягнуты да адказнасці 644 пасадавыя асобы [9, с. 28]. У Віцебскай вобласці за 1975–1980 гг. больш за 100 кіраўнікоў за розныя злоўжыванні атрымалі спагнанні па лініі КПСС, 27 былі вызвалены ад займаемых пасадак. У наступны перыяд сітуацыя ў вобласці толькі пагаршалася. Так, толькі за 1981 г. былі прыцягнуты да крымінальнай адказнасці 138 кіраўнікоў [18, арк. 86].

У 1984 г. былі зафіксаваны парушэнні дзяржаўнай і фінансавай дысцыпліны дырэкцыяй Беларускага металургічнага завода, [19, арк. 101–103]. 15 сакавіка 1984 г. за крадзеж будаўнічых матэрыялаў узбудзілі крымінальную справу ў дачыненні да дырэктара механічнага завода ВА «Бабруйскшына». У мэтах узмацнення барацьбы з крадзяжамі ў 1984 г. у штат аддзела па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці (АБКСУ) Першамайскага РАУС г. Бабруйска быў уведзены спецыяльны работнік толькі для аператыўнага абслугоўвання аднаго ВА «Бабруйскшына» [20, арк. 4–7].

Органы дзяржаўнай статыстыкі Магілёўскай вобласці ў другім паўгоддзі 1985 г. правярылі 442 прадпрыемствы і арганізацыі. Прыпіскі і скажэнні справаздачнасці былі на 33,7 % правяраных прадпрыемствах і арганізацый [21, арк. 27–28]. У 1987 г. кантрольна-рэвізійным упраўленнем Міністэрства фінансаў БССР прыпіскі і скажэнні справаздачнасці выявілі на 68 (54,8 %)

з 124 прадпрыемстваў і арганізацый, факты незаконнай выплаты прэмій — на 46 (37,1 %) [22, арк. 214].

На фарміраванне прававой культуры грамадства ўплывалі і такія фактары, як неналежныя патрабаванні і адсутнасць высокай прынцыповасці пры адзнацы неправамерных дзеянняў пасадавых асоб. Часта замена кіруючых работнікаў уяўляла простую механічную перастаноўку кадраў. Так, дырэктар Магілёўскага камбіната будаўнічых матэрыялаў займаўся прыпіскамі і ашуканствам. Яго вызвалілі ад працы «па ўласным жаданні» і тут жа прызначылі дырэктарам Магілёўскага аб'яднання па хімчыстцы і лазнева-пальнаму абслугоўванню. У трэсце «Магілёўсельбуд» у свой час за прыпіскі, крадзеж будаўнічых матэрыялаў і іншыя злоўжыванні быў зняты з працы начальнік ПМК-58. Вельмі хутка ён быў прызначаны начальнікам вытворчага аддзела, а потым і галоўным інжынерам ПМК-44 [9, с. 27]. Намеснік начальніка ўпраўлення мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці быў вызвалены ад пасады за злоўжыванне службовым становішчам, але адразу быў прызначаны дырэктарам хімзавода, затым намеснікам генеральнага дырэктара ВА «Хімпласт», а ў пачатку 1972 г. быў рэкамендаваны на пасаду дырэктара завода жалезабетонных вырабаў трэста «Віцебскаблсельбуд» [12, арк. 14–15]. На працягу 1971–1972 гг. у Магілёўскім абласным вытворчым аб'яднанні малочнай прамысловасці былі зняты з пасады 9 дырэктараў прадпрыемстваў, але ім адразу знайшлі іншую кіруючую працу [23, арк. 15]. У кастрычніку 1974 г. за хабар, спекуляцыю і злоўжыванне службовым становішчам быў арыштаваны і ў ліпені 1975 г. асуджаны на 6 год пазбаўлення волі дырэктар аб'яднання па продажы мэблі Гомельскага гарпрамгандлю. Нягледзячы на тое, што была ўзбуджана крымінальная справа, яго рэкамендавалі і выбралі дэпутатам гарадскога савета [24, арк. 132–134].

Такім чынам, у Савецкай Беларусі ў 1970–1980-я гг. прасочвалася тэндэнцыя не да скарачэння, а да павелічэння колькасці растрат і крадзяжоў, у выніку чаго народнай гаспадарцы наносіўся вялікі матэрыяльны ўрон. Шматлікія факты прыпісак і ашуканства ставяць пад сумненне дакладнасць справаздачных лічбаў аб выкананні планаў і праграм эканамічнага развіцця БССР. За ўвесь час пабудовы сацыялізму і камунізму партыйна-савецкае кіраўніцтва так і не вырашыла праблему ашуканства і крадзяжоў у асяроддзі кіруючых кадраў. У шэрагу гарадоў і раёнаў памяркоўна адносіліся да тых работнікаў, якія скампраментавалі сябе і ім вельмі часта знаходзілі новыя кіруючыя пасады. Усё гэта выклікала сацыяльную напружанасць у грамадстве, незадавальненне насельніцтва дзейнасцю органаў улады і кіравання, міліцыяй рэспублікі. Партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва губляла аўтарытэт, што разам з эканамічнымі праблемамі прывяло да распаду СССР.

1. Агееў А. Р. Карупцыйныя праявы на прамысловых прадпрыемствах усходніх рэгіёнаў БССР у 1956–1970 гадах і меры іх прадухілення // Карупцыйныя рызыкі кадравага патэнцыяла Беларусі : зб. навук. арт. / уклад. Ю. М. Бубнаў, І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. Магілёў : МДУХ, 2019. С. 21–31. [Вернуться к статье](#)
2. Барвінок К. І., Саракавік І. А. Кадровая палітыка ў сістэме МУС Беларусі ў 60–80-х гадах ХХ ст. // Весці НАНБ. Сер. гуманітар. навук. 2005. № 4. С. 69–75. [Вернуться к статье](#)
3. Борьба с должностными преступлениями : сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности. М. : [б. и.], 1977. 176 с. [Вернуться к статье](#)
4. Бубнов Ю. М. Социологические очерки мздоимства. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. 256 с. [Вернуться к статье](#)
5. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М. : Юрид. лит., 1986. 224 с. [Вернуться к статье](#)
6. Галахова А. В. Превышение власти или служебных полномочий. М. : Юрид. лит., 1978. 185 с. [Вернуться к статье](#)
7. Папиашвили Ш. Г. Должностные преступления в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике. Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1988. 302 с. [Вернуться к статье](#)
8. Повышение эффективности борьбы с хищениями социалистического имущества и должностными преступлениями : сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1987. 159 с. [Вернуться к статье](#)
9. Пушкін І. А. Кадровая палітыка партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР у 1970-я гг. (на прыкладзе Віцебскай і Магілёўскай абласцей) // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі. 2018. № 2. С. 25–30. [Вернуться к статье](#)
10. Пушкін І. А. Вытокі карупцыі і злоўжыванняў уладай у савецкім мінулым (на прыкладзе Беларусі) // Українознавчий альманах. Вип. 24. Київ, 2019. С. 93–100. [Вернуться к статье](#)
11. Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. Киев : Наук. думка, 1978. 303 с. [Вернуться к статье](#)
12. Протокол XI пленума Витебского ОК КПБ 28–29.11.1972 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). Ф. 1-п. Воп. 124. Спр. 8. [Вернуться к статье](#)
13. Протокол № 11 заседания пленума Могилевского обкома КПБ от 19.04.1978 г. // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМаг). Ф. 9. Воп. 159. Спр. 109. [Вернуться к статье](#)
14. Протокол XIX Гомельской областной партийной конференции (1975) // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці (ДАГАГом). Ф. 144. Воп. 144. Спр. 1. [Вернуться к статье](#)
15. Записка партийной комиссии при ЦК КПБ // ДАГАГом. Ф. 144. Воп. 153. Спр. 111. [Вернуться к статье](#)
16. Письмо прокуратуры БССР в Гомельский ОК КПБ от 30.08.1974 г. // ДАГАГом. Ф. 144. Воп. 142. Спр. 36. [Вернуться к статье](#)
17. Информация прокурора БССР // ДАГАМаг. Ф. 9. Воп. 170. Спр. 80а. [Вернуться к статье](#)

18. Протокол VII пленума Витебского областного комитета КПБ. 02.09.1982 г. // ДАВц. Ф. 1-п. Воп. 154. Спр. 11. [Вернуться к статье](#)
19. Письмо Стройбанка и Облфо в Гомельский ОК КПБ от 07.05.1984 г. // Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГом). Ф. 1174. Воп. 8. Спр. 1682. [Вернуться к статье](#)
20. Записка о принятых мерах по борьбе с правонарушениями в ПО «Бобруйскшина» от 23.03.1984 г. // ДАГАМаг. Ф. 9. Воп. 178. Спр. 121. [Вернуться к статье](#)
21. Информация статистического управления Могилевской области от 08.01.1986 г. // ДАГАМаг. Ф. 9. Воп. 181. Спр. 115. Арк. 27–28. [Вернуться к статье](#)
22. Протокол координационного совета по упорядочиванию проверок и повышению эффективности контроля от 22.07.1987 г. // ДАГом. Ф. 1174. Воп. 8. Спр. 2022. [Вернуться к статье](#)
23. Протокол заседания бюро Могилевского ОК КПБ от 18.05.1973 г. // ДАГАМаг. Ф. 9. Воп. 151. Спр. 16. Арк. 14–16. [Вернуться к статье](#)
24. Справка о фактах неправильного поведения некоторых работников от 15.08.1975 г. // ДАГАГом. Ф. 144. Воп. 144. Спр. 37. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БЕЛОРУССКОЙ ССР ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1943–1945 ГОДАХ

Л. Т. Рекун

судья суда Новогрудского района

e-mail: kevlyak@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности Верховного Совета БССР по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах республики в 1943–1945 годах. Особое внимание уделяется изучению вклада высшего органа государственной власти в укрепление белорусской государственности, в развитие ее правовой и политической систем и послевоенное восстановление народного хозяйства.

Ключевые слова: Верховный Совет БССР, Великая Отечественная война, высший орган государственной власти, восстановление народного хозяйства, реэвакуация.

Annotation. The article is devoted to the study of the activities of the Supreme Council of the Byelorussian SSR to restore the national economy in the liberated regions of the republic in 1943–1945. Particular attention is paid to the study of the contribution of the supreme body of state power to the strengthening of the Belarusian statehood, to the development of its legal and political systems and the post-war restoration of the national economy.

Keywords: the Supreme Soviet of the BSSR, the Great Patriotic War, the supreme governmental body, restoration of the national economy, re-evacuation.

Восстановление народного хозяйства БССР в литературе принято подразделять на два периода: первый — 1943–1945 гг., второй — 1946–1950 гг. Нами для исследования избран первый период как наименее изученный в белорусской и зарубежной историографии. Особенно слабо изучена деятельность Верховного Совета БССР, как он совместно с правительством СССР и БССР решали противоречивую и двуединую задачу — «Все для фронта! Все для победы!», одновременно с восстановлением экономики в освобожденных районах. По проблеме восстановления народного хозяйства нет фундаментальных монографических исследований, в научной и учебной литературе эти вопросы отражены фрагментарно. В имеющихся публикациях, как правило, содержатся статистические данные о количестве восстановленных фабрик, заводов, колхозов и т. д., но в них мало сведений об органах власти, каким образом они налаживали жизнь освобожденных районов, как снабжали население питанием, жильем, медицинским и бытовым обслуживанием.

Актуальность статьи состоит в том, чтобы восполнить отмеченные пробелы, раскрыть деятельность высшего органа государственной власти БССР

по восстановлению экономики в освобожденных районах, материальных и культурных основ жизни белорусских граждан в единстве с насущным требованием времени — «Все для фронта! Все для победы!».

В сентябре 1943 года Красная армия вступила на территорию Беларуси, в ноябре этого же года освободила Гомель. 3 июля 1944 года был освобожден Минск, а к августу вся территория БССР была очищена от немецко-фашистских оккупантов. Состояние освобожденных районов Беларуси было ужасающим. В руинах лежали 209 из 270 городов и райцентров, в 1944 году экономика Беларуси была отброшена к уровню 1928 года, а в сфере промышленности и энергетики — к уровню 1913 года. Материальные потери составили колоссальную сумму 75 млрд рублей, или 35 бюджетов БССР 1940 года. В республике не хватало самого необходимого: жилья, продуктов питания, больниц, — были разрушены железные дороги, предприятия, школы, в полном упадке находилось сельское хозяйство. Предстоял огромный объем работ по восстановлению разрушенных войной экономики и социальной сферы Беларуси [1].

Верховному Совету БССР приходилось налаживать жизнь республики с чистого листа. Не хватало продовольствия, поэтому была введена система карточек, не было необходимого для начала учебного года в школах, предстояло восстановление разрушенных городов, деревень, возвращение культурных ценностей. Однако главным оставался вопрос о восстановлении народного хозяйства республики. Для восстановления экономики БССР в послевоенный период имели важное значение решения Крымской и Потсдамской конференций 1945 года о том, что СССР, включая БССР, должна получать репарационные поставки из Германии (положение о репарациях) [2, с. 427].

Первоочередные меры восстановительных работ были определены постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 года и «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» от 1 января 1944 года [3; 4]. В постановлениях правительства были определены основные источники материальной базы восстановления хозяйства Беларуси: централизованные поставки из союзных фондов; эвакуации оборудования белорусских предприятий, вывезенных в начале войны; помощь братских народов СССР. Следует отметить, что в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года не упоминалась БССР, потому что освобождение ее территории произошло позднее, начиная с сентября 1943 года. Союзным правительством было принято отдельное постановление от 27 декабря 1943 года.

Верховный Совет и СНК БССР восстановление хозяйства начали с возрождения органов государственной власти и управления. Не дожидаясь

освобождения всей территории республики, Президиум Верховного Совета БССР переехал из Москвы в освобожденный Гомель уже через месяц. Вместе с Президиумом Верховного Совета БССР возвращался в Беларусь СНК БССР и Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, которые возобновили свою деятельность в полном объеме. Для этого была проведена большая работа: подыскано и приведено в порядок место проведения сессии Верховного Совета БССР (так как большая часть сооружений была разрушена); разосланы приглашения депутатам, с которыми была налажена связь; установлено место нахождения депутатов, связь с которыми была потеряна в военный период; организована возможность проезда к месту проведения сессии; организовано питание депутатов, место проживания и многое другое. Всеми организационными вопросами начал заниматься штат Президиума Верховного Совета БССР, находясь еще в эвакуации, в Москве.

В разрушенном Гомеле, в клубе здания фабрики «Везувий» 21–24 марта 1944 года состоялась шестая сессия Верховного Совета БССР (первая за время войны — *Л. Т.*) [5, с. 74]. На сессии были обсуждены первоочередные вопросы борьбы белорусского народа против немецких захватчиков, восстановления системы местных органов власти и управления, экономики, налаживания жизни и быта населения. Верховным Советом БССР были созданы два новых союзно-республиканских народных комиссариата — обороны и иностранных дел. В связи с предстоящими огромными восстановительными работами и для приближения органов государственного управления к людям Верховный Совет признал необходимым образовать Бобруйскую, Гродненскую и Полоцкую области. Сессия рассмотрела и утвердила отчет об исполнении бюджета за 1940–1941 годы, приняла законы о бюджете республики на 1944 год. Бюджет предусматривал расходы в основном на восстановление народного хозяйства, социально-культурных учреждений в освобожденных районах и составил 429 млн 474 тыс. руб. Эти ассигнования по бюджету на протяжении года возрастали по мере дальнейшего освобождения территории БССР и развертывания мероприятий по восстановлению народного хозяйства. Сумма государственного бюджета складывалась из дотаций из союзного бюджета, отчислений от налогов и сборов, отчислений от государственных займов, доходов местных бюджетов и прочих доходов. Собственные доходы бюджета были небольшие, потому что многое было разрушено. Основной была дотация из союзного бюджета [6, с. 175–179].

В июле 1944 года органы высшей власти и управления БССР вернулись в Минск и продолжили свою деятельность уже на территории освобожденной столицы БССР [7, с. 87].

Руководствуясь решениями Верховного Совета БССР, правительство республики по мере освобождения территории оперативно решало первоочередную задачу по созданию системы местных органов власти в областях, городах, районах и на селе. Местные органы власти и управления активно включались в процесс восстановления разрушенного войной хозяйства, они брали на учет материальные и людские ресурсы, людей, нуждающихся в жилье, в предметах первой необходимости, помогали их трудоустройству, в налаживании быта и приведения в порядок разрушенных населенных пунктов. Архивные материалы свидетельствуют о напряженной работе правительства БССР в 1943–1945 годах. Были рассмотрены и приняты решения по широкому кругу вопросов: о возобновлении деятельности органов государственной власти и управления, хозяйственных и культурных учреждений; о ликвидации последствий оккупации; о снабжении населения необходимыми строительными материалами, простейшими сельскохозяйственными орудиями (косами, топорами, лопатами и т. д.); об оказании помощи инвалидам войны и семьям, утеревшим кормильцев.

СНК БССР первоочередное внимание уделяло восстановлению тех предприятий промышленности, продукция которых была нужна фронту. Для восстановления экономики требовались огромные ресурсы и на помощь пришло союзное правительство, которое, несмотря на тяжелое военное время, сумело отыскать необходимые ресурсы на восстановительные работы.

Строительство и ремонт жилья, переселение людей из землянок и подвалов правительство республики отнесло к безотлагательным мерам. СНК БССР изыскивало также значительные ресурсы для восстановления лечебных учреждений, школ. Противоречиво проходило восстановление сельского хозяйства Беларуси. С одной стороны, союзное правительство и правительство республики оказывали значительную помощь в возрождении белорусской деревни [3]. С другой стороны, сельское хозяйство, как и в 20–30-е годы, рассматривалось в качестве источника получения средств для обороны и промышленности.

Верховный Совет и правительство СССР и БССР принимали действенные меры по улучшению благосостояния населения освобожденных районов, понимая, что от людей зависит восстановление разрушенного войной хозяйства. СНК БССР в 1944 году установил пенсии инвалидам и с утерей кормильца. В 1943–1945 годах при правительстве было создано Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан.

Правительство БССР многое сделало для помощи детям-сиротам, детям-инвалидам и больным детям (бесплатное горячее питание, одежда, обувь, обучение, медицинское обслуживание). Для детей воинов Красной армии

и партизан, детей-сирот были открыты суворовское военное училище, ремесленные училища, организовано обучение рабочим специальностям.

Таким образом, Верховный Совет БССР и СНК БССР, решая трудные и сложные задачи восстановления промышленности и сельского хозяйства, сумели отыскать значительные материальные ресурсы для улучшения благосостояния населения освобожденных районов, открытия школ, сети здравоохранения, для оказания первоочередной помощи детям-сиротам и детям-инвалидам. Союзными республиками в БССР были направлены эшелоны с самыми необходимыми товарами, материалами и оборудованием. В Беларусь по трудовому набору было направлено значительное число высококвалифицированных кадров: инженеров, техников, квалифицированных рабочих, служащих, которые внесли значительный вклад в восстановление белорусских предприятий.

Восстановление экономики, налаживание жизни людей на освобожденных территориях Беларуси были одними из самых грандиозных советских проектов послевоенной эпохи, свершенных благодаря общим усилиям властей и населения в кратчайшие сроки.

1. Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси [Электронный ресурс] // Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь. URL: <https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/velikaya-otechestvennaya-vojna-belarus/istoriya-vojny-obzorg-sobytij/posledstviya-velikoj-otechestvennoj-vojny-dlya-belarusi> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Берлинская (Потсдамская) конф. руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 17 июля – 2 авг. 1945 г. : сб. документов : в 6 т. / М-во иностр. Дел СССР. М. : Политиздат, 1984. Т. 6 511 с. [Вернуться к статье](#)

3. О неотложных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации [Электронный ресурс] : постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, 21 авг. 1943 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/257649-postanovlenie-sovnarkoma-sssr-i-tsk-vkp-b-o-neotlozhnyh-merah-po-vostranovleniyu-hozyaystva-v-rayonah-osvobozhdennyh-ot-nemetskoy-okkupatsii-21-avgusta-1943-g> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии [Электронный ресурс] : постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, 01 янв. 1944 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/281175> (дата обращения: 01.03.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 347. [Вернуться к статье](#)

6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 968. Оп. 1. Д. 8.

[Вернуться к статье](#)

7. Кевляк Л. Т. Состав и структура Президиума Верховного Совета БССР в годы Великой Отечественной войны // Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Омск, 2015 г. : сб. материалов / редкол.: М. Н. Шевченко (отв. ред.) [и др.]. Омск : ОмГМУ, 2015. С. 84–89. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.82 (476)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ АРЕСТАНТСКИХ ОТДЕЛЕНИЯХ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В НАЧАЛЕ XX в.**

С. Н. Чайкин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин,
кандидат исторических наук
e-mail: chaikina9@gmail.com

Аннотация. На основе изучения архивных данных исследуется процесс правового регулирования в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. исполнения уголовного наказания в виде заключения в исправительные арестантские отделения. Определяются причины создания этих учреждений и специфика правовой регламентации их деятельности, направленной на обеспечение трудовой занятости осужденных. Оцениваются результаты деятельности исправительных арестантских отделений в начале XX в. на белорусских землях.

Ключевые слова: Российская империя, белорусские земли, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление, исправительное арестантское отделение.

Annotation. Based on the study of archival data, the process of legal regulation in the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries is being investigated the execution of criminal punishment in the form of imprisonment in correctional detention units. The reasons for the establishment of these institutions and the specifics of the legal regulation of their activities aimed at ensuring the employment of convicted persons are determined. The results of correctional detention units at the beginning are evaluated of the 20th century on Belarusian lands.

Keywords: the Russian Empire; the Belarusian lands; the prison reform of 1879; the General Directorate of the Corps of Prison; the correctional detention unit.

В процессе развития правовой системы на территории Беларуси важное значение имело становление комплекса правовых норм, обеспечивающих осуществление на белорусских землях правоохранительной деятельности. Одним из определяющих этапов развития законодательного регулирования деятельности правоохранительных органов явился период нахождения белорусских земель в составе Российской империи. В это время юридическое оформление, наряду с функционированием полиции, получила и деятельность исполняющей уголовные наказания пенитенциарной системы. В конце XIX – начале XX вв. в состав обеспечивающих ее деятельность мест лишения свободы, кроме тюрем, входили также арестные дома и исправительные арестантские отделения. Однако если деятельности указанных мест заключения были посвящены

работы российских историков как дореволюционного, так и современного периодов, то исследований правового регулирования отбывания наказания в арестных домах и исправительных арестантских отделениях на белорусских землях до настоящего времени не проводилось.

Возникновение и развитие системы исправительных арестантских отделений, а также правовое регулирование деятельности этих учреждений, начавшееся в третьей четверти XIX в., были обусловлены необходимостью совершенствования одного из важнейших направлений деятельности пенитенциарной системы — организации труда осужденных к лишению свободы. Накануне тюремной реформы 1879 г. труд заключенных в местах лишения свободы практически не развивался, в связи с отсутствием в переполненных тюрьмах мест для открытия производственных мастерских и незначительной штатной численностью тюремных служащих — как руководящего состава, так и тюремных надзирателей.

31 марта 1870 г. Мнением Государственного совета в учрежденных с 1827 г. арестантских ротах гражданского ведомства — местах лишения свободы, предназначенных для «исправления людей низших состояний» с привлечением их к общественным работам, было упразднено несение службы военными служащими «ротной стражи» и отменено управление этими учреждениями ротными командирами военного ведомства. Вместо служащих военного ведомства в указанных учреждениях вводился штат тюремных надзирателей по вольному найму, а их начальствующий состав назначался из числа чиновников тюремного ведомства, подчинявшихся Министерству внутренних дел. Арестантские роты при этом переименовывались в исправительные арестантские отделения [1, с. 340, 341].

Особенностью развития пенитенциарной системы на белорусских землях стало отсутствие в регионе на протяжении XIX в. арестантских рот гражданского ведомства, в связи с чем до 1908 г. на территории Беларуси исправительные арестантские отделения учреждены не были [2, л. 100]. В 1908 г. первое исправительное отделение на белорусских землях было учреждено в городе Ошмяны Виленской губернии, а в марте 1912 г. такое же отделение было создано в селе Струнь Полоцкого уезда Витебской губернии на базе Струнской тюрьмы [3, с. 14; 4, л. 20].

После тюремной реформы 1879 г. законом «О занятии арестантов работами» от 6 января 1886 г. и «Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1890 г. был регламентирован порядок привлечения заключенных исправительных арестантских отделений к труду. Направлению в исправительные арестантские отделения подлежали лица мужского пола не моложе семнадцати и не старше шестидесяти лет после освидетельствования «на предмет

пригодности их к работам» [5, с. 188]. Работы, производимые заключенными, осуществлялись как в мастерских исправительных отделений, так и за их пределами.

Для стимулирования производительности труда осужденных в исправительных отделениях законом определялся размер его оплаты, составлявший «три десятых от дохода за выполненные ими работы». Половину этой суммы заключенные могли расходовать на собственные нужды либо передавать своим близким, а вторая половина выдавалась им после освобождения. При этом из заработной платы осужденных не удерживались суммы гражданских взысканий и судебных издержек [6, с. 10]. Заключенные, которые в течение двух лет после поступления в исправительное отделение «отличились добрым поведением, прилежанием к труду или успехами в изучении мастерства», приобретали статус «исправляющихся», привлекались к надзору за выполнением работ другими осужденными и могли рассчитывать на сокращение сроков назначенного им наказания по инициативе территориальных подразделений общероссийской благотворительной организации «Общества попечительного о тюрьмах» на основании зачета двух дней, проведенных на работах, за три дня заключения [5, с. 192, 193].

Специфика правовой регламентации деятельности исправительных арестантских отделений, направленной на обеспечение максимально возможной трудовой занятости заключенных, обусловила создание в Российской империи центральным органом управления пенитенциарной системой — Главным тюремным управлением, системы этих учреждений. Количество их с конца XIX в. до начала XX в. увеличилось незначительно — с 32 в 1870 г. до 35 в 1905 г. [1, с. 341; 7, с. 135]. Вместе с тем с начала XX в. определился устойчивый рост численности заключенных, осужденных «к отдаче в исправительные арестантские отделения». Если в 1908 г. в Российской империи это наказание было назначено в отношении 20 466 человек, то в 1910 г. — в отношении 24 980 человек, а в 1913 г. — в отношении 31 247 человек [8, с. 26; 9, с. 30]. Соответственно, определился устойчивый рост численности заключенных в исправительных арестантских отделениях. В 1894 г. их среднесуточная численность в местах заключения Российской империи составила 12 112 человек, в 1906 г. — 13 750 человек, в 1910 г. — 26 939 человек, а в 1914 г. — 37 750 человек [8, с. 31; 9, с. 30; 10, с. 540].

Значительной была численность осужденных в исправительных арестантских отделениях и на белорусских землях. В 1912 г. их количество в Струнском исправительном отделении достигло 354 человек при общей численности заключенных в шести местах лишения свободы Витебской губернии, составившей 1 017 человек [4, л. 20]. Значительным относительно численности

осужденных в уездных тюрьмах было количество заключенных и в Ошмянском исправительном отделении, составлявшее более 110 человек [3, с. 14].

Тем не менее, в отличие от тюрем, переполненности исправительных арестантских отделений заключенными в начале XX в. не произошло, в связи с тем что в 1900 г. Главным тюремным управлением было выделено 6 000 000 рублей на расширение площадей действовавших арестантских отделений [11, с. 46]. Если к концу первого десятилетия XX в. в тюрьмах Российской империи отбывало наказание 126 355 заключенных при лимите их наполнения, составлявшем 82 850 человек, то в исправительных арестантских отделениях численность осужденных составила 18 890 человек при наполняемости этих мест заключения, составлявшей 18 130 человек [11, с. 42, 46]. Наличие производственных мест в исправительных арестантских отделениях позволило эффективно организовать работу заключенных этих учреждений как в «арестантских» мастерских, так и под надзором тюремных служащих — за пределами исправительных отделений [12, с. 207, 209].

Основным видом «внешних» работ, осуществляемых осужденными исправительных арестантских отделений на белорусских землях, стали работы по заготовке и обработке леса. В 1913 г. в Струнском исправительном отделении на эти работы в летнее время ежедневно выводилось не менее 100 человек, а в 1914 г. — до 140 человек [13, с. 23; 14, с. 187]. Заработок от этих работ составлял более 80 копеек в сутки [14, с. 188]. Достаточно развиты лесопильные работы были и в Ошмянском исправительном отделении [15, с. 313]. Значительное место в годовом заработке заключенных исправительных отделений на белорусских землях занимали строительные работы, работы по транспортировке грузов и сельскохозяйственные работы, осуществляемые заключенными у местных помещиков. Например, в 1913 г. осужденные Струнского исправительного отделения в количестве 100 человек привлекались к строительству здания Полоцкого кадетского корпуса, а в 1914 г. в количестве 60 человек — к укладке в штабели бревен на пристанях по Двине, а заработок заключенных этого учреждения от сельскохозяйственных работ в начале второго десятилетия XX в. достигал 1 110 рублей в год [14, л. 163; 16, л. 99]. Важное значение для повышения производительности труда заключенных в исправительных арестантских отделениях имело развитие работ в тюремных мастерских. В Струнском исправительном отделении традиционно развивались работы по производству мебели, а также работы в швейных и сапожных мастерских, где изготавливалась одежда и обувь для заключенных, а также форменное обмундирование для служащих местных полицейских управ [16, л. 45; 17, л. 49]. Производимая в Струнском отделении продукция отличалась высоким качеством, о чем свидетельствовало награждение администрации отделения похвальным листом

«за качество предоставленных мебели, обуви и корзин» на выставке «Общества сельских хозяйств Витебской губернии» в 1913 г. [16, л. 343].

Развитие труда заключенных в исправительных арестантских отделениях Российской империи сопровождалось увеличением трудовой занятости осужденных. К концу первого десятилетия XX в. в тюрьмах Российской империи из 58 417 заключенных, «способных к работам», к труду было привлечено 24 963 человека, или 43 % от общей среднесуточной численности осужденных, а в исправительных арестантских отделениях из 25 160 заключенных к труду привлекалось 19 848 человек, или 80 % от общего количества осужденных, при условии, что в летнее время к труду привлекались все заключенные исправительных отделений [18, с. 122]. Более 80 % осужденных привлекалось к работам и в исправительных отделениях на белорусских землях, что обусловило рост заработанных ими денежных средств. Например, если в 1910 г. заключенными Струнской тюрьмы было заработано 2 703 рубля, то в 1912 г. осужденными Струнского исправительного отделения — 9 495 рублей, а в 1913 г. — 13 020 рублей, в то время как осужденными всех шести тюрем Витебской губернии в 1913 г. было заработано 38 998 рублей [16, С. 68].

Таким образом, создание в Российской империи системы исправительных арестантских отделений после тюремной реформы 1879 г. было обусловлено необходимостью совершенствования одного из основных направлений деятельности пенитенциарных учреждений — организации труда осужденных к лишению свободы. Для обеспечения функционирования этих учреждений их деятельность в конце XIX в. была регламентирована пенитенциарным законодательством, правовые нормы которого к началу XX в. обеспечили достаточно эффективное привлечение заключенных исправительных арестантских отделений к труду, что привело как на белорусских землях, так и в Российской империи в целом к значительному росту в этих учреждениях объемов осуществляемых осужденными работ, увеличению производительности труда заключенных, росту численности привлекаемых к труду осужденных и объему заработанных ими денежных средств.

1. О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора : мнение Гос. совета, 31 марта 1870 г., № 48206 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1874. Т. 45, отд. 1. С. 340–342. [Вернуться к статье](#)

2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 299. Оп. 2. Д. 10759. [Вернуться к статье](#)

3. Памятная книжка Виленской губернии на 1910 г. Вильна : Губерн. тип., 1910. 490 с. [Вернуться к статье](#)

4. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 106. [Вернуться к статье](#)
5. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1903 г. : в 15 т. СПб. : Гос. типография, 1903. Т. 14 : Уставы благочиния. 1356 с. [Вернуться к статье](#)
6. О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов : мнение Гос. совета, 6 янв. 1886 г., № 5447 // Полное собрание законов Рос. империи. Собр. 3 : в 33 т. СПб., 1888. Т. 6, отд. 1. С. 8–11. [Вернуться к статье](#)
7. Извлечение из отчета по Главному тюремному управлению за 1905 г. // Тюрем. вестн. 1907. № 2. С. 132–148. [Вернуться к статье](#)
8. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 г. // Тюрем. вестн. 1913. № 4. С. 8–50. [Вернуться к статье](#)
9. Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 г. // Тюрем. вестн. 1916. № 1. С. 1–121. [Вернуться к статье](#)
10. Отчет по Главному тюремному управлению за 1894 г. // Тюрем. вестн. 1896. № 10. С. 540–552. [Вернуться к статье](#)
11. Из отчета по Главному тюремному управлению за 1908 г. // Тюрем. вестн. 1910. № 2. С. 1–145. [Вернуться к статье](#)
12. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. М. : Изд. Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. 296 с. [Вернуться к статье](#)
13. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 293. [Вернуться к статье](#)
14. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 342. [Вернуться к статье](#)
15. Гогель С. К. Арестантский труд // Тюрем. вестн. 1913. № 2. С. 310–325. [Вернуться к статье](#)
16. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 294. [Вернуться к статье](#)
17. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 17. [Вернуться к статье](#)
18. Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. // Тюрем. вестн. 1911. № 4-5. С. 1–125. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.145

**ПРИСЯГА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)**

Ю. П. Шкаплеров

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
первый заместитель начальника института,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: shkaplerov@yandex.ru

***Аннотация.** Рассматривается история нормативного регулирования присяги в досудебном уголовно-процессуальном производстве на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в. Обозначаются специфические свойства данного уголовно-процессуального института, а также определенные проблемы его применения на практике.*

***Ключевые слова:** история права, уголовный процесс, досудебное производство, присяга.*

***Annotation.** The article reveals the history of normative regulation of oaths in pre-trial proceedings on Belarusian territory at the end of the XVIIIth – beginning of the XXth century. Specific features of this criminal procedure institute as well as certain problems of its practical application are pointed out.*

***Keywords:** history of law, criminal procedure, pre-trial proceedings, oath.*

Досудебное производство в уголовном процессе как в наши дни, так и в предшествующие периоды развития государства и права характеризовалось наличием детально регламентированных формализованных процедур. Основное предназначение последних состоит в возможности последующей проверки и верификации действий и решений участников уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь должностных лиц, осуществляющих производство по материалам и уголовному делу, а также иных участников уголовного процесса. Кроме того, в отдельных случаях соответствующие процедуры в уголовном процессе могут носить и ритуальный характер (например, правило об обязательности для участников судебного заседания встречать судей стоя). Истории отечественного уголовно-процессуального досудебного производства известен институт, для которого были характерны как ритуальный, так и проверочный характер, именуемый присягой. Данный институт в период Киевской Руси и Великого княжества Литовского применялся исключительно в суде и не был свойственен досудебному производству. Но после включения белорусских земель в состав Российской империи по результатам трех разделов Речи Посполитой здесь в полной мере начали действовать российские нормативные акты,

регламентирующие уголовно-процессуальные отношения [1, с. 69]. И именно российское законодательство периода империи регулировало применение присяги в досудебном производстве.

В первой половине XIX в. все актуальные положения действующих на то время нормативных актов России были объединены в Свод законов Российской империи (далее — Свод законов), который вступил в юридическую силу 1 января 1835 г. Ряд норм Свода законов регулировал процедуру принесения присяги на стадии предварительного следствия. Так, согласно ст. 230 книги 2 тома XV Свода законов, свидетель перед допросом должен был «присягнуть по своей вере», что считалось одним из элементов механизма обеспечения объективности и правильности получения показаний. Приносить присягу должны были все свидетели, однако от этого обряда освобождались: 1) лица из числа православного духовенства; 2) члены церкви «Евангелическое братство», прихожанами которой в основной массе являлись немцы; 3) члены секты духоборцев. Кроме того, «истец» и «ответчик» могли по договоренности между собой принять решение об освобождении свидетеля от присяги. В этом случае показания все равно имели такую же юридическую силу, как и показания, данные под присягой (ст. 233–234 книги 2 тома XV Свода законов). Свидетели присягали согласно канонам своего вероисповедания (ст. 235 книги 2 тома XV Свода законов). Обязательным условием для присяги было ее принесение в стенах церкви, кирки, синагоги, мечети и т. п. [2, с. 56] в присутствии следователя, обвиняемого и истца (при его наличии). При отсутствии поблизости храма свидетели присягали в домах следственных комиссий (ст. 236–237 книги 2 тома XV Свода законов). По факту принесения присяги следователь составлял присяжный лист, содержащий формулировку о том, что допрашиваемый будет «показывать сущую правду» [3, л. 11], после чего документ подписывали все присутствовавшие при этом лица [4, с. 78].

Следует отметить, что большая часть свидетелей во времена Свода законов неохотно принимала «на себя обязанность свидетельствовать под присягой», в связи с чем следователи сталкивались с большим количеством способов уклонения от нее [2, с. 52–53]. А порой граждане, например евреи Могилевской губернии, вообще не считали ложную присягу преступлением [5, с. 26–27]. Интересно, что, несмотря на прошедшие столетия, желания выступать в качестве свидетелей в уголовном процессе у людей больше не стало.

9 ноября 1882 г. указом императора Александра II на белорусские территории было распространено действие Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее — УУС) [6, с. 133–134]. Названный нормативный акт сохранил институт присяги на допросе, в определенной мере трансформировав его. В частности, по общему правилу, свидетель на

предварительном следствии допрашивался без присяги, т. к. предполагалось, что он присягнет, давая показания в суде (ст. 443 УУС). Вместе с тем судебный следователь в виде исключения приводил данного участника уголовного процесса к присяге, когда: 1) тот должен был отправиться «в дальний путь и возвращение его может замедлиться»; 2) его жизнь в связи с тяжелым заболеванием находилась под угрозой; 3) он проживал в отдаленной местности, «что ему без особенного затруднения явиться в суд [было] невозможно» (ст. 442 УУС).

Правила приведения к присяге свидетелей на предварительном следствии и в суде, согласно УУС, были идентичны (ст. 444, 704–709, 712–717 УУС) и во многом схожи с процедурой принесения присяги, в соответствии с положениями Свода законов (ст. 233–237 книги 2 тома XV Свода законов), в том числе определявшими перечень лиц, не допускаемых к присяге и регламентировавших порядок ее принесения.

Необходимо отметить, что УУС и другие действовавшие на тот период нормативные акты не устанавливали для свидетеля ответственности за отказ от принесения присяги и от дачи показаний, на что в том числе обращал внимание Сенат [7, с. 521–522]. Интересным является тот факт, что с введением в силу УУС в некоторых местностях возникали проблемы с явкой священнослужителей к следователям для приведения к присяге участников уголовного процесса. В связи с этим 20 января 1878 г. Святейший правительствующий синод в своем определении, опубликованном в «Церковном Вестнике», предписал всем священникам не «уклоняться от явки в камеры судебных следователей по требованию последних о приводе свидетелей к присяге» [7, с. 537].

После Октябрьской революции 1917 г. институт присяги исчезает из нормативных актов, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, в том числе — из УПК БССР и РСФСР. Данное обстоятельство объясняется, помимо прочего, тем, что новые власти придерживались атеистических взглядов, в связи с чем в советском досудебном производстве уже не было места для присяги, даваемой в религиозном учреждении. Кроме того, приведенные примеры скептического отношения к данному институту не только немалой части рядовых граждан, но и священнослужителей свидетельствуют о том, что в контексте развития общественных отношений на рубеже XIX–XX вв. присяга в силу объективных обстоятельств со временем все равно бы утратила свое значение в уголовно-процессуальной сфере.

1. Шкаплеров Ю.П. Прекращение действия норм Статута Великого княжества Литовского 1588 г., регламентировавших досудебное производство в уголовно-процессуальной деятельности на белорусских землях // Юстиция Беларуси. 2022. № 2. С. 66–69. [Вернуться к статье](#)
2. Оболенский И. И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов : в 2 ч. М. : Тип. Александра Семена, 1855. Ч. 2. Формальное следствие. 116 [III] с. [Вернуться к статье](#)
3. НИАБ. Ф. 76. Оп. 2 Д. 4. [Вернуться к статье](#)
4. Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. Карла Краля, 1852. 311 с. [Вернуться к статье](#)
5. Бразоль Б. Л. Очерки по следственной части: История. Практика. Петроград : Гос. Тип., 1916. 215 с. [Вернуться к статье](#)
6. Дзяржаўнае кіраванне і грамадскае самакіраванне на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) : вучэб.-метадычны дапаможнік / А. П. Жытко [і інш.] ; пад агул. рэдакцыяй А. П. Жытко. Мінск : БДПУ, 2017. 320 с. [Вернуться к статье](#)
7. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах ; доп. В. П. Ширковым, : в 2 ч. 7-е изд. (посмертное). Петроград : тип. М. Меркушева, 1915. Ч. 2. 842 с. [Вернуться к статье](#)

[Вернуться к началу издания](#)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 7

<i>Вершок И. Л.</i> Проблемы использования структурно-функционального анализа при изучении правовых феноменов	7
<i>Глинда А. И.</i> Вопросы понимания предмета и метода института юридической ответственности.....	13
<i>Демидова И. А.</i> Менталитет белорусов как фактор правовой культуры общества: историческая проекция	18
<i>Дроздова А. М.</i> О некоторых аспектах формирования здорового правосознания обучающихся	24
<i>Ефременко Е. М.</i> О значении принципов частного права для формирования профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел	30
<i>Зубрик Д. А.</i> Значение термина «презумпция знания» в юридической конструкции «презумпция знания закона».....	34
<i>Иванцова Ю. Г.</i> Модификация моральных норм под воздействием информационно-коммуникационных технологий.....	38
<i>Климченя В. С.</i> Общественный порядок и общественная безопасность: элементы взаимосвязи и признаки различия понятий.....	43
<i>Кожевников И. И.</i> Употребление юридической терминологии в контексте охраны общественных отношений, обеспечивающих свободу совести и вероисповеданий в Российской Федерации и Республике Беларусь.....	50
<i>Комлев Ю. Ю.</i> Цифровое гражданство и цифровое гражданское общество: спрос на цифровые компетенции в VUCA-мире.....	54
<i>Кордобовская К. Е.</i> Правовая культура общества в условиях становления советского государства: детерминанты формирования и отличительные черты.....	61
<i>Кудряшова Е. Н.</i> Договор нормативного содержания: вопросы правотворческой техники	67
<i>Кукеев А. К.</i> Принцип правовой определенности как составляющая юридических норм	72
<i>Лапова Е. С.</i> Средства массовой информации как субъект формирования образа сотрудника органов внутренних дел в контексте эволюции российского государства	76
<i>Лобач Д. В., Смирнова Е. А.</i> Перерождение правосознания в условиях распространения криминальной субкультуры в России	83

<i>Меняйло Л. Н., Меняйло Д. В.</i> Профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел в единстве нравственной и правовой составляющей	88
<i>Орлов К. А.</i> Предмет и метод правового регулирования как критерии дифференциации системы права	92
<i>Ряснянская Н. А.</i> Теоретические аспекты оценивания критериального инструментария уровня правосознания современного общества	98
Сильченко Н. В. Правовое сознание в системе форм позитивного права.....	104
<i>Стабровский Е. И.</i> Классификация правового сознания: современные теоретико-правовые подходы	112
<i>Толочко О. Н.</i> Развитие правовой культуры и законодательства в эпоху цифровой трансформации общественных отношений	118
<i>Фионов А. Н.</i> Правовая культура: синергетический аспект.....	123
<i>Шаркова Е. А.</i> Криминологический взгляд на угрозы национальной безопасности и гибридные войны	128
<i>Шариун В. А.</i> Обеспечение доступности правовой информации как фактор формирования правовой культуры граждан.....	132
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ	138
<i>Авдеев Д. А.</i> К вопросу о понятии «обман» в гражданском праве Республики Беларусь	138
<i>Амельченя Ю. А.</i> Некоторые аспекты контракта жизненного цикла.....	143
<i>Бакиновская О. А.</i> Специальный инвестиционный контракт как возможная форма осуществления инвестиций	149
<i>Бельский В. С., Вишневская Т. И.</i> Понятие предупреждения преступности.....	155
<i>Бойко А. Н.</i> Электронное наблюдение в контексте международного сотрудничества в борьбе с преступностью.....	161
<i>Бородулькина Е. С.</i> Взаимосвязь уголовного и административно-деликтного права: актуальная тенденция или недопустимое размывание отраслевых границ?.....	167
<i>Вержанский Е. А.</i> Соотношение экстремизма и терроризма	172
<i>Вишневская Т. И.</i> Эффективность осуществления мер юридической ответственности в отношении пожилых лиц	177
<i>Воспякова О. Ф.</i> Множественность преступлений: новации в законодательстве	184

<i>Вульвач Р. С.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве: особенности назначения наказания.....	189
<i>Данькова И. В.</i> Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних: сущность и основные направления.....	195
<i>Данькова И. В., Беринчик В. В.</i> Основные этапы, составляющие процедуру усыновления ребенка.....	200
<i>Деминская А. А.</i> Общественные работы как вид административного взыскания	205
<i>Дрозд А. Н.</i> Уголовная ответственность за производство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.....	210
<i>Дудко М. О.</i> Признаки персональных данных.....	215
<i>Дыжова А. А., Блинников А. С.</i> Теоретический аспект инвестиционной деятельности в Республике Беларусь.....	221
<i>Дюко Р. А.</i> Проблемы правовой регламентации изготовления (переработки) наркотиков	227
<i>Ковалёва Т. В.</i> Отсутствие на работе в связи с отбыванием административного ареста	232
<i>Колотилкин Ю. А.</i> Система правовых гарантий законодательства Республики Беларусь, направленных на противодействие насилию в семье.....	237
<i>Липская С. А.</i> Показания: перспективы применения искусственного интеллекта	242
<i>Лосев С. С.</i> О необходимости развития института принудительных лицензий в патентном праве Беларуси.....	247
<i>Мельникова О. Е.</i> История развития института служебных объектов патентного права	253
<i>Муравьёв И. В.</i> Субъекты ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности	259
<i>Новицкая М. В., Кузьма И. Г.</i> Методы обеспечения дисциплины труда.....	264
<i>Павлова Л. В.</i> Актуальные вопросы реализации норм Уголовного кодекса Республики Беларусь в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 168)	271
<i>Пушко Н. В.</i> Сравнительный анализ понятий «банкротство» и «преднамеренное банкротство» по законодательству Республики Беларусь.....	278
<i>Пушко Н. В., Власенко Е. Ф.</i> Уголовная ответственность за преступные нарушения требований охраны труда.....	285

<i>Саковец И. Н.</i> Генезис научных представлений о расследовании нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими	291
<i>Свиридов Д. А.</i> Особенности производства осмотра компьютерной информации по делам о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии).....	297
<i>Скобелев В. П.</i> Одновременное апелляционное обжалование (опротестование) нескольких судебных постановлений: допускает ли ГПК?	302
<i>Скоробогатый А. В.</i> Характерные черты торговли людьми и смежных преступлений	308
<i>Сухопаров В. П.</i> Субъекты информационных правоотношений в сети Интернет.....	314
<i>Ткачева Д. В.</i> Теоретические аспекты исследования понятия административного процесса	320
<i>Шастайло Е. А.</i> Правовая оценка провокации преступления в Федеративной Республике Германия	326
<i>Шнейдерова Д. И.</i> Тактические особенности получения объяснений от заявителя по материалам проверки о хищениях в сфере оборота криптовалют.....	331
<i>Ястреб Д. С., Анюховская Н. В.</i> К вопросу о свидетельском иммунитете адвоката в уголовном процессе.....	337
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ.....	341
<i>Антонова Е. Ю.</i> Защита от дискриминации правовыми средствами воздействия	341
<i>Архипцев И. Н., Сарычев А. В.</i> Искусственный интеллект и уголовное право	346
<i>Головко И. И.</i> Значение злоупотребления правом и добросовестности сторон правоотношений в прокурорской деятельности	352
<i>Грушин Ф. В., Чорный В. Н.</i> Отдельные аспекты условно-досрочного освобождения в Российской Федерации.....	358
<i>Иванченко Е. А.</i> Исполнение судебных решений как необходимый элемент реализации права на судебную защиту	363
<i>Корнеев С. А.</i> Актуальные аспекты реализации норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности.....	369
<i>Лифанова Л. Г.</i> Участие в доказывании лиц, имеющих собственный или представляемый интерес	374

<i>Лукьянова А. А.</i> О гармонизации уголовно-процессуального права России и Беларуси в реализации международных стандартов: уважение чести и достоинства личности	378
<i>Меняйло Д. В., Барсова Е. Р.</i> Этнический менталитет в контексте обеспечения национальной безопасности	385
<i>Нуждин А. А.</i> Реализация принципа законности в процессе расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений	390
<i>Сидорова Н. В., Бубаева Г. Т.</i> Модернизация судебной власти в Казахстане	394
<i>Трефилов А. А.</i> Проблема дуализма дознания и предварительного следствия в уголовном процессе Швейцарии	400
<i>Федченко В. М.</i> Некоторые правовые аспекты осуществления частного обвинения по законодательству Украины	406
ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	411
<i>Андрианова А. С.</i> Синергетический подход в организации процесса обучения курсантов	411
<i>Андросова В. В.</i> К вопросу о психологической подготовке будущих сотрудников ОВД Республики Беларусь	416
<i>Балакирева Л. М.</i> К вопросу о способах и средствах формирования правовой культуры личности	421
<i>Горошко Е. Ю., Максименя Ю. А.</i> «Crime-знайка» как инструмент формирования правовой культуры несовершеннолетних	426
<i>Демичев Д. М.</i> Правовая культура и правовое воспитание: теоретические аспекты	432
<i>Дыжова А. А.</i> Взаимосвязь жизненных приоритетов молодежи и рисков интернет-зависимости	439
<i>Ермолаев А. В.</i> Профессиональное образование как условие формирования и повышения правовой культуры сотрудников органов внутренних дел	444
<i>Казакова Т. А.</i> Повышение уровня правовой культуры курсантов вузов ФСИН России	449
<i>Кастирович-Шумак А. А.</i> Роль национального центра правовой информации в формировании правовой культуры общества	454
<i>Лемешевский О. О., Белькевич Д. С.</i> Правовая культура и молодежь на современном этапе	459

<i>Лесовая Н. Н.</i> Практико-ориентированные подходы в подготовке специалистов для оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	463
<i>Лихачева С. Н.</i> Пути сокращения девиантного поведения в подростковой среде	467
<i>Мамонько М. М.</i> Направления правового воспитания осужденных к лишению свободы	471
<i>Минзянова Д. Ф.</i> Влияние морали и правовой культуры на реализацию правовых норм сотрудниками органов внутренних дел	475
<i>Рябцева Л. А.</i> Методика формирования профессионально-коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел.....	480
<i>Скорород И. Г.</i> Юридическое образование на расстоянии — продукт нормативистской методологии	486
<i>Хуторова М. Н.</i> Применение принципа мотивации для активизации процесса обучения.....	490
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	495
<i>Бойко О. А.</i> Становление и развитие наследственных правоотношений в Республике Беларусь.....	495
<i>Денисенко Н. В.</i> Препятствия к заключению брака по законодательству Российской империи XIX – начала XX в.	502
<i>Жамулдинов В. Н.</i> Историко-правовые аспекты правовой культуры и пути ее повышения.....	508
<i>Лянецвіч В. М., Пішч М. М.</i> Нацыянальная ідэя як падмурак дзяржаўнай ідэалогіі Рэспублікі Беларусь.....	513
<i>Пушкін І. А.</i> Неправамерныя дзеянні пасадавых асоб Савецкай Беларусі ў 1970–1980-я гг.....	519
<i>Рекун Л. Т.</i> Деятельность верховного совета Белорусской ССР по восстановлению народного хозяйства в 1943–1945 годах.....	525
<i>Чайкин С. Н.</i> Правовое регулирование отбывания наказания в исправительных арестантских отделениях на белорусских землях в начале XX в.	531
<i>Шкаплеров Ю. П.</i> Присяга в досудебном уголовно-процессуальном производстве на белорусских землях (конец XVIII – начало XX в.).....	537

[Вернуться к началу издания](#)